Артем Драбкин

На войне как на войне. «Я помню»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Десантники и морпехи, разведчики и артиллеристы, летчики-истребители, пехотинцы, саперы, зенитчики, штрафники – герои этой книги прошли через самые страшные бои в человеческой истории и сотни раз смотрели в лицо смерти, от их безыскусных рассказов о войне – мороз по коже и комок в горле, будь то свидетельство участника боев в Синявинских болотах, после которых от его полка осталось в живых 7 человек, исповедь окруженцев и партизан, на себе испытавших чудовищный голод, доводивший людей до людоедства, откровения фронтовых разведчиков, которых за глаза называли «смертниками», или воспоминания командира штрафной роты…

Пройдя через ужасы самой кровавой войны в истории, герои этой книги расскажут вам всю правду о Великой Отечественной – подлинную, «окопную», без цензуры, умолчаний и прикрас. НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ!

- Артем Драбкин
  -
  - Корякин Юрий Иванович
  - Гольбрайх Ефим Абелевич
  - Войцехович Владимир Викторович
  - Садединов Решат Зевадинович
  - Окишев Евгений Федорович
  - Соловьев Александр Иванович
  - Данич Семен Антонович
  - Дементьев Николай Иванович
  - Андреева Александра Федоровна
  - Долматов Владимир Адольфович
  - Осипов Владимир Сергеевич
  - Чепик Василий Прокофьевич
  - Гершман Матвей Львович
  - Лихтерман Матвей Цодикович
  - Байтман Михаил Ильич
  - Андриевский Сигизмунд Болеславович
  - Логачев Владимир Герасимович
  - Новиков Юрий Николаевич
  - Жидков Ростислав Иванович
  - Хоняк Анатолий Семенович
  - Бондаренко Степан Григорьевич
  - Окунь Леонид Исаакович

Артем Драбкин
На войне как на войне. «Я помню»

© Драбкин А., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Корякин Юрий Иванович

Меня призвали в октябре 1941-го из 10-го класса в дни всеобщего московского разорения, грабежа и паники. Призвали, несмотря на то что мне только исполнилось семнадцать. Видимо, чтобы не оставлять немцам потенциального солдата. Примерно

неделю я шел пешком в составе команды, сформированной в военкомате, до Ильино-Зорино, что в Горьковской области. Там находились огромные формировочные лагеря. Нас поселили в полуземлянке на 300–400 человек. Меня направили на курсы младших командиров. Ходили рыть какие-то окопы. Из нас готовили командиров отделений, а это была верная смерть. В этот лагерь регулярно приезжали представители других родов войск, которые отбирали и увозили подходящих по образованию людей. Мои неоконченные 10 классов считались, по тем временам, очень высоким образованием, так что я был востребован. Сначала меня привезли в гвардейскую минометную часть. Там меня забраковали и отправили назад, потому что я сказал, что отец у меня арестован. Потом я поехал еще в одну часть. Я опять сказал об аресте отца, я был честным человеком, а надо было врать, что я и сделал в третий раз, когда приехали набирать людей в связисты. Я решил: «Что говорить? Скажу, что отец в эвакуации. Кто будет разбираться?» Так и произошло. В феврале 1942-го я, наконец, попал на фронт, окончив, правда, перед этим Горьковскую школу радистов. Мне опять повезло: я попал связистом в Заполярье на Кандалакшское направление в 77-ю Отдельную стрелковую морскую бригаду. Соответственно, наша часть состояла из матросов. Отличались они тем, что на одно нормальное русское слово у них приходилось пять матерных. Я и сам мог, но чтобы такая обильная, бытовая, естественная матерщина слетала с языка – для меня это было удивительно. Кроме этого, они всегда расстегивали ворот, чтобы была видна тельняшка, ну и наколки – не блатные, а патриотические: профиль Сталина или бескозырка. Против нас стояли не финны, а немцы, дивизия SS «Nord», здоровые, крепкие, хорошо обмундированные парни. Летом 1941 г. они прошли от границы примерно 150 километров, но в 70 км от Кандалакши были остановлены, и с осени 1941 г. до лета никаких активных боевых действий на нашем участке фронта не велось. Линия фронта была стабильна почти два с половиной года, мы даже окопы отрыли, хотя долбить мерзлоту можно было только кайлом или ломом. Фланги же были свободны – озера, болота. Ты видел кино «А зори здесь тихие»? Хорошая картина. Ну вот, там такая же местность. Безлюдье. Учитывая оголенность флангов и нашу любовь воевать зимой, как только становились болота и озера, начинались различные поисково-диверсионные операции за линией фронта. Собиралось 2–3 взвода, то есть 60–90 человек, я с радиостанцией, и мы ходили по немецким тылам. Ходили на лыжах, иногда с нами были олени, которых использовали для перевозки боеприпасов и раненых, собак никогда не брали – они

лают, заразы. Причем мы ходили довольно далеко, к самому Рованниеми (примерно 200–250 км. – *Прим. Артема Драбкина*), и в такие дни, когда никакой немец воевать не будет. Ну, например, Новый год в 43-м и 44-м я встречал за линией фронта. Выходили числа 20 декабря, чтобы к Рождеству быть глубоко в тылу. Какой немец будет в Рождество воевать? А русские будут. Вот оно – русское коварство! Нападали на немецкие гарнизоны или опорные пункты, минировали дороги. Всегда соизмеряли свои силы, поэтому часто бывали срывы, разведданные редко бывали достоверными: оказывалось, что опорный пункт совсем не такой простенький, как докладывала разведка, или гарнизон не пятьдесят, а двести человек. Это были очень трудные походы: и холодно, и боязно, и тяжело. Попробуй почти три недели прожить на морозе 20–30 градусов! То-то! Хотя мы были довольно хорошо одеты: валенки, стеганые штаны, маскхалат, тулуп, а под ним еще и телогрейка, гимнастерка, теплое байковое белье, потом обыкновенное полотняное. Водку давали и кормили – 100 граммов хлеба в сутки на человека. Тушенка была американская. Вкусная зараза! Большая банка – в ней свиной жир, который можно было намазывать на хлеб, а в середине – кусок мяса с кулак. В общем, голодными не были… сало, сухари. Даже коптилки были, так называемые жми-дави. Это такая баночка, типа консервной, в которой находился разведенный в спирту стеарин. Если зажечь эту смесь, она горит бесцветным пламенем. Можно было подогреть еду или вскипятить воду. Но чего спирт жечь-то – его пить надо! Поэтому вываливали в тряпочку и отжимали – граммов 50 спирта получалось, а поскольку баночек давали несколько, то выпить можно было вполне прилично, хотя и противно, конечно, а оставшийся воск тоже горит. Из оружия в эти рейды мы брали автоматы и гранаты, иногда один или два «дягтерева». В 1942 году у нас еще винтовки были – это, конечно, бандура неудобная, а потом нам «ППШ» дали. Никаких забросок или помощи с Большой земли не было. В основном все тащили на себе: автомат, вещмешок, радиостанцию. Радиостанция у нас была американская V-100, с приемо-передающей частью, как телевизор среднего размера. На прием она работала от батареи BAS-80, которая давала 80 V, а для передачи ей требовалась дополнительная энергия, поэтому к ней прилагался так называемый «солдат-мотор»: складной треножник с педалями, которые надо было крутить руками. Она была более мощная, чем наши, а поскольку мы уходили далеко, то брали ее. В эфир мы редко выходили: боялись, что запеленгуют. Вообще, судьба радиста была довольно странной: все время ты сам по себе. Начальство радистов гнало к чертовой матери из страха быть

запеленгованными и накрытыми вражеской артиллерией, и в то же время без нас нельзя было обойтись, поэтому все время мы где-то в стороне находились, в какой-нибудь землянке, в яме, в воронке; залезешь и там сидишь, чтобы быть все время на связи, но в эфир высовываешься только в крайнем случае. Сообщения нам приносили уже в виде колонок пятизначных цифр, так что их содержания я, конечно, не знал.

Зима 1943/44 года мне больше всего запомнилась. Это была наша самая кровопролитная операция. Нас было человек 80–90, а потеряли мы 30–40, то есть на каждого приходился один раненый или убитый. Тогда же произошел трагический случай. В нашей части служили два родных брата, и во время боя за блиндаж туда прорвался один из братьев, а второй, не заметив этого (ночью ж это было), кинул туда гранату и убил его. Он потом так горевал, так горевал… хотел застрелиться. Как раз был приказ Сталина – убитых, а тем более раненых, не оставлять, тащить обратно. Тащили на волокушах – фанерной лодочке с веревкой. Я тащил раненого матроса. В общем, не тяжело, но это же не один десяток километров, да к тому же у меня рация, автомат, ну, вещмешок я клал ему в ноги… да и не шоссе – сто раз я его на всяких горках перекувыркивал и опять клал. Этот матрос, я так и не знаю, как его звали, был ранен в грудь, и хотя я его перевязал, но кровь все равно текла. Что я мог сделать? Медсестру мы не брали. Время от времени, приходя в сознание, он просил: «Браток, пристрели, пристрели, браток…» Я его, правда, дотащил, но он тут же умер. В довершение всего при подходе к линии фронта надо было связаться со штабом. Командир, майор Карасев, суровый мужик, приказал развернуть радиостанцию, и мой напарник батарею 80 V засандалил на накал, где 2,5 V! Разумеется, лампы сгорели, так что на передачу она работала, но принимать мы уже не могли. Командир кричит: «Застрелю, сволочи!» Он нас, конечно, не застрелил, но наград мы не получили. А в другой раз, по возвращении, мы остановили хлебовозку, голодные были. Потом на всех завели уголовное дело, хотя его и удалось замять, мы опять остались без наград. Вообще, мне не везло с наградами. В 45-м спас своего командира взвода, который тонул на переправе, а за спасение командира полагалось награждение – снова не дали. У меня, конечно, есть орден Красной Звезды, медаль «За отвагу» но наград немного… Правда, солдату много и не положено было.

Приводили пленных. Много старались не брать: с ними хлопот не оберешься. Желательно, конечно, офицеров, от солдата как от языка толку мало. Пленные шли с нами на лыжах и даже тащили раненых. Лыжи у немцев были более удобные. У нас –

валенки и мягкие ременные крепления, а у них были «персы», то есть теплые ботики с загнутым носом, который вдевался под скобу на лыжах. Когда мы приходили, к нам присылали аэросани или собачьи упряжки, которые увозили пленных на допросы, а раненых – в госпиталь. Усталость была безмерная, чудовищная усталость, чудовищная… Но нам везло: не мы одни ходили. Я слышал, что попадали и в засады, и к финнам, а финны были злобные. Так что от судьбы я получил такой подарок, который никто никогда мне не делал и уже больше не сделает, – ЖИВ. А мог умереть, и не раз.

Летом все замирало: ни мы, ни немцы не воевали. Наша радиостанция была на самой вершине сопки, где-то метрах в трехстах от передовой, замаскированная среди нескольких растущих там деревьев. Ну, а месяц июль, жарко, мы разделись и загорали. Вдруг, откуда ни возьмись, Fokker-Wolf! Как пальнул очередью по нам, круг сделал и еще, начал гоняться за нами. Он летел низко, метров 10–15, видно было, как летчик ржет, а мы, без оружия, совсем голые, мечемся по зеленой лужайке. Не попал, но было очень страшно. Но вообще-то скучно было. Многие просились на другие участки фронта, но обычно это ничем не заканчивалось: «Сиди. Тут тоже война. Родина требует быть там, где тебе сказали». Доставали постоянные пожары, так как обе стороны кидали зажигательные бомбы, чтобы спалить леса. Поскольку войны не было, то солдат заставляли что-нибудь делать. В частности, собирали для госпиталей ягоды: морошку, клюкву, чернику, смородину. Норма – котелок в сутки сдать на кухню. Ну, и обустраивались: лесопилку сделали, землянки отрыли, клуб на двести человек построили. Там выступали артисты и показывали кино. Какие-то соревнования спортивные устраивали. Иногда приезжал магазин, где на те гроши, которые нам платили, можно было купить зубной порошок, одеколон, конверты для писем. Были и романы с девчонками-связистками, цензоршами из полевой почты. Туда набирали наиболее симпатичных и грамотных.

Корякин Ю.Д. у рации

В 1944 году, когда стало готовиться наступление, начали прибывать новые, прежде всего артиллерийские, части, необходимые для взламывания построенной за прошедшие два с половиной года обороны противника. Тогда я впервые увидел «катюши», но больше удивляли «андрюши» своими снарядами, по форме напоминающими головастика, которые были упакованы в деревянные коробки, так что их можно было катить. А тогда вышел приказ, что все, что движется за линией фронта, должно быть уничтожено, вплоть до собак. Дело происходило летом, заметили разведчики, что в озере купаются и загорают голые девки, видимо, бордель к эсэсовцам приехал (откуда еще в этой глуши девкам взяться?), ну, и накрыли их залпом «катюш». Сейчас я думаю, что это варварство, а тогда это было в порядке вещей – похохотали и всё. Мы все были так настроены. Везде висели плакаты, изображавшие человека, который смотрит прямо в тебя и говорит: «Ты убил немца?» Или сидит такой славянский тип и держит на ладоне три гильзы, а внизу стишок: «Ну как же не гордиться: три пули и три фрица!» Такая была атмосфера, но ведь у нас не было солдата, который не пострадал бы от войны, не имел родственников, погибших или в оккупации.

Летом 1944-го началось наступление, и мы дошли почти до Рованниеми. Мы были не в первой цепочке, а тащились с рациями за пехотой метрах в 200–300. То есть если и погибнешь, то только

дуриком – в тебя же не целились. Как раз в это время мы, радисты, были очень нужны, поскольку при отсутствии проводной связи все взаимодействие войск шло через рацию. Кроме того, я получил повышение по службе, стал старшиной и начальником радиостанции, у меня в подчинении было два человека.

В декабре 1944-го весь наш полк перебросили в Вологду на отдых, перевооружение и пополнение. Мы получили новые радиостанции. Я за водку сменял свой «ППШ» на «ППД» с откидывающимся ложем; вело его, правда, в сторону, но зато он легкий и с рожковым магазином. Нам полагалось 75 граммов спирта в день на человека, но поскольку мы были на радиостанции в стороне, то нам его давали сразу на 10 дней – 750 граммов, прилично можно было надраться. На основе этого была торговля: я старшине дал флягу со спиртом, а он мне заменил автомат. Вот такой бартер. Сапожки получить или шинель канадского голубого сукна (очень ценилась, поскольку, в отличие от наших, была чистошерстяной)… Много в армии существует соблазнов, а за них так или иначе нужно платить.

А потом началась вторая часть моей войны. В январе нас перебросили на западное направление. В эшелоне по дороге в Польшу нас инструктировали, как себя вести с местным населением. Говорили, что поляки дружественный славянский народ, воевавший против фашистов. Просили, чтобы высоко держали честь Красной Армии. Обещали наказывать в случае нарушения дисциплины. Правда, со мной произошел такой случай. Сижу я у себя в кунге, вожусь с радиостанцией. Вдруг стук в дверь. Я открываю, на пороге стоит старый поляк и что-то быстро говорит по-польски, хватает меня за рукав и тянет за собой. Я только понял, что что-то случилось с его дочерью. Приходим к нему в дом, что был поблизости, и я вижу, как какой-то танкист пытается изнасиловать девушку, видимо, дочь этого поляка. Я его оттащил, а он пьян в дым. Капитан, с орденами через всю грудь. Слава богу, он пришел в себя. Говорит: «Старшина, пойдем к тебе выпьем». Пошли. Он достает флягу. Налили. Я выпил и у меня глаза на лоб – бензин! Я ему: «Ты чего налил?!» Он: «Да ты пей – это спирт. Понимаешь, ехали мимо спиртзавода, а спирт налить не во что. У нас один бак почти пустой был, так – чуть-чуть солярки на донышке, ну вот туда и налили».

Перед переходом границы с Германией в районе Бромберга (Bydgoszcz) политрук роты пришел на собрание и сообщил следующее: «Мы вступаем на территорию Германии. Мы знаем, что немцы принесли неисчислимые беды на нашу землю, поэтому мы вступаем на их территорию, чтобы наказать немцев. Я вас

прошу не вступать в контакты с местным населением, чтобы у вас не было неприятностей, и не ходить по одному. Ну, а что касается женского вопроса, то вы можете обращаться с немками достаточно свободно, но чтобы это не выглядело организованно. Пошли 1–2 человека, сделали что надо (он так и сказал: «что надо»), вернулись, и всё. Всякое беспричинное нанесение ущерба немцам и немкам недопустимы и будут наказываться». По этому разговору мы чувствовали, что он и сам не знает точно, каких норм поведения следует придерживаться. Конечно, мы все находились под влиянием пропаганды, не различавшей в то время немцев и гитлеровцев. Отношение к немкам (мужчин немцев мы почти не видели) было свободное, даже, скорее, мстительное. Я знаю массу случаев, когда немок насиловали, но не убивали. В нашем полку старшина хозроты завел чуть ли не целый гарем. Он имел продовольственные возможности. Вот у него и жили немки, которыми он пользовался, ну и других угощал. Пару раз, заходя в дома, я видел убитых стариков. Один раз, зайдя в дом, на кровати мы увидели, что под одеялом кто-то лежит. Откинув одеяло я увидел немку со штыком в груди. Что произошло? Я не знаю. Мы ушли и не интересовались. Но картина кардинально изменилась после Победы, когда 12–14 мая на развороте газеты «Правда» была опубликована статья академика Александрова «Илья Эренбург упрощает». Вот там было провозглашено, что есть немцы, а есть гитлеровцы. Это было время перемен, когда началось мирное строительство. Тогда начали закручивать гайки, наказывать практически за любой проступок. Уже на острове Борнхольм один сержант снял с датчанина часы – просто отнял, и срезал кожу со спортивных снарядов в школе на сапоги. Так вот его приговорили к расстрелу, но Рокоссовский приговор не утвердил.

Был еще и такой случай, когда солдат или сержант поцеловал или обнял датчанку, а это видел какой-то датчанин, который позвонил в комендатуру, и этого солдата тут же арестовали и хотели отдать под трибунал якобы за изнасилование. Но когда эта девчонка узнала, что парня хотят отдать под суд, то она сама прибежала в комендатуру и сказала, что парень совершенно не намеревался ее насиловать. Правда, когда в 1995-м году нас датское правительство пригласило на Борнхольм на празднование 50-летия Победы, нам сказали, что после ухода наших войск в 1946 году там было около сотни внебрачных детей. По-видимому, это относилось к нашим офицерам, в отличие от солдат жившим свободно на частных квартирах. Мы высадились в Восточной Польше, в городе Острув-Мазовецкий и попали в состав 1-го Белорусского фронта под командованием

Рокоссовского. Но как только мы приехали, фронт разделился: Рокоссовский был назначен командиром 2-го Белорусского, а командовать 1-м Белорусским стал Жуков. Нас перевели в подчинение 2-го Белорусского фронта. Догнали фронт уже в Померании. «…Разница между Карелией и Польшей была огромная. Безлюдье, валуны, леса и болота сменились дымящимися развалинами, воронками от бомб, городами с горящими улицами, там и сям лежащими трупами, красивыми, добротными домами, черепичными крышами ухоженных усадеб и кирх и невиданными для нас отличными автобанами… Ко всему прочему, мы из морозной, заснеженной Вологды внезапно попали в раннюю весну, яркое солнце. На этом фоне наши полушубки, шапки-ушанки и валенки выглядели нелепо, пугали местных немцев, вызывая смех и издевки солдат из других частей…

Померания – это житница, самая сельскохозяйственная часть Германии, там было много картошки, а еще больше спирта… Бежит посыльный, машет мне рукой, кричит: «Старшина, к командиру роты!» Бегу. Ротный, застегивая планшет, прерывает мой доклад: «Видишь знак? От него дорога к группе домов, узрел? Развернешь свою рацию там и быстро вертайся. Штаб, – кивнул в сторону дома, – разместится тут. Усек?» Через несколько минут с напарником Димкой уже подходим к дорожному знаку с надписью «Аикфир».

Подходим к крайнему дому деревни. Оглядываемся. В деревне, кажется, ни души. Дом добротный, двухэтажный, с мансардой. Рядом растет большое дерево, до которого можно дотянуться, стоя на крыше. Если влезть выше на дерево, закрепить там антенну и спустить ее в мансардную комнату, будет в самый раз, надежная связь.

Но надо в дом. Три года фронта научили быть осторожным. С автоматом наготове, след в след (благо валенки мокрые) поднимаемся на крыльцо, привязываем веревку к ручке, отойдя назад, укрывшись за дерево, дергаем. Дверь с шумом распахивается. Уже смелее заглядываем внутрь: небольшая прихожая, пусто, слева дверь. Снова дергаем ручку. И уже, топоча намокшими валенками с прилипшим к подошве песком и землей, появляемся на пороге во всей своей заполярной красе с автоматами наперевес. До конца жизни не забыть мне дикий, пронзительный вскрик невысокой девчушки лет 15–16, метнувшейся со вскинутыми руками навстречу из-за стола, стоявшего посредине большой, богато обставленной комнаты.

Мгновение, и она колотит меня кулаками в грудь по меховым отворотам засаленного полушубка, повторяя: «Их бин кранк! Их бин сифились!» Схватив девчонку за руку и отстраняя ее,

оборачиваюсь к Димке: «Чёй-то она, а? Понял?» Димка осклабился: «А то нет». Да я и сам все понял, скорее сдуру спрашивал. Держа рыдающую взахлеб девочку за руку, размышляю: «На дьявола она мне со своими соплями, нам же наверх надо, в мансарду? Отпустишь – черт знает, что натворит». Говорить с ней – ни я, ни Димка по-немецки ни бум-бум. Врезать ей, чтобы не путалась под ногами, рука не поднимается: девчонка же, дура. В растерянности оглядываюсь, ища лестницу. Ее не видать. Димка опережает: «Дверь!» Она у меня за спиной, рядом с той, через которую мы заявились. Делаю шаг к ней; девчонка вырывается, опережая меня, прижимается спиной к двери и снова в отчаянии кричит: «Нихт, нихт». И опять за свое: «Их бин…» Это уже мне кажется подозрительным. Отшвыриваю девчонку, кричу Димке: «Держи ее!» – и с автоматом на изготовку ударом ноги распахиваю дверь, заметив, что она открывается внутрь. Из полумрака чулана с маленьким оконцем раздаются стенания, причитания и детский плач. Заглядываю. Мать честная! На скамейке и на полу сидят несколько человек. Приглядываюсь: старик, три женщины и четверо детей. Все голосят, и у всех на коленях и рядом полные корзины и баулы со скарбом. Вроде как в дорогу собрались. Ну, а если бы я запулил туда очередь? Ну дела!

Буквально обалдев, оборачиваюсь к напарнику, державшему девчонку. В этот момент слышим шум подъезжающей машины. Оба вскрикиваем: «Немцы, ложись!» Я валюсь у порога, Димка, повалив девчонку и зажав ей рот, смотрит в сторону окна, откуда шум. Семья в чулане замолкает. Мотор выключили, послышались голоса, чьи – не разобрать. Наступает тишина, лежим. Словно на Судном дне, вдруг брякнул один удар напольных старинных часов. Шарю рукой у пояса, достаю гранаты. Девчушка при виде их опять в голос заныла. Димка, матерясь, прижимает ее голову носом к ковру. Затем ползет к окну, не выпуская ее руку. Она хлюпает носом, ползет рядом. С угла окна «кавалер» осторожно заглядывает на улицу и неуверенно мямлит: «Навроде наши». Я ему: «Навроде! А вдруг нет?» – «Не, – отвечает, продолжая смотреть, – точно, славяне», – и встает. Она тоже. Голоса приблизились, слышна команда: «Становись, примкнуть штыки». Уф, отлегло…

Димка поворачивает девчушку лицом к чулану, дает ей коленкой под зад, добавляя: «Вали, тютя, к своим, тоже нашлась». Та – бегом: натерпелась. Выходим на крыльцо. Нас мгновенно замечают несколько солдат. И нам: «Вы кто? Руки вверх!» Тут уж мы, забросив автоматы за плечо, разрядились от души, по-русски, за все сразу. В том числе за их пижонские, вышедшие из военной моды дурацкие винтовки с приткнутыми штыками, за

новехонькое обмундирование солдат явно из войск НКВД: фуражки с околышами, длинные, канадского серо-голубого сукна шинели (очень ценились на фронте) с гладкими щегольскими чистенькими погонами, новехонькими сапогами, а не обмотками, как у пехотуры. Из-за грузовика выскакивает капитан: «Отставить! Кто такие?» Объясняем. Подходит к нам, закуривает «Беломор», протягивает пачку. Это подкупает, видать, из фронтовиков, говорит по-свойски: «Вот что, ребята, сейчас подойдут еще машины, будем выселять деревню. Начнем с того конца. В вашем распоряжении пара часов, если что надо». Чуть ухмыльнулся. «Но не советую тут оставаться долго, насмотритесь. Про Ялтинскую конференцию слыхали? То-то. Полякам отдают этот край». Кивнув на дома, вздохнул: «А жили богато, нам бы в рязанскую». Словно опомнившись, вдруг строго отрубает: «Чешите лучше отсюда и доложите своим». Дружно киваем: «Есть доложить», – и ходу…

У Кошарина мы вышли к морю, затем повернули на восток, дошли почти до Гдыни, а потом повернули обратно и дошли до Сванемюнде. Я уже работал на полковой радиостанции, размещавшейся на «Studebaker US6x4», «сударе», как его называли. Радиостанция была американская, SCR с двигателем, размещенным на прицепе, и кунгом. Машина, кстати, поставлялась вместе с шоферским инструментом и кожаным пальто для водителя. Если видели, на фронте все наше начальство щеголяет в кожаных пальто, так это изъятые из комплекта, прилагаемого к американским «Studebaker». Вдруг вечером 9-го мая нас вызвали в Кольберг (Колобжег) и приказали грузиться на баржу. Говорили, какой-то десант. Баржа была метров шесть шириной, мы привязали наш «Studebaker» на палубе, а в открытый трюм краном погрузили лошадей и пушки. Как только стемнело, мы куда-то поплыли. Не, ну ты представь – пехота по морю! Блевали страшно! А тут еще один из тросов, что держал нашу машину, лопнул. Ну, думаем, если сейчас наш «Studebaker» упадет, нам всем трибунал. Среди нас был один моряк, радист Аркашка Кучерявый, ленинградец. Он полез по узенькому бортику между морем и трюмом, нашел цепь, и мы обмотали ею машину. Утром увидели берег, и тут нам сказали: «Дания. Борнхольм». Когда подплывали к порту, часов в шесть утра, слышали стрельбу, но пока катер нас подтаскивал, стрельба прекратилась, и мы уже выгрузились совершенно спокойно. Потом оказалось, что на острове было восемнадцать тысяч немцев, но они, немного посопротивлявшись, быстро одумались и сдались. Мостки подобрали, выехали, и я увидел мирную обстановку. Прямо в порту, вижу, написано «Кафе», мы с

приятелем туда вломились, а там сидят датчане и едят мороженое. Мы тоже решили купить, достали деньги (нам давали немецкие марки), а продавец от нас как черт от ладана что-то: «Nicht, nicht», – не подходит, значит. Ушли мы несолоно хлебавши. В тот же день мы узнали, что война закончилась. Я включил приемник, поймал Москву, а там уже передают поздравления с Победой. В этом смысле радистам хорошо: можно послушать музыку или новости; хотя полагалось все время находиться на одной волне, чтобы быть готовым к вызовам. Меня даже на партсобрание вызывали, потому что я музыку на дежурстве слушал. Дежурили только по двое, этого требовал СМЕРШ: вдруг ты вступишь в контакт с противником? А так – контроль. В то время приходилось постоянно опасаться доносов.

Война закончилась, но мы еще 2 месяца провели на этом курорте. Там, правда, был сухой закон, но мы меняли на одеколон бензин, провода, лампы, батарейки. У меня 14 июня день рождения. Ребята говорят: «С тебя причитается. Организуй нам что-нибудь вкусное, надоела эта котловая еда». Что придумать? Живем-то на море. Ну, рыбы можно наловить, но сетей нет, значит, наглушить. У нас были батарейки для фонариков. Они ценные были, потому что все, и солдаты, и офицеры, ходили с фонариками, а по штату они были только у нас. На несколько батареек я выменял кучу противопехотных мин и одну противотанковую, потом с напарником пошли к морю, там за бухту армейского провода выменяли у датчанина лодку. Положили туда мины, взрыватели, бикфордов шнур и в полукилометре от берега стали рыбу «ловить» – шнур приладишь, зажжешь, и все. А рыбы было: полчаса – и у нас пол-лодки! Приплываем. Нас встречает патруль с автоматами наперевес: «Вылезай!» И рядом с ними датчанин. Он нас продал! «Шагом марш!» Старшина ведет нас в комендатуру, материт: «Ишь, – говорит, – взяли моду рыбу глушить! Сети…, рвете! Рыбаки командованию жалуются! Придем в комендатуру, мы вам покажем!» Я не думаю, чтобы нас отдали под суд, но выговор получить или на гауптвахту посадить могли. Уже стали наводить порядок – везде наклеили объявления и проводили собрания о том, как вести себя с местным населением.

Я к старшине, говорю:

– Всего делов-то, подумаешь, рыбу глушили, все же день рождения! Давай махнем не глядя: ты нам – свободу, а я тебе финку дам.

У меня была красивая финка с наборной ручкой. Он говорит:

– А датчанин не заложит?

– А зачем? У него наша рыба осталась.

– Ладно, – говорит, – давай финку и вали отсюда.

Ну, пришли в расчет, рассказали, ребята говорят: «Хрен с ней со жратвой рыбной, но давай выпивку доставай». На следующий день, сменившись с дежурства, я взял бинокль и пошел в аптеку, чтобы попробовать обменять его на одеколон. В Ревено нашел аптеку. Вхожу, держу в одной руке бинокль, а другой рукой делаю такой жест: нюхаю ладонь и провожу ею по волосам, и так несколько раз, имея в виду, что мне нужен одеколон для волос. Аптекарь говорит: «Ja, ja», – кивает, вроде понял. Я ему бинокль, 12-кратный, цейссовский, трофейный! Во! Красотища! А он приносит мне бутыль. Я посмотрел, понюхал – пахнет. Ну, думаю, одеколон. А стекло темное, ничего не видно, пробка притертая. Притаранил. Налили по полной, дернули за меня и у всех глаза на лоб – бриалин для волос! Этот Аркашка Кучерявый, который нас с машиной тогда спас, говорит: «Ты, что ж, балда, принес? Это ж бриалин, он же на касторке делается. Мы ж с него дристать будем дальше, чем видеть!».

Ну я автомат и остатки бутыли с собой и обратно в аптеку. Пытаюсь качать права, а он: «Nicht, nicht». Я завелся, хватаюсь за автомат. Он выходит из-за прилавка, здоровый, больше меня, берет меня за руку и тащит к стене. А на стене – двуязычная листовка с фотографией нашего коменданта острова, генерал-майора Короткова. Я читаю обращение к гражданам острова Борнхольм о том, что пришли наши войска, освободили вас от немцев, и наша задача – обеспечить вам спокойную жизнь. О всех случаях недисциплинированности со стороны военнослужащих Советской армии немедленно докладывать в комендатуру и так далее. Датчанин и ткнул меня мордой в этот приказ. Короче, я как побитый пес побрел с этой бутылью домой. Обернулся – никого нет. Как шарахну ее об стену, опять незадача – брызги на меня. В общем, кругом в дураках остался, но запомнилось.

В августе поехали на войну с Японией, но не доехали. Вот так и закончилась для меня война. Я еще два года прослужил и в МИФИ. Никто моим отцом так и не интересовался, я и в партию вступил. Разве меня, сына врага народа, за линию фронта пускали бы?

Гольбрайх Ефим Абелевич

Я родился в 1921 году, в городе Витебске. Мой отец до революции был членом боевой организации партии эсеров-революционеров. После 1917 года он отошел от какой-либо политической деятельности, трудился простым служащим.

Осенью 1937 года отца арестовали, и уже через неделю, после второго допроса, он был приговорен Особым Совещанием к расстрелу. Приговор привели в исполнение в январе 1938 года. Об этом я узнал совсем недавно. А тогда получили уведомление со стандартной фразой на бланке: «Осужден на 10 лет, без права переписки». Так, в один час, из комсомольца-патриота я превратился в изгоя, с клеймом сын «врага народа». Из тридцати моих одноклассников у восьми был арестован один из родителей, а у Вани Сухова посадили и мать, и отца. Нашу семью не выслали, и меня даже не исключили из школы. Окончил десятилетку и работал инструктором детской технической станции. Пришел срок призыва в армию, но меня не призвали, лишь зачислили в запас второй категории. Это означало, что даже в военное время мне нельзя давать в руки оружие. По своей наивности подал документы на поступление в Высшее военно-морское училище. Помню только, как военком грустно покачал головой, не говоря ни слова, принимая мое заявление. К началу войны мои друзья служили в кадровой армии, а я работал и учился на первом курсе физмата Витебского пединститута. Когда объявили о начале войны, явился в военкомат. Сказали: «Жди повестки, о тебе не забыли». Из студентов института сформировали истребительный батальон, вооружили старыми бельгийскими винтовками без штыков и послали на патрулирование улиц. Уже через неделю приказали сдать оружие, и наш батальон расформировали. 3 июля 1941 года услышали обращение Сталина к советскому народу и впервые поняли всю серьезность нашего положения, почувствовали, что война будет долгой и тяжелой. Через город шли беженцы. 8 июля привел на вокзал мать с маленькой сестренкой и брата. На перроне стоял пассажирский поезд, оцепленный вооруженными красноармейцами, а в привокзальном сквере ожидали посадки на поезд семьи командиров Красной Армии. Все эти семьи посадили в вагоны, никого другого к поезду не подпустили. Появился немолодой, незнакомый майор, взял наши вещи и сказал: «Идите за мной». Провел мимо охраны, открыл дверь тамбура и буквально затолкал моих родных внутрь. Он сказал: «Никуда не выходите из поезда». Я не знаю имени этого благородного человека, но ему моя семья обязана жизнью, он спас моих родных от неминуемой смерти. Мать до конца своей жизни молила Бога за этого человека. Вернулся с вокзала, пошел платить за квартиру и электричество, сдал книги в библиотеку. Собрал дома какие – то пожитки и вновь пришел в военкомат. А там никого, все работники уже сбежали. Висит на стене сиротливо картина «Ворошилов и Горький в тире ЦДКА», ветер гоняет ворохи бумаг… Пошел в штаб 27-й Омской

Краснознаменной дивизии, стоявшей в Витебске. Пусто… А на следующий день немцы несколько раз бомбили город. Я впервые увидел убитых женщин и детей, лежавших на городской мостовой… По всему городу полыхало зарево пожаров, а на другом берегу Двины через виадук входили немецкие танки. Гремели взрывы, подорвали мост и электростанцию. На центральных улицах зияли разбитые витрины продовольственных магазинов. Вдруг услышал цокот копыт. На городскую площадь въезжал крестьянский обоз. Мародеры… В своем большинстве женщины. На лицах смесь смущения и азарта…

Никакой обороны города не было. Только на одном из выходов из города я увидел пулемет «максим» и старшего лейтенанта Сухоцкого, преподавателя военного дела в нашем институте. Он кричал: «Ничего! Встретим!» Рядом с ним стоял молоденький красноармеец и смотрел на лейтенанта умоляющими глазами. С пулеметом против танков… До войны в Витебске проживало почти сто восемьдесят тысяч человек, а когда наши войска в 1944 году освободили город, в нем оставалось всего несколько сотен людей.

– Отступление на восток. Что запомнилось из тех событий?

– Самое страшное, что навстречу фронту шли сотни мужчин в гражданской одежде. Нет, они не искали военкоматы… Это уже переодетые красноармейцы-дезертиры возвращались по домам. Никто из них этого не скрывал.

Я шел на восток всю дорогу с двумя гродненскими комсомольцами, но они не выдержали. Пошли к себе домой… Нам на головы с самолетов немцы кидали листовки. Мол, «Москва взята, Красная Армия разбита. Бей жидов-комиссаров»… Многие начали верить написанному в листовках. Встретил еврейскую семью, возвращавшуюся в Витебск. Мать, отец и трое детей. Старший сын – паренек, лет семнадцати. Уговорил его родителей отпустить сына со мной. Встретил его после войны. Он воевал, был несколько раз ранен, грудь в орденах. Спросил о семье… Все его родные расстреляны в гетто…

Еды у нас не было. Питались земляникой, да еще иногда в деревнях добрые люди давали хлеба. Мои ботинки разбились, и я шел босиком. Сердобольный дед в одной из деревень дал мне лапти. Вышли к своим в районе города Ярцево, там не было сплошной линии фронта. На станции выгружалась хорошо экипированная и вооруженная дивизия, прибывшая с Дальнего Востока. Это производило внушительное впечатление. Стал просить о зачислении меня в эту дивизию. Привели к начальнику

особого отдела. Пожилой особист сказал: «Иди, сынок, ты еще успеешь». Так, в лаптях, дошел до Москвы, к родственникам матери. Пришел в военкомат. Все командиры вокруг меня сгрудились, просят рассказать об увиденном. Показал на карте, как шел, рассказываю, что творится на дорогах. Сразу же нашлась «добрая душа» и позвонила «куда надо». Через полчаса в комнату вошли два сотрудника НКВД. Посадили меня в «эмку» и привезли в свой райотдел. Там я снова пересказал всю свою «одиссею». Эти чекисты оказались порядочными людьми. Меня отпустили, на прощание сказали – никому ничего не говорить. Пришел в МГПИ к директору института Котлярову. Он зачислил меня на второй курс и дал место в общежитии института на Трубной площади. Вскоре нас переселили в другое здание, на Усачевке, а в нашем общежитии стали формироваться партизанские отряды для заброски в немецкий тыл. В эти отряды отбирали только тех, у кого не было родственников на оккупированных немцами территориях. Так что диверсантом-партизаном я не стал. В военкомате сказали: «Жди, когда надо, вызовем». А вызвали меня только весной 1942 года.

– Как выглядела Москва в середине октября 1941 года? Я имею в виду так называемую «московскую панику 16-го октября», день, который один из фронтовиков, участник обороны Москвы, охарактеризовал так: «…день доблести и позора, день величия человеческой души и глубочайшей низости…».

– В ночь с 14-го на 15-е октября фронт под Москвой был прорван. Да еще Левитан, выступая со сводкой по радио, всего лишь один раз оговорился, сказал: «Говорит Куйбышев», вместо обычной фразы: «Говорит Москва». Начальство на многих предприятиях погрузило семьи в грузовики и оставило столицу. Вот тут и началось… Горожане стали грабить магазины. Идешь по улице, а навстречу красные самодовольные пьяные рожи, увешанные кругами колбасы и с рулонами мануфактуры под мышкой! Но больше всего меня поразило следующее – очереди в женские парикмахерские… Немцев, видимо, ждали… С улиц исчезли люди в шляпах, обнаглевшая чернь интеллигентов не жаловала… Полное безвластие. Происходило ранее немыслимое, даже открылось несколько «частных кафе»… На улицах можно было услышать, что Сталин вместе с правительством уже сбежали из Москвы, но я этому не верил. Но вот несколько лет тому назад вышли воспоминания Маленкова, в записи его сына, так там приводятся слова Маленкова, цитирую дословно: «В эти дни из всех членов Политбюро в Москве оставался я один. Да, один. Все

остальные уехали в Куйбышев. Сталина в Москве не было 10 дней…» Вся территория в радиусе несколько километров вокруг Казанского и Курского вокзалов была забита людьми, машинами… паника, многие стремились уехать из города любой ценой. По шоссе Энтузиастов, единственной дороге на Муром и Владимир, молча проходили десятки тысяч людей. 17 октября власти спохватились и постепенно навели порядок в Москве. На улицах появились усиленные патрули. В городе формировали добровольческие коммунистические дивизии. Навстречу своей горькой и трагической судьбе под красными знаменами шли отряды гражданских людей, вооруженных старыми винтовками и охотничьими ружьями. Шли пожилые люди, семнадцатилетние юнцы и даже мужчины интеллигентного вида в очках (до войны «очкариков» в армию не призывали). Ополчение вставало за Москву.

Гольбрайх Е.А.

– Как начинался ваш армейский путь?

– Меня призвали 2 мая 1942 года. Как только я переступил порог комнаты, где заседала призывная комиссия, военком, увидев еврейского парня, сразу начал спрашивать: «Студент? Факультет? В танки или в артиллерию?» В народе «бытовало мнение», что все евреи с десятилетним или с высшим образованием… Не дожидаясь ответов, председатель комиссии вынес «вердикт»: «Пойдешь в танкисты!» От военкоматов требовали направлять в эти части только образованных людей.

Отправили меня в Казань, в 24-й учебный запасной танковый полк. Готовили меня на стрелка-радиста. Занимались мы подготовкой на танках «Валентайн». Все танки были выкрашены в грязно-желтый цвет, предназначались для боевых действий в пустыне. До сих пор вспоминаю танковый пулемет конструкции Брена. Этот пулемет весил килограммов двадцать, и по тревоге я был обязан хватать с собой эту «дубину» и бежать с ней дальше, имитируя атаку в пешем строю. За неделю до отправки на фронт подошел ко мне комиссар полка: «Решили выбрать тебя комсоргом, через два часа митинг. Готовься выступить с обращением к бойцам». Честно говорю ему: «Мой отец осужден как «враг народа»…» Лицо комиссара побелело, он молча развернулся и ушел. В тот же день меня вызвали в строевую часть и дали направление в запасной стрелковый полк, дислоцировавшийся в поселке Суслонгер Марийской АССР. Многие вспоминали это место с тоской. Десятки длинных землянок, каждая на целую роту, двухэтажные нары, вместо постелей настилали лапник. Кругом дремучий лес. Обилие злых кусачих комаров. Народ в полку, почти поголовно полуграмотный, призван из лесной и таежной глубинки. Вся боевая подготовка заключалась в маршировке на плацу с деревянными палками в руках!!! Винтовок не было! В день давали 600 граммов клейкой массы под названием «хлеб». Баланду в обед нальют, было видно дно эмалированной миски, так что, не пользуясь ложками, пили баланду через край. Подошел ко мне командир батальона, пожилой человек, из «запасников». Предложил остаться в батальоне штатным писарем до конца войны. Я отказался и уже на девятый день пребывания в Суслонгере ушел с маршевой ротой на фронт.

– На какой фронт вы попали? Где приняли боевое крещение?

– Попал я под Сталинград, в донские степи. Наш 594-й стрелковый полк 207-й стрелковой дивизии занимал оборону северо-западнее Сталинграда. Бои были настолько кровопролитными, что после недели пребывания на передовой я не верил, что еще жив и даже не ранен! Сделал «головокружительную карьеру», уже на третий день командовал отделением, в котором осталось четыре бойца вместе со мной. Остальные выбыли из строя уже в первых боях. А еще через пару недель стал сержантом. Иногда было так тяжело, что смерть казалась избавлением. И это не пустые слова… Бомбили нас почти круглосуточно. Люди сходили с ума, не выдерживая дикого напряжения. Бомбежка по площадям… За войну пришлось

десятки раз бывать под бомбежкой. На так называемом «Миусском фронте», на Самбекских высотах, Матвеевом кургане, Саур-Могиле, в Дмитровке, по ожесточению и упорству боев названной «малым Сталинградом»… Хуже нет кассетного бомбометания. Двухметровый цилиндр раскрывается, и десятки мелких бомб идут косяком на цель. Неба не видно. Если нет надежного укрытия или в поле попался – пиши пропало. Бомба, что над тобой отделилась от самолета, – эту пронесет. А вот та, что с недолетом – твоя… Истошный вой летящих бомб… Визг становится нестерпимым. Лежишь и думаешь – если убьет, только бы сразу, чтоб без мучений… Расскажу просто об одном боевом дне лета 1942 года. Занимали оборону возле разъезда № 564. На путях стоял эшелон сгоревших и разбитых танков Т-34. Никто не знал, какая трагедия здесь разыгралась и как погиб этот эшелон. Утром пошли в атаку при поддержке танков и – просто фантастика для 1942 года, – при поддержке огня «катюш». Отбросили немцев на километр, дело дошло до штыковой атаки. Мне осколок поцарапал губу, а я в горячке боя долго не мог понять– почему капает кровь… Наш танк намотал на гусеницы провод. Послали двух связистов, никто не вернулся. Командир полка подполковник Худолей посмотрел на меня: «Комсомол, личным примером!» Мою фамилию многие не могли выговорить, прозвали меня «Комсомол», поскольку к тому времени я уже был комсоргом роты. Пополз к подбитому танку, оба связиста убитые лежат. Работа немецкого снайпера. Чуть приподнялся – выстрел! Пуля снайпера попала в тело уже застреленного связиста. Лежу за убитыми, двинуться не могу, снайпер сразу убьет… Зажал концы проводов зубами. Есть связь! Мимо ползет комиссар полка Дынин. Это был уже пожилой человек, который, будучи комиссаром медсанбата, сам напросился в стрелковый полк. Сердце патриота и совесть не позволили ему находиться в тылу. В атаку ходил наравне со всеми. Увидел меня, рукой мне махнул, и в то же мгновение его снайпер сразил. Тут началась заварушка, обрывки провода скрепил и под «шумок» вскочил и добежал целым до наших окопов. Пришел на НП батальона, а комбат ухмыляется: «Прибыл к месту службы». По телефону уже передали приказ: «Сержант Гольбрайх назначается комиссаром батальона». Дали мне в руки котелок, а в нем – макароны с тушенкой. Начался артиллерийско-минометный обстрел, я телом котелок закрыл, чтобы комья земли в еду не попали. Рядом окоп артиллерийских наблюдателей. Пару секунд я замешкался, а потом пополз, а в этот в окоп наблюдателей – прямое попадание… До ночи продержались. Когда стемнело, пришла кухня: каша и чай. Каждому наливали по половине котелка чая.

Хочешь пей, хочешь руки от чужой крови отмывай… Стоит наш подбитый танк, внутри что-то горит и взрывается. Солдат, судя по внешности из Средней Азии, подходит к танку с котелком каши, подвешенным на штыке. С чисто восточной невозмутимостью он ставит котелок разогреть на догорающий танк… Жизнь продолжается…

– Вы много раз поднимали солдат в атаку личным примером. Что испытывает человек в эти мгновения?

– Поднять бойцов в атаку… Надо вскочить первым, когда единственное и естественное желание – поглубже зарыться, спрятаться в землю, грызть бы ее и рыть ногтями, только бы слиться с ней, раствориться, стать незаметным, невидимым.

Вскочить, когда смерть жадно отыскивает именно тебя, чтобы обязательно убить, и хорошо если сразу. Подняться в полный рост под огнем, когда твои товарищи еще лежат, прижавшись к теплой земле, и будут лежать на земле еще целую вечность – несколько секунд… Иной раз посмотришь на небо и думаешь: в последний раз вижу… Нелегко подняться первым… Но НАДО! Есть присяга, о которой в эти минуты никто не вспоминает, есть приказ, есть долг!

– Ваша дивизия почти полностью погибла в боях в августе – октябре 1942 года. Читал воспоминания бывшего переводчика, а затем начальника разведки вашего полка Ивана Кружко. Он пишет, что в вашем батальоне оставалось 11 «активных штыков». Неужели потери были так велики?

– Дело дошло до того, что полком командовал старший лейтенант, а дивизией – подполковник. Потери были страшными… Присылали пополнение, в основном из Средней Азии. В ту пору была популярной одна фраза. Командир роты просит: «Меняю десять узбеков на одного русского солдата». Половина бойцов с трудом понимала русский язык… 19 ноября 1942 года я форсировал Дон в районе хутора Мало-Клетский, участвуя в наступлении, положившем начало окружению армии Паулюса в Сталинграде. Очень тяжелые бои были в декабре, когда танки Манштейна, идя на выручку к окруженным, прорвали оборону нашей дивизии на внешнем обводе кольца окружения. Задавили нас танками, отходим по огромному снежному полю, добежали до края поля, а там наши пушки стоят. Мы кинулись на них: «Мать-перемать! Почему не стреляете?!» А у них по три снаряда на орудие и приказ: стрелять только прямой наводкой! Немцы нас обошли, и к ночи я остался с группой из десяти бойцов. К тому времени у меня уже был один «кубарь» в

петлицах. Бойцы говорят: «Командуй, младший лейтенант, выводи нас к своим». У меня пистолет, а у остальных только винтовки и ни одной гранаты. Рядом дорога, и по ней интенсивное движение немецкой техники. А по полю, где мы лежим, немцы бродят. Понимаем, что это конец – или смерть, или плен. Обменялись адресами. Русские ребята к плену проще относились, мол, ну, что делать, на то и война, всякое может случиться. Но мне, еврею, в плен попадать нельзя! Стреляться не хочется… Жить хочется… Говорю солдатам: «Ребята, если в плен нас возьмут, не выдавайте, что я еврей». В ответ – молчание… Лежим в снегу, притворились мертвыми, мимо прошли два немецких связиста, ничего подозрительного не заметили. Мороз, градусов за двадцать, мы в шинелях и ватниках, оставаться дальше на снегу нельзя, замерзнем. Смотрю, идет в нашем направлении здоровенный немец, по карманам у убитых шарит. Немец приблизился к одному из нас, думая, что кругом лежат только убитые, поднял «у трупа» ухо шапки-ушанки и увидел живые глаза, и в эту секунду у моего товарища нервы сдали, он в упор в него выстрелил. Сразу с дороги начали бить в нашу сторону. Побежали мы так, что олимпийским рекордсменам не снилось, откуда только силы взялись? Вбегаем в какое-то село, навстречу мне человек в белом маскхалате. Кинулся к нему, хватаю левой рукой за карабин, а правой за грудки: «Ты кто?!!», а он перепугался и молчит. Хватаю за шапку, и мне в ладонь впиваются острые уголки – звездочка. Еле руки разжал. Бойцы меня оттащили от него. Вот так к своим пробились…

– В 1943 году вы командовали ротой в 999-м стрелковом полку. Кровавые бои на Миус-фронте, освобождение Донбасса… Но вы не оканчивали пехотного училища, офицерских курсов или полковой школы. Трудно командовать стрелковой ротой без специальной подготовки?

– Я не думаю, что был идеальным ротным командиром. Но после года на передовой приказ принять роту я воспринял без особого страха. Тем более что в роте из-за постоянных потерь никогда не было больше сорока человек. Да и жизнь ротного на фронте очень короткая. Мне еще сильно повезло, что ротой командовал несколько месяцев, пока не выбыл из строя. Полковой «рекорд». А потом – контузия, лежал в госпитале в городе Шахты, подхватил вдобавок тиф. Долгая история… Вернулся на фронт и попал уже в 844-й СП 267-й СД.

– Что вам запомнилось на Миус-фронте?

– Бои там были тяжелейшие, но хотел бы рассказать о

другом. На «Миусском фронте» я командовал 3-й стрелковой ротой. Первый и, может, единственный раз за всю войну природа сделала исключение, и в этом месте реки левый берег был выше и нависал над пологим, правым «немецким» берегом. Наши пулеметчики постоянно держали немцев на прицеле. В отместку противник нас щедро бомбил, а также густо засыпал минами и снарядами. Потери для обороны были довольно значительными, и мы постоянно просили о пополнении. Командир полка ругался: «Строевку подаете на полную роту, а воевать некому!» Но обещал прислать несколько человек. Строевка – это ежедневная строевая записка о наличии и убыли личного состава и лошадей. Строевка всегда подается вчерашняя – общеизвестная хитрость, – чтобы получить на несколько порций больше водки и сахара. Под вечер, когда стало смеркаться и из траншеи по горизонту стало хорошо видно, появилась редкая, человек восемь, цепочка солдат. По тому, как идут, можно было издалека понять – пожилые. А куда их девать? Обоз и без них забит беззубыми стариками. Было этим «старикам», впрочем, не более пятидесяти лет, но на фронте зубов не вставляли, вырвут в медсанбате – и слава богу. Вот и размачивают сухари в котелке. А тут издалека заметно, как один солдат сильно припадает на ногу. Подошли. Спрашиваю: «Ты что? Ранен, что ли? Недолечили?» Отвечает: «Нет, у меня с детства одна нога на семь сантиметров короче». Я опешил и говорю: «Да как же тебя в армию взяли?» «Да так вот и взяли. С самой Сибири следую. Куда ни приду: да как же тебя взяли? И отправляют дальше. Там, мол, разберутся. Вот и пришел».

А куда дальше? Дальше некуда… Передовая…

– Бои на Сивашском плацдарме. О чем бы хотелось вам рассказать?

– Сивашский плацдарм, или, как мы говорили: «На Сивашах». Плацдарм между Айгульским озером и собственно Сивашем. Просидели несколько месяцев под постоянными обстрелами и бомбежкой. Переправа на плацдарм была длиной примерно три километра, простреливалась на всем протяжении. Снабжение и эвакуация раненых осуществлялись только ночью, тоже под огнем противника. Сидишь в блиндаже, вдруг снаряд влетает, а взрыва нет. Болванка… Воюем дальше… 7 апреля 1944 года получили приказ провести разведку боем. Пошли в роту с комсоргом полка Сашей Кисличко. Попали под артобстрел, меня землей засыпало. Земля спрессовалась, не отпускает. Кисличко только по шапке на земле меня нашел, начал откапывать. До плеч откопал, я еще живой был. Тут по нам новая порция снарядов. А у меня из земли только голова торчит, комья земли на нее падают, снова меня

засыпает… Старшина мимо проходит, матом белый свет кроет, я кричу ему: «Помоги!», а он оглох от контузии, ничего не слышит, на голову мне наступил и дальше побрел. На мое счастье, в роту шел парторг полка капитан Нечитайло с сержантом Сидоренко. Увидели меня, откопали. Смотрим по сторонам, где Кисличко. А его тоже землей засыпало. Пока откопали, он уже был мертв… Пошли в атаку на высоту. Я шел в первой цепи, рядом со своим близким другом, командиром роты Васей Тещиным, по прозвищу «Чапай». Возле меня шел молоденький лейтенантик, и ему тут же мина попадает в грудь… Так получилось, что вместо разведки боем мы взяли эту высоту. И даже два расчета «сорокапяток» умудрились закатить наверх свои пушечки, с десятком снарядов на ствол. На высоте два офицера, Тещин и я, и семнадцать бойцов со всего батальона, не считая артиллеристов. Немцы пустили на нас четыре танка, да человек двести пехоты. Одну из двух наших пушек – сразу вдребезги танковым снарядом… Начал стрелять из трофейного крупнокалиберного пулемета, а у него отдача непривычная меня назад отбрасывает. Немцы долину перед отбитой у них высоткой огнем своих орудий накрывают, к нам на помощь никто не может пробиться. До темноты продержались, а к ночи наши к нам прорвались. Выжило нас на высоте совсем немного. Никого за этот бой не наградили…

– В воспоминаниях генерала Кошевого написано, что именно ваша штурмовая группа водрузила знамя над Сапун-горой. Почему вы не изображены на диораме «Взятие Сапун-горы»? Чем отмечено ваше участие в штурме и освобождении Севастополя?

– Первый вопрос не ко мне, а к художнику Мальцеву. За севастопольские бои получил орден Красной Звезды. Кстати, мало кто об этом пишет, но первая и очень неудачная попытка взять Севастополь штурмом была предпринята 27 апреля 1944 года. Перед штурмом Сапун-горы в полку создали ударный батальон. В первом ярусе немецкой обороны против нас находились части из изменников – крымских татар. Помню, как наш лейтенант Муратов, командир второй роты, услышав татарские ругательства из немецких окопов, вскочил под пулеметным огнем в полный рост. Русским языком он владел неважно. Только успел крикнуть: «Впирод! Ебона мат!», и был сражен наповал. Знамя было в руках у парторга роты Смеловича, а когда его убило, знамя передали Яцуненко… Очень тяжелый бой был… Мы ведь даже до подножия горы дошли только благодаря «пехоте неба» – штурмовикам Ил-2. Взяли Сапун-гору, я скатился вниз по склону с докладом к командиру батальона

Иващуку. А возле него корреспонденты с блокнотами. Радостно докладываю: «Знамя установили!» И сдуру добавил: «Только в километре от нас еще одно знамя стоит!» Вокруг – полный конфуз. У Иващука сразу лицо «кислым» стало, он только одну фразу обронил: «Первый раз вижу еврея такого дурака». Иващук до самой своей гибели не мог простить мне «неправильного доклада», считая, что по этой причине он не получил звание Героя. С вопросом, кто первый установил знамя на вершине Сапун-горы, разбирались долго, и Яцуненко получил звание Героя Советского Союза только в 1954 году.

– Вы были заместителем командира отдельной армейской штрафной роты 51-й армии в 1944–1945 годах. Расскажите о штрафных частях. Как вы попали служить в штрафную роту? Какова была структурная организация вашего подразделения?

– В штрафную роту я попросился сам. Солдат, как, впрочем, и офицер, на войне своей судьбы не выбирает, куда пошлют, туда и пойдешь. Но при назначении на должность в штрафную роту формально требовалось согласие. Штрафные роты были созданы по приказу Сталина № 00227 от 28 июля 1942 года, известному как приказ «Ни шагу назад», после сдачи Ростова и Новочеркасска. В каждой общевойсковой армии было три штрафных роты. Воздушные и танковые армии своих штрафных подразделений не имели и направляли своих штрафников в общевойсковые. На передовой находилось одномоментно две штрафных роты. В них из соседних полков ежедневно прибывало пополнение: один-два человека. Любой командир полка имел право отправить своим приказом в штрафную роту солдата или сержанта, но не офицера. Сопровождающий приносил выписку из приказа, получал «роспись в получении» – вот и все формальности. За что отправляли в штрафную роту? Невыполнение приказа, проявление трусости в бою, оскорбление старшего начальника, драка, воровство, мародерство, самоволка, а может, просто ППЖ комполка не понравился… Штат роты: восемь офицеров, четыре сержанта и двенадцать лошадей, находится при армейском запасном полку и в ожидании пополнения потихоньку пропивает трофеи… Из тыла прибывает эшелон уголовников, человек четыреста и больше, и рота сразу становится батальоном, продолжая именоваться ротой. Сопровождают уголовников конвойные войска, сдают их нам по акту. Мы охрану не выставляем. Это производит дурное впечатление, тогда как проявленное доверие вызывает к нам некоторое расположение. Определенный риск есть. Но мы на это

идем. Что за народ прибывал из тыла? Тут и бандиты, и уголовники-рецидивисты, и укрывающиеся от призыва, и дезертиры, и просто воры. Случалось, что из тыла прибывали и несправедливо пострадавшие. Опоздание на работу свыше двадцати минут считалось прогулом, за повторный прогул судили и срок могли заменить штрафной ротой. С одним из эшелонов прибыл подросток, почти мальчик, таким по крайней мере казался. В пути уголовники отбирали у него пайку, он настолько ослабел, что не мог самостоятельно выйти из вагона. Отправили его на кухню.

Срок заключения заменялся примерно в следующей пропорции: до 3–4 лет тюрьмы – месяц штрафной роты, до 7 лет – два месяца, до десяти – выше этого срока не существовало – три месяца. В штрафные роты направлялись и офицеры, разжалованные по приговору военного трибунала. Если этап большой и своих офицеров не хватало, именно из них назначались недостающие командиры взводов. И это были не худшие командиры. Желание реабилитироваться было у них велико, а погибнуть… Погибнуть и в обычной роте дело нехитрое. После войны статистики подсчитали: средняя продолжительность жизни командира стрелкового взвода в наступлении – не больше недели.

Штраф снимался по первому ранению. Или, гораздо реже, по отбытии срока. Бывало, вслед раненому на имя военного прокурора посылалось ходатайство о снятии судимости. Это касалось, главным образом, разжалованных офицеров, но за проявленное мужество и героизм иногда писали и на уголовников.

Очень редко, и, как правило, если после ранения штрафник не покидал поле боя или совершал подвиг, штрафника представляли к награде. О результатах своих ходатайств мы не знали, обратной связи не было. В фильме «Гу-Га» есть эпизод, где старшина бьет, то есть «учит», штрафника, да еще по указанию командира роты. Совершенно невероятно, что такое могло произойти в действительности. Каждый офицер и сержант знают, что в бою они могут оказаться впереди обиженного… Штрафники – не агнцы божии. И в руках у них не деревянные винтовки. Другое дело, что командир роты имел право добавить срок пребывания в роте, а за совершение тяжкого преступления – расстрелять. И такой случай в нашей роте был. Поймали дезертира сами штрафники, расстреляли перед строем и закопали поперек дороги, чтобы сама память о нем стерлась. Сейчас говорить об этом нелегко, но тогда было другое время… Владимир Карпов, известный писатель, Герой Советского Союза,

сам хлебнувший штрафной роты, пишет, что офицеры штрафных рот со своими штрафниками в атаку не ходили. И да, и нет. Если есть опытные командиры из штрафников, можно и не ходить. А если нет или «кончились» – надо идти самим. Большей частью именно так и бывало. Вот один из многих тому примеров. Два заместителя командира роты, старший лейтенант Василий Демьяненко и я, повели роту в атаку. Когда задача была уже почти выполнена, меня ранило осколком в грудь. До сих пор помню свою первую мысль в этот момент. «Не упал! Значит, легко!» Ни мы, ни немцы не ходили в атаку толпами, как в кино. Потери были бы слишком велики. Движется довольно редкая цепь, где бегом, а где и ползком. В атаке стараешься удержать боковым зрением товарища. Демьяненко был шагах в тридцати от меня, увидел, что меня шатнуло и я прыгнул в воронку. Подбежал: «Куда?» Молча показываю на дырку в полушубке. – «Скидай!» Весь диалог – два слова. Он же меня перевязал. Осколок пришелся по карману гимнастерки, в котором лежала пачка писем и фотографий из тыла (учитывая наш возраст – не только от мамы). Это и спасло, иначе осколок прошел бы навылет. В медсанбате ухватили этот осколок за выглядывающий из-под ребра кончик и выдернули. И я вернулся в роту. Как же я все-таки попал в штрафную роту? При очередной переформировке я оказался в офицерском резерве 51-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Герой Советского Союза Яков Григорьевич Крейзер. В армейском тылу я был впервые. Поразило огромное количество офицеров всех рангов, сновавших мимо с папками и без. Неужели для них всех есть здесь работа?

Чем ближе к передовой, тем меньше народа. Сначала тыловые, хозяйственные и специальные подразделения, медсанбаты, артиллерия покрупнее, а потом помельче, ближе к передовой минометчики, подойдешь к переднему краю – охватывает сиротливое чувство, куда все подевались? На войне, как и в жизни, каждый знает, чего он не должен делать… В офицерской столовой еду разносили в тарелках! Я был потрясен. По поселку парами прогуливались молодые женщины и девушки в госпитальных халатах. Не сразу сообразил, что меня в них озадачило – ни бинтов, ни костылей, ни рук на «каретке». Спросил у проходящего офицера: «Кто это?» В ответ услышал: «Ты что, дурной?! Это венерический госпиталь». Мужчин не лечили. Только, если попал по ранению в госпиталь – попутно… Скучно. Ни я никого не знаю, ни меня никто. К концу недели услышал, что погиб заместитель командира армейской штрафной роты. И я пошел в управление кадров. Не спешите записывать меня в герои. Я не храбрец. Скорей наоборот. Но я уже воевал в пехоте и знал,

что большой разницы между обычными стрелковыми ротами и штрафными нет. Да, штрафные роты назначаются в разведку боем, на прорыв обороны противника или встают на пути его наступления. А обычные стрелковые батальоны не назначаются? Именно в рядовом стрелковом батальоне обычного стрелкового полка, назначенном в разведку боем, я должен был погибнуть. И когда объятое черным отчаянием сознание угасало, меня спас мой товарищ Саша Кисличко, погибший в следующую минуту. И все эти годы я мучительно думаю: если бы он не полез меня спасать, остался бы Саша жить? Так что рисковал я немногим. Сыну «врага народа», кроме стрелкового батальона, ничего не светило. Зато преимуществ много. Первое. Штрафные роты, как правило, в обороне не стоят. Пехотные солдаты поймут меня и без подробностей. Полное наше наименование: Отдельная армейская штрафная рота – ОАШР. Последние две буквы послужили основанием к тому, что позывные штрафных рот на всех фронтах были одни и те же: «Шу-Ра». Но особое значение имели первые две буквы. Для обычной роты, кроме своих командиров, в батальоне было два заместителя, парторг и комсорг, да в полку три зама и те же политработники, еще и в дивизии – штабные и политотдел. И если все они, поодиночке или скопом, в затишье, между боями, когда хочется написать письмо или просто отдохнуть, будут являться по твою душу занудствовать по поводу чистых подворотничков, боевого листка, партийного и комсомольского собрания, то в штрафную роту не придет никто. Мы – не их. У них своих забот хватает, и никто, тем более на фронте, не станет делать больше того, что положено. А партийной или комсомольской организации у нас попросту нет. Штатные офицеры стоят на партучете в запасном полку и там изредка платят взносы. Командир штрафной роты по своим правам приравнивается к командиру полка и подчиняется в оперативном отношении тому командиру дивизии, которому будет придан для конкретной операции. Это входит в понятие – Отдельная. А армии не до нас. У них дела поважнее. Был, правда, случай, когда приехал майор из Политуправления и говорит: «Вы корми́те ваших штрафников похуже. Командиры жалуются: пригрозишь солдату штрафной ротой, а он тебе: «Ну и отправляйте! Там кормят хорошо». И это так. Обычная рота получает довольствие в батальоне, батальон – в полку, полк – с дивизионных складов, а дивизия – с армейских. Еще Карамзин заметил: «Если захотеть одним словом выразить, что делается на Руси, следует сказать: воруют». Не нужно думать, что за двести с лишним лет что-нибудь изменилось. Во всех инстанциях сколько-нибудь, да украдут. Полностью до солдата ничего не доходит. А у

нас, как это ни странно, воровать некому. И здесь вступает в силу слово «армейская». Наш старшина получает довольствие непосредственно с армейских складов. Правда, и ему «смотрят в руки». Но мы не бедные, что-нибудь из трофеев и привезем. Продукты старшина получает полностью и хорошего качества, водку неразбавленную. Офицерам привезет полушубки длинные и не суконные бриджи, а шикарные галифе синей шерсти. И обмундирование для штрафников получит не последнего срока, а вполне приличное. Кроме того, у нас есть неучтенные кони, вместо двенадцати лошадей – небольшой табун. При необходимости забиваем коня помоложе, и что там твоя телятина! Кому-то и огород вспашем. Обеспечивали нас честно. Были и другие преимущества: полуторный оклад, ускоренная, даже против фронтовой, выслуга лет. Впрочем, я этого почти не ощутил. Курировал нас армейский отдел СМЕРШ. Но я не помню, чтобы они мешались под ногами или вообще нас навещали. У них в Прибалтике своих дел было невпроворот. Одним словом, «живи – не хочу». В штрафной роте хорошо. Хорошо-то хорошо, да не очень. Ближе к концу войны, когда никто уже не хотел умирать, дезертировали сразу три человека. Мы с командиром роты предстали «пред светлые очи» члена военного совета армии, который в популярной форме, не употребляя «фольклорных выражений», чтобы было привычней и понятней, разъяснил, что мы, по его мнению, из себя представляем, достал из какой-то папки наградные листы на орден Александра Невского на командира и на орден Отечественной войны на меня, изящным движением разорвал их и бросил под стол, одновременно сообщив, что присвоение нам очередных воинских званий задержано. И уже в спину бросил: «Найти! И расстрелять!» Не нашли. И очень жалели. Что не нашли. И не расстреляли. Тогда. Теперь не жалею. Случались и многие другие эксцессы, за которые совсем не гладили по головке… В литературе утвердилось понятие «штрафные батальоны». Батальон – это звучит гордо. В самом слове есть что-то торжественно-печальное, какой-то внутренний ритм и романтика… А в бой идут штрафные роты! Были и штрафные батальоны. Это совсем другое. Штрафные батальоны создавались при фронтах, в конце войны их было в армии около семидесяти, практически по одному штрафному батальону на каждую общевойсковую армию. В них рядовыми бойцами воевали не разжалованные трибуналом офицеры, в чине до полковника. У каждого своя причина попадания в штрафбат. Оставление позиций без приказа, превышение власти, хищение и даже дуэль(!). Состав штурмовых батальонов – была и такая разновидность – вышедшие из окружения или бежавшие из плена

командиры Красной Армии, прошедшие «чистилище» проверочных лагерей НКВД, где должны были доказать, что не бросили оружия и не перешли на сторону врага добровольно. Для них сроки не варьировались. Срок был один для всех: шесть месяцев! Численность переменного состава штрафных подразделений на практике строго не регламентировалась. Батальон мог иметь до тысячи бойцов, «активных штыков», как в обычном полку. Но могло быть и всего сто человек.

В управлении кадров на меня посмотрели с некоторым удивлением: «У нас там любители работают…» – «И я буду любитель, не в тыл прошусь». Получил предписание и задумался. Надо бы с чем-то в роту прийти. Выбор тут небольшой. Постучался в крестьянский дом, краснея, протянул солдатское белье. Хозяйка вынесла бутылку самогона, заткнутую бумажной пробкой. Вещмешка я не носил, бутыль в полевую сумку не влезает, запихнул в карман шинели, на подозрительно торчащее горлышко напялил руковицу. На попутных машинах быстро добрался до передовой. Минометчики, стоявшие на опушке леса, показали на одинокое дерево в поле – КП командира роты и сказали: «Ты до вечера туда не ходи. Это место снайпер держит на прицеле». Помаялся я, помаялся, до вечера еще далеко. Дай, думаю, рискну – и дернул, что было сил. Тихо… Снайпер, видно, задремал. В углу землянки сидел старший лейтенант, представился: «Демьяненко Василий, зампострой». И подозрительно покосившись на мой карман, спросил: «Шо это в тэбэ рукавиця насупроти настромлена?» Достаю. Демьяненко сразу расцвел: «О! Це дило! И командиру оставымо». Так я попал в штрафную роту.

– Насколько сильной была мотивация штрафников «искупить кровью» свою вину?

– Не следует думать, что все штрафники рвались в бой. Вот вам пример. Атака захлебывается. Оставшиеся в живых залегают среди убитых и раненых. Но нас было больше! Где остальные? Вдвоем с командиром роты, капитаном Щучкиным, возвращаемся к исходному рубежу. Так и есть! В траншее притаилась в надежде пересидеть бой группа штрафников. И это когда каждый солдат на счету! С противоположных концов траншеи, держа в каждой руке по пистолету, в левой – привычный «ТТ», в правой – трофейный «парабеллум», он тяжелее, чуть не разрываясь над траншеей – одна нога на одном бруствере, другая – на противоположном, двигаемся навстречу друг другу и, сопровождая свои действия соответствующим текстом, стреляем над головами этих паразитов, не целясь и не заботясь о целости

их черепов. Проворно вылезают и бегут в цепь. Сейчас, когда вспоминаю этот эпизод, думаю: «Господи! Неужели это был я?!»

В штрафных и штурмовых батальонах подобного не может быть. Здесь все поставлено на карту. Эти офицеры не лишены званий и в большинстве случаев не имеют судимости. По ранению или отбытию срока они имеют право на прежние должности (право-то они имели, но, как правило, возвращались в части с понижением). В одном из таких батальонов, своей блестящей атакой положившем начало Ясско-Кишиневской операции, воевал мой товарищ Лазарь Белкин. В день атаки выдали им по 200(!) граммов водки, привезенной на передовую прямо в бочках, дали по полпачки махорки и зачитали приказ: «В пять часов утра, после залпа «катюш», батальон идет в атаку». В пять часов все приготовились. Тишина. В шесть часов – тишина. В семь утра сообщили: наступление отменяется. Разочарованные солдаты разбрелись по траншее. Через три часа новый приказ: «Наступление ровно в десять! И никаких «катюш»! В десять часов батальон в полной тишине поднялся в атаку. Без криков «Ура!». Но это был не простой батальон, а батальон штрафников. Захватили три ряда траншей. Немецкие шестиствольные минометы развернули в сторону противника и дали залп. Навстречу Лазарю бежал к пулемету немецкий офицер. Лег за пулемет… В упор! И вот счастье – осечка! Ленту перекосило или еще что. Офицер кинулся бежать. Поздно. Граната Лазаря уже летела… У противника создалось впечатление, что здесь наносится основной удар. Немцы стали поспешно подбрасывать технику и подкрепления. До позднего вечера батальон отбивал атаки, и к ночи остатки батальона вынуждены были вернуться на исходные позиции. Из почти тысячи человек в живых, на ногах, осталось сто тридцать. Большинство участников атаки были ранены, примерно треть – погибла.

– В фильме «Гу-Га», например, заградотряд вызывает «симпатии» не больше, чем вызвал бы отряд немецких карателей. Ваше мнение о заградотрядах?

– В этом кинофильме со странным названием есть много досадных погрешностей. Вранье в малом вызывает недоверие и ко всему остальному. Я уже говорил, в атаку толпами не бегут, но таковы, по-видимому, законы жанра, «массовость» – наш «конек». У командира роты погоны полевые, а пуговицы на шинели золотые и звездочка на фуражке красная, и это – на фронте! И звездочка и пуговицы были зелеными. Но особую досаду вызывает заградотряд. Заградотряды никогда не сопровождали штрафные роты на фронт и не стояли у них за спиной. Заградотряды

располагаются не на линии фронта, а вблизи контрольно-пропускных пунктов, на дорогах, на путях возможного отхода войск. Хотя скорее побегут обычные подразделения, чем штрафные. Заградотряды – не элитные части, куда отбираются бойцы-молодцы. Это обычная воинская часть с несколько необычными задачами. А в этом фильме?! Всегда заградотрядовцев больше, чем штрафников, так и напрашивается желание поменять их местами. Почему-то все одеты в новенькие! – откуда такая роскошь?! – шинели с красными вшивными погонами! Вшивные погоны полагались только генералам, все остальные, от рядового бойца до полковника, носили пристёжные. И красные! На фронте?! Заградотряд в касках! Это ж додуматься надо. Каски и в боевых подразделениях не очень-то жаловали.

– Вы сказали, что у вас нет ни малейшего желания подробно разбирать сериал «Штрафбат». И тем не менее, хоть несколько замечаний по сериалу.

– У этого сериала есть только одно достоинство – прекрасная игра актеров. Все остальное – полный бред, простите за резкое выражение. Остановимся на главном.

Никогда офицеры, сохранившие по приговору трибунала свои воинские звания, не направлялись в штрафные роты – только в офицерские штрафные батальоны.

Никогда уголовники не направлялись для отбытия наказания в офицерские штрафбаты – только в штрафные роты, как и рядовые, и сержанты… Никогда политические заключенные не направлялись в штрафные части, хотя многие из них, истинные патриоты, рвались на фронт защищать Родину. Их уделом оставался лесоповал…

Никогда штрафные роты не располагались в населенных пунктах. И вне боевой обстановки они оставались в поле, в траншеях и землянках. Контакт этого непростого контингента с гражданским населением чреват непредсказуемыми последствиями.

Никогда, даже после незначительного ранения и независимо от времени нахождения в штрафном подразделении, никто не направлялся в штрафники повторно.

Никогда никто из штрафников не обращался к начальству со словом «гражданин», только «товарищ». И солдатам не тыкали «штрафник», все были «товарищи», на штрафные части распространялся устав Красной Армии.

Никогда командирами штрафных подразделений не назначались штрафники! Это уже не блеф, а безответственное

вранье. Командир штрафного батальона, как правило, подполковник, и командиры его пяти рот – трех стрелковых, пулеметной и минометной – кадровые офицеры, а не штрафники. Из офицеров-штрафников назначаются только командиры взводов. Благословение штрафников перед боем – чушь собачья, издевательство над правдой и недостойное заигрывание перед Церковью. В Красной Армии этого не было и быть не могло. Я понимаю, что художник или режиссер имеют право на творческую фантазию, но снять сериал о войне, в котором исторической правды нет ни на грош!..

– Имел ли командир штрафной роты право отбирать себе солдат в подразделение?

– Командиры штрафных рот не комплектуют своих подразделений, кого тебе пришлют, с теми и будешь воевать. Еще одна важная деталь. Не было принято расспрашивать штрафников, за что они осуждены.

– Существует довольно распространенное заблуждение, что все штрафники были пламенными патриотами. Были ли случаи перехода солдат из штрафных частей на сторону врага?

– В нашей роте таких случаев не было зафиксировано. Куда переходить? К немцам в Курляндский котел? Социальная почва для переходов была, многих обидела советская власть. Бывшие раскулаченные, сыновья репрессированных считались потенциальными кандидатами на переход. Перебежчиков в конце войны было очень мало, но если быть предельно честным, то скажу, что такое позорное явление, как дезертирство, было довольно распространенным… Мало кто знает, но с 1942 года действовала секретная директива «…родственников и земляков, во избежание сговора и перехода на сторону врага – в одно подразделение не направлять». Только с середины 1944 года этот приказ строго не выполнялся. Я многократно был свидетелем приема пополнения в обычном стрелковом полку. Командир полка сам лично «выдергивал» людей не по списку, а указывая пальцем. Рядом стояли командиры рот и составляли поименные списки. Если боец выживал после первых боев и хорошо себя в них зарекомендовал, он мог, в дальнейшем, попросить командиров о переводе в роту к земляку или родственнику, но это бывало редко, каждый уже привыкал к новым товарищам, да и заботы у людей уже были другие.

– Женщины были в штрафных ротах?

– Женщин в штрафные роты не направляли. Для отбытия наказания они направлялись в тыл, в тюрьму. Впрочем, и это случалось крайне редко.

Не было в штрафных ротах и медработников. При получении задания присылали из медсанбата или соседнего полка медсестру. В одном из боев медсестра была ранена. Услышав женский крик на левом фланге, я поспешил туда. Ранена она была в руку, по-видимому, не тяжело, ее уже перевязывали. Но шок, кровь, боль… Потом – это же еще передовая, бой еще идет, чего доброго, могут добавить. Сквозь слезы она произносила монолог, который может быть приведен лишь частично: «Как «любить» (она употребила другой глагол), так всем полком ходите! А как перевязать, так некому! Вылечусь, никому не дам!» Сдержала ли она свою угрозу – осталось неизвестным.

– Использовалось ли штрафниками трофейное вооружение и обмундирование?

– Оружие трофейное использовалось повсеместно и было очень популярным. Старшине сдаем оружие выбывших из строя, а он спрашивает: «Чем вы там воюете? По ведомости все оружие роты давно сдали!» А без трофейного пистолета в конце войны трудно представить любого пехотного командира. Это было повальное увлечение.

А вот с обмундированием – перебор. Никто не будет по передовой бегать в немецком кителе, особенно в бою. Сапоги у многих были немецкие, не век же в обмотках ходить.

– Простите, что вновь напомню сериал «Штрафбат». Но эпизод с походом штрафников в разведку… Насколько он реален?

– Повторяю, что это – полный бред. Представьте, ушла в разведку группа штрафников и не вернулась. Пропала без вести или перебита на «нейтралке», и никто не знает, кто погиб, а кто в плен попал. Что скажет на допросе в свое оправдание командир роты, когда особисты пришьют ему «оказание помощи в умышленном переходе на сторону врага»? Где мы такого «камикадзе» найдем?..

Но больше всего бесит, что в этом сериале штрафники немцев в плен берут чуть ли не каждый божий день. Мы что, с дебилами воевали? На фронте пока одного «языка» добудут, немало разведгрупп в землю костьми ляжет. А тут?! Словно на танцы идут во Дворец культуры, а не за линию фронта. В офицерских штрафных батальонах в разведку ходили нередко, но там командиры доверяли штрафникам. А с нашей публикой –

разговор особый…

– Боялись ли вы выстрела в спину в бою? Сводили ли таким образом штрафники счеты с командирами? Насколько это явление было распространено в штрафных частях?

– Такое случалось нечасто. Во избежание подобных эксцессов к штрафникам и старались относиться как к обычным солдатам, с уважением говорили с каждым, но никто с ними не заигрывал и самогонку не «жрал». Им, штрафникам, терять нечего, там принцип «умри ты сегодня, я завтра». Но были случаи… Да и в обычных стрелковых подразделениях такое иногда происходило на передовой. Я знаю достоверный случай, когда свои же солдаты «шлепнули» в бою комбата. Командир батальона был грубая тварь, унижавшая солдат и офицеров, гробившая людей зазря. Чтобы охарактеризовать эту гниду, приведу один пример. У него в батальоне боец Гринберг подорвал гранатой себя и двенадцать немцев в захваченном им блиндаже. Ротный «заикнулся», мол, к Герою или к ордену посмертно надо представить. В ответ от комбата услышал: «Одним жидом меньше стало!»…Его свои бойцы застрелили, весь батальон знал, и никто не выдал.

Не всегда солдат был безмолвной «серой скотиной», посланной на убой. Но мы, в штрафной роте, всегда старались завоевать доверие солдат и делили с ними вместе все лишения.

– В штрафных частях в плен немцев брали или?..

– К концу войны ожесточение достигло крайних пределов, причем с обеих сторон. В горячке боя, даже если немец поднял руки, могли застрелить, но, если немец после боя выполз из траншеи с поднятыми руками, тут у него шансы выжить были довольно высоки. А если с ним сдалось еще человек двадцать «камрадов» – никто их, как правило, не тронет. Но… снова пример. Рота продолжает бой. Нас остается человек двадцать, и надо воевать дальше. Взяли восемь немцев в плен. Где взять лишних бойцов для конвоирования? Это пленных румын сотнями отправляли в тыл, без конвоя. А немцев…

Ротный отдает приказ: «В расход»… Все молчат… Через минуту идем дальше в атаку… И так бывало… «Власовцев» всегда убивали на месте.

То, что фашисты творили на нашей земле, – простить нельзя! Сколько раз видели тела растерзанных наших ребят, попавших к немцам в плен…

Когда немцы выбили нас из Шяуляя, то захватили наш госпиталь, расположившийся в двухэтажном здании. Нашу роту бросили на выручку пехоте. Но мы не могли пробиться! Танки

перекрыли подступы и расстреливали нас в упор. Отошли на высотку и видели в бинокли, как фашисты выбрасывают наших раненых из окон… О каких пленных после этого может идти речь?! Штрафники в плен брали относительно редко… Это факт. У многих семьи погибли, дома разрушены. Люди мстили… А какой реакции следовало ожидать? У нас были солдаты, прошедшие немецкий плен. После всех ужасов, которые они испытали, все слова замполитов о гуманности были для них пустой звук.

Еще страшный эпизод. В 1943 году летом наш стрелковый батальон пошел в атаку. Брали село в лоб, шли на пулеметы. После боя в живых осталось совсем немного счастливчиков. На земле сидел и истекал кровью командир роты. Осколком ему оторвало нижнюю челюсть. Подвели человек пять пленных немцев. Боец спрашивает: «Куда их?» Ротный достал из полевой сумки блокнот, вырвал листок и кровью (!) на нем написал: «Убить»…Но был случай, там же, под Шяуляем, который до сих пор не дает мне покоя.

Нашу оборону перешел человек, без оружия, в поношенной гражданской одежде. Никаких документов при нем не было. Быть может, бежал из лагеря и пробирался домой. На свою беду он ни слова не понимал ни по-русски, ни по-немецки. Позвали литовца – то же самое. А он говорил и говорил, пытаясь хоть что-то объяснить. Скорей всего это был латыш или эстонец, но никто не знал ни латышского, ни эстонского языка. Проще всего было отправить его в вышестоящий штаб. Но с ним надо было послать конвойного. Расстрелять – проще. Как говорил «великий вождь»: «нет человека – нет проблемы». Я пытался предотвратить расправу. Начальство посмотрело на меня с недоумением. Еще и обругали… Неоднократно, когда я пробовал остановить расстрел пленного, мне мои же товарищи говорили: «Ты почему их жалеешь?! Они твою нацию поголовно истребили!..»

Особенно грешили расстрелами не окопники, а штабные, тыловики. Тех же румын надо было по дороге в плен от «героев второго эшелона» охранять… Немцы всегда знали, кто стоит на передовой перед ними. Если знали, что перед ними штрафники, то дрались с нами более стойко и ожесточенно. Но в принципе немцам было глубоко плевать, кто на них идет в атаку. Психологически, наверное, немцам было тяжело воевать против штрафных офицерских батальонов, слишком велико желание штрафбатовцев искупить свои «грехи». А воевали немцы толково, умело и храбро.

– Как освобождались штрафники, не получившие ранения в

боях? Заседал трибунал для принятия решения об освобождении от наказания или их дела рассматривал кто-то другой?

– Командир роты имел право отменить наказание за героизм даже тем бойцам, у которых не истек срок пребывания в роте, указанный в приговоре. А на деле происходило так… После нескольких операций у нас осталось около двух десятков бойцов. Не ранены. Но в боях участвовали, и мы с полным основанием передаем их в соседний стрелковый полк. В штаб идет только список «искупивших и проявивших» за подписью командира. Солдаты сдают оружие старшине. Они получают оружие в своих новых подразделениях. Никаких заседаний трибуналов или консультаций с особистами. До последнего солдата мы не воевали… Далее, кто из постоянного состава роты оставался живой, возвращался в армейский запасной полк в ожидании очередного эшелона с «уголовным пополнением». Привозят «каторжан», подписываем акт «о приемке», личный состав строится и следует в расположение роты. Штрафники получали оружие уже непосредственно у нас. Получали обмундирование, распределялись по взводам. Все достаточно прозаично. Никто не ездил в тыл набирать штрафников.

– Отличался ли национальный состав штрафных рот от обычных стрелковых?

– Нацменов было меньше, чем в стрелковых подразделениях. В основном у нас были славяне. Евреев среди солдат нашей штрафной роты практически не было. За восемь месяцев моего пребывания в роте – на войне это очень большой срок – попался только один еврей, и меня немедленно позвали на него посмотреть. Это был портной из Прибалтики, и он не выглядел удрученным или несчастным. У евреев высоко развито чувство долга, если и попадали в штрафную, то только случайно или за какую-нибудь мелочь. Ну и командир-антисемит мог «упечь» в штрафную. И такое бывало… Хотя Семен Ария в своих воспоминаниях упоминает нескольких евреев, своих товарищей по штрафной роте. Среди офицеров моей роты было трое украинцев и четверо русских.

Зато соседней штрафной ротой командовал еврей Левка Корсунский, с манерами одессита. Явившись в тихую минуту к нам в гости на шикарном трофейном фаэтоне, запряженном парой красавцев коней, он снял с левой руки шикарные швейцарские часы и бросил налево, снял с правой и бросил направо. Это был жест! Современному человеку трудно объяснить. Часы были предметом постоянного вожделения и

нередко служили наградой. Не знавшие ни слова по-немецки наши солдаты быстро научились произносить «вифиль из ди ур». Ничего не подозревающий немецкий обыватель охотно доставал карманные часы, и они немедленно перекочевывали в карман к воину-победителю.

После войны долго разыскивал Корсунского и Тещина, но безуспешно. Как сложилась их судьба? Живы ли?

– Доводилось ли вам после войны встречаться с кем-нибудь из бывших штрафников вашей роты?

– После Победы я некоторое время служил в Вентспилсе. Однажды утром навстречу попалась группа моряков. Надо сказать, что отношения с моряками были не простыми и не всегда мирными. Один из моряков неожиданно кинулся ко мне и стал душить. Ввиду численного превосходства сопротивляться было бесполезно, оставалось лишь покорно ждать своей участи. Четверо других моряков стояли в стороне и почему-то улыбались. Прежде чем я понял, что моей «драгоценной жизни» ничего не угрожает, мои новые, только накануне тщательно прилаженные погоны, оказались безнадежно смяты. Это был наш бывший штрафник, командир морского «охотника», отбывший штраф по ранению или по сроку, уже не вспомнить, на корабль его вернули, но в офицерском звании еще не восстановили, и он был в мичманских погонах. О свободе передвижения говорить уже не приходилось. Я был «взят под белы руки», и наша живописная группа – я в зеленом, остальные в черном – поволокла меня на пирс. Корабли стояли на другой стороне Венты. Один из моряков встал на скамейку и стал размахивать руками. Я понял – флажковая сигнальная азбука. С корабля заметили, что-то «написали» в ответ, быстро спустили шлюпку, и вскоре мы все очутились в тесном кубрике. Стол был уже накрыт. Дальнейшее вспоминается смутно…

– Были ли в вашей штрафной роте случаи насилия или грабежей мирного населения?

– Наша рота заканчивала войну в Прибалтике, и тогда эта земля была советской территорией, а литовцы и латыши были советскими гражданами. По этой причине наша рота вела себя относительно пристойно. По закону военного времени за бандитизм предусматривался расстрел на месте. Жить хотели все. Но был один позорный инцидент, запятнавший нашу роту. В самом конце войны наш штрафник, грузин по фамилии Миладзе, изнасиловал нескольких женщин в ближайших к месту дислокации роты хуторах. Поймали его уже после 9-го мая и

вместо вполне заслуженной «высшей меры» он получил восемь лет тюрьмы.

– Допустим, штрафник искупил вину кровью и вернулся в обычную войсковую часть. Влиял ли факт его пребывания в штрафных подразделениях на дальнейшую карьеру или награждения?

– Офицеров возвращали обычно с понижением в должности. Немало бывших офицеров-штрафников в конце войны командовали батальонами и полками. Я таких двоих знал лично. В наградах за последующие боевые достижения, как правило, ограничивали. В штабных канцеляриях перестраховщиков хватало всегда. Я слышал только о трех бывших штрафниках, получивших впоследствии звание Героя Советского Союза. Это Карпов и командир саперного батальона из нашей 51-й армии Иосиф Серпер. Оба получили звание Героя, если я не ошибаюсь, только после третьего представления к звезде Героя. Третий Герой, комполка из 16-й СД подполковник Лысенко, тоже был в свое время в штрафниках. Был еще, кажется, сержант-артиллерист, Герой Союза, успевший в свое время повоевать в штрафной роте. Возможно, таких людей было немало. Я не обладаю полной информацией по этому вопросу. Одно знаю точно, что в официальных источниках эта тема никогда не затрагивалась.

Да и офицеров постоянного состава штрафных подразделений наградами баловали не особо щедро. Пишут, что только один командир штрафной роты, азербайджанец Зия Буниятов, стал Героем СССР. Но было еще несколько человек. В наградных листах на них писали «командир ударного батальона» (или роты), избегая слово – «штрафной». Если в пехоте комбата, прорвавшего укрепленную оборону противника, могли сразу представить к высокой награде, вплоть до высшего звания, то на нас смотрели как на «специалистов по прорывам». Мол, «…это ваша повседневная работа и фронтовая доля. Чего вы еще хотите?»…

– С «власовцами» приходилось сталкиваться? Как к ним относились солдаты?

– Мы их люто ненавидели. Вот сейчас пишут, что почти миллион бывших советских граждан служили в германской армии. Пусть в основном во вспомогательных частях. Но эти люди предали Родину! Пытаются выставить бывших коллаборационистов борцами за «Свободную Россию»… Для нас, фронтовиков, они были и есть – предатели и изменники! Даже тех, кто пошел на службу к немцам, чтобы не умереть с голоду в

концлагерях, не могу оправдать. Миллионы предпочли смерть, но остались верными своему долгу. Очень трудно установить критерий, по которому можно судить человека, когда его собственная, один-разъединственный раз дарованная жизнь висит на волоске, да еще таком тонком, таком неверном, и может оборваться в каждое следующее мгновение, как только что на его глазах оборвалась жизнь товарищей…

«Власовцами» называли всех бывших советских граждан, служивших в немецкой армии. Приходилось и с ними сталкиваться. Разные были встречи…

Один раз взяли в плен бывшего майора РККА в немецкой форме. Начали его допрашивать, он молчит. А потом вдруг крикнул: «Стреляйте, суки! Ничего вам не скажу! Ненавижу вас!» Из бывших раскулаченных крестьян оказался, советскую власть ненавидел всей душой. До трибунала он не дожил…

Другой случай покажется неправдоподобным… Мы стояли против немецкой линии обороны всего в семидесяти метрах. Нейтральной полосы фактически не было. В немецких окопах сидел батальон «власовцев». Они кричали нам из траншей свои фамилии и места проживания родных, просили написать их домашним, что они еще живы. Рядом со мной стоял лейтенант, командир взвода. Я заметил, как его лицо передернуло судорогой, он резко развернулся и ушел по ходу сообщения в блиндаж. Уже в конце войны он рассказал мне, что тогда услышал голос своего отчима, воспитывавшего его с пяти лет. А родного отца, лейтенанта, расстреляли в ЧК еще в 1921 году. Отец был священником… Что здесь добавить?.. Когда через два дня, утром, мы пошли в атаку, в окопах сидели уже немцы, «власовцев» сменили предыдущей ночью. Некоторые из нас, наверное, были в душе этому рады. Мой товарищ, Женя Зеликман, при штурме Кёнигсберга был командиром роты в 594-м стрелковом полку, в котором мне пришлось хлебнуть лиха летом и осенью 1942 года. Мир тесен, как говорится. Он рассказал, что когда немцев прижали к морю на косе Фриш-Гаф, они ожесточенно сопротивлялись, но вскоре поняли, что это бессмысленно, и стали «пачками» сдаваться в плен. Вечером старшие офицеры стали сортировать пленных. Отделили большую группу русских, украинцев, белорусов, нацменов из Туркестанского легиона, и началось настоящее побоище. Тех, кто воевал против нас в гитлеровской армии, ненавидели больше, чем немцев. Пощады они не просили. Да вряд ли их тогда кто-нибудь бы пощадил…

– В последние годы столько написано псевдоисторической

правды. И уже десантный отряд Цезаря Куникова состоял из штрафников. Отряд Ольшанского, высаженный десантом в Николаеве, тоже объявлен штрафным. А Саша Матросов стал и штрафником, и татарином. И Зееловские высоты брали штурмовые батальоны, да и вообще, иной раз такое напишут, что хоть стой, хоть падай, мол, войну выиграли вчерашние заключенные, гонимые безоружными на немецкие пулеметы. И Рокоссовский стал в иных публикациях – «главный штрафник страны». Кто сейчас расскажет, что было на самом деле?

– Отряды Куникова и Ольшанского состояли из моряков-добровольцев, знавших, что идут почти на верную смерть. Кстати, три человека из куниковского батальона за последние годы переехали сюда на постоянное место жительства. Адрес одного из них, Андрея Хирикилиса, я попробую вам достать… По поводу штурма Берлина. Штрафные части принимали в нем участие. Это факт. Бытует мнение, что штрафные части сыграли решающую роль в войне и они чуть ли не главные творцы Победы. Это заблуждение.

Да, штрафники воевали отчаянно. Но обстановка была такой, что и обычным частям было не легче. Армия может занимать по фронту, в зависимости от обстановки, от нескольких километров до нескольких десятков километров. В последнем случае командование не станет перебрасывать на нужный участок штрафную роту. Передвижение этого не совсем обычного подразделения вдоль линии фронта, в ближнем тылу, чревато неприятностями. В штрафные роты не набирались «лучшие из лучших». Совсем даже наоборот… И в разведку боем будет назначен обычный стрелковый батальон, свежий, либо с соседнего участка, и очень редко тот, который занимает здесь оборону. Чистая психология – солдат приживается к своей траншее, к своему окопу и ему труднее покинуть обжитое место и подняться в атаку. Это учитывается.

Штрафные роты и батальоны сыграли свою важную роль на войне. Но утверждения, что у Рокоссовского воевали одни штрафники, – глупость. Да и составляли штрафники не более одного процента от численности Действующей армии.

– По поводу особистов что-нибудь скажете? И о приказе № 227?

– Не надо «демонизировать» служивших в особых отделах. Последнее время в любом кинофильме о войне, кроме «Августа сорок четвертого», особистов показывают этакими садистами, бродящими с наганом в тылу и ищущими солдатский затылок. Надо просто уяснить, что часть армейских чекистов и

контрразведчиков боролась со своим народом и является преступной, но большинство выполняли свой долг в соответствии с установками того непростого времени. Вам сейчас этого не понять… На фронте летом 1942 года остатки полка отвели в тыл. Выстроили «покоем». Особист вывел незнакомого мне солдата на середину, под охраной двух бойцов. Зачитал приговор. Солдат был самострелом. Помню только одну фразу из речи особиста: «Лучше погибнуть от немецкой пули, чем от своей!» Расстреляли этого солдата… В начале войны долго не церемонились. Расскажу еще трагический случай, произошедший у меня на глазах. О приказе Сталина № 227 вы знаете. Бессмысленно спорить сейчас – хороший или плохой был приказ. В тот момент – необходимый. Положение было критическим, а вера в победу – на пределе. Командиром минометной роты в нашем полку был 22-летний Александр Ободов. Он был кадровым офицером и до войны успел окончить военное училище. Дело знал хорошо, солдат жалел, и они его любили. Да и командир был смелый. Я дружил с ним… Саша вел роту к фронту, стараясь не растерять людей и матчасть. В роте было много солдат старших возрастов, идти в жару с тяжелыми 82-мм минометами было трудно, приходилось часто отдыхать. Рота отстала от полка на сутки. Но война не жалеет и не прощает… В тот день мы несколько раз атаковали немцев и не продвинулись ни на шаг. Я сидел на телефоне, когда позвонил командир дивизии. Передал трубку командиру полка. «Почему не продвигаетесь?» – спросил командир дивизии. Комполка стал что-то объяснять. «А вы кого-нибудь расстреляли?»…Командир полка сразу все понял и, после некоторой паузы, произнес: «Нет». – «Так расстреляйте!» – сказал комдив. Это не профсоюзное собрание. Это война. И только что прогремел 227-й приказ. Вечером, когда стемнело, командиры батальонов и рот и политруки были вызваны на НП командира полка. Веером сползлись вокруг. Заместитель командира стал делать перекличку. После одной из фамилий неостывший еще голос взволнованно ответил: «Убит на подходе к НП! Вот документы!» – из окопа протянулась рука и кто-то молча принял пачку документов. Совещание продолжалось. Я только что вернулся с переднего края, старшина сунул мне в руки котелок с каким-то холодным варевом, и я доедал его сидя на земле. С НП доносились возбужденные голоса. После контузии я слышал плохо, слова разбирал с трудом. Из окопа НП, пятясь, стал подниматься по ступенькам Саша Ободов. Следом, наступая на него и распаляя себя гневом, показались с пистолетами в руках комиссар полка, старший батальонный комиссар Федоренко и капитан-особоотделец, фамилия которого в моей памяти не сохранилась. (Это было еще до введения

единоначалия в армии, тогда комиссар и командир полка имели равные права, подпись была у командира, а печать у комиссара.) «Товарищ комиссар! – в отчаянии, еще не веря в происходящее, повторял Саша. – Товарищ комиссар! Я всегда был хорошим человеком!» Раздались хлопки выстрелов. Заслоняясь руками, Саша отмахивался от пуль как от мух. «Товарищ комиссар! Това…» После третьего выстрела Саша умолк на полуслове и рухнул на землю. Ту самую, которую так хотел защитить… Он ВСЕГДА был хорошим человеком. Было ему всего двадцать два года.

Немцы непрерывно освещали передний край ракетами и низко расстилали над нашими головами разноцветный веер трассирующих пуль. Время от времени глухо ухали мины. Ничего не изменилось… Война продолжалась… Кто-то крикнул: «На партсобрание!» Сползлись вокруг парторга. Долго, не глядя друг на друга, молчали. Не сразу заговорил и парторг. Буквально выкрикнул: «Товарищи коммунисты! Вы видели, что сейчас произошло! Лучше погибнуть в бою!» Так и записали в решении: «Биться до последней капли крови. Умереть в бою…» Особистами и военными трибуналами расстреляно 150 тысяч человек… Никогда не узнаем, сколько из них – невинные жертвы… А сколько расстреляли без суда и следствия! Как определить ту меру жестокости, которая была необходима, чтобы победить?.. Необходима ли?.. Всегда ли?..

– Вообще, нужно ли сейчас рассказывать всю горькую и тяжелую правду о войне?

– Не знаю… Война вещь страшная… Сколько людей уже ушло из жизни, так и не рассказав людям, что им пришлось испытать, не рассказав свою правду войны. А сколько еще живы, но молчат, думая, что никому это уже не нужно. Вот вам пара примеров, и вы сами подумайте, нужна ли людям такая правда о войне…

Мой товарищ Алексей Дуднев, командир пулеметной роты, раненный в голову (пуля попала под левый глаз и вышла в затылок), выползал из окружения. Полз по полю боя, вокруг свои и чужие убитые. На горизонте показалась редкая цепочка людей. Они шли к передовой, время от времени наклонялись. Санитары, подумал он и пополз им навстречу. До слуха донесся пистолетный выстрел. Не обратил внимания. Раздалось еще два сухих хлопка. Насторожился, присмотрелся. Люди были в нашей форме, из «азербайджанской» дивизии. Мародеры! Пристреливают раненых и обирают убитых. Остаться в живых после смертельного ранения и погибнуть от рук своих! Но какие это «свои»?!. Они хуже фашистов. Пристрелят! – горько думал он,

но продолжал ползти. Встретились. С трудом повернув голову, он попросил: «Ребята! Пропустите!» И они его пропустили! То ли сжалились над его молодостью, то ли автомат, – которым он все равно не мог воспользоваться, – произвел впечатление, но пропустили! Еще не веря в свое второе спасение, пополз дальше и к утру приполз в медсанбат… Медсанбат был другой дивизии и его не приняли. Фронтовики знают, что в наступлении медсанбаты, как правило, принимали раненых только своей дивизии и очень неохотно из других соединений. Там такой поток раненых идет, что обрабатывать их не успевали. Это было ужасно обидно и казалось кощунством, сейчас можно возмущаться сколько угодно. Но так бывало нередко… Дали Алексею кусок хлеба. Есть он не мог. Отщипывал маленькие кусочки, проталкивал сквозь зубы и сосал. И полз дальше. Отдыхал и снова полз. Так дополз до госпиталя, там приняли и перевязали. На пятые сутки после ранения. И это не выдумка.

Солдат нашего батальона (не буду называть его фамилию, он прошел войну и, возможно, еще жив), парень 19 лет. Так случилось, что батальон освобождал его родное село, которое было взято без боя. Дом его находился на другой окраине. Пока до дома дошел, соседи рассказали, что мать при немцах открыла публичный дом, и его невесту тоже вовлекла в эту грязь. Солдат весь затрясся. Зашел в дом и застрелил мать! Хотел и девушку свою застрелить, но не успел, комбат не позволил убить…

– Часть своего фронтового пути вы прошли в качестве политработника ротного и батальонного звена. Сейчас только «ленивый не кинет камень в комиссаров». Что для вас означало быть коммунистом и политруком на фронте?

– Я не стесняюсь своего членства в партии. Я не был партийным функционером и не пользовался никакими номенклатурными благами. Я вступил в партию под Сталинградом. Ночью к моему окопу подползли комиссар и парторг полка, они дали мне рекомендации, третья – от комсомольского бюро полка. Никакого собрания не было. Политотдельский фотограф сидел у противоположной стены окопа до рассвета. Вспышки он сделать не мог, это была бы последняя вспышка в его жизни, да и в моей тоже. Щелкнул и поскорее уполз (только комсомольские билеты на фронте были без фотографий). Зато привилегию я получил сразу. Комиссар вызвал: «Ты теперь коммунист! Будет зеленая ракета – вскочишь первым – За Родину! За Сталина! И вперед! Личным примером!» Фраза «личным примером» – была у начальства одной из любимых. Легко сказать… Вскакивать не хотелось. Ни первым. Ни

последним. Это после войны нашлось много желающих… А тогда их было почему-то во много крат меньше. У Александра Межирова есть стихи «Коммунисты! Вперед!». Так было. И вскакивал. Как будто внутри пружина заложена. И бежал в атаку. И кричал… Что? Не знаю. Наверное, матерился. Все равно никто этого не слышал. И я тоже. Перед атакой призыв «За Родину! За Сталина!» – звучал только в речах политработников и командиров. А в самой атаке солдаты кричат «Ура!» и нечто среднее между «А» и «У», чтобы подбодрить себя и напугать противника, но никаких лозунгов «За Сталина!» никто в бою никогда не кричал.

А подлецов хватало и среди политработников, и среди простых командиров. Но в большинстве своем – это были патриоты, не жалевшие жизни во имя Победы.

– Вы упомянули Межирова. У него есть еще известное стихотворение «Мы под Колпином скопом стоим, артиллерия бьет по своим…». Такое у вас случалось?

– Конечно, иногда, и свои штурмовики, и свои артиллеристы промахивались. Была такая шутка – «Бей своих, чтобы чужие боялись!».

Как правило, получали от своих только в наступлении, по причине несовершенства связи и быстро меняющейся обстановки.

– Наградной темы коснемся?

– В 1942 году солдата нашего полка наградили медалью «За отвагу». Полк вывели на митинг по поводу его награждения… Награждать начали щедро только с 1944 года. В принципе никакой справедливости в этом отношении не было никогда. Я видел солдата после шести(!) ранений с одинокой медалью на груди. В штаб приезжаешь – там «иконостасы» на кителях. В штрафную роту я пришел с двумя орденами Красной Звезды, а за последний фронтовой год получил орден Отечественной войны. Хотя в штрафной роте за каждую атаку можно было спокойно по ордену давать. Я за наградами не гонялся и у начальства не выпрашивал. Один раз только, в 1943 году, спросил у комполка, что слышно про орден Красного Знамени, к которому был представлен, а ответа так и не услышал. Потом выяснилось. Был у нас писарь в штабе полка, некто Писаренко (полное соответствие должности и фамилии), так он мой наградной лист уничтожил, фамилия ему моя не понравилась. Потом мне в госпиталь письмо написал. Каялся, извинялся…

А что дали или что не дали – какая сейчас разница. Евреев в наградах очень часто ограничивали, я знаю много подобных

случаев. Документально подтвержденные факты хотите? Сколько угодно. Чего только стоят примеры танкистов Миндлина, Фишельсона, Пергаменщика, пехотного комбата Рапопорта, летчиков Нихомина и Рапопорта, партизана Беренштейна, морского пехотинца Лейбовича, которых по три раза за время войны представляли к званию Героя Советского Союза, но этого звания они так и не получили. В пехоте, в отличие от танковых или артиллерийских частей, антисемитизм был махровым, неприкрытым и процветал. Не забывайте еще одну немаловажную деталь: я был сын «врага народа». В личном офицерском деле это было указано. Вот, например, у Григория Поженяна, дважды представленного к званию Героя и не получившего этого звания, на личном деле было написано красным карандашом: «мать – еврейка, отец – враг народа». Тогда подобная аннотация звучала совсем не смешно.

– Беседую с фронтовиками, спрашиваю, что было самым трудным на войне? Многие отвечают – фронтовые дороги. Опишите пехотного солдата на марше.

– На пехотном солдате всего навешано, как на том ишаке. Иного, кто ростом не вышел, не видно из-за снаряжения. И скатка, и вещмешок, и противогаз (будь он неладен), и каска, и саперная лопатка, и котелок, еще сумка полевая, два подсумка с патронами. В противогазную сумку гранату запихаешь. Ну и винтовка или автомат. Пот льет ручьями. На просушенных солдатских гимнастерках проступают белые пятна соли, снимешь гимнастерку – коробом стоит. Пыль фронтовых дорог, истертых до центра земли… В освобожденных селах угощали семечками, немцы называли их «русский шоколад». Семечки помогали скоротать дорогу. Шинельный карман отщелкал – 10 километров прошел, вот такой был солдатский спидометр. Переходы по восемьдесят километров за двое суток вспоминаются как кошмар. Спали на ходу. Да еще по четыре 82-мм мины на шею повесят. С миной падать не рекомендуется, особенно во второй раз. От удара мина могла встать на боевой взвод. Идешь, все тело от пота и вшей зудит, желудок от голода к спине прилипает. Так и дошли до Победы.

– Свой последний бой или последний фронтовой день помните?

– Боем это не назовешь, но как я встретил последний день войны, я вам сейчас расскажу. Курляндия. Уже сообщили, что Берлин взят. Готовимся к атаке, саперы сделали проходы в минных полях перед нами. Напротив немецкие доты и четыре

вкопанных в землю танка. До немцев метров триста. День «не обещал быть приятным». Смотрим – над немецкими траншеями шатаются белые флаги и исчезают. Все разочарованно вздыхают и матерятся. Вдруг белый флаг твердо возвысился над бруствером. На всякий случай артподготовку отменили. К нашим окопам никто не идет, видно, боятся получить в спину пулю от своих. Все смотрят на меня. В роте я один знал немецкий язык, и иногда приходилось допрашивать пленных. Боец, стоявший рядом, говорит: «Да если что, от них мокрое место оставим». И оставят… Такое подразделение… Только я не увижу того самого мокрого места. Встаю демонстративно в полный рост на бруствер, снимаю пояс с пистолетом. Достаю носовой платок, цветом отдаленно напоминающий белый, и на негнущихся ногах иду в сторону противника по разминированной тропинке. Тишина. Фронт замер. Вдруг сзади шаги. Один из наших штрафников, молодой и здоровый парень, меня догнал. Пошли дальше вдвоем и добрались до немецкой обороны целыми. Спустились к немцам в траншею. А они митингуют, кричат, на нас кидаются. Мой солдат нервничает, да и я тоже гранату в кармане «лакаю». И думаю про себя: «Это же надо, в последний день так глупо погибнуть придется!» Немцы говорят быстро, я от волнения слов не разберу. Привели к оберсту. Я сначала, кроме «Сталин гут, Гитлер капут», не могу ничего внятно сказать. Овладел собой и заявляю: «Гарантируем жизнь, отберем только оружие». Оберст только головой кивает, понял, что я еврей, до разговора со мной не унижается. Пошли назад, я все эти метры ждал выстрела в спину. Обошлось. Когда немцы шли сдаваться, бойцы кричали «Ура!» и обнимались. Все понимали, что война для нас кончилась и мы остались живы!!! Пленных немцев разоружили, «освободили» от часов и отправили дальше в тыл.

По случаю завершения войны личный состав роты был амнистирован.

– Пили на фронте много? Полагались ли штрафникам 100 грамм «наркомовских»?

– Как и всему личному составу фронтовых частей. Зимой, а также в наступлении, вне зависимости от времени года. Я на фронте пил мало. Бутылку водки делили спичечным коробком, поставленным торцом. Пять коробков – бутылка поделена. Самогонку бойцы часто доставали. Бывало, и древесный спирт по незнанию выпьют и погибают в страшных муках. Очень много народу погибло на войне по «пьяному делу».

Немцы досконально знали нашу психологию и нередко, покидая оборонительные рубежи в каком-нибудь населенном

пункте, оставляли нетронутую цистерну спирта на железнодорожных путях. А через пару часов отбивали этот пункт снова. У нас уже воевать было некому. Все были «в стельку»… Примеры… Любого фронтовика спросите. Чего стоит только первое взятие Шяуляя. Но дикий случай произошел на станции Попельня. Взяли станцию, а там цистерна спирта. Начали отмечать успех. Через несколько часов на станцию прибыл эшелон немецких танков. Спокойно(!!!)разгрузились и выбили нас оттуда. Наши танки Т-34 стояли без экипажей. Танкисты изрядно приняли «на грудь». Видел я однажды, как генерал застрелил командира батареи за то, что тот осмелился возразить, получив гибельный приказ. Но был ли генерал пьян?

Мой комбат Иващук тоже погиб, будучи пьяным. Выехал на белом коне на передний край и начал немцев матом крыть. Немцы кинули мину. Был бы Иващук трезвым, может, развернулся бы и ускакал, но он продолжал что-то немцам кричать, угрожая в сторону их окопов кулаком. Следующей миной его накрыло. Нелепая смерть…

– После всего пережитого на передовой вам никогда не хотелось «довоевывать во втором эшелоне»?

– После госпиталя я пару месяцев служил в батальоне связи. Отдыхал от войны, так сказать. Но и там люди погибали. Своей судьбы не знает никто.

Как-то шли по полю с командиром роты связи. На мне катушки с проводом на 400 метров. Появился в небе немецкий пикировщик и стал за нами охотиться. Всего лишь за двумя (!) людьми в военной форме. Побежали к окопам. Я отстал, а старший лейтенант успел добежать и прыгнуть в окоп. Думаю – все… Метров двадцать до окопа оставалось, а туда бомба прямым попаданием. Вот такая бывает служба во втором эшелоне… Мой товарищ Генрих Згерский, командир радиороты, высокий широкоплечий красавец, погиб от случайной мины, находясь в километре от передовой. Гибель Саши Кисличко и Генриха Згерского – для меня самые горькие утраты на войне.

Осенью сорок второго года, когда в центре Сталинграда сложилась тяжелая обстановка, наша дивизия была переброшена северо-западнее города, с целью оттянуть на себя часть сил противника. Шли к передовой, чтобы с ходу вступить в бой. Проходили вдоль огромной балки, в которой сотни людей копали щели и «зарывались в землю». Штабы, санбат, артиллеристы, обозы, кого там только не было! Пологие склоны балки были сплошь изрыты щелями, возле которых копошились, что-то укрепляя и прилаживая, солдаты. Некоторые сидели и с

наслаждением курили разнокалиберные самокрутки, – день был теплый. Это ж сколько народу во втором эшелоне! А на передовой раз-два и обчелся… Через несколько часов, когда остатки батальона возвращались из боя, балки было не узнать… Война прошлась по ней, да, видно, не один раз. Скорей всего здесь поработали немецкие пикировщики. Все изрыто, исковеркано. Ни одной уцелевшей щели, ни одного окопа, узкая дорога по середине балки завалена разбитой техникой, перевернутыми, изломанными бричками. Еще дымились опрокинутые кухни с солдатскими щами. И трупы, трупы, трупы… Их еще не успели убрать. Уцелевшие, полуоглохшие, не пришедшие еще в себя от дикого разгула войны солдаты перевязывали раненых товарищей и пристреливали покалеченных лошадей. Подавленные увиденным, мы с трудом пробирались по балке, осторожно переступая через трупы людей и лошадей, как будто им можно было еще повредить. Я шел и думал: «Это ж сколько людей побито! Вот тебе и второй эшелон! Нет, на передовой лучше…»

Гольбрайх Е.А. с женой

– Почему люди вашего поколения, хоть и звучит это странно, называют годы войны лучшим временем своей жизни?

– Для многих людей моего поколения война была лучшим временем нашей жизни. Война, с ее неимоверной, нечеловеческой тяжестью, с ее испытаниями на разрыв и излом, с ее крайним напряжением физических и моральных сил, и… все-таки – ВОЙНА. И дело не только в тоске по ушедшей молодости.

На войне нас заменить было нельзя… И некому…

Ощущение сопричастности с великими, трагическими и героическими событиями составляло гордость нашей жизни.

Я знал, что нужен. Здесь. Сейчас. В эту минуту. И никто другой…

Войцехович Владимир Викторович

Я родился 10 мая 1924 года в селе Скобровка Пуховического района Минской области. Мама моя была простой колхозницей, а отец Виктор Степанович служащим, работал в райисполкоме. В нашей семье было пятеро детей – три мои младшие сестры и

брат. Я успел окончить 10 классов в школе в Марьиной Горке. Наша школа имела такую прекрасную репутацию, что выпускников математических классов, а я как раз учился в таком, после собеседования, без экзаменов, принимали учиться в знаменитый «Бауманский» институт в Москве. Достаточно сказать, что уже в 10-м классе мы изучали высшую математику… Если девочки поступали еще и в медицинские институты, то все ребята поголовно шли только в «Бауманку». Я учился очень хорошо, знал, что поступлю в институт, стану инженером, и поэтому мое будущее виделось мне вполне определенным. Помимо математики и физики нам прекрасно преподавали и другие предметы, например литературу. Наш преподаватель – Ничипорович Лидия Николаевна была, я считаю, выдающимся учителем. Своими уроками она на всю жизнь привила и мне, и всем остальным ребятам любовь к литературе. Многие из нас, например, знали наизусть «Евгения Онегина», сказки Пушкина, отрывки из произведений Гоголя, Тургенева. С тех пор прошло уже столько времени, но я до сих пор многое помню наизусть.

– Ваше поколение воспитывали в духе патриотизма, верности Партии.

– Да, мы свято верили и продолжаем верить в идеалы справедливости, равенства и братства, для нас это не пустые слова. Но, кроме того, огромную роль в моем воспитании сыграли и родители, их народная мудрость. Они учили меня честно работать, не врать и не воровать, уважать старших. Так что воспитание у меня, да и у нашего поколения в целом, было неким сплавом старого и нового.

– Было предчувствие надвигающейся войны?

– Было общее ощущение, что война будет, но не завтра или послезавтра. В школе огромное внимание уделялось патриотическому воспитанию, физической и военной подготовке. Мы, старшеклассники, даже изучали устройство 45-мм пушки, а винтовку и пулемет «максим» могли разобрать и собрать с завязанными глазами. Регулярно устраивались различные соревнования. За то, что я выиграл кросс, военные мне вручили карманные часы. Вы даже представить себе не можете, какая эта была награда по тем временам, наверное, как если бы сегодня вручили машину…

Но когда по радио объявили, что немцы напали, то у людей был просто шок. Я как раз возвращался с рыбалки и еще удивлялся в то утро, почему столько самолетов летает, а люди слушали на улице сообщение по радио.

Вечером 22 июня у нас должен был быть выпускной вечер, но он не состоялся, т. к. в шесть часов вечера был налет немецкой авиации, и у нас в Пуховичах разбомбили военный городок и нефтебазу. Никакого страха тогда у меня еще не было, я даже с интересом наблюдал, как самолеты сбрасывают над нашей головой бомбы, за что меня отец обматерил, тогда я первый раз в жизни услышал от него такие слова… Военные были в лагерях, поэтому в городке погиб только один человек, зато нефтебаза горела два дня.

– Как вы оказались в истребительном батальоне?

– В прифронтовой полосе действовало много немецких диверсантов и агентов, и, видимо, поэтому райкому партии поручили сформировать истребительный батальон, основной задачей которого была борьба с ними.

Уже 24 июня меня и семь моих одноклассников направили служить в этот батальон. Когда нас увозили, то мы были уверены, что разгромим немцев буквально за несколько дней… Мне еще мой дядя, у которого после тяжелой контузии на «финской» отнялись ноги, сказал: «Привези мне из-за границы коньяк, говорят, он в таких случаях помогает…»

В батальон направляли не только молодежь, но и взрослых мужчин, так что его состав был весьма пестрый. Выдали нам всем по винтовке и 10 патронов, гранаты, два ручных пулемета было. Формы на всех не хватило, поэтому кто-то щеголял только в гимнастерке, кто-то только в брюках, а большинству не хватило и этого, ходили в своей гражданской одежде. Командиром к нам назначили кадрового старшего лейтенанта, который разбил нас на звенья по шесть человек. Главной нашей задачей было следить, чтобы не резали провода на столбах, ловить агентов, которые пускали ракеты для ориентира немецкой авиации, и часть нашего батальона охраняла мост.

Однажды мы задержали человека, который пускал ракеты для немецкой авиации. Сдали его в милицию и ушли. А этот диверсант во время допроса как врезал милиционеру! – и сбежал через окно; так и не поймали его потом.

А во второй раз, патрулируя свой участок, мы увидели, что кто-то из кустарника пускает ракеты в направлении военного городка, наводя на него немецкую авиацию. Мы окружили этот кустарник и задержали там одного литовца, правда, ракетницы при нем мы так и не нашли, но были абсолютно уверены, что это делал именно он, другому больше некому было. Мы его, конечно, арестовали и повели сдавать военным, т. к. сами мы ничего предпринимать не могли. Но по дороге мы встретили взвод

солдат в новенькой форме, объяснили их командиру, в чем дело. Этот лейтенант проверил его документы, причем литовец в это время ехидно улыбался, и… отпустил его. Мы попытались возразить, но он нам сказал: «Это беженец из Литвы, оставьте его в покое». Наш старший лейтенант, которому, возвратившись, мы все рассказали, равнодушно как-то заметил: «Наверное, вы ошиблись». Только позже я подумал, что скорее всего это был отряд немецких диверсантов, я почти уверен в этом. Ведь еще когда мы их встретили, нас очень удивило, что все они были в новой, что называется, «с иголочки» форме, а ведь мы постоянно общались с военными и никогда никого не видели в новенькой форме. Но почему они нас не убили? Ведь нас было всего шесть человек. Не знаю, может, они сильно спешили, а может, не хотели поднимать лишнего шума.

А потом был наш первый бой… Где-то в начале июля мы охраняли какой-то мост через реку, и немцы сбросили десант из 25 человек, чтобы его захватить. А нас было 120 человек, причем мы видели, как они выпрыгивали, как спускались, но наш старший лейтенант запретил нам стрелять, пока они были в воздухе, видите ли, по какой-то конвенции это запрещено… А ведь мы легко могли перестрелять парашютистов в воздухе, но проявили гуманность, ведь тогда мы еще не знали, какие звери на нас напали… Потом их окружили, и начался бой. Мы только убитыми потеряли 12 человек, причем один из них был мальчишка, который просто оказался рядом… Но девятнадцать десантников мы уничтожили, а шестерых взяли в плен. Вели они себя крайне вызывающе и нагло. Кричали «Хайль Гитлер!» и выбрасывали руку в приветствии… А их не то что не расстреляли за это, но даже ни разу не ударили, просто передали воинской части. Вообще за всю войну я ни разу не видел, чтобы к пленным применялось какое-то насилие или тем более, чтобы их убивали. Я в этом бою тоже стрелял, но попал ли в кого тогда, я не знаю.

Потом наш истребительный батальон охранял в Чаусах аэродром с истребителями, но вскоре, где-то 20 июля, нас влили в состав 132-й стрелковой дивизии под командованием Бирюзова С.С., а я попал в 3-й батальон 716-го полка.

– Что вы чувствовали после первого боя?

– Когда ты видишь, что 12 человек, которых ты знаешь, которые еще час назад были живы, лежат убитые… Помню, что в основном тогда погибли мужчины среднего возраста, был даже один пожилой. Остатки юношеской романтики сразу улетучились, и я понял, что нужно быстрее взрослеть, становиться настоящим мужчиной, ведь перед нами встала

ответственнейшая задача – защитить Родину…

– Что запомнилось из первых боев?

– То, что, несмотря на весь хаос и бардак, которые царили вокруг, кадровые части, и наша дивизия в том числе, отступали очень организованно, успешно сдерживая немцев, наносили им ощутимые потери.

Заняли мы рубеж на Березине. Немцы подошли только к вечеру, начали кричать через реку: «Рус, сдавайся!», но мы молчали. Утром они позавтракали и только потом попытались переправиться. Ни артподготовки, ни авианалета, ничего не было, до того наглые были. Но когда первые две амфибии «сорокапятки» потопили, они сразу отступили. Попытались переправиться на резиновых лодках, но по ним как врезали пулеметы. И вот только тогда они уже вызвали авиацию. Налетели «музыканты», так мы называли Ju-87, и смешали нас с землей… А к вечеру слышим: слева и справа нас обошли, и мы оказались в окружении, пришлось отступать. Так и воевали тогда: остановим немцев, они нас обойдут, и мы выходим из окружения, опять остановим и снова выходим из окружения… Три раза тогда мы выходили из окружения, а когда выходили в последний раз, наш батальон оставили в арьергарде, и когда мы с тяжелыми потерями вышли к своим, то попали в другую дивизию и так и остались воевать в ее составе.

А вообще не верьте тому, кто говорит, что только немцы нас в 1941-м били. У нас, конечно, были большие потери, но и мы им крепко давали прикурить… Потери они несли серьезные, а танки их бензиновые вообще вспыхивали как спичечные коробки. Вначале мы, конечно, их очень боялись, я даже «драпнуть» хотел, когда первый раз танк близко увидел, но мой напарник успел меня остановить, буквально за штаны схватил: «Куда бежишь, сукин сын, от танков разве драпают?» Зато когда мы увидели, как они горят… А ведь у нас еще «коктейля Молотова» не было, он появился только в боях под Москвой, а в начале войны были простые бутылки с бензином. И ничего, мы и этими бутылками их останавливали, мне и самому доводилось их бросать, да и «сорокапятки» хорошо тогда с немецкими танками справлялись. На Смоленщине в одном бою я видел, как подбили восемь танков, в следующем еще шесть…

– Почему вас назначили связистом?

– Вначале я был простым стрелком. Но связь между командиром роты и командиром батальона рвалась очень часто, и уже на Смоленщине, в одном из боев, когда всех связистов

поубивало, соединить линию отправили меня. И когда у меня это получилось сделать, да еще наш ротный увидел, как я быстро бегаю, то меня решили назначить связистом. На самом деле – это очень опасная и тяжелая воинская профессия, и я много раз должен был погибнуть, но мне везло. Особенно же мне повезло с напарником, на всю жизнь его запомнил, латыш – Вальма Антон Павлович. Он меня и учил, и опекал, и берег. Помню, мы с ним сами догадались соединить наши ячейки ходом сообщения, ведь в начале войны рыли не траншеи, а лишь отдельные ячейки.

– Как вас первый раз ранило?

– Очень хорошо помню тот день, это было примерно 10 августа. Мы заняли позиции, хорошо окопались и замаскировались. Появились голые по пояс немецкие мотоциклисты, машины с пехотой. Наш командир приказал подпустить немцев максимально близко, и только тогда мы открыли огонь. Из десяти мотоциклов только один успел уехать, а всех остальных там положили… Немецкая пехота спешилась и попыталась атаковать, но мы их отбросили. Больше пытаться атаковать они не стали, зато вызвали авиацию, подтянули минометы. И что они нам устроили, просто ад какой-то… Перерывов между налетами почти не было. Дикая бомбежка, артобстрел, все кругом горит, пылища и гарь, дышать стало абсолютно нечем, меня даже стало тошнить и рвать, и, чтобы хоть как-то вздохнуть, я высунулся из своего окопчика. Осколок задел мне левую челюсть, и хотя ранение было неопасным, сейчас тут у меня даже шрама нет, но там находится много кровеносных сосудов, кровью мне залило всю голову, и, наверное, поэтому меня все-таки решили отправить в госпиталь.

Раненых набралось на несколько машин, две с тяжелоранеными поехали вперед, а нас, легкораненых, грузили последними. Успели мы проехать всего километров десять, как увидели две горящие санитарные машины, которые поехали впереди нас, но не успели ничего понять, как по нашей машине ударил снаряд. Кто мог бегать, кинулись врассыпную. Оказалось, это были несколько немецких танков, которые все-таки прорвались и наводили у нас в тылу панику. Рядом со мной бежал незнакомый мне парень, раненный в руку. Я и так очень хорошо бегал, а когда за тобой еще и немецкий танк гонится, то, наверное, мировой рекорд тогда установил и успел-таки добежать до зарослей кустарника. Правда, немецкие танкисты по нам не стреляли, они решили нас гусеницами раздавить. Только они почти настигали этого парня, как он бросался в сторону, и погоня начиналась заново. Так он успел сделать несколько раз, пока не

догадался бежать в сторону болотца, рассчитывая, что танк там не проедет, но, видно, немцам эта забава уже надоела. Я только увидел, как он будто наткнулся на невидимую стену, и только потом услышал звук пулеметной очереди…

Нас учили хоронить погибших товарищей, и поэтому я решил его обязательно похоронить, пытался какой-то каргой выкопать могилу на пригорке. Но тут мимо проезжали на повозке два местных жителя, и они мне сказали: «Оставь, сынок, мы его в деревне похороним». Забрали в деревню тело этого убитого парня, я у них переночевал, а утром отправился к своим. Добирался дня два, а уже там меня отправили в госпиталь в Орле.

– Что-то вам запомнилось в госпитале?

– Ранение у меня было пустяковое, оно быстро зажило, но меня не отпускали, т. к. санитаров не хватало, а я был здоровый и мог проделывать большой объем работы. Госпиталь был переполнен, раненых было очень много, «тяжелые» лежали на первом этаже, а мы, легкораненые, на втором, но больше всего запомнилось, как ребята разыгрывали друг друга. Город часто бомбили, и раненые должны были прятаться по «щелям», которые были выкопаны вокруг больницы. Некоторые «шутники» поднимали ложную тревогу, будто начинается налет, тогда поднимался хаос, все выбегали из больницы, в общем, весело было. Но после того как один из раненых, разозленный таким розыгрышем, своим костылем ударил по раненой руке такому «шутнику», такие вещи прекратились.

А накануне прихода немцев, видно, что-то почувствовал начальник госпиталя, он потребовал немедленно выделить два эшелона для эвакуации тяжелораненых, и их успели отправить. А уже на следующее утро в Орел ворвались немецкие танки, и все, кто мог, побежали из города. И я тоже тогда драпанул через хутора Воин-1, Воин-2, а уже под Мценском нас останавливали солдаты Лелюшенко и формировали из таких, как я, новые подразделения.

Я попал в отдельный мотоциклетный батальон под командованием полковника Танасишина 1-й Гвардейской армии. Из этого периода очень запомнились бои, когда подошла танковая бригада Катукова, у нее в составе были только «тридцатьчетверки». Они устроили большую засаду и с первого же удара сожгли 29 немецких танков, а всего за неделю боев бригада уничтожила 134 танка, за что получила звание Гвардейской, а нашей задачей было уничтожение немецких танкистов и пехоты… За неделю тех боев немцы не продвинулись на нашем участке ни на шаг. А затем части Лелюшенко, Катукова,

в том числе и наш мотоциклетный батальон, перебросили под Можайск. Только успели там остановить немцев, как нас перебросили под Клин, и уже там мы участвовали в наступлении.

– Говорят, при отступлении в 41-м было много страшного и неприглядного.

– Хватало всего: и дезертиров, и трусов, и паника бывала, но кадровые части, наша и те, что я видел, отступали очень организованно. Дисциплина была железная, моральный дух у нас сохранялся высокий, и даже питание тогда было отличное. А вот в воинских частях, где было много мобилизованных людей, бывало всякое… Но массового дезертирства, такого, чтобы дезертиры чуть ли не колоннами шли навстречу фронту, я не видел.

– Что запомнилось из боев под Москвой?

– Это были самые тяжелые бои за все время войны, не столько из-за своей напряженности, а из-за той ответственности, которая тогда на нас была. Задача была – умереть, но не пропустить немцев, и мы все были готовы к этому. Наш мотоциклетный батальон был очень мобильным, хорошо вооруженным и укомплектован прекрасно обученными кадровыми военными, поэтому нас постоянно перебрасывали на самые опасные участки. В этом батальоне я тоже был связистом, но и часто приходилось непосредственно принимать участие в боях, стрелять по немецким сол-датам.

Когда началось наступление, наш батальон придали 107-й дивизии, в которую я потом попал после училища. Первую деревню мы взяли очень легко: ночью нам удалось скрытно подойти, разминировали подступы, сняли часовых. А в деревне стояли заведенные 16 танков, немцы их даже на ночь не глушили, потому что завести их на таком морозе было очень тяжело. Всех немцев мы там перебили, только один успел заскочить в танк и попытался уехать, но гранатой удалось перебить гусеницу, а потом забросали этот танк «коктейлем Молотова». Это было хорошее оружие, но и очень опасное, у нас два человека заживо сгорели из-за того, что нечаянно разбили бутылки, и мы им ничем не могли помочь…

После такого успеха попытались уже «в лоб» взять следующую деревню, но не тут-то было… У немцев пулеметы, минометы, и мы ничего поделать не могли, застряли там капитально. А сколько людей там положили… Но на следующий день мы получили приказ: на немецкие опорные пункты времени не тратить, обходить их. И вот тогда наше наступление стало

стремительным: в день стали проходить по 30–40 километров, а за первые два дня всего на 10–15…

Но уже где-то 10 декабря меня легко ранило, осколок задел левую руку, и меня отправили в госпиталь, причем далеко, аж в башкирский районный центр Дюртюли. Рана зажила быстро, и встал вопрос, что со мной делать, ведь наш год еще не подлежал призыву. Вызвали в военкомат, и когда выяснилось, что я окончил 10 классов, то меня сразу направили в Гурьевское военно-пехотное училище. Причем направили нас четверых, но трое ребят, родители которых, как оказалось, были репрессированы и высланы, сбежали. Но в Уфе их поймали, судили и, насколько я знаю, отправили на лесо-повал.

– Как удавалось справляться с морозами под Москвой?

– Одели нас очень хорошо: валенки, ватные брюки и фуфайки, у командиров полушубки. Но все равно были случаи, когда люди замерзали прямо в окопах. И я ведь тоже чуть не замерз, впал уже в забытье, мне привиделось, что я лежу на печке и ем блины… Но повезло, наш сержант это заметил, приволок меня в землянку, где меня напоили горячим чаем, сделали растирание, отогрели. А так бы точно замерз…

– Как вас подготовили в училище?

– Считаю, что отлично. Преподаватели у нас были очень грамотные, уже с боевым опытом, и они нам подавали личный пример во всем, и мы невольно начинали за ними тянуться. Не поверите, но в то тяжелейшее время нас в училище даже танцам обучали, чтобы мы были настоящими офицерами. Меня стали учить на минометчика, но и другие виды вооружения мы изучили прекрасно. В училище была интересная система обучения курсантов: разбивали нас на группы из трех-четырех человек, с элементами самоподготовки, и тогда ее эффективность возрастала многократно. Я эту методику обучения перенял именно там, и активно использую в своей педагогической практике до сих пор. Кормили вроде сносно, но нам, молодым, конечно, не хватало, поэтому все старались попасть в наряд по кухне. Нам обычно выдавали кастрюлю еды на 10 курсантов, а в наряде мы такую кастрюлю втроем могли слопать.

Организация обучения и дисциплина были прекрасные, хотя пару курсантов сажали на гауптвахту за самоволки и за то, что приворовывали помидоры на частных участках. Что еще запомнилось? То, что в воздухе целыми кусками постоянно летала сажа, а Урал был настолько грязный, что во избежание эпидемий из него категорически запрещалось пить, хотя один раз

эпидемия дизентерии все же была. Пить разрешалось только кипяченую воду.

Войцехович В.В. в Гурьевском военно-пехотном училище

Коллектив был прекрасный: из двухсот человек курсантов большинство, конечно, были русские, но были и татары, шестеро ребят было из Левобережной Молдавии, несколько белорусов. Мы начали учиться в январе 42-го, а в августе всем курсантам 1923 года рождения присвоили звание сержантов и срочно отправили под Сталинград. А нам, 24-го года, дали доучиться положенные 10 месяцев. Присвоили всем звания младших лейтенантов, а мне

и еще одному парню лейтенантов, т. к. мы уже воевали.

– Куда вы попали служить после училища?

– На северную окраину Сталинграда, во 2-ю гвардейскую армию командиром минометного взвода, причем в свою же дивизию. Но если раньше она называлась 107-я мотострелковая, то за бои под Москвой она получила звание 2-й Гвардейской мотострелковой, но еще под Сталинградом ее переименовали в 49-ю Гвардейскую дивизию. Нас пополнили моряками Тихоокеанского флота и Амурской флотилии, это были отличные солдаты: смелые, здоровые, а из старого состава у нас в полку оставалось только 16 человек…

– Что запомнилось в Сталинградских боях?

– Тяжелейшие уличные бои, снайперы свирепствуют. Меня там тяжело контузило. Мы сражались за дом на окраине какого-то завода. Захватили первый этаж, выкопали вдоль стен окопы, а на втором были немцы, они кидали нам через дыру в потолке гранаты, но мы выстрелами старались не подпускать их. Пару дней мы кроме сухарей ничего не ели, и тут нам доставили термос с горячим питанием. Один солдат, сибиряк, поставил котелок с долгожданным супом на бруствер, но тут немцы бросили очередную гранату, и его котелок взрывом опрокинуло. У него произошел взрыв бешенства, он схватил автомат и буквально ринулся на второй этаж. За ним бросились еще два солдата, и наверху начался бой. И что получилось: те двое, кто побежали за ним, погибли, а он застрелил всех шестерых немцев, которые там находились… У немцев на втором этаже был телефон, и кто-то из наших солдат поднял трубку и послал немцев от всей души… И тут началась дикая бомбежка, взрывом меня так засыпало, что только сапоги торчали. Но и тут мне опять повезло, откопали, хотя у меня уже пена изо рта шла… После этого несколько дней я провалялся в медсанбате, не мог говорить, ничего не слышал. А когда вернулся, нас бросили навстречу частям Манштейна. Мы совершили тяжелейший стопятидесятикилометровый пеший марш, причем пришли даже раньше намеченного срока и успели закрепиться. Поэтому смогли остановить немцев, но бои там были страшнейшие… Названия: Васильевка, Капчинск, Жутово, Челноково навсегда остались в моей памяти…

Потом было наступление на Котельниково, Кутейниково, освобождали Новочеркасск. Перед Матвеевым Курганом в боях за село Совет меня ранило осколком в левую височную кость, и месяца два я провалялся в полевом госпитале. А после ранения

был направлен в 130-ю дивизию, когда линия фронта была уже по реке Миус.

– На Миусе, говорят, были тяжелые бои.

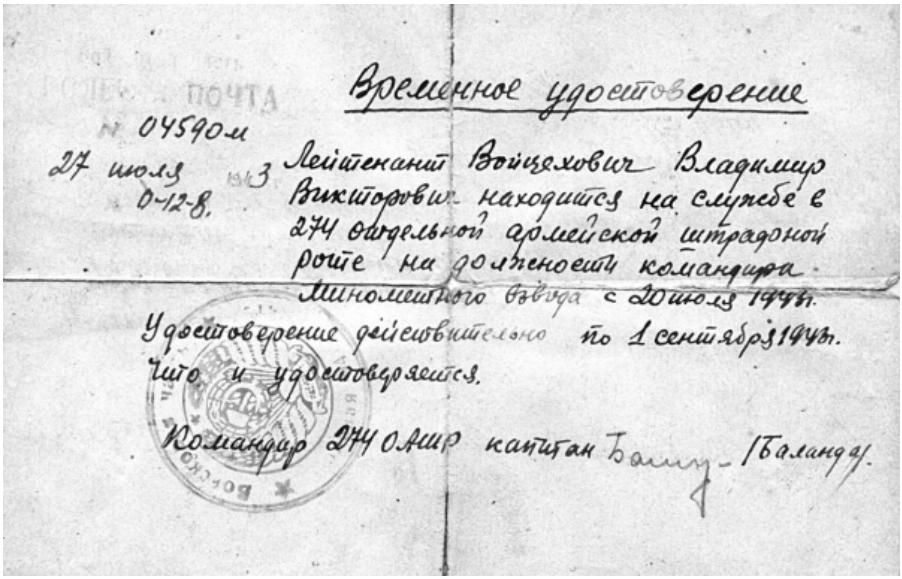
– Тяжелые – это не то слово, а тяжелейшие и очень кровавые. С февраля по июль 1943 года там шли кровопролитнейшие бои местного значения. Мы несколько раз пытались прорвать немецкую оборону, но неудачно, они очень хорошо укрепились. На возвышенности на правом берегу Миуса немцы построили полноценную линию оборону. В тех боях «местного значения» у нас полдивизии полегло… Погибли почти все командиры взводов, рот, батальонов и даже командир нашего полка подполковник Гришин, причем вначале откуда-то прошел слух, что он перешел к немцам… Появились «смершевцы», начали выяснять, но потом его тело нашли на поле боя, а тень на имя, получается, уже бросили…

Там погиб и командарм 44-й Армии Хоменко, а командующего 2-й Гв. а. Крейзера сняли, а на его место назначили Г.Ф. Захарова. Ростовка, Алексеевка, Демидовка, Анастасиевка, я, как вспомню, сколько у этих станиц народу полегло… С тяжелыми боями добрались до Днепра.

– Как вы попали служить в штрафную роту?

– Скажу сразу, что рассказ Ефима Гольбрайха очень и очень точный и правдивый, добавить мне особо нечего. Жалко только, что его не читали создатели сериала «Штрафбат», такую чушь наснимали… Вообще насчет «штрафников» и заградотрядов в последнее время столько нагородили, а он, повторюсь, описал все очень правдиво. Единственный момент, который у меня идет немного вразнобой с его рассказом, это то, что примерно за месяц моей службы в штрафной роте мы почти все время были в обороне на передовой, но ведь у нас и не было возможности наступать, и лишь несколько раз провели разведку боем.

Как я уже сказал, сразу после ранения меня назначили командиром минометного взвода в 528-й сп 130-й сд. Но т. к. младших командиров на передовой всегда не хватало, то вышел приказ ликвидировать должности заместителей у командиров рот. У меня командиром роты был очень опытный капитан Мальцев, но со своим заместителем старшим лейтенантом Кузнецовым он уже сдружился и не захотел расставаться, поэтому его он оставил у себя командиром взвода, а меня как новенького, я там пробыл едва ли месяц, отправили в офицерский резерв армии.



Временное удостоверение

№ 04590м
27 июля 43
0-12-8.

Временное удостоверение

Лейтенант Войцехович Владимир Викторович находится на службе в 274 отдельной армейской штрафной роте на должности командира минометного взвода с 20 июля 1943 г.

Удостоверение действительно по 1 сентября 1943 г.

Что и удостоверяется.

Командир 274 ОАШР капитан Баиц-Баландин.

Временное удостоверение

Мне еще запомнилось, что этот Кузнецов на той стороне Миуса с одним минометным расчетом и взводом стрелков захватили маленький плацдарм. Они вырыли в большой возвышенности целую пещеру и там закрепились. И как немцы их ни обстреливали и ни бомбили, ничего с ними поделать не могли.

И вот в 4-м Отделе, изучив мое личное дело, подполковник меня спрашивает: «Учиться хочешь?» Я успел про себя обрадоваться, ну, думаю, сейчас учиться куда-то пошлют. А он продолжает: «Назначаем вас в штрафную роту, после нее и академий никаких заканчивать не надо». Я опешил, как в штрафную роту, за что? Мне объясняют, что к штрафникам командирами направляют только лучших офицеров, чтобы они не только командовать, но чтобы и воспитывать могли. Но я все равно не соглашался, дошло до того, что уже в случае моего неповиновения мне стали угрожать штрафным батальоном. Я все равно ни в какую, молодой был, упрямый, горячий. Этот подполковник дал мне еще времени на раздумье, и тут, когда я выходил от него, встретил моего сокурсника по Гурьевскому училищу. Оказалось, что он уже служил в штрафной роте, рассказал мне, что ничего страшного там нет и почти все то же самое, что и в обычных частях, рассказал о структуре, о плюсах: о двойном окладе, о повышенной выслуге лет. И вот только после его рассказа я согласился.

Так меня направили служить командиром минометного взвода в 274-ю отдельную штрафную роту. Командиром у нас был

Георгий Баланда, очень боевой и храбрый офицер, но уж очень любил женщин и выпить: правда, надо отдать ему должное, в состоянии опьянения он никаких решений никогда не принимал.

За что попадали в штрафную роту? Я помню, например, одного прислали за то, что он, будучи завскладом, продал «на сторону» вагон зерна, другого за грабежи магазинов, третьего за дезертирство, были моряки Азовской флотилии, получившие срок за убийство, но об этом я еще расскажу. И была целая банда из Ростова – человек десять, с ними у меня связана целая история.

Я попал в роту, когда в ней оставалось всего человек двадцать, и меня с двумя офицерами отправили в Азов получить пополнение. Добрались мы до лагеря, он был километрах в пяти от Азова, где должны были утром получить 250 штрафников и вернуться в часть. Но ночью была тревога, оказывается, среди штрафников был то ли бывший особист, то ли милиционер, осужденный за превышение власти, но другие штрафники его узнали и хотели убить. Но ему очень повезло, охрана его отбила. Утром два офицера, больше никакой охраны не было, ушли с 230-ю штрафниками, а я должен был привести 25 штрафников, которые остались для выяснения ночного инцидента. Как-то там разобрались, и мы ушли. Отошли буквально на пару километров от лагеря, они сели на землю и говорят мне: «Командир, мы дальше пешком не пойдем». Я, конечно, мог кого-нибудь из них застрелить, такое право у меня было, но мне очень не хотелось прибегать к такой крайней мере. Причем многие из них были из одной ростовской банды, а приговоры на них были со мной. Представьте, если бы они меня убили и забрали эти приговоры, то, считай, опять были бы свободными людьми… Их главарь мне говорит: «Мы поедем до Ростова на речном трамвайчике», я ему возражаю: «У нас же денег нет». – «Ничего, мы эту проблему решим». Я с ним спокойно поговорил, назначил его моим заместителем, а он разбил людей на два отделения и назначил там командиров.

Сутки мы ждали этот трамвайчик и пока ждали, подошел один из этих бандитов и спрашивает: «А в сумке не наши случайно приговоры?» и так слегка ногой ее задел. У меня хватило выдержки не дернуться к ней, не показать волнения: «Да, нет, говорю, ваши со вчерашней командой отправили…» Потом подходит ко мне их главарь: «Товарищ командир, есть разговор, давайте отойдем». Отошли: «Понимаете, один наш товарищ хотел бы присоединиться к нашей команде, чтобы, честно сражаясь на фронте, смыть свои старые грехи». Я немного опешил, конечно, но сказал «ладно». «Новенький» был за углом и присоединился к нам, все на него только молча посмотрели, он, видно, тоже был

из их банды. Как я потом узнал – это был матерый рецидивист, насколько я понял, «медвежатник», приговоренный к расстрелу, но ему удалось бежать, и он решил присоединиться к своим товарищам. А вечером ко мне подошел какой-то особист и спрашивает:

– Чьи люди?

– Мои.

– На всех есть документы?

– Да.

– Если кто-то к вашей команде присоединится, подайте условный знак, за вами будут наблюдать.

– Хорошо.

Не могу сказать, что я так уж испугался, но почему-то знак я не подал… И еще пару раз ко мне подходили и спрашивали: «Никто не появлялся?», но я так и не выдал…

Где-то они достали денег на билеты, на меня тоже, а пока плыли, успели обворовать несколько человек. У одного из них была гитара, и когда он стал петь жалостливые песни, то женщины начали плакать. Хорошо пел, ничего не скажешь.

Так мы доплыли, и тут их главарь мне говорит: «Лейтенант, мы нашу колонну догоним, но хотим три дня отдохнуть в Ростове». Тут я, конечно, просто за голову схватился: «Да вы что, это же невозможно, это же подсудное дело». – «Не волнуйтесь, слово даю, что все будет нормально, и никто из нас не убежит».

Они и так могли достаточно легко от меня сбежать, а я бы ничего не смог сделать, и поэтому я ему даже не то что поверил, а просто доверился.

Строем пошли к дому, в котором мы должны были ночевать, до сих пор его очень хорошо помню: в самом центре Ростова, рядом с главной, наверное, церковью в городе, там еще рынок был близко. Пока я осматривался, они уже все разбежались… Это оказался дом родителей того, кто толкнул «вагон зерна». Они мне всё говорили: «Наш сын хороший, это его дружки подбили…»

Вечером все вернулись, начали мне предлагать пойти в ресторан, сапоги хорошие хотели подарить, девушек мне предлагали… Но я им твердо сказал: «Даже не предлагайте ничего, все равно не возьму». А на второй день один из них не вернулся… Но они его сами быстро нашли и так страшно избили, что уже я хотел вмешаться, но они мне сказали: «Это не ваше дело»…

Они за эти три дня порядком в городе «покуролесили»: на рынке какой-то колхоз продавал зерно, так они умудрились стащить у них целый мешок денег… Двое подошли прицениться к паре сапог, рассматривают и разбегаются в разные стороны…

Украли у полковника, который пошел купаться, форму и хохочут…

Слава богу, настал третий день, и тут один из этой команды, даже фамилию его помню, – Гаврилов, подходит ко мне и говорит: «Я на фронт не пойду, а вместо меня пойдет этот «новенький». Вот так просто он взял и ушел, произошла эта «подмена», и я до сих пор никому и никогда об этом случае не рассказывал…

Пошли мы строем, с песнями, а за нами до самой окраины города шли их родные и плакали… Дошли до Султан-Салы, это деревня такая недалеко от Ростова, тогда в ней только армяне жили. Решили, что найдем машину, чтобы доехать до Матвеева Кургана. А в этой деревне продавали масло, так они и тут умудрились украсть. Нашли мы попутные машины, и тут бежит одна женщина и кричит, что вот эти «басурмане» украли у нее ведро масла. Комендатура нас задержала, ссадили, машины обыскали, но как не нашли масла, до сих пор не пойму, ведь машины были почти пустые… Когда уже отъезжали, один из них хотел поднять и показать это ведро, но его одернули, испугавшись погони…

Нашу колонну мы благополучно догнали, но эта история имела трагическое продолжение.

Когда уже в расположении роты начали распределять людей по подразделениям, вышел конфликт: главарь что-то грубо ответил командиру взвода Фадееву, а тот его за это ударил… Этот, конечно, вскипел и, видно, затаил обиду… И попали эти урки прямо к нам в роту, во взвод именно к старшему лейтенанту Фадееву.

А там было так: на высотке засели немцы, а наши окопы внизу, но совсем близко, потому что немцы добрасывали до нас гранаты. А Фадеев был из поволжских немцев, и немецкий язык знал отлично. Его послали к немецкой позиции, чтобы он послушал, о чем говорят немцы. Сделали проход в минном поле, но когда он двинулся в сторону немцев, ему в спину раздался выстрел… Пуля в него не попала, но он заволновался, неудачно повернулся, и ему миной оторвало ногу…

Такое ЧП… Этот взвод сразу заменили на передовой, и началось выяснение. Всех построили, но никто не сознается. А среди следователей был такой пожилой, седой уже весь и, видно, очень опытный. Он все приговаривал: «Я ведь все равно узнаю» – и начал ходить вдоль строя, заглядывая всем в глаза. Остановился возле какого-то молодого и говорит: «Это он стрелял, заберите его». Тот в крик: «Я не стрелял, это не я, я знаю, я скажу кто…» И тут их главарь сам выходит из строя: «Сволочь!»

Этого молодого как искупившего вину сразу из части убрали, а всю нашу роту построили буквой П. Зачитали приговор, главарь лишь попросил закурить, ему дали папиросу, а потом один из особистов выстрелил ему в висок…

– А еще доводилось вам присутствовать при показательных расстрелах?

– Несколько раз за всю войну. В 43-м расстреляли солдата, который увиливал от фронта. Ведь новобранцев хотя бы пару недель учили в запасном полку, и только потом их направляли на передовую. Так этот солдат раз шесть умудрился из маршевой роты вернуться в запасной полк. За трусость его перед строем и расстреляли.

Второй случай был, когда расстреляли командира 8-й отдельной штрафной роты. Это был очень боевой офицер, у него уже тогда было два ордена и несколько медалей, но он был буйного нрава и очень любил выпить. И вот один раз он опять напился и застрелил одного из штрафников, из-за чего не знаю. Моментально собрали комсостав, зачитали приговор, и за превышение власти его расстреляли…

А третий случай был, когда мы освобождали Юг Молдавии. Из штаба дивизии сбежали старший лейтенант и его любовница, она, кажется, была в звании лейтенанта. Они украли дивизионную печать и бланки различных документов. Их поймали только в Ташкенте, вычислили, ведь они отоваривали продовольственные и денежные аттестаты. Привезли к нам в часть обоих, но когда выяснилось, что девушка оказалась беременной, то ее сразу отпустили, даже не судили, просто демобилизовали из армии. А этого дезертира и шкурника перед строем офицеров расстреляли.

– За время службы в штрафной роте что еще запомнилось?

– Пару раз ходили в разведку боем, а это значит, что назад возвращалась только половина людей… А ведь по численности штрафная рота была вдвое больше обычной, во взводах было по 60–80 человек… Тогда погибло несколько наших офицеров, а командир роты Баланда был ранен, ведь командиры ходили в атаку вместе с солдатами. Но вообще эти почти три месяца я вспоминаю хорошо: боев было мало, кормили нас просто отлично, обмундирование заменили на новое. Вообще многие солдаты, уже искупившие свою вину, не хотели из роты уходить, у меня, например, командирами отделений остались именно такие солдаты.

– Ваше отношение к «разведке боем».

– Не думаю, что это правильный метод. Потери тех, кто ее проводил, почему-то не учитывались, а если их посчитать, то уже вроде как и теряется ее смысл. Мое мнение, что нужно было более тщательно изучать передний край немцев, лучше выявлять их огневые точки, а не бросать людей на убой…

– Расскажите, пожалуйста, как вы ходили в разведку за «языком».

– В разведку мне довелось сходить два раза. В первый раз это было на Миус-фронте, во время подготовки ко второму наступлению. Очень нужно было взять свежего «языка».

Группа разведчиков перед выходом в поиск

Меня вызвал к себе командир роты Баланда и поручил организовать и провести разведку с целью захвата «языка»: «Подбери ребят, нужно взять «языка». Если удача будет, со всех судимость снимем, и мой тебе совет, возьми лучше моряков». А у нас было человек десять моряков Азовской флотилии, осужденных за то, что в увольнении, пьяные, они подрались и убили трех человек из комендатуры, патруль, кажется… Я знал, как грамотно подготовить и организовать «поиск», поэтому особого страха тогда у меня не было. Попросил на подготовку три

дня, но Баланда мне дал всего два.

Строго соблюдая маскировку, используя трофейную стереотрубу, мы наметили маршруты подхода и отхода, четко распределили обязанности. Отобрали для поиска тринадцать человек: десять моряков, я, мой ординарец Бурлаков и урка по кличке «Лиса». Этот Лиса был очень пронырливый и по-своему талантливый. Он, насколько я понял, был фальшивомонетчик, а уж сделать карты ему тем более ничего не стоило. С картами в штрафной роте был один забавный эпизод. Штрафники часто играли в карты, и Баланда решил с этим бороться. Отобрал у них колоду карт, но Лиса сделал еще одну. Тогда Баланда с двумя своими заместителями зашли в землянку к этим штрафникам и потребовали отдать карты. Те не отдают, тогда они устроили обыск. Обыскали всех и все, один раз, второй, ничего не нашли. Ни с чем ушли. Потом внезапно устроили еще один обыск, но опять ничего не нашли. Тогда Баланда сдался и сказал им так: «Хорошо, разрешу вам играть, но скажите, куда вы спрятали карты». И оказалось, что когда при обысках он заходил в землянку, они эту колоду незаметно клали в карман самому Баланде, а когда он выходил, они колоду брали обратно…

Еще мне запомнилось, что один из моих ездовых Зарубин, узнав, сколько человек идут в поиск, заметил, что добром это дело не кончится… Время для выхода выбрали, когда немцы ужинали, надеялись, что они отвлекутся на еду и будут не такие внимательные.

Нам повезло, первой немецкой траншеи мы достигли незамеченными и пошли дальше, т. к. знали, что пропажа солдата из первой линии обороны обнаруживается очень быстро. Первые достигшие немецкой траншеи Широков и Самодуров обеспечивали прикрытие с флангов, а потом, когда вся группа проходила дальше, смотрели, чтобы в окопе не осталось много осыпавшейся земли с бруствера. Потом мы долго блуждали в ночи, но никого не находили: ни землянки, ни избы, ни одной повозки, даже сделали палку с крючком, чтобы волочь ее по земле в надежде зацепить какой-нибудь провод и перерезать его. И тут метрах в трехстах от нас мелькнул огонек, на который мы и поползли, как потом оказалось, это открывали дверь в блиндаж КП роты.

Со мной в этот блиндаж пошли Бурлаков и Широков, который знал немецкий язык, т. к. он вырос в немецком поселении в Тарутино, это такая деревня в Молдавии. И ведь у меня мелькнула тогда мысль, что нужно поставить в немецкой траншее человека, т. к. она была очень глубокая, в полный рост, и оставшиеся нас прикрывать разведчики просто не видели, кто

ходит по этой траншее. Но мы были уже у самой двери в блиндаж, нужно было действовать быстрее, и я этого не сделал.

Часового у двери не было, и мы ворвались внутрь, там оказались два солдата, один спал, а у второго к уху была привязана трубка телефона. Широков крикнул «хенде хох», мы их, конечно, подняли, они сильно дрожали, оружие их бросили в угол. Мне еще запомнилось, что в блиндаже было светло, горела газовая лампа и, кажется, лампочка от аккумулятора.

Широков их начал быстро о чем-то спрашивать, а я вместо того чтобы просто положить телефонную трубку на место, вдруг почему-то начал резать финкой провод к нему, а он же стальной, и у меня ничего не получалось. Прошло, как мне показалось, минуты три-четыре, и тут в блиндаж заходят три немца: офицер, унтер и солдат, они прошли по этой глубокой траншее, и наша группа прикрытия их не заметила, хотя располагалась вокруг него. Пару секунд, застыв, мы смотрели друг на друга…

Бурлаков хотел было дернуться, но немецкий офицер успел выстрелить из пистолета, попал ему в плечо, и тот упал. Я растерялся, к нам подскочили, отобрали у нас с Широковым автоматы, сильно ударили меня по голове. В этот момент у меня вся жизнь перед глазами пролетела, еще успел подумать: «Вот все и закончилось…» Этот обер-лейтенант взял трубку телефона, наверное, чтобы сообщить, что захвачена русская разведка. Однако, видно, почувствовал что-то тревожное и приказал одному солдату выйти из блиндажа. Но когда солдат выходил, то буквально в дверях его ударом по голове уложил Ратников – он был один из тех самых моряков.

Ратников ворвался в блиндаж, немецкий офицер хотел было в него выстрелить, но Широков, который стоял рядом, успел его ударить по руке и тем самым спас нас. Ратников навскидку дал одну очередь, но ни в кого не попал, зато второй положил всех немцев, кроме одного. Причем этот унтер-офицер начал упираться и не хотел идти с нами. Тогда Ратников прострелил ему руку, тут же его перебинтовали, и этот немец уже покорно шел с нами.

Как потом выяснилось, будучи в оцеплении вокруг блиндажа, Ратников услышал шорох в траншее, потом открылась дверь, раздался выстрел и какой-то шум. Почувствовав неладное, он спрыгнул в траншею и столкнулся с немцем, который выходил из блиндажа.

Пошли обратно, а немцы уже все перекрыли… С большим трудом нашли место, где можно было перейти немецкий передний край. Передовая группа перебила пулеметный расчет, дав нам возможность перейти траншею, но двое наших

разведчиков при этом погибли… Мы ринулись на нейтральную территорию. Но «спираль Бруно» оказалась заминированной, и три наших разведчика, которые бежали первыми, погибли от взрыва… Через образовавшийся разрыв, фактически по их костям мы вырвались оттуда и залегли в большой воронке на нейтральной полосе, метрах в ста пятидесяти от немецких позиций. И целый день до следующей ночи, в грязи, пришлось провести в ней, а ведь с нами был тяжелораненый Бурлаков, причем он просил: «Пристрелите меня и бросьте, все равно вы со мной не выйдете», но разве можно. Для того чтобы он не стонал, пришлось ему, как и немцу, кляпом закрыть рот. А следующей ночью я отправил Ратникова к нашему переднему краю, и хотя его вначале обстреляли, но он, используя всю силу русского языка, сумел объяснить, что это возвращается разведка, и мы успешно вышли на участке соседей. Потом говорили, что этот пленный дал очень ценные показания, но никого из нас не наградили. Всем штрафникам, участвовавшим в разведпоиске, судимости сняли и отправили в другие части.

Допрос пленного немца. За столом сидят (слева направо): Жигалкин (зам. нач. особого отдела) и Васильев (нач. особого отдела дивизии)

Когда я рассказываю, что мне довелось испытать той ночью, мне обычно никто не верит, и я сам как бывший фронтовик, не пережив этого лично, не поверил бы, но так было.

– И вас, офицера, так легко отпустили в разведку?

– Конечно. С командира роты требовали «языка», и точка. А как он его добудет, это его проблема, хоть сам в поиск иди, а «языка» обеспечь.

Вскоре нашу штрафную роту расформировали, потому что пополнять ее было просто некем. После расформирования солдат распределили по разным подразделениям, а всем офицерам дали повышение: мне присвоили звание старшего лейтенанта и назначили командиром минометной роты в 144-й полк 49-й Гв. сд, а Баланду назначили заместителем командира 147-го полка и присвоили ему звание майора.

А потом командарм нашей 44-й Армии Хоменко, будучи сам за рулем «Виллиса», по ошибке пересек линию фронта, и все, кто был в машине, были расстреляны немцами из пулеметов… После этого управление 44-й Армии расформировали, а ее подразделения передали другим армиям.

– Этот случай в разведке самый явный, когда вы могли погибнуть?

– Ну что вы, таких случаев было много, с меня только шапку три раза сбивало пулей, но на такие вещи особого внимания сразу не обращаешь, потом уже только анализируешь и переживаешь.

– А второй раз когда вы ходили в разведку?

– Уже в Венгрии. Прорвав в конце декабря оборонительную линию немцев «Маргарита», удалось окружить в Будапеште большое количество немецких и венгерских войск. Но когда уже велись уличные бои в самом Будапеште, немцы нанесли сильный контрудар. Наши штабы оказались к этому не готовы, они в это время бурно праздновали Новый год. И в районе Комарно немцам удалось прорвать нашу оборону, они стремились разблокировать свои войска и вывести их из окружения. Даже сбрасывали нам такие листовки: «Жуков будет в Берлине, а Толбухина и Малиновского мы в Дунае искупаем…» Нас срочно из Будапешта перебросили навстречу немцам под Бичке, и мы с боями медленно отходили, пока не удалось остановить немцев. В тех тяжелых боях в моей роте погибло девять человек, а шестеро было ранено. В том числе погиб и мой друг, командир взвода Саша Смирнов. 120-мм немецкая мина разорвалась прямо у его ног… В районе Жамбека и Пербала мы окончательно остановили немцев, вырыли глубокие траншеи, хорошо закрепились и пробыли там в обороне до конца февраля. А уже когда стало готовиться наше наступление, то нужно было срочно добыть

свежего «языка». Естественно, что поручили это сделать нашим полковым разведчикам.

Командир разведвзвода начал лазить по передовой, выбирать место для вылазки. Причем делал он это не особо таясь, почти открыто. У меня еще тогда появилось какое-то нехорошее предчувствие. Я ему даже сказал примерно так: «Ты что думаешь, немцы – дураки? Они же прекрасно все видят, и ты думаешь, они не понимают, что ты тут готовишь? Такие вещи надо готовить очень незаметно, а ты что делаешь?»

Пленный немец уснул после допроса, т. к. до этого он пару дней не спал

Моей минометной роте поручили поддержать поиск, мы согласовали их маршрут, даже пристрелялись, наметив коридор для их отхода. Но немцы что сделали? Они пропустили всю разведгруппу и ударили по ней с флангов… Только была слышна беспорядочная стрельба, взрывы гранат и как один из разведчиков кричал: «Братцы, помогите, дайте огня!» Я связался с начальником артиллерии нашего полка Жагло, и он мне разрешил открыть огонь. У нас там все было пристреляно, и по месту, где примерно должна была находиться наша разведгруппа, мы открыли беглый огонь…

Утром в стереотрубу близ немецких позиций мы увидели семь трупов наших разведчиков, а двое, наверное, попали в плен…

Нас из-под Жамбека сняли, отвели на недельный отдых, а потом перебросили в район Пербала, где мы начали усиленно готовиться к наступлению, и опять понадобился свежий «язык».

А незадолго до этого со мной был интересный случай. Под Жамбеком немецкие атаки шли одна за другой. Пережидая артналет, бойцы спрятались в одном склепе на кладбище и обнаружили, что в одном месте земля просела. Днем раскопали там землю и нашли ящик с драгоценностями, еле вытащили его. И тут нас отвели отдохнуть во второй эшелон. Мы заняли большой хороший дом, помылись, расслабились, и вдруг появились цыгане, и как-то так получилось, что стихийно начался концерт. Веселье, музыка, цыгане пляшут, а я же совсем молодой был, цену деньгам не знал и кидал им драгоценности из этого ящика… Зато как они старались. Мне особенно интересно было посмотреть, как они танцуют «на пузе», говорили, что только цыгане так умеют, а я даже не представлял, как это выглядит, и очень хотел посмотреть. И тут появился командир полка, уже прослышавший о нашем веселье. Он это дело мигом прекратил, драгоценности все собрал и говорит мне: «Сукин ты сын, страна каждую копейку бережет, а ты цыганам драгоценности под ноги бросаешь?» И посадили меня на пять суток на гауптвахту.

А после ареста вызвали меня в штаб, оказалось, что нужно было послать офицера в формирующееся Войско Польское. «Войцехович, ты польский язык знаешь?» – «Говорю немного», – отвечаю. Командир полка Лубенченко посмотрел на меня и говорит: «Хоть ты и шебутной, но мне и самому такой боевой офицер нужен», и я понял, что он меня простил.

Но когда на совещании встал вопрос, кому из офицеров

доверить организовать и провести разведку, ведь все наши разведчики погибли, в штабе полка воцарилось тягостное молчание, желающих не было… А я был молодой, энергичный, даже горячий, к тому же чувствовал свою вину за ту историю с драгоценностями, поэтому и вызвался сам пойти в «поиск», хотя меня мой командир взвода Мозинсон, он был старше меня на тринадцать лет, гораздо опытнее, рассудительнее, всячески отговаривал: «Тебе что, жить надоело?» А я еще почему в поиск решил пойти? Просто мы в школе часто играли во что-то типа «Зарницы», и у меня хорошо получалось, а в училище в Гурьеве, когда нас обучали ведению разведки, там были большие заросли камыша, так я аж три раза своих товарищей «пленил». К тому же опыт у меня уже был…

Выбрал из пехотинцев десять солдат-добровольцев, все они были молодые, спортсмены. Разделил всю группу на звенья: прикрытия, захвата, провел с ними обучение, но самое главное, два дня очень тщательно изучали передний край немцев.

Поэтому передний край мы перешли удачно и подошли к длинному венгерскому селу Самбек. Обошли его, убедились, что там стоит какая-то воинская часть. На отшибе стоял дом, возле которого находилась повозка с привязанной лошадью. Возле двери был приставлен часовой, он то ходил по двору, то садился на крыльцо покурить. Какое-то время мы за ним наблюдали, выжидая, не выйдет ли кто из дома, но потом, улучив момент, набросились на него, оглушили и ножом убили.

Группа захвата ворвалась в дом, там спали три немца. Один из них проснулся, но был тут же убит, а двух других заставили одеться и связали.

В этот раз обратный путь получился спокойным. Эти немцы были даже рады, что война для них закончилась, поэтому шли с нами покорно, не сопротивлялись. Мы перешли линию фронта вовремя и в намеченном месте. Захваченными пленными оказались майор и обер-лейтенант интендантской службы, но говорили, что они дали ценные сведения.

– Что вы можете сказать о разведчиках?

– Это действительно была достаточно независимая, привилегированная солдатская каста. Полковые еще не так, а дивизионным Маргелов делал большие поблажки, и они этим пользовались, наглости у них хватало. Но я бы не сказал, что они были обречены погибнуть, просто все надо было хорошо продумывать и просчитывать. Моей минометной роте всегда поручали обеспечивать прикрытие поиска, поэтому я с ними очень часто общался. И, конечно, надо учитывать, что все они

были молодые и шли на такие дела, которые можно совершить только в молодости.

– Что-то из боев на Днепре вам запомнилось?

– Когда мы подошли, то у немцев в районе Голой Пристани, Цюрупинска был плацдарм, они надеялись переправить через него отступающие из Крыма войска. Но мы этот плацдарм быстро ликвидировали, правда, после этих боев у нас в полку людей осталось всего ничего… Там даже был такой момент, когда Лубенченко позвонил командир нашего корпуса Чанчибадзе и поинтересовался, почему еще не выполнена задача? «Людей мало». И он со своим грузинским акцентом спрашивает: «Замполыт есть?» – «Есть». – «Ордынарец есть?» – «Есть». – «Впэрод!» – Собрали остатки полка и пошли вперед…

После этого по приказу командующего фронта всю нашу 2-ю Гвардейскую армию сняли, а линию обороны доверили держать одной нашей дивизии, как самой боеспособной. И вот там произошел очень неприятный эпизод. Солдат от солдата тогда располагался на расстоянии 400 метров! Бойцам велели постреливать почаще и создавать видимость присутствия войск. Когда первая немецкая разведгруппа переправилась на наш берег, то нарвалась на патруль, и в перестрелке было убито шесть немцев, а остальные бежали. Но через неделю им удалось захватить командира батареи, и по полученным от него данным немцы мощным артударом уничтожили целый наш артиллерийский дивизион. А сразу после войны, когда дивизию вывели в Молдавию, к нам в Кишинев привезли того самого офицера. Был показательный суд, на котором ветераны дивизии спрашивали его: «Что же ты так точно указал координаты батарей?» – «Я не думал, что они нанесут удар по ним». Дали ему 10 лет…

– За что дивизия получила наименование Херсонской?

– Там мы провели очень удачные бои. Сам Маргелов переправился через Днепр с передовым батальоном, и неожиданным ударом с фланга освободили Берислав, двинулись к Херсону. Немцы, опасаясь попасть в окружение, спешно отошли. Именно за бои под Херсоном его удостоили звания ГСС, а 149-му полку дали наименование Бериславского. За взятие Николаева дивизию наградили орденом Боевого Красного Знамени, а за Одессу орденом Суворова. И хотя тут мы продвигались достаточно быстро, бои были очень тяжелые.

Пополнение 49-й Гв. сд принимает присягу

Ведь это наша дивизия одной из первых ворвалась через Пересыпь в Одессу. В уличных боях особенно отличился секретарь комсомольской организации нашего полка Владимир Иванов, который взял в плен немецкого полковника интендантской службы. За это его наградили орденом Боевого Красного Знамени, но Маргелов его в шутку попрекнул: «Вот если бы ты пленил боевого полковника». Володя Иванов был очень боевой парень, постоянно лез в самое пекло. Вначале он был старшиной в моей роте, но потом его выбрали комсоргом. Сейчас он живет в Краснодаре, мы с ним переписываемся.

– Что вы можете сказать о вашем комдиве, легендарном В.Ф. Маргелове?

– Я очень хорошо помню момент, когда впервые его увидел: такой резкий, порывистый, на одном боку ТТ, надетый «по-морскому», на другом – большой «революционный» «маузер», который он очень любил носить. Василий Филиппович был грамотный, боевой и решительный командир. Очень темпераментный, горячий, я бы даже сказал, что чересчур горячий. Бывали ситуации, когда, как я считаю, нужно было действовать осторожнее, осмотрительнее. Человек лично очень смелый, взять хотя бы тот случай в конце войны, когда он взял «на понт» командование эсэсовского корпуса и принудил их сдаться. В штабе он не отсиживался, постоянно лично посещал передовые позиции, и дисциплина в нашей дивизии была железная. И хотя как командир он был очень требовательный, а

порой и нетерпимый, но мы его уважали и даже любили, потому что он заботился о своих подчиненных, и в первую очередь о солдатах.

– Вы тепло отзываетесь о командире полка Лубенченко.

– Вообще мне везло на хороших командиров, среди которых особенно выделялись кадровые офицеры: грамотные, воспитанные. Лубенченко назначили к нам в боях на Днепре. Те, кто служил с ним, могут сказать о нем только самые теплые слова. Это был грамотный, требовательный офицер, еще из кадровых, очень культурный, порядочный и благородный человек с тяжелой судьбой. Где-то в 38-м, когда по армии прокатилась волна репрессий, на офицерском собрании он высказался в защиту своего командира полка и получил за это 10 лет… Но в начале войны его освободили и отправили служить. Трудно даже представить, что ему довелось пережить, но он не озлобился, остался человеком. Представьте себе, он ни разу, даже в самых критических ситуациях, ни на кого не повысил голос, не пил совсем. А его друг Шатохин, который, кстати, и уговорил его выступить, и тоже получивший срок, оказывается, командовал моим батальоном в 132-й дивизии – вот так судьба иногда людей сводит…

Баланда Г.Г. (зам. комполка), Лубенченко (командир 144-го полка), Шантило (зам. комполка по хоз. части)

Когда перед людьми есть такие примеры, то они и сами стараются соответствовать. Командиры батальонов Пышкин и

Мачехин тоже совсем не пили, хотя, конечно, хамов и пьяниц среди командиров хватало.

– Что вы можете рассказать о боях в Молдавии?

– Тут были тяжелые бои, о которых не любит вспоминать наше командование… Вошли мы в Молдавию на самом юге, но как раз начался разлив Днестра и нас перебросили немного севернее. Причем, когда нас переводили, чтобы не тащить «лишние» мины, я отдал приказ открыть беглый огонь по немецким позициям. Так меня за это хотели наказать, но обошлось.

49-я Гв. сд идет по дорогам Молдавии. 1944 год

9 мая немцы начали сильное наступление на Шерпенском плацдарме, стремясь сбросить в Днестр 8-ю Гвардейскую армию Чуйкова. Положение еще усугублялось тем, что против них наступала восстановленная 6-я немецкая армия, которая стремилась «рассчитаться» с Чуйковым за Сталинград. Видно, для того, чтобы хоть как-то снизить немецкий натиск на Шерпенском плацдарме и отвлечь их, командарм нашей 5-й Ударной армии Цветаев решил имитировать наступление прямо напротив Кишинева. 13 мая в районе села Кошница 203-я и 243-я дивизии почти без сопротивления продвинулись вперед где-то на шесть километров. Всего этот «аппендицит» в длину имел где-то шестнадцать, а в ширину шесть-восемь километров, причем в «горловине» всего два с половиной – три километра. Но немцы ударили с флангов, и горловину этого «мешка» крепко

«затянули». На выручку к попавшим в окружение срочно бросили две дивизии, нашу и 295-ю.

Но там место ровное как стол, ни бугорка, ничего, зацепиться вообще не за что… А у немцев там было сосредоточено восемь артиллерийских полков, и их снаряды рвались на расстоянии метра друг от друга… Фактически это был просто расстрел… В первую атаку пошел 149-й полк – половина полка полегла… Во вторую атаку уже пошли мы – еще половина легла… Подошла танковая бригада Безношенко и попыталась прорвать окружение, но все 53 танка немцы сожгли… Только пять танков осталось, и то только потому, что они опоздали к началу атаки.

Тогда Маргелов сформировал штурмовые группы, которым ночью удалось ворваться в немецкие траншеи, и тут уже все навалились и прорвали-таки окружение.

Вывели все войска, вывезли всех раненых, но убитых там так и оставили, даже не похоронили… После войны учитель-историк из Кошницы Ватов работал в Центральном архиве ВС в Подольске и установил, что за неделю тех боев там погибло 3323 человека и около десяти тысяч было ранено… В моей роте тогда погибло девять человек и двенадцать было ранено, да я и сам там чуть навсегда не остался.

Пару дней не спал, вымотался совсем, и тут вдруг появилась возможность поспать. Я и два моих командира взвода легли в глиняном карьере в какую-то нору, вход в которую был всего сантиметров пятьдесят шириной. Это было днем, и мой ординарец Кибизов решил нас прикрыть от солнца и завесил вход в пещеру плащ-палаткой. Немцы это заметили и выпустили по этой норе три снаряда. Потом мы посмотрели место, куда они вошли: в 30, в 50 сантиметрах, а самый дальний в метре от входа в нору… Мне досталось больше всех: контузило, правда, не очень тяжело, но кровь шла из ушей, рта…

Там было еще два таких момента. Когда ночью выводили из окружения войска, один из этих пяти танков в темноте упал в Днестр. Вместе с экипажем тогда погибли и два ГСС из 203-й дивизии: Шикунов и Корнеев, которые ехали на этом танке. Уже после войны, когда мы с однополчанами посетили это место, то показали местным властям, где утонул тот танк, его достали и поставили как памятник на кургане.

Там же, на плацдарме, на наших глазах был сбит наш истребитель и упал рядом с нами. Из моей роты взяли солдат, чтобы выкопать и похоронить погибшего летчика, но тогда это сделать не удалось, т. к. двигатель с кабиной ушли в землю на шесть метров. И тогда же после войны мы показали, где лежит истребитель, его все-таки выкопали, и оказалось, что пилотом в

нем была девушка – Кулькина Мария Ивановна.

За эту операцию нашего командарма Цветаева и еще ряд командиров 20 мая сняли с должности, а командовать назначили Берзарина. И три месяца до начала Ясско-Кишиневской операции мы стояли во второй линии обороны за Днестром, занимались обучением новобранцев и дезинформацией немцев: строили деревянные макеты танков, пушек, всячески имитировали сосредоточение войск. А в августе пошли в наступление.

– Насколько ожесточенными были бои за границей?

– В Румынии серьезного сопротивления мы не встречали. Проходили через Галац, переправились даже через Дунай в Болгарию, но почти сразу нас вернули, переправили катерами вверх по Дунаю, и мы вошли в Югославию. Тяжелые бои начались только на подходе к Белграду, а вот уже в Венгрии бои были очень жестокие.

– Как за границей встречало гражданское население?

– Еще когда мы были в Молдавии и наступление только готовилось, нас собрали, и замполит полка Гасюк очень строго всех предупредил, чтобы мы себя вели за границей достойно, а все проявления мести, мародерства и насилия будут караться самым жесточайшим способом, вплоть до расстрела. Румыны нас встречали хорошо, а как нас встречали югославы, это что-то… Радость у них была неописуемая, каждый хотел тебя обнять, выпить с тобой за освобождение. А я своим солдатам запрещал пить, так начались обиды, и поэтому пришлось разрешить выпивать по 100 грамм, но некоторые, конечно, перебарщивали. В Чехословакии нас тоже встречали прекрасно, а вот в Венгрии население встречало довольно прохладно.

Группа офицеров-политработников на Дунае: (1-й слева Куцелепа – водитель Миралевича; с поднятой рукой – фотограф Ламброс)

– Расскажите о вашем последнем бое.

– Где-то 25 марта, наверное, это была уже территория нынешней Словакии. Вечером, уже смеркалось, в чистом поле мы отбивали атаки немцев, которые пытались вырваться из окружения. Как следует окопаться мы не успели, я, например, успел себе вырыть окопчик только до колен. Отбили несколько атак, а я стрелял из своего MG-34, и немцы, которые были ближе всего к нам, что-то начали кричать. Наверное, они подумали, что раз пулемет немецкий, значит, стреляют немцы. Но когда мы продолжили стрелять, они задействовали минометы. Первая мина – недолет, вторая – перелет, а уже третья упала рядом со мной… Причем в паре метров от меня лежал мой ординарец Дикий, так в него ни один осколок не попал, а у меня шестнадцать дырок в животе, и шею царапнуло… Я почувствовал, как будто у меня в животе раскаленное железо и ногу поднять не могу. Дикий подал мне руку, я еще смог подняться из окопа, сделал два шага и потерял сознание. В том бою ранило и Мозинсона, и еще трех солдат, и всех нас на повозке отправили в медсанбат. Причем на фланге немцы все-таки прорвались, и если бы нас повезли по

дороге напрямик, то немцы бы нас точно перехватили… Но ездовой Новосельцев то ли растерялся, то ли еще что, но он нас повез по тропинке, по которой мы туда пришли, и благополучно довез до санбата.

Оперировал меня мой земляк Юзук, он мне еще успел сказать до операции: «О, белорус к нам попал, сделаем все в лучшем виде». Пришлось удалить мне метр тонкого кишечника, все зашили, но в полевой госпиталь отправили только недели через две.

– Как вы узнали о Победе?

– В дороге. Я как раз ушел из госпиталя в Будапеште и на попутках добирался в свою часть. Маргелов дорожил своими людьми и нас учил: «Подтирайте задницу госпитальным направлением и самостоятельно добирайтесь в нашу дивизию». мы так всегда и делали. Вот по дороге в дивизию я и услышал о Победе. Трудно, наверное, даже невозможно словами передать, какая у нас была радость… А когда я прибыл в дивизию, Маргелов мне так сказал: «О, Робин Гуд вернулся. Ну иди принимай свою роту». У него присказка такая была, он всех подчиненных называл Робин Гудами.

Парад в Дебрецене, лето 1945-го: Лубченко, Гасюк (замполит полка), Войцехович, Антипов, Жагло

Но у нас война 9 мая не закончилась. Мы стояли возле

местечек Кефермаркт, Прегартен, это чуть севернее Линца, и через наше расположение к американцам стремился вырваться эсэсовский корпус, в составе которого были знаменитые дивизии: «Мертвая голова», «Викинг», «Полицай». Прихожу к себе в роту, а старшина моей роты Соколов добыл где-то «Опель-капитан» и решил похвастаться: «Товарищ капитан, давайте я вас с ветерком прокачу». А дороги в Австрии отличные, он разогнался, и мы влетели в деревеньку… полную эсэсовцев. Но они, видно, уже готовились к сдаче в плен и отнеслись к нам лояльно, к тому же Соколов не растерялся, вышел и попросил у немцев бензин, хотя нам он был не нужен. Немцы нас заправили, и мы уехали, хотя все это время я ждал очередь в спину…

Позже я, конечно, сказал Соколову пару ласковых…

И только потом, а это было уже 11 мая, к немцам на «Виллисе» лично отправился наш комдив Маргелов и очень жестко и решительно потребовал, чтобы они сдались в плен, ибо в противном случае огонь всей нашей артиллерии будет сосредоточен на них. Его угрозы подействовали, командир корпуса при нем же написал приказ о сдаче в плен, и немцы сдались без боя, и кто знает, сколько жизней наших солдат он спас… Те, кто был тогда с Маргеловым, рассказывали, что командир этого немецкого корпуса, старик лет шестидесяти, даже слезу пустил, когда подписывал тот приказ…

Когда немцы сдавали оружие, то наши солдаты начали отбирать у них часы, какие-то вещи, те заволновались, и тогда вмешался лично Маргелов, он это дело мигом прекратил, ведь он же пообещал немцам сохранить все их награды, личные вещи.

– Какие у вас боевые награды?

– За бои в Сталинграде меня наградили орденом Красной Звезды. Ордена Отечественной войны я получил за тяжелые бои на реке Молочной и в Венгрии. За тот бой в Венгрии, когда меня ранило, мне вручили орден Боевого Красного Знамени. Уже после войны Лубенченко сказал, что меня представляли к званию ГСС, но якобы ПНШ-4 Чухнин в очередной раз напился и наградные листы потерял, а по повторному ходатайству дали только «Знамя». Награжден медалями: «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены» и еще у меня тринадцать благодарностей от Верховного Главнокомандующего.

Командование 144-го полка. Австрия, 1945 г., начало мая

– Вообще справедливо награждали?

– Как вам сказать. В начальный период войны почти совсем не награждали, а ведь какие тогда были бои… Первые массовые награждения были только после Сталинграда, да и то только потому, что на этом настоял наш командир полка, в то время Стацюра. После боев за Днепр впервые наградили многих, а под конец войны уже награждали щедро. Но насколько справедливо, я вам не скажу, потому что подробностей этого никогда не знал и такими вещами не интересовался. Откуда я мог знать, что творилось в штабах, если все время был на передовой?

– Расскажите о ваших встречах с американцами.

– В Австрии мы стояли рядом и решили провести в одном имении встречу. Командир полка Лубенченко отобрал четырнадцать офицеров, не пьяниц, в которых был уверен, что они будут вести себя достойно, и лично три дня проводил с нами занятия: как себя вести за столом, как правильно есть, как держать вилки и ножи, мы же всего этого не знали. Американцы взяли с собой женщин, с нами тоже было четыре наших девушки: врачи и санинструкторы. Встреча началась культурно, говорились тосты за Победу, за боевое содружество, потом начались танцы. Один американец начал выпрашивать у меня мой «ТТ», Лубенченко разрешил, и я ему его подарил, а взамен он мне преподнес золотые женские часы, я их потом подарил сестре Зине. Но потом американцы понапивались и вели себя безобразно. Они, правда, подготовились: взяли с собой

«вышибалу», и как только кто-то из них начинал буянить, то он его сразу «изолировал», человек восемь отвел в машину. И потом почти каждый день американцы приходили к нам в часть, с кем-то выпивали и пьяные еле уходили к себе. Но вообще они были очень простые и дружелюбные, без высокомерия, всегда стремились чем-то поменяться на память. Еще там был такой случай: по делам службы я был у американцев, а обратно они меня отправили на «Виллисе». Водителем был негр, и как он вел… На дикой скорости, буквально в сантиметрах от деревьев… Я еще подумал тогда: «Всю войну прошел, живой остался и погибнуть в автокатастрофе»… Когда доехали, я аж перекрестился.

– Как вы попали в Москву на Парад Победы?

– Надо сказать, что из нашей дивизии в Параде участвовали десять человек, хотя из других дивизий всего по одному-два… Авторитет у дивизии и лично у Маргелова был громадный. Отбор был очень строгий: учитывались боевые заслуги, физические данные и, что немаловажно, склонность к злоупотреблению алкоголем. Поэтому у нас на Парад не поехал ряд действительно заслуженных офицеров.

Кадр из хроники о Параде Победы. Сводный полк 2-го Украинского фронта. 1-й ряд 1-й коробки. Слева направо: Маргелов В.; Афиногенов (ком. роты); неизвестный офицер; Котлярский (нач. связи дивизии); Тарасов (из 148-го СП); Войцехович В.В.

Наш сводный полк 2-го Украинского фронта расположили в общежитии пединститута в Сокольниках. Когда первый раз решили провести тренировку, то к нам ринулись простые люди, все хотели нас поздравить, обнять, начали спрашивать о пропавших родственниках… Занятие было сорвано и нам приказали: «По одному к месту расположения шагом марш». Поэтому тренировались в парке только по ночам, а потом занятия начали проводить на аэродроме. Мы прошли очень хорошо, нам даже потом сказали, что лучше всех, но я думаю, так всем полкам сказали.

Все было организовано на высшем уровне, у меня остались незабываемые впечатления на всю жизнь. Я даже был на банкете в Кремле после Парада и видел Сталина и все наше руководство.

В 2005 году я тоже был участником парада, вернее, участвовали только российские ветераны, а мы, из СНГ, были почетными гостями. Организация тоже была безупречная, а на торжественном банкете я оказался за одним столом с Горбачевым, и мы с ним немного повздорили. Я ему сказал о том, как не надо проводить реформы, а он меня назвал сталинистом…

– Были у вас близкие друзья на войне?

– Там и поспать-то времени не хватало. Но жили мы дружно, единой, сплоченной семьей, и каждый из нас думал выжить и победить. Фронтовая дружба у нас во взводе, роте была кристально чистой и крепкой.

Конечно, были люди, с которыми было приятно общаться, но в основном приходилось заниматься служебными делами, да и слишком быстро война разводила людей… Я больше общался с моими командирами и занимался своим подразделением. Без ложной скромности хочу сказать, что я был очень ответственным и заботливым командиром. Очень строго следил, чтобы солдаты всегда были накормлены и одеты, со старшин по три шкуры драл. Поэтому у меня был непререкаемый авторитет, и солдаты называли меня «Батя», хотя мне было всего 20 лет… В училище самым близким моим другом был Евгений Узенев из Приднестровья; он ушел на фронт со всеми курсантами 23-го года, и его дальнейшей судьбы я, к сожалению, не знаю. Очень хорошие отношения были с командирами взводов в моей роте Израилем Мозинсоном, Сашей Смирновым, да и со многими другими. До сих пор я очень благодарен ученикам 49-й херсонской школы, которые, проделав большую работу, нашли ветеранов нашей дивизии. Только благодаря им мы нашли друг друга и потом часто встречались.

– Чью смерть вы переживали больше всего?

– С одной стороны, я переживал за всех погибших, но с другой, когда столько смерти вокруг, то ее ощущение сильно притупляется. Сколько раз я видел, как гибли люди, и столько раз сам мог погибнуть… Смерть была нашей постоянной спутницей и потрясения у нас не вызывала… Хотя, конечно, та дикая история с отравлением на Днепре, или тот страшный день на Кошницком плацдарме, когда мы понесли дикие потери… Уже в Венгрии под Жамбеком погиб Смирнов… А смерти в самом конце войны? Уже под Веной с пулеметом в атаку повел своих солдат командир 149-го полка Тюрин и погиб… Зачем он сам пошел в атаку? Его тело отправили похоронить в Херсон.

– Откуда у вас столько фронтовых фотографий?

– Нам повезло, нашим дивизионным фотографом был фотокорреспондент газеты «Известия» Анатолий Ламброс. Он много фотографировал, и поэтому у нашей дивизии остался такой богатый фотоархив.

Войцехович В.В. и старшина его роты Соколов

– Не приходилось попадать под огонь своей артиллерии, авиации?

– Несколько раз доводилось. Под Будапештом немцы нанесли контрудар, и мы начали потихоньку отходить. Там на моих глазах один необстрелянный новобранец полностью поседел, когда на нас пошли немецкие танки… И во время отступления по нам ударили «катюши», никого, правда, даже не ранило, мы успели попрятаться за домами, но все были обсыпаны мукой, которую

венгры попрятали на своих чердаках. Там же, в Будапеште, нас и «Илы» обстреляли, но тоже обошлось без жертв.

– А от немецкой авиации сильно страдали?

– В начале войны она нам просто житья не давала, самолеты даже за отдельными людьми гонялись… После Сталинграда стало полегче, а в конце войны бомбежки уже были редкостью.

– С людьми каких национальностей вам довелось воевать?

– Как-то я этим занялся и насчитал одиннадцать национальностей. В основном это были славяне, еще татары были, азербайджанцы, армяне, евреи. Было несколько грузин – они были вспыльчивые, но дисциплинированные. Как-то прислали несколько узбеков, но они вообще не понимали по-русски, и пришлось определить их на хозяйственные работы. А вообще мы, окопники, даже не задумывались, кто какой национальности, о человеке судили по его делам, храбрости, надежности.

– Как вы можете оценить немцев как солдат?

– Это были очень хорошие солдаты. Их главными козырями были – дисциплинированность и высокий уровень подготовки. Если приложить к этому наличие современного вооружения, прекрасную согласованность между родами войск и их веру в свою исключительность, то вы можете себе представить, как тяжело было с ними воевать, особенно в начальный период войны.

– Была разница между немецкими солдатами в 41-м и в 45-м?

– Конечно. До Москвы они были наглые, очень высокомерные, даже попав в плен, вели себя вызывающе. Помню, один такой пленный раскричался, руку в приветствии тянет, а у нас был такой здоровый парень, он его руку одернул, врезал ему, так что тот на землю упал, но немец вскочил, опять «хайль Гитлер» кричит, так наш солдат ему на русском языке сказал: «Еще раз крикнешь – пристрелю», и тот все понял, сразу заткнулся. Под Москвой мы спесь с них сбили, а после Сталинграда они уже поняли, что проиграли войну, надлом у них какой-то появился, но все равно сражались хорошо.

– Вам довелось воевать только против немцев?

– Так же тяжело приходилось и с венграми, хотя исход войны был предопределен, но они сражались зло, отчаянно и

ожесточенно, в плен сами не сдавались. В конце войны в Венгрии, почти у самой границы с Австрией, у нас даже был такой, как я сейчас понимаю, исключительный случай: к нам в плен попали примерно шестьдесят венгров, и они сами предложили нам в обмен на свободу отбить у немцев то ли деревню, то ли городок. Предложение было необычное, даже сам Маргелов не решился разрешить такое и обратился к командованию. Запрос пошел по цепочке вверх, и только командующий нашей 46-й армией Петрушевский разрешил. И эти венгры действительно захватили эту деревню, уничтожив при этом немало немцев… Пришлось держать слово и этих венгров отпустить по домам, у меня даже сохранилась их фотография.

Именно те самые венгры, которые участвовали в бою против немцев

Румыны и итальянцы были не такие упорные. Против власовцев мне воевать не пришлось ни разу.

Запомнился еще такой момент, когда нашу дивизию в 1945-м вывели в Молдавию и наш полк стоял в Унгенах. Моя квартирная хозяйка просто ненавидела румын, говорила, что они были гораздо хуже, чем немцы, и относились к молдаванам как к рабам. Впоследствии я много раз слышал то же самое и от других людей.

– Как вы относились к пленным?

– Ненависти к простым солдатам я не испытывал. Конечно, ни о каком чувстве жалости в бою и речи быть не может, одно

желание – уничтожить врага, никакой ему пощады. Но если уж немцы сдались в плен, то над ними не издевались. За всю войну я ни разу не видел случаев расправы над пленными. Правда, было несколько случаев, когда солдату поручали отвести пленного в штаб, а он возвращается и говорит, что застрелил немца при попытке к бегству… А как там было на самом деле?.. Больше скажу, после первых боев, даже после того как уже погибли наши боевые товарищи, мы какой-то особой злобы к немцам не испытывали. Глаза нам открыл один эпизод: в 41-м на самом востоке Белоруссии мы отбили у немцев одну небольшую деревеньку. И когда мы увидели, что натворили эсэсовцы, говорили, что это сделали именно они: заперли в одном доме активистов советской власти, учителей, врачей, с их семьями, детьми и заживо сожгли… Только когда мы увидели эти обугленные трупы, то поняли, что на жестокость нужно отвечать жестокостью. Хотя я думаю, что простые солдаты таких зверств не творили, это делали эсэсовцы и карательные отряды латышей и особенно эстонцев.

– В рукопашных схватках вам доводилось участвовать?

– Единственный раз, в 41-м, еще до моего ранения. Так получилось, что мы схлестнулись с эсэсовцами, и вот… Я все-таки был еще очень молод, сопляк, колоть не мог, растерялся, и немец бы меня точно убил, но какой-то солдат ударил его в лицо прикладом, у того аж челюсть полетела… А мне как дал под зад и еще накричал: «Чего рот раззявил?» Вообще немцы очень боялись сходиться с нами в рукопашных и всячески этого избегали.

– Какие бои вы можете выделить как самые тяжелые?

– Самые тяжелые бои были под Москвой. Позже были бои и напряженнее, и страшнее, и кровопролитнее, например, в самом Сталинграде, под Сталинградом, когда мы сдерживали войска Манштейна, когда деревня Васильевка 8(!) раз переходила из рук в руки… А какие тяжелейшие бои были по прорыву Миус-фронта, в Молдавии на Кошницком плацдарме… А какие бои были в Венгрии… Но по ответственности, по своей значимости самые тяжелые бои были под Москвой. Там все четко понимали, что решается судьба нашей Родины…

– Как вы относились к политработникам?

– Хорошо, ведь мне попадались нормальные люди. Единственный недостаток был в начале войны, когда командир и политработник пользовались равными правами по командованию подразделением, и это зачастую приводило к разного рода

противоречиям и даже конфликтам. Но потом этот недостаток устранили.

– А к особистам?

– То, что к ним относились настороженно, это понятно, ведь их работой было «вынюхивать», подозревать и наказывать. Особо я с ними не контактировал, мы старались держаться от них подальше. Боевые офицеры низшего звена дорожили своими людьми и обстановкой в своем подразделении, и помощь особистов нам не требовалась. Если ты к людям относишься по-людски, заботишься о них, бережешь, не унижаешь их человеческое достоинство, то и они за тебя будут горой, вынесут, если надо будет, из-под любого огня. Меня еще командир полка учил: «Ты вначале позаботься, чтобы солдаты были накормлены, чтобы у них портянки всегда были сухие, и только потом можешь с них спрашивать». Я всегда следовал его совету и горжусь тем, что мои солдаты называли меня «батя», а мне ведь был 21 год, когда война закончилась…

Мне в 45-м удалось съездить домой, и, вернувшись в часть, я поделился со знакомыми своими впечатлениями: разруха страшная, продуктов почти нет, и люди опасаются восстановления колхозов. Кто-то донес, меня вызвал Лубенченко и очень жестко отчитал: «Ты что болтаешь, проблем захотелось?» Правда, эта история продолжения не имела, и познакомиться близко с особистами мне так и не довелось.

– Бывали случаи, чтобы людей неоправданно, что называется, гробили?

– Такое бывало из-за ошибок командования, или из-за того, что было не подготовлено наступление, или не было должной огневой поддержки. Или, например, наш комдив, легендарный Василий Маргелов был очень горячий, отдаст нам приказ и требует его выполнения, несмотря ни на что. Одни командиры выполняют его с большими потерями, а наш Лубенченко мог доложить по телефону: «Да, да, выполняем», но решал поставленную задачу по-своему, без неоправданных потерь, и такое бывало. А та трагическая ошибка в Молдавии…

– Конфликты между солдатами бывали?

– Случалось. Вот я, например, на Днепре очень сильно поссорился с моим командиром батальона Каменевым. Из-за чего? У моей роты он решил отобрать две повозки. А я всегда очень строго спрашивал с ездовых, требовал, чтобы они хорошо следили за лошадьми, говорил им так: «Сам не поешь, отдай

лошади, но чтобы они могли вытащить из любой грязи». И вдруг наших ухоженных, сильных лошадей забирают. А я молодой был, горячий, и решил, не отдам. Спорим, кричим друг на друга, дошло до того, что он достает пистолет, и я достал… Он убрал оружие, и я, конечно, тоже. Вызвал меня командир полка: «Я снимаю вас с должности». «За что? – отвечаю, – это же несправедливо». С роты меня не сняли, но влепили трое суток ареста. С одной стороны, я прав, но ведь и комбата понять можно, он же эти повозки не для себя брал, а для нужд батальона. Делить людям на передовой нечего, а при выполнении боевой задачи бывали разные моменты.

Или еще вспоминается момент, когда на марше возникла ссора между нашим командиром дивизии Маргеловым и ГСС, командиром батальона из другой дивизии. В том месте была развилка, и этот комбат, правда, он был подвыпивший, решил, что его часть тут пройдет первой, и не давал нашим пройти. Возник затор, начались крики, ругань, дошло до стрельбы в воздух. Маргелов даже выделил роту автоматчиков, чтобы арестовать того комбата, но, слава богу, мимо проезжал командир нашего корпуса Рубанюк, который разрешил этот конфликт, а так еще неизвестно до чего бы там дело дошло…

– Структура вашей минометной роты?

– Рота состояла из трех взводов, по три миномета в каждом, это примерно шестьдесят человек. Если грамотно стрелять из минометов – это страшная сила, настоящее спасение для пехоты. Ведь поначалу бывали случаи, когда у меня забирали людей, чтобы пополнить стрелковые роты, но после того как командир полка Лубенченко увидел, как в одном бою мы только огнем своих минометов остановили немецкую атаку, он отдал строжайший приказ – минометчиков в пехоту не забирать. Это же специалисты, и как простую пехоту их гробить нельзя.

– Какой транспорт был у вашей роты?

– Шесть повозок, и было еще у меня два коня. Конь кавалерийской породы был с норовом, капризный, и я его редко использовал. Зато моя кобылка Маруся хоть и была неказистая, но зато очень надежная, и сколько раз она меня выручала. После войны всех лошадей у нас забрали и передали в народное хозяйство.

– Бывало, что в миномет кидали две мины?

– Такие случаи бывали, но в моей минометной роте такое было только один раз, на Днепре. Ибрагимов бросил вторую

мину, его и миномет, конечно, в куски… Сомову оторвало руку, еще несколько солдат тоже были ранены. Такое бывало даже с опытными солдатами, в азарте боя, когда ведешь беглый огонь, можно было ошибиться.

– С контрбатарейной стрельбой приходилось сталкиваться?

– Да, причем немцы довольно ловко научились нас вычислять по разнице распространения звука выстрела и света от вспышки.

– Приходилось использовать немецкое оружие, снаряжение?

– Да, я, например, после боев на Миусе всегда возил с собой немецкий MG-34. Отличный пулемет, надежный, скорострельный. Мне лично нередко приходилось из него стрелять, и в нескольких случаях он очень выручил. Автоматы иногда использовали, но это не особо сильное оружие. Бывали случаи, что заканчивались мины, и приходилось стрелять немецкими 81-ми. Конечно, не было уже той точности, но стрелять было можно. Еще я использовал трофейную стереотрубу – отличный прибор, который мне очень помогал и которым я сильно дорожил. Было у меня и два трофейных бинокля, почти у каждого были немецкие пистолеты. На фотографиях, видите, в самом конце войны пришлось использовать немецкие каски, т. к. свои растеряли.

Но ведь и немцы наше снаряжение использовали: под Москвой мы захватили в деревне помимо танков и десять грузовиков «ЗИС-5». Они хоть и неказистые, и кабины у них деревянные, зато даже в те лютые морозы заводились с полуоборота. Там же под Москвой я лично видел, как немцы использовали против нас захваченные Т-34.

– Бывали нелепые смерти?

– Очень много, из-за горячности, и особенно из-за спиртного. Например, был у нас командир 2-го батальона Владимиров, геройский парень, ничего не скажешь. И как он погиб? Как-то раз выпил хорошо и начал играть с «парабеллумом». Причем его ординарец Лисицин увидел это, вытащил обойму, проверил, попробовал выстрелить, но ничего не произошло, и он вернул ему пистолет. Откуда там взялся патрон, и зачем он приставил его к виску?..

А какая трагедия у нас была на Днепре. Не доходя до него примерно 10 километров, там есть такое селение Маячки. Командир артиллерии нашего полка Жагло увидел, как зенитчики катили две двухсотлитровые бочки со спиртом, и он у

них их конфисковал. Решили раздать всем бойцам полка по 100 грамм, но как проверить, технический это спирт или нет? Вызвали нашего врача – Журкина. Он говорит: «У меня никаких приборов нет, давайте я выпью полстакана, и если через два часа со мной ничего не случится, то значит пить можно». Так и сделали, с ним ничего не случилось, и раздали всем по 100 грамм. А я совсем не пил, за всю войну ни грамма не выпил. Свои 100 грамм я отдал ездовому, и с ним хоть бы что. Ни с одним солдатом ничего не случилось, а двадцать шесть офицеров нашего полка, которые выпили больше, отравились. Пятнадцать из них успели спасти, а одиннадцать погибли в страшных муках… Конечно, было очень серьезное разбирательство, но за Жагло вступился командир корпуса Чанчибадзе, с которым они воевали еще под Москвой, и не дал его судить. А Журкину дали 10 лет и отправили в штрафной батальон, но он там свое наказание отбыл и вернулся в нашу часть, я с ним встречался и после войны. Сняли и нашего нового командира полка Лубенченко, хотя он тогда только-только был назначен, сам вообще не пил, и в этой истории никакого участия не принимал. Его понизили, назначили командиром батальона, но потом все равно опять назначили командиром полка.

– Говорят, много солдат погибло, отравившись техническим спиртом.

– У нас была еще одна трагическая история. Наша дивизия закончила войну за Веной, там есть такое местечко Кефермаркт. Только 11 мая эсэсовцы сдались в плен, так через несколько дней после окончания боев наши дивизионные разведчики где-то нашли спирт и выпили его. Двенадцать разведчиков отравились насмерть, только человек пять или шесть тогда удалось спасти… Причем наш лучший разведчик волжанин Ратников, хороший парень, тот самый, который спас меня в разведке на Миусе, встречался с медсестрой Женей. Такая красивая хорошая девушка, они должны были скоро пожениться. И вот она бегает, пытается спасать ребят, которые корчились в судорогах, а Ратников ей говорит: «Женя, я же тоже пил, дай и мне лекарство», а она ему сказала: «Тебя бы уже тоже взяло» – и не дала. Но он же был очень здоровый, и его «взяло» с опозданием, и что она потом ни делала, как ни пыталась, но так и не спасла его…

В это же время у нас много ребят побилось на мотоциклах и машинах, даже смертельные случаи были. Когда корпус эсэсовцев сдался в плен, нам досталось много этого добра: мотоциклы разные, многие офицеры брали себе «Опель-капитаны», а ребята же молодые и начали лихачить. И когда Маргелов увидел,

сколько людей мы потеряли в этих авариях уже после окончания войны, то лично ходил и из своего «маузера» расстреливал мотоциклы и категорически запретил на них ездить. Говорили, что второго Героя ему не дали как раз из-за этих случаев.

– Разве спиртного не хватало, почему солдаты искали его?

– Может, в других частях водку выдавали регулярно, но у нас, наверное, потому что мы воевали на юге, выдавали очень редко, только по праздникам. А людей, которые страдали этой заразой, было много, и среди офицеров особенно, ведь у них больше возможностей.

– А вы почему совсем не пили?

– Когда мне было лет 13–14, женился брат моей матери. Свадьбу сыграли хорошо, а потом он с ребятами решил проститься с беззаботной молодостью. Я с моим другом Родей вышли во двор, и нам дали немного попробовать водки. А потом трое ребят постарше, лет семнадцати-восемнадцати, насильно напоили меня до беспамятства. Двое держали за руки, вилкой расцепили мне зубы, и третий влил в меня три-четыре стакана водки да еще кваса добавили. Я, конечно, одурел, стоя на коленях, начал биться головой о березу. Это было даже не опьянение, а скорее тяжелейшее отравление, потому что родные меня еле откачали, даже врача вызывали. Отец, когда узнал, кто это сделал, хотел пристрелить тех ребят, ему как председателю сельсовета полагался «наган», он успел даже несколько раз выстрелить, пока у него не выбили револьвер, но, слава богу, ни в кого не попал. Вот с тех пор я даже смотреть на спиртное не мог, а от запаха меня просто воротило. Только уже летом 45-го, когда в Москве мы месяц тренировались к Параду Победы, то водки там было много: по 100 грамм нам выдавали три раза в сутки, на завтрак, обед и ужин. Когда мой сослуживец из 149-го полка Тарасов узнал мою историю, он мне сказал: «Ничего, я тебя вылечу. Какой же ты офицер, если пить не можешь?» И он начал заставлять меня пить буквально по глоточку, постепенно увеличивая дозу, и действительно, я уже мог немного выпивать, хотя никогда в жизни спиртным не увлекался.

Лубенченко выступает перед взводом, выведенным на отдых

А вообще получается, что те ребята, которые меня напоили, может, мне и жизнь спасли, потому что я за всю войну ни глотка не выпил, и кто знает, отчего они меня уберегли…

– Со спиртным обычно бывают разные веселые истории.

– Не то что веселый, но один интересный случай был со мной в Венгрии. Там были тяжелейшие бои, я три дня не спал. Остановились мы на отдых, кажется, в городке Кишкунхалаш. Только я лег спать, как меня будит ординарец. Оказывается, пришла игуменья местного женского монастыря бывшая княгиня Васильева и на чистейшем русском языке попросила меня переночевать в их монастыре, т. к. мои солдаты безобразничают и уже начали гонять, как она выразилась «слуг божьих». Поселили меня в гостевой очень холодной комнате, правда, перина и одеяло были пуховые, и я как лег, так сразу в сон и провалился. В жизни я так хорошо не высыпался, как в тот раз. На следующий день они накрыли стол, мы хорошо поговорили, ее муж в том же городе был батюшкой в церкви. Вот тогда я только пригубил кагора, как я потом узнал, потому что она сказала, что отказываться от «церковного вина» нельзя. А так, что бы ни пили, какие бы праздники ни были, за всю войну я даже глотка не выпил.

Или был у нас просто невероятный случай в Венгрии. Командиром 1-го батальона у нас был Чекалов, бывший учитель из Ставрополя, боевой и лично очень смелый офицер, но уж очень он любил выпить. Где-то они с ординарцем выпили и возвращались в свой батальон. Но спьяну заблудились и…

перешли линию фронта. Заходят в один дом, а там… сидят немецкие офицеры. Они сразу протрезвели, начали стрелять, и им удалось убежать оттуда, переночевали в каком-то стоге сена, а на следующий день благополучно вернулись. А в полку тревога, пропал командир батальона с ординарцем…

Когда вернулись, Лубенченко спрашивает его: «Где был все это время?» Услышав рассказ, конечно, не поверил, но ординарец подтвердил. Действительно, пьяным иногда так везет… Эта история стала широко известна в нашей дивизии, и Чекалов стал считаться невероятным счастливчиком.

Что еще можно рассказать? Мало кто знает, что участникам Парада Победы разрешили после него отдохнуть в Москве неделю или две, точно не помню, чтобы победители город посмотрели, в театры и музеи походили. Но пошли разговоры, что многие из участников парада напились и начали «бузить». Милиция откровенно не справлялась, ее просто разогнали. Офицеры нашего сводного полка участвовали в параде с шашками, которые нам обещали подарить, но после того как этими самыми клинками некоторые «герои» начали гонять милицию, то их у нас потом забрали. Говорили, что сам Сталин потребовал отправить участников парада к местам службы в 24 часа.

– Как кормили на фронте?

– Нормально. Хуже всего кормили под Москвой, на Дону и за Херсоном, когда в наступлении мы оторвались от тылов. Тут уж кто что доставал, то и лопал. А вот когда под Сталинградом мы взяли Котельниково, а там у немцев были склады для армии Паулюса, так что там только не было… И сыры, и масло, и шоколад, и конфеты, и даже шампанское с апельсинами… Все это раздали нашим частям, и мы отлично справили Новый год. Но хлеб, например, у немцев был ерундовый, да и консервы с американскими не сравнить. Доппаек был, но что туда входило, я уже и не помню, а папиросы я отдавал своим солдатам.

Взвод солдат, выведенный на отдых

– Вши были?

– Временами, когда долго не удавалось помыться. У меня даже был такой забавный случай. За Днепром мы стремительно наступали, тылы сильно отстали, питание паршивое, и вшей развелось очень много. Пытались с ними бороться известным способом: пропаривать белье на приспособленной бочке. Но солдат, который следил за огнем, уснул, и все наше обмундирование сгорело. И где-то в течение недели мы,

двенадцать человек, воевали в гражданской одежде, которую как-то раздобыли. Хорошо еще, что Лубенченко узнал об этой истории с опозданием, а то бы он нам устроил…

– А вообще, часто удавалось помыться, постираться?

– Нижнее белье нам меняли, но вообще когда как. Конечно, старались заменить людей на передовой, чтобы дать им помыться и хоть чуть-чуть отдохнуть. Вторая жена Маргелова Анна Александровна, она была в нашей дивизии врачом-хирургом, старалась что-то придумать, чтобы хоть как-то разнообразить питание бойцов. А Лубенченко, например, вообще практиковал в нашем полку такое: целый взвод, а то и роту, снимали с передовой и давали им целую неделю отдохнуть, у меня даже фотографии есть с такими моментами.

Солдат бреется перед фотографированием для партийного билета

– Было такое понятие «тыловая крыса»?

– Иногда, когда офицеры выпивали, то могли в запале кому-то такое сказать, например зампотеху. Или, например, был у нас Шитиков, отвечавший за снабжение обмундированием. Был он

довольно прижимистый, и я пару раз слышал такое в его адрес. Но ведь все это было невсерьез, реальной озлобленности на кого-то у нас не было, мы ведь не знали, что там в тылу творится.

Вы знаете, для того чтобы вспомнить случаи, когда кто-либо трусил, увиливал, мне надо напрягаться вспоминать, потому что таких случаев были единицы, а вот случаев геройства, когда люди шли туда, куда могли и не ходить, я знаю много. Вот, например, вы знаете, что у нас при разведчиках жили сыновья Маргелова и Шубина – начальника штаба дивизии? Оба были как «сыны полка», жили при дивизионной разведке, одному было двенадцать, а другому четырнадцать лет. Оказалось, что они вместе с дивизионными разведчиками участвовали в уличных боях в Будапеште. Маргелов и Шубин узнали об этом позже, и, конечно, потом они сделали «втык» разведчикам. Но о чем это говорит? Что в то время для победы люди ничего не жалели, старались хоть что-то сделать, чтобы приблизить ее. За те бои, кстати, обоих сыновей наградили.

– Насколько было распространено такое явление, как «ППЖ»?

– Тут все от командиров идет, какой пример они сами подают, так и будет. У нас комполка Лубенченко был благородный человек и такие вещи не поощрял. Он даже как-то собрал девушек-санинструкторов и предупредил их: «Пожалуйста, общайтесь, встречайтесь, но близкие отношения отложите до конца войны». К девушкам-медработникам у нас относились очень хорошо, они были боевые и свои обязанности выполняли честно. Например, Ася Пилипенко за неделю боев на Днепре вытащила из боя 120 раненых солдат…

Когда в Венгрии погиб мой друг Смирнов, вместо него командиром взвода ко мне прислали… Тамару Прохорову. Эта боевая девушка очень достойно воевала и до и после этого, но тогда я попросил, чтобы ее заменили на мужчину, и тогда нам прислали Олега Демченко, а она воевала в 147-м полку.

Медсестры 144-го полка: Ася; Зина Хмарная; Мария

Вот у замполита полка Гасюка была ППЖ, но они поженились официально и после войны жили вместе.

– Говорят, бытовые условия в немецких войсках были лучше.

– Даже сравнения никакого нет, у немцев землянки были оборудованы как квартиры. На Днепре в одной захваченной нами землянке даже ковры на стенах висели… Для отопления у них были специальные печки, аккумуляторы для лампочек, а у нас сплюснутая снарядная гильза и какая-то печурка в лучшем случае.

– Приметы, предчувствия у вас были на фронте?

– Всякое бывало. Один случай на этом проклятом Миусе до сих пор мне покоя не дает. Несколько дней нам не подвозили питание, оголодали мы немного, да еще и заморозки были. Один мой солдат предложил: «Давайте вожжами вытянем к себе тушу убитой лошади с нейтральной полосы», а она лежала метрах в десяти от немецкой траншеи. Я не разрешал, но меня все-таки уговорили. Он пополз, успел привязать эту проклятую тушу, но, видимо, немцы что-то услышали, начали стрелять и убили его. На следующую ночь решили вынести его тело, но мы уже знали, что немцы обязательно устроят там засаду. Я отдал приказ обстрелять из минометов немецкие позиции, и нам все-таки удалось вытянуть и тело погибшего солдата, и даже лошадиную тушу. Но немцы открыли сильный ответный огонь, а мы, человек

восемь, сидели в каком-то хлипком блиндажике. И тут меня просто какое-то нетерпение взяло, непременно захотелось уйти. Люди начали артачиться, не хотели уходить, Мозинсон, помню, тоже очень не хотел уходить, но я все-таки настоял. Только мы чуть отошли, как в эту землянку прямое попадание 119-мм мины… Нас бы всех там в кашу… Люди на меня смотрели с такой благодарностью.

Но Мозинсон со мной «рассчитался». Под Большим Токмаком, на Украине, он вдруг заладил: «Надень каску, надень каску», а я ее почти никогда не носил. Но послушался его и надел. И почти сразу взрыв снаряда, и большой кусок кирпича попадает мне прямо в голову… Целую неделю я приходил в себя в медсанбате, а ведь если бы каску не надел, то сразу хана… Вот как это можно назвать?

– Роль случайности была большой?

– Сразу, например, вспоминается, как погиб командир батареи 120-мм минометов. На марше с повозки упал чей-то автомат, раздалась очередь, и его наповал… Ну что это?.. Или в Венгрии был такой случай: мы возвращались на передовую из штаба с совещания. На повозке помимо меня была медсестра Ася и ездовой. И тут совсем рядом с нами дорогу перебегают немцы, которые стремились вырваться из окружения. Хватаюсь за пистолет, раз – осечка, два – осечка, смотрю, а у меня ни одного патрона. Я до сих пор не понимаю, куда делись патроны, кто их вытащил? Ведь я всегда за этим следил, знал, что у меня есть оружие, а тут…

– Чего вы боялись на фронте, что было самое страшное?

– Больше всего я боялся попасть в плен и для себя решил, что последний патрон оставлю себе… А так, конечно, самое страшное – это атака. Особенно под Москвой, когда еще ходил в них простым солдатом. Словами очень сложно передать, как тяжело было оторваться от земли и пойти вперед…

– Что-то запомнилось за границей?

– Чистота, и как она соблюдается. Можно сказать, что у них выработана ответственность за чистоту, каждый следит за своим участком, и получается очень хороший результат. Запомнилось, что не было воровства, где ты оставишь свои вещи, там их и найдешь, что у них было все строго распланировано, даже ели они не сколько хотели, а как у них было рассчитано.

– Удавалось пообщаться с местным населением?

– В Венгрии нас как-то отвели на отдых. Я помылся, и хозяин дома пригласил меня к столу. Оказалось, что он был у нас в плену в первую мировую, потом участвовал в революции, поэтому вполне сносно говорил по-русски. Он был очень радушен, рассказывал, где бывал в России. Я смотрел, как он спокойно ест маленькие перчики, и тоже решил попробовать, но даже представить не мог, что они могут быть настолько острыми… Я закашлялся, у меня брызнули слезы, но, конечно, все это перевели в шутку, посмеялись.

Там же в Венгрии, в Кишкунхалаше, почти все местные жители удрали, но в одном доме оставалась одна старуха, видимо, ее не могли взять с собой. Она была уже совсем слепая, ходить не могла, ее просто положили на кровать и подложили ей подушки. Наши солдаты, увидев, в каком она положении, начали совать ей в руки хлеб, но она взяла одного за руку и начала ощупывать его голову, представляете, она верила пропаганде, что у советских людей есть рога… Дня два она не ела, а потом мой ездовой Полищук начал кормить ее буквально с ложечки… Дважды в день он ее кормил, наверное, и в туалет ее относил, и что вы думаете? Когда мы уходили, то она заплакала… А он рядом с ней положил много кусочков хлеба. Вот такие мы были оккупанты…

О случаях, чтобы в спину нашим солдатам стреляли, я не слышал. В Австрии продуктов не хватало, так нам отдали приказ, чтобы наши кухни готовили еду и для австрийцев, из них собирались целые очереди.

– Бывали случаи мародерства, насилия?

– По мелочи солдаты что могли забрать? Материю на портянки, патефон или аккордеон из брошенных домов. Из серьезного был один случай: в Венгрии как-то солдаты забрали в одном хозяйстве свинью, так хозяин пожаловался, и старшего из них, старшину, разжаловали. Там же, в Венгрии, в одном хозяйстве мои солдаты по приказу Мозинсона убили корову, видите ли, ему печенки захотелось. Я его спрашиваю: «Ты что делаешь? Хочешь, чтобы тебя расстреляли?» – но никто не донес, и никого не наказали. А женщины… Кто этим делом увлекался, очень боялись подцепить у них какую-нибудь заразу, но многие все равно заболели, а один из наших самых боевых офицеров умудрился даже дважды перебо-леть.

– Посылки домой посылали?

– Уже после войны всего один раз, да и то благодаря моему старшине Соколову. Он увидел, что я этим делом совсем не

интересуюсь, и занялся сам, собрал моим сестрам посылку с шелковыми отрезами для платьев.

– Говорят, старшие офицеры злоупотребляли «сбором трофеев».

– Я лично такого не видел, и мне даже сложно представить, чтобы наш командир полка этим занимался. Что могло быть? Мы, например, на Балатоне проходили разрушенный кожевенный завод. Наши хозслужбы подсуетились, набрали там кожи, и потом всем офицерам дивизии пошили хромовые сапоги, ну некоторым еще и на плащи хватило. А когда мы в Австрии пленили три эсэсовские механизированные дивизии, то нам досталась вся их техника. Мне старшина моей роты Саша Соколов «организовал» «Опель-капитан». Я его даже пригнал в Союз, а уже в Унгенах поменял его на мотоцикл, на нем было удобнее ездить на охоту. А потом один из наших офицеров демобилизовался и, не спрашивая, просто уехал на моем мотоцикле…

Что еще? Шинель себе пошил «генеральскую», из очень хорошего венгерского материала. И когда мы стояли в Дебрецене, то я вспомнил просьбу моего дяди привезти из-за границы коньяк. Попросил Соколова найти мне коньяк. Он взял машину, уехал и привез-таки мне целый ящик коньяка, но оказалось, что добыл он его аж в Болгарии. Но мои сослуживцы узнали про коньяк, и постепенно весь он пошел в дело, только одну бутылку получилось сохранить. В 45-м мне дали маленький отпуск, удалось съездить домой, и я подарил-таки бутылку коньяка своему дяде, хотя он о той своей просьбе 24 июня 41-го года и не помнил уже…

– Кто у вас был ординарцем?

– Вначале был осетин Кибизов, о нем у меня сохранились самые лучшие воспоминания. Но его тяжело ранило, оторвало ногу на Кошницком плацдарме. А потом ординарцем у меня был Иван Трофимович Дикий. Очень хороший и добросовестный солдат и человек, ему тогда было лет под сорок. У него была тяжелая судьба, он ведь в Крыму попал в плен, причем какая-то местная жительница дала ему цивильную одежду, но крымские татары схватили его и выдали немцам… В плену он был в Румынии, работал в частном хозяйстве. Он мне даже рассказывал истории, как он там выживал. Именно Дикий вынес меня раненого из последнего боя. У нас с ним была незабываемая встреча в Кишиневе, в 1985 году. Они с дочкой без предупреждения приехали ко мне в гости, а на следующий день было 23 февраля, и я выступал на торжественном собрании в

своем институте. Я рассказал о том бое, как меня ранило, как меня вытащили, тишина была в зале… И потом добавил: «Этот человек сегодня находится в этом зале». Зал буквально взорвался, встал, был гром аплодисментов, Дикого даже посадили в президиум…

– Вы встречали правдивые фильмы, книги о войне?

– Конечно, многое было сильно приукрашено, но были и правдивые, мне, например, очень понравился фильм «Живые и мертвые». Но больше всего было обидно, что лет двадцать после войны о ней почти не вспоминали, как будто и не было ее вовсе… И только писатель Смирнов эту тему поднял, расшевелил «муравейник». Благодаря ему началось ветеранское движение.

– Ваши родные пережили войну?

– Мой отец был партизаном и погиб в 43-м, к сожалению, обстоятельств его гибели мне узнать не удалось. Младший брат Женя тоже потом ушел в партизаны, но остался жив. А когда к нам в Скобровку приехали каратели, то мать и сестру арестовали и должны были казнить. Но им крупно повезло, той же ночью на эту комендатуру напал партизанский отряд, и всех арестованных освободили. Они, конечно, после этого все вместе ушли с партизанским отрядом и остались живы. А мою младшую сестренку Майю, она была 38-го года, очень сильно умышленно напугал немецкий мотоциклист. Он на полном ходу ехал на нее и затормозил буквально в считаных сантиметрах. На фоне тяжелого испуга она заболела менингитом, лечить его тогда было некому, и в 1945 году она умерла… Родную сестру моей матери Ольгу с мужем, они учительствовали в Заславле, и двумя их детьми немцы сожгли заживо, так что в этом плане мы типичная белорусская семья…

А из восемнадцати моих одноклассников только трое пережили войну…

– Чем вы занимались после войны?

– Я, наверное, так и остался бы служить, но рана в животе никак не заживала, несколько раз даже пришлось лечь в госпиталь, и по состоянию здоровья в 1948 году я демобилизовался. Два года поработал контролером на Унгенской таможне, но потом поступил на факультет механизации в Кишиневский сельскохозяйственный институт. Три года работал главным инженером в учебном хозяйстве в Кетросах, тогда мы фактически поднимали сельское хозяйство Молдавии с нуля. А с 1957-го преподаю в родном институте механизацию, доктор

технических наук. С 1952 года счастливо женат, есть сын, внук. В 2000 году удостоен почетного звания «Заслуженный гражданин Республики Молдова», а в 2004-м – молдавским «Орденом Почета».

Садрединов Решат Зевадинович

Я родился 15 февраля 1922 г. в г. Карасу-Базаре (ныне г. Белогорск) в семье Садредина Тамалла. Мой отец родился в 1892 г. в д. Тамалла. В 1914 г. он закончил Зинджерле Медресе, с юных лет был очень здоровым и крепким человеком, увлекался

крымско-татарской национальной борьбой «куреш». Когда ему было 20 лет, он стал одним из первых чемпионов по национальной борьбе в Крыму, в 1924 г. по заказу председателя Крымского ЦИК Вели Ибраимова специально для отца отлили золотую медаль, где было написано следующее: «Садредин Тамалла – первый борец куреш». После этого мой отец во всех дервизах (собрания борцов куреш) занимал первое место. В 1928 г. арестовали и 9 мая расстреляли Вели Ибраима, и в июле моего отца забрали по делу Вели Ибраима. Ему дали по 58-й статье 10 лет тюрьмы. Через восемь лет, в 1936 г., он вернулся. Когда мне было 6 лет, я пошел в крымско-татарскую школу в г. Карасу-Базаре. Нам тогда преподавали родной язык, математику, географию, естествознание, физику, историю, даже астрономию. Давали хорошие знания, учителя были очень образованные, но в то же время очень строгие. Тогда учитель даже имел право применять физическую силу. У нас в классе в углу стояла тоненькая палочка, если кто-то плохо учился, его могли этой палочкой побить. Но я, слава Аллаху, хорошо учился.

По окончании школы в 1937 г. я сдал экзамены в Крымский государственный педагогический институт им. Фрунзе в г. Симферополе (ныне Таврический национальный университет) на физико-математический факультет. Но декан факультета татарского языка и литературы встретил меня и сказал, что физиков и математиков очень много, а народу нужен учитель на своем языке. Поэтому я перевелся на факультет татарского языка и литературы. Нас, студентов, поселили в хорошее общежитие, со мной в одной комнате жил русский парень из Москвы по фамилии Румянцев, он учился на географическом факультете. Мы тогда, после крымско-татарской школы, плохо говорили на русском языке, вот Румянцев и учил меня русскому языку. Все шло хорошо, как вдруг в 1940 г. вышло постановление Совета Министров СССР о введении платного обучения. Я был вынужден пойти на работу. Я иногда писал статьи и стихотворения, меня немного знали, поэтому я пошел корректором в юношескую газету «Яш-Кувет», что в переводе с татарского означает «Молодые силы». После учебы я шел в типографию, мне давали тексты, которые вручную набирали, я читал, исправлял ошибки, если есть, и давал редактору, он пишет в конце пробного номера «в свет», и газета идет в печать.

Все шло нормально, но однажды на уроке античной литературы, который шел, до сих пор помню, на русском языке, неожиданно открывается дверь, и заходит человек в черной кожанке:

– Кто здесь Садединов?

– Я.

– Выйдите.

Выхожу из класса, спускаюсь со второго этажа во двор, там стоит черная «эмка». Команда: «Садитесь». Я думаю, что такое? Сразу решил, что наверняка насчет отца, он был ведь по 58-й статье осужден, т. е. лишен голоса и все такое. Привезли в здание НКВД (ныне здание министерства финансов АРК), поднимаемся во второй этаж. Вхожу в кабинет, запомнилось, что надо было открыть две двери. За столом сидит человек с двумя шпалами на петлицах, т. е. майор. Спрашивает меня:

– Где вы работаете?

– Я корректор газеты «Яш-Кувет».

– Нате сегодняшнюю газету, читайте.

Дает газету, я начинаю читать. Заголовок не смотрю, только текст, т. к. заголовок крупными буквами читает гл. редактор, а я отвечаю за текст. Все прочитал, говорю:

– Все правильно.

– Еще раз читайте.

Я аж вспотел, каждую буковку читаю, все нормально.

– Заголовок читайте.

Тогда я прочитал заголовок, а там вместо «Сталина» напечатано «Салин», т. е. буква «т» пропущена. Майор начинает кричать:

– Ах вы, исказили фамилию нашего вождя.

Я растерялся поначалу, потом вспомнил, говорю:

– Подождите, я отвечаю только за текст, заголовок – это дело главного редактора. Так что я считаю, что я не виновен.

Оказывается, тогда все утреннее издание газеты было изъято, и сделали нам, всей редакции, начет. Тогда газета стоила три копейки, а стипендия была маленькая, 35 рублей, я получал как корректор 400 рублей. Но после этой истории пришлось потуже пояс затянуть.

Что интересно, когда мы учились в институте, то мы хвалили Гитлера, ругали англичан, американцев, французов, у нас же был пакт о ненападении с немцами. А ведь 1 сентября 1939 г. Германия начала Вторую мировую войну.

Отношение к военным в то время было очень уважительное, они находились в большом авторитете, все стремились идти в военные, потому что была форма, кормежка, все хотели попасть в командиры. Я до войны посещал Симферопольский аэроклуб, мы изучали самолет Р-5 и несколько раз летали, крутились над городом. Я очень хотел быть летчиком. Но потом, после начала войны, отец отсоветовал мне в летчики идти:

– Сынок, не иди в летную часть, видишь, что там творится.

Все самолеты сбивают, куда ты идешь?!

В общем, на третьем курсе началась война. 22 июня 1941 г. выступил Молотов о том, что без объявления войны немцы нарушили наши границы. Но всем запомнилось более позднее выступление Сталина, особенно слова, что: «враг будет разбит, победа будет за нами». Мы были очень воодушевлены, ведь до войны был такой интересный фильм «Если завтра война», в котором показано, как открываются люки, из-под земли выкатывают пулемет «максим», мы достойно встречаем врага, вперед кавалерия несется. Все были уверены, что мы быстро разобьем врага. В июле нас, студентов, 1921–1922 гг. рождения, забрали в Севастопольское зенитно-артиллерийское училище (СУЗА). Это было прекрасное училище, но как мы приехали, училище сразу же начали бомбить. Поэтому в Севастополе мы совмещали теорию и практику. Это происходило так: мы перед налетами подходили к зенитчикам и просились в помощь, чтобы научиться стрелять. В училище имелась прекрасная столовая, с отличным питанием, на 4 курсанта был выделен отдельный стол, накрытый белой скатертью, и нас обслуживали официантки. Что еще интересно, в Севастополе у нас еще шел урок этики, как надо держать ложку, вилку. Рассказывали, когда Ворошилов был в Турции, его пригласили танцевать, а он не умел, поэтому нас, курсантов, еще и танцевать учили. Учителями были кадровые военные, такая дисциплина была, что каждый раз, когда заходил командир, мы стояли по команде «смирно», и, пока он не уйдет, мы не имели права свой взгляд оторвать от него. Испытывали к командирам большое уважение. Нам выдали прекрасное обмундирование, хромовые сапоги, галифе.

В начале октября наше училище эвакуировали в Уфу, вместе со всей матчастью и орудиями. И нас в дороге несколько раз бомбили, налетали «мессеры». Немецкие самолеты тогда летали как будто у себя дома, не встречали сопротивления, кое-где били зенитчики, но было уже такое ощущение, будто мы сдались немцам. Только мы эвакуировались, как в ноябре Крым попал в окружение. Мы были направлены в Уфу, расквартировали нас в казармах, где ранее дислоцировалась какая-то воинская часть. Здесь, как и в Севастополе, мы изучали зенитные орудия среднего калибра, 76-мм. Также изучали ПУАЗО-3 (прибор, управляющий зенитно-артиллерийским огнем). Это такая большая планшетка, где надо найти скорость самолета, его высоту. Нужно было все правильно вычислить на опережение, чтобы пока самолет летит, твой снаряд должен ударить прямо по нему. Это целая высшая математика. Мы, бывшие студенты, учились неплохо, все-таки с 3-го курса, а в училище же было около 500 человек (из них

крымских татар – 76 человек), многие прямо из деревни. Кроме специальных пред-метов у нас было автодело, каждому по окончании училища выдавали военные права на вождение автомашины. Также проходили противохимическую оборону, во время которой изучали противогазы, классификацию отравляющих веществ. А вот практических стрельб не было, учителя говорили, что «каждый снаряд 76-мм зенитного орудия стоит 2 пары хромовых сапог». В январе 1942 г. через 6 месяцев учебы нас выпустили. На экзаменах сдавали теорию стрельбы, изучение прибора ПУАЗО-3, таблицу заградогня. Не всем присвоили звание лейтенанта, а только более успевающим. Кубиков на петлицы не оказалось, поэтому мы сами их себе сделали из кусочков радиаторов и зубных щеток, ручкой прокалывали дырки и прикрепляли такие вот кубики.

Выпускники Севастопольского зенитно-артиллерийского училища. Слева направо: Фетнев Якуб, Садрединов Решат, Феттаев Иса, сидит Абдурахманов Зия. Все, кроме Садрединова Р.З., погибли на фронте. Кунцево, январь 1942 г.

Нас посадили в поезд на Москву, куда мы, новоиспеченные командиры, ехали 3–4 суток. У нас был старшина Назюта, он издевался над курсантами, полы мыть заставлял, мало этого, уборную чистить и постоянно на гауптвахту отправлял, его все ненавидели. И вот он находился в соседнем вагоне, ему тоже какое-то звание присвоили, и бывшие курсанты выпили, открыли вагон, и выбросили Назюту. На дорогу нам дали сухой паек, но на

каждой станции, где мы останавливались, давали горячую пищу, все было тогда организованно. Наш эшелон шел безостановочно, везде для нас были открыты пути. Прибыли на станцию Кунцево, где формировалась 25-я зенитная артиллерийская дивизия РГК. Меня, а мне было всего-навсего 20 лет, направили командиром 4-й батареи 1362-го зенитного артиллерийского полка. А моему заместителю по политической части было 34 года. Только в батарею выдали не средние 76-мм орудия, а малокалиберные 37-мм зенитки, мы назывались батареей МЗА. С такими орудиями я прошел всю войну. Нас разместили в резерве командования под Тулой, где мы простояли до апреля 1943 г. В это время мне как раз присвоили звание ст. лейтенанта.

После Сталинградской битвы наши войска начали вытеснять противника, и нас из резерва направили в Курскую область, где дислоцировали под ст. Поныри. Наш полк находился там для того, чтобы прикрывать станцию и размещенные около нее войска. И вот два месяца мы только и делали, что слушали немецкие передачи по большому громкоговорителю. Они передавали, представьте себе, даже мою фамилию, кто там командир батареи, кто помполит, всё. Знали о нас очень многое. Часто «Катюшу» для нас играли. Боевых действий в этот период не было. Но перед Курской битвой произошел такой случай: по небу идут неизвестные самолеты, мы открыли огонь и сбили один самолет. Приходим туда, чтобы составить акт о подбитом самолете, как оттуда вылезает летчик и начинает орать:

– … вашу мать, куда вы бьете?!

Оказывается, это были переданные нам по ленд-лизу американские самолеты «Дуглас». А у нас силуэтов не было, мы и стреляли. Я сразу в отказ пошел:

– Да я даже и не стрелял.

А что я должен был сказать?! Самолет-то сбили, хорошо еще, что летчик в живых остался. Он нас матом хорошо отлаял. Но вообще нам всегда для опознания давали силуэты самолетов и шум мотора, а по этому самолету ничего не дали.

И вот уже 5 июля утром идет радиограмма: «Подготовиться к артиллерийскому огню по сигналу «катюши». В 2.00, ночью, артиллерия по заранее определенным точкам открыла огонь, а она стояла очень плотно, через каждые 150–200 м большие гаубицы, мы их прикрывали. Часа два шла подготовка. Затем где-то часов в шесть пошли немецкие бомбардировщики, как туча, их были сотни. Мы начали стрелять по ним, все батареи бьют, у нас были трассирующие снаряды, через каждые несколько снарядов идет трассирующий. И моя батарея во время этого боя сбила несколько «Фокке-Вульфов» и «Мессершмиттов». У нас были

силуэты самолетов, теперь мы только после опознавания их расстреливали. Потом немецкие самолеты в бреющем полете начали на наши позиции бросать бомбы и из крупнокалиберных пулеметов расстреливать. В результате в моей батарее все 4 орудия вышли из строя, из 74 человек личного состава в живых осталось 15. Из 4 офицеров остались я и мой командир взвода связи Синицкий Арон Зелихович. Вы знаете, трупы некуда было девать, вокруг большая рожь горит, день превратился в ночь, ничего не видно. Потом на наши позиции пошли прорвавшиеся танки, я отдал приказ: «В укрытие». Тогда заранее блиндажи специальные были вырыты, мы в них попрятались, и начали танки нас утюжить. Но, слава Великому Аллаху, танки прошли, мы все остались в блиндажах и выжили. Потом стало тихо, немцы ушли от нас вперед, мы вылезли, и я одному сержанту приказал:

– Иди узнай, где мы находимся, что с нами случилось?

Он пошел, через некоторое время возвращается:

– Товарищ старший лейтенант, мы в тылу врага!

– Как в тылу врага?!

– Вот так, фронт от нас уже в 10–12 километрах.

Мы с Синицким думаем, что будем делать. А что делать, непонятно. Тогда я предложил Синицкому:

– Давай снимем с убитых немецких солдат форму, переоденемся в нее, но, если нас спросят, разговаривать только ты будешь. И внутреннюю форму, нашу, не будем снимать, только накинем сверху немецкую.

Комсостав 4-й батареи 1362-го зенитного артиллерийского полка. Садрединов Р.З. второй слева. Киев, 1943 год

Синицкий хорошо знал немецкий язык. Солдаты собрали окровавленную немецкую форму, все переоделись. И мы пошли через немецкие позиции; они на нас не обращают внимания. А я думаю, если разоблачат, сразу расстреляют, кто тебя там будет спрашивать. Уже линия фронта, по трассирующим огням думаем, что уже нейтральная зона. Ночью ее переходим, и нам сразу:

– Руки вверх!

Мы поднимаем руки, радуемся, что это наши солдаты. На радостях начинаем говорить им что-то, а они:

– Ах, так вы, сволочи, власовцы. Вы еще на русском языке говорите!

– Вы что, мы русские солдаты, – я им отвечаю.

– Ну, нет, не проведете, – говорят и начали нас бить. Меня несколько раз ударили, солдат моих сильно избили. Я им кричу:

– Я командир 4-й зенитной батареи 1362-го зенитно-артиллерийского полка. Где наша 25-я зенитная дивизия? – Тут они успокоились, задумались и отвечают:

– Действительно, недалеко здесь эта дивизия стоит.

– Давай нас отведи, где у вас начальник штаба!

Отвели нас в землянку, там сидит майор, спрашивает у меня:

– А кого вы знаете?

– Ну начальника штаба полка Елового.

Меня по телефону с ним связывают, он очень удивился:

– Садрединов, ты жив?!

– Жив и здоров, слушай, но орудий нет, нас осталось 15 человек.

– Ну что делать, давайте к нам.

Нас отправили в полк, начали заново формировать 4-ю батарею, мы же вынесли знамя, и поэтому часть сохранилась. И в это время как раз начались тяжелые танковые бои, немцы впервые использовали против нас тяжелые «фердинанды» и «тигры». Столько было у ст. Поныри танковых боев, все горело, и машины, и люди. Мимо нас проносили столько раненых и обгоревших танкистов, вспомнить страшно. За то, что я вывел 15 человек из окружения, меня наградили медалью «За отвагу», это тогда была очень серьезная награда.

Потом уже после 13-го числа нас заново сформировали, наши войска пошли дальше, моя батарея прикрывала тяжелые артиллерийские полки РГК. Наша батарея обычно прикрывала один артполк.

В корпусе генерала Свободы. Слева Садрединов Р.З. Киев, осень 1943 года

Освободили Белгород, Орел, пошли освобождать города Украины. Но, начиная с 1943 г., наша авиация стала действовать более интенсивно и успешнее сражаться с немецкими самолетами. Как раз в это время появился наш самый лучший самолет Ил-2, который немцы прозвали «Черная смерть». Этот самолет летал на высоте всего 200 м, а на зенитных орудиях сделать расчет на 200 м невозможно, потому что пока ты его делаешь, они спокойно могли уже отбомбиться. Наша дивизия считалась резервом главного командования, и поэтому, хотя мы числились в 4-м Украинском фронте, нас перебросили в 38-ю армию 1-го Белорусского фронта, в составе которой мы приняли участие в освобождении Киева. С 4 на 5 ноября мы форсировали Днепр, мосты были взорваны, поэтому переправлялись по понтонному мосту, наш полк должен был идти в сторону Киева. Когда моя батарея начала переправляться, сначала все шло успешно, но когда до берега осталось совсем недалеко, метров 50–60, немецкий самолет нас разбомбил, понтонный мост был разрушен, одно орудие ушло на дно реки. Кое-кто из ребят тоже утонул, а я сидел в своей машине, американской «додж три четверти», успел открыть в воде двери, потому и выплыл. Холодно, мы в шинелях, у меня планшетка, «ППШ». Мы еле-еле добрались до берега, холодно, мерзко. Подходит к нам одна старушка:

– Дети, сыночки, приходите сюда.

Уже идут бои за Киев, а она нас пригласила в землянку. И вот там я впервые узнал, что такое самогон. Мы все мокрые, она нас в печку сушиться отправила. После наливает в кружку самогон, все

выпили, она нам сало достала. И знаете, у меня тогда даже насморка не было, настолько организм был мобилизован.

После освобождения Киева моя батарея была дислоцирована под городом в совхозе «Шалом Алейхем». Там меня направили в Чехословацкий корпус генерала Свободы инструктором по зенитной артиллерии, где я обучал чехов (они только-только получили новые зенитки), как надо с нашими орудиями обращаться.

Во время боев за Киев позиции артиллерии, которую мы охраняли, также бомбили. Мы тогда сбили несколько самолетов. Моя батарея уже шла по следам освободителей, наши передовые части уходили дальше. За бои под Киевом мне вручили орден Красной Звезды.

За Житомиром произошло такое событие: утром немцы занимали позиции, наши части их выбили, и к вечеру моя батарея уже дислоцировалась на бывших немецких позициях. И вдруг идут наши самолеты, начинают нас утюжить. Мы даем ракеты, я кричу: «Вы что, сволочи, делаете!» Но они пока не отбомбились, не ушли. У нас в батарее некоторые убитые были. Оказалось, что им задание дали с запозданием, в этом была вина штаба.

Личный состав 4-й батареи 1362-го зенитного артиллерийского Проскуровского Краснознаменного ордена Богдана Хмельницкого полка 25-й зенитной артиллерийской Карпатской ордена Богдана Хмельницкого дивизии РГК. Слева направо, сверху вниз: командир батареи Садрединов Р.З. 6-й справа. Чехословакия, апрель 1945 года

В Самборе моя батарея сбивает два самолета, командир

полка говорит:

– Составь список, кто отличился.

Я это сделал и узнал, что меня представили к ордену Боевого Красного Знамени. И когда ответ пришел, все мои солдаты и офицеры в батарее получили награды, а мне ничего нет. Я прихожу к начальнику штаба полка, интересуюсь, в чем же дело. Вызывает меня замполит полка и говорит:

– Товарищ капитан, ты удивлен, что у тебя награды нет?

– Да, а что такое?

– Ваш наградной лист командующим фронтом не одобрен.

– В чем же дело?

– А разве вы не знаете, что всех крымских татар выслали из Крыма?

– Как выслали?! За что?

– За то, что они были на стороне Гитлера.

Ноябрь, 1944 г. Ну хорошо, только я-то здесь при чем, моя батарея немецкие самолеты сбивает. Вот так я остался без награды за сбитые немецкие самолеты. И все же я спросил его:

– Слушай, в чем дело, вы же меня знаете!

– Ну что я могу, вот такой приказ, – отвечает замполит. – Товарищ капитан, я тебя знаю отлично, и отношения у меня с тобой отличные, дружеские. Но приказ есть приказ.

Мне так обидно стало. И только тогда я узнал, что татар выселили из Крыма. Мы прошли через г. Старый Самбор, затем через Карпатский перевал вошли в Польшу. При пересечении государственной границы никаких торжеств не было. Тогда и пограничных столбов никаких мы не видели. Но я запомнил, что мы проходили мимо труб, которые шли из Советского Союза в Польшу. Ведь по пакту о ненападении 1939 г. мы поставляли в Германию нефть.

Прошли Польшу, Венгрию, Чехословакию. В начале мая мы узнали о том, что Гитлер покончил жизнь самоубийством, но немецкие войска продолжали сражаться, и даже когда немцы капитулировали 6–7 мая, моя батарея находилась на Моравских островах, в Чехословакии. Тогда мы вели бои с оставшимися войсками немцев, которые не подчинились приказу о капитуляции. И мы вели бои вплоть до 24 мая, только тогда для нас наступила окончательная Победа.

После капитуляции немецких войск в Чехословакии нас перебросили в Австрию. И вот, когда наша часть была уже в Вене, я командиру полка говорю:

– Слушай, война закончилась, дай мне отпуск, я поеду на родину, выясню, а то говорят, что всех моих выслали.

– Хорошо.

Дает мне увольнение, литером я приезжаю в Симферополь. Смотрю, никого нет из наших, татар. Останавливаю прохожего на вокзале, я в форме, в орденах, медалях, с собой наградной пистолет «ТТ», и спрашиваю его:

– Слушай, а где мирное население?

Он ничего не отвечает, я настолько разозлился, что пошел в здание НКВД, куда меня за газету возили. Там сидит лейтенант, я на него накинулся:

– Что такое? Как? Почему?

Он начинает юлить, туда-сюда, я выхватываю пистолет, думаю, застрелю его, сволочь. Вдруг мне дали команду:

– Кругом! Выйти из кабинета!

Я на автомате выполняю, выхожу. Сзади ко мне подходит какой-то человек, до сих пор не знаю кто, но не русский, и тихо говорит:

– Товарищ капитан, не надо! Такие, как вы, офицеры – крымские татары, два с половиной месяца приходили, требовали объяснить, почему их семьи выслали. Их всех посадили в автобусы и под Белой Скалой около г. Карасу-Базара расстреляли.

Это были его слова, в конце он посоветовал потихонечку уйти. Я оттуда поехал сразу в Москву, пришел в Министерство обороны, представился. Там меня прекрасно приняли, спросили, где я остановился, а я только прибыл на поезде и сразу в МО. Мне дали талончик в офицерскую гостиницу на Арбате. Я попросил выяснить, где моя семья находится. Через три дня прихожу туда, мне говорят:

– Ваша семья находится в Узбекистане.

Я еду на Казанский вокзал, чтобы сесть на 500-веселый, как он тогда назывался, поезд в Среднюю Азию. Приезжаю на вокзал, что там творится, люди, шум, гам. И вот я там познакомился с одним Героем СССР, по имени Суфик, он сам из Узбекистана, и он мне предложил:

– Капитан, давай на крыше поедем.

Мы привязали друг друга к трубам, которые шли по вагонам. У меня с собой дополнительный паек, деньги, все выдали на дорогу в МО. Тогда локомотивы топились углем, мы немного выпили и заснули. Просыпаемся, смотрю на него, смеюсь, дым на нас всю ночь шел, Суфик весь черный, а он на меня смотрит, смеется. Через шесть суток прибыли в Ташкент. Там нас обмыли, одежду продезинфицировали. Я стал дальше своих искать и нашел семью в г. Беговате. Они находились в землянках, причем рядом были пленные немцы, им дали хорошие здания, а крымских татар в землянки поселили. Когда я приехал, и увидели, что я офицер, все крымские татары собрались, бедная

моя семья вся чуть в обморок не упала. Я там долго не был, в Фергане нашел домик, у меня на книжке было 36 тысяч, я их снял, купил домик, перевез туда семью. И обратно поехал служить, т. к. я еще был военным, демобилизовался только в 1946 г.

Таким образом, в конце войны на счету моей батареи было 17 сбитых немецких самолетов. Я закончил войну капитаном, командиром 4-й батареи МЗА 1362-го Зенитного артиллерийского Проскуровского Краснознаменного ордена Богдана Хмельницкого полка 25-й зенитной артиллерийской Карпатской ордена Богдана Хмельницкого дивизии РГК. Приказом Верховного Главнокомандующего тов. Сталина мне было объявлено 7 благодарностей: за взятие городов Проскуров, Станислав, Дрогобыч, Михальовце, Моравска Острава, Цешин и за успешное преодоление Карпатских перевалов. Во время войны был награжден: двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды, за освобождение Украины орденом Богдана Хмельницкого и самыми дорогими мне медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Когда я прибыл в Узбекистан, меня сразу вызвали в спецкомендатуру, я прихожу к коменданту, он говорит:

– Давайте вас возьмем на учет как спецпереселенца.

– Как на учет?

– Ну так положено.

– Если у вас положено, если вы хотите получить мое заявление о том, что я хочу быть спецпереселенцем, вот, возьмите.

Каждый месяц шли на отметку, понимаете. Даже пытались награды отобрать, но я отказался, сказал, что не ими эти награды мне вручены. А наградное оружие, которое мне выдали партизаны Чехословакии, отобрали, дескать, мне не положено. Я отдал, мне это надо, с ними спорить. Для того чтобы из одного района в другой поехать, я должен был в спецкомендатуре взять разрешение. За самовольный выезд без разрешения могли дать 20 лет каторжных работ.

С такой несправедливостью я пытался бороться, написал письмо на имя тов. Сталина, когда оттуда пришел ответ, меня вызвали в МВД, показали резолюцию на письме: «на ваше усмотрение». Со дня прибытия в Узбекистан я включился в работу национального движения крымских татар, направленного на возвращение своего народа на родину. Заочно окончил кооперативный институт. Мне, как боевому офицеру, безоговорочно давали разрешение на выезд, я пошел на

ответственную работу, ездил и в Москву, Ленинград, Алма-Ату. Был два года в Фергане управляющим областным медицинским снабжением, затем, с 1948 по 1984 г., – начальником Контрольно-ревизионного управления.

С 1993 г. я являюсь корреспондентом газеты «Слава труду», написал больше 200 статей на политические, религиозные, исторические темы. Но основная тема моей работы: участие крымских татар в Великой Отечественной войне. Я с 1993 г. заместитель председателя Бахчисарайского совета ветеранов войны, почетный гражданин Бахчисарая, имею почетную грамоту Верховной рады.

– Как вы встретили День Победы?

– 9 мая, когда мы услышали о капитуляции, у кого что было, из ракетниц, из пистолетов, из карабинов, из автоматов все стреляли, целовались. Все были радостные, что закончили войну живыми. И вот, когда наш полк находился в Австрии, в июне 1945 г. состоялся банкет стран-победительниц в огромном зале Венского оперного театра. На банкете должны были присутствовать англичане, американцы, французы и мы, советские офицеры. За несколько дней до праздника к нам пришли, всех обмерили и сшили нам костюмы из прекрасного английского сукна цвета хаки. Из нашего полка отобрали всего семь человек, в том числе меня и моего командира взвода. И перед банкетом строго сказали: «Ни с кем никаких разговоров не вести. Ведите себя прилично!» Собрались наши большие начальники, командиры дивизий, сидят за президиумом. Я посмотрел на столы, никогда не думал, что есть столько закусок на свете. И обратил внимание, что стоит на столах наша пшеничная водка. И посадили за каждый стол так: советского офицера, англичанина, советского офицера, американца, советского офицера и француза. И вот начальники начали выступать, идет синхронный перевод на трех языках: английском, французском и русском. Все слушают, мы в красивой форме, в орденах, но без оружия, его перед банкетом забрали. Потихоньку начали пить, они что-то свое, я в этом не понимал, рядом со мной сидел американец, я ему говорю:

– Слушай, попробуй вот это, – открываю нашу русскую водку с колосьями на этикетке, наливаю в фужеры для шампанского, а они грамм по 250. Выпиваю свой залпом, а закусил-то устрицами, сам не знал, что такое эти устрицы, жевал, а они пищат. Не знаю, что делать, и показываю американцу, мол, пей, пей. Он выпил и как начал задыхаться, тяжело дышать, как-никак 40 градусов. Через час никто уже не стал слушать выступления наших

генералов, нас оно уже не интересовало. Мы обнимаем друг друга, обмениваемся часами, авторучками, сувенирами какими-то. И я говорю переводчику за нашим столом:

– Давай, переведи им, что мы друзья и никогда друг с другом воевать не будем, потому что мы сейчас достигли огромной Победы. Добились вместе, нам нечего будет делить!

Командный состав 4-й батареи. В центре Синицкий А.З. Чехословакия, 1945 год

Так все шло весело, как вдруг поздно ночью открываются двери зала и выходят оттуда полуголые женщины, стриптиз показывать. Сразу же команда:

– Товарищи офицеры, встать! Выйти из зала!

Личный состав 4-й батареи с прикрепленным к батарее санинструктором. 2-й справа Садрединов Р.З. Чехословакия, апрель 1945 года

Что делать, мы выходим из зала, новая команда:

– По полкам, по местам!

Американцы, англичане и французы остались, а мы вышли. Ну, честно говоря, и мы были не против посмотреть на это дело.

– Как выбирались точки дислокации зенитных орудий?

– В штабе полка указывали перед боем дислокацию. Вызывают всех командиров батареи, по карте указывают положение. И мы уже на месте прежде всего должны были готовить брустверы для каждого орудия. В расчете 7 человек, они должны вырыть позицию, по азимуту орудия направить, чтобы синхронно бить. Я как командир следил за работами и помогал готовить тем временем таблицы заградительного огня, они были очень сложные, все надо было учитывать. Главное, надо, чтобы была синхронная передача огня орудий. У нас во время Курской битвы появились ПУАЗО-4, которые нам дали американцы по ленд-лизу. Планшета уже не было, шел специальный экран, идет вражеский самолет, сразу видна его скорость, высота, азимут. Вся информация синхронно передается к нашим орудиям, они направляются в одну точку. Нам уже не надо было делать сложнейшие расчеты, прибор сам все считал, какую трубку как надо установить. Ведь надо учитывать силу ветра и погодные

условия, когда самолет достигнет определенной точки, твой снаряд должен подойти так, чтобы попасть на поражение. Сзади хвоста уже не будешь бить, за 3–4 секунды самолет ведь много пролетит.

– Где вы находились как командир орудия?

– Всегда в центре батареи, потом на НП, который находился впереди батареи, они передавали данные с ПУАЗО.

– Как фиксировался факт того, что ваша батарея сбила вражеский самолет?

– Вот так: кто первый подходит к сбитому самолету, он составляет акт, что сбит самолет. Тогда самолет засчитывается на счет батареи. За каждый сбитый самолет на стволе орудия делается звездочка.

– Как у вас складывались взаимоотношения с мирным населением?

– Украинцы нас хорошо встречали. Но лучше всех встречало население Чехословакии, на обочине каждой дороги стояли бочки с вином, столы с закусками. Так они нас обнимали, так они нас целовали, повторяли постоянно: «Вы нас освободили, спасибо!» В Польше не так было, они были более осторожными. У них было сдержаннее отношение. И, что интересно, в Австрии мирное население нас встретило неплохо. Хотя всякое бывало. Вот на Моравских островах я расквартировался в одной семье, старик и старуха. И вот я несколько дней жил, они все готовили, все «пан капитан, пан капитан», как чехи. А потом я вечером как-то возвращаюсь, смотрю, дверь открыта. Захожу, около ванны лежат и она, и он. Они свои вены вскрыли. Мне стало плохо, ведь вчера все было хорошо. Пришли смершевцы, и только тогда я узнал, что они были немцами, я думал, что это чехи. Я до сих пор не могу понять, по какой причине они покончили с собой.

– Брали трофеи?

– Да, было такое. Наши солдаты, японский бог, даже швейные машинки брали. Один солдат в соседней батарее служил, еврей, как-то сидели с ним, выпили, разговорились. Я тогда трофейные часы нашел, еще что-то, по мелочи. Показал ему и спрашиваю:

– А ты что взял?

– Эх, – отвечает он, показывает сумочку, а там для зажигалок кремнёвые камушки. – У меня их 10 000 штук. Вот посчитай, если 10 000 штук я продам по 10 рублей, сколько это будет? А ты часы взял, зачем тебе это надо.

Были и такие люди, а что. Были разные.

– Какое у вас было личное оружие во время войны?

– Пистолет «ТТ», в училище из него учили стрелять. Также учили стрелять из нагана, «ППШ», из старых карабинов обр. 1894/34 г. В Севастополе на стрельбы не водили, а в Уфе часто ходили на полигон. Но во время войны сильно не пришлось пользоваться.

– Как организовывалось передвижение на марше?

– Мы были части резерва РГК, поэтому полностью механизированные, мы пешком не ходили, у нас были американские «Студебекеры». И обязательно в батарее хотя бы одна «ЗИС-5», как самая надежная машина для бездорожья.

– Как мылись, стирались?

– Во-первых, я за 4 года не знал, что такое постель. Шинель была и постелью, и подушкой. Но специально в батарее санитарки организовали из бочек поджарку, брали наше белье, клали в бочки, и там трещали вши и другие всякие паразиты. Мылись как придется, бывало, и на холоде.

– Были ли женщины в части?

– У нас в полку был специальный санвзвод. И санинструкторами были женщины. В полку было 12 человек медперсонала. Они выносили во время боя раненых, оказывали им первую помощь. Мы были очень благодарны санинструкторам. А санинструкторы стирали наше белье, ухаживали за нами. Хотя забавные случаи бывали. На Курской дуге у меня заболел зуб, я вызвал нашего врача, он был грузин по национальности. Я ему говорю:

– Слушай, не могу ночами спать, вырывай зуб. – Он что-то замялся, тогда я ему строго говорю:

– Я тебе приказываю, вырывай зуб!

Выдернул он мой зуб, оказалось, что этот зуб был здоровый, а болел совершенно другой. Я коронку поставил только после мобилизации, уже в Узбекистане. Оказывается, человек не знает, какой зуб у него болит.

Что еще сказать, и на фронте любовь не умирала, даже были такие случаи, когда наши солдаты и офицеры заключали браки с женщинами на войне. Для этого было достаточно решения командира полка или дивизии. И все отмечалось очень торжественно.

– Существовали ли какие-либо традиции в части?

– Были. Что такое, к примеру, «давай обмоем награду»? Мы так делали: при вручении орденов и медалей мы в каску наливали водку до краев, все по очереди выпивали, оставшиеся медали только после этого вешали на грудь.

С наградным оружием. Слева командир взвода Савельев Николай, справа Садрединов Решат. Июнь 1945 года. Австрия

– Ощущалась ли в вашей батарее какая-либо дистанция между солдатами и офицерами?

– Видите ли, во-первых, на войне не было никакой

дедовщины, потому что все были готовы на смерть, никто ведь не знает, когда пуля или снаряд тебя найдет. Поэтому стремились оказать друг другу помощь, быть вместе. И я всегда просил Великого Аллаха об одном: остаться в живых и увидеть плоды своей победы. Во-вторых, никакой вражды не было, не было никаких стычек. Все жили как одна семья.

– Кто обучал вновь прибывшее пополнение?

– Я и командиры взводов. Помню, после Курской битвы к нам прибыло пополнение. И один из новобранцев, старшина, был настолько тучный, что не мог двигаться. Мне его распределили, приходит ко мне командир взвода и жалуется:

– Товарищ старший лейтенант, что с ним делать?

Я вызываю Синицкого и говорю ему:

– Возьми старшину из вновь прибывшего пополнения, дай ему катушку связи (а она весом 32 кг), пусть он ползком прокладывает связь.

И когда старшине это сказали, он попытался отказаться, что, мол, не могу. Но Синицкий тогда рявкнул на старшину:

– Сможешь! Действуй!

И этот бедный старшина, надо же все ползком делать, начал связь прокладывать. И представьте, через 20 дней он приходит ко мне и благодарит:

– Ой, спасибо вам, товарищ старший лейтенант, вы меня сделали человеком. Я не мог себе даже ноги мыть.

И действительно, я его не узнал, он после работы связистом потерял 40 кг. И стал человеком. Жалко только, что его убили недалеко от Белой Церкви. Вот так и обучали пополнение.

– Какие потери несла батарея после Курской дуги?

– Вы знаете, после Курской битвы были потери не столько от немецких самолетов, а чаще всего от подрыва на мине, а с 1944 г. вражеская авиация вообще перестала интенсивно летать.

– Как кормили?

– В Севастополе и в Уфе кормежка была отличная, и хлеба всегда вдоволь было. А на фронте было так: офицерский паек, куда входила пачка папирос «Казбек», 1,1 кг хлеба, масло и по мелочи. Мне хватало. А вот в Польше, Венгрии, Чехословакии мы особенно полковой кухней не пользовались, сами доставали припасы у мирных жителей.

– Был ли на батарее НЗ? Приходилось ли его использовать?

– На пять дней сухпаек обязательно был. И пришлось один раз его использовать. Под Гомелем мы попали в окружение, и 29 дней у нас не было еды, некоторые начали из огородов всякое гнилье кушать, опухли от этого и погибли. Я же НЗ держал, выдавал понемногу. Оказывается, голод – это страшное дело. Никого не считает, ни командира, ни товарища. И ночью, когда на 29-й день прорвали окружение, нас, офицеров, забрали в самолетах в госпиталь в каком-то селе. Нас приняли истощенных, привязали к кроватям и начали кормить ложечками. Говорили, что не надо хлеба есть, что уже все, ничего не будет, только надо режим соблюдать. Только на шестой день начали хлеб давать. А кое-кто не соблюдал режим, оказывается, настолько истощается организм, что кишки лопаются, и погибают люди. После этого я дал себе слово, что если до конца жизни буду сыт хлебом, то мне от жизни больше ничего не надо. Сейчас я всегда своим детям говорю, что мы всё за хлеб отдавали.

– Случались ли в батарее какие-то столкновения между личным составом?

– Никогда, хотя у меня в батарее было 19 национальностей. И никто никого не упрекал и не называл по национальности. Такого не было, все как один тогда были. Ругают сейчас Советский Союз, конечно, много было несправедливостей, но была настоящая дружба народов.

– В период кризисов на фронте, когда враг, к примеру, подходил к Москве, какие разговоры велись среди курсантов?

– Когда Сталин выступил, все стало ясно, тогда и на снарядах мы писали «За Сталина!». Нас всех так воспитали. Почему-то мы все верили, что враг будет разбит и победа будет за нами. За это мы и шли, хотя сколько все это стоило жизней.

– Какие настроения были в войсках в период Курской битвы и после нее?

– Уже после Сталинградской битвы все понимали, что в войне произошел великий перелом. Уже все понимали, что война идет к победе над Германией. Уже в 1943 г. американцы нам начали поставлять новое оборудование, даже цейссовские дальномеры, много автомашин, «Студебекеры», «додж три-четверти». Особенно была поддержка по питанию, консервы и прочее. А уж после Курской дуги мы все уверены были, что победим. В 1944 г. вся территория СССР была освобождена, все ждали, что вот-вот наступит День Победы. Но честно скажу, мы думали, что после Победы жизнь станет лучше, но видите, как оно получилось.

Орудие 37-мм. Справа Садрединов Р.З.

– Какое было отношение к пленным немцам?

– Расскажу такой случай. В моей батарее разведчики как-то взяли немецких пленных, человек десять. Они на вопросы отвечают: «Гитлер капут!» Некоторые мне говорили, мол, чего мы будем с ними возиться, лучше расстреляем. Но я запретил, т. к. это пленные. И попросил Синицкого спросить, как немец пошел на войну. Он ответил:

– Нас призвали. А вы как попали?

И ведь нас тоже призвали, мы выполняли указание Высшего командования, как они своего командования. И у меня всегда был такой настрой: пленных не трогать, надо, пусть их судят по закону, но не самосуд. Но вы знаете, были такие сволочи, идет колонна, он на полном ходу машиной на колонну наедет, давил пленных. Я считаю, что это изверги, потому что нельзя считать пленных за нелюдей. Есть специальный закон, как надо обращаться с пленными.

Водители моей батареи. Второй слева Садрединов Р.З. Чехословакия, апрель 1945 года

– Какое отношение в войсках было к партии, Сталину?

– На высшем уровне была поставлена агитация, коммунистическая мораль. Сталина все считали, что он не хуже, чем Великий. Мы ему очень верили, что он такой человек. Когда Сталин умер в марте 1953 г., я плакал, и все плакали. Даже когда я узнал о депортации, я лично не винил Сталина, был уверен, что Сталин не знает о произошедшем. Сталин узнает правду о крымских татарах – он их вернет на родину. И, знаете, как я позже узнал, в первые годы после депортации в Крыму ходили упорные слухи о том, что крымские татары вернутся к себе на родину. И мы собирали свои вещи, чтобы вернуться в Крым. Никто тогда не знал, что все было совсем не так. Никто тогда не думал, что Сталин виновен в страшных преступлениях, в том числе в депортации.

– Как в спецкомендатуре относились к вам лично? Сталкивались ли вы со случаями хамства по отношению в вам?

– Вы знаете, к участникам войны – крымским татарам, особенно к офицерам, в спецкомендатуре отношение было более-

менее мягкое. Потому что коменданты над нами были поставлены низкого звания, а мы все при званиях, с орденами, медалями. И мне никто в спецкомендатуре не говорил, что я, мол, предатель. Если бы такое случилось, я бы не выдержал такого, двинул бы в морду.

– Как бы вы оценили вклад крымских татар в Победу советского народа над фашизмом?

– Вы знаете, чтобы долго не говорить, я хотел бы остановиться на двух моментах. Во-первых, из 76 крымских татар, выпускников зенитно-артиллерийского училища января 1942 г., на Курской дуге погибло 16 человек, на других фронтах – 31 человек, в депортации 24 человека, в Крым вернулось 5 человек, на счету которых более 100 сбитых немецких самолетов. Все они были командирами зенитных батарей. Это Велиляев Джамиль, Османов Осман, Мустафаев Андым, Ниязов Абдулла и я. И вот на счету пятерых – более 100 самолетов, а сколько на счету 76 командиров – крымских татар?!

Во-вторых, у нас было 9 Героев СССР, и 1 Герой Польши. Это:

1) летчик Амет-хан Султан, дважды Герой Советского Союза, родился в 1920 г. в Алупке, последняя Звезда была присвоена 29 апреля 1945 г.;

2) гв. майор Абдул Тэфик, родился в 1915 г. в Алуште, звание присвоено 20 декабря 1943 г.;

3) ст. сержант Абдураимов Узеир, родился в 1916 г. в с. Джава-Кумыш, звание присвоено 15 января 1944 г.;

4) гв. полковник Рашидов Абраим, родился в 1912 г. в с. Мамашай, звание присвоено 27 июня 1945 г. (Звезда была вручена Горбачевым М.С.);

5) ст. сержант Сейтвелиев Сейтнафет, родился в 1912 г. в д. Талбадрак, звание присвоено 25 сентября 1944 г.;

6) гв. лейтенант Беркутов Ибрагим, родился в 1917 г. в селе Алма-Тархан звание присвоено 23 декабря 1943 г.;

7) ст. сержант Мусаев Сейтьюбрам, родился в 1920 г. в д. Арпат, звание присвоено 16 марта 1944 г.;

8) подполковник Абилев Фетислям, родился в 1918 г. в с. Шох-Али, данных о времени присвоения не сохранилось;

9) гв. капитан Адаманов Умер Акмолаев, родился в 1916 г. в д. Айвасел, Герой Польши;

10) гв. лейтенант Азизов Фазил, родился в 1919 г. в деревне Хорлы Ленинского района, звание присвоено 7 мая 1975 г.

Полные кавалеры ордена Славы:

1) ст. сержант Абдураим Сейтвели, родился в 1914 г. в с.

Юрт-Харлес;

2) гв. ст. сержант Велиляев Насибулла, родился в 1919 г. в д. Джавтобе;

3) гв. сержант Сейтаров Бахит, родился в 1919 г. в д. Тарахташ Судакского района.

Наши генералы:

1) генерал-майор Абляким Гафар, родился в 1917 г. в д. Кул-Сала Евпаторийского уезда;

2) генерал-майор Исмаилов Булат, родился в 1907 г. в г. Евпатории.

Так что сами видите, как воевали представители моего народа.

Окишев Евгений Федорович

Я родился 19 февраля 1919 года в Перми. Вообще-то наша семья тогда жила в Кунгуре, но во время Гражданской войны мой отец воевал на Колчаковском фронте, и когда мама приехала его навестить, то там у него меня и родила.

– Пару слов, пожалуйста, о вашей семье. Чем занимались ваши родители?

– Отец у меня был высококвалифицированным токарем на одном из мотовилихинских артиллерийских заводов и с радостью принял революцию. Глядя на то, какая жизнь была кругом, он еще в молодости активно включился в политическую борьбу, после революции добровольно вступил в Красную Гвардию, а во время Гражданской войны воевал в Красной Армии.

А мама была дочерью простого сапожника, а так как в их семье было больше десяти детей, то жили они очень и очень бедно, поэтому брат ее матери взял маму на воспитание в свою семью. Насколько я знаю, дядя мамы – Рябов был купцом и в Перми содержал кофейню, но у него в семье произошла настоящая трагедия. Его единственная дочь окончила в Петербурге высшие женские курсы и вернулась в Пермь, уже будучи активным членом партии эсеров. И когда местная организация этой партии приняла решение о физическом устранении ее отца, потому что дядя был известен в городе как ярый сторонник монархии и черносотенец, она покончила жизнь самоубийством… И после этого мою маму взяли на воспитание в семью дяди и растили ее как собственную дочь. Но я знаю, что дядю мамы потом все равно убили, а его труп бросили в прорубь реки Кама…

Семья Окишевых. Родители и два младших брата Владимир и Николай. Август 1938 года

– Расскажите, пожалуйста, немного о довоенной жизни. Где жили, где учились?

– В Кунгуре наша семья жила где-то до 1932 года, а потом отца перевели на работу в Свердловск, и мы, естественно, переехали вслед за ним. Вначале отец работал на строительстве обувной фабрики, а когда построили, его назначили ее главным механиком.

Нашей семье выделили небольшую двухкомнатную квартиру в старом двухэтажном купеческом доме на Набережной. Но квартира была не отдельная, а коммунальная. У нас, например, кухня была на три квартиры.

Я окончил 10 классов в свердловской Образцовой школе № 2 имени Тургенева. Образцовой она называлась, потому что там были повышенные требования к качеству образования. И хотя учеба мне в целом давалась легко, но отличником я не был, потому что особого усердия не проявлял.

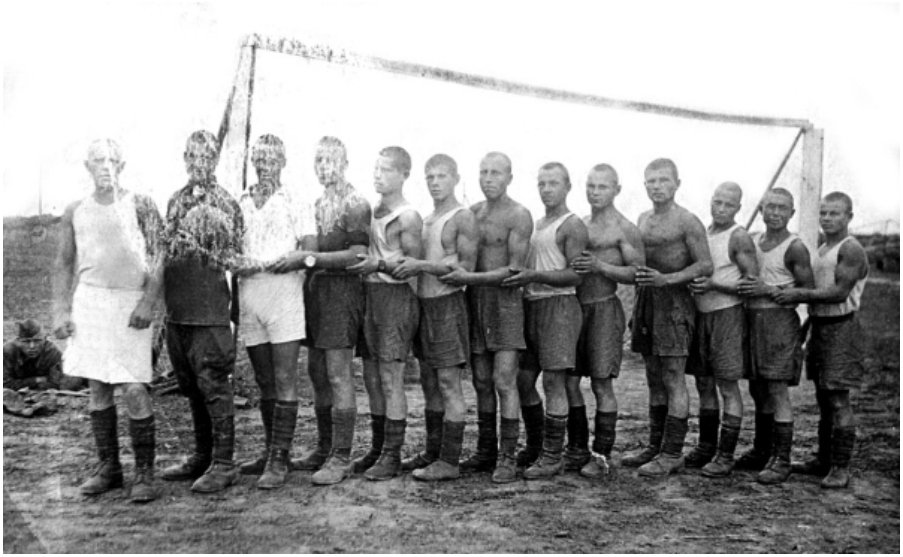
Предпочтение я отдавал гуманитарным предметам, они мне были ближе, чем точные науки. Например, по истории и литературе у меня всегда были отличные оценки. Правда, до 4-го класса я любил и математику, но потом получилось так. Как раз когда мы переехали из Кунгура, у нас в школе целый год не было математики, потому что наша учительница тяжело болела. А когда прислали новую, то ей пришлось значительно форсировать процесс обучения, чтобы наверстать пропущенное. И в такой обстановке сильного прессинга у меня к математике появилось некоторое охлаждение, поэтому в основном у меня по ней было «посредственно», хотя школу я окончил все равно на «хорошо».

Вообще у меня в аттестате была всего одна тройка – по немецкому языку. Причем с ним получилось довольно интересно. За год у меня выходила тройка, но экзамен я сдал на «отлично». Всего за два дня буквально вызубрил все, но, правда, потом так же быстро все и забыл. В общем, хорошо подготовился и сдал его на «отлично». Но учительница же прекрасно знала меня и сказала примерно так: «Вот видите, он же может как следует учиться, но ленится» – и все-таки поставила мне за год тройку.

– Судя по фотографиям, вы активно занимались спортом.

– Да, в физическом плане я заметно выделялся среди сверстников, потому что лет с двенадцати много занимался спортом. В секции «Юный динамовец», а потом и в спортклубе «Динамо» я занимался гимнастикой и достиг 2-го взрослого

разряда, выигрывал городские соревнования среди школьников 9-10-х классов. Кроме того, занимался и акробатикой, и в футбол играл, а вот в хоккей играть мне почему-то не нравилось. А еще как-то в лыжном кроссе среди старших школьников Свердловска завоевал 2-е место, хотя тогда даже вышел спор, что это именно я на самом деле прибежал первым, но победу все равно отдали более «заслуженному» школьнику, который занимался в обществе «Динамо». Причем помню, что когда своим друзьям я сказал об этом несколько пренебрежительно: «Да, второе место занял», то они так удивились: «Так ты что, вторым местом недоволен?»



Футбольная команда летного полка. Сентябрь 1939 года

– А подтягивались вы, например, сколько раз?

– Подтянуться для меня было вообще не проблемой. Думаю, раз пятьдесят мог. Помню, как-то на уроке физкультуры нам нужно было на оценку подтянуться по канату. Конечно, для меня это не вызвало никаких проблем, но для того чтобы усложнить задание и прихвастнуть перед ребятами, я поднялся и спустился, держа преднос (уголок).

– Свердловск – большой рабочий город. Часто бывали драки, поножовщина?

– Это все было, но не в нашем кругу. Среди школьников такого не было. Мне, конечно, приходилось частенько драться, потому что я был старшим из братьев, у меня ведь еще были два младших брата: Николай и Владимир, и я должен был их защищать. Но в нашей округе все знали, что братьев Окишевых обижать нельзя.

– Как ваша семья жила в экономическом плане?

– Так как наш отец входил в партийный актив, то поэтому был прикреплен к специальному магазину. Но я не могу сказать, что он там получал какие-то особые деликатесы, нет. Например, я помню, что мама приносила оттуда сметану, что-то еще, в общем, самые обычные продукты. А вот с самым обычным хлебом были трудности. Ведь все то время пока я учился в школе, еще действовала карточная система, и рабочим полагалось, кажется, по 1100 граммов хлеба в день, а на иждивенца всего по шестьсот. А что такое молодому парню 600 граммов? К тому же я ведь еще

и спортом занимался, а в каникулы целый день проводил на воздухе. Конечно, нельзя сказать, что мы голодали, но есть хотелось всегда. А мясо у нас вообще бывало только по праздникам, ели мы его очень редко.

Но вот уже когда в 1940 году я приезжал в отпуск домой, то от людей слышал, что жить стало заметно лучше.

– У вас были какие-то мечты, планы на будущее?

– Я был комсомольцем, а комсомол в те годы шефствовал над авиацией и военно-морским флотом. И однажды меня вызвали в райком комсомола и говорят: «Вот у нас находится представитель Ленинградского высшего военно-морского инженерного училища имени Дзержинского. Он приехал отобрать из ребят подходящие кандидатуры для своего училища, и мы решили пригласить вас, чтобы он с вами побеседовал». Но для поступления одного собеседования было недостаточно, и кандидатам пришлось пройти строгий отбор. Вначале мы прошли сразу несколько комиссий: медицинскую, мандатную, а кроме того, хорошую рекомендацию должна была дать комсомольская организация. И вот так я вошел в группу из 60–70 человек, которую отправили в это училище. Причем это было не после того, как я окончил школу, а после 9-го класса.

В общем, поехала наша группа в училище. Помню, что среди нас было много ребят с «Уралмаша», ведь тогда в элитные училища старались набирать рабочую молодежь. Но у меня получилось так. В это училище меня приняли, и где-то целый месяц я там успел поучиться, проходил «курс молодого краснофлотца». Но потом оказалось, что состав курсантов должны были утвердить в какой-то инстанции в Москве, а оттуда пришло распоряжение на год отправить меня обратно домой. Причем во время учебы в 10-м классе я бы продолжал числиться курсантом, но через год должен был вернуться обратно. Просто в первый год обучения курсанты проходили практику на кораблях в качестве кочегаров, но оказывается, что до нее допускали только тех, кому уже исполнилось восемнадцать лет, а мне ведь еще было только семнадцать.

Прошел год, и когда мы сдавали экзамены на аттестат зрелости, меня вдруг вызвали в обком комсомола и говорят: «Мы вас направляем в авиационное училище». А я ведь уже все, мечтал стать настоящим моряком и пытался объяснить, что должен вернуться в Ленинградское училище, что просто как бы в отпуске, а на самом деле уже числюсь курсантом. Но когда при мне пошло обсуждение, то было сказано примерно так: «Все комиссии он уже прошел, так что фактически готовая кандидатура». У них, видно,

была какая-то разнарядка на определенное количество курсантов для летных училищ, и мне дали направление в Чкаловское авиационное училище.

– Но у вас не было ощущения, что это не совсем то, чем вы хотели бы заниматься? Что вас лишают мечты?

– Поначалу, конечно, было. Ведь можно сказать, что я уже побывал в моряках, мне хотелось обратно, поэтому и пытался как-то возражать: «Как же так? Я же уже практически принят». Но меня осадили очень быстро: «Если ты патриот, если ты комсомолец, то выбирай. А нет, так мы сами примем меры. Или будешь учиться куда направим, или положишь комсомольский билет на стол… Но ты не переживай, комсомол тебе доверяет, ты должен это ценить, а нашей стране нужны еще и летчики». Нужно понимать, что тогда было такое время и такая дисциплина, что на такие вещи нравится – не нравится вообще не смотрели. Было одно слово – «Надо!».

В общем, из-за того, что нужно было срочно ехать в училище, я даже не успел сдать половину выпускных экзаменов. Но в школе я объяснил ситуацию и мне пошли навстречу. В бланках сдачи экзаменов мне просто поставили мои годовые оценки и с тем и отпустили. Но произошло следующее.

У меня уже было направление на учебу в Чкаловское училище, были оговорены сроки, когда мы должны ехать туда, но перед самым отъездом представитель этого училища, капитан Соломатин, вдруг заявил мне: «Ваши документы я направил в Арамильскую школу пилотов, будете учиться там». Причем сказал мне это настолько сухо и холодно, что я удивился, ведь до этого мы с ним абсолютно нормально общались… Честно говоря, я и сам до сих пор точно не знаю, из-за чего все так в самый последний момент переиграли, но связываю это с одной историей.

В школе я дружил с одной девушкой – Таней Львовой. Отец у нее был настоящий старый большевик, и я знаю, что в Гражданскую войну он воевал в партизанах. Я даже читал его книгу «Сквозь строй» и помню, что меня поразила его история. За участие в революции 1905 года ему грозил смертный приговор. Но его жена оказалась из влиятельной семьи какого-то казанского купца, и, чтобы избежать смертной казни, ему предложили симулировать шизофрению. Знакомый врач подсказал, как себя надо вести, и это сработало, но в психлечебнице он пробыл до революции 1917 года…

А когда я с Таней дружил, то ее отец был заведующим отделом облисполкома. Но это ведь были как раз 1936–1937 годы,

и его арестовали как врага народа… При обыске у них нашли мою фотографию, которую я подарил Тане. Их с мамой, правда, не тронули, но Таня мне потом при встрече сказала примерно так: «Ну ты теперь можешь со мной не дружить, я ведь дочь «врага народа…»

И вот я подозреваю, что именно эта история сыграла свою роль с Чкаловским училищем. Причем мой отец старался не подавать виду, но я предполагаю, что по поводу этой фотографии его куда-то вызывали и хорошенько пропесочили…

– А вашу семью, кстати, репрессии никак не коснулись?

– Вообще 1936–1937 годы я помню хорошо. Например, как раз в это время в наш дом приехало несколько еврейских семей, из Западной Украины и Белоруссии. Видно, они как-то смогли эмигрировать оттуда. И я помню, что как раз в этот период почти всех их мужчин арестовали, причем сделали это под видом того, как будто бы их забрали в армию, хотя на самом деле все знали, что их просто арестовали… Но их семьи с детьми не тронули, и они так и остались жить в нашем доме.

А с моим отцом произошла такая история. Когда я учился в шестом классе, то хоть и был пионером, не до политики мне было, вы сами понимаете. И как-то раз мы с ребятами из нашего двора на чердаке нашли чей-то портрет. Вытащили его, нарисовали погоны, установили в качестве мишени и давай расстреливать из рогаток.

А тут как раз шел наш сосед по дому, заместитель директора фабрики, где работал отец, увидел это и спросил нас: «А вы знаете, кто это?» Мы переглянулись: «Нет, не знаем». – «Тогда мне придется переговорить с вашим отцом», и ушел.

Уж не знаю, чего он там наговорил, но из-за этой нашей детской проказы, причем ведь в этом участвовал не только я, но именно моего отца исключили из партии… Думаю, мне не нужно объяснять, какое это было клеймо в то время…

Но отец не согласился с таким решением и поехал в Москву восстанавливаться в партии. И на наше счастье в контрольной комиссии ЦК оказался его сослуживец по армии, который его хорошо знал. В общем, благодаря его помощи и рекомендации отца не просто восстановили в партии, но даже назначили парторгом строительства Свердловской обувной фабрики «Уралобувь». А когда ее построили, то его назначили ее главным механиком, и, кроме того, он еще был заместителем секретаря фабричного парткома.

– Но эта история не вызвала у вашего отца какой-то

обиды, может быть, сомнений?

– Нет, отец был настоящий, что называется, идейный коммунист, хотя вступил в партию только после смерти Ленина, когда был объявлен «Ленинский призыв», и никакого разочарования у него эта история не вызвала. Вот если бы он дожил до перестройки, то думаю, что и не пережил бы всего этого. А так, как говорится, без штанов ходили, но все равно были пламенными патриотами.

– А вы потом не узнали, чей это был портрет? Может, эта история все же случилась не из-за него?

– Вот до сих пор так и не знаю, чей это был портрет, но, наверное, все же кого-то из партийного руководства. Потому что до этого у отца никогда не было никаких нареканий, наоборот, он всегда был на хорошем счету и пользовался всеобщим авторитетом. Так что эта неприятная история наверняка случилась именно из-за этого портрета. И только лишь много позже как-то в разговоре он обмолвился, что скорее всего это просто кто-то сводил с ним личные счеты.

– Расскажите, пожалуйста, о вашей учебе в Арамильском училище. Как там был налажен учебный процесс, какие люди там учились. Вообще, что запомнилось за годы учебы?

– Я считаю, что там все было организовано правильно и грамотно: учебный процесс, да и все остальное. Взаимоотношения между курсантами тоже были дружеские, и все старались помогать друг другу, хотя состав курсантов был достаточно разнородный. Я, например, пришел не просто после десятилетки, а после образцовой школы, но с нами ведь учились и такие ребята, которые пришли буквально с заводов и у которых было всего по семь классов образования. Причем был один важный нюанс. Ведь училище готовило инструкторов аэроклубов, поэтому нас старались так основательно обучить, чтобы мы потом не только сами хорошо летали, но и теорию отлично знали, и чтобы могли ее сами грамотно объяснять.

Мне ведь, кстати, довелось учиться в одной летной группе вместе с будущим асом Григорием Речкаловым (Речкалов Г.А. – дважды Герой Советского Союза, четвертый по результативности ас Красной Армии в годы ВОВ, лично сбил 56 вражеских самолетов. – *Прим. Н.Ч.*). И мы с ним даже в один день сделали свои первые самостоятельные полеты. Причем, если по курсу летной подготовки первый самостоятельный полет полагалось совершить на 52-53-м вылете, то мы вылетели уже где-то на 26-27-м. И вот, например, Речкалов как раз очень хорошо успевал

в смысле летной подготовки, но он ведь окончил всего семь классов, поэтому у него были большие трудности с теорией. Но это и понятно, ведь до училища он работал простым рабочим на мельнице, поэтому и отставал в освоении теории. Но зато в полетах он просто прекрасно себя проявлял, и наш инструктор Кормишкин его всегда выделял. И видите, как сложилась его судьба, как ему удалось успешно проявить себя в авиации.

А другие курсанты учились совершенно по-разному, некоторых вообще списывали за неуспеваемость. Например, в нашей летной группе из первоначального состава в семь человек окончили школу только пятеро, т. е. формального подхода не было и ни кого за уши в учебе не тянули. Но зато те, кто хотел учиться, летать, то старались и находили для этого любую возможность. Я, например, договаривался со стажерами, чтобы полетать с ними во время их учебных полетов. Во-первых, стажеры выполняли некоторые фигуры высшего пилотажа, и, летая с ними, я получал общее представление, что меня ждет, и потом это уже не было для меня новинкой. И, во-вторых, это время включалось в общий налет и записывалось в летную книжку, а это всегда плюс.

Вообще, летали мы, что называется, плотно, нас в этом не ограничивали. Когда предстояли полеты, то подъем был в 3 часа утра. Завтрак, подготовка, и с пяти до одиннадцати были полеты. Потом теория, обед и опять изучение материальной части и теории.

Но, кстати, училище у нас было не военное, а гражданская школа ОСОАВИАХИМа. И хоть мы и ходили в военной форме, но, например, присяги не принимали.

– Какие самолеты вы там изучали?

– Только По-2 и Р-6, был такой разведывательный самолет. Наш У-2, кстати, был под номером 1, поэтому в шутку мы называли его «копейкой».

– Несчастных случаев во время обучения не было?

– Из курсантов у нас никто не разбился, а вот два инструктора как-то погибли. В выходной день они полетели в соседнюю область за арбузами. Погрузили их в самолет, но, видно, хорошо не закрепили, и во время полета, когда арбузы начали кататься по фюзеляжу, самолет попал в плоский штопор, и они разбились…

– А у вас самого не было опасных эпизодов?

– Нет, только вот во время моего первого самостоятельного

полета я немножко растерялся. Когда пошел на посадку, вдруг резко сменился ветер, и я оказался к этому не готов, потому что знаний в этом отношении мне еще не хватало. А я газ уже сбросил и смотрю, недотягиваю до посадочной полосы, поэтому пришлось уйти на второй круг. Но фактически я тогда вовремя принял правильное решение.

– Но вам уже нравилось то, чем вы занимались? Не боялись летать?

– Летать мне очень нравилось, и училище я окончил с хорошими оценками. Даже наш инструктор мне говорил, что я рожден быть летчиком, причем со своим почерком. Потому что у меня была своя особенность.

Дело в том, что на посадку я шел не как все. До высоты 5–6 метров как обычно, а потом парашютировал, делал так называемое высокое выравнивание, вот такая у меня была особенность. Причем со стороны это выглядело вроде даже как неграмотно, но просто у меня был такой собственный стиль при посадке.

И даже когда мы четыре раза прыгали с парашютом, мне не было страшно. Во-первых, мы так привыкли к полетам и высоте, что нам даже стало казаться, будто с трехсот метров можно вообще без парашюта прыгнуть. А во-вторых, был такой азарт, что не хотелось уступить другим ребятам ни в чем, поэтому даже очертя голову прыгали.

– У вас была, например, любимая фигура высшего пилотажа, или, наоборот, нелюбимая?

– Я что любил делать. Летом, перед концом полетов, когда уже становилось жарко, я расстегивал ворот комбинезона и вводил самолет в штопор. И меня так хорошо всего продувало, будто в душ сходил.

Помню, что как-то у меня в перчатке на кончике одного из пальцев появилась еле заметная дырочка. Так во время штопора она превратилась в большую дырку, в которую вылез весь палец. Но нужно сказать, что во время перегрузок инструктор всегда очень строго следил за тобой и спрашивал: «Покажи ориентиры». Потому что потеря ориентира в полете означает полную потерю ориентировки, а это серьезнейшая ошибка.

– Куда вас направили после окончания училища?

– В училище мы проучились год и десять месяцев, а потом весь наш выпуск прогнали через военкомат, присвоили нам звания младших лейтенантов и раскидали по разным

авиационным частям. Кого куда, Речкалова, например, в Пермское военное училище, а меня направили на Дальний Восток. Тогда как раз разворачивались события на Халхин-голе, и я получил назначение в 6-ю резервную эскадрилью, которая базировалась недалеко от станции Среднебелой, это в Амурской области, почти у самой границы с Маньчжурией. Наша эскадрилья предназначалась для обучения новичков и освоения новой материальной части, поэтому в боях мы не участвовали.

Поездка туда, конечно, запомнилась мне на всю жизнь, ведь фактически двенадцать дней мы ехали через всю страну. И когда, наконец, приехали в часть, то на медицинской комиссии у меня вдруг обнаружили невроз сердца и не допустили к полетам. Но, на мое счастье, врачом там оказался мобилизованный с гражданки специалист, который раньше работал с какой-то спортивной командой. Он внимательно посмотрел на меня и начал расспрашивать: «Занимался спортом?» – «Да». – «Систематически?» – «Да». – «А в дороге что делали?» – «Лежали в основном». В общем, он определил, что для моего тренированного организма эта поездка оказалась своеобразным шоком, вроде как растренировка. Поэтому меня определили на десять дней в карантин, я потихоньку стал заниматься на перекладине, брусьях, и все прошло.

Но помимо этого у меня еще и нижняя часть лица покрылась язвами, причем так сильно, что даже пришлось перебинтовать, и недели две я почти не ел. Оказалось, что это у меня такая индивидуальная реакция на акклиматизацию, но меня успокоили, что в Амурской области такое бывает у многих.

Приехали мы туда поздней осенью, и первое время нам даже негде было жить. Еще ничего не было построено, поэтому пришлось какое-то время пожить в палатке… Туго, конечно, пришлось… Помню, в столовой приходилось замерзший хлеб топором на куски рубить… И только в феврале или в марте 1940-го стали сдавать готовые строения.

И сейчас я вот вспомнил, что на Дальнем Востоке в комсоставской столовой каждый день на завтрак нам постоянно давали кетовую икру. Первое время мы буквально объедались ею, а потом даже смотреть на нее не могли. Удивительно сейчас такое вспоминать.

– Что запомнилось от службы на Дальнем Востоке?

– Ну что там могло запомниться? Мы ведь в боях участия не принимали, потому что переучивались на боевые машины. Служба как служба, просто это ведь очень близко к границе, поэтому мы всегда должны были быть начеку, и даже постоянно

приходилось ходить с оружием. А так все как обычно, осваивали боевые самолеты, много летали. Помню, что особенно ночные полеты нас выматывали. Ведь после них сон уже совсем не тот, поэтому ходили как вареные. Еще помню однажды, когда я промазал с приземлением и мог угробить самолет, то мой механик прямо сжевал горящую папиросу…

– Вы показывали фотографии с Дальнего Востока, где у вас была целая группа гимнастов.

– Занятия гимнастикой я не оставлял и в нашем летном полку в рамках самодеятельности организовал группу партерных гимнастов. Откуда у меня появилась эта идея?

Еще в Свердловске после окончания 9-го класса мы с ребятами как-то пошли в баню. И чтобы их удивить, я на ручках тазика сделал стойку на руках. А буквально рядом со мной на лавке сидел мужчина лет тридцати, и по его внешнему виду было понятно, что спортсмен. Когда он это дело увидел, то прямо там, в раздевалке, стал меня расспрашивать: «А что еще можешь делать? Преднос сможешь?» И когда я ему рассказал, что умею, то он мне предложил: «Я работаю в цирке-шапито перед «Уралмашем». У меня партнер с травмой паховых колец лежит в больнице, и, может, мы попробуем с тобой поработать и сделаем номер?»

Как раз были каникулы, заняться особо было нечем, и я согласился. Мы с ним немного позанимались, и действительно сделали небольшой номер. Он меня выбрасывал в стойку на руках из разных положений. Он был тяжеловес, а у меня тогда вес был килограммов шестьдесят, и потом он еще привлек в наш номер и третьего парня. В общем, где-то месяц мы позанимались, а потом наш номер принял худсовет, и мы с ним стали работать на манеже.

Родителям я про это вообще ничего не говорил, потому что считал это не работой, а простой ребячьей забавой. Но я же был несовершеннолетний, мне было всего семнадцать лет, и чтобы мне могли платить деньги за выступления, со мной заключили временное соглашение как с учеником. Но я, конечно, выступал не ради денег. Ведь что такое для парня семнадцати лет услышать аплодисменты?! Что вы, я испытывал такой восторг и считал себя настоящим артистом. Если не ошибаюсь, то за каждое выступление я получал где-то 37 рублей, но выступали мы не каждый день, а через день, зато в выходные дни у нас было сразу по несколько выступлений. Сумму я уже точно не помню, но наверняка помню, что в месяц у меня вышло примерно столько же, сколько и у отца, а ведь у него зарплата была большой для

того времени – 1200 рублей.

Принес маме все деньги, но так и не сказал, что в цирке работаю, а просто заработал. И потом я ночью услышал, как они с папой шептались, переживали, где я мог заработать такие большие деньги. А «разоблачили» меня совершенно случайно.

Как-то на одно из представлений пришел мой дядя с пятилетним сыном, и только я появился на манеже, а я был одет под индуса, в желтых шелковых штанах и жилетке, как его сын меня сразу узнал и закричал на весь цирк: «Дядя Женя, дядя Женя!» Но мой дядя ему не поверил, потому что он сам меня в этом наряде не узнал, хотя его сын, совсем ребенок, узнал. И когда после представления они приехали к нам, то только тогда все и выяснилось. Родители меня не ругали, просто сказали: «Ты бы хоть сказал, чем занимаешься».

Но когда я вскоре сказал папе: «Меня приглашают ехать на гастроли с труппой», то он мне тогда так серьезно ответил: «Никуда ты не поедешь! Тебе надо учиться и заканчивать школу. А таких трупп у тебя еще будет полно». И этот циркач отпустил меня без всякой обиды, потому что он тоже прекрасно понимал, что я работал временно и мне нужно продолжать учебу в школе.

А когда в нашем летном полку увидели, что я такой спортивный парень, то меня назначили физруком, и я с личным составом проводил занятия. Помню, что заместитель командира полка давал мне такой наказ: «Погоняй их как следует, чтобы все хорошенько пропотели». Но ведь там служили совсем разные люди. Я помню, как мне было жалко нашего начпрода. Он был невысокий такой, пузатенький, лет тридцати пяти. И когда он только начинал подтягиваться, то сразу же начинал жалобно смотреть на меня…

В общем, как-то во время выступления нашей самодеятельности прямо на сцену поставили турник, и я показал небольшой номер, сделал ряд фигур: вельоборот, ласточку, склепку, что-то еще.

И нескольким ребятам мое выступление понравилось, они заинтересовались и подошли ко мне. Из батальона аэродромного обслуживания я подобрал пару подходящих ребят и сформировал группу партерных гимнастов. Мы стали заниматься, а потом начали регулярно выступать на разных мероприятиях и даже ездили на олимпиаду в Хабаровск. В общем, все было достаточно серьезно, хотя однажды произошел конфуз.

Как-то к нам в полк приехала проверять уровень боевой подготовки какая-то комиссия из штаба армии, и наш комиссар решил перед ними прихвастнуть, мол, у нас есть такая группа гимнастов, для которой мы создали условия, и начал меня

упрашивать выступить перед этой комиссией. А у нас в тот период как раз были ночные полеты, и тут уже, конечно, было не до тренировок. А ведь в этом деле очень важно поддерживать форму каждый день, поэтому я ему сразу прямо сказал: «Мы же не тренировались, мы не готовы». – «Ну и что, раз для полка надо, значит, надо». Что оставалось делать? А мы еще как на грех успели плотно поужинать. И, конечно, в таких условиях я выступление завалил. За весь номер у меня должно было быть стоек пятнадцать, а я смог сделать всего одну. Так комиссар на меня потом так обиделся: «Ты, наверное, нарочно подвел меня…»

– Как вы узнали, что началась война?

– Незадолго до начала войны нашу 6-ю резервную эскадрилью влили в состав вновь сформированного полка и срочно отправили на западную границу. Правда, еще за несколько дней до этого пошли разговоры, что предстоит плановая передислокация, и к нам приходил инженер полка и попросил, чтобы мы помогали механикам разбирать и грузить матчасть. Причем, как я сейчас вспоминаю, у нас в полку бóльшая часть самолетов была даже не И-16, а их предшественники И-15 бис. Но о том, что скоро начнется война, мы не думали, у нас таких мыслей не было совсем.

В общем, поехали мы на запад. Все было празднично обставлено, едва ли не на каждой станции наш эшелон торжественно встречали с музыкой, маршами. А тут вдруг, кажется, это была станция Ялуторовск, под Тюменью – тишина. И это было настолько необычно, что мы даже удивились. На станции мы вышли и смотрим, что у репродуктора собрались люди и идут такие разговоры – «Война…».

Пошли к коменданту станции, и он сказал примерно так: «Ребята, вы едете на войну…»

– Насколько неожиданным оказалось для вас это известие?

– Абсолютно неожиданным. Причем я вначале даже не поверил: «Да не может такого быть…» Да, в то время было какое-то общее настроение, которое мы воспринимали как какую-то неизбежность, данность, что война непременно будет. Во всяком случае, у нас, военных, было именно так, потому что столько было уже разных конфликтов и всяких провокаций. Но вот почему-то меньше всего мы ожидали, что на нас нападет именно Германия… Потому что до этого политработники и командиры постоянно проводили беседы, что у нас с немцами мирный договор, к тому же и в «Правде» мы постоянно читали, что это всего лишь провокационные слухи, и мы в это по-настоящему

верили…

После этого собрали личный состав, и комиссар полка сказал небольшую речь: «… неожиданно, но теперь мы будем выполнять свой воинский долг».

Но надо сказать, что никакого упаднического настроения известие о начале войны у нас не вызвало. Во-первых, потому что нам было всего по двадцать лет, и к тому же нас ведь и готовили к тому, чтобы защищать Родину. А во-вторых, мы ведь ехали с Дальнего Востока, где до этого было много всяких конфликтов, поэтому в этом плане мы уже были морально готовыми ко всему. Мы же еще когда там служили, всё недоумевали, почему это нас в бой не посылают? В общем, боевое было настроение – воевать, так воевать.

Но наш полк не отправили прямо на передовую, а расположили на каком-то стационарном аэродроме в районе Орши. Расположились, начали изучать местность, а линия фронта к нам неумолимо приближалась… И только потом уже начали летать на боевые задания.

– Какие задания вам поручали выполнять?

– Фактически у меня почти всегда было одно и то же задание – не ввязываясь в бой, сопровождать группу бомбардировщиков. Но наша группа сопровождала их только до линии фронта, а уже дальше с ними ходила группа с аэродрома подскока. Так что за линию фронта я сам ни разу не летал, но мы не сразу возвращались, а должны были барражировать какое-то время, минут 20–30, в районе условных ворот. Мало ли что, вдруг они быстро вернутся? Причем я точно помню, что группы самолетов всегда были очень небольшие, не больше пяти-шести.

Но вообще я вас должен сразу предупредить, что после третьего ранения и операции у меня был поврежден участок мозга, и я очень многое забыл.

– Мы об этом еще очень подробно поговорим.

– Понимаете, сразу после операции я совсем ничего не помнил, и только постепенно ко мне начали возвращаться какие-то воспоминания. Я, например, не то что не помнил какие-то события, а даже значения самых обычных слов первое время просто не осознавал. Знал, что есть такое слово, например, шофер, а что оно обозначает, не помню… Мало того, после ранения я даже не сразу вспомнил, кто я такой… Так что какие-то вещи я до какого-то момента и не помнил, но если вдруг заходил разговор на какую-то тему, то у меня сразу всплывали воспоминания на эту тему. В общем, что-то я помню ярко, а что-

то уже и позабыл и вспоминаю совершенно неожиданно.

Например, после войны я отдыхал на море, и там оказался один преподаватель из школы МВД, бывший летчик. И вот в разговорах с ним я, например, вдруг сразу многое вспомнил: и марки самолетов, и много всего остального. Причем с чего у нас разговор начался? Он назвал какую-то деталь самолета, которой я не помнил, но подумал, что это что-то мне очень знакомое. И когда он мне начал объяснять для чего она нужна, то я вдруг сразу вспомнил все.

К тому же после того как меня сбили, я довольно болезненно вспоминал свою авиационную карьеру и, честно говоря, не думал о ней много рассказывать, потому что она получилась очень короткой и довольно неудачной. Я ведь даже не могу сейчас вспомнить номер нашего полка, потому что в тех условиях все постоянно менялось и тасовалось. Например, эшелон, который шел за нами с нашей матчастью, немцы разбомбили, поэтому нас сразу переподчинили другой части. Но, честно говоря, нас это и не особо интересовало, ведь задание – полет, задание – полет. Единственное, что помню, что нашим полком вроде бы командовал майор Сердюков.

– А когда вас сбили? При каких обстоятельствах?

– Насколько я помню, это случилось 27 июля 1941 года, и если не ошибаюсь, то это был мой 8-й боевой вылет. А получилось так.

До этого мне уже однажды пришлось участвовать в воздушном бою, но он был групповой и прошел для меня настолько сумбурно, что толком я ничего и не успел понять. Так и запомнил свой первый бой как какую-то круговерть. Мы сбили, кажется, пару немцев, но и они примерно половину наших, хотя у нас с ними были примерно равные силы… Но ведь нужно учитывать, что у немцев было явное преимущество и в технике, и в тактике.

Вообще, я вам должен сказать, что меня очень тяготил такой момент. Когда мы ехали на фронт, то были относительно спокойны, потому что хорошо освоили то, чему нас обучали. Но вот видите, как получилось, приехали, а там оказались совсем другие реалии… К тому же у нас в полку, например, летчиков с боевым опытом вообще не было, и это тоже сказалось, что мы оказались не готовы. Хотя уже на фронте к нам в полк, кстати, приезжал какой-то полковник и преподавал нам новую тактику, но получается, что это мы уже как бы наверстывали по ходу дела.

Именно поэтому я про 1941 год так сдержанно и рассказываю. Просто это надо самому попробовать окунуться в

этот год, в эту тяжелую обстановку, тревожное, тягостное моральное состояние… Например, наша эскадрилья приехала с Дальнего Востока и прямо в самый омут…

– Вернемся к вашему первому бою. Вам тогда хоть пришлось пострелять?

– Конечно. И даже помню, что мне удалось пристроиться в хвост немцу, и по моим ощущениям я по нему довольно удачно отстрелялся, но сбил или нет, не знаю, потому что я сразу отвалил в сторону. Про первый бой я отлично помню, что когда пошел в атаку на этот «Мессершмитт», то у меня в голове была только одна мысль: «Папа, ты не со мной!»

Просто у меня во время нашей последней встречи, состоялся серьезный разговор, и отец мне примерно так тогда сказал: «Ты имей в виду – что бы ни случилось, мы тебя всегда ждем и примем любого».

Вот сейчас, кстати, я вспомнил эпизод из интервью Дегена И.Л., которое вы мне дали прочитать, и там есть момент, в котором на его глазах два «Мессершмитта» сбили сразу шесть наших И-16. Не знаю… Мало того, что мне как бывшему летчику это кажется довольно сомнительным, но просто я вообще не помню, чтобы летом 41-го наши самолеты летали такими большими группами, не говоря уже о таком численном преимуществе над немцами. Во всяком случае, у нас все было совершенно по-другому.

Да, у нас тоже были большие потери. За этот небольшой период от нашего полка осталось всего полтора звена… Но ведь нас и не пополняли ни разу, да и летали мы много, обычно по несколько раз в день.

– Насколько тяжело вы переживали такие большие потери?

– Конечно, смерть каждого нашего пилота я тяжело переживал, все же были знакомые… Мы ведь успели хорошо познакомиться, к тому же, насколько я успел заметить, летчики делились на две разные категории: либо молчун, либо говорливый. Прямо не смолкали: ты-ты-ты, у нас это называлось «банковать». И таких веселых и говорливых ребят у нас было много. Поэтому отношения в полку были очень хорошие, и каждый раз потеря как удар, почти стрессовое состояние…

– А вы себя к какой категории относите?

– Я же уралец, и у нас не принято много говорить, поэтому скорее отношу себя к категории молчунов.

– Вернемся к тому бою, в котором вас сбили.

– Как я уже говорил, это произошло 27 июля. К тому времени я был рядовым летчиком, но из-за больших потерь незадолго до этого меня назначили ведущим пары. Надо еще сказать, что все время мы летали с одного и того же аэродрома. Причем, к нашему удивлению, за все это время немцы всего лишь несколько раз бомбили нас, да и то без особых последствий, потому что аэродром был капитальный, и поэтому там были хорошие укрытия, условия для маскировки, и почти никто не пострадал. Лишь один раз, когда нас пробомбили, то пришлось отменить полеты, потому что нужно было зарывать воронки на взлетной полосе. И вот как раз перед последним моим вылетом нас предупредили, что садиться, возможно, придется уже на другом аэродроме.

В общем, на задание мы вылетели вдвоем с моим ведомым и стали барражировать в определенном квадрате. И вдруг я заметил, что прямо под нами, над нашей пехотой летает немецкий корректировщик, который мы называли «горбыль». Я подумал, что у нас есть преимущество в высоте, потому что мы летели где-то на 2000 метрах, а немец всего на 200–300 метрах. К тому же мы были над нашей территорией, поэтому я решил, что мы просто обязаны наказать его за такую неприкрытую наглость.

Я подал условный сигнал Мише, фамилии его уже не помню: «Прикрывай меня», и начал пикировать на немца. Но видно, немецкие летчики успели меня заметить, потому что корректировщик, планируя со снижением, начал от нас уходить. Но мы в этом пикировании так сильно разогнались, что у меня от перегрузок самолет очень сильно затрясло. Поэтому, чтобы сбросить скорость, я перевел машину в горизонт, и вдруг мимо меня пронесся горящий самолет моего ведомого…

Я оглянулся и увидел, что за мной гонятся штук шесть «мессеров» и по мне лупят… У меня задымилась плоскость, но высота была метров пятьсот, и я решил уйти от них на пикировании и при этом на скольжении сорвать пламя. Я так и сделал, и вроде от них оторвался, потому что немцев за мной уже не было, они, видно, подумали, что я тоже сбит, и бросили меня. Но только я выровнял машину, как почти сразу появилось пламя, причем еще более сильное, чем было поначалу. Я совершенно точно знал, что это наша территория, поэтому и решил срочно идти на посадку.

Но мне пришлось садиться на слишком высокой скорости, к тому же на вспаханное поле, и я был уверен, что самолет точно скапотирует и сгорит, поэтому решил покинуть его до этого

момента. И, честно говоря, я, когда пошел на посадку, то уже и не думал, что останусь живым, и только в тот момент, когда отстегивал ремни, то помню, что у меня промелькнула такая мысль: «А вдруг все-таки выживу?»

Но только лишь я отстегнул ремни, меня словно из рогатки, буквально выстрелило из кабины, и, сильно ударившись затылком, причем даже не знаю обо что, тут же потерял сознание… И очнулся уже только в доме у колхозников, которые потом на повозке отвезли меня в полевой госпиталь. А оттуда санитарным поездом меня отправили в уфимский госпиталь.

Из-за этого сильного удара затылком я первое время только на фоне окна мог что-то видеть, какие-то контуры, и хотя зрение понемногу восстанавливалось, но из госпиталя меня выписали фактически с клеймом: «К летной работе не допускается».

– Сколько времени вы лечились в уфимском госпитале?

– Месяца два, но, честно говоря, мне там было просто стыдно находиться, потому что кроме проблем со зрением и головных болей все остальное у меня было нормально, и внешне я выглядел абсолютно здоровым человеком. В основном мною занимались окулист и невропатолог. Помню, что мне давали какие-то лекарства, делали массаж затылочной части головы, и я сам делал специальную гимнастику для глаз. Но при этом у меня было такое впечатление, что меня не выписывают только потому, что по правилам у них было так положено, чтобы человек лечился какое-то определенное время. Но нужно учитывать, что это было самое начало войны, и тогда многое еще оставалось, как в мирное время.

В общем, где-то месяца через два меня признали не годным к летной работе, и из госпиталя я поехал прямо домой в Свердловск. А после небольшого отпуска по ранению меня прикрепили в качестве специалиста по авиации к трибуналу Уральского военного округа и военной контрразведке округа. И вот по их линии меня направили в Тюмень на формирование 175-й стрелковой дивизии, где меня назначили секретарем военного трибунала дивизии.

– Сколько вы прослужили в этой дивизии?

– Чуть более полугода. Где-то сразу после ноябрьских праздников 41-го нашу дивизию отправили на Юго-Западный фронт, а в окружение под Харьковом мы попали в мае 42-го.

– А как вас назначили на такую должность, если у вас не было юридического образования? Вообще, чем вы занимались в

трибунале, что входило в ваши обязанности? Может, что-то особенно запомнилось, расскажите, пожалуйста.

– Вводили в курс дела меня постепенно и вначале действительно использовали только как специалиста по авиации. Мне дали почитать где-то десяток различных дел, и я давал по ним свое заключение. Помню, мне пришлось присутствовать при допросе одного деятеля, который выдавал себя за летчика, но его сразу же уличили во лжи. И только потом мне уже стали давать читать дела, вообще никак не связанные с авиацией, и спрашивали мое мнение. Причем при этом я даже не знал вначале, на какой должности я там нахожусь. А потом у меня состоялся примерно такой разговор с председателем нашего трибунала: «Вы не будете возражать, если мы вас введем в постоянный штат? Ведь вы все равно по состоянию здоровья пока не можете вернуться в авиацию. А у нас вы будете назначены секретарем трибунала со всеми правами среднего командира и получите звание младшего военного юриста».

И тут у меня встал вопрос, что делать, потому что незадолго до этого начальник особого отдела дивизии тоже предложил мне пойти к ним на оперативную работу, правда, вначале я должен был пройти двухмесячные курсы. Но я попросил у него время, чтобы подумать. И тогда председатель нашего трибунала дал мне очень дельный совет: «Ты должен учесть, что у нас ты будешь заниматься чисто технической работой: вести протоколы судебных заседаний, различную документацию, к тому же ты уже немного в курсе этой работы, втянулся, познакомился с людьми. А там ты будешь на секретной работе, и если захочешь оттуда уйти, то так просто тебя уже не отпустят. Зато от нас ты сможешь уйти всегда».

А это был для меня наиважнейший момент, потому что, уже будучи в Тюмени, я почувствовал, что полностью восстановился физически и опять готов к летной работе. Поэтому я надеялся, что в трибунале нахожусь временно, лишь до моего полного излечения, и потом опять смогу вернуться в авиацию. Я не раз говорил об этом с председателем трибунала, и он, зная это мое желание, дал мне такой совет. И вот под влиянием этого разговора я и принял решение остаться в трибунале. Так что на формирование дивизии я поехал уже в качестве штатного секретаря военного трибунала дивизии.

– Расскажите, пожалуйста, о структуре и составе трибунала дивизии. Какие отношения были в коллективе? Насколько много было дел и какие из них наиболее характерные?

– В дивизионном трибунале было два члена военного трибунала, председатель, секретарь, комендант и шофер. Коллектив у нас был абсолютно нормальный, я бы даже сказал, хороший, поэтому эти полгода я вспоминаю очень хорошо. Отношения были чисто товарищеские, да и общались мы в основном только в нашем узком кругу: трибунал и прокуратура.

А председатель трибунала Коковин из себя большого начальника никогда не строил, хотя один раз получается, что я его подвел, и он получил из-за меня выговор от командира дивизии. Уже на фронте, перед наступлением на Харьков, у меня случился нарыв на ноге. Причем такой сильный, и я так мучился, что даже ходить сам не мог, поэтому первое время в столовую меня возили на машине. Но когда командир дивизии это увидел, то сделал председателю выговор: «Передвижение вашей машины демаскирует наши позиции. Нечего гонять машину, носите еду ему домой».

А так по вечерам мы часто собирались нашим небольшим коллективом, и во время этих бесед меня, например, посвящали во всякие тонкости и хитрости. Но я, конечно, и сам изучал процессуальный и материальный кодексы и стал участвовать в судебных заседаниях. Правда, заседания проводились не каждый день, но ведь там и условия были специфические. То дислокацию меняем, то выполняем какие-то другие задачи.

Ну, а так все время были в действии. Например, дело рассматривается в полку. Во-первых, этот полк еще надо найти и добраться до него. А это далеко непросто, ведь по дороге тебя могут тридцать раз обстрелять. Так что это была не просто канцелярская работа.

А дела… Например, я помню, что мы рассматривали дела немецких агентов, которых в прифронтовой полосе было много из числа недовольных советской властью людей. А из чисто воинских – дела «самострелов», хотя я бы не сказал, что их было много. Или же когда, например, какой-то командир проявил нераспорядительность, и из-за этого что-то случилось.

Например, я помню, как судили одного заместителя командира батальона за то, что он не обеспечил питание, и солдаты длительное время нормально не ели. Поэтому его привлекли за халатность. Я сейчас уже не помню, как его наказали, но совершенно точно, что не расстреляли. Но нужно учесть, что тогда ведь даже штрафных подразделений еще не было, поэтому часто приговор выносили с такой формулировкой: «Осудить к двум годам лишения свободы условно, с направлением на фронт». Даже этим немецким лазутчикам, по-моему, давали лет по десять, а вот смертных приговоров в нашем

трибунале я что-то и не помню. И я бы не сказал, что уровень наказания был какой-то чрезмерно жестокий, хотя некоторые случаи, конечно, вызывали у меня внутреннее сомнение и даже протест.

Например, дело курсанта, если не ошибаюсь, Ефмана, которое мы рассматривали еще в Свердловске. Там было военно-политическое училище, которое готовило политруков. И перед самой отправкой на фронт этот курсант написал письмо девушке, с которой он дружил, примерно с такими словами: «Ну все, сдаем последние экзамены и поедем на фронт исправлять ошибки наших незадачливых дипломатов». Но это письмо прочитал и отец этой девушки, который заявил куда следует, и вот за такие слова ему дали пять лет, хотя было совершенно понятно, что это обычный мальчишка, который просто решил выразиться красиво…

Или, например, дело одного солдата, который высказался насчет авиации. Сидя в окопе и наблюдая за господством немцев в воздухе, он заявил: «Вот так вот, готовились, готовились, а смотрите какое превосходство у немцев». И за такие разговоры ему приписали пораженческие настроения и влепили 58-ю статью… Конечно, внутренний протест некоторые дела вызывали.

– А вот вы, кстати, не вели между собой никаких разговоров на разные «скользкие» темы? Не обсуждали, например, неудачи начального периода войны?

– Конечно, личному составу нужно было как-то объяснить крупные неудачи начала войны, но их списывали на внезапность нападения немцев, к тому же обвинили в нераспорядительности некоторых командующих округов.

Но некоторые вещи мне были непонятны, еще когда я служил на Дальнем Востоке. У нас, например, был репрессирован командующий армией Блюхер, и вдруг нам начали объяснять, что, оказывается, это в его окружении были шпионы и вредители… Так что в голове какие-то вещи просто так не укладывались и определенные сомнения появлялись. Но нужно понимать, что откровенные разговоры – это… очень деликатная вещь, поэтому в то время разговоры на некоторые темы были просто не приняты, и от них старались либо уходить, либо вообще их избегали.

И даже после войны, когда я уже работал прокурором Нижне-Салдинского района, тоже были такие дела, по которым я даже отказывался принимать определенные решения. Например, по одному из дел проходил человек, который еще во время революции состоял в астраханской анархистской организации и

даже редактировал у них какое-то издание. Но потом он из этой организации ушел, причем у него даже хранилась вырезка из старой газеты с его статьей, в которой он писал, что это было его большой ошибкой, и он окончательно порывает с этой организацией.

А когда надо было решать вопрос о его аресте, то он уже работал инженером на металлургическом заводе, был на хорошем счету, но ко мне пришел работник МГБ с постановлением на его арест, мол, в прошлом член анархистской организации и т. д. и т. п. Но я ему сразу сказал: «Вызовите его вначале ко мне на беседу, потому что, не видя человека, я не могу санкционировать его арест». – «Мы не можем, он на охоте в тайге». – «Тогда я не подпишу». Во-первых, я его даже не видел, а во-вторых, уже столько времени прошло, и, судя по характеристике администрации завода, он стал совсем другим человеком.

Но его все-таки взяли прямо на охоте и привезли ко мне. Я с ним побеседовал, он мне всю эту историю рассказал, и я опять им отказал. Ну где тут социальный вред и опасность?! Тогда эмгэбисты написали жалобу прокурору области Яцковскому, и тот приехал к нам в район и лично санкционировал его арест. А при нашей встрече он мне сказал примерно так: «Может, ваше решение и правильное, но есть секретная директива о привлечении всяких сомнительных элементов, так что в этом случае вы поступили неправильно. Но вас оправдывает то, что вы об этой директиве не слышали, а то бы у вас были неприятности». Хотя лично я эту директиву и потом тоже не видел.

– Но можно сказать, что именно тогда, во время службы в трибунале, у вас родился интерес к вашей будущей профессии?

– Скорее не интерес, потому что меня судебная работа как таковая никогда не интересовала, но зато именно тогда я впервые посмотрел на работу следователей прокуратуры дивизии. И почему я потом после ранения выбрал именно эту работу? Потому что я уже четко представлял, насколько это сложная, нервная и конфликтная работа. Ведь буквально каждый допрос – это как очередной экзамен. И я считал, что если справлюсь с такой тяжелой работой, то сохраню себя как человека, как личность. А нет, значит, моя судьба остаться инвалидом…

И думаю, что все-таки сделал тогда правильный выбор. Потому что я даже сам чувствовал, что процесс восстановления пошел заметно лучше именно от такой напряженной работы. Я помню, когда только начинал работать помощником прокурора района, то из-за напряженной обстановки вести следствие поручали всем, даже таким малоопытным работникам, как я. И

мое первое дело мне дали о вооруженном ограблении.

Так, я помню, что во время допроса я несколько раз выскакивал в коридор, чтобы успокоиться, настолько нервничал и был напряжен. И тогда у меня произошел такой случай, который сейчас смотрится довольно забавно. По этому делу проходил один матерый рецидивист, который вдруг начал мне абсолютно все рассказывать: и где оружие достал и как жертв выбирал. Но когда я часов в десять вечера закончил допрос, старательно все записал, то он отказался подписывать протокол: «Расписаться? Нет, что вы, гражданин начальник! Просто вы как человек вызвали у меня симпатию, поэтому я вам все и рассказал. Но подписывать я ничего не буду» – и ехидно так улыбается… Вы себе представляете мое состояние? Это сейчас смешно, а в тот момент я готов был разорвать его в клочья…

И была еще одна вещь, которая потом сыграла важнейшую роль в моем становлении. Ведь прокурорская работа в чем-то сродни работе офицера. В том плане, что постоянно приходится принимать самостоятельные решения. Надо настраивать людей, уметь мыслить наперед, взвешивать все «за» и «против», фактически как у шахматистов. Все эти вещи очень близки к следственной работе.

Но вот в дивизионном трибунале работать в качестве секретаря мне не нравилось. Это же была чисто техническая работа, и я там был фактически писарем. А к технической работе у меня тяги никогда не было и нет.

– Но тогда, может, у вас было желание попросить о переводе на другую должность?

– Нет, при всей моей нелюбви к этой работе о переводе я потом даже не заикался, потому что мне казалось, что это уже какой-то вид приспособленчества. Да и какие могут быть на фронте мои личные желания, когда весь народ воюет?

– Расскажите, пожалуйста, о том, как под Харьковом вы попали в окружение и как из него вышли.

– Наша дивизия входила в состав, если не ошибаюсь, 28-й армии, и в мае 1942 года мы участвовали в Харьковской операции. Пошли в наступление из-под Волчанска и, насколько я знаю, именно наша дивизия ближе всех прорвалась к Харькову, потому что я совершенно точно помню, что вдалеке мы уже видели трубы знаменитого тракторного завода. И вот тут началось…

По сведениям, полученным от партизан, стало известно, что под нашим нажимом немцы создали мощную авиационную

группировку, чтобы под ее прикрытием они смогли беспрепятственно отступить из Харькова. Но все оказалось не так, и немецкая авиация просто житья нам не давала…

Только представьте себе: с 3 часов утра и буквально до самых сумерек, с перерывом на два часа на обед, нас беспрерывно бомбили… Беспрерывно! И что интересно. По моим наблюдениям, в этой мясорубке у нас в дивизии остались живы только те, кто оказался или на открытой местности или на высотах. А вот все, что было укрыто и замаскировано, они подчистую разбомбили… Медсанбат в лесу, артполк, всех разбомбили, а мы как раз оказались на открытом месте и остались живы…

Конечно же, оказавшись в таком положении, нам пришлось начать отступать. Вообще те бои под Харьковом для меня оказались, пожалуй, самыми тяжелыми за всю войну. Эти постоянные бомбежки, страшные потери, растерянность наших командиров, отсутствие боеприпасов… Помню, у меня тогда состоялся разговор с одним командиром батареи: «Вон же немецкие танки. Бейте по ним!» – «Да было бы чем…» И он же мне рассказал, что им выдали всего по два боекомплекта, а чем воевать дальше? В общем, бесконечные бои, жара, голод, эти дикие бомбежки… А в бомбежку что чувствуешь? Свое полное бессилие… Свист – разрыв, свист – разрыв… Да еще немцы включали на бомбардировщиках специальные сирены, которые сильно действовали на нервы…

Но вот вы знаете, что я хочу вам сказать. Вот даже в этой тяжелейшей обстановке я не помню ощущения всеобщей подавленности и паники, которые описаны в некоторых интервью, которые вы мне дали прочитать. Не было такого! Я, например, хорошо помню, как мимо нас отступала какая-то воинская часть. В ней было человек пятьсот, и все они шли стройными рядами.

К тому же по долгу службы мне ведь приходилось общаться с беглецами, которых задерживали, и все они рассказывали одно и то же: решение прорываться по одному принимали командиры, так как в частях уже не было ни боеприпасов, ни продуктов…

А под Ольховаткой, например, наш комдив поручил нам задерживать всех беглецов и сколачивать из них боеспособные группы. Так что полной безнадеги и деморализации не было, ничего подобного. Да и как бы мы в таком случае смогли победить хваленую немецкую армию? Так что от некоторых интервью у меня осталось общее впечатление, что негатив в них значительно преувеличен.

Конечно, были и паникеры, и трусы, но всеобщей деморализации не было. И даже в моей фактически полностью

разгромленной дивизии определенный порядок все-таки сохранялся. Я, например, помню такой случай.

У нас уже не было ни транспорта, ни горючего, и когда мы грузили на последнюю машину сейфы с архивами, чтобы просто отвезти их и закопать, то один знакомый командир мне так довольно резко сказал: «Далеко вы все равно не уедете. Мы вас все равно догоним». Он, видно, подумал, что мы решили сами драпануть на машине. А мы просто везли закапывать архивные дела. Потом, кстати, я узнал, что когда наши войска эту местность освободили, то эти сейфы благополучно откопали.

– А в этот тяжелый период вы не думали, что мы проиграем войну?

– Честно говоря, определенные сомнения, конечно, появились. И я, пожалуй, соглашусь, что именно в 1942-м в каком-то смысле было еще тяжелее, чем даже в 41-м. Ведь под Харьковом в наступление люди шли окрыленные нашими первыми крупными успехами, а тут вдруг такая катастрофа… Поэтому после этого и появились упаднические настроения.

– А в этот тяжелый период трибунал продолжал работать или же вы занимались чем-то другим? Вы лично, например, не принимали участия в боях?

– Конечно, тут уже было не до судебных заседаний… В период отступления мне приходилось брать оружие в руки и участвовать в боях, правда, не часто, хотя именно тогда мне пришлось убить моего первого немца…

Сейчас некоторые борзописцы выдвигают такую теорию, что это Сталин был инициатором войны. Но я-то помню, что когда мы из Тюмени приехали на фронт, то вдруг получили приказ: «Сдать все личное оружие», и у меня забрали мой пистолет, потому что в частях элементарно не хватало оружия. Поэтому в наступлении под Харьковом у меня даже пистолета не было, и я где-то подобрал трофейную винтовку.

А у меня был знакомый офицер связи, которому поручили передать какое-то распоряжение в одно из передовых подразделений. И он решил, что раз там идет бой, и мало ли что, вдруг его ранят, и некому будет оказать помощь, так что вдвоем как-то вернее. Поэтому он позвал меня с собой, причем так, по-приятельски, будто нам не на передовую надо было идти, а допустим, в магазин: «Ты пока не у дел, давай сходим со мной за компанию на задание. К тому же у тебя винтовка, а там можно и трофейный пистолет раздобыть». А мы туда только прибыли, я и с обстановкой не особенно был еще знаком, к тому же председатель

трибунала куда-то уехал, поэтому я согласился и пошел с ним.

В общем, мы с ним пошли, а там идет самый настоящий бой… И хорошо еще, что я догадался прихватить с собой эту трофейную винтовку, потому что в одном месте мы остановились, и он мне говорит: «Вот за той хатой прячется фриц, давай мы его возьмем и обезоружим». И мы решили взять его в плен, но там как получилось. Мы и немец буквально одновременно выглянули из-за угла дома, но я успел выстрелить первым, даже не прицеливаясь, и убил его наповал…

Подошли к нему, это оказался лейтенант, в чистом обмундировании, красивые хромовые сапоги… Я сразу забрал у него пистолет, а сам смотрю на него и думаю: «А ведь он примерно того же возраста, что и я, и у него тоже есть мать…»

– Вернемся к тому, как вы попали в окружение.

– Когда мы отступили от Харькова километров, наверное, на пятьдесят, то в одном месте напоролись на немецких автоматчиков, и мне пуля навылет прошла через левое предплечье. Причем этому ранению я даже где-то обрадовался, потому что был уже настолько измотан, что мечтал хоть немного передохнуть, пусть даже и в медсанбате. Но только я попал в медсанбат, как вдруг оказалось, что немцы выбросили у нас в тылу десант, и всех ходячих, кто мог держать оружие, попросили помочь в его ликвидации. Я, конечно, пошел со всеми, и там развернулся настоящий бой.

А когда мы из него вышли, то уже ни о каком медсанбате не могло быть и речи. Мы поняли, что отрезаны и находимся в окружении… Начали плутать по лесу и наткнулись на командование нашей дивизии, во главе с комдивом генерал-майором Кулешовым, человек пятьдесят их было.

Какое-то время мы двигались на восток все вместе. Еще оставались какие-то запасы провизии, но вот боеприпасов у нас почти совсем не было. У меня, например, была одна граната и всего два патрона в пистолете…

А когда до Дона оставалось километров сто, комдив вдруг собрал на совещание всех командиров, которые были в наличии. И на этом совещании он прямо ткнул в меня пальцем и говорит: «Вот он у нас самый молодой, а значит, есть шансы, что он останется живой и выберется к нашим, поэтому именно ему мы дадим важное поручение». Там действительно оставалось фактически только окружение командира дивизии, и я оказался среди этих командиров самым младшим по возрасту. Но после войны так сложилось, что когда я работал в должности заместителя начальника Следственного управления прокуратуры

Свердловской области, а мой бывший председатель трибунала Коковин оказался в моем подчинении, то как-то в одной беседе он мне рассказал, что перед этим комдив все-таки спросил его обо мне, и он дал мне хорошую характеристику: «Это один из лучших моих работников, крепкий парень. Именно ему я хотел поручить вывезти из окружения важные уголовные дела».

И мне дали такое задание – во что бы то ни стало добраться до наших войск и передать пакет с секретными документами в штаб фронта. Но идти я должен был не один, мне в помощь придали четырех автоматчиков. Кое-как собрали им вооружение, а ведь в нашей группе тогда буквально каждый патрон был на счету. Правда, им просто сказали, что я у них буду старшим, и они должны выполнять все мои распоряжения. Но в дороге я им честно рассказал, что у нас ответственное поручение и что если меня ранят или убьют, то уже кто-то другой должен будет взять пакет.

И мы пошли. Сколько всего тогда пришлось пережить…

– Расскажите, пожалуйста, поподробнее.

– Шли в зависимости от того, какая местность и погода. В одном месте, вроде как Гайворон, точно помню, что начиналось на Гай, мне показалось, что мы уже оторвались от немцев и можем идти прямо по дороге. Я вышел из леса и пошел вперед, разведать местность, как вдруг за мной увязался немецкий истребитель. Спикировал на меня, и я оказался прямо между пулеметных трасс… Два раза он пикировал на меня, а потом я спрыгнул в овраг, и он меня потерял.

– В переходах вы соблюдали какой-то порядок?

– Да, мы шли не толпой, а в определенном порядке: один слева, другой справа. Если шли по лесной дороге, то двое шли параллельно, а потом менялись. Если надо было идти по лесу, то могли и днем идти, а так в основном ночью. Мне в дорогу дали и карту, и компас и подсказали примерный маршрут. А конечным пунктом в нашем путешествии должен был стать Богучар, так как надеялись на то, что мы туда придем раньше немцев.

Пришли мы в Богучар уже ночью, и действительно подумали, что немцев там нет. А мы же голодные, как звери… В дорогу нам собрали продуктов, но совсем немного, поэтому вскоре нам пришлось начать питаться зернами пшеницы… Так что когда мы туда пришли, то первое, о чем подумали, чего бы найти поесть.

Идем по улице и вдруг услышали, как женщины рассказывали, что невдалеке разграбили склад, но там еще можно набрать сухарей. Мы расспросили, где этот склад находится, и

пошли туда. Нашли его, а там действительно уже все разгромлено и растащено, остались только бумажные разорванные мешки, но на полу еще валялись сухари.

А у нас с собой даже ни одного вещмешка не было, а только в карманы много ведь не положишь. Но одна женщина нам подсказала, что в соседней аптеке нам обязательно что-нибудь дадут. И точно, в аптеке нам дали скатерть, мы вернулись, набрали сухарей, сделали из этой скатерти подобие вещмешка, и именно в этот момент появились немецкие мотоциклисты… Мы кинулись бежать, но в темноте же эта белая скатерть за спиной у одного из наших была видна, и из-за нее его убили… Мы, когда перелезали через забор, то его из пулемета расстреляли, он прямо так и остался на нем висеть…

А второго бойца я потерял, когда мы остановились на каком-то хуторе. Спросили у хозяев, немцев не было, поэтому мы и решили остаться там переночевать. Нас хорошо приняли, покормили. Причем это было еще сразу после дождя, мы были мокрые, поэтому решили подсушиться. И вдруг хозяйка меня будит: «Немцы!» А я со сна ничего не соображаю. Выглянул в окно, но немцы меня тоже заметили и кинулись бежать. Это оказались обозники, которые приехали за водой, но они сами струсили, увидев меня. А пока мы собирались, причем я помню, что долго не мог обуться, потому что все было сырое, появились мотоциклисты. Мы снова кинулись бежать, но тогда погиб еще один…

И вот когда нас осталось трое, то произошел один случай, который по силе своих душевных переживаний я считаю одним из самых сильных за всю войну. Уже где-то на подходе к Дону мы зашли в какой-то казачий хутор и, разделившись, пошли по дворам попросить поесть. Я зашел в один двор, увидел женщину средних лет с детьми и спросил у нее: «Нет ли у вас куска хлеба?» И она мне ответила: «Конечно, покормлю, сынок, чем бог послал. Только ты сначала скажи, вижу, что ты вроде как командир, когда вы закончите отступать? Или совсем воевать не умеете? Когда это было, чтобы врага к Дону подпустили? Вот вы уйдете, а мне куда с малыми детьми деваться?» – и смотрит на меня глазами, полными слез…

Я был просто смертельно голоден, но как после таких слов я мог ее еще о чем-то просить? От жгучего стыда я смог только пробормотать: «Извини, мать», развернулся и ушел… Пожалуй, самое тяжелое в этом разговоре с ней было то, что я воспринял ее упрек мне в адрес всей нашей армии, что мы такие бестолковые… Эта встреча настолько меня поразила… К тому же надо было еще и ее видеть, как она спрашивала с надеждой в голосе и слезами

на глазах, а я стоял беспомощный и ничего не мог ей ответить…

А последних двоих ребят я потерял уже при переправе через Дон… Помню, что мы подошли к реке вечером, когда уже смеркалось. Прямо у реки стоял танк, и мы у двух танкистов спросили: «Что вы тут делаете?» – «Вот переправы нет, поэтому мы сейчас расстреляем все снаряды, подожжем танк и будем переправляться».

А один из моих меня сразу предупредил: «Я плохо плаваю и, наверное, доплыть не смогу». Но я его успокоил: «Мы поможем». Но когда мы поплыли, то в темноте по нам на шум открыли огонь с нашей стороны, а мы же все свои вещи, вплоть до сапог привязали к своим головам, и попробуй тут в таком положении оглядываться и тем более помогать… В общем, на берег я вышел один… Ходил, искал их по берегу, но никого так и не нашел… Вот так я и вышел к своим.

– И сколько по времени вы выходили из окружения?

– Сложно сказать, но получается, что больше месяца. Потому что я точно помню, что ушли мы в первых числах июня, а в Сталинград я попал только 25 августа.

– И все же, честно говоря, мне не очень понятно, почему вы, хорошо вооруженные, каждый раз убегали от немцев? Ведь их было немного, а у вас были автоматы.

– Если бы не этот пакет, то мы бы, конечно, ввязывались в стычки, но так как лично мне наш комдив строго-настрого приказал: «Ни в коем случае не вступать в бой. Ваша главная задача – доставить пакет в Штаб фронта!» Поэтому в нас уже словно сидела такая негласная установка – избегать любых столкновений с немцами. Кстати сказать, во время этого «путешествия» был еще один любопытный эпизод.

Так как мы очень сильно хотели есть, да и обстановку надо было узнавать, то время от времени нам надо было заходить в села. И вот однажды мы часа два наблюдали за одним селом, перед тем как в него войти. Вроде все было спокойно, зашли в одну хату, и женщина-украинка нам сказала, что в их селе немцев нет. Мы у нее расположились, переночевали, а утром вдруг узнаем, что другая часть села, оказывается, уже занята немцами. Но село было большое, и мы поняли, что немцы находятся только в другой его части, поэтому вышли из дома, совершенно не опасаясь. Идем по улице и вдруг нарвались на двух немцев… Может, это был патруль, а скорее, все-таки простые хозяйственники. Но это получилось настолько неожиданно и для них, и для нас, что и мы, и они просто растерялись и оцепенели…

Между нами было метров двадцать всего, и какие-то мгновения мы стояли и смотрели друг на друга… Но они первые опомнились и рванули в одну сторону, а мы в другую.

– Вам тогда пришлось у людей просить поесть. Насколько охотно вас кормили?

– Кормить кормили, хотя и не без проблем. Но это и понятно, все-таки шла война, и у каждого были свои интересы. Кстати, там же в Богучаре, например, был еще такой эпизод. Мы увидели, что в подвале одного из домов горит свет, и зашли туда попросить поесть. Смотрю, слезает с кровати старик, в казачьих шароварах с лампасами и говорит нам так неласково: «Ну-ка, вояки, чтобы я вас здесь больше не видел». Мы развернулись, и он нам вдогонку сказал: «Что это за позор! Куда вы немцев допустили…», что-то в этом роде…

– С этими ребятами-автоматчиками вы столько всего испытали за этот месяц. За это время вы успели с ними подружиться. Не помните, например, как их звали, откуда они были родом?

– Самому старшему из них, сержанту, было около тридцати лет, и мы его называли «старик». На всякий случай мы обменялись адресами, и уже после войны я звонил их родным. Я тогда уже работал в прокуратуре, поэтому звонил вначале в милицию, представлялся и просил узнать адреса их родных и, если есть, телефон. Для меня всё узнавали, и тогда я звонил и рассказывал, когда и при каких обстоятельствах погиб их родственник… Помню, что один из них был из Ирбита, второй из Великих Лук, если сейчас не ошибаюсь, Сеня Костромин. Третий был из Старой Руссы, а четвертый тоже сибиряк, из Ишима. Оказалось, что их родным пришли извещения «пропал без вести», но зато я им все рассказал…

– Мы остановились на том, что вы вышли к своим.

– На берегу меня сразу арестовали солдаты и привели к своему комбату. Он меня выслушал, хотел взять пакет, но я ему твердо сказал, что мне приказали лично сдать пакет в Штаб фронта. Но тогда он мне так сказал: «Выбирай, либо ты сейчас уйдешь от меня, но тогда совершенно точно попадешь в фильтровочный лагерь. Либо остаешься у меня командиром роты, потому что из-за больших потерь у меня ротами командуют сержанты». Выбор у меня, сами понимаете, был небольшой, и я согласился остаться у него командиром роты. Но, правда, я его сразу предупредил, что я бывший летчик, и как командовать

пехотой, не знаю. «Ничего, научишься».

И вот две недели я там провоевал командиром роты. Правда, все это время мы простояли в обороне и только перестреливались с немцами. Но комбат о пакете сразу доложил наверх, поэтому недели через две ему позвонили и даже прислали за мной машину, которая отвезла меня в Сталинград.

В штабе фронта, а это было уже 25 августа, я сдал пакет какому-то комбригу и пошел на Волгу, чтобы наконец как следует помыться и постираться, потому что моя гимнастерка тогда была настолько пропотевшая, что просто колом стояла…

Я постирался, отмылся, на кустах повесил сушиться обмундирование. Сам лежу, загораю, жара ведь стояла. И вдруг патруль – моряки Волжской флотилии во главе с политруком: «Кто такой?» Я им все объяснил. – «А, окруженец! А ну-ка пойдем с нами». – «Дайте хоть немного обсохнуть». – «Одевайся». Но я им объяснил, что в Штабе фронта могут подтвердить, кто я такой. И когда они меня туда привели, то на крыльце как раз стоял тот самый комбриг, которому я и сдавал пакет. Он меня, конечно, узнал и сказал им: «А, лазутчика поймали. Отпустите его, это наш».

– А что все-таки было в том пакете?

– Я и до сих пор не знаю, что в нем было, мне так и не сказали. Может, секретные документы, а может, и знамя дивизии, потому что по размеру он был как большая книга, обернутый в материю от плащ-палатки, и на ощупь мягкий. Но когда его при мне в штабе фронта начали распечатывать, то я успел заметить, что внутри было что-то то ли в целлофане, то ли пластмассовой упаковке. Во всяком случае, мне так показалось. Эти командиры сразу многозначительно переглянулись и сказали мне: «Считай, что ты задание выполнил».

– А кстати, как вы несли этот пакет, в чем?

– Под гимнастеркой, причем на груди, потому что когда я попробовал нести его сзади, то было очень неприятно из-за того, что когда спина потела, то пакет сильно натирал.

– А почему все-таки командир дивизии решил именно вам поручить доставить пакет?

– Уверяю вас, что ничем другим, кроме молодости, я в той группе не выделялся. Но видно, генерал решил, что этого моего достоинства вполне достаточно, ведь до этого мы с ним никогда не общались.

– А вы потом никого из тех оставшихся бойцов вашей дивизии не встречали? Не знаете, может, еще кто-то кроме вас вышел к своим?

– Встречал. Человек тридцать из той группы я встречал и общался с ними в резерве Штаба фронта, а с одним я потом случайно встретился на Сталинградском вокзале. И он мне рассказал, что наш комдив Кулешов спустя 10 или 12 дней после моего ухода застрелился…

Окишев Е.Ф. (25.08.1942. Сталинград. После выхода из окружения)

Они оказались в таком сложном положении, когда боеприпасов уже совсем не было, что нужно было решать: или сдаваться в плен, или… И тогда комдив им сказал: «Я вам уже приказывать не могу, каждый должен решать свою судьбу сам». Отошел в сторонку и застрелился из пистолета… Они рассказывали, что там, где его похоронили, оставили какой-то знак, чтобы потом можно было найти его могилу.

И еще я помню, он мне рассказал, что когда было принято решение выбираться мелкими группами и уходить с этого места, то в лесном массиве немцы через громкоговоритель обращались уже персонально к ним: «Майор Бельский – это был наш начштаба дивизии – выходи сдаваться, мы тебя видим…» Вот так небольшими группами и выходили… Кому повезло, а кому и нет. Мне вот повезло…

– А вот как вы отнеслись к известию о самоубийстве вашего комдива? Насколько такое решение оправданно в условиях войны? Ведь, наверное, можно было как-то подороже продать свою жизнь?

– Тут трудно судить человека и тем более говорить, как нужно было поступить или как бы я поступил на его месте. Я же не знаю, в каком состоянии он находился в тот момент, к тому же все-таки ему было лет шестьдесят. Да и что он мог сделать, если не было боеприпасов? Я же вам говорю, что я уходил от них с двумя патронами в пистолете… Ну хорошо, выстрелишь ты пару раз в немцев, а потом что – плен? Но нас так воспитали, что даже сама мысль о плене исключалась…

А Кулешов, я считаю, был хороший командир. Раз уж именно наша дивизия смогла ближе всех подойти к Харькову, значит, в оперативном отношении он был сильный командир.

– Куда вас направили после того, как вы сдали пакет?

– Когда в Сталинграде выяснилось, что я летчик, то меня направили в штаб 5-й Воздушной армии. Там побеседовал с одним капитаном: «Какие машины осваивал? И только-то? Ну считай, что тебе надо будет фактически заново переучиваться», ведь в армию поступали уже совсем новые модели самолетов. Поэтому меня должны были направить в Красный Кут под Саратовом, в учебно-тренировочный отряд 5-й Воздушной армии. Но в отделе кадров мне сказали, что надо немного подождать, чтобы набралась целая команда, и на меня одного не пришлось выписывать все документы. Но после того как я там две недели проболтался, а команда все не набиралась, то мне все это надоело, и я попросил присоединить меня к первой же попутной команде. И как потом оказалось, эта моя просьба весьма круто, если не сказать радикально, изменила мою жизнь, а может, и просто спасла мне ее…

В ту сторону как раз собрали команду из шестидесяти человек. Они ехали на командирские курсы, где готовили командиров рот ПТР, командиров минометных батарей и противотанковых пушек. Мне сказали, что меня припишут к этой

команде, а на станции, где им надо будет выходить, комендант наши аттестаты разобьет, и в Красный Кут доеду уже сам.

Я с ними поехал, но оказалось, что там, где они выходили, никакой станции не было и в помине, а был только разъезд, от которого еще надо было идти до этих курсов 12 километров. Что делать? Ради документов мне пришлось пойти с ними, а когда утром нас подняли, то на мандатной комиссии моя судьба и решилась.

Начальником курсов был какой-то казачий полковник. Я ему доложил, что у меня направление в учебно-тренировочный отряд 5-й Воздушной армии. Он посмотрел его и спрашивает: «А какое у вас общее образование?» – «Десятилетка». – «Ну, тогда будешь учиться на командира минометной батареи». – «Так у меня же направление из штаба Армии». – «Ничего, пиши рапорт, мы его рассмотрим и зачислим тебя. А самовольно уйдешь, будем считать тебя дезертиром!»

А как раз около него сидел особист, к которому я и обратился. Но он мне ответил примерно так: «Слушай, парень, я тебе не советую. Сейчас уже начались тяжелые бои за Сталинград, командного состава не хватает, поэтому нам и поручили его готовить. К тому же я знаю, что сейчас творится в авиации: летчики есть, а машин не хватает, поэтому будешь болтаться в резерве».

Но вы знаете, позднее я был даже рад такому повороту судьбы. Объясню почему. Вот представьте себе. Потери в 41-м были большие, и в нашем полку мы постоянно кого-то недосчитывались, а то и не одного. И вот прилетаешь с задания, а там, несмотря на потери, тыловая обстановка: танцы, самодеятельность, как будто ничего не изменилось… И невольно возникала такая мысль: завтра ты не вернешься, а тут все то же самое будет… Этот фактор лично на меня действовал очень угнетающе. В этом смысле в полевых частях все было совсем по-другому.

Правда, я смирился с этим не сразу, и еще какое-то время у меня теплилась надежда, что если буду писать рапорты, то меня все-таки вернут в авиацию. Но она окончательно погасла, когда я в очередной раз побывал у начальника курсов и он довольно резко оборвал мои надежды: «Вы большую часть времени проучились и уже почти готовый специалист. Так что больше по этому поводу у меня не появляйтесь. Кругом!»

– Сколько вы проучились на этих курсах? Насколько хорошо вас там подготовили, и вообще, что вам из того периода больше всего запомнилось?

– На этих курсах мы проучились два месяца, и я считаю, что за это время нас подготовили очень хорошо. Но просто нужно учесть, что лично мне в учебе значительно помогали мои познания в математике. Поэтому, честно говоря, я там только первый месяц добросовестно и отучился, а потом уже скорее по инерции.

Помимо изучения матчасти очень большое внимание уделялось тактике и подготовке данных для ведения огня. Бывало, что на занятиях в поле проводили по одиннадцать часов. Это, скажу я вам, страшное дело как утомительно, к тому же ведь уже осень была: слякоть, грязь, холод… А так в основном боевая подготовка, и только нарядами нас отвлекали.

А за то, что я хорошо успевал, меня назначили помощником командира учебного взвода, которому я стал помогать в обучении. И даже по его просьбе иногда проводил занятия с группами курсантов. И учебные стрельбы у нас тоже проводились, причем у меня они получались на редкость удачно. Я едва ли не с первой мины накрывал цель даже без пристрелки.

Всего на этих курсах училось человек триста. Все курсанты были с фронта, но все совершенно разных специальностей: особисты, юристы, даже один член военного трибунала, политработники, помню одного грузина военного инженера, но больше всего было интендантов. Причем даже по званию все были абсолютно разные. Этот грузин, например, был капитаном. Но все это было понятно, потому что тогда сложилась такая острая необходимость в командирах именно такого профиля.

И тут еще необходимо рассказать об эпизоде, который случился как раз на этих курсах и который потом многое предопределил в моем положении на фронте. Когда мы только приехали на курсы, то все табельное оружие у нас отобрали. Но я тот «парабеллум», который взял у убитого мною лейтенанта, решил сохранить, поэтому попросил его спрятать до окончания курсов одну женщину.

На этих курсах кормили, честно говоря, паршиво, мы все время были голодные, поэтому иногда ходили, помогали работать колхозникам, и за это они нас до отвала кормили тыквенной кашей. Но оказалось, что к этой женщине ходил какой-то инструктор политотдела. И когда уже перед самым отъездом я к ней зашел, то она мне дала записку: «Пистолет изъят инструктором политотдела таким-то». Именно поэтому я и попал на фронт без оружия.

– Куда вас направили служить?

– Сначала всех нас направили в управление кадров Фронта.

Побеседовали с нами кто мы, что мы. Меня опять переделали в лейтенанта и направили служить в 21-ю армию. Во время той беседы был еще такой немаловажный момент, когда нас всех предупредили, что мы должны служить строго по специальности, которую получили на этих курсах. Ведь для этого, собственно говоря, нас туда и направляли. Затем нас направили в дивизию, а уже оттуда в полк.

– А кстати, вы тогда в каком звании уже были?

– С присвоением звания у меня получилось достаточно интересно. Еще когда я только оказался в военном трибунале, то по их линии меня представили на звание младшего военного юриста, потому что из-за нехватки кадров меня должны были включить в штат. Но в то же время и особый отдел успел отправить письмо в округ с представлением меня к званию сержанта гозбезопасности, а это тоже два кубика. Именно поэтому когда я прибыл на формирование дивизии в Тюмень, то пришло сразу несколько ответов. И председатель трибунала меня вызвал, разложил их передо мной и смеется: «Выбирай». – «Ну раз я с вами, то давайте младшего военного юриста».

А после окончания этих курсов мне присвоили звание лейтенанта, вернее, переделали его из младшего военного юриста. Старшего лейтенанта я получил уже в полку, а капитана мне присвоили незадолго до последнего ранения.

Но перед тем как я попал на фронт, у меня случилась одна история. На первый взгляд она выглядит довольно забавно и невинно, но на самом деле вполне могла закончиться очень плачевно, если вообще не трагически.

– Расскажите, пожалуйста.

– Когда мы поехали с курсов под Сталинград, то в Саратове была остановка, и мы с приятелями решили остаться в городе и погулять напоследок. Ведь до этого к нам на курсы приезжали несколько человек, из числа только недавно выпустившихся. Они вроде только-только уехали от нас на фронт, и буквально едва ли не через неделю навещают нас раненые и рассказывают про бои в Сталинграде страшные вещи: «Ребята, там такая мясорубка, что можно только мечтать о ранении, потому что оттуда только две дороги: или в госпиталь, или в землю…»

Поэтому впечатление о том, куда мы едем, у нас было очень четкое. А у меня был приятель, наш заводила Вовка Можжин, который до этих курсов служил интендантом. И он мне сказал примерно так: «А ты уверен, что вернешься живым? Нет? И я не уверен. Так давай останемся на пару дней и напоследок как

следует гульнем». Но я колебался, и он меня чем добил. Он был такой форсистый парень, любил покрасоваться, но у него была простая солдатская шинель, поэтому в увольнения он всегда просил мою хорошую шинель. У меня дома оставалась шинель, которую мне выдали после выпуска из училища. Но тогда она мне не очень понравилась, поэтому я ее оставил дома. А уже во время войны я ее немного перешил, и по сравнению с обычными шинелями она смотрелась куда лучше. И тогда Володя уговорил меня такими словами: «С такой-то шинелью все саратовские девчонки будут у твоих ног».

И мы втроем отстали от своей группы… Идем по улице, ищем, где бы переночевать. Смотрим, девушка метет улицу. Спросили у нее: «Девушка, а где тут можно переночевать?» Она на нас так внимательно посмотрела и говорит: «А у нас и можно». Оказалось, что она была из труппы какого-то эвакуированного театра.

Устроились мы у них и прожили там несколько дней. Но надо же было на что-то существовать, ведь мы не могли пойти отоваривать свои аттестаты, потому что нас бы тогда сразу раскрыли. Поэтому мы продавали на барахолке что-то из своего обмундирования и покупали продукты. Что могли, они продали, а я продал не только свою диагоналевую гимнастерку, но и даже почти все мое зимнее обмундирование, поэтому потом и оказался в хэбэ и очень сильно мерз.

Вот так мы устроились. Ходили к ним на спектакли, а после них устраивались посиделки. Но у них с продуктами было совсем туго, поэтому мы все, что покупали, вкладывали в общий котел. Но я помню, что на рынке все было очень и очень дорого. Помню, например, что покупали картошку по 60 рублей килограмм и даже мясо, из которого женщины варили суп. И на всех покупали одну бутылку водки, потому что на большее количество просто не было денег. Если не ошибаюсь, то литр или бутылка водки стоила 1000 рублей. А нас же было человек двадцать, поэтому люди просили дать хоть понюхать ее. Так что ни о какой пьянке, конечно, не было и речи.

А потом мы как-то напоролись на патруль, и нам пришлось бегом от них скрываться, ведь фактически мы же были дезертирами. Забежали в какой-то склад, и девушки, которые там сидели, нас спрятали среди мешков с мукой. И вот после этого мы решили, что все, пора нам ехать, а так бы мы, наверное, еще пару дней там пожили.

Но я потом, когда все это анализировал, то просто удивлялся, какие же мы на самом деле были дураки… Ведь мы же фактически дезертировали, а тогда с дезертирами разговор был

короткий… Но все-таки вы должны понимать, что нам было всего по двадцать лет, а это самый возраст, чтобы творить всякие безрассудства…

– А вас потом не спрашивали, где вы все это время пропадали?

– Нет, мы когда приехали в Управление кадров Фронта, то вопросов никаких не возникло, потому что туда мы только пешком шли километров шестьдесят-семьдесят. Помню, в одном месте остановились на ночлег у печи, которая осталась от разрушенного дома, развели в ней огонь, чтобы хоть чуть-чуть согреться, и тут по нам немцы открыли артиллерийский огонь. Так что в тех условиях мало ли сколько люди могли добираться.

– Куда вы попали служить?

– Меня направили в 89-й стрелковый полк 23-й стрелковой дивизии, но потом нас переименовали в 210-й Гв СП 71-й Гвардейской дивизии. И вот в этом полку я провоевал до моего последнего ранения в феврале 44-го.

– Вы вскользь упомянули, что у вас по прибытии в полк произошла какая-то история, которая во многом определила ваше положение на фронте.

– Не то чтобы она на что-то сильно повлияла, но привела к тому, что у меня буквально сразу оказались испорченными напрочь отношения с командиром полка. А случилось это вот из-за чего.

Когда я только пришел в этот полк из резерва, то свободных вакансий командиров-минометчиков не оказалось, поэтому этот командир полка сразу мне предложил возглавить одну из стрелковых рот. Но я отказался, потому что, как я вам уже рассказывал, нас в Управлении кадров Фронта строго-настрого предупредили служить только по обретенной на курсах специальности. Его мой отказ заметно задел, но что он мог поделать? Не отсылать же меня обратно. Я был не один, а еще с одним лейтенантом. Мы с ним переночевали в какой-то брошенной землянке и на второй день снова пошли в штаб нашего полка.

Но эта Вишневая балка, в которой находился штаб, была очень разветвленная, а уже смеркалось. Мы до какого-то момента шли, но там было два ответвления: налево и направо. И мы решили, что сначала пойдем вправо. Прошли с километр, а может, и полтора, но никаких признаков жизни не видели. И тут в темноте мелькнул огонек, на который мы и пошли. Там оказался

какой-то блиндаж, в который мы решили зайти. Мой попутчик шел немного впереди меня, и когда он открыл дверь, то я успел заметить очертания немецких касок, каких-то полуодетых людей и немецкий офицерский мундир, брошенный на нары… В общем, у меня создалось такое впечатление, что это было штабное помещение. А лейтенант уже успел туда войти, и последнее, что я успел заметить, как два немца силой его усадили на табурет. Но я же вам говорил, что на фронт мы приехали совсем без оружия, а в запасном полку нам сказали, что личное оружие выдадут позже.

И вот я стою перед этим домиком, причем там никакого часового не было, но зато и у меня оружия не было. Подождал немного, но что я мог сделать? И я оттуда ушел, но понял, что нужно срочно где-то добыть пистолет, потому что на фронте человек без оружия просто как дурак. Я подумал, что надо быстро пистолет или как-то достать, или трофейный где-то найти. И вы не поверите, утром, едва ли не у штабной землянки, я нашел кобуру с немецким пистолетом. И только я успел подумать: «Вот повезло», стою, рассматриваю его, а тут как раз идет командир полка. И когда он увидел, что я рассматриваю этот пистолет, то сказал мне так зло: «Значит, трофеи ты собирать можешь, а как воевать, так в жопе колет!» Я ему попытался объяснить ситуацию: «Воевать я не отказываюсь, но есть такой приказ, что специалистов использовать строго по назначению». И вот с тех пор получается, что фактически с первого дня моего появления в полку у нас установились весьма прохладные, я бы даже сказал, натянутые отношения. И при любой возможности он меня старался как-то поддеть. Даже бывало, когда ставит нам задачу, говорит мне: «А ну-ка, несостоявшийся сталинский сокол…» Все смеялись, поэтому я даже стал скрывать свое летное прошлое.

А ведь я же ему объяснил, что ищу оружие, потому что мой товарищ попал в плен, и я сейчас сам едва в плен не попал… И вот так получается, что мой попутчик меня тогда фактически спас…

В этом же овраге у меня потом случился похожий случай. Я тоже искал, где бы переночевать, и нашел брошенную немецкую землянку. Причем внутри нее нашел даже маленькую плитку, круглую такую с фитильком. Вот, думаю, повезло мне. Правда, уже наученный горьким опытом, обошел все кругом, но все было спокойно. Затопил печку, отоспался. А когда утром проснулся, то увидел, что буквально метрах в ста от меня немцы строили землянки… Но мне опять повезло, потому что они почему-то не обратили на меня внимание, и мне удалось незаметно оттуда улизнуть.

Вообще надо сказать, что в этих оврагах под Сталинградом

все было перемешано. Помню, как-то в этой же Вишневой балке было такое. Между нашими и немецкими позициями было всего метров сто, но между нами овраг. Причем у нас окопы были неглубокие, наскоро отрытые в мерзлой земле, и только на коленках там и можно было в них укрыться. Я в один из них залез, но зима-то ведь была очень суровая, и я буквально до костей промерз. Уже часа два или три ночи, а я все уснуть не могу, настолько было холодно.

Но там кругом валялись какие-то немецкие журналы, и я решил развести из них небольшой костерок, чтобы хоть немного обогреться. Собрал сколько смог, от снега их очистил и поджег. Но они неожиданно для меня сразу сильно вспыхнули, и немцы открыли на свет огня просто шквальный огонь. И хотя снаряды и мины разрывались немного дальше от меня, я решил, что нужно чем-то укрыться. Рядом лежали два или три трупа, и я накрыл ими свой окопчик. И все бы хорошо, но от тепла огня эти трупы подтаяли и сверху на меня начала капать какая-то пакость… В общем, настоящая ночь кошмаров…

– Вот вы упомянули про немецкие журналы, и я хочу спросить, а не опасно ли было читать немецкие листовки, например?

– У меня был такой случай в госпитале. С нами лежал один офицер, который выписывался раньше меня. Ему принесли его обмундирование, и тут он вдруг из кармана своей гимнастерки достает эту прокламацию: «Пропуск в немецкий плен». И начинает вслух ее читать. Но почти тут же появился госпитальный особист, видно, его вызвала медсестра, и этого офицера куда-то увели. Правда, я не знаю, чем эта история закончилась, привлекли его или нет. Но он нам тогда успел рассказать, как она у него оказалась. Когда немцы сбросили эти листовки, то ему поручили их собрать и уничтожить, а одну он положил себе в карман, и его тут же ранило.

Но вообще мы эти листовки даже и не читали, просто выбрасывали их, потому что уж очень топорно были сработаны эти агитки. Например, я помню, что, когда мы двигались на Курскую дугу, немцы среди местного населения распространяли листовки примерно с таким текстом: «К вам движутся сталинградские головорезы! Это отпетые преступники, так что эвакуируйтесь вместе с нами».

– Вы участвовали в Сталинградских боях. Что-то из них вам особенно запомнилось?

– Там случилось много всего, но я бы хотел особо отметить

тот факт, что именно после боев под Сталинградом у меня произошел перелом в моем отношении к немцам. В это трудно поверить, но даже после тех кошмарных боев и диких потерь под Харьковом у меня не было к ним ненависти. Чтобы вы лучше понимали, о чем я говорю, расскажу вам такой эпизод.

Это было 2 или 3 февраля под Сталинградом. Перед нами стояло очень много брошенных немцами машин, а так как было очень холодно, я сильно замерз, поэтому залез в одну из этих машин. Накрылся трофейными одеялами, но, несмотря на то что был сильно измотан, сон почему-то никак не наступал. И вдруг я слышу, как мои солдаты говорят, что немцы пошли в атаку. И в этот момент меня такое зло взяло, потому что все уже было решено, бои уже закончились, немцы и румыны толпами сдавались в плен, а нам что, опять воевать?! И оказалось, что это был финский егерский батальон. Как потом мне рассказывали, к ним ходили наши парламентеры, предлагали им сдаться, обещали все гарантии, но они отказались. Командир батальона, гауптман, ответил так: «Пусть солдаты поступают, как хотят, можете поговорить с ними. А я свой воинский долг буду выполнять до конца». И потом видно, когда все отказались, он дал команду на атаку.

А надо сказать, что под Сталинградом последний месяц мы воевали фактически обозами. Наши части были сильно обескровлены, поэтому для видимости выдвигали вперед всех кого только можно, вплоть до ездовых с лошадьми. И даже мне тогда предложили сдать минометы, и мы стали воевать простыми стрелками.

В общем, отбивать атаку финнов выскочили мы, рядом оказалась еще рота автоматчиков. Все вместе открыли по ним сильную стрельбу, и они побежали. А я увидел, что буквально прямо рядом со мной, метрах в десяти, наверное, развернулся финский офицер и бросился бежать. Но я подумал, что надо ему хорошенько всыпать, и побежал за ним. Он оглянулся, увидел, что я за ним бегу, и прямо под ноги бросил мне гранату, такую, знаете, с длинной рукояткой. Но меня спасло то, что на мне были ватные штаны, валенки, да и эти их гранаты были не особо эффективные. В общем, граната разорвалась, наверное, в метре от меня. Мне посекло осколками ноги, но в целом ранение было легким.

Я упал, но мои солдаты его все равно поймали, стащили с него штаны, врезали ему по заднице, и он даже заплакал… Но я на что хочу обратить внимание? Что когда побежал за этим офицером, то я не хотел его убивать, у меня и мыслей таких даже не было, я же был еще совсем мальчишка, а просто хотел взять

его в плен. И даже после того как он же меня чуть и не убил, у меня не появилось желания с ним «рассчитаться», и у моих солдат тоже. Мы считали, что бои уже закончились, Паулюс уже сдался, немцы сдаются, какая там война? И вдруг эта атака… Я потом, кстати, спрашивал многих ветеранов, но никому кроме меня с финнами сталкиваться не пришлось. Причем я был сильно так удивлен, ведь все уже было предрешено, и, как выяснилось, они уже сильно голодали и все равно отказались сдаваться…

Но немного позже произошел случай, после которого в моем отношении к немцам произошел настоящий переворот. Под Сталинградом мы освободили местность, где, как оказалось, был немецкий лагерь для наших военнопленных. А рядом, кстати, мы захватили немецкий аэродром, на котором находились абсолютно целые самолеты. Мне как летчику было особенно интересно там все посмотреть, но, честно говоря, гораздо больше нас интересовало шелковое белье, потому что вши нас там просто заедали. Хотя когда я залезал в самолеты и рассматривал кабины, приборные доски, управление, то у меня это вызвало что-то вроде ностальгии, да еще какой…

А когда мы оттуда возвращались в свое расположение, то встретили настоящего, что называется, доходягу. И оказалось, что это один из заключенных этого лагеря. Спросили его, откуда он: «Да вот из Гумрака…», это вроде так тот лагерь назывался. Он уже еле-еле мог ходить, но я его привел к себе в землянку. Он попросил поесть, и тут я, честно говоря, не сообразил. Я послал ординарца к солдатам попросить у них хоть что-нибудь из еды. Он сходил и принес полбуханки хлеба. И этот голодный, конечно, набросился на хлеб, съел его и через какое-то время прямо у меня на глазах умер…

И вот только в этот момент я подумал, это кем же надо быть, чтобы людей до такого состояния доводить… Но если раньше я еще думал, что немцы такие же люди, как и мы, то когда я увидел этот ходячий скелет… Но, правда, до этого я и не знал, какая горькая участь ждет наших пленных. Конечно, что-то нам рассказывали политработники, но вот пока я сам этого не увидел, то по-настоящему не понимал…

И кстати, незадолго до этого был еще такой случай. В месте, которое называлось Конный разъезд, хотя там было совершенно чистое поле, немцы начали обстреливать наши позиции из зенитных пушек. А это, скажу я вам, страшное дело, потому что если при обстреле из обычных пушек еще как-то можно сориентироваться, то тут вообще никак. К тому же эти зенитки были скорострельные, в общем, у меня в батарее сразу появились большие потери.

А у нас на виду был какой-то то ли барак, то ли полевой стан, буквально метрах в двухстах-трехстах от нас, и, как оказалось, в нем немцы разместили свой то ли госпиталь, то ли санбат. Просто мы так стремительно за ними наступали, что они не успели его эвакуировать, и мы оказались прямо перед ним.

И вот тогда у меня состоялся такой разговор. Мои бойцы, озверев от огня этих зениток, решили расстрелять этот госпиталь. Но я стал возражать, что по госпиталю стрелять нельзя. Так меня мои бойцы буквально взяли за руки и спрашивают: «Почему это они нас могут убивать, а мы их нет?.. Товарищ лейтенант, не возражайте». И мы этот госпиталь вместе со всеми ранеными разнесли к чертовой матери…

А какие зверства потом открылись в Сталинграде… Мне лично приходилось видеть местных жителей: бледные, истощенные… Так что после этого случая с пленным я их стал ненавидеть и по отношению к ним стал просто как охотник. Например, я вам расскажу такой характерный случай.

Где-то в конце июля 1943 года в районе Ахтырки мы выбили немцев, помню, что у нас еще говорили, что там у них был дом отдыха для офицеров. И получилось так, что между нами и немцами было метров четыреста всего, но зато там оказалось непроходимое болото. Правда, немцы расположились на небольшой высотке, поэтому в бинокль мне было прекрасно видно, что каждое утро вдоль их позиций на лошади проезжал немецкий офицер.

Мне стало интересно, зачем это он ездит, и в сумерки я полез в это болото, потому что так их позиции не просматривались. В болоте солдаты мне проложили что-то вроде тропинки из досок от ящиков для мин. И так от кочки до кочки я выдвинулся вперед, чтобы узнать, что же все-таки у них там такое происходит. Целую ночь я просидел в болоте, по пояс в этой тине, а утром увидел, что у них какое-то то ли собрание, то ли какие-то занятия. Но они понимали, что это место с наших позиций не просматривалось, и поэтому у них, видимо, немного притупилась бдительность, но я тогда подумал: «Ну я вас проучу…»

На следующую ночь я туда выдвинулся уже с телефоном и, как рассвело, где-то в километре от этого места я пристрелял телеграфный столб. Потом думаю, нет, нужно все-таки еще уточнить. Выпустил мину в том направлении, но с недолетом, чтобы не вспугнуть их. Убедился, что все правильно, внес поправки. И часов в девять-десять утра у них опять начался этот сбор. Лиц я их, конечно, не различал, но большую группу немцев, человек сто их, наверное, было, я видел прекрасно. Дал команду батарее приготовить на каждый миномет по три мины, а ведь у

120-миллиметровых минометов они по двадцать килограммов каждая… И по моей команде накрыли эту группу беглым огнем… А когда я потом опять посмотрел в бинокль, то увидел, что всего несколько человек еще шевелятся, а остальное в кашу…

– А вас не должны были наградить за уничтожение фактически целой немецкой роты?

– Это же была моя обычная боевая работа, поэтому я даже и не докладывал об этом командованию и тем более не заикался о наградах.

– Раз уж мы затронули тему о наградах, то у меня тогда к вам такой вопрос. Насколько справедливо, на ваш взгляд, награждали на фронте?

– Впервые я об этом стал задумываться, только когда мы уже начали освобождать Белоруссию. Меня тогда назначили командовать учебным дивизионом, потому что среди минометчиков были большие потери, сержантского состава не хватало, поэтому мне поручили организовать обучение. В течение двух месяцев мы обучали людей на командиров орудий и наводчиков, но при этом мой дивизион не был освобожден от выполнения боевых задач, их мы выполняли наравне со всеми остальными частями.

Собственно, дивизиона даже еще и не было, это я и должен был набрать людей из запасного полка и все организовать. И вот когда мне пришлось бывать в штабе дивизии, то мне открылась и другая сторона военной жизни. Я так удивился тому, сколько там было награжденных людей. Даже девчонки связистки, машинистки, и те были награждены. И вот тогда я подумал, что как же мало мы представляем к наградам своих солдат…

Поэтому у меня потом была даже обида за моего бывшего подчиненного. Одно время у меня в батарее писарем был парень, даже не помню сейчас его фамилии. Но он все время рвался от меня уйти: «Не хочу быть писарем». А мне его было просто жалко, потому что он и молодой был совсем, года 23-го или 24-го, и к тому же щупленький. Но, в общем, допек он меня: «Куда хочешь?» – «В стрелковую роту», потому что у него там уже появились друзья, знакомые. И вот с ним получилось так.

Где-то на границе Белоруссии с Калининской областью его отделение со станковым пулеметом расположилось на высотке, которая была очень интересна для нас в том плане, что с нее просматривались и простреливались все окрестности. И, как потом оказалось, когда немцы пошли в атаку, то все, кроме него, погибли. Ему самому оторвало кисть, но он кое-как перемотал ее

и, отстреливаясь из пулемета, фактически в одиночку отстоял эту высотку. Причем немцы много раз атаковали, но в конце концов оставили ее в покое.

А все это происходило прямо на моих глазах, потому что с моего НП эта сопка прекрасно просматривалось, она была буквально метрах в четырехстах от меня. А так как я все это лично видел, то доложил ПНШ-2 дивизии по разведке, что вот мой бывший солдат добровольно попросился в стрелки и в бою отстоял важную позицию. Он за это дело сразу ухватился: «Ну как ты думаешь, чем его стоит наградить?» – «Думаю, что надо представлять к Герою». Он со мной согласился, и действительно его представили на ГСС, но потом я узнал, что в госпитале ему вручили только орден Ленина. И хотя это тоже очень высокая награда, но у меня за него даже обида появилась, особенно после того, как я увидел, что творилось в штабе дивизии… Но это же было уже начало 1944 года, а я вам, например, лучше расскажу такой случай, чтобы вы лучше понимали, как обстояло дело с наградами в начале войны.

Еще до начала наступления на Харьков, т. е. получается весной 1942 года, наша дивизионная разведка в районе Волчанска переправилась через Северский Донец. У них была задача узнать, какие немецкие части стоят напротив нас, но они ее перевыполнили. Эти разведчики умудрились захватить в том поиске целый артиллерийский расчет с орудием, но пушку пришлось бросить на берегу, а весь расчет они вывели в наше расположение. И что вы думаете? Командира поиска наградили медалью «За отвагу», а остальным вручили, кажется, «За боевые заслуги». Но вы только представьте себе саму эту ситуацию, выкрасть целую пушку со всем расчетом… В 44-м и в 45-м они бы за такое совершенно точно ордена получили. А тогда нам командир дивизии прямо так и сказал: «Сейчас не время для награждений. Вот когда начнем побеждать, тогда и награды будут».

Но вообще с этими наградами… Вот у меня, например, бой, за который я получил свою первую награду – медаль «За отвагу».

– Расскажите, пожалуйста, о нем поподробнее.

– Наши позиции тогда находились на железнодорожном разъезде Герцовка, это на Белгородщине, который мы захватили за несколько дней до этого. Но то, что немцы обязательно предпримут попытку отбить его назад, было совершенно очевидно, потому что с этого разъезда вооруженным взглядом можно было просматривать километров десять-пятнадцать в глубь нашей обороны. Недалеко от моей батареи располагалась

батарея противотанковых пушек, а километрах в четырех позади нас разместилась полковая артиллерия, которая простреливала весь район предполагаемой немецкой контратаки.

Наступила ночь, но мне почему-то не спалось. Появилось какое-то смутное чувство тревоги, причем я даже не сразу понял почему. Только потом я сообразил, что утихла стрельба, стало непривычно тихо, к тому же немцы перестали пускать осветительные ракеты. В общем, это необъяснимое предчувствие опасности нарастало, и я решил сходить в расчет кочующего миномета. Ведь почти каждую ночь, чтобы дезориентировать немцев, я выдвигал вперед, за боевое охранение, один расчет, который вел беспокоящий огонь.

Я дошел до блиндажа боевого охранения, увидел, что трое бойцов спали, а с сержантом Соколовым, который не спал, мы даже успели немного поговорить. Он успел мне рассказать, как сильно хочет вернуться к жене и сыну… И тут, как раз в том месте, где, по моим расчетам, должен был находиться расчет кочующего миномета, вдруг вспыхнула ожесточенная перестрелка. Мне сразу стало понятно, что на наш расчет напоролись немцы, и бросился к телефону. Но связи уже не было, потому что, как потом оказалось, немцы ее перерезали.

Тогда я выхватил ракетницу, чтобы подать сигнал к бою, но только выскочил из блиндажа и успел сделать несколько шагов, как на меня свалился немец. Под его тяжестью мы упали на дно окопа, к тому же окоп был узкий, повернуться было тяжело, да еще как назло правый бок с кобурой, и рука с ракетницей оказались подо мной. А немец меня уже схватил за горло и начал душить… И все же короткого мгновения мне хватило, чтобы я как-то успел вывернуться из-под него, выстрелил из ракетницы и попал ему прямо в лицо… Он по-скотски взревел, обмяк и упал на меня.

А когда я из-под него освободился и бросился назад, то было уже поздно. Трое убито, а Соколов смертельно ранен… Но даже в этой предрассветной мгле я успел определить направление немецкой атаки. Успел понять и то, что немцев было много и что, обходя мой НП, они хотят захватить всю высоту. Но они нарвались на батарею противотанковых пушек, и стало понятно, что как только они перебьют всех артиллеристов, а это дело пары минут, то захватят весь разъезд.

Тогда я бросился на НП и на ходу принял решение – вызвать огонь на себя. Потом в полку говорили, что я совершил геройский поступок, про этот бой даже статья появилась в нашей дивизионной газете «Рубеж славы», но ведь если так рассудить, то я так поступил, потому что у меня просто не было другого

выхода. К тому же даже в пылу боя я понимал, что шансы выжить у меня есть, так как блиндаж был достаточно крепкий. В общем, я вызвал огонь на себя, и после сильного артналета немцы, понеся большие потери, отошли.

Но я к чему это рассказал? Ведь если бы мы в том бою утратили эту позицию, то это была бы катастрофа. Поэтому уже потом, когда мы ее отстояли и когда у убитого мною обер-лейтенанта нашли карту, по которой выяснились и цели этой немецкой атаки, и количество сил, то прямо к нам на позицию приехал наш комдив Сиваков и лично вручил нам награды. И он мне тогда сказал: «Прости, у меня сейчас кроме медали «За отвагу» больше ничего нет, но за такой бой я просто обязан тебя отметить».

Я не могу сказать, что этот бой оказался для меня самым тяжелым. Нет, бой как бой, один из многих, но вот по чувству опасности он, конечно, для меня один из самых памятных. Помню, что после него я чувствовал огромное душевное опустошение… Ничем не мог заниматься, ходил без дела, как оглушенный…

Так вот, этого сержанта Соколова за этот бой посмертно наградили орденом Боевого Красного Знамени. Хотя что он такого сделал? Собственно, ничего особенного, ведь их подорвали почти сразу после короткой перестрелки. Так что я сейчас, когда это все анализирую: что остался один, вызвал огонь на себя и помог отстоять важную позицию, то понимаю, что заслужил больше, чем медаль «За отвагу». Уверен, что если бы этот бой случился не в 1943-м, а в 44-м или тем более в 45-м, то этот эпизод имел совсем другую оценку, и я бы получил совсем другую награду.

Но вы поймите, я это не из чувства обиды говорю. Я и тогда не за награды воевал, а сейчас они мне тем более не нужны. Просто объективности в этом вопросе иногда было мало, но мы тогда на это внимания не обращали, у нас считалось: отметили, и хорошо.

Или взять, например, бой, за который мне вручили мой первый орден Красной звезды. Ведь там была ситуация вообще несравнимая с тем боем у Герцовки, но мне вручили не медаль, а орден.

– Расскажите, пожалуйста.

– Вечером мы перешли на новые позиции, и нам тогда сообщили, чтобы мы были начеку, потому что против нас могут стоять власовцы. Почему так решили? Да потому что немцы семечки не едят, а там вокруг все было буквально усыпано

шелухой.

У нас как раз готовилось наступление, и командира стрелкового батальона я предупредил, что во время артподготовки и атаки буду поддерживать его огнем. И вдруг ночью разразился бой. Батальон драпанул, и мы остались совершенно одни…

Но все-таки это большое дело, когда командир достаточно опытный и хотя бы несколько месяцев уже провоевал. В этой сложной ситуации я не растерялся, тут же приказал занять круговую оборону, и мы, стреляя только из стрелкового оружия, потому что из минометов стрелять уже было поздно, отбились и отстояли наши позиции.

Командир этого батальона был в таком восторге, потому что он думал, что ему уже трибунал светит. Он меня просто на руках готов был носить, поэтому прямо утром направил на меня и еще несколько человек наградные листы.

Но разве можно сравнить по значимости эти бои? Тут была просто частная операция, а под Герцовкой фактически стратегическая… Несоразмерность важности этих боев очень большая, а награды совсем разные. Так что в этом вопросе многое зависело от разных факторов. Но никогда из-за наград у меня не было никакой обиды, потому что после той мясорубки, что я прошел и побывал в таких ситуациях, понимаю, судьба меня все-таки хранила, так что желать еще каких-то наград…

– А сколько всего у вас наград?

– Медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», два ордена Красной Звезды и орден Отечественной войны.

– А за что вам вручили второй орден Красной Звезды?

– За удачные бои при взятии Витебска. Наш полк после этих боев даже получил почетное наименование «Витебского». Там мы очень удачно поучаствовали в артподготовке, подавили артиллерийскую батарею. Но, главное, в чем считаю была моя заслуга, что когда немцы контратаковали, то я очень вовремя отсек от танков пехоту, а все эти танки, штук пять их было, подорвались на минном поле.

А то, что, например, в 1985 году к сорокалетию Победы всех живых ветеранов наградили орденами Отечественной войны, я считаю очень правильным решением. Ведь очень много наших солдат, которые этого заслуживали, так и осталось ненагражденными. И у меня, например, на совести тоже есть такой грешок. Ведь, например, на Курской дуге были одни сплошные бои, и когда там было заниматься представлением к

наградам? У меня, кстати, был еще такой случай, который тоже дает определенное представление о «наградном» вопросе.

Как-то ко мне в батарею с пополнением пришел младший лейтенант. А у нас до этого было дня три непрерывных боев, все просто смертельно устали и хотели отдохнуть. Я тоже лег поспать, и вдруг меня будит писарь и говорит, что в штабе полка срочно требуют наградные листы на отличившихся в последних боях. Но я очень хотел спать, поэтому попросил этого младшего лейтенанта: «Напиши на таких-то людей наградные листы, а мой замполит тебе в этом поможет». – «Да если бы так, но вы попробуйте поднимите сейчас замполита. Все спят как убитые». – «Тогда сам напиши». – «Да я и не знаю, как писать наградные». – «Бери писаря, он тебе покажет, кто нужен, вы их разбудите и спросите о чем нужно». И чтобы его как-то заинтересовать, сказал ему: «И на себя тоже напишешь», хотя он в этих боях участия не принимал. Он так и сделал и действительно вскоре получил медаль «За боевые заслуги». Правда, он эту награду потом по праву заслужил, но я его уже не представлял, а пропустил очередь. И хотя вроде бы все было нормально, но какой-то неприятный осадок у меня в душе все равно остался, что я так некрасиво поступил.

– А награды как-то обмывали?

– У меня сложное отношение к спиртному, и я даже вообще считаю, что не стоило выдавать эти, как их тогда называли, «наркомовские» сто граммов. Они потом боком вышли нашему народу, потому что приучали людей к водке…

Уже после войны в Свердловске одно время я ходил обедать в офицерскую столовую. И мне казалось просто диким, что офицеры не садились есть без ста граммов… А где сто, там и двести и больше… Помню, наблюдая эту картину, я подумал тогда: «Да, далеко мы так пойдем…»

А ведь еще до войны в нашем народе было весьма негативное отношение к выпивке. Это я вам совершенно точно говорю. Считалось, что если человек выпивает, то он уже пропащий…

Например, в нашей семье почти совсем не пили. Помню, когда я еще учился в школе, то отец однажды вдруг захотел выпить пива. Но ему было стыдно, что о нем подумают люди, поэтому он сказал маме, чтобы она взяла с собой чайник и принесла пиво в нем, чтобы люди не догадались…

А посмотрите, как сейчас себя ведет молодежь? Особенно девушки… Поэтому я считаю, что наше поколение было на голову выше нынешнего во всех смыслах. Конечно, причин, из-за которых наш народ стал… по-другому выглядеть, много, но вообще я

согласен с теми, кто говорит, что война выбила из нашего народа самых лучших и честных людей, и от их потери мы так и не оправились… Вы себе даже не представляете, каким было поколение 21-23-го годов, а ведь из них осталось в живых всего два-три процента…

А о роли спиртного на войне я могу сказать, что именно из-за водки было много случаев неоправданных потерь, из-за нее появлялась эта бравада, притуплялось чувство опасности. И могу вам рассказать про случай, после которого я дал себе зарок никогда не пить в боевой обстановке, потому что понял, насколько это может быть опасно.

Когда мы взяли большое село Мостовое, то командир стрелкового батальона, обрадованный тем, что это удалось сделать легко и почти без потерь, позвал меня к себе отметить такой успех. А до этого из-за боев я ночью совсем не спал и, кроме того, в тот день ничего не ел. Я пришел к нему, и он мне говорит: «У меня есть консервы и трофейное вино», и наливает мне кружку. А я даже свои сто граммов никогда не пил, потому что со спиртным вообще не дружил. Лучше расскажу вам небольшую историю, как произошло мое знакомство со спиртным.

Еще когда я служил летчиком на Дальнем Востоке, то как-то мы с одним лейтенантом поехали в Благовещенск для того, чтобы сфотографироваться на комсомольские билеты. Приехали в город, но он мне сказал: «Давай не будем останавливаться в гостинице. Ее окна выходят прямо на маньчжурский город Сахалян, поэтому за ней всегда наблюдают японцы. А мы же не хотим, чтобы японцы за нами постоянно наблюдали. Лучше остановимся у моего знакомого», – и мы так и сделали.

Пришли в общежитие к его знакомому, а там тогда почему-то была такая мода пить разведенный спирт. А я до этого вообще спиртное не пробовал, ни пива, ни вина, вообще ничего. Я же усиленно занимался спортом, поэтому считал, что спорт и выпивка – это просто несовместимые вещи. Его приятели сразу принесли спирт, разлили всем, и в том числе и мне. Но это был еще первый месяц моей службы там, и мне не хотелось выглядеть в их глазах таким несмышленышем. Поэтому постеснялся им сказать, что вообще не пью, а сказал: «Я спирт никогда не пил, поэтому не знаю, как он мне пойдет». – «А мы тебя сейчас научим. Выпьешь спирт, запьешь его стаканом воды и потом закусишь салом». Вот, думаю, удовольствие, пить не пью, так я же еще и сало вообще не перевариваю… Но все-таки сделал, как они меня научили. Налили мне полстакана спирта, я запил его водой и сразу отключился… Причем, думаю, что скорее, это было даже не

опьянение, а отравление.

Проснулся часов в 11 утра, один, никого нет. И когда вышел из этого общежития, то по дороге раз пять или шесть заходил в столовые и кафе и заказывал себе чай, настолько мне было плохо… А в последнем меня официантка даже спросила, не заболел ли я. В общем, едва добрался до части и сразу пошел к врачу. Рассказал ему эту историю, он меня положил в санчасть, и где-то неделю я там провалялся.

И вот с тех пор я эти сто граммов никогда не пил. А в летном полку водку нам выдавали в шкаликах, я их складывал под кровать, так ко мне ребята прямо ватагами ходили, потому что знали, что я свою водку не пью. В общем, я это вам рассказал, чтобы вы понимали, какие у меня были взаимоотношения со спиртным.

Сели мы с этим комбатом в стоге сена, а он уже был немного навеселе, и мне не хотелось обижать его отказом. К тому же я попробовал это вино, и оно действительно на вкус оказалось вполне даже приятное, сладкое. Но когда я выпил кружку этого вина, то опять отключился…

А проснулся от какого-то гула. Во-первых, болела голова, и, во-вторых, стоял какой-то непонятный гул. Выглядываю из этого стога и вижу, что по другую сторону, буквально метрах в пяти от меня, стоит немецкий танк и прямой наводкой бьет по позиции моей батареи… Я даже видел оттуда, как разбегаются мои бойцы…

Я сразу побежал на свой НП, а там командир взвода управления встречает меня с бутылкой коньяка: «Товарищ комбат, сначала выпьем, а уже потом и драпанем». Ну тут я ему, конечно, все сказал… Прибегаем на КП батальона, и комбат, с которым мы сидели в стогу, меня «порадовал»: «Тебя уже несколько раз спрашивал начальник артиллерии дивизии».

Тут возле КП стали собираться мои батарейцы, я к ним подошел, но оказалось, что вся наша матчасть осталась на брошенных позициях… В такой ситуации у меня уже появились самые разные мысли в голове, а тут еще один из моих солдат меня сильно смутил. Он еще в Сталинграде нехорошо отличился на почве охоты за трофеями, мне тогда много нервов из-за него потрепали. И тут, в такой непростой ситуации, он подходит и протягивает мне мед, который он где-то достал: «Угощайтесь, товарищ комбат». А мне как раз до этого меда… Причем мне еще запомнилось, что его штаны были разодраны, потому что болванка из немецкого танка прошла у него прямо между ног…

Я кинулся на своих солдат: «Как бросили оружие, так и доставайте его, как хотите, а не то всю батарею отдам под суд». А

сам думаю: «Во главе со мной…» В это время опять позвонил начальник артиллерии дивизии и меня позвали к телефону: «Вот что. Часа через два пехота пойдет в атаку отбивать Мостовое. Это очень важная операция, потому что село имеет стратегически важное для нас значение. Но имей в виду, если хоть одна огневая точка не будет подавлена и откроет огонь по пехоте, то я тебя лично расстреляю… Операция находится на контроле в Штабе фронта»…

Признаюсь, у меня просто не хватило духа ему сказать, что все минометы мы бросили и отступили метров на четыреста… Тут я, конечно, лихорадочно стал думать, что делать, но на мое большое счастье атаку по каким-то причинам отменили, и она не состоялась. А ночью мы в обозе достали вожжи, связали их и вытащили с прежних позиций буквально все, вплоть до боеприпасов. Но нам в этом случае просто повезло, что там прорвались только немецкие танки без пехоты.

И я потом спрашивал этого комбата, как же так получилось? Он мне говорит: «Я вижу, что ты спишь, обстановка спокойная, поэтому и ушел». А когда уже завязался бой с этими немецкими танками, то ему, понятно, было уже не до меня. И вот после этого случая я дал себе зарок никогда не пить в боевой обстановке, потому что понял, насколько это опасно.

– Но как вы думаете, вас действительно могли бы и расстрелять, если бы ту атаку не отменили?

– На войне все возможно, так что об этом лучше не думать… Кто знает, как бы там дело обернулось? Может, отправили бы в штрафбат, а может, и сами бы все решили… Списали бы на боевые потери, и всё…

– А вам не приходилось слышать о подобных случаях?

– Не только слышал, но и лично видел… Бывали такие командиры, которые могли совершить такое, хотя все-таки такие случаи были скорее как исключение. Например, тот же наш командир полка, который постоянно надо мной подтрунивал. Но ему такое прощалось, потому что он сам лично был человек храбрый. Мне, например, как-то в одном бою самому пришлось видеть такую картину. Наша атака захлебнулась, солдаты залегли, и тогда командир полка прямо на автомашине выехал на это поле и начал поливать немцев из счетверенной зенитной установки. Солдатам стало стыдно, и они поднялись в атаку.

Так вот с ним однажды произошел именно такой эпизод, который на меня произвел тягостное впечатление и даже вызвал у меня возмущение, но когда я узнал все обстоятельства

происшедшего, то уже и не особенно винил его.

Со мной на курсах учился один старший лейтенант, который до этого служил интендантом. В нашем полку он был заместителем одного из командиров батальонов по материальному обеспечению, но еще по учебе я помнил, что он любил выпить. И, как мне потом рассказали в штабе полка, в тот момент, когда это все случилось, он был пьяный. Насколько я помню, он должен был получить на весь свой батальон боеприпасы, распределить их, но вместо этого он в очередной раз перепил и ничего не сделал.

А утром, когда шел бой и все это выяснилось, командир полка прямо за шиворот вытащил его из палатки и со словами «собаке собачья смерть» лично застрелил его… И я помню, что когда потом мы с другими офицерами это обсуждали, то начальник штаба полка нам сказал: «Нет, он поступил правильно. Конечно, можно было бы его и в трибунал отправить, но так он перед всем народом сразу показал, что значит срывать операцию…» Такую картину, конечно, даже вспоминать тяжело, но я считаю, что в таких случаях нельзя судить с позиций мирного времени…

И еще был случай в Сталинграде. Я как раз только прибыл с курсов в свой полк и увидел картину, которая произвела на меня просто тяжелейшее впечатление… Комендант штаба полка, татарин, лично расстреливал с десяток немцев. Но, как оказалось, это были не немцы, а одетые в немецкую форму власовцы. Они стояли группой, и кто плачет, кто что, а он в них стрелял из винтовки…

Но с высоты своего возраста я могу сейчас сказать, что каждая война – это жестокость, когда оправданная, а когда и нет… Но по-другому тут и нельзя… Я же, когда убил того немецкого лейтенанта, тоже ведь вначале переживал, думал о том, что у него есть мать, но, с другой стороны, это ведь война…

А ведь у меня был еще один очень неприятный случай.

– Расскажите, пожалуйста.

– Когда мы только прибыли на Курскую дугу, расположились, но еще до начала боев, по случаю присвоения дивизии и полку почетного звания гвардейских, наш командир полка, я не хочу называть его фамилию, чтобы меня не обвинили в том, что я порочу его доброе имя, по такому торжественному поводу решил устроить для офицеров банкет. Всех нас пригласили на КП полка, который был километрах в десяти от моей батареи.

Но я туда приехал уже без всякого праздничного настроения, потому что решил поехать верхом на молодом коньке, чтобы

похвалиться перед своими товарищами. Это был очень красивый трехлеток, но оказалось, что совершенно необъезженный. Поэтому мне с большим трудом удавалось с ним справляться, его все тянуло в разные стороны, а прямо на обочинах дороги начинались минные поля… Даже пришлось несколько раз слезать и тащить его обратно на дорогу. В общем, я с ним намучился, поэтому приехал на праздник уже без всякого настроения. Даже пожаловался своему ординарцу, что больше на нем ни разу не поеду. И, кстати, где-то через полгода я этого конька вдруг увидел в обозе и еле его узнал. От былой красоты ничего не осталось: худющий, измученный…

Банкет прошел нормально, но мой ординарец то ли забыл, то ли плохо закрепил седло, и когда я садился, чтобы возвращаться на батарею, то седло поехало, и я с лошади упал. В общем, настроение опять было испорчено. А когда мы ехали на батарею, то нас вдруг остановили ребята из заградотряда, которых я хорошо знал и которые прекрасно знали меня. У них, оказывается, была инспекторская проверка. А из-за плохого настроения и из-за этого падения я совсем забыл спросить пароль. Но я ведь этих заградчиков даже по именам знал, поэтому, когда они нас остановили, я им сказал: «Да вы что, ребята? Вы же меня знаете». Но они мне так тихо говорят: «Мы-то знаем, но у нас проверка».

И тут к нам вышел один из проверяющих: «Это кто?» – «Командир минометной батареи». – «Пароль знает?» – «Нет». – «Не пропускать». И тут я обернулся к ординарцу и сказал так с улыбкой и некоторой издевкой: «Ну что, Жорка, видно, в плену сегодня окажемся».

Этот проверяющий молча снял автомат и не глядя дал очередь поверх наших голов, и мы ускакали на батарею. Но помимо того, что они меня и сами прекрасно знали, у меня была и очень заметная деталь в одежде. Незадолго до этого один из моих солдат, бывший сапожник, сам вызвался сшить мне сапоги из плащ-палатки. Он их пошил, и мне потом из-за них все завидовали, потому что они были очень легкие. В общем, найти меня не составляло никакого труда, хотя я своего старшину на всякий случай предупредил, чтобы он распряг коней и всем говорил, что мы никуда не ездили.

Но утром меня разбудили, потому что на батарею приехал сам командир полка с адъютантом. Я вышел к ним, а комполка мне и говорит: «Да, опозорил ты меня. Снимай погоны, снаряжение и становись-ка к этой березке, я тебя расстреливать буду». А я спросонья ничего не понимаю: «За что?» Правда, его адъютант мне знаками показывал, что иди, мол, не бойся, не

будет он тебя расстреливать.

Я встал, отстегиваю это все. «Ты, курвай, – это было его любимое ругательство, – что натворил? Я тебя как человека пригласил в гости, а ты не успел получить гвардейское звание, как уже позоришь его! Ты что за концерт заградчикам устроил? Вот для того чтобы ты нас больше не позорил и не доводить дело до трибунала, я тебя разжалую. Ступай в первый батальон и там узнаешь, что тебе дальше делать».

Что делать? Пошел я к тому комбату, Бухванов или Буханов была его фамилия, но он меня утешил: «Да брось ты расстраиваться! Он меня уже два раза разжаловал». И его слова меня несколько приободрили, потому что, несмотря на то, что этот комбат был очень боевой и у него даже было два ордена Боевого Красного Знамени, причем еще старой модели, которые привинчивались, я видел, что у него с командиром полка очень напряженные отношения и, по-видимому, какие-то свои старые счеты. Даже при всех они могли начать выяснять отношения. Комполка ему, например, ставит какую-то задачу, а тот не согласен и начинают препираться. А как-то этот комбат, когда командир полка при всех начал на него кричать, так ему прямо и сказал: «Ты что кричишь? Ты что самый смелый или самый храбрый? А то я ребятам расскажу, какой ты у нас смелый и храбрый». У него, видно, имелся в запасе какой-то козырь. В общем, интересные у них были отношения.

И этот комбат меня спрашивает: «Скажи лучше, у тебя деньги есть?» – «Да откуда?» – «Ну хоть сколько-то есть?» – «Немного есть». – «Давай лучше в очко сыграем». И, конечно, обыграл меня. Мы с ним, кстати, потом в Москве на одной из встреч ветеранов нашей дивизии виделись и смеялись, вспоминая эту историю.

Но потом приехал ПНШ-2 полка по разведке и говорит мне: «Командир полка дал такой приказ. Пойдешь в разведку, нам нужно срочно узнать, какие части стоят напротив нас. Даем тебе трех солдат, а четвертого возьмешь сам из этого батальона. И, кроме того, тебе будут приданы саперы». Оказывается, по приказу Гитлера против наших гвардейских частей немцы выставляли только эсэсовцев. «Если добудете «языка, то и погоны, и должность – все вернем, а нет, так не обессудь…» И дал мне на проведение разведки двое суток. Первые, чтобы все разведать и подготовиться, а вторые на выполнение. И распорядился выдать нам сухой паек на два дня, но, конечно, без водки.

Когда пришли эти солдаты, то оказалось, что эти трое украли консервы в ДОПе, а четвертый разгильдяй чем-то провинился перед командиром батальона.

Начали мы готовиться. Целые сутки наблюдали за передним

краем и подобрали подходящее место. Саперы сделали нам два прохода, и вечером мы вышли на ничейную полосу. Но когда мы еще только наблюдали за передним краем, то засекли одну вещь, которой и решили воспользоваться.

Немцы ведь постоянно освещали ракетами линию фронта. И мы засекли примерное место, откуда они запускали эти осветительные ракеты. Приползли туда, и точно: немецкая землянка, а метрах в пятидесяти от нее окопчик, в котором была вертикально укреплена палка, с которой немцы и запускали эти ракеты. Выглядело это так: немец выбегал из землянки в окопчик, запускал ракету, заряжал и сразу же бежал обратно в блиндаж, потому что пару дней шел сильный дождь, и так каждые десять минут. Мы лежали метрах в пятнадцати от этого окопчика и решили, что когда в очередной раз немец выбежит, то до того, как он запустит очередную ракету, мы захватим его.

Так и получилось. Главный из этих трех воров оглушил его прикладом автомата, но когда мы его потащили, то оказалось, что немец нам попался очень здоровый. К тому же шел дождь, и было очень скользко и тяжело его тащить. Но потом немец немножко пришел в себя, посмотрел, какая вокруг него мелкота, и начал вырываться. Мы в него вцепились, кое-как удержали, но так продолжалось несколько раз. В общем, сам он не шел, нам приходилось его тащить, и намучились мы с ним здорово.

И тогда я допустил оплошность. Чтобы окончательно отбить у него охоту к побегу, я достал пистолет, чтобы пригрозить ему, но случайно выстрелил и прострелил ему стопу. Но мы его тут же перевязали, и нам казалось, что он неопасно ранен, потому что дальше он пошел уже сам, только хромал.

А в это время немцы уже подняли тревогу, поднялась сильная стрельба, но дело в том, что мы успели дотащить его до оврага, прямо на задницах скатились туда и оказались там в относительной безопасности.

В общем, кое-как мы его дотащили, сдали на КП полка и легли спать. А утром ПНШ по разведке говорит мне: «Эх ты. Можно было бы тебя, конечно, и к награде представить, если бы этот язык действительно был «язык». Оказывается, что этот немец прямо во время допроса умер… От этой раны в стопе у него то ли заражение крови пошло, то ли что-то еще, но он вроде бы и рассказать особо ничего не успел. Правда, по его документам удалось установить номер части, и действительно оказалось, что это был эсэсовец, да я и сам это успел понять по его форме. И хоть это была не совсем удачная разведка, но после нее меня восстановили и в должности, и в звании.

А потом мне еще передавали слова командира дивизии, когда

кто-то заикнулся, чтобы поощрить меня за эту разведку. Но он просто не знал, что я пошел в эту разведку только потому, что проштрафился, и сказал примерно так: «Нас ведь на смех поднимут, если узнают, что у меня командиры батарей ходят в разведку».

А так, если бы я не проштрафился, то в разведку, конечно, сам не попросился. В разведку вообще мало кто решится добровольно пойти. Но я-то прекрасно понимал, что если не выполню это задание, то пойду под суд. Так что особой альтернативы у меня не было…

Причем у нас ведь тогда два месяца опытные разведчики не могли добыть языка, а мы вот смогли. Но нам что очень сильно помогло? Непогода, ведь несколько суток подряд лил сильный дождь, и, видимо, у немцев несколько притупилась бдительность.

– А вам с разведчиками не приходилось сталкиваться? Многие ветераны рассказывают, что им дозволялись некоторые вольности.

– Два раза я поддерживал огнем полковых разведчиков, когда они ходили в разведку. Мы заранее договаривались, что в случае их обнаружения я должен буду открыть по немцам ураганный огонь. Поэтому я должен был заранее пристрелять цели. Помню, что в первый раз они принесли двух своих раненых, а во второй у них был один убитый.

А наших дивизионных разведчиков я вообще ни разу не видел. Правда, я слышал, что они ходили даже за линию фронта, но подробностей их работы не знал. Но даже по поведению наших полковых разведчиков чувствовалось, что они находятся на особом положении. Вели они себя несколько иначе, чем остальные солдаты, в них чувствовалась некая самоуверенность. Но я считаю, что это от командования зависит, если разведчиков балуют, то они и ведут себя достаточно вольно.

– Вы упомянули, что один из ваших солдат доставил вам много неприятностей под Сталинградом.

– Да, там произошел один неприятный эпизод. Между нами и немцами находилось много брошенных немецких машин с провиантом. И немцы голодали, но не могли к ним подобраться, потому что их обстреливали мы, а мы не могли, потому что нас обстреливали они. Но, правда, мы в отличие от немцев и не особенно нуждались.

И вот ко мне в батарею прямо из училища прибыл младший лейтенант, который до этого не воевал. Он стал командовать взводом, в котором служил тот самый солдат, который увлекался

сбором трофеев. Как они между собой договорились, я не знаю, но в одну ночь они вместе вылезли на нейтральную полосу и забрались в одну из машин. Нашли там консервы и даже водку, и давай пировать. И все бы ничего, но вот когда они закурили, то немцы их обнаружили и открыли шквальный огонь. Этого младшего лейтенанта убило, но, правда, солдат его оттуда притащил обратно.

И мне потом пришлось долго оправдываться и отчитываться за смерть этого лейтенанта. Потому что на самом деле там было очень строго с этим, и буквально за каждого человека нужно было отчитываться, по разным документам. Конечно, в такой ситуации мне пришлось сказать, что он погиб во время боевой операции.

А того трофейщика я покрыл, правда, влепил ему двое суток гауптвахты. Посадили его в картофельную яму, а потом я смотрю, он там просто блаженствует и даже надсмехается над остальными солдатами. Говорил часовому: «Вот ты стоишь, дрожишь, а я сейчас разожгу немецкие журналы и погреюсь». Я как такое дело увидел, подумал: «Ну что это за наказание?» – и отменил ему гауптвахту.

– А вообще солдаты увлекались трофеями?

– Нет. Ну могли, конечно, часы, например, взять, или оружие. Трофейного оружия, например, у нас не имел только ленивый. Вот я, например, последний трофейный пистолет сдал уже только после войны, когда работал в Молдавии. Это был небольшой «маузер», но очень красивый, никелированный, и главное – память, ведь я его нашел в Сталинграде в том же подвале, где арестовали Паулюса.

Дело в том, что когда после войны меня направили на работу в Молдавию, то я очень удивился, что здесь была такая спокойная обстановка. Прямо курорт по сравнению со Свердловской областью. Я когда увидел сводку, то сильно удивился. Ведь у нас только по одному Свердловску в год было 22 000 преступлений только по линии уголовного розыска, а тут всего полторы тысячи… Убийств по всей Молдавии 100–104 в год, а там тысячи… Разве это можно было сравнить?!

К тому же у меня на родине находится очень много лагерей, а значит, и побеги, преступления. Поэтому там у нас оружие считалось предметом первой необходимости. Ведь даже если в тайге вдруг встречаешь человека, то ни в коем случае не расслабляйся и не показывай, что ты ему обрадовался. Присмотрись к нему вначале, понаблюдай незаметно из-за дерева, определи, кто он такой. Хорошо если охотник, а если беглец, то ему и одежда нужна, и документы, а то и питание…

Я помню, у меня был такой случай. Когда в 1953 году по случаю смерти Сталина Берия устроил массовую амнистию, то на свободе оказалось очень большое количество заключенных. Как раз в то время в Краснотурьинске я расследовал нераскрытое убийство и как-то возвращался домой в Свердловск. Я был в гражданском и, когда решил перекурить, вышел в тамбур. А до этого я еще обратил внимание на то, что в вагоне ехало много освобожденных.

За мной в тамбур вышли два молодчика, попросили закурить, и я им дал. Но тут они меня так схватили за руки, что я ничего не мог сделать. И у меня тогда промелькнула мысль, что если они у меня найдут пистолет и отберут его… Но на мое счастье в этот момент в тамбур вышел проводник, они меня сразу отпустили, и я шагнул за ним в вагон. Через проводника я сразу вызвал двух милиционеров, которые сопровождали каждый состав, и этих двух, которые хотели меня ограбить, арестовали.

А возвращаясь к трофейной теме, я вам расскажу такой случай, из-за которого меня потом одно время часто подначивали. Мои солдаты всегда получали сапоги, но один раз вдруг выдали ботинки с обмотками, и ребята забастовали: «Мы не пехота, не будем в ботинках ходить». А это было как раз после Курской дуги. Тяжелые бои прошли, и мы быстро двигались вперед, почти не останавливаясь. И в одном месте оказалось столько перебитых немцев, что все мои солдаты поснимали с них для себя сапоги. Я даже технику подглядел, которой их научила трофейная команда. Между ног для упора вставлялась палка, и одновременно сдирали сапоги с трупа.

Так потом я прямо не знал, куда деваться от этого позора. Например, как-то мы двигались походной колонной, и вдруг меня догоняет один из знакомых офицеров: «Ты не чувствуешь трупного запаха?» – «Вроде нет». – «А вот ты знаешь, я как мимо твоей батареи прохожу, так сразу чувствую», вроде как от этих немецких сапог. Но вообще немецкие сапоги мы почти не брали, и вот почему. Я обратил внимание на то, что почти у всех наших солдат был высокий подъем ноги, а у немцев почему-то почти все сапоги были рассчитаны на низкий подъем, и именно поэтому они нам и не подходили.

Когда под Сталинградом мы захватили немецкий аэродром, то на складе нашли большой запас шикарных хромовых сапог. Но сколько я их там ни перемерил, и даже на размер больше, но ни одна пара мне так и ни подошла. Надеть-то я их еще как-то мог, но уж очень сильно они жали в подъеме.

– Но не было суеверий, что нехорошо брать вещи с

убитых?

– Да я особо и не помню, чтобы с убитых что-то брали, кроме документов, оружия и часов. Вот еще помню, что некоторые солдаты имели трофейные портсигары, но где они их добывали, я даже не знаю.

– А из одежды ничего не брали?

– Однажды со мной произошел такой случай. Я когда только прибыл с курсов в полк под Сталинград, то недели две был не у дел, потому что свободного места на мою должность не было. И такой это был тяжелый период, что даже сейчас неприятно его вспоминать.

Ну представьте себе: дикий мороз, ты не занят и только привязан к кухне, болтаешься за ней, да еще ходишь, просишь валенки и теплое обмундирование, потому что мерз я просто страшно. Я же вам рассказывал, что во время нашей остановки в Саратове успел продать почти все свое зимнее обмундирование, и из теплой одежды у меня оставались только перчатки и зимняя шапка. Причем она была не обычная ушанка, а снайперская, белого цвета, видно, других тогда на складе не оказалось. А так я был в обычной хэбэ гимнастерке и простой шинели, так что мерз просто немилосердно. В общем, очень тяжелое положение.

Но я был не один, а с младшим лейтенантом, который оказался в таком же положении, что и я. Помню, что когда нам приходилось спать в снегу, то мы с ним будили друг друга каждые пять-десять минут, чтобы не замерзнуть. Как-то в одном месте остановились переночевать в какой-то постройке, кое-как сидя пристроились, поспали, а утром оказалось, что это немецкая уборная… Но зима ведь была суровая, все замерзло, поэтому даже никаких запахов не было.

И вот как раз в этот период, когда наш полк передислоцировался, то мы вдвоем с ним, как обычно, шли за обозом. Но это же степь, и помимо того, что и так очень холодно, там ведь еще и сильный, пронизывающий ветер, в общем, кошмар… А этот парень тоже сильно мерз, и вдруг он увидел, что на снегу валяется ничейный какой-то малахай, такой немецкий головной убор со специальными наушниками от мороза. Он его подобрал, надел и говорит мне: «Вот сейчас у меня уши больше мерзнуть не будут». Но только мы отошли от того места, где он подобрал эту шапку, буквально метров на пятьсот, как вдруг из «тридцатьчетверки», которая стояла метрах в пятистах от нас, очередь, пуля ему попала в шею, и он валится замертво…

И я даже не знаю, почему из танка дали очередь. Может, танкисты по силуэту подумали, что это немец? Первая мысль у

меня, конечно, была пойти к этим танкистам и разобраться, а потом я подумал: «А какой дурак даст себя обвинять в таком деле? Он скорее и тебя самого прикончит…»

– А вообще часто приходилось попадать под огонь своих?

– Если не считать того случая, когда нас обстреляли при переправе через Дон у Богучара, то лично мне под огонь нашей артиллерии или авиации попадать не приходилось. Зато мне самому однажды довелось стрелять по своим. Как-то на Украине наша разведка доложила, что село перед нами занято немцами. А так как я поддерживал огнем батальон, то его командир попросил меня перед их атакой провести небольшую артподготовку.

Минут двадцать моя батарея вела огонь по этому селу, и вдруг я вижу, что ко мне идет наш командир полка: «Ты куда стреляешь?!» – «Командир батальона попросил поддержать огнем». – «Ты же по своим лупишь, это соседний батальон уже вошел в село!» И действительно, оказалось, что мы стреляли по соседнему батальону, но нам повезло, потому что от нашего огня только ранило осколком заместителя комбата, а убитых не было, видно, они вовремя вышли из-под огня. Но это был единственный такой случай. И я не считаю, что это обычное для войны дело. Например, у нас это считалось крайней степенью непрофессионализма, и кроме презрения и возмущения ничего не вызывало.

– Боеприпасов всегда хватало?

– Надо сказать, что одна из вещей, которая меня просто угнетала на войне, – это была вечная нехватка боеприпасов. Вернее, даже не нехватка, а постоянное ограничение в их использовании. Тут мне сразу вспоминается, что когда в том бою у Герцовки я вызвал огонь на себя, то на линии как раз оказался командир полка, и, услышав это, он грубо обругал меня: «Ты что, курвай, двух вшивых немцев испугался, – это у него была такая любимая присказка, – и хочешь на них весь боекомплект истратить? А потом тебе стрелять нечем будет». Я даже опешил тогда, высказать мне такой упрек, не зная обстановки…

Но, правда, потом, когда ему доложили о том, что это был за бой, ведь у обер-лейтенанта, который на меня прыгнул, нашли документы, по которым было видно, какие у немцев были силы и задачи, то он меня похлопал по плечу и похвалил: «Молодец!»

А вообще, обычно боеприпасов хватало, хотя когда обозы отставали, то возникал, конечно, дефицит. Например, когда мы наступали от Орла, то нечем было кормить ни людей, ни лошадей, и какие уж тут боеприпасы. Ну или в окружении.

Но на фронте ведь ситуация менялась очень быстро, поэтому рассуждать, из-за чего так получалось, не зная полной картины, нельзя. Вот меня, например, всегда удивляли писатели, которые сами воевали в окопах, а берутся описывать или рассуждать о целях операции с позиции командования. Что, например, Жуков устлал нашими телами пол-Европы. Но ведь всем известно, что у наступающих потери больше в соотношении три к одному. Война без потерь не бывает, а если будешь хныкать и лить слезы над каждым убитым, то никогда не выиграешь.

– Но тогда я хочу вам задать один из важнейших вопросов нашего проекта. У вас не было или нет ощущения, что мы воевали с неоправданно высокими потерями? Что у нас людей не жалели?

– (*Моментально*) никогда! Нет, никогда! Вот сколько я ни воевал и сколько всего мне пришлось увидеть, но у меня такого ощущения никогда не было. Конечно, потери были, но то, что я лично видел, по-моему, цена, которую мы платили, всегда соответствовала тем результатам, которых достигали.

Но надо ведь еще понимать, что бывали разные случаи. Вот, например, как погиб наш командир полка? Помню, я тогда еще подумал: «Вот ведь и жил как сумасброд, и погиб так же…»

Это происходило в период нашего наступления после Курской дуги. Мы только-только заняли позиции, у меня даже еще НП не было, и я как раз в ровике устанавливал стереотрубу. И вдруг с удивлением вижу, что в нашу сторону во весь рост идут командир полка, за ним начальник артиллерии полка, ПНШ-2, комендант штаба полка, в общем, человек семь всего, наверное. И я когда это все увидел, то мне аж не по себе стало. Потому что там нам постоянно досаждал снайпер, а накануне был вообще такой эпизод.

Тогда у меня ординарцем был один бывший моряк, как раз тот, с которым я тогда устроил «концерт» заградчикам. Он принес мне поесть, осмотрелся и вдруг сел на бруствер спиной к немцам и говорит: «Да у вас тут тихо, а то все пугали». А тогда действительно стояла непривычная для передовой тишина, и только вдалеке ездили немецкие бронемашины. И после этих слов, захрапев, вдруг повалился навзничь… Снайпер его снял…

И после этого я вдруг вижу, что наш командир полка, правда, я потом понял, что все они были подвыпившие, идет в полный рост. И я еще в недоумении его спросил: «Товарищ подполковник, вы куда?» – «Аа-а, такой-сякой. Трех паршивых фрицев боитесь», и пошел вперед, через нашу траншею прямо в сторону немцев… А я ведь им крикнул: «Там же немцы!» Но нет, он все равно пошел на

нейтральную полосу в полный рост, а за ним и все остальные. И на нейтралке их всех из пулемета и положили… Правда, я потом после войны на одной из встреч видел начальника артиллерии полка, который тогда с ними тоже был. И он мне рассказал, что его тогда ранило, а вот все остальные погибли…

– А их никак нельзя было остановить?

– А как их остановишь, если они старше тебя по званию? К тому же помните, в том эпизоде, когда я стрелял по своим, то именно он же мне и сказал, что там наши. Так что мало ли, может быть, ему известно больше, чем мне? Но ведь я же ему кричал, а он только махнул рукой, пошел вперед и погиб ни за что…

И хотя в целом наш командир полка воевал неплохо, ничего не могу сказать, но, по правде сказать, о его самодурстве у нас буквально легенды ходили. Еще до войны, когда наша дивизия только формировалась где-то в Прибалтике, он служил командиром полковой школы, а ставший впоследствии командиром нашей дивизии Сиваков тогда служил командиром учебной роты. Так потом между ними была чуть ли не открытая вражда, потому что Сиваков вырос до командира дивизии, а этот командовал только полком и сильно ревновал.

И где-то в марте 43-го, уже при мне это было, комдив еще с какими-то генералами приехали ко мне на батарею, а я, как обычно, находился на своем НП. И когда комдив захотел вызвать меня с передовой, то комполка ему возразил: «Нет, пусть он лучше на НП остается», т. е. даже в таких мелочах старался как-то его «укусить». Мне об этом потом мой старшина рассказывал.

А потом был еще такой случай, о котором мне рассказали в штабе полка. Комдиву понравился один конь из нашего полка, и он попросил прислать его себе. Так наш комполка что сделал. Собрал всех лошадей, что были в полку, приказал связать их хвостами и отправил весь этот табун в штаб дивизии, мол, пусть сам выбирает… Так что самодуров хватало, конечно. Но вот чтобы людей откровенно гробили зря, я такого ни разу не видел. Вот вы мне, кстати, давали читать интервью Гольбрайха Е.А., где он много рассказывает о штрафниках, и я вдруг вспомнил такую историю на эту тему.

Мне самому с штрафниками сталкиваться не приходилось, но однажды мне довелось поддерживать огнем разведку боем, которую они проводили. Это было числа 2–3 июля 1943 года, т. е. буквально накануне начала боев на Курской дуге.

Вначале я провел небольшую артподготовку, и часов в 10 утра они, а их было человек сто двадцать, пошли в атаку. Поднялась стрельба, и вдруг в бинокль я увидел такую картину:

прямо на поле боя выехали немецкие грузовики, из которых начала выгружаться пехота. Причем все немцы были по пояс голые, здоровые, загорелые, и спустились в долину навстречу нашим штрафникам. И как мне потом сказали, из этой штрафной роты не осталось в живых никого…

Но я думаю, что это все-таки не так, потому что в том бою взяли в плен трех или четырех эсэсовцев, а значит, их кто-то же должен был захватить и притащить. Просто самого боя я не видел, потому что он был в низинке, вне поля моего зрения. А моя батарея вела отсекающий огонь, чтобы к немцам не подошло подкрепление.

И оказалось, что это были эсэсовцы, которых буквально накануне перебросили на Курскую дугу из Нормандии, поэтому они и были такие загорелые. Причем один из этих немцев потом на допросе прямо с восторгом рассказывал, что больше всего симпатию у них вызвал один младший лейтенант, который схватил противотанковое ружье и как дубиной лупил им направо и налево, пока его не убили…

Но я к чему рассказал этот случай? Тут трудно, например, сказать, что все эти штрафники погибли зря, ведь удалось выяснить, что немцы перебросили на наш участок новые части. К тому же и эсэсовцы из этой долины тоже не вышли…

– А вам не приходилось отправлять своих солдат в штрафную роту?

– Нет, ни разу такого не было, и пополнения из штрафников я тоже ни разу не получал. Хотя надо сказать, что 175-я стрелковая дивизия, в которой я служил в трибунале, большей частью формировалась как раз из освобожденных заключенных.

Помню, как во время формирования дивизии в Тюмени председатель трибунала поручил мне посмотреть, можно ли с этими новобранцами провести беседу. И когда я вошел в казармы, а они еще даже не были обмундированы, то создавалось полное впечатление, что это самые настоящие заключенные. По манере общения, поведения, по всему.

Но уже к 7 ноября их было просто не узнать, уже чувствовалось, что они прошли курс обучения и стали настоящими солдатами. Как уж их набирали в армию, я не знаю, но ведь тогда большое количество заключенных сидело за всякие незначительные преступления. Вот, наверное, из числа таких и призвали.

И еще у меня был один случай, который мне самому показался совсем уж неправдоподобным. Когда я лежал в госпитале, то нас в палате было четверо лежачих, поэтому для нас

персонально решили дать небольшой концерт силами местной самодеятельности. И вот тогда помню, что меня очень удивил один из этих артистов. Совсем молодой парень, на вид ему было лет двадцать, а уже майор да еще с орденом Ленина. И помню, что еще тогда у меня появились некоторые сомнения. Я стал расспрашивать тех, кто дольше меня находился в этом госпитале, и мне рассказали, что он якобы командовал штрафной ротой, а там звания присваивают вне очереди и щедро награждают.

И когда я уже готовился к выписке, то вдруг во дворе увидел его. Он сидел в простом солдатском обмундировании, ботинках, обмотках, и я спросил медсестру, что случилось. И она мне рассказала, что на самом деле он вовсе никакой не майор, а сержант, но присвоил себе чужие документы, и за это его направляют в штрафную роту.

Но я знаю, что в штрафных подразделениях их командиры в бой с ними не ходили. Например, во время той разведки боем мне прислали одного из этих штрафников, артиллерийского полковника, и именно он должен был корректировать наш огонь. А командир этой роты сидел у меня на НП, а в самом бою штрафниками командовал кто-то из них самих. И, наверное, это оправданно. Потому что если со штрафниками в бой направлять и их командиров, то получается, что их как бы тоже наказывают.

К тому же нужно хорошо понимать, что было главным стержнем в мотивации штрафников. Что после боя с них снимут судимость и вернут им доброе имя. Ведь, например, когда меня хотели разжаловать, то я из-за чего больше всего переживал? Что если я погибну, то что скажут моим родственникам? Что он такой-сякой… Поэтому почему люди очень боялись попасть в плен и готовы были сражаться до последнего и даже покончить с собой? Потому что плен – это позор, к тому же родственники помимо позора могли подвергнуться еще и репрессиям – это был тоже очень весомый фактор. Патриотизм, вера в победу, романтика – это все, конечно, хорошо, и так оно на самом деле и было. Мы готовы были умереть ради спасения Родины, но и фактор страха не учитывать тоже нельзя…

– Но это принципиальный вопрос. В таком случае получается, что можно и оправдать непримиримую сталинскую позицию по отношению к пленным. Тогда получается, что многие наши люди так самоотверженно сражались только лишь из-за страха? Например, какое у вас отношение к знаменитому приказу № 227 «ни шагу назад»?

– «Приказ № 227», я считаю, оказался переломным и сыграл огромную положительную роль. Например, вы можете

представить мое психологическое состояние, когда я чуть ли не единственный из нашей дивизии вышел из окружения и понимал, что почти все остальные погибли?.. Когда сами командиры говорят о том, что выходите поодиночке, потому что нет ни боеприпасов, ни питания, ни техники… Конечно, в тот момент мы были деморализованы. И тут вдруг вышел такой приказ. Так что я считаю, что он появился своевременно и сыграл огромную положительную роль, потому что люди стали понимать, что кроме нас Родину отстоять некому.

А в отношении плена… Скажу не рисуясь, мне это вообще чуждо, но я бы точно не сдался. Поверьте, таких моментов у меня было немало, особенно в окружении, но я для себя такую возможность исключал просто категорически. Ведь тогда позор – это было не просто слово. Я, например, до сих пор хорошо помню, как нас провожали в армию. Собирались родные, друзья и напутствовали нас: «Служи честно, мы все на тебя надеемся…» И все это нас действительно очень настраивало. Поэтому когда человек оказывался в такой ситуации, что ему надо было выбирать: позор, унижения, но жизнь в плену, или почетная смерть, то многие делали сознательный выбор в пользу смерти.

Но в отношении тех наших людей, что попали в плен, я и тогда считал, и сейчас считаю, что в каждом случае нужно было разбираться отдельно. Выяснять, как попал, при каких обстоятельствах, как проявил себя в плену. У меня ведь был один одноклассник, который прошел плен, и на примере его трагической истории я видел всю несправедливость такого общего отношения к нашим пленным.

Его звали Анвар Нигматулин, до войны он был студентом политехнического института, но в начале войны его призвали в армию, он попал на фронт и уже летом 1941 года был ранен в живот и попал в плен. И когда я после ярославского госпиталя вернулся домой, то мы с приятелем пошли к нему в гости, и у нас состоялась очень тяжелая встреча…

Он жил в какой-то халупе, и во время нашего разговора я заметил, что он очень грустный, и даже наше появление его не особо обрадовало. Но потом мы понемногу разговорились, он нам рассказал ужасные вещи, что ему довелось пережить в плену, а потом и говорит: «Вот я по вам вижу, что Родина вас наградила и относится к вам как к родным детям, зато ко мне отнеслась как мачеха… Вы знаете, что мне каждую неделю приходится отмечаться в МГБ? А о том, что я в плену заработал чахотку и едва живу, им вообще до лампочки… Ну вы же меня знаете, разве я предатель? И потом, у меня ведь два побега, и есть люди, которые могут это все подтвердить, но нет, там даже не хотят

разбираться…» Он чуть не плакал, когда все это рассказывал… Эта печальная встреча оставила у меня на душе очень тяжелый осадок… А вскоре я ходил на его похороны…

– А вам не приходилось видеть или слышать, чтобы кто-то из наших солдат добровольно сдался в плен?

– У меня был… один случай, и я до сих пор считаю, что взял тогда грех на душу… Уже когда после боев на Курской дуге мы воевали на Украине, то ко мне в батарею прислали пополнение – четырех курян. Двое из них были помоложе, а двое постарше, лет сорока пяти. И в одном из боев с ними получилось так.

Мы меняли огневую позицию и вдруг напоролись на немецкую бронемашину. Причем мы ее видели, но вначале подумали, что это наша. Нам как раз в глаза светило солнце, поэтому опознавательных знаков мы не видели, зато видели, что прямо на бронемашине спокойно стоят солдаты, поэтому и решили, что она наша. Чуть ли не строем шли как раз в ее направлении, и, когда до нее оставалось метров сто пятьдесят, вдруг по нам из нее застрочил пулемет… Мы бросились врассыпную, но мой замполит и еще несколько человек были убиты.

А когда заняли новые позиции и уже готовились к участию в артподготовке, то тут ко мне приходит один из этих пожилых курян и говорит, что он эти места хорошо знает и вот там, в овраге, между нами и немцами есть колодец. А тогда было очень жарко, и нам действительно очень была нужна вода. И я совершенно без задней мысли поручил им двоим сходить за водой. Но такая деталь, незадолго до этого нам выдали белый материал на подворотнички. И тут ко мне прибегает старшина и говорит: «Какой к черту колодец? Они достали этот белый материал…»

Я тут же послал за ними вслед одного солдата, и он им передал мой приказ вернуться назад. Но один из них заявил: «Немцы – люди культурные и ничего плохого нам не сделают», и они оба отказались вернуться… Тогда я приказал открыть по ним огонь, но они уже успели укрыться, и думаю, что все-таки успели перебежать к немцам…

И вот я себя до сих пор виню в том, что поручил задание непроверенным людям. Но, правда, больше у меня таких случаев и не было. И думаю, что если бы они не были в оккупации, то такого просто не случилось бы. Но они ведь по своим домам пережили оккупацию и потом даже рассказывали на батарее, что «…немцы брали у нас продукты, но давали нам жить…».

– А из-за этой истории у вас не возникло проблем с особым отделом?

– Конечно, встал вопрос, что делать. Как их определить, ведь они же пропали… И я почему говорю, что взял грех на душу? Потому что все-таки записал их как боевые потери. Но прежде чем это сделать, я долго думал, потому что прекрасно понимал, какие мне могут грозить неприятности, и только поэтому и решился на это.

А так, кто знает, как бы там закончилось? Смотря в какие руки попал бы… Как говорится, на войне как на войне… Но я как подумаю, а вдруг их семьи, или тем более они сами сейчас получают военные пенсии…

– А вы не боялись, что вас могут, что называется, «заложить»?

– Тогда я об этом и не думал. Ведь на передовой бесконечные опасности, не знаешь, будешь ты завтра живой или нет, так что такие вопросы решались без оглядки на чье-то мнение. К тому же меня все уважали, а если кто-то и докладывал, то это мой замполит, но он как раз в тот же день и погиб. А вот мой писарь, даже наоборот. Он был москвич, в годах уже, но очень хитрый мужик, поэтому боялся мне что-то прямо сказать или предложить, но уклончиво как-то дал понять, что, мол, затаскают.

– У вас были напряженные отношения с вашим замполитом?

– Не то чтобы напряженные, но я всегда ожидал от него какого-то подвоха. Порой не успевал что-нибудь сделать или случайно о чем-то обмолвиться, как об этом уже становилось известно комиссару полка, и он уже меня спрашивает: «Было ли такое?»

Например, у меня был такой случай. Из нового пополнения я набрал в батарею десять узбеков. А они же водку не пьют, и что было делать с их нормой? Ну не выливать же, поэтому вполне естественно, что старшина начал собирать ее «на всякие непредвиденные расходы». Так мой замполит доложил комиссару полка, что я не выдаю узбекам водку и собираю ее для себя. Хорошо, все прекрасно знали, что я спиртным никогда не увлекался, и тут даже не могло быть никакого подозрения в злоупотреблении с моей стороны, поэтому эта история не получила никакого продолжения.

Но, правда, я насчет него особо и не беспокоился, потому что каких-то особо крупных просчетов не допускал. К тому же после моей работы в трибунале я прекрасно осознавал, о чем можно и о

чем нельзя говорить, например. В этих вещах я был осторожен, потому что прекрасно знал, чем может обернуться даже нечаянно оброненное слово.

Правда, все-таки был с ним у меня однажды не то что конфликт, скорее размолвка. По национальности он был чуваш, и хотя я знал, что до войны он работал учителем в средней школе, но, честно говоря, проводить беседы с людьми он не особо умел, и поэтому солдаты над ним даже посмеивались между собой. У нас в батарее тогда было четыре члена партии: сам замполит, один старший сержант, секретарь парторганизации и еще один боец. Так вот этот старший сержант с людьми разговаривал гораздо доходчивее. Но, надо отдать ему должное, этот мой замполит всегда старался быть с солдатами, чтобы, как говорится, «знать, чем дышит народ».

И сразу после завершения боев под Прохоровкой, когда я только вернулся на батарею после тяжелых боев, то попросил его заменить меня на НП. Я тогда просто смертельно устал: ведь эта бесконечная стрельба, дикое нервное напряжение, еды нет, в общем, просто смертельно устал. И, конечно, когда пришел на батарею, то хотел отдохнуть и выспаться. Но мой заместитель по строевой, как назло, оказался чем-то занят, поэтому я и попросил замполита: «Слушай, ты же мой заместитель, подежурь вместо меня на НП, а я хоть чуть-чуть посплю». Но он отказался: «Нет, я должен быть там, где люди». И вот после этого я его уже ни о чем и не просил. Правда, я потом когда думал об этом, то этот его отказ скорее относил на его боязнь не справиться, чем на личное отношение ко мне. Просто он и не особо разбирался, как нужно корректировать огонь.

Что бы я еще хотел сказать на эту тему. Вот вы мне дали почитать интервью Дегена И.Л., и меня в нем неприятно поразило, насколько у него негативное отношение к комсоставу и, в частности, к политработникам. Да, политработники тоже бывали разные, и к некоторым действительно отношение было весьма неважное. Например, когда я служил в трибунале, то к начальнику политотдела нашей дивизии относились так себе. Ну посудите сами. Каждое утро у него начиналось с прогулки верхом на лошади, потом завтрак, отдых, и только вечером проведет какой-нибудь инструктаж… Поэтому, конечно, авторитетом он у людей не пользовался.

Но как достойно, например, показал себя мой новый замполит, который пришел на смену погибшему. Где-то на Украине немцы остановили наше продвижение, и, пока шла перегруппировка сил, пришлось становиться в оборону. А потом нам дали задание – взять небольшую деревеньку, причем мне

приказали вынести вперед два миномета и начать оттуда вести огонь. Помню, что я еще очень удивился, но мне объяснили, что на самом деле этот удар отвлекающий, а нам нужно имитировать наступление здесь и обязательно вызвать ответный удар немцев.

Мы эту деревеньку взяли, пробыли там целый день, и только под вечер немцы пошли в массированную атаку. И тут появляется какой-то мужик, причем в гражданской одежде, и начинает мне указывать цели, по которым надо бить. Я удивился: «А вы кто такой?» – «Я ваш новый замполит». И потом я его как-то спросил, почему он, пренебрегая опасностью, был среди нас. – «Потому что я должен был сразу показать, где опасно – там должен быть политработник!» Поэтому я не могу согласиться, что почти все политработники были плохими. К тому же я считаю, что чрезвычайно важно понимать одну вещь – как бы мы могли победить немцев, если у нас все командиры и политработники были такие плохие, как это иногда сейчас описывают?

– В газетном очерке про вас я прочитал об эпизоде, когда весь личный состав вашей батареи в один день подал заявление на вступление в партию. Расскажите, пожалуйста, об этом.

– Это было в первые дни битвы на Курской дуге. Как сейчас помню, что тогда мы стояли на территории совхоза «Комсомолец». С нашего участка сняли пехоту для проведения важной операции в другом месте, а мне приказали обеспечить оборону этого участка силами моей батареи и продержаться без пехоты сутки… И тогда всем нам стало ясно, что бой предстоит страшный и остаться в живых посчастливится немногим…

Учитывая такой сложный момент, политработники начали проводить активную работу. А у меня в батарее тогда был пятьдесят один человек, но из них всего три коммуниста. И тут надо отдать должное тому самому замполиту Чамееву, он провел среди людей беседы, ночью организовал собрание, на котором весь личный состав батареи, в том числе и я, подал заявления в партию. Но это не были в прямом смысле заявления, а люди просто вставали и говорили: «Если я погибну, прошу считать меня коммунистом».

Кроме того, на этом собрании единогласно было принято постановление: «Будем сражаться до последнего, по-сталинградски, выполним приказ «Ни шагу назад». И я считаю, что это собрание сыграло свою большую положительную роль, действительно здорово мобилизовало людей, и чувствовался душевный подъем, что не подведем и будем биться до конца…

Мы тогда два дня подряд почти непрерывно вели бой, отбили, если не ошибаюсь, девять атак пьяных эсэсовцев, но в

живых на батарее осталось всего семнадцать человек… Под конец на каждый миномет оставалось всего по две мины… А уже потом, в промежутке между боями, тем, кто остался в живых, в том числе и мне, вручили партийные билеты. Вот так я вступил в партию.

– Я уже понял, что вы по-прежнему остаетесь убежденным коммунистом. Но вы ведь многое знали и тогда, и еще больше узнали в наше время, при этом вы лично видели много несправедливости, так как вам удалось сохранить прежние убеждения?

– Тут дело даже не в том, что я буквально с пеленок воспитывался с этими идеалами, и поэтому мне сейчас нелегко с ними расстаться. Нет. Просто я считаю, что в любом обществе есть как положительные, так и отрицательные стороны. И принципиальный вопрос при этом чего больше – положительного или отрицательного. И вот сравнивая нынешнее положение с тем, что было, для меня ответ очевиден…

– Ваше отношение к Сталину сейчас не изменилось?

– Конечно, сейчас, когда стало известно о массовых репрессиях, то многое уже можно оценивать совсем по-другому. И хотя мы уже о многих вещах и сами догадывались, но все-таки общей картины мы не имели. Я, например, только со временем, уже после разоблачения на XX съезде партии, начал понимать, что это был за человек.

Но я до сих пор хорошо помню, как тяжело мы переживали смерть Сталина. И хотя мой отец, например, Ленина ставил значительно выше Сталина, но даже он был настолько расстроен, что долго не мог прийти в себя. А у нас в аппарате Свердловского обкома некоторые сотрудники даже плакали, настолько тяжело переживали. Вообще, у всего нашего народа в те дни было такое подавленное настроение: «Как же мы будем дальше без него?» И про себя я тоже могу сказать, что очень сильно переживал его смерть…

А его роль в войне… Я ведь когда приехал в Тюмень на формирование дивизии, то лично видел, как тогда на месте возведения цехов будущих заводов были готовы только стены, а продукция для фронта уже выпускалась… Под открытым небом снег шел, а продукция уже шла, хотя работали в основном только женщины и дети… И я уверен, что если бы не эта суровая требовательность со стороны Сталина, а он в этом отношении действительно был беспощаден, то вряд ли была бы обеспечена победа над врагом…

Но я что бы еще хотел добавить. В свое время я работал

прокурором по надзору за следствием в КГБ, и мне пришлось рассматривать архивные дела по реабилитации людей. И рассматривая эти архивные дела, что мне особенно бросилось в глаза и всегда удивляло тогда, и удивляет сейчас. Насколько легко люди в Молдавии переходили из одной партии в другую, как, например, сейчас чиновники легко меняют свои взгляды. У нас на Урале в этом отношении все было совсем по-другому…

Причем я считаю, что обязательно нужно сказать, что даже тех, кого репрессировали и сослали, например, в Сибирь, то ведь им создали максимум условий, чтобы они там нормально жили и могли учиться и развиваться. Я, например, еще на Урале видел много таких людей. Помню, как в наш Свердловский обком пришел ректор политехнического института и поднял вопрос: «На новый атомный факультет поступают одни западники, в основном евреи…» Так о какой же дискриминации тут может идти речь? Почему об этом сейчас никто не говорит?

– А на войне вам не приходилось видеть никого из наших крупных военачальников?

– Во время войны мне однажды довелось присутствовать на офицерском собрании, на котором перед нами выступил командующий нашим 1-м Прибалтийским фронтом Баграмян. По этому собранию у меня о нем осталось приятное впечатление, он постарался как-то душевно, с юмором с нами общаться, рассказал вначале какую-то смешную историю и только потом перешел непосредственно к задачам. К тому же у него был очень сильный кавказский акцент, который добавлял ему определенное обаяние. И больше я во время войны никого из больших военачальников не видел. Но уже после войны мне довелось по работе познакомиться с Георгием Константиновичем Жуковым и близко видеть Хрущева.

– Расскажите об этом, пожалуйста.

– Когда в начале 50-х годов Жуков командовал Уральским военным округом, меня отозвали работать из прокуратуры в отдел административных органов Свердловского обкома партии. И вот в этот период мне по работе пришлось с ним неоднократно встречаться, причем я его видел в совершенно разных ипостасях.

Например, как-то мне надо было подписать у первого секретаря Недосекина какой-то документ, и в его приемной я увидел, что там сидит Жуков. Я оставил секретарю бумагу, но так как документ был срочный, то я зашел за ним часа через полтора и смотрю, что Жуков все сидит…

А потом у нас на партийном собрании коммунисты прямо спросили у Недосекина: «Почему такое неуважительное отношение к Жукову?» И он ответил: «Сам звонил, – и многозначительно посмотрел наверх, – и сказал, чтобы лучше службу знал, подержи его в приемной…»

Потом, я помню, как-то зашел к первому секретарю, чтобы получить задание, а у него в кабинете сидел Жуков. Мы поздоровались с ним за руку, и первый секретарь мне сказал: «Георгий Константинович проведет совещание с директорами военных заводов, а ты поприсутствуешь, ну и придется выступить». В тот раз я сидел с ним в президиуме, и надо сказать, что на том совещании он проявил себя как предупредительный, причем очень вежливый и невероятно обаятельный человек.

И потом еще был один случай. Как-то мне надо было срочно подготовить и отправить одну шифровку. Но для того чтобы ее подписать у первого секретаря, мне пришлось поехать на совещание военного совета округа. И когда я туда приехал, то

увидел уже совершенно другого Жукова: чрезвычайно жесткого и требовательного.

А потом в разговоре с начальником управления кадров округа я узнал о таком случае. Командиры полков должны были сдавать то ли зачет, то ли экзамен, находясь в роли командира дивизии. Выехали они на местность, и Жуков, который присутствовал на этом экзамене, решил лично проэкзаменовать одного офицера. Но тот или растерялся, или что, но допустил грубую ошибку, не учел, что там была горная местность, и определил место расположения КП дивизии там, где из-за рельефа возникли бы сложности с радиосвязью. И Жуков за это обругал его матом и тут же уехал. А потом я видел личное дело этого командира, и там Жуков своей рукой написал примерно следующее: «Соответствует должности командира роты. Понизить до батальонного командира».

И был еще один случай, который тоже произвел на меня большое впечатление. Как-то в городе Серове произошла массовая драка между солдатами и местной молодежью, с обеих сторон в ней участвовало несколько сот человек. По поручению первого секретаря я позвонил Жукову и спросил его, известно ли ему об этом инциденте и какие меры приняты. И Георгий Константинович мне ответил: «Через час мой адъютант доложит вам». И, действительно, через полчаса перезвонил полковник и доложил о принятых мерах. Меня приятно удивила такая обязательность. Так что совершенно по-разному он себя проявлял.

А в последний раз я его видел при таких обстоятельствах. Присутствуя на первомайской демонстрации, я обратил внимание на то, что люди кричали «Слава!» только Жукову, настолько он был в народе популярен. И ведь недаром потом, ревнуя к его популярности, Сталин запретил Жукову принимать любые парады.

– А на фронте вы знали, кто у вас был, допустим, командиром вашей армии, фронтом? А то многие ветераны рассказывают, что не знали.

– Конечно, знал, я же все-таки офицер. Но каких-то подробностей о наших командующих мы не знали, поэтому не обсуждали их, и уж тем более не подвергали сомнению их авторитет.

– Вы упомянули, что вам довелось видеть и Хрущева.

– В моем представлении Хрущев по своим данным вообще не должен был стать первым секретарем ЦК КПСС. Однажды он прилетел в Свердловск, и мне довелось участвовать в его встрече

на аэродроме. Там собралось много людей, и он выступил с небольшой речью. И во время нее, например, ткнул пальцем в одного милиционера из оцепления и говорит окружающим: «Что, неужели мы без этих дармоедов паспорта себе не выдадим или хулигана не поймаем?» Ну, разве по таким речам нельзя составить о человеке общее впечатление? Должен признаться, что впечатление от той встречи у меня осталось просто удручающее.

– Вернемся к вопросу об особистах. Вам не приходилось видеть их «работу»? Например, большинство ветеранов рассказывают, что им пришлось хоть раз присутствовать при показательных расстрелах.

– Мне два раза пришлось присутствовать при показательном расстреле, и оба этих случая я отношу к тем эпизодам, которые у меня даже на войне вызвали большой внутренний протест.

В первый раз это было, когда я еще служил в трибунале 175-й дивизии. Ночью случилась какая-то тревога, то ли разведка немцев действовала, то ли что-то еще, но, в общем, одна стрелковая рота без приказа покинула свои позиции. Естественно, стали искать виновника, кто поднял панику. В конце концов, указали на одного парня, но даже тогда было понятно, что его просто назначили стрелочником, ведь все побежали, и он тоже. К тому же, я помню, выяснилось, что он был комсомолец, но… Зачитали приговор, там это было очень быстро… И вот когда он уже стоял перед автоматчиками, то вдруг крикнул: «Да здравствует Сталин, да здравствует Родина!» Но его все равно расстреляли… А мы все стояли вокруг, и такое это тяжелое произвело на всех впечатление, что люди даже не стеснялись в выражениях…

А второй раз это было на Курской дуге. Где-то в районе Полтавы мы двигались походной колонной, и вдруг нас остановили и построили в каре. Смотрим, выносят на носилках парня лет восемнадцати, щупленького такого. Оказывается, он был самострел и прострелил себе ногу. Испугался, видно, войны. И его прямо лежачего, он ведь ни встать, ни повернуться не мог, громко стонал, смершевец в затылок и застрелил… Но и этот случай на всех нас тоже произвел не воспитательное, а скорее отрицательное впечатление… Даже жалость к нему была, хоть он и был самострел.

– А вы когда такие картины видели, не примеривали эту «работу» на себя? Ведь вам же тоже предлагали стать особистом.

– Нет, я к себе их роль не примеривал, даже и не думал об

этом. Причем от общения с ними у меня оставалось впечатление, что это вроде нормальные, общительные ребята, но единственное, что меня в них всегда настораживало, – это какая-то зацикленность постоянно подозревать. Чувствовалось, что у них есть такая черта – подозревать всех и даже друг друга. Есть у них такое, даже из-за какой-то мелочи могли привязаться.

Кстати, я, наверное, все же был у них на учете, потому что в самом начале 44-го оперуполномоченный по нашему полку предложил мне пойти к ним на курсы. Я знаю, что тогда к ним пошел наш начальник разведки, но я решил отказаться. Рассказал ему свою эпопею с окружением и что мне осточертели все эти секретные документы и я больше не хочу с ними связываться. Я ведь никогда и не скрывал, что был в окружении, рассказывал эту историю, и ко мне никогда никаких вопросов не было.

А насчет особистов я вам еще так скажу. После окончания юридического института я полгода проработал помощником прокурора одного из районов Свердловска, показал себя неплохо, в одном непростом деле проявил принципиальность, поэтому вскоре меня назначили прокурором Нижне-Салдинского района. И вот представьте себе, что даже в то тяжелое время в прокуратуре вообще не было людей без высшего юридического образования. А даже если кого-нибудь и принимали на работу без оного, то он обязательно должен был учиться на заочном или вечернем отделении юридического факультета, т. е. требования к сотрудникам прокуратуры предъявлялись очень серьезные.

И вдруг через какое-то время я совершенно случайно узнаю, что начальник нашего районного отдела МГБ, оказывается, имеет всего шесть классов образования. И я помню, что как-то раз во время беседы с прокурором области Яцковским мы эту тему вдруг затронули, мол, как же так, от нас требуют высшего образования, а у них всего-то… На что он хитро улыбнулся и обронил такую фразу: «А может быть, так и надо… Зато они исполнители хорошие». Это я к чему веду? Что, может быть, чекисты, потому так слепо и выполняли приказы, что не имели нормального образования…

– Но многие из ветеранов признают, что без таких жестоких мер мы бы и не остановили немцев.

– Я же вам рассказывал, что два раза побывал в окружении. Но мы в обоих случаях о чем больше всего думали – не попасть в плен! Сопротивляться всеми силами, но в плен не сдаваться. И все так думали, а не только я, потому что все прекрасно знали, что плен – это не почет.

А как было, например, под Ахтыркой, когда мы поняли, что

оказались в окружении? То что вы думаете? Никакой растерянности, ничего, скорее даже наоборот, все только еще больше мобилизовались. Сразу организовали круговую оборону, тут же связались по рации с частью, которая была позади нас, согласовали сигналы для перехода передовой.

А в это время немцы успели даже проволочное заграждение установить, но мы договорились, что бросаем на него шинели и плащ-палатки. Так и сделали. Немцев там было, правда, совсем немного, и мы даже устроили с ними небольшую рукопашную, но все равно вырвались оттуда. А почему? Потому что мы не растерялись, хотя нас было совсем немного, человек пятьдесят всего. Но к тому времени мы уже, правда, научились воевать. Так что я думаю, тут больше от людей зависит, а не от «жестких» мер…

– А был какой-то момент, с которого вы почувствовали себя опытным воином?

– Только после тяжелейших боев на Курской дуге я стал чувствовать себя уверенно, настоящим командиром.

– Вот вы упомянули о рукопашной. Сколько раз за всю войну вам пришлось в них участвовать?

– Это был единственный раз, если не считать того случая, когда в бою под Герцовкой на меня бросился тот обер-лейтенант.

– Но вы почувствовали разницу? Многие ветераны отмечают, что убивать из огнестрельного оружия или холодным это совсем разные вещи. Вот вы смогли бы, допустим, убить немца ножом или лопаткой?

– Не знаю, потому что в том бою я не могу сказать, что с кем-то персонально сцепился, просто отмахивался кулаками и стрелял из пистолета… Но думаю, что смог бы. Свободно мог бы, потому что в такой ситуации человек по-настоящему звереет… Не знаю как другие, но лично я в том бою действовал словно у меня отключили сознание, лишь на одних инстинктах…

И когда мы потом опять взяли эту местность и пошли посмотреть на это поле, через которое вырывались, то увидели там обрывки снаряжения, ремней, противогазов… В общем, кто чем мог, тем и дрались.

А еще в 1942 году под Харьковом на рассвете я не видел, а слышал, как морская пехота брала одно село. Никакого «ура», один сплошной мат… Вот, кстати, сколько я ни воевал, «ура» я слышал, чтобы кричали, а вот чтобы «За Родину, за Сталина» ни разу. Вообще, человек во время боя просто звереет. Ему уже нет

дела ни до какой политики, ни до чего, одно только чувство самосохранения…

– Но вы можете описать, что вы чувствовали в бою? Какое чувство превалировало?

– Я считал, что это просто как работа. Работа, которую нужно выполнить как можно лучше. Но работа тяжелая, которая зачастую требует сверхнапряжения.

– И в связи с этим у меня тогда еще такой вопрос. Почти все, кто воевал, очень высоко оценивают немцев как солдат, но, с другой стороны, сами же и отмечают, что по силе духа они нам уступали и, например, в рукопашные схватки старались не вступать. На мой взгляд, в этом есть какое-то противоречие.

– Я считаю, что немцы 41-42-х годов это были просто величайшие солдаты. И, честно говоря, тогда у меня даже иногда появлялись сомнения, как это мы сможем победить таких солдат… Например, я помню, что на меня большое впечатление произвел такой случай.

Еще когда в 1942 году я служил в трибунале, то как-то раз мне пришлось присутствовать при допросе сбитого немецкого летчика. Ему задавали вопросы, но он все время молчал и ничего не говорил. Тогда ему переводчик говорит: «Это же серьезное дело, вас же могут и расстрелять». А он в ответ только процедил пренебрежительно: «Мне наплевать на смерть…»

А уже в конце 42-го я видел, что это уже совершенно не те немцы… Было видно, что призваны из запаса, жалкий вид, сопливые, дайте ему поесть… Как-то раз на допросе пленный немец начал мне показывать, что он ранен в ноги, и слезливо просил отправить его в госпиталь. Видел я много пленных и на Курской дуге, но это уже были совершенно не те немцы. Но вот я сейчас вспоминаю и сам поражаюсь. Вроде бы шла страшная война, мы действительно ненавидели немцев, а от ненависти до зарождения какой-то симпатии был едва ли не шаг.

Например, я же вам рассказывал про случай, когда видел, как штрафной батальон пошел в разведку боем, а им навстречу вышли эсэсовцы. Так мне потом пришлось присутствовать при допросе одного из плененных эсэсовцев, и он едва ли не с восторгом рассказывал, как в этой рукопашной их крушил противотанковым ружьем какой-то младший лейтенант. И этот эсэсовец произвел на меня впечатление просто очень общительного человека, и все. Я даже подумал, что с ним вполне можно как с приятелем запросто поговорить.

И даже такой эпизод вам расскажу. Уже где-то в Белоруссии пехота взяла в плен пять немцев, но их передали мне, потому что у них совершенно негде было их держать. А там как раз была такая обстановка, что я не мог отправить их в тыл. Поэтому недели две они прожили в расположении моего учебного дивизиона. И что вы думаете? Они с моими солдатами вроде даже как подружились, и никто к ним никакой агрессии не проявлял… А уж как они были рады тому, что война для них уже закончилась.

Вот в то время я к ним внимательно и присмотрелся. Было заметно, что они и ментально и где-то даже в физическом плане отличаются от наших людей. Но мне что особенно бросилось в глаза? Как раз в это время у меня на батарее жил немец, военнопленный, из организации «Новая Германия», который по громкоговорителю агитировал немецких солдат сдаваться в плен. Причем он получал такой же офицерский паек с кухни штаба дивизии, как и я.

И вот я тогда видел такую картину, которая, думаю, для нас была бы невозможной. Сидит за столом этот пропагандист с двумя пленными, вместе обедают и разговаривают между собой на немецком. Кстати, я тогда еще спросил этого переводчика, почему пленные очень плохо понимают мой немецкий, ведь в школе я его вроде неплохо изучал. А он мне объяснил, что я говорю слишком книжным языком, к тому же у них много разных диалектов.

Я даже помню, что один из этих пленных был шахтер, другой бухгалтер, а третий был театральным художником и до войны жил в Буэнос-Айресе. Но когда началась тотальная мобилизация, его призвали в армию и отправили на фронт. И вот сидят, значит, эти два интеллигента, разговаривают, но что мне бросилось в глаза. Пленным как солдатам принесли котелок солдатской каши, а пропагандисту пюре и даже пару сосисок. И что бы сделал наш человек в такой ситуации? Предложил бы угостить, а этот нет. И я потом даже спросил его, он неплохо знал русский язык: «Ну как же так? Вы постоянно встречаетесь, разговариваете, а ты ему даже ничего не предложил». Он улыбнулся и говорит: «Э-э-э, капитан, вы просто не знаете немцев. Пусть хоть и маленькое, но зато свое».

Так что наша ненависть к немцам на пленных вообще не переносилась. Я помню только один такой случай. Как-то мимо нас вели колонну немецких пленных, и один из немцев в соломенных лаптях все время отставал. Конвоиру, видно, уже надоело его подгонять, поэтому он снял ремень, отхлестал немца, и тот побежал догонять своих.

Правда, под Сталинградом однажды я слышал про такой случай, что по какой-то причине пленные немцы восстали. Колонна немцев рассыпалась, похватали оружие, там его валялось до черта, и начали расстреливать конвоиров.

Но еще что я хочу сказать про немцев. Что эта их знаменитая формальность их же самих часто и подводила. Всю войну я обращал внимание, что тактика у них была и оставалась довольно однообразной и весьма шаблонной. Вначале шла артподготовка с авиационными налетами, и только потом пехота идет в атаку. Правда, если в первое время меня эта их стройная система где-то даже подкупала, то потом мы поняли, что если сумеем сохранить силы, а для этого во время артподготовки отходили во вторую линию окопов, или просто прятались кто куда, то вполне сможем отбить их атаки.

Особенно эту систему я под Харьковом хорошо наблюдал. Вначале артподготовка с авианалетом, затем они переносятся на наши тылы, чтобы мы не могли подтянуть резервы, и так из раза в раз. Но, изучив эту манеру, мы поняли, что, зная, что они будут делать дальше, вполне возможно предпринять какие-то контрмеры.

Или, например, в том же бою у Герцовки. Я почему вдруг почувствовал опасность? Потому что немцы неожиданно перестали освещать нейтралку, а они ведь всегда ее освещали. И это значит что? Или они отошли, или же, наоборот, готовят нам какую-то неприятность… И должен сказать, что за все время на фронте я как-то не помню, чтобы они в этом плане меня хоть раз удивили. Нет, все было достаточно предсказуемо и однообразно. Я помню, что даже удивился тому, как точно эту их прямолинейность подметил и описал Лев Толстой в «Войне и мире». Зато в этом отношении я всегда приятно удивлялся находчивости и смекалке наших солдат.

Но в целом, я считаю, что как солдаты они были хорошо подготовлены во всех смыслах. А как у них было налажено снабжение! Ведь у каждого солдата было все необходимое, начиная от масленки и вплоть до презервативов.

И особенно бросалось в глаза, как они строили и оборудовали себе жилые помещения. Например, под Сталинградом в одном из оврагов, в землянке я видел, даже не поверите… рояль. Не пианино, а именно рояль! Наверное, это была генеральская землянка, но все же. Двухкомнатная, стенки отделаны березовыми планочками, причем с корой и мебель: трюмо, шкаф, обычная койка – и рояль. В общем, все как в хорошей городской квартире.

Но все-таки надо отметить, что в своей массе вражеские

войска были достаточно разнородны. Ну как можно, допустим, сравнивать немцев 41-42-го годов или эсэсовцев с теми же итальянцами? В том случае, когда я вам рассказывал, что мы заняли круговую оборону и думали, что напротив нас стоят власовцы, а это оказались итальянцы. И они потом так драпанули, что мы их только через 60 километров догнали… Но, с другой стороны, взять тех же финнов. И ведь сильно голодали, но вот все равно не сдавались.

– А как вы можете оценить немцев как артиллеристов?

– Я помню такую деталь, что немцы в отличие от нас всегда стреляли залпами. Но ведь между залпами есть какой-то промежуток времени, когда можно сориентироваться и что-то предпринять. Зато у нас была практика вести беглый огонь, для них это было странно, поэтому они часто просто терялись. И мне кажется, что наш метод лучше.

– А себя как минометчика можете оценить?

– Ну это другие люди должны меня оценивать, а не я сам. Но я могу вам сказать, что командиры батальонов нашего полка для усиления всегда просили прислать именно мою батарею, особенно после того случая, когда мы заняли круговую оборону и отстояли брошенные пехотой позиции. Но мне, конечно, значительно помогало мое образование и то, что я хорошо знал тригонометрию, в артиллерии это очень важно. Приведу вам простой пример.

До меня батареей командовал старший лейтенант с шестью классами образования. Так когда я принял батарею, то солдаты даже не умели правильно строить веер. Устанавливали веху, шагами мерили и вносили поправки в прицел. Поэтому первое, с чего я начал, и бойцы это приняли с восторгом, научил их строить веер через основное орудие и прицел. И когда я всех наводчиков этому обучил, то они мне сказали: «Это же так просто, оказывается».

Я понимал важность образования и именно поэтому всегда старался подбирать себе пополнение из молодых ребят с образованием. Например, на Курской дуге нам прислали много узбеков, но мне удалось выбрать человек десять, восемь из которых были молодые ребята, окончившие десять классов. Все они были грамотные ребята, которыми я был доволен. Недаром говорят, что войну выиграли молодежь и десятиклассники, в частности, все-таки образование очень многое значит.

А так я никогда не считал, что делаю что-то особенное. В передовой траншее мне оборудовали НП, проводили туда связь, и

я почти всегда там находился и корректировал огонь батареи. Причем если телефонисты у меня часто менялись, чтобы отдохнуть, то меня лишь изредка подменял командир взвода управления.

И фактически я все время занимался своей повседневной, рутинной работой – засечь цель у немцев и накрыть ее. Как-то, например, у села Дмитриевка на нашем участке объявился немецкий снайпер и просто житья нам не давал. Где-то неделю мы его выслеживали, потому что он очень хорошо маскировался, но потом все же проявил неосторожность. На солнце у него блеснула оптика, а мы как раз наблюдали за этим местом, потому что так и предполагали, что он примерно там прячется. Я пристрелял одинокое дерево метров в двухстах от этого места, довернул прицел, и тремя минами мы накрыли этого снайпера. И больше по нам уже никто не стрелял…

– А вообще немецкие снайперы часто досаждали?

– Постоянно надо было быть начеку. А одно время у меня на пилотке была такая специальная вуаль защитного цвета с прорезями для глаз.

– В должности командира минометной батареи вы провоевали больше года. Разве вас не должны были повысить?

– Мне несколько раз предлагали стать командиром стрелкового батальона. Но если в своем деле я хорошо разбирался и чувствовал себя как рыба в воде, то вы, например, только представьте себе структуру стрелкового батальона: роты, различные вспомогательные подразделения, обозы, санчасть, в общем, целый организм, чтобы управлять которым, нужно иметь определенную подготовку. Правда, мне ПНШ командира полка всякий раз говорил: «По ходу разберешься и научишься». Но я каждый раз отказывался, потому что ясно понимал, что кроме этих курсов у меня другой подготовки не было. А вот когда из-за больших потерь мне предложили организовать этот учебный дивизион, то я с радостью согласился.

– Вот вы упомянули, что у вас в батарее служили узбеки. Вообще с людьми каких национальностей вам довелось воевать вместе?

– Самыми разными, но в основном у меня были славяне: русские, москвичей помню, украинцы были. Кстати, на Курской дуге у меня была усиленная батарея – шесть минометов, а так обычно четыре. Но тогда в полку были настолько большие потери, что всех кого можно забрали в пехоту, пожилых забрали в обоз,

причем я помню, что с такой неохотой расставался с этими пожилыми солдатами. А с одним расчетом вышло так.

Шел дождь, и во время беглого огня заряжающий бросил в ствол мину и когда нагнулся за второй, то плащ-палаткой нечаянно накрыл ствол, а взрыватель же у мины очень чувствительный, поэтому мина при вылете из него разорвалась… Весь расчет, конечно, погиб. Я потом ходил смотреть, ствол миномета был как цветок, так его при взрыве раскурочило… Но больше у нас таких случаев не было.

И вот тогда мне как раз и прислали этих узбеков. Я сразу постарался их почаще задействовать, например, в кочующем расчете, чтобы они побыстрее втянулись в боевую работу. Конечно, они сильно выделялись на общем фоне. Ведь, например, из них было двое пожилых, так те даже по-русски почти не разговаривали.

– Некоторые ветераны рассказывают, что к нацменам было несколько пренебрежительное отношение.

– Нет, ни отрицательным, ни пренебрежительным я бы его не назвал, а скорее особым. Но это ведь и вполне понятно, потому что люди совсем другой культуры, зачастую малограмотные, плохо владели русским языком.

– А евреев, например, вы встречали на фронте?

– Насчет евреев я вам так скажу. Так же, как и к людям всех других национальностей, я всегда относился к ним с большим уважением, но до войны на Урале их было очень мало, фактически единицы. Например, у нас во всей школе было всего несколько евреев, и никто и никогда их не выделял. Они были точно такие же ребята, как и все остальные. Так же дрались, так же проказничали, в общем, были как все.

Кстати, в детстве у меня был такой забавный случай. Когда моего отца перевели на работу из Кунгура в Свердловск, то естественно, что нас он взял с собой. А мой дядя работал на «Уралмаше», и когда мы только переехали, то он сразу провел со мной примерно такую беседу: «Ты здесь смотри, у нас тут ребята совсем не такие, как у вас в Кунгуре. Тут надо держать ухо востро». В общем, настропалил он меня порядочно, поэтому я уже был настороже.

И в первый же день в новой школе, когда на уроке физкультуры я встал в строй, ко мне подошел самый большой мальчик в классе, как потом оказалось, еврей, Шнеерсон, кажется, была его фамилия: «Ты не по росту встал», и вытолкнул меня в конец строя. А я смотрю, что вроде встал как раз по росту.

Учительница нас еще спросила: «Ну что, разобрались?» – и на этом все и закончилось. А на перемене Ефроим, но мы его называли Фромка, подходит ко мне: «Ты что?» В смысле того, что не слушаюсь его, и дал мне тумака. И я тогда подумал: «Ну если так пойдет и дальше, то меня тут совсем затюкают». И когда он на перемене с другими ребятами курил в туалете, я разбежался и с разбега дал ему головой в живот. Он согнулся, заплакал. Но об этом стало известно директору школы, отца вызвали и сказали ему: «Ваш сын – самый хулиганистый мальчик в школе…» Вот так курьезно произошло мое знакомство с евреями.

Зато за все время на фронте, сколько я ни был, но на передовой евреев почти не встречал. Да и вообще, в армии за все время войны я их видел едва ли не считаные разы. Пальцев одной руки хватит, чтобы перечислить все эти случаи.

Первый раз это было еще в 175-й дивизии, там у нас заместителем командира по материальному обеспечению был майор Тульчинский. И когда наша дивизия при отступлении оказалась в тяжелейшем положении, то ему поручили увести в тыл остатки дивизионного транспорта. Но он его так увел, фактически потерялся, что мы его еле-еле догнали только в Урюпинске. И когда мы туда все-таки добрались, то увидели, как он там себя вел: постоянные пьянки, оргии с женщинами, вольное распоряжение продуктами…

Потом помню, как-то получили с пополнением одного еврея, который оказался сапожником. Правда, прослужил он у меня в батарее совсем недолго, был такой услужливый, как раз он мне и пошил те отличные сапоги из плащ-палатки, причем сам вызвался, я его и не просил. И вдруг я получил приказ откомандировать его в штаб полка. Как оказалось, его назначили ординарцем у начфина нашего полка, который тоже был евреем.

Был еще один памятный случай где-то за Орлом. Мы тогда быстро наступали, двигались только по ночам, но обозы сильно отстали, никакого питания нет… Тогда в полевых кухнях пришлось готовить болтушку из воды с мукой… Изнемогли абсолютно все люди, а лошади даже не могли тащить эти кухни…

И в одном месте нам устроили на час привал. Я зашел в дом и встретился с одним парнем, с которым познакомился еще в Тюмени. Он тоже был еврей и служил как раз на моем месте, т. е. был секретарем военного трибунала. И вы бы только видели, как он меня уговаривал перейти на работу в трибунал: «Вы же знаете нашу работу. Давайте мы это как-то устроим, а то вы тут так мучаетесь…»

Конечно, шансов на то, чтобы выжить, в трибунале было гораздо больше, все-таки это даже не второй, а третий эшелон. И

я сейчас вспоминаю, что там люди боялись только бомбежки, фактически других опасностей для жизни там и не было. Но я для себя такое развитие событий исключал просто категорически. Как это я, боевой офицер, командир подразделения, вдруг перейду на тыловую службу? Ведь я же еще когда служил в трибунале, то очень тяготился этим моментом, но если бы не военное время и не приказной порядок, то по собственной инициативе я бы там никогда служить не стал. А эта писанина, которую я просто ненавидел…

И был еще один памятный для меня случай. Когда я из окружения попал в Штаб фронта в Сталинград, то возле вокзала ко мне буквально прицепился пожилой еврей, как оказалось, фотограф. Мне было совсем не до фотографирования, но он так меня по-доброму уговаривал, что я все-таки решился сфотографироваться. «Ты же понимаешь, лейтенант, что ты пошлешь фотографию своей маме, и как она обрадуется». И я до сих пор ему благодарен, что он меня тогда уговорил, вот эта фотография.

– Тут на обороте есть какая-то надпись.

– Я когда ее послал родителям, подписал:

«Папе от крошки,

(Папа меня очень любил, и всегда называл меня «крошка». Даже когда я вернулся после последнего ранения, то он перед сном меня целовал и говорил: «Спи, крошка».)

Маме от ослопины долгой».

(А мама меня из-за моей любви к гимнастике называла «ослопина долгая», ну, типа, жердь.)

«Спросит мама:
Где ты подевался,
Где изволил пропадать?
Я за Родину сражался,
Защищал тебя, родная мать».

А это слова песни из какого-то довоенного фильма.

И вот, кстати, вспомнил еще один случай. Начальником полевой кассы в 175-й дивизии тоже был еврей. Причем внешне он был абсолютной копией еврея с немецкой листовки. На этих листовках вверху был изображен Сталин, а под ним такой ярко выраженный тип еврея и надпись: «Сталин управляет, а жиды загребают». Небольшого роста, с таким носом, ну просто копия.

Так, когда мне поручили вынести пакет из окружения, то он попросился в мою группу. Конечно, он понимал, что в плен ему

никак нельзя, поэтому и попросился. Но ему было уже лет сорок пять, нашего темпа он не выдерживал, и едва ли не на первом привале он от нас отстал: «Ребята, извините, но я с вами больше не смогу идти». А с нами пошел еще один старик с Урала, вестовой из штаба. Стариком его называю условно, потому что ему было лет пятьдесят, наверное, и я знал, что в Гражданскую он воевал в партизанах, а на фронт попросился добровольцем. И вот он тоже решил остаться с этим евреем. Я помню, как при прощании он говорил: «Видимо, нам придется переодеться в гражданское». И я еще подумал тогда: «Ты-то, может, и сойдешь за местного, а этому-то куда? Трудно ему будет». Мы попрощались, ушли, и больше я их никогда не видел и об их судьбе ничего не знаю.

Но что я еще хочу сказать по этому вопросу. Я когда вернулся из госпиталя домой в Свердловск, то просто поразился, насколько нехорошие разговоры ходили про евреев. Ведь до войны на Урале даже и намека никакого на антисемитизм не было, никто и никогда о них плохо не отзывался, и тут вдруг такое…

Я стал спрашивать, отчего так произошло, и мне рассказали, что еще в начале войны в город приехало много эвакуированных евреев. Причем у них откуда-то были большие деньги, и из-за них сразу взлетели цены. Кроме того, они не просто приехали, а приехали уже на конкретные предприятия с назначениями на высокие должности, и это вызвало недовольство. Народ стал на них коситься, а потом пошли эти разговоры, что евреи тянут друг друга, откуда у них такие деньги, почему они заняли все руководящие должности?..

Например, на фабрику, где работал мой отец, приехал один еврей из Харькова, и его сразу назначили главным механиком фабрики, хотя у него не было даже специального образования, а ведь это инженерная должность. И это ведь еще при том, что лучших специалистов по брони оставили работать на фабрике, и тут вдруг совершенно незаслуженно над ними назначили кого-то из этих приезжих… Конечно, это вызывало у людей совершенно определенные эмоции…

И потом мне родители рассказали еще одну неприятную историю. Коммерческим директором на обувной фабрике отца был еврей Золотовицкий. А я его хорошо помнил, потому что он был членом партии, политруком запаса, и еще, когда я проходил в военкомате медкомиссию для поступления в училище, то он перед нами прямо такую зажигательную речь произнес.

И вдруг я узнаю, что он сумел получить бронь и на фронт не пошел. Но мало того. Во время войны он с директором фабрики Касавиным, тоже, кстати, евреем, организовал группу, которая

путем махинаций наживалась на армейских поставках, и, не стесняясь людей, построил себе новый дом…

Но их, правда, все-таки посадили, и Касавин даже умер в тюрьме, а вот этого самого Золотовицкого я потом случайно встретил на трамвайной остановке, как раз сразу после того, как он освободился. Он меня узнал, протянул руку: «Поздравляю с возвращением». Но я на его приветствие не ответил, так вы бы посмотрели, какой у него был вид…

А вообще когда я вернулся с фронта, то мне бросилось в глаза, что многие люди за годы войны заметно нажились… Уж не знаю как, но, видно, сумели найти тепленькое местечко… Только тогда я начал понимать, что творилось в тылу. Точно говорят, кому война, а кому мать родна…

– А вот, допустим, все ваши одноклассники воевали? Или, может быть, кто-то нашел себе тепленькое местечко?

– У нас класс был небольшой, и почти все ребята воевали, кроме двоих. У одного из них отец был ректором горного института, а другой, Прохоров, не знаю почему, хотя знаю, что он потом служил военным атташе в одной из скандинавских стран. И я помню, как в нашем разговоре сестра Анвара Нигматулина с такой обидой об этом сказала: «У нас все мальчики кто погиб, кто поранен, а эти даже не воевали…» Но я судьбы всех наших ребят даже не знаю, лишь про некоторых точно знаю, что погибли, но не про всех, поэтому мне сложно говорить.

– А вот на фронте вам приходилось видеть откровенные случаи трусости?

– Приходилось, да еще как приходилось, но надо понимать, что трусость трусости рознь. Вот, например, на Курской дуге был такой эпизод.

Моя батарея стояла в каком-то овраге, перед нами предполье, засеянное подсолнечником, а дальше была опушка леса, по ней дорога, по которой курсировали немецкие бронемашины. Это было, кстати, именно на том участке, где так нелепо погиб наш командир полка. И меня предупредили, что перед нами пехоту сняли для замены, на их место пришлют какую-то часть с Дальнего Востока, и только потом уже сменят нас.

Стоял жаркий день, и вдруг я слышу, в этом подсолнечнике началась ожесточенная перестрелка, а потом из него стали выбегать пехотинцы. А что такое солдаты побежали? Значит, противник нас может легко опрокинуть, и тогда как минимум мы потеряем материальную часть. И выбор в этом случае совсем небогатый: или немцы нас убьют, или свои расстреляют за

трусость и бегство…

Прекрасно понимая это, я выскочил, выхватил пистолет, побежал им навстречу и начал кричать: «Ложись, ложись!» Они залегли, а я думаю, чего это они так сильно испугались, если там кроме бронемашин вдали никого нет? Отругал их и отправил обратно на исходные.

А вечером ко мне вдруг приходит от них подполковник и начинает извиняться: «Извините, мы просто первый день на фронте и еще не сориентировались. Но я уверен, что этот урок непременно пойдет нам на пользу, и больше такого не повторится. Спасибо вам». Оказалось, что он был вместе с солдатами, и это над его головой я стрелял и кричал «ложись»…

Вот, пожалуйста, вам пример трусости. Но разве тут поднимется рука кинуть камень в их огород? Нет, потому что понятно, что люди совсем без опыта впервые оказались на передовой. Правда, это был единственный раз за всю войну, когда мне пришлось так жестко приводить людей в чувство.

Но я вам хочу рассказать о случае, который наряду с эпизодом с той женщиной на хуторе оказал на меня огромное впечатление и после которого я пересмотрел некоторые вещи.

Это был один из тяжелых боев на Курской дуге, и во время него у меня пропала связь. Причем бой был настолько тяжелый и напряженный, что я до сих пор отлично помню свое ощущение, что к концу дня я был бы рад, если бы меня ранило или убило… Ну просто настолько уже были напряжены нервы, к тому же стояла сильная жара, питания нет… Наши окопы были на высотке, все подступы к которой простреливались немцами. Но к вечеру один боец с батареи ко мне все-таки прополз и принес мне котелок с едой. Я сел в ровик и с жадностью начал есть, а мой боец у меня над головой начал стрелять по немцам из трофейной винтовки. И вдруг я почувствовал сильный удар по голове, меня даже оглушило на какое-то время, но я еще успел подумать: «Ну все, наконец-то ранило…» А когда пришел в себя, то понял, в чем дело. Оказывается, этот солдат получил ранение в руку и прикладом своей винтовки ударил меня по голове.

Так вот, возвращаясь к нашему случаю. Я послал своего связиста устранить обрыв, выждал минут пять, но так как связи все не было, то решил сам пойти найти обрыв и устранить его. Побежал по проводу, смотрю, а мой связист в воронке лежит… Я на него с криком, а он только растерянно смотрел на меня. Но мы с ним вместе нашли обрыв, устранили его, и дальше все прошло нормально.

А вечером я ему сказал примерно так: «Знаешь что, а я ведь тебя под трибунал должен отдать, ты ведь чуть операцию не

сорвал». Он сидел с виноватым видом и потом спрашивает: «Товарищ комбат, сколько вам лет?» – «Какое это имеет значение?» – «Нет, вы скажите». – «Двадцать четыре». – «А мне сорок шесть, и у меня трое детей. И вот на днях я получил письмо из дома. Жена продала последнюю козу и пишет, что если проедим и эти деньги, то не знаю, чем придется кормить детей. Тут я, конечно, поступил неправильно, но я хочу вернуться домой живым…»

И вы знаете, у меня всякая враждебность к нему как-то сразу пропала. Фактически этот связист преподал мне такой жизненный урок, после которого я совсем другими глазами стал смотреть на солдат, особенно пожилых. Узнавал, у кого какая семья, в общем, сильно изменил свое отношение.

– С одной стороны – это, конечно, хорошо, но ведь с другой, наверное, так тяжелее командовать, ведь вам приходилось людей на опасные задания посылать.

– Нет, в боевой обстановке, когда нужно срочно принимать решение, то на такие нюансы внимания просто нет времени обращать.

– А этот солдат остался жив, не знаете?

– Не знаю, потому что в один момент у меня забрали всех пожилых солдат в обоз.

– А вот вас самого животное чувство страха никогда не захлестывало?

– Насколько я помню, такое было всего два раза за всю войну. Первый раз, это когда меня в окружении вдруг внезапно атаковал немецкий истребитель, я вам уже рассказывал об этом. Тогда действительно я в полной мере почувствовал, что такое чувство беспомощности и страх…

И был еще один раз, когда меня прямо холодный пот прошиб. Об этом я вам тоже рассказывал, когда при выходе из окружения в одном доме долго не мог обуться. Помню, хозяйка украинка меня будит: «Молодший, нимцы». А я все еще никак ото сна не отойду, к тому же никак не могу обуться, ведь все сырое, а она меня торопит… И вот когда нас тогда преследовали, то такой прямо панический страх был… Но я думаю, что оба этих раза я так сильно «прочувствовал» из-за того, что это произошло уж как-то все слишком неожиданно для меня.

Но зато у меня был случай, когда уже я напугал немца. Когда под Ахтыркой мы попали в окружение, то в одном месте я вышел на дорогу, потому что надеялся, что мне все-таки дадут связь.

Дорога проходила через лес, где никого вроде не было. Я зашел обратно в лес, и потом, кстати, удалось выяснить, что нас предал лесник. У него в подвале нашли телефон, по которому он передавал немцам наши координаты, но особисты его вычислили и арестовали. Так вот. Вышел я опять на дорогу, смотрю, а прямо на меня идет немец, причем здоровенный такой мужик. Но он тоже увидел меня, присел и даже закричал от страха. А я тоже немного растерялся и пока рвал кобуру, она у меня была очень тугая, он успел убежать.

– А было что-то такое, чего вы боялись больше смерти?

– Как и многие, больше смерти я боялся плена и тяжелого ранения, вернее, беспомощного состояния из-за ранения.

– Многие ветераны рассказывают, что на фронте многие солдаты как-то предчувствуют, что их ранят или убьют. Вас лично такие предчувствия не посещали?

– Думаю, что у человека все-таки есть интуиция на какие-то вещи. Вот я вам расскажу, например, как меня ранило в последний раз.

Где-то в районе Витебска мы готовились к наступлению. Двигались походной колонной, а стоял конец февраля, и по ночам было холодно, а я к тому же ехал верхом и сильно промерз. Приехали на место, где должны были располагаться, развернули палатку, и я лег у печки, чтобы хоть немного отогреться. Но в тот раз я хоть и чувствовал себя смертельно уставшим, но вот почему-то никак не мог заснуть. Почему-то думал, успели ли там мои бойцы развернуть наблюдательный пункт, проложить связь? Ворочался-ворочался, и, думаю, нет. Все-таки нужно пойти самому проверить, потому что утром должно было быть наступление, и моя батарея должна была участвовать в артподготовке.

Взял с собой ординарца, мы пошли на НП и вдруг с опушки леса, про которую разведчики нам сказали, что немцев там нет, по нам начал стрелять немецкий пулемет. Это, кстати, тоже к вопросу о неоправданных потерях. Ведь если бы я только знал, что на опушке есть немцы, то действовал бы совершенно по-другому, но ведь разведчики сказали, что на опушке никого нет. Так что такие потери случались и по объективным причинам.

В общем, моего ординарца ранило в бедро. Я с него стащил ватные штаны, кое-как рану перетянул, и как раз в этот момент меня и тюкнуло… Как потом мне рассказали, это был бризантный снаряд, который разорвался прямо над нами, и осколок мне попал в левую верхнюю часть головы…

Но что интересно. Где-то в семидесятых годах у нас была встреча ветеранов дивизии в Москве. Мы сидели в каком-то ресторане, и в разговоре вдруг один человек упомянул мою фамилию и говорит: «Вот я бы хотел его найти, но говорят, что он погиб при прямом попадании в палатку». Я к нему подошел: «Вот вы упомянули мою фамилию, это я». – «Да как же так, мне сказали, что в палатке все погибли…» Вот так я узнал, что по счастливой случайности остался жив, хоть и был тяжело ранен. А все, кто оставался в палатке, человек пять или шесть, погибли при прямом попадании…

И я вам так скажу. Я был трижды ранен, и все три раза перед ранением я ощущал какое-то такое чувство сильного внутреннего беспокойства и беды, хотя вроде бы и ничем не объяснимого…

– Но вот вы, например, верили, что останетесь живым, что вернетесь домой? Может, мечтали о том, чем займетесь после войны? Верили в судьбу, например, или в Бога?

– Уверенности такой, конечно, у меня не было, но была надежда. И вот я когда иногда оцениваю весь мой путь, причем не только на войне, а вообще по жизни, то у меня создается такое впечатление, что меня действительно как будто кто-то вел и охранял. Все-таки судьба, наверное, ведь сколько было разных случаев… Как, например, так удачно получилось, что у меня в руках тогда оказалась ракетница. Я ведь точно знаю, что в том положении я бы кобуру открыть не смог, она у меня была очень тугая, а так… Или взять, например, тот случай с шахматами. Мы же совсем рядом сидели, каких-то полметра, оба склонились над доской, но осколок достался ему, а не мне…

– Вы этот случай не рассказывали.

– Как-то я находился на своем НП на передовой, было затишье, поэтому мы с командиром роты прямо в окопе решили сыграть в шахматы. И хотя мы были с ним знакомы всего пару дней, но успели даже подружиться. Очень такой симпатичный парень был, то ли Силяков, то ли Силуков откуда-то из республики Марий Эл.

Прямо там в окопе положили доску на ящик из-под патронов, играем, и вдруг внезапный артналет, немцы такое часто практиковали, да и мы потом тоже. И этому парню осколком срезало верхнюю часть головы, причем вся масса мозга упала прямо на шахматную доску… С тех пор я в шахматы не играл ни разу, потому что когда вижу шахматную доску, то у меня перед глазами сразу всплывает эта ужасная картина…

Вообще я вам должен сказать, что дружба на войне – это

очень сиюминутная вещь. Особенно в пехоте, где век солдата совсем недолог, поэтому люди просто не успевали сильно подружиться. Но даже смерть близких тебе людей воспринималась совсем не как в мирное время, а просто как данность. Ведь когда почти каждый день видишь смерть людей, то острота переживаний заметно притупляется… И даже, например, когда я убил того немецкого лейтенанта, то вначале как-то нехорошо это все воспринял, что, мол, это я причина его смерти… А потом это прошло, ведь кругом смерть…

– Говорят, что многие солдаты на фронте пересмотрели свое отношение к религии.

– Нет, в Бога я даже на фронте верить не стал. Причем я даже не помню ни одного случая за всю войну, когда бы кто-то из солдат или офицеров как-то показывал свою набожность или хотя бы молился. Мы и не говорили об этом, все-таки нас воспитывали как атеистов. У меня и крестика не было, и я не верил во все эти вещи, хотя, конечно, был крещеный, просто семья у нас была не религиозная.

Единственное, что помню, в одном месте мы переночевали в одной хате, а когда утром уходили, то вышла хозяйка, женщина лет пятидесяти, и перекрестила нас на прощание.

Нет, был еще один эпизод. Когда меня второй раз ранило, то нашу часть отправили грузиться на станции Котлубань, поэтому, чтобы не отстать от своих, я решил остаться в батарее. Даже в санбате тогда не лежал, а долечивался прямо в пути. Каждый день в вагоне меня перевязывали, но когда выгрузились, меня все-таки отправили недели на две в курский госпиталь. Тогда уже все таяло, у меня все бинты намокли, и температура подскочила до сорока градусов. Причем до Курска я километров двенадцать прошел, держась за повозку, потому что в повозке были тифозные, и в нее нельзя было лечь.

В госпитале я сразу прилег, но какой-то молоденький врач меня разбудил и начал меня стыдить за то, что у меня, офицера, шапка повернулась боком… Измерили мне температуру – 40, потом еще раз измерили, уже двумя градусниками – опять 40. Не знаю, может, у него какие-то подозрения насчет меня были.

А после госпиталя мне выдали назначение в другую часть, но я очень хотел вернуться именно в свою батарею, поэтому решил самостоятельно пробираться к своим. И вот тогда, в последнем месте, где мне пришлось ночевать, один старик мне начал рассказывать, что в Священном Писании сказано, что белый ворон победит черного ворона. А утром я проснулся, смотрю, наши ребята. Оказывается, в этом селе и стояла наша часть.

– А вы не задумывались на фронте, когда закончится война? Чем после нее будете заниматься?

– И разговоров таких не было, и даже не думали об этом. Может, те, кто перешел границу, уже и начали задумываться об этом, но меня ранило, когда до победы было еще очень далеко. И о послевоенной жизни на фронте лично я, например, совсем не думал и не мечтал даже. Тогда все жили только войной.

– Вот вы упомянули, что играли на передовой в шахматы, карты. А разве в карты, например, разрешалось играть?

– А кто там запретит? Причем солдаты постоянно где-то доставали отличные немецкие карты и ими играли. Но играли не для того, чтобы выиграть, а просто, чтобы скоротать время. Вот, кстати, вспомнился еще один случай.

В Сталинграде мы оказались в подвале магазина, где был КП Паулюса, едва ли не в тот же день, когда он сдался в плен. Причем солдаты тут же вскрыли сейфы, которые там были, и они оказались набитыми нашими советскими деньгами. И прямо тут же начали играть на них в карты. Что тут скажешь, славяне… Но вдруг раздался сильный взрыв, все всё побросали и кинулись оттуда. Но я знаю, что мой старшина тогда все-таки успел прихватить там сколько-то тысяч и отправил их домой.

– А как-то еще отдыхать удавалось? Может, музыканты у вас в батарее были?

– Нет, музыкантов у меня ни разу не было. А когда говорят, что на передовую приезжали фронтовые бригады, то у меня это всегда вызывает улыбку. Вот сколько я не был на фронте, но ни разу и близко не видел ни одной бригады артистов, дальше КП дивизии они ни-ни.

За все время на фронте я всего лишь один раз видел подобие концерта, это когда мы были на переформировке после тяжелейших боев на Курской дуге. Вот там действительно для нас устроили небольшой концерт. Помню, что тогда были какие-то сольные номера, и был один настоящий артист, который читал нам «Василия Теркина». Вот это был единственный раз за всю войну.

А кино я в войну впервые посмотрел уже только в ярославском госпитале. Там специально для лежачих по палатам ходил киномеханик и прямо на стенку показывал кино. Помню, что нам тогда показывали «Большой вальс».

Кстати, там в палате нас было человек шесть, и один из раненых был корреспондентом «Комсомольской правды», майор,

но фамилии его я уже не помню.

– Многие ветераны отмечают, что едва ли не острее опасности боев они переносили нехватку сна.

– Помню, что когда мы ночами двигались на Белгород, то отсыпаться должны были днем. Но все-таки днем и сон совсем не тот, да и заботы разные. И вот, помню, что колонна идет, а солдаты прямо на ходу спят и храпят. И если вдруг неожиданно останавливались, то задние наскакивали на впереди идущих…

А перед последним ранением я спал, когда ехал верхом на лошади. Было холодно, а сидя на лошади особо не двигаешься, вот меня и приморило. Ну а так, конечно, старались любую свободную минутку урвать, чтобы поспать. Я же вам рассказывал случай, когда с меня вдруг потребовали заполнить наградные листы, а я просто умирал, как хотел спать.

– А письма домой вы часто писали?

– Нет, писал я довольно редко, примерно одно письмо в два-три месяца. Во-первых, молодой был и не понимал, как это важно для моих родителей, а во-вторых, потому что и писать особо некогда было. Ведь бывало, что из-за напряженных боев я даже боевые донесения не мог вовремя отправить, а не то что домой письма писать. Наша 6-я Гвардейская армия считалась армией прорыва, поэтому мы без конца были в боях, и только на переформировании удавалось писать.

Иногда еще прямо на станциях к нам приходили девчонки и прямо в наш эшелон кидали письма, в которых предлагали переписываться. Я знал, что некоторые солдаты им писали, но я не писал.

– А приходилось получать из тыла посылки?

– Да, действительно, из тыла иногда приходили посылки от незнакомых людей. Обычно там были какие-то теплые вещи: носки, перчатки, нехитрое угощение. Но я в дележе этих подарков участия не принимал, считал, что эти знаки внимания для солдат значительно важнее.

– Вы упомянули про девушек, и у меня тогда такой вопрос. Какое отношение было к девушкам-фронтовичкам? Говорят, что к ППЖ, например, было не очень хорошее отношение. Вообще, насколько было распространено это явление?

– Думаю, что это зависело от культуры командира подразделения. Некоторые офицеры вели себя в этом отношении достойно, а некоторые нет. Вот тот же самый наш командир

полка, например, и в этом отношении был такой… Мог схватить едва ли не любую девушку и повести ее к себе.

Но, действительно, все знали, что, например, многие врачи и санинструкторы сожительствовали с командирами и многих по беременности отправили в тыл. Ну посмеивались, конечно, когда узнавали, что у нее есть с кем-то отношения. А про некоторых и разговоры ходили всякие, такая, мол, сякая. Но большинство не осуждало, люди понимали, что это ведь жизнь.

К тому же учтите, что на передовой ведь ежедневные опасности, и не знаешь, будешь ли ты жив завтра… Поэтому люди как могли старались урвать от жизни побольше радости. Помню, как-то в одном полуразрушенном сарае я видел два трупа. Девушка и парень накрылись плащ-палаткой, и так вместе и погибли во время артналета…

К тому же надо учесть, что на передовой в основном молодежь была, поэтому и симпатии, конечно, проявлялись. Помню, однажды во время переформирования мы получили пополнение, и напоследок командир полка решил организовать смотр. Устроили построение, произнесли какое-то напутствие, а когда пошли на передовую, то буквально каждую роту провожали по несколько девушек из медсанбата, даже за руки с солдатами держались. Все-таки человек остается человеком даже на войне.

И еще вдруг вспомнился единственный в своем роде случай. Как-то наша дивизионная разведка провела удачный поиск, и им в качестве поощрения разрешили пойти в увольнение к девушкам в полевую прачечную.

А по поводу негативного к ним отношения я вам могу рассказать такой случай. У меня была одна знакомая связистка. Она была совсем молодая девушка, 24-го года, сталинградка. И вдруг за что-то на нее взъелся ее командир взвода. Наверное, все-таки она не оправдала каких-то его определенных надежд, потому что потом я про него как о человеке слышал плохие отзывы.

И когда у нас однажды запланировали разведку боем, то пойти с наступающими он назначил именно ее… Но получилось так, что этот разговор состоялся при мне, и я видел, как она чуть не плача пыталась объяснить, что ей будет тяжело выполнить такое задание. А он ей говорил: «Ничего, ничего, голубушка. Привыкай, ты же солдат, а у меня других людей нет…»

Глядя на все это, я решил ее выручить и вместо нее отправил своего телефониста, а она осталась в расположении моей батареи. И хотя эта разведка боем по каким-то причинам не состоялась, но она была мне очень благодарна. Потом после войны она меня нашла, и мы с ней до самого последнего времени переписывались. Но, честно говоря, и у меня самого тогда просто

как камень с души упал, потому что я прекрасно понимал, какая бы на мне была моральная ответственность, если бы с моим связистом тогда что-нибудь случилось бы…

– Как кормили на фронте?

– Насчет питания я вам так скажу – это смотря какие бои. Если напряженные, то тут уже, конечно, и не до еды. К тому же надо сказать, что в этом отношении мне было тяжелее всего из всех бойцов моей батареи. Я ведь сам лично корректировал огонь, поэтому почти постоянно был на передовой. А бойцы на батарее обычно и питание вовремя получали, и сто граммов, и даже спали, если была такая возможность. Поэтому когда я возвращался в расположение батареи, то мои бойцы относились ко мне с большим сочувствием.

А в принципе снабжение было налажено нормально, и откровенный голод мне пришлось пережить, только когда я выходил из окружения, тогда пришлось фактически только зернами пшеницы питаться. И еще когда мы маршем шли на Курскую дугу. Все обозы отстали, поэтому какое-то время мы сидели только на болтушке из воды и муки… Вот тогда мы все действительно здорово оголодали.

Зато уже на самой Курской дуге мои солдаты даже отказывались получать питание с кухни. Мы стояли у села Коровино, и они там нашли ямы, в которых местное население хранило картошку и разные продукты. Но все местное население оттуда было эвакуировано, поэтому солдаты сами себе и готовили из этих продуктов. А наши узбеки разыскали яму с пшеницей, жарили ее, и их это так устраивало, что они вообще отказались от питания с нашей кухни.

А так у нас была самая обычная солдатская еда: каши, первое. Помню, как-то я пошел в запасной полк, чтобы набрать себе людей в учебный дивизион. И когда проходил мимо полевой кухни, то от нее так вкусно пахло вареной капустой, что мне вдруг так сильно ее захотелось. Я не удержался, попросил повара, и он меня угостил. И помню, что я тогда с таким аппетитом поел, все-таки приготовленное из свежих продуктов это гораздо лучше, чем любые консервы.

И только когда меня назначили командовать учебным дивизионом, то тут уже мне стали доступны просто немыслимые для фронта вещи. Я же вам рассказывал, что даже немцу в офицерском пайке принесли сосиски. Но это потому, что мой дивизион был в подчинении штаба дивизии, и снабжение тоже шло оттуда. И я еще помню, что в то время мой ординарец подружился с поваром командира дивизии и через него однажды

достал мне черный перец и горчицу – для фронта это просто немыслимое роскошество. Но я знаю, что в штабе дивизии можно было достать и какие-то сладости, и даже апельсины с лимонами.

– Но вы, например, на фронте о чем-то особом из еды не мечтали?

– Нет, об этом на войне я вообще не мечтал, мне как-то даже такие мысли не приходили в голову. Но пару случаев «праздника живота» я помню.

Я когда оказался в Сталинграде после выхода из окружения и сдал пакет в штаб армии, то меня вновь поставили на учет и выдали аттестат. Получил на складе продукты, и мне помимо всего остального выдали еще и «залом» – это такая большая и жирная каспийская селедка. Мне дали две штуки, обернули их в газету, но чтобы не перепачкать ими все, я понес их в руке.

Иду по городу, кстати, Сталинград до того, как в нем начались бои, мне понравился, красивый был город. А мимо на повозке проезжал какой-то мужик, увидел меня и говорит: «Парень, я за эту селедку могу отдать все арбузы», а у него в повозке их было штук двадцать или тридцать. Но куда мне столько? За одну селедку я взял у него всего один арбуз и полакомился им.

И был еще, например, случай, когда мы ехали из Сталинграда под Орел. Тогда мой писарь упросил меня отпустить его на три дня домой в Москву. И когда он вернулся, то привез с собой такие деликатесы, о которых за время войны мы успели позабыть: дорогую копченую рыбу, колбасы. Оказалось, что у него жена работала на каком-то складе. Ну, мы, конечно, устроили тогда небольшой пир.

– А трофейное пробовали?

– Пробовал, конечно. Под Сталинградом, кстати, прямо у моего блиндажа упал мешок с продуктами, которые немцы сбрасывали своим окруженным частям. Но в нем не было ничего особенного: галеты, шоколад и, правда, был такой хлеб, который прямо в котелке можно было согреть, и он становился пышным и вкусным.

– Многие ветераны хорошо вспоминают американские консервы.

– Лично я, например, был не в восторге от них. У них был какой-то особый, неприятный для меня привкус, поэтому я часто отдавал свою долю желающим. Вместо этого я просил старшину сделать мне картошку с луком, вот это был для меня настоящий

праздник.

– А соблюдалось правило не есть перед боем?

– Нет, во-первых, еда на передовой одно из немногих доступных удовольствий, а во-вторых, об этом просто не думали, потому что на самом деле никто заранее к смерти не готовился.

– А как было с одеждой, снаряжением?

– Вроде нормально. Помню, что зимой я носил полушубок и меховой жилет, а летом обычную гимнастерку. И вот что я еще вспомнил. Представьте себе, за все время на фронте каску я не надевал ни разу. Ни разу! Почему-то у нас никто на этом не настаивал, а вот в тылу пришлось. У нас в трибунале был приказ, что из расположения выходить только в каске. И как-то я пошел в одну часть, так там даже испугались, когда увидели меня в каске.

– Вшивость сильная была?

– Бывало, что да. Помню, как-то лежим с ординарцем, а то ли зима была, то ли поздняя осень, но одеты уже были тепло. Лежим рядом, и вдруг он говорит: «Вот пошла опять… Ну не сидится ей на месте…» А я вначале даже не понял, о чем это он: «Одна вошь меня просто измучила, то на плече, то на пояснице…» А под Сталинградом была такая сильная вшивость, что я прямо охотился за немецким шелковым бельем, потому что настолько мучительно это все переносил.

И там же у меня был один курьезный случай, можно даже сказать, анекдотический. Уже после завершения боев я лежал в блиндаже, но все никак не мог заснуть. Стояла настолько непривычная для фронта какая-то гнетущая тишина, от которой действительно можно было оглохнуть. Буквально ни единого выстрела, ни разрыва снаряда или мины.

И вдруг раздалась автоматная очередь, одна, вторая, и я мгновенно заснул. А утром мне рассказали, что один из моих солдат, измученный вшами, скинул нижнюю рубаху и стал ее расстреливать из автомата… Все, конечно, посмеялись, а я его даже поблагодарил: «Спасибо, браток, а то бы я так и не заснул».

И с вшами у меня, кстати, есть еще одна история, которая произвела на меня весьма гнетущее впечатление. Как-то еще в 42-м году мы пошли помыться в банный поезд, я уже и не помню, где это было. Нас там всех обрили, помыли, прожарили нашу одежду, и мы получили долгожданное облегчение. Но во время помывки в этом поезде меня просто поразила одна картина.

Там вместе с нами оказался один парень, причем уже достаточно взрослый, лет 23–24, так у него на голове вши просто

кишели… И я его даже спросил: «Как же ты умудрился довести себя до такого состояния?» – «Так ведь все равно умирать…». Но, что меня особенно поразило, что он оказался учителем… И вот эта картина произвела на меня очень тяжелое впечатление, что человек сам себя уже заранее похоронил… Но я вообще успел заметить, что на фронте гораздо лучше приспосабливались спортивные ребята, а всякие маменькины сынки наоборот.

– А бывали конфликты между солдатами? Могло, например, такое быть, чтобы в спину друг другу стреляли? Вообще, как было с дисциплиной?

– Лично мне с подобными случаями сталкиваться не приходилось, но я думаю, что такое вполне могло быть и, наверное, было. Потому что в армию попадали совершенно разные люди, да и многие командиры-самодуры откровенно побаивались выстрела в спину. Я считаю, что на фронте в этом отношении офицеру надо быть очень аккуратным, ведь кругом все вооружены… Однажды мне как-то знакомый командир роты признался, что остерегается одного бойца, хотя он просто требовал с него так же, как и со всех остальных. Но тот солдат был прежде судимый, нахалистый такой. А потом пойди разбери, кто кого в бою застрелил…

И между собой солдаты могли подраться, но не сильно, так, кто-то влепит кому-то оплеуху, и все. А поводы для этого могли быть самые разные. Например, кто-то сказал что-то обидное в разговоре, а другой из-за этого психанул, но таким эксцессам особого внимания не придавалось.

Я считаю, что там, где в составе подразделения преобладали люди со средним образованием, то это многое значило. К тому же у нас была сильная комсомольская организация, а старшина и еще пара человек в годах были коммунистами, так что у нас в отношении дисциплины был порядок.

Но был еще один такой важнейший момент, который необходимо учитывать. У нас, минометчиков, потери по сравнению с пехотой были просто несравнимы, поэтому все солдаты за свои места держались и не хотели, чтобы их выгнали с батареи и отправили в пехоту.

– А вот к вам солдаты как обращались? Не было проблемы панибратства?

– Никакого панибратства не было, меня солдаты называли только по званию, товарищ гвардии капитан или товарищ комбат. А я их по фамилиям, хотя ординарца обычно мог звать просто по имени.

Вот только одно время у меня был один командир взвода, у которого я замечал такие моменты, но надо сказать, что как раз со стороны солдат к нему и было соответствующее отношение и уважением у них он не пользовался.

Вот вспомнился еще такой случай. Это было уже где-то на 1-м Прибалтийском фронте. Было слякотно, мы зашли в один дом, но я не мог сам разуться, поэтому попросил своего ординарца помочь. И тут слышу, как хозяин дома тихонько говорит своей жене: «Ну вот опять погоны, опять денщики, опять его разуй…» А я ведь просто по-товарищески попросил его помочь и точно так же сам бы мог ему помочь.

– Какой транспорт был у вашей батареи?

– Все время только повозки. Но и то считалось, что это мы еще неплохо живем, потому что я насмотрелся, как в других батареях солдаты таскали на себе 82-миллиметровые минометы…

– А вам приходилось стрелять трофейными 119-миллиметровыми минами?

– Приходилось, но только ради спортивного интереса, потому что у нас всегда в наличии были свои боеприпасы.

– А доводилось слышать, что немцы против нас использовали наше же оружие?

– Нет, я такого ни разу не видел и даже не слышал.

– А можете сказать, что какое-то немецкое оружие особенно не любили?

– Не то чтобы неприязнь, но вот раздражение вызывал их шестиствольный миномет, как его у нас называли, «ванюша». Он, конечно, заметно уступал нашей «катюше», просто при стрельбе он издавал противный звук, и у нас про него шутили примерно так: «Если наша «катюша» секанет, то их «ванюша» сразу заткнется».

А я еще в 42-м году в первый раз увидел работу наших «катюш». Было такое впечатление, что на том месте, где упали реактивные снаряды, землю словно перепахали.

– А вам часто приходилось использовать трофейное оружие?

– Сразу вспоминается такой случай. Мы когда только вошли в Сталинград, то ночью, не зная обстановки, забрались на второй этаж какого-то здания и там расположились. И как потом оказалось, что на третьем этаже были немцы. Но мы-то этого не

знали и вели себя достаточно свободно, человек пять нас было: я, мой ординарец, командир взвода управления, телефонист, и как раз тогда мне прислали нового замполита.

И вдруг утром увидели немцев, когда они по разрушенной лестнице поднимали завтрак к себе наверх, а потом мы услышали, что они там спокойно разговаривают и ходят. Правда, они нас не видели, хотя когда мы их заметили на лестнице, то между нами было метров двадцать всего. Я еще подумал тогда: «Вот обнаглели!»

И пока мы думали, что делать, у них наверху поднялся какой-то шум, вроде даже началась перебранка. А у нас каким-то образом там оказался трофейный пулемет MG-34, даже не знаю, кто его туда приволок. И тогда замполит, оказалось, что он уже был с фронтовым опытом и пришел к нам на батарею из госпиталя, взял этот пулемет и со словами: «Ну сейчас вы у меня попляшете» – начал стрелять из него прямо сквозь потолок, крест-накрест. Пули потолок прошивали насквозь, поэтому немцы, их оказалось трое, повыпрыгивали в окна.

Ну и, конечно, трофейное оружие использовали в окружении под Харьковом. Тогда я впервые попробовал немецкий автомат, но у меня с ним явно не сложились отношения, и я потом никогда им не пользовался. Я всего один раз попытался из него пострелять, но у него был тугой затвор, мне им прищемило палец, пошла кровь, и я решил, что с меня достаточно.

– Вопрос вам как бывшему летчику. Как менялось по ходу войны положение с господством в воздухе?

– Вначале безраздельно господствовала немецкая авиация. И только на Курской дуге мы впервые почувствовали, что наша авиация нас надежно прикрывает, и именно там бомбежки уже стали редкостью. Немцам тогда фактически просто не давали нас бомбить, во всяком случае, в расположении нашей дивизии. Тогда я даже сам удивился, сколько там было наших самолетов. И вот тогда я понял, что авиация у нас стала совершенно другая, не то что в мое время.

А после Курской дуги нам тоже иногда приходилось попадать под бомбежку, но уже, во всяком случае, это было не сравнить с 41-м или 42-м годом. Ведь тогда было такое ощущение, что немецкие корректировщики огня «рама» и «горбыль» как будто родились с нами, потому что почти постоянно висели над нами.

– Вам самому пришлось повоевать в разных родах войск. Как вам кажется, чья доля все-таки тяжелее?

– Мне, кажется, все-таки у пехоты, именно пехотинцы несли

на себе основную тяжесть войны. Недаром у артиллеристов была даже такая поговорка: «Отстрелялся, не гордись, а пехоте поклонись», потому что именно пехотинцы шли в атаку.

Кстати, один раз мне пришлось видеть одну очень необычную атаку. На Курской дуге через позиции нашей батареи в контрнаступление пошли свежие части. И меня поразило то, что они шли точно так, как показана психическая атака капелевцев в фильме «Чапаев». Их командиры шли на фланге и кричали «держать строй». В общем, шли буквально, как на параде, но, правда, я не видел, как они потом вступили в бой.

Еще я знаю, что очень тяжелая доля у саперов, просто тяжелейшая. А вот, например, танкистов я особенно и не видел, и эта среда мне совсем не знакома. Но на Курской дуге танковое сражение развернулось прямо перед нами, и тогда мне пришлось видеть, как горящие танкисты выпрыгивали из танков, – это, конечно, страшная картина…

– А вот что было на фронте самое страшное лично для вас?

– Для меня самым тяжелым были встречи с простыми людьми, которые страдали от войны еще больше, чем мы. И мы, солдаты, не могли их защитить, поэтому были как обвиняемые… Лично на меня такие моменты действовали очень и очень сильно… И еще мне на нервы очень действовало то, что нас вечно ограничивали в расходовании боеприпасов.

Но вообще я вам должен сказать, что для меня самым сложным оказалась даже не сама война, а мое становление после тяжелого ранения уже после войны.

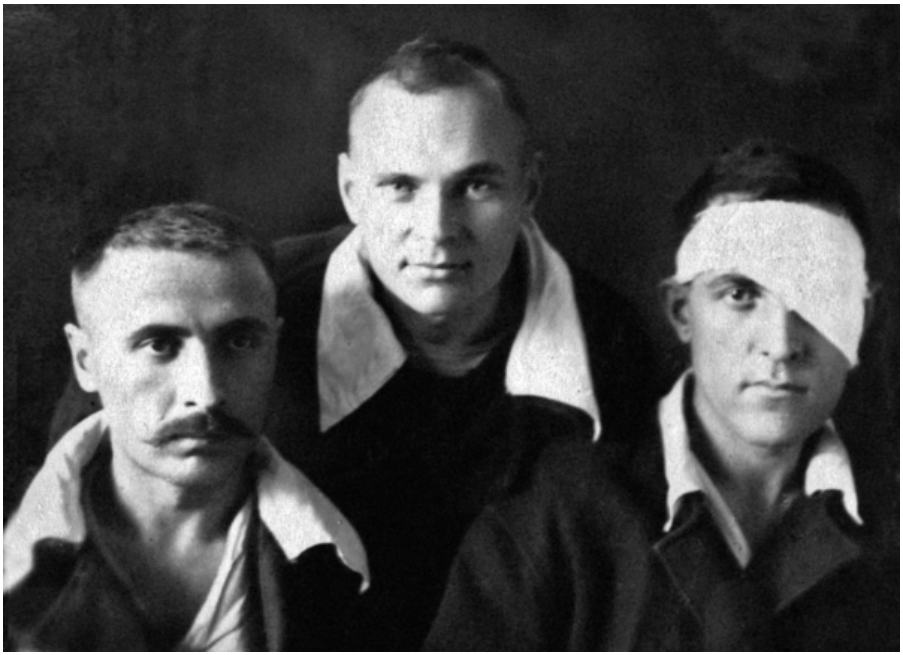
– Расскажите, пожалуйста, об этом. Мы как раз отвлеклись на том моменте, когда вас в последний раз ранило.

– Очнулся я, насколько помню, оттого, что с меня два солдата из похоронной команды хотели снять валенки. Но потом они увидели на мне капитанские погоны, и вроде как сквозь сон я слышал их спор, стоит ли со мной связываться: «Ну этот не жилец». – «А ты не каркай, давай носилки». Доставили меня в медсанбат, причем когда стали меня перевязывать, то я начал жаловаться, что у меня вроде и нога ранена, потому что чувствовал, что она у меня совсем не действует. Врачи ее осмотрели, ничего не нашли, но догадались, что все это у меня из-за ранения в голову.

И там же я вдруг случайно увидел своего ординарца, которого перевязывал перед самым ранением, и мы с ним обменялись несколькими фразами. Это, кстати, к нашему

разговору о судьбе.

Он был смышленый, расторопный парень, но мне пришлось его сильно уговаривать, чтобы он пошел ко мне в ординарцы. И тогда он мне примерно так сказал: «А вы знаете, что люди уже боятся к вам в ординарцы идти? Этот погиб, тот погиб, третий погиб, так что вы приносите несчастье…» Но потом я его все-таки уговорил, и когда мы с ним тогда в последний раз виделись, то он мне так шутя сказал: «Ранен, но зато и не убит».



Эвакогоспиталь-1085. Капитаны Глущенко, Окишев, Малютин. Май 1944 года, Ярославль

А в полевой госпиталь меня отправили на По-2. Причем я до этого даже и не видел никогда таких санитарных самолетов, и когда мы летели очень низко над землей, то я подумал, что все, это последний в моей жизни полет…

Выгрузили меня и одного раненого солдата, нацмена, занесли в какое-то здание и положили на нары. А на грудь нам положили по бутерброду с маслом и что-то еще. А мне и так плохо, есть не могу и не хочу, к тому же и рука еще не действовала, как и нога, она была недвижима. И вот так я лежал и наблюдал за ним. Он то украдкой посмотрит на мой паек, то отвернется. Опять посмотрит, отвернется. А потом вдруг взял его резко и съел. И я его за это не осуждаю, он, видно, очень голодный был.

Но что интересно. До операции, которую мне сделали в этом полевом госпитале, у меня хоть и был паралич руки и ноги, но зато я все понимал и мог говорить. Причем я даже не верил, что у меня серьезное ранение в голову и меня отправят в специализированный госпиталь, потому что даже крови почти не было. Думал, ерунда, вот только почему-то не действуют ни рука, ни нога… И только потом я начал чувствовать, что у меня в голове будто что-то тяжелое осело.

А вот во время операции врачи, видно, что-то повредили, и после нее я уже мало что помнил и понимал. Во время операции я

слышал диалог врача, очевидно, с медсестрами. Причем хирург говорил с таким характерным кавказским акцентом, и вначале я слышал, как он жалуется, что никак не может найти осколок, и только потом услышал, что они его все-таки нашли. И последнее, что помню, как мне предложили оставить на память этот осколок, и вот только тут я уже потерял сознание.

Отправили меня в специализированный, как мы говорили, черепной, госпиталь в Ярославле. Но после этой операции я не помнил, ни кто я такой, ни как меня зовут, вообще ничего… В госпитале, где мне сделали операцию, меня узнала, хоть я и был весь перебинтованный, одноклассница моего брата Николая, но она меня принимала за него. Я вообще с трудом понимал даже простую речь, у меня были сильнейшие головные боли, и чтобы она от меня отстала, а она меня спрашивала, Николай ли я, то согласился.

А потом у меня начались еще и галлюцинации, мне казалось, что какая-то физиономия гримасничает и показывает мне язык.

Но самое страшное, что если раньше я хотя бы понимал, что говорят другие, то какое-то время после операции даже самые обычные слова были для меня только набором звуков. Я вроде помнил, как они звучат, а вот что означают, забыл… А ведь я еще на фронте слышал такое, что при ранении в голову человек иногда становится фактически живым трупом: ничего не помнит и даже двигаться не может…

И только постепенно ко мне начали возвращаться какие-то воспоминания. Вначале я вспомнил родителей, что-то еще, а попробовал ходить только спустя три месяца… Я очень стеснялся своей немощности, поэтому попытался самостоятельно ходить ночью. Но не рассчитал свои силы, упал на лестнице, ударился головой и потерял сознание. А утром меня предупредили, что если я получу еще один ушиб головы, то все лечение пойдет насмарку…

Всего в ярославском госпитале я пробыл четыре месяца, и на комиссии услышал окончательный приговор: «К военной службе не годен. Инвалид первой группы, нетрудоспособен. Направляется по месту жительства родителей в сопровождении медсестры». Вы себе даже не представляете, какое я тогда испытал разочарование… Ведь я так хотел вернуться на фронт в свою дивизию, а меня записали в инвалиды…

Но я когда потом эту ситуацию оценивал, то пришел к выводу, что и тут мне крупно повезло. Ведь еще будучи в Ярославле, я случайно узнал, что больше половины раненых нашего госпиталя стали пациентами психиатрической лечебницы… А как я это узнал.

Когда я уже понемножку начал ходить, то однажды вышел на улицу. А это лечебница находилась совсем близко от нашей больницы, буквально на другом конце квартала. И когда я дошел до нее, то один из ее пациентов из окна мне крикнул: «Ничего, ничего, скоро и ты у нас будешь…» Он, видно, увидел или понял, что я из того госпиталя. Я, правда, сам тогда ничего не понял, спросил врача, и он мне объяснил, что это психиатрическая лечебница и что очень много раненых из нашего госпиталя попадают прямо туда…

А вообще в госпитале я насмотрелся разных горьких историй. Помню, как-то к нам привезли какого-то молодого лейтенанта, москвича. У него из затылка врачи достали очень маленький, буквально крохотный осколочек. Но этот осколок задел и повредил центр зрения, и парень ослеп…

Наш госпиталь был, как мы его называли, черепной, но в нем лежали еще и с ранениями в позвоночник. И была такая история. Одному парню должны были сделать операцию на позвоночнике, после которой он по прогнозам врачей должен был выздороветь. Но одна пожилая медсестра перепутала лекарство, сделала ему не тот укол, и его до пояса полностью парализовало… И хотя она сама страшно казнилась, но ее никто так и не выдал… Приходили, правда, из «особого отдела» разбирались, но дело оказалось непоправимое… Так что мне еще, можно сказать, повезло…

Отправили меня домой, но в сопровождение дали медсестру, потому что я сам мог ходить только на небольшие расстояния, к тому же рука у меня еще не действовала совсем. И по дороге в Свердловск произошел эпизод, который произвел на меня огромное впечатление, а может, и вообще решил мою дальнейшую судьбу.

У сопровождавшей меня медсестры был с собой медицинский журнал, и я до сих пор не знаю, намеренно она это сделала или нет, но она его оставила открытым на странице, где была статья про слепоглухонемую от рождения девушку, которая с таким страшным диагнозом сумела окончить не только школу, но и институт. Причем эта небольшая заметка была отчеркнута красным карандашом. И когда я прочитал эту статью, то меня словно разбудили. Я понял, что приложу все силы для того, чтобы не смириться с участью инвалида.

К тому же, когда мы уже подъезжали к Свердловску, я случайно встретил знакомых ребят из нашей школы. Мы разговорились, и они меня начали уговаривать поступать к ним в Свердловский политех. И эта встреча меня тоже как-то очень приободрила, потому что все они тоже были после фронта и

ранений, но уже учились, поэтому моя надежда стать полноценным человеком еще более окрепла.

Но когда встал вопрос, что мне делать дальше, то я все-таки решил поступать в Свердловский юридический институт.

– А почему вы решили поступать именно в юридический?

– По службе в трибунале мне уже была знакома следственная работа. И я решил, что если на этой очень трудной и напряженной работе я не выдержу, то придется примириться с участью инвалида войны. Но я верил, что смогу преодолеть свою болезнь, а упорства в достижении цели у меня было достаточно.

Но когда я принял решение готовиться к поступлению, то понял, что ни писать, ни тем более конспектировать просто физически не могу… Тогда моя мама обратилась к одному известному нейрохирургу, и ночью я случайно услышал, как она передала отцу его вердикт: «Надо примириться, мамаша. Ни учиться, ни работать он после такого ранения уже не сможет. Но пенсию он получает приличную, так что иждивенцем не будет…»

И вот эти слова врача стали для меня последней каплей… Они меня настолько возмутили, что я твердо решил во что бы то ни стало стать полноценным человеком и наметил себе план работы. Прикинул, что пехотинец проходит в час четыре километра, и начал до изнеможения ходить по нашей квартире, из кухни в комнаты и обратно. Потом потихоньку начал выходить из дома, стал ездить на велосипеде, а потом и гимнастические упражнения стал делать. И за семь-восемь месяцев в физическом плане я достиг очень многого, но думаю, что в этом мне сильно помогло мое спортивное прошлое.

Но ведь у меня были еще и большие проблемы с речью, поэтому что я стал делать. Когда все уходили на работу, я заводил на граммофоне пластинку, Лемешева, и прямо пел за ним как мог. Вот так я разрабатывал речь и вспоминал значение слов. И вы знаете, постепенно я восстановил речь, хотя некоторое косноязычие у меня еще определенное время сохранялось. И писать тоже пришлось учиться фактически заново: сначала волнистые линии, затем палочки и нолики, прямо как в первом классе…

Но когда я пришел подавать документы в институт, то на меня там посмотрели и начали отговаривать: «Может, с вашим здоровьем лучше пойти в педагогический? А то у следователей, прокуроров и судей работа, ох какая нелегкая…» И, правду сказать, выглядел я тогда совсем неважно, да и в медицинской справке, которую надо было предоставить комиссии, было написано, что я инвалид… К тому же прямо там у института со

мной случился очередной приступ…

Но я настаивал на своем, и из-за меня в приемной комиссии даже вышел спор. Я стоял за дверью и слышал, как кто-то из членов комиссии в конце сказал фразу, которая определила мою дальнейшую жизнь: «Да поймите же: если мы его не примем, то у него всего одна дорога – в инвалидный дом…»

В общем, приняли меня, но когда мне казалось, что я уже почти полностью восстановился, то беда пришла оттуда, откуда и не ждал. Когда начали изучать уголовное право, то моя голова вообще ничего не воспринимала: ни что такое вина, виновность, случайность и прочее. Начинались сильные головные боли, и я был вынужден просто откладывать учебник. Но в такие моменты я всегда вспоминал ту заметку из журнала о слепоглухонемой девушке, которая смогла стать кандидатом наук. И мысли о ней меня словно подхлестывали: она смогла, а я нет?!

И вы знаете, постепенно все наладилось. Учился я отлично, и поэтому мне даже не дали закончить институт. Уже после окончания второго курса меня как отличника рекомендовали на работу в прокуратуру Кировского района Свердловска: «Учебу закончите заочно. В районе сложная обстановка, и там нужно навести порядок».

– А последствия ранения сильно мешали в работе?

– Как раз во время работы в Нижне-Салдинском районе, когда меня уже назначили прокурором, у меня случился последний припадок, причем прямо в тайге. Там между ближайшими селами расстояния по двадцать-тридцать километров, поэтому в командировки я летом ездил верхом на лошади, а зимой на санях. И последний припадок у меня случился как раз в такой ситуации.

Правда, всегда за несколько минут до приступа я уже чувствовал его приближение, поэтому намотал поводья на руку и очнулся уже на земле, а надо мной склоненная голова лошади… Но после этого как обрезало, хотя до этого припадки регулярно случались раз в месяц. Поэтому во время учебы я больше всего боялся, что припадок случится прямо в аудитории, и меня отчислят. Но на мое счастье они случались или рано утром или ночью. И потом я всю жизнь скрывал, что являюсь инвалидом войны, потому что какой из инвалида может быть следственный работник? А о том, что я инвалид войны, я признался только где-то на праздновании 50-летия Победы. Но когда врачи узнавали, где я работаю после такого ранения, то они очень удивлялись.

– Как вы услышали о Победе?

– В те дни, конечно, мы ждали ее со дня на день, мой отец, например, даже радиоточку не выключал, чтобы не пропустить это известие, но все равно получилось это уж как-то слишком неожиданно. Я шел по улице, еще в военной форме, и тут меня подхватили прохожие и начали качать. В чем дело? Оказалось, Победа…

Но надо вам сказать, что мы ее совсем никак не отметили. И хотя у всех было приподнятое настроение, но, например, у меня дома мы даже стол не накрыли, не говоря уже о выпивке. Об этом у нас в семье как-то совсем не думали, да и с выпивкой тогда было очень тяжело. Отец мне рассказывал, что во время войны водку им лишь иногда выдавали в качестве премии за отличную работу.

Ну а так, конечно, вначале была одна только радость. Несколько дней у всех людей было очень приподнятое настроение, даже у тех, кто пострадал и остался калекой. Но в то же время была и горечь и слезы о тех, кто не вернулся с войны…

Помню, как-то я пошел к товарищу, которого комиссовали из армии из-за сложного ранения в руку. Вышли с ним во двор, и тут как раз появились мать и сестра другого нашего приятеля детства, который погиб на фронте. И они нам тогда с такой укоризной сказали: «Вот вы живы, а у нас и отец, и сын погибли…»

– А из вашей семьи еще кто-то воевал?

– Средний брат, Владимир, погиб на фронте еще в 1941 году, а младший, Николай, тоже воевал, был связистом. Но у нас получилось так. Когда началась война, то мы втроем между собой договорились, чтобы поберечь родителей, написать в своих медальонах адреса друг друга, чтобы в случае чего похоронка не пришла домой.

Поэтому о гибели Володи я узнал первым… И только через год, а то и через два после войны я попытался подготовить отца к этой новости, а он мне говорит: «Да я разговаривал с одним рабочим, который служил в одной части с Володей, и якобы на его глазах он попал под немецкий танк…» Тогда я понял, что он все знает, но он же сам меня и предупредил: «Только матери ни слова…»

Володя ведь был ее любимчик, потому что родился недоношенный и его буквально только чудом и спасли. Постоянно держали на печи при определенной температуре и все-таки выходили. Поэтому отношение к нему со стороны родителей было несколько иным, чем к нам с Колей. Мы с младшим росли как сорванцы, а он был более домашний, и поэтому мы считали,

что он не нашего поля ягода. Зато в футбол он играл просто мастерски. Уже с шестнадцати лет его приглашали играть за взрослую команду, и я помню, был такой смешной случай. Во время матча к нему подбежал защитник соперников и спросил его: «Мальчик, а ты как тут оказался?», а Володя в это время забил гол…

В общем, пока была жива наша мама, а умерла она только в конце 80-х, мы ей так и не сказали, что ее любимый сын погиб, и старались этой темы вообще не касаться. Она все надеялась, что, может быть, он попал в плен или по какой-то причине не может дать о себе знать…

А младший брат Николай служил связистом, насколько я знаю, обеспечивал связь в звене между фронтом и армией. После войны он остался служить в армии и в последнее время служил командиром батальона связи на Байконуре. Кстати, в 1960 году он как раз находился там, когда на стартовой площадке взорвалась ракета и погибло около ста человек, в том числе и главнокомандующий РВСН главный маршал артиллерии М.И. Неделин. Брат мне рассказывал, что только успел спуститься в бункер, как произошел взрыв, и только благодаря этому он и уцелел.

Но во время войны я вообще не знал, где воевали мои братья, знал только номера их полевой почты. А сам я, помню, однажды прямым текстом написал домой, где воюю, но отец мне потом показывал это письмо, и там было все замазано.

– Как сложилась ваша послевоенная жизнь?

– Я работал вначале в прокуратуре, потом меня отозвали на работу в Свердловский обком партии, и уже оттуда, кажется, в 1959 году я поехал поступать в военно-юридическую академию. Просто до этого к нам приезжал полковник, который подбирал людей для адъюнктуры. Я ему, видно, чем-то понравился, потому что он мне сказал: «Я бы вас с удовольствием взял». – «Так я же по инвалидности снят с воинского учета». – «Но я же вижу, что вы с работой справляетесь. Так неужели вы не справитесь с учебой? Если сможете уговорить военкома понизить вам группу инвалидности до третьей, то мы вас сможем взять как годного к нестроевой». Я этой идеей загорелся, но первая комиссия категорически отказалась мне понижать группу инвалидности, и только после того, как из обкома по моей просьбе позвонили, мне сделали третью группу, да и то всего на шесть месяцев.

Но только я приехал в Москву и сдал экзамен, как Хрущев выступил с речью, что в Советском Союзе перепроизводство юристов… Академию тут же закрыли, годных к строевой перевели

в военный институт, а меня направили в резерв Генерального прокурора.

А как раз в это время Прокуратуре Молдавии понадобились квалифицированные кадры, но я не дал своего согласия на перевод. Просто до этого я поговорил со знающими людьми, и они мне рассказали, что в национальных республиках серьезной проблемой является языковой барьер. Но они-то служили в Прибалтике или Закавказье и не знали, что в Молдавии с русским языком дела обстоят совсем по-другому.

Я вернулся в Свердловск, где работал в должности заместителя начальника следственного управления прокуратуры области, и только в 1960 году по приказу Генерального прокурора СССР был направлен в распоряжение прокуратуры МССР.

С тех пор живу в Кишиневе. Работал в органах прокуратуры, а в 1979 году меня наградили почетным званием «Заслуженный юрист Молдавской ССР».

Причем интересно, что на пенсию я уходил дважды. В первый раз уходил с должности заместителя начальника уголовно-судебного отдела в 1985 году, и надо признаться, что эта работа была мне не по душе, работать по следствию мне нравилось гораздо больше.

А потом, уже после развала Союза, меня опять пригласили поработать, потому что, когда разогнали всех русскоязычных работников, то просто некому стало работать. Доходило до того, что в следственные органы МВД и КГБ стали набирать простых студентов… И когда прокурор Молдавии лично попросил меня выйти на работу, то я думал, что это временно, а проработал лет пять или шесть. Работал уже прокурором по надзору за следствием в «Службе информации и безопасности».

– Семья, дети у вас есть?

– У меня две дочери, две внучки и трое правнуков.

– Войну потом часто вспоминали? Может, снится вам она?

– Я после ранения снов совсем не вижу. А войну мы вспоминали обычно при случае в разговоре, но в основном какие-то смешные истории.

Но вообще, я вам так скажу. Война – это большой и очень значимый кусок моей жизни. Фактически она разделила мою жизнь на две части: войну и послевоенную жизнь, и даже я сам до сих пор не знаю, какая часть получилась более весомой…

– Вам приходилось видеть правдивые книги и фильмы о

войне?

– Пожалуй, самая правдивая книга, которая произвела на меня глубокое впечатление, потому что так получилось, что и у меня самого были схожие эпизоды, это – «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова. Например, там есть такая сцена, когда герой лег в каком-то сарае поспать, а в это время начался налет немецкой авиации, и когда начали стрелять наши зенитки, то по крыше забарабанили падающие осколки от снарядов. Со мной был точно такой же случай.

Могу также отметить книги Юрия Бондарева и Григория Бакланова, они сами фронтовики и пишут очень близко к правде. Еще могу выделить «Эшелон» Михаила Рощина, правда, он сильно перебарщивает с солдатскими побасенками и трепотней.

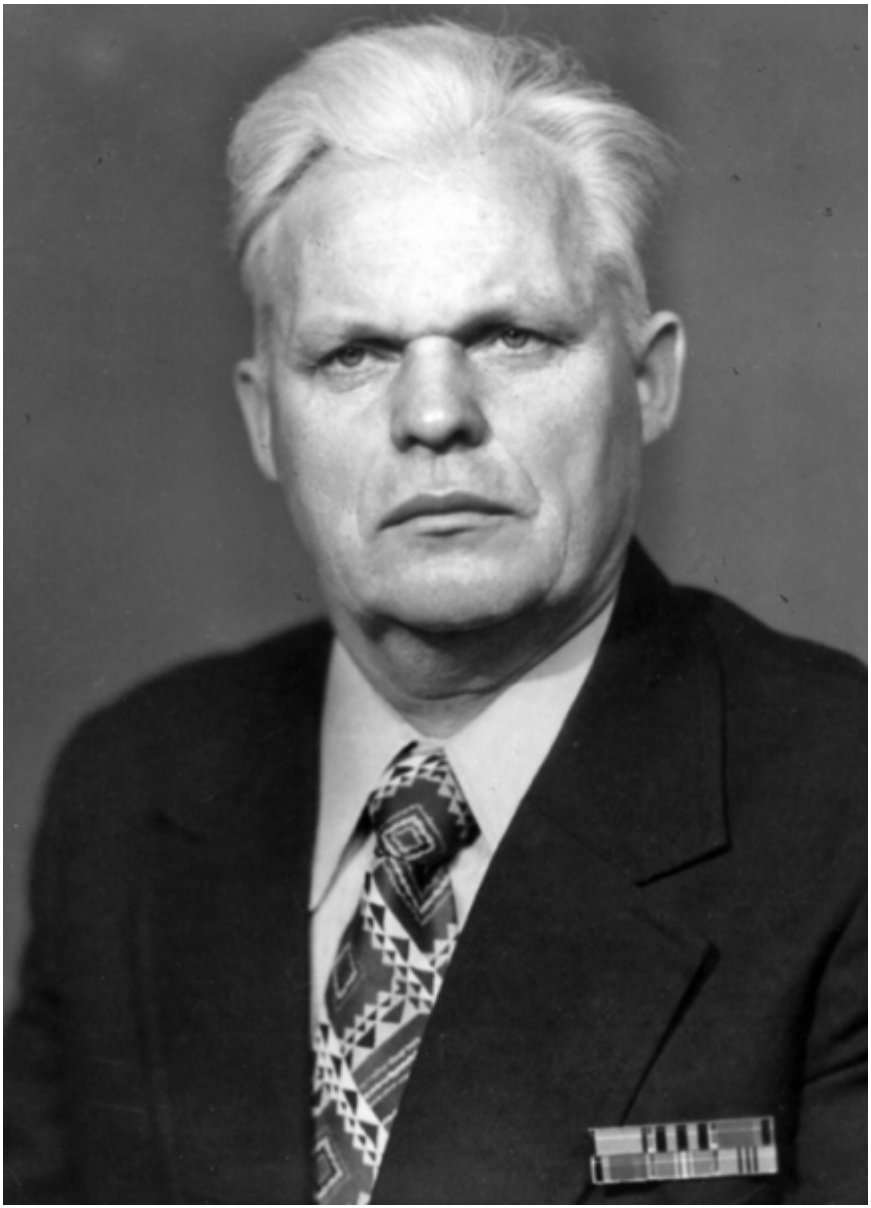
– Многие ветераны с обидой отмечают, что о войне и раньше и сейчас недостаточно говорят и вспоминают.

– Я тоже помню, очень сильно удивился, с каким размахом отмечали, кажется, 30-летие Победы. Тогда это впервые произошло настолько широко, с парадами, а ведь до этого ничего подобного не было. Но обиды или какого-то разочарования у меня на этот счет никогда не было.

Правда, когда сейчас в Европе и Америке стали принижать нашу роль в войне и нас же учить, это, конечно, оставляет определенный осадок. Я когда сейчас смотрю на этих «учителей», то так и хочется у них спросить: «Где же вы были господа, когда нам было тяжело?..»

Зато я считаю, что в отличие от нынешних поколений у нас была стойкая вера и надежда в светлое будущее и лучшую жизнь. А сейчас наш народ стал совершенно другой… В чем я вижу основные, и, к огромному сожалению, негативные изменения. Куда-то пропали коллективизм и стремление помочь человеку, попавшему в беду, а не замыкаться каждому в своей скорлупе. А сейчас появилась эта тяга, погоня за деньгами, которая сильно испортила наших людей… И я считаю, что главный порок капитализма именно в этом. Конечно, и в наше время было много плохого, и жили мы тяжело, но все же с нынешним положением просто не сравнить…

Соловьев Александр Иванович



– Я родился 20 марта 1924 года в городе Балта Одесской области, который в то время был столицей Молдавской АССР. Прожил там неполные восемь лет, пока отец не устроился на строительство военного городка в Котовске (бывшая Бирзула).

Семья у нас была большая – восемь детей, правда, четыре младшие сестренки умерли в период тяжелейшего голода 1932–1933 годов…

– Расскажите, пожалуйста, как ваша семья пережила период «голодомора»? Вообще, как жилось в то время?

– Что и говорить, жили мы очень и очень трудно… Я, например, вспоминаю, как мы жили еще в Балте. Отец у меня строитель, но работы в то время почти не было, зато налоговая инспекция просто покою нам не давала. Приходили люди в кожанках, забрали наши единственные «ценности» – несколько маминых золотых колец, сережки, цепочки – и даже конфисковали за долги наши ковровые дорожки… Мама с нашей старшей сестрой ходила в поля собирать колоски, с таким трудом их насобирали, так нашли на чердаке этот мешок зерна и все отобрали… И вот после этого мы сразу переехали в Котовск.

А тут как раз настал 1932 год, и я вам должен сказать, что это был просто ужас… Люди ели опилки, желуди, траву, листья, да и мне самому довелось есть вишневые листья, виноградные побеги, одуванчики, соцветия акации…

В Котовске мы жили на улице имени 8 марта. Помню, выхожу из дома ранней весной 1932 года и вижу, что люди нагибают ветки у деревьев. Но апрель же еще был, и я все удивлялся, что они там могут есть? Оказывается, листья ели… Я тоже попробовал, ничего, оказывается, кушать можно.

А когда сильно запахло акацией, то я своего приятеля Юру, который был на год старше меня, спросил: «Откуда так пахнет, ведь на нашей улице вроде бы акаций нет?» – «Пойдем, на улице Клары Цеткин есть». Приходим, а там уже ни одной целой ветки не осталось, все соцветия оборваны… И только на самой верхушке еще немного оставалось. Мне уже шел девятый год, и я полез на дерево. А Юрка мне кричит: «Только потряси вначале розочку». – «Зачем?» – «Внутри цветков букашки, поэтому труси как следует». Я сначала трусил, а потом забыл и так ел. Которые уже цветут, те повкуснее. Правда, он еще меня сразу предупредил: «Но как только начнет тошнить, сразу прекращай есть, потому что потом плохо будет». Но пахнет-то оно аппетитно, и остановиться сложно, почти невозможно… И что меня подвело. По улице шли две женщины, обе худые как доски… И я слышу, как одна из них так еле-еле протяжно говорит: «Мальчик, сломай и мне веточку». Я бросил ей, она стоит и щиплет ее, как виноград… А вторая тоже что-то шепчет, но то ли сил нет, то ли что, аж качается от ветра, такая слабая была. Я сломал и ей веточку, но успел бросить или нет, уже не помню.

За руку, которой я держался за ветку, меня вдруг ужалила пчела, от боли я разжал руку и с этой высоты, а там было метров шесть, наверное, упал… Причем дерево старое, молодых веточек почти не было, а те, что и были, обломаны или оборваны, поэтому я упал, почти не притормаживаясь… Очнулся уже в больнице и пролежал потом дней пятнадцать, но даже плакать не мог, так все болело внутри. У меня опустились почки, потом какое-то время даже и полведра поднять не мог… Поэтому больше уже никуда не лазил, родители мне строго-настрого запретили.

А зимой я стал пухнуть от голода. Правда, у нас в семье опухли только отец, я и младший брат Петр, больше никто. Сразу пришла комиссия – два врача и человек из профсоюза. А у меня лицо так распухло, что глаза были еле видны, прямо Чингисхан, поэтому меня сразу положили в больницу. Ничего, правда, не болело, просто распух от голода. И вот в нашем детском отделении я столько всего насмотрелся…

Больных было столько, что клали по двое на каждую койку. И очень много было беспризорников. Грязные – чернее негров… Раздетые – зимой ноги обматывали какой-нибудь материей, обвязывали проволокой и так и ходили… А голодные…

Как-то зимой рано утром отец уходил на работу, а возле колодца три трупа валялось… До колодца было недалеко, метров пятьдесят, но меня за водой не пускали, потому что у меня обуви не было. Но в тот раз я выскочил посмотреть на них: один лежал у штакетника, там его и припорошило… Другой подальше, а третий вообще прямо посреди дороги лежал… Правда, по городу ездила подвода с красным крестом и подбирала этих голодных ребятишек или уже трупы с улиц…

В больнице этих беспризорников наголо стригли, мыли, и в карантин. На всю палату давали пару тапцев, чтобы в туалет ходить, но я до сих пор помню, как один парень лет четырнадцати сказал: «Какой тут туалет? Пей – вода, ешь – вода, в туалете не будешь никогда…»

А когда приходил врач, и эти беспризорники поднимали рубаху… Верите вы или нет, но мало того, что все ребра были видны, так между ними было темно, как будто ничего нет… Одни связки, ни мышц, ничего… В глазах безразличие, и в разговоре начинают тормозить… Страшное дело… Тонкие, звонкие и прозрачные… Ушки как у мышонка… Ужас!..

Этих детей смотрели, слушали. А чего их смотреть? Их кормить надо было! Кашами, молоком, но где это было взять?!

Говорят, даже и случаи людоедства были.

Говорят! Да их столько было, что все дети были предупреждены, чтобы с незнакомыми людьми не заговаривали, а

сразу убегали. Чтобы пойти в поле поесть травы, собирали группы человек по десять-двенадцать со старшим во главе, а по одному никак нельзя, иначе точно сожрут… Нас, например, водила молодая девушка, наша соседка. Пошли в поле, а там, кроме нас, такие же группы, будто овцы… И ничего не засеяно, один бурьян… Она показала, как правильно нужно есть одуванчик. Поели, но разве это еда?! На следующий день пошли в заброшенный виноградник. Молодые побеги и листья тоже можно кушать, они такие кисленькие, но самое лучшее – это, конечно, акация. А по улице если кто-то шел и ел вишню или абрикос, то за ним шли и подбирали косточки… То же самое и с кукурузой… Этот ужас нельзя словами передать, это можно только самому прочувствовать… А про людоедство я вам расскажу два случая.

Двоюродный брат отца работал у него в бригаде, а на праздники ездил домой в Балту. И вот как-то раз он приехал, а ему и говорят: «Иван, а ты знаешь, что твой сосед Трофилкин поел всех своих детей?» – и рассказали ему…

В этой семье был сын и три младшие сестры. Сыну было уже чуть за двадцать, и он отцу говорит: «Батя, ты видишь, маме осталось всего ничего, три, максимум четыре дня… Я предлагаю самую маленькую сестру Лушу…» Отец от голода, видно, тоже умом помутился, поэтому согласился. Пошли они в поле на свой участок, там был овраг, ручей. А снег еще лежал, и то, что от нее осталось, они припорошили… Сделали свое черное дело, приходят домой, а старшая дочь спрашивает: «А где же Луша?» – «А мы ее в детдом отдали». Но она же неглупая была, понимала, что врут, ведь никакого детдома в округе не было, а ближайший только в Одессе. Но она промолчала, видно, тоже уже совсем обессиленная была…

Потом то же самое проделали со средней сестрой… Но тут умерла мать. Старшая пошла к соседям и говорит: «Мама умерла, нужно все организовать, а то у меня сил никаких нет…» Соседи взялись организовать похороны, а она вернулась домой. Когда отец с сыном вернулись и увидели, что мать умерла, то они ее заманили в сарай и прямо там и разделали…

А в это время пришли поп с людьми и видят, что никого нет… Батюшка, видно, догадался, потому что позвали милицию, и в сарае увидели такую картину… Стол был короткий, они голову ей отрезали, положили отдельно, и распущенные волосы висели до самого пола… Так потом люди рассказывали… Ноги и руки тоже уже разрубили… Их, конечно, сразу арестовали, а мать и дочку похоронили в одном закрытом гробу…

А я ведь этих людей знал, видел их, эти девочки с моей сестрой вместе играли… Когда все это нам рассказали, то у моей

мамы был такой ужас, она говорила: «Если бы мы там остались, то и нас бы точно порезали…» Знаю, что суд присудил сыну «высшую меру», а отцу 10 лет… И вот так не стало целой семьи…

И еще была одна история с моим приятелем Юркой. Уже в апреле, помню, когда уже зацвели сады, мы с этим Юркой играли вместе на улице, и вдруг к нам подходит одна женщина. Даже сейчас помню цвет ее платья. Издалека вроде как черный, а вблизи темно-зеленый. Подвески на ней были, брови черные, губы ярко накрашены, и хищно так на нас смотрит, как сейчас ее вижу… Юрка, видно, все сразу понял и убежал. Я остался один, но после того, как она меня спросила: «Мальчик, ты, наверное, кушать хочешь?» – сразу бросился удирать. Нас же родители научили, что если тебе задают подобные вопросы, значит, точно тебя зарежут, ведь сколько было таких случаев…

А потом как-то Юрки не было видно дня три-четыре, и когда он появился, я его спросил: «Где же ты был?» И он мне рассказал… «Помнишь, к нам подходила та тетя?» Прямо на улице к нему опять подошла та самая женщина, дала ему конверт и двадцать рублей. «Мальчик, отнеси, пожалуйста, конверт по этому адресу, а то я уезжаю и сама не успеваю». – «Хорошо, но я только сумку занесу и сразу отнесу». Он пришел домой, а там его отец, который работал в милиции, как раз пришел пообедать. И Юра его спросил: «Папа, а сколько ты зарабатываешь в день?» – «А что?» – «Да вот одна тетя попросила отнести письмо за двадцать рублей». – «Давай его сюда». Отец распечатал конверт, а там всего два слова: «Примите товар…» Конечно, он сразу бросился в милицию.

Пошли за Юрой на ту квартиру, а сами шли чуть позади, страховали его. Но предупредили его: «Как только начнут затягивать в квартиру, громко кричи, мы рядом. Дверь ему открыл такой мордатый мужик и с ходу начинает ругать: «Где ты столько ходишь? Сколько можно тебя ждать?» А из-за его спины выглядывает та самая женщина… Даже схватил Юрку за руку, но тот закричал, набежали милиционеры…

Как оказалось, в той квартире была небольшая комнатка. Ребенка туда заталкивали, пол под ним раздвигался, и он падал прямо на стол к мясникам… Фактически там был небольшой цех, делали колбасу, котлеты, холодец… Но холодец из человечины не застывает, так они достали на бойне желатин. Причем сами не ели, а только продавали по порциям на рынке… Всего арестовали четыре человека. Наверное, им точно расстрел дали, потому что там нашли целую выварку человеческого жира… В общем, страшное дело, что тогда творилось… И представьте себе, а если бы Юркин отец пришел домой чуть раньше или позже?..

Но потом вначале появилась перловая крупа, и на нашу семью ее выдавали по два килограмма в день. Тут уже не голодомор, а просто трудный год, но зимой умерла моя трехлетняя сестра Валя… А вслед за ней в период с 1933 по 1935 год и еще три самые младшие сестренки: Зина, Клава и Наташа… Самой старшей из них было всего три годика… Вы поймите, даже если в продаже появился хлеб, то это же не значит, что и все остальное появилось… Ведь детям же еще нужно молоко, сахар, каши, яйца, но ничего этого и в помине не было…

А уже весной начинались перебои с хлебом. Если с утра не купил хлеба, то все, считай, остался без него… Тогда ведь урожаи были маленькие, по семь центнеров с гектара всего. Даже знаменитый «Хор Пятницкого» пел про стопудовые урожаи, а ведь это всего шестнадцать центнеров… Сейчас про двадцать три пишут – недород, а тогда про шестнадцать песни пели…

Когда закончили строить военный городок, то нам нужно было выселяться из служебной комнаты, в которой жила вся наша семья, и отца спросили: «Участок хотите взять?» – «Да у нас же денег нет строиться». – «Ничего, мы поможем». И нам действительно помогли стройматериалами. Вот так у нас впервые появился свой дом, валькованный, т. е. из хвороста, обмазанного глиной с соломой. Летом в нем было прохладно, а зимой тепло. Но небольшой совсем: две комнаты и кухня.

А в школу я пошел только в 1934-м, когда мне уже было десять лет, считай переросток. Пару первых дней вообще не ходил, просто не в чем было. Ни обуться, ни одеться… Помню, уже заморозки были, а я босой в школу иду… Но, правда, я уже умел читать, считать, потому что делал уроки вместе со старшим братом Иваном, и он меня всему этому научил. А четвертый класс я уже окончил на «отлично». Особенно я любил историю, географию и литературу, это было, что называется, мое. Вот вспомнился такой случай.

Шестой класс я закончил без троек, и наш сосед уговорил моего отца сходить за компанию на итоговое собрание в школе. Он посмотрел в ведомость, а у меня одни «хор». Приходит домой, посмотрел так на меня сурово, потянул за ухо, дал подзатыльник и спрашивает: «Ты почему в школу не ходишь?» А я не понимаю, о чем это он? «Все, раз ты все равно не учишься, завтра же забираю тебя к себе на работу». И говорит маме: «Вот у него в ведомости одни «хор», он вместо уроков, оказывается, на хор ходит…» Тут наша старшая сестра Дуся как засмеется: «Хор» – это «хорошо» – отметка». Но отец ни в какую: «Хор» – это хор, а «хорошо» – это хорошо!» Но тут за меня заступился старший брат: «Значит, так, пойдешь учиться в 7-й класс. Я уже работаю, так что все

профинансирую и кормить тебя сам буду. Все, тема закрыта». Я потом эту ведомость посмотрел, в самом верху: русская литература и язык – «отлично», а до самого низа, как мы говорили, «хор» Пятницкого. Внизу поведение – «отлично», и написано: переводится в 7-й класс. Если бы он это все прочитал, то, наверное, похвалил бы меня. Но он же и читал-то с трудом, ведь окончил только ликбез, поэтому чуть меня не отлупил, как он сказал, «для профилактики»…

Но вообще мы без дела не сидели. Летом, например, я работал в бригаде у отца, но мне как несовершеннолетнему разрешали только по четыре часа в день. Печку там завалить или кирпичи почистить – 10 рублей. Надо же было помогать родителям. Ивана, правда, через три месяца забрали в армию, но отец меня не трогал, дал доучиться год.

И вот так, постепенно жить стали все лучше и лучше, а по сравнению с голодными годами – так это вообще рай… Участок у нас был двенадцать соток, и мы посадили много фруктовых деревьев. Даже из самой Одессы к нам специально приезжали покупать абрикосы на семена. Было вначале и полтора гектара виноградника, тогда землю под него всем выдавали. Многие люди ведь даже не представляют, сколько работы и внимания требует виноградник, думают, что он сам хорошо растет. Мы его посадили, обрабатывали, но когда он начал давать урожай, то его обратно забрали в колхоз… А через пару лет, когда его уже полностью загубили, вновь обратились к отцу: «Мы хотим вам опять отдать виноградник». Но он им так сказал: «Дадите мне 10 000 рублей, тогда я возьму». – «Да ты с ума сошел!» – «Я, когда его вырастил, и мы и вы имели, но потом вы его забрали и угробили… И сейчас будет так же, мы все сделаем, а вы потом опять заберете». Отец у меня был очень жесткий и прямой человек, пожалуй, даже чересчур резкий, поэтому он им так напрямую и рубанул, и на том они и разошлись.

Хозяйство у нас было образцовое, все свое, ничего не покупали и даже немножечко продавали. Корову держали, свиней, кур, в общем, жили неплохо. А вот те, у кого подсобного хозяйства не было, жили туговато.

– Период репрессий вашей семьи как-то коснулся?

– Нашей нет, но мне, например, что запомнилось. В школе у нас был краткий курс истории СССР. И вот в 4-м классе, например, бывало так. «Дети, откройте лист такой-то, и на фотографии Косиора нарисуйте решетку, он – враг народа…» Через некоторое время опять – зачеркиваем уже Блюхера… Кто заклеивал, кто закрашивал.

Но у меня даже из знакомых вроде никого не арестовали. Вот недалеко от нас было поселение этнических немцев, и люди рассказывали, что по ночам возле их домов дежурил «воронок», и якобы хватали всех подряд, даже тех, кто просто выходил в туалет… Не знаю, правда, насколько достоверны эти рассказы, но помню, что к началу войны у них взрослых мужчин почти не осталось, одни дети и подростки… И ведь все равно их колхоз был самый передовой, что и говорить, работают немцы отлично.

В вашем городке ведь находился мавзолей Г.И. Котовского.

Да, и, кстати, уже после войны мой отец участвовал в его реставрации, потому что во время войны его повредили, и что самое интересное, не немцы, а местные отморозки… Во время оккупации его не разрушили, это было капитальное сооружение, но покоцали хорошо. Причем гроб с телом Котовского даже хотели бросить в выгребную яму, но вмешался местный батюшка. Тогда ночью подпольщики выкопали яму в углу нашего городского стадиона и там его и закопали. Но что он там лежал, я узнал только после войны, а тогда никто не знал.

А сразу после войны Одесса выделила триста тысяч на восстановление мавзолея. Я уже вернулся из армии, это был 1946 год, и пришел помогать отцу и дяде, которых как хороших строителей позвали восстанавливать мавзолей. Я помогал в подсобных работах, раствор мешал, и все такое, но лично видел эту яму, из которой достали гроб Котовского, а сам открытый гроб лежал рядом… Причем с самим гробом ничего не случилось, а вот само тело почернело как асфальт, но узнать его было еще можно… Грудная клетка провалилась, пришлось в нее набить соломы… Орденов на нем уже не было, ромбы тоже кто-то посрывал, яловые сапоги поцвели… Это я не с чьих-то слов рассказываю, а сам все это лично видел, потому что совсем близко подходил к открытому гробу. А ведь до войны мавзолей по праздникам открывали на всеобщее обозрение. Я тоже, конечно, там бывал, видел его, и было такое ощущение, будто Котовский умер всего неделю назад… Рядом лежала его фуражка, три ордена Красного Знамени и наградной клинок.

Кстати, родной брат отца, дядя Леня, служил в его бригаде во время Гражданской войны. И он всегда отзывался о Григории Ивановиче только хорошо, даже отлично. Котовский был настоящий самородок, прекрасный человек и командир. Дядька, например, рассказывал, как он принимал служить к себе в бригаду. В комнате новенькому говорит: «А ну иди в угол», тот поворачивался, и в этот момент Котовский стрелял из «маузера» в потолок. И уже смотрел на реакцию человека: если тот не перепугался, то брал служить. И еще смотрел, чтобы человек был

физически сильный, ведь он и сам был силач необыкновенный, поэтому и людей старался подбирать таких же. В общем, такой у него был свой «военкомат».

Дядя рассказывал еще такой случай из жизни Котовского. Как-то он с двумя своими телохранителями ехал из Бирзулы в Любомировку, а навстречу им попалось семеро белых. Те, наверное, подумали, что вот она, легкая добыча. А Котовский своим и говорит: «Вы берете по двое, а я троих». Метров десять до белых не доехали, встали треугольником спинами друг к другу, и стали отбиваться. Каждый из них справился с двумя, а седьмой замахнулся на Котовского, тот только успел прикрыться шашкой, беляк ее уже перерубил, но тут подскочили телохранители и зарубили его… Котовский поднял шашку этого последнего беляка и сказал: «Вот эта шашка могла меня убить…» – и забрал ее себе на память. Сел на коня и говорит своим ребятам: «Если я умру или меня убьют, то пусть меня похоронят в этих краях, мне тут очень нравится». Эти слова оказались навроде завещания, а потом и сам город, и станцию, и улицу переименовали в честь него… Что и говорить, легендарный был герой, ничего не скажешь.

А какой конь у него был… Орликом звали, даже песни про него слагали. Рассказывали, например, такой случай. Котовский как-то приехал в штаб, в Балту, и поводок просто набросил на гриву, а сам на втором этаже проводил совещание. Лошадь ждала, ждала, потом, видно, ей это надоело, сама поднялась по лестнице на второй этаж, головой открыла дверь кабинета, а Котовский смотрит на карту и делает вид, что не заметил ее. Она подошла к нему, головой боднула и вздыхает, пошли, мол. И только тут он ее похлопал и вывел…

– Было какое-то предчувствие надвигающейся войны?

– Все-таки что-то такое было, как тогда говорили, «пахнет керосином»… Старшая сестра вышла замуж за старшину-сверхсрочника, так он прямо говорил, что будет война…

– Как вы узнали о начале войны?

– Перед войной я успел окончить 7-й класс. Мог бы, конечно, пойти учиться и дальше, но я же был переросток и сильно переживал: «Как же я, такой здоровый бугай, буду учиться, когда у меня отец работает просто на износ…» Он ведь после основной работы шел на частную работу и приходил только часов в одиннадцать вечера. Садился и засыпал прямо в коридоре, мама снимала ему обувь, мыла в тазике ноги, и мы относили его в постель… В такой ситуации мне было бы очень стыдно дальше учиться, поэтому я и пошел работать.

Отец у меня, Иван Евлампиевич, был очень суровый человек. И хотя он был почти неграмотный, окончил только курсы ликбеза, но был отличным специалистом-строителем, поэтому люди рвались к нему в бригаду.

И вот в то лето приехал какой-то вербовщик из Кишинева, и отец набрал бригаду из двадцати человек. Ждем его, ждем, чтобы поехать в Кишинев, а он куда-то пропал. Тогда отец дал мне деньги и говорит: «Сходи на базар и купи чего-нибудь поесть». Я пошел, а там на столбе висел квадратный такой репродуктор и куча людей вокруг, я тоже начал слушать, а там как раз выступает Молотов… Прихожу к отцу, рассказываю ему, а он мне не верит: «Ты что, сдурел?!» Но тут еще двое из бригады заходят: «Ребята, расходись по домам – война!»

Никакой радости или подъема я не помню, скорее больше подавленности. А вскоре нас уже оккупировали, причем так быстро, что многих военнообязанных даже не успели забрать в армию. Когда из нашего военгородка съехали все части, то отец всех нас строго-настрого предупредил: «Ничего чужого не брать, а то я вам сам ноги поотрываю. Пусть кто угодно берет, а нам такого греха не нужно, эти слезы потом на нас упадут…» Но некоторые люди ходили по пустым домам, ломали замки, брали одежду, мебель. Я лично видел, как одна женщина сама гардероб волокла… Из пекарни всю муку растащили, но это еще ничего, главное, что она немцам не досталась. Но мы себе вообще ничего не взяли, единственное, что я прикатил из части, одну пустую бочку.

– Мыслей уехать не было?

– Куда и, самое главное, на чем? Ведь транспорта никакого не было, все машины и лошадей в армию забрали. А пешком куда ты уйдешь? Но потом я сам ушел к двоюродной сестре в Ананьево, это километров тридцать пять от нас. Даже не спросил разрешения у родителей, не попрощался с ними, а просто взял и ушел с соседским парнем и его мамой. Просился даже к пограничникам, которые мимо нас проходили, но они меня не взяли: «Как это так, возьми, мы что, на дачу едем? Мы так не можем. Это не так просто, тебя же надо оформить, к тому же ты еще несовершеннолетний…»

У мужа моей двоюродной сестры был велосипед, я его выпросил, отремонтировал и поехал. И в районе, кажется, Чернова меня останавливает патруль, и направляют на меня пистолет и винтовку: «Ваши документы». Видимо, они подумали, что я шпион, потому что выглядел опрятно, да еще и на велосипеде. Но меня спасло то, что нам всем в нашем

военгородке выдали справки, что мы можем уехать в эвакуацию. Они ее посмотрели и отпустили меня.

По дороге немцы не бомбили, но на бреющем полете косили из пулеметов. Причем даже если до леса добежал, казалось бы, уже все, спрятался среди деревьев, но нет, они не успокаивались и даже там косили… И ведь ничего не поделаешь… Такой был переполох, что люди не знали, куда им деваться, везде плохо… И паника тоже была, но это и понятно, ведь всем хотелось спастись.

Но пока я дошел в Ананьево, а немцы уже обошли по флангам, и мы оказались в окружении… Из того периода мне запомнился такой момент. Как-то мы сидели на берегу реки и играли в карты, но комаров было очень много, и мы, естественно, отмахивались от них. И тут к нам идет один крестьянин с ножом. Он, правда, не понял, что нас там много, и начал орать: «Ты чего это руками машешь? Немецким самолетам сигналы подаешь?» Или как-то я сидел с двоюродными сестрами, они на пеньках, а я на траве лежу. И тут какая-то женщина идет: «Чего это он зубы девкам заговаривает? Шпион, наверное…» В общем, даже такие глупости были.

Побыл там немного у родственников и хотел еще ненадолго задержаться, потому что немцы собирали людей, чтобы собрать колхозный урожай, и мы надеялись чего-то перехватить. Но я всего три дня проработал, и когда нас предупредил квартальный, что завтра собраться там, где вырыты окопы: «будем закапывать жидив…», то я подумал, хватит, настала пора возвращаться домой…

Предупредил своих родных, и еще не рассвело, а я пешком пошел домой и где-то в обед уже был дома. В дороге я познакомился с каким-то парнем, мы пошли вместе, и когда присели передохнуть, то из кабины проезжавшей мимо немецкой машины нам кинули две целые сигареты. Ну, мы им кивнули в ответ, типа спасибо.

Пришел в Котовск, а там уже пригнали из Молдавии евреев. Почему, спрашиваем, их к нам гонят? Оказывается, Антонеску приказал расстреливать евреев на «сталинской земле»… Колонны этих несчастных евреев гнали румыны. Причем там была одна беднота, и просто невозможно было смотреть на их страдания, так их было жалко… Особенно на женщин с маленькими детьми. Видно же, что они голодные, дети неподмытые плачут, а сделать ничего нельзя… Так они, бедные, когда проходили мимо конюшни воинской части, там росла тыква, свекла, кто смог попрятали детей в этих высоких стеблях. И наши люди начали их подбирать… Но какая-то сволочь донесла, и румыны потребовали под угрозой расстрела «сдать всех жидовских детей»… Кто-то

принес, а кого-то из детей, как потом говорили, успели отправить к родственникам в деревню.

Евреев поселили в этих бывших армейских конюшнях, но их же совсем не кормили, и люди, когда узнали об этом, стали варить для них мамалыгу, малаи, давали что-то охраннику и передавали им эту нехитрую еду. Так эти несчастные евреи от благодарности даже креститься стали, настолько голодные были… Помню, что люди носили им вареную тыкву, свеклу. Что могли для них делали, но их потом все равно расстреляли…

– Получается, что евреев расстреливали в самые первые дни оккупации?

– У нас показательных казней в первые дни оккупации немцы не устраивали, но с первых же дней началось гонение на евреев. Останавливали прямо на улице и спрашивали: «Юде?» И если отвечал отрицательно, но у них оставались сомнения, то требовали снять штаны…

Причем как их расстреливали. У нас, например, румыны выгнали их на полигон и стали по ним стрелять из пулеметов, те начали разбегаться, но пуля же все равно догонит… А мы это все слышали… И когда через пару дней появился сильный запах, то нам приказали собрать и похоронить эти трупы… У нас соседи были этнические немцы, и я помню, как отец им сказал: «Да как же не стыдно невинных людей стрелять, уж лучше заставили бы их работать». А соседка так простодушно отвечала: «Да то ж румыны…»

– Между собой вы не обсуждали неудачи начала войны?

– Отец мой, участник 1-й мировой, так говорил: «Вы, сукины сыны, полстраны отдали, а мы воевали на их территории…» Даже старухи тогда говорили: «Отступаете, нас бросаете…» Причем некоторые вначале думали, что придут немцы и станет как при царе, поэтому и в плен пачками сдавались. Но в основном люди были настроены патриотично, как говорится, хоть и бедно жили, но это наша Родина… А потом как увидели, что оккупанты творят, и пошло сопротивление…

Но вообще, это было очень больно и обидно. Ведь до войны как народ заверяли? «У нас граница на замке, даже птица не пролетит. Наши самолеты летают выше всех, быстрее всех!» – а потом к нам румыны на волах приехали… Помню, с младшим братом в овраге в бурьяне сели и даже заплакали от обиды… А ведь до войны муж сестры все хвалился: «Да дай мне хоть трех германцев, я с ними со всеми один управлюсь», на что ему отец говорил: «Ты думаешь, у немцев силы не найдется?..»

– В вашем городке много людей стало сотрудничать с немцами? Были среди них откровенные предатели?

– Нас всех отец сразу предупредил: «Если станете предателями, то я вас сам поубиваю…» Но, например, с моей старшей сестрой в классе учился молдаванин Андрей Доба, который записался на службу к румынам. Как-то он остановил меня, показывает мне пистолет и говорит мне: «Я теперь, что хочу, могу делать. Хочу полицая отлуплю, хочу еще что…» А ведь он такой талантливый был парень, отлично танцевал, играл на мандолине, и нельзя было даже подумать, что такая сволочь… Как-то на танцах он повздорил с одним полицаем и прилюдно набил ему морду, и ничего, так его все боялись…

Сколько он людей «закопал» – это ужас… И доносил, и лично расстреливал… Я с ним боялся даже слово лишнее сказать, чтобы не дай бог чего… Он потом и сам говорил: «Я уйду с румынами, а то я тут такого натворил…» Но он почему-то остался и не ушел с румынами. Видно, переживал за нажитое при оккупантах «добро», он ведь очень много нахапал… Передовые части нас освободили и ушли, но тылы отстали, и власти почти не было. И когда он шел с баяном по улице, люди доложили, кто это такой, сколько он народу погубил, то его прямо на месте застрелил какой-то офицер… За ним приехала его жена на повозке и все причитала: «Приехали тут на нашу голову…»

И я знаю, что еще когда немцы только пришли, то один тоже решил выслужиться. Сам составил списки комсомольцев и отнес в комендатуру. Переводчица объясняет немецкому офицеру: «Он принес список комсомольцев и активистов советской власти». Немец его спрашивает: «А ты сам подчинялся советской власти?» – «Нет, я увиливал». – «Значит, и у нас тоже будешь увиливать», и приказал всыпать ему 25 шомполов… Спина у него аж синяя была. Правда, с тех пор мы его больше никогда не видели. Как потом оказалось, эта переводчица работала на немцев по заданию подпольщиков, и, может, это они его и…

А когда уже приближался фронт, то этнических немцев всех эвакуировали, и никто из них потом так и не вернулся. Говорили, что их перехватили уже где-то в Польше, всех мужчин вроде как расстреляли, а женщин выслали в Казахстан…

А мой двоюродный брат служил пограничником на Дальнем Востоке, и он потом рассказывал, что к ним привезли на работу много арестованных женщин и так к ним жестоко относились, что люди возмущались и стали их жалеть. Но потом им всем сделали такие таблички на грудь: «Я изменила Родине», и народ от них сразу отвернулся… Измену никому не прощали…

Но, например, начальником полиции у нас был некто Мешечников, и у него был пасынок. Так этот парень даже ушел из дома, не захотел вместе с предателем жить. И когда пришли наши, то его не тронули, а этого Мешечникова поймали аж в Рыбнице, привезли к нам и повесили. Человек двенадцать там висело, причем приказали их не снимать, пусть люди смотрят… Это мне уже родители потом рассказывали.

И вот мне еще вспомнилось, как уже где-то в 50-х, что ли, я читал в «Известиях» статью, которая называлась: «Хенде хох». Где-то на Украине два кума выпили, и один из них в поле случайно нашел немецкий склад с обмундированием и оружием. Недолго думая, он переоделся, взял автомат и вернулся к куму. Повел его на этот склад, заставил переодеться. «А куда мы пойдем, зачем?» – «Сейчас проверим, как работает советская власть». Оба, конечно, сильно выпимши. Пришли в правление колхоза, а там как раз собрание. Они всем: «Хенде хох». Построили всех. «Коммунисты, выйти из строя». Кто-то вышел, а одного спрашивают: «А ты чего не выходишь?» А он им в ответ: «Я не коммунист, при немцах я этих коммунистов сам лично душил…» Как оказалось, это был большой предатель, который числился в розыске… Конечно, их арестовали, но зато и этого предателя вычислили. Ну, тому, конечно, точно – расстрел, а этим по три года дали. Как говорится, и смех и слезы…

– Но у вас, например, не возникало идеи убить того же Добу?

– Понимаете, они же всех строго-настрого предупредили. За смерть каждого своего они расстреливали по тринадцать, что ли, человек… Поэтому полицаев у нас не убивали, они просто иногда пропадали по-тихому, без следов…

– Подпольщики или партизаны были в округе?

– Знаю, что партизанского отряда у нас в округе не было, зато были подпольщики, правда, к себе они всех подряд не набирали.

Я примерно догадывался, кто из полицаев работал на наших, но меня предупредили: «Языком не ляпай, а то будет плохо». Например, как-то раз меня остановил один полицай и говорит: «Иди на базар и предупреди знакомых, что сейчас будет облава, и с базара будут собирать мужиков на работу». И я так и сделал, причем такое часто бывало. Ведь румыны за работу ничего не платили и не кормили даже, поэтому люди старались к ним на работу не попадаться.

В школе я учился с одним парнем, вроде как Чиосан его фамилия. Он, наверное, был из азиатов, потому что глаза у него

были немного раскосые. И хотя он был сирота, но учился очень хорошо, и его в школе поддерживали: одевали, кормили. Я помню, что он был очень патриотичный, активный, и вот про него я слышал, что вроде его арестовали за то, что он у румын покупал пистолеты, но потом его товарищи в Одессе его выкупили и куда-то спрятали. И я этому рассказу не удивился, ведь все знали, что румыны продажные были напрочь.

Но в принципе многих подробностей про оккупацию я не знаю, потому что после освобождения меня сразу забрали в армию, а когда я вернулся, то все уже было решено.

– Но новости с фронта, например, до вас доходили?

– Да, ведь у нас в городе можно было даже купить газету на русском языке «Молва», небольшого формата такая. Вообще, мы, молодежь, старались в город не выходить, а вот женщин они не трогали, поэтому в город чаще всего ходила сестра, и она покупала эту газету. Особенно мне запомнилась одна статья из этой газеты, речь доктора Геббельса. В ней было написано примерно так: «В боях погибло двадцать миллионов русских солдат – это население большого европейского города. И если собрать всю кровь этих погибших, то в этом бассейне можно утопить мавзолей Ленина… А из тел этих убитых солдат можно выложить мост от Москвы до Владивостока…» А в конце такое: «Из тундры движется огромная лавина», я еще подумал, что имеется в виду природная стихия, «и если немецкая армия ее не остановит, то русские танки остановятся в испанских садах…» Ребята, с которыми мы вместе читали, удивились: «Что это значит?» А я им говорю: «Война закончится там, где она начиналась…» – «Да ну?» – «Так ведь это не я, это же сам Геббельс так говорит…»

Помню, что когда мы узнали о победе под Москвой, то этнические немцы только отмахнулись: «Вот лето опять наступит, так наши и Москву возьмут, и Сталинград…»

– За счет чего жили в период оккупации?

– Мы взяли из колхоза наши полтора гектара земли, которые нам вначале дали, а потом забрали. Отец брался то ремонт сделать, то еще что-нибудь, но это для частников, а не немцам. Я ему, конечно, помогал, но вообще работы было очень мало, поэтому фактически вели натуральное хозяйство.

А иногда и румыны привлекали к временным работам: если надо что-то разгрузить, дров наколоть, сами-то они не хотели работать. Или помню, как-то зимой нас привлекли для работ по сужению железной дороги. А еще как-то раз нас поймал один

румынский солдат и отвел чистить их казарму. Там были только дневальные, и уйма грязи. Но когда начали подметать, то поднялась такая пыль, что мы даже друг друга не видели. В это время как раз пришел офицер и как начал кричать. Хорошо еще, я догадался выйти во двор, а то он начал всех подряд лупить нагайкой.

Помню, что пооткрывались всякие лавочки. Какие деньги были? Оккупационные марки в основном ходили и леи, но меньше. Помню, что за целый день работы женщинам платили марку, а мужчинам – две. Но вот, кстати, на работу в Германию у нас никого не забирали, я такого не помню.

– Вы упомянули об этнических немцах. На каком они были положении?

– У них были серьезные права, и они жили значительно лучше нас, потому что им и земли выделили, и лошадей. И хотя они и при советской власти не бедствовали, и передовыми были, и жили наравне со всеми, но вот все равно обрадовались немцам… И очень быстро стали нас считать за людей второго сорта, хотя еще вчера мы все вместе жили… Так они их быстро настропалили, что вы – «арийцы»… Они носили повязки со свастикой, ходили строем и распевали:

Дойчен – гут!
Юде капут!
Русским тоже, а румынам позже!

А припев был такой:

Смерть жидам, смерть жидовской коммуне!

Потом их молодежь забрали в армию, но не на фронт, а в Германию. Как-то в отпуск приехал один из них, Адлер, причем до войны такой хороший был парень, но уже даже не разговаривал с нами. Мол, кто мы, а кто вы… И вот посмотрите какая разная судьба: его старший брат Илья служил в Красной Армии, а этот у немцев…

И, кстати, квартальным у нас был один из немцев, так он меня все допекал: «Ты чего это в город на работу не ходишь? А нет, так приходи ко мне, у меня работы много…» Хозяин вдруг нашелся… А ведь раньше он у моего отца в бригаде работал, отец его всему научил, а он вдруг так…

Когда немцы только пришли, то коровы у нас уже не было, но

наша единственная свинья была тихая, и ее не заметили. Но когда немцы пошли к нашему соседу-немцу и хотели у него отобрать, так он их направил к нам: «У них ведь есть отличная свинья». Отец чуть не плакал, когда ее забирали. Потом этот сосед приходил извиняться: «Вы извините, так уж вышло, но когда у моей будут поросята, то я вам обязательно одного дам», но так ничего и не дал. Но ничего, судьба его все равно настигла и наказала…

Румыны контролировали только территорию, а немцы железную дорогу. И как-то случился конфликт: румыны захотели что-то вывезти, но этнические немцы этому воспротивились. Приехало сначала румынское руководство, причем претор кричал солдатам: «Пушкаць!» (стреляйте). А у этих же тоже оружие было, в общем, стычка вышла не на шутку, правда, стреляли только в воздух. Потом разошлись, но румыны этой обиды не забыли.

Здание столовой немцы заняли под склад, весь его забили моторами, и питаться румыны могли только на кухне. В общем, когда случился пожар, то сразу стало известно, что именно румыны сожгли эту столовую. Говорили, что там моторов пятьсот сгорело. Мы ходили смотрели, ничего восстановить было нельзя, все поплавилось. А немцы ходили и ругались на чем свет стоит: «Шайсе ромын…»

– А вам самому с немцами приходилось общаться?

– Как-то к нам на квартиру поселили трех простых солдат, причем один из них оказался австрийцем. Они наклеили на дверь бумажку – «Занято», чтобы больше никто не ходил. Что вам сказать, мне запомнилось, что они любили выпивать, но когда уезжали, то этот австриец аж плакал и просил у отца прощение: «Я не фашист, а простой человек. Что я здесь у вас ищу? Ведь у меня дома семья, дети», даже показывал фотографии своей семьи. Но прожили они у нас недолго, меньше месяца. И насколько я понял, что они ехали с фронта. Как-то на железной дороге разбомбили вагон с сахаром, так они его понабирали, и с нами поделились, и все приговаривали: «Кушай, кушай, русский, а то скоро всем капут будет…»

– Девушки с ними гуляли?

– Сколько угодно. Но как потом с ними разбирались, я не знаю, потому что вернулся как раз в разгар голода, все знакомые поразъезжались, и в городе жили уже совсем другие люди.

Вообще молодым парням и мужчинам без опаски ходить в город можно было только на праздник, только тогда на работу не ловили, а так опасно, могли забрать на какую-нибудь работу.

Если удерешь, хорошо, а нет, то так и будешь бесплатно работать. Но обычно, когда начиналась облава, то один все равно убегал, или его специально отпускали, и предупреждал всех остальных.

– Вы не знаете, из евреев хоть кто-то пережил оккупацию?

– У нас в классе было много евреев, но я потом никого не встречал, поэтому их судьбы не знаю. Но вот когда пришли немцы, то мы какое-то время работали в военгородке, оборудовали госпиталь, причем нам даже что-то заплатили. А переводчицей была одна девушка – Гецис. И немецкий офицер, который с ней работал, ее предупредил: «Когда закончите работу, то больше не работайте, вас всех должны расстрелять… Если хотите спастись, идите в Балту, там евреев пока расстреливать не будут…» Она сразу побледнела, перевела все это моему отцу. И отец их проинструктировал, как им лучше туда дойти: нужно обязательно идти не по дороге, а лесом. И действительно, там они работали, и их не расстреливали. И вот про тех, что оказались в Балте, потом говорили, что некоторые из них пережили оккупацию и спаслись, правда, кто по лесам, кто где…

А кто в Балту не ушел, всех расстреляли… У меня в Балте жила бездетная тетка, так она взяла одну из этих евреек, правда, переодела ее в крестьянскую одежду. Та называла ее мамой, работала, прожила у нее всю войну, и никто не выдал… Так и спасла ее, и потом все говорила: «Это мое счастье, что я в жизни хоть кому-то помогла…»

– Можно сказать, что вы тоже пострадали? Может, вас били?

– Как-то пошли все на праздник, 10 мая у них был какой-то праздник с танцами до самой ночи, и румыны в танце раздухарились, начали кричать: «Эээээй!» Ребята рядом стояли и, передразнивая их, тоже крикнули: «Эээй!» Но два румына подошли к нам и на румынском спрашивают: «Чего эээй?» И раз моего приятеля. Меня тоже ударили, и мы побежали. Они за нами, даже сняли ремни, но мы кинулись в овраг, и они за нами уже не побежали, побоялись.

Еще у нас как-то сгорело депо, и нас собрали разгребать мусор после пожара. Вышел какой-то офицер и начал орать, я до сих пор помню отдельные слова: «Арбайтен, сакраменто», что-то еще… И я в шутку тоже крикнул своим: «Арбайтен!» Он подошел ко мне: раз мне по морде, придержал, второй раз. А если бы я ответил, то он бы меня мог и убить… Начал орать на меня: «Тебя надо в полицию, ты работать не хочешь…»

И еще как-то раз дали по морде ни за что. Шли мы с приятелем по улице, а навстречу нам румын, заместитель начальника жандармерии, капитан, что ли. Ничего не скажешь, он был интересный мужчина, красивый, холеный такой, но его все старались обходить. Поманил нас пальцем, чего, мол, не здороваетесь? Ударил сначала рукой, а потом нагайкой, мы, конечно, побежали. Потом как-то идем, причем по такой улице, где вроде бы и румын не должно быть, так он опять нам навстречу. Мы уже его поприветствовали, но он нас спрашивает: «Де че здравствуйте?» (в смысле, почему это мы его поприветствовали?) И нагайкой нас… И так ему плохо, и так… Девушек, правда, не трогали, а нас да.

Но вообще оккупация – это такое время было, что и жили очень бедно, и ни одеться, ни работы, ни учебы, ни в город не выйти, да и пойти некуда… Жизнь как остановилась…

– Как-то чувствовалось, что фронт приближается?

– Это чувствовалось, да и румыны особенно не скрывали. Даже в этой газете «Молва» были такие сообщения: «Для сокращения линии фронта – оставлены города такие-то…», а нам уже все понятно. Потом мимо нас стали проезжать целые колонны войск, и были видны всполохи канонады, хотя звук почти не доходил. Как-то в нашем доме остановились на ночь офицеры, так мы ушли ночевать в сарай. А когда в нашем дворе остановилась походная кухня, то отец все сокрушался, что у нас нет знакомого врача, который бы дал ему яду, причем он был твердо уверен, что смог бы незаметно им подсыпать…

А в первых числах марта 44-го над нами стали пролетать снаряды, а потом и пули… Появился отряд эсэсовцев, которые стали ходить по дворам и искать молодежь призывного возраста. К нам зашел пожилого вида немец и спросил меня: «Тебе сколько лет?» А когда я ответил, что шестнадцать, то он с таким недоверием посмотрел на меня. Отец на нас с братом цыкнул: «Не маячьте без дела, идите работать».

И, пережидая прохождение фронта, я на пару дней спрятался. У нас за городом был глубокий и очень крутой овраг, в котором стояла очень ветхая избушка, где жили дед с внуком. Я с этим парнем был знаком с детства, поэтому попросился к ним спрятаться на пару дней. Причем недалеко немцы поставили свое орудие, которое стреляло по нашим, а наши стали в ответ. Один раз я захотел выйти на улицу и только открыл дверь, а на меня комья земли от близкого разрыва снаряда… А когда эти артиллеристы уходили, то пришли и начали просить у деда попить воды, а еще лучше молока. Да только откуда у них молоку

взяться?

А потом ранним утром появились наши разведчики, мой отец показывал им дорогу, но основные войска появились только через пару дней, и боев почти не было. Вот так нас освободили.

– Когда вас призвали в армию?

– Кажется, 26 марта нас освободили, а уже 28-го меня призвали. Правда, вначале человек пятьдесят пошло в город, и подпольщики нас организовали: раздали оружие и расставили охранять разные объекты, чтобы люди их не растащили: пекарню, какие-то склады. Я как раз стоял на таком посту, когда пришел мой товарищ и говорит: «Иди, собирайся, нас в армию забирают». И все, никакой повестки, ничего такого не было.

Собрали нас в Доме Красной Армии разных возрастов где-то две тысячи человек со всего района и устроили вначале проверку. Этим занимались подпольщики, они же все про всех знали. И вот перед нашим огромным строем выходит капитан и говорит: «Кто служил в полиции – выходи». Вышли четверо, а один не вышел. Его сосед толкает в бок, выходи, ты же служил. Тот ему: «Отстань». Подозвали этого капитана, он посмотрел в свой блокнот и говорит громко: «Не беспокойтесь, товарищи, он служил в полиции по заданию подпольной организации». Его сразу оставили в покое, а тех четырех увели.

И тогда нас начали разбивать по подразделениям. Вначале объявили: «Нужно сто человек в роту автоматчиков». Кинулось человек триста, наверное. «Нет, нет, товарищи, нужно всего сто». Как-то там отобрали. Вторая рота – бронебойщики. Тоже вышли добровольцы, но уже не так бойко. Набрали. Как сейчас помню, была небольшая пауза, и потом говорят: «А сейчас мы набираем для очень опасной, но и очень почетной роты. Кто хочет в разведчики?» И поверьте, сколько нас там оставалось, но никто не вышел, никто! Тогда капитан повторил: «Я считаю до трех, если сто человек не выйдет, то сам начну выбирать». И все равно никто не вышел… Тогда он начал ходить вдоль строя и выбирать. А я же высокий был, среди сверстников выделялся, как корова среди овец, худой, правда. В общем, я стоял третьим в строю по росту, поэтому на меня обратили внимание, выбрали, и так я попал в эти сто человек для разведроты.

Сразу разбили всех на роты, но на пару дней еще распустили по домам и только потом опять собрали. Когда с родителями прощался, думал, что в последний раз видимся, а что поделать?.. И мы пошли колонной через наш городок… Подвели к казарме и дали нам по снаряду для 76-мм орудий, чтобы мы впустую к фронту не шли.

Из Котовска дошли в Красные Окна, там снаряды оставили и оттуда в Дубоссары. Но нам ничего не говорили, куда, чего. И вот так мы попали на Шерпенский плацдарм. Поздно ночью нас привели во второй эшелон, а в окопах смотрим: тут рука торчит, там нога…

Пришли два командира, и старший лейтенант зачитал фамилии. Из всей нашей сотни выбрали всего четырнадцать человек. Причем мы еще подумали, что раз выбрали только молодых, то, значит, нас отправят учиться в училище.

Там же приняли присягу, выдали красноармейские книжки, и вот так я оказался в полковой разведроте 960-го полка 299-й стрелковой дивизии. Коллектив был то, что надо. Встретили хорошо, не подковыривали, чем могли, помогали. Людей не хватало, поэтому на отсутствие у нас боевого опыта не смотрели. В этой разведроте я провоевал с 9 апреля по 21 июня, пока меня не ранило.

– Расскажите, пожалуйста, о структуре роты. Какие люди там служили?

– Всего там служило человек пятьдесят. Точнее сказать не могу, потому что общего построения роты у нас ни разу не было. Командиром роты был старший лейтенант, но его фамилии уже не помню. Рота делилась на два взвода: Зуева и старшего сержанта Плетникова, к которому я и попал. Хотя в поиск набирали смешанно, как-то смотрели, кто им подходит, и тех вызывали.

И был в роте еще один офицер-инструктор, который стал нас обучать. Считаю, что за такой короткий период он нас подготовил довольно неплохо. Помню, как он нас спрашивал: «Что самое опасное в разведке?» Кто что отвечал, но он нам сказал: «Запомните, самое опасное – это нарваться на немецкую разведку! В лучшем случае половина погибнет, а в худшем все… Поэтому всегда нужно быть начеку!» Этот инструктор нас еще так учил: «Самое главное – вы должны ползти тише кошки, а не то, что вы там налетели, пошумели, подвигов наделали… Вы должны тихо взять «языка» и тихо его привести – вот это высшая квалификация для разведчика».

– Как тщательно готовился «поиск»?

– Четыре опытных человека ходили на передовую и подбирали место для перехода. Если не находили, то в следующую ночь шли уже в другое место. Место для вылазки подбирали очень тщательно, причем если немцы их заметили, то все, в это место даже не суемся.

Но к опытным разведчикам всегда добавляли новичков, чтобы те учились. По возрасту у нас была одна молодежь. Самому старшему – Плетникову было всего двадцать четыре года, но он нам казался взрослым и очень опытным.

Наши офицеры в «поиск» сами никогда не ходили, но авторитет у них был. Как я уже говорил, строгого разделения на группы у нас не было. Старший группы сам подбирал людей и предлагал им пойти, но отказываться было некрасиво, поэтому никто ни разу и не отказывался. Новички начинали с группы прикрытия, опыта же нет еще. Ну и должны были таскать «языка», а если придется, то и раненых или убитых.

Помню, что когда в первый раз пошли, то у меня сердце так стучало, что я его только и слышал. Во второй уже меньше, а в третий я и забыл про сердце, хотя страшно было очень… Когда я слышу, что кто-то бахвалится: «Да я вот так запросто в разведку…», мне просто смешно, ведь ты же сам идешь в лапы к врагу, и с любой стороны тебя могут в любой момент прихлопнуть…

В нашей роте служили только славяне. Причем если человек был в оккупации, то вначале чувствовалось некоторое недоверие, правда, только до первого «дела». Рота была очень дружная, но с кем-то особо подружиться я просто не успел, ведь все время постоянно были заняты. Но сплоченность была настоящая, как говорится, один за всех, и все за одного.

Как пехоту нас никогда не использовали, у нас была своя задача, а у них своя. Но от пехоты мы себя и не отделяли, хлебали с ними из одного котла. И оказалось, что в разведке ничуть не почетнее, ничуть… Зато гораздо опаснее… Поверьте мне, после разведки везде легко… Но чтобы кто-то просился из разведки уйти, я такого даже не слышал.

Были ли в роте бывшие уголовники, тоже не знаю, у них ведь на лбу не написано, а так никто не рассказывал, у нас вообще народ был молчаливый и неразговорчивый.

Снаряжение? Про маскхалаты, например, я даже и не слышал. Брали в «поиск» три-четыре плащ-палатки. Половина роты ходила в сапогах, да и то в немецких. А остальные, и я тоже, в ботинках.

Группа захвата у нас была четыре силача. Видно, они или бывшие спортсмены, или кто, но я когда видел, что они вытворяли на тренировках, как они друг друга кидали! Очень сильные и ловкие. Так вот, в «поиск» они ходили зачастую даже без автоматов, им они были не нужны. Вообще «ППШ» для разведки не совсем удобный, слишком большой, круглый диск при ползании сильно мешал. Мне, например, очень нравился «ППС». Это совсем другое дело, он небольшой, легкий, удобный, и

рожок вместо диска. Причем в «поиск» брали всего один рожок и всего по одной гранате, мы же не в бой идем. Немецкое оружие никогда не брали, в их форму не переодевались.

– Чему вас учил этот инструктор?

– Перво-наперво нас научили самому главному закону разведки – никогда не бросать своих! Поэтому мы ни разу никого не оставили и не бросили. Но чтобы пришлось выбирать, кого вытаскивать, своего товарища или «языка», у нас таких ситуаций не было, хотя нас настраивали, что и того и другого нужно вытащить.

И учили, конечно, как обращаться с оружием: огнестрельным и холодным. Ножом учили бить снизу, так опаснее. Инструктор говорил так: «Даже если ты будешь падать, то и снизу сможешь его пырнуть». Как ползать, как правильно маскироваться, много чему.

Никакого ритуала принятия в разведчики у нас не было, это же не игра, а очень опасная работа, фактически идешь на смерть… Одно слово – смертники… Всякий раз уходишь – прощаешься… Хотя больших потерь или тем более, чтобы целая группа не вернулась, у нас такого не было.

– Сколько раз вы ходили в «поиск»?

– За те 73 дня, что я пробыл в разведке, на передовую мы ходили почти каждую ночь, или наблюдаем, или готовим лазейку, или по нейтральной полосе ползаем. Бывало, что часами там лежали и караулили немцев. Думаю, что раз десять я так сходил. В основном мы возвращались без немцев, но раза три с передовой рядовых все-таки притаскивали. И еще два раза мне пришлось сходить за линию фронта, в ближний тыл к немцам. Уходили, правда, недалеко, километра на два максимум.

– Расскажите, пожалуйста, об этом.

– В первый мой выход пошли вдевятером. Легко взяли «языка» и легко вышли, особенно даже ничего и не запомнилось. А вот во второй выход в тыл к немцам меня ранило. Нам тогда поставили задачу: «Нужно срочно взять «языка», а не возьмете, так вся ваша рота пойдет в разведку боем…» Но Плетников уверенно пообещал – возьмем.

Он сам отобрал восемнадцать человек, и я попал в их число. Начали готовиться. Плетников лично нас тщательно готовил, даже не забыл напомнить: «И не забудьте по кусочку хлеба». Хлеб брали для того, чтобы если вдруг очень захочется кашлять, то съел кусочек, и горло сразу прочистилось.

Пошли в ночь на 21 июня, тогда до Кишинева оставалось уже всего семнадцать километров по прямой. Удачно перешли линию фронта, дошли до какой-то деревни. Смотрим, часовой что-то охраняет. Его убили, но появились еще двое, одного убили, а второго взяли в плен. Надели ему колпак на голову, в рот кляп и потащили. У нас в роте был такой специальный ватный колпак для «языков», как ведро. Причем этот унтер вначале отказывался идти, даже говорил: «Хоть расстреливайте, но не пойду». Но Плетников через нашего переводчика ему сказал: «Поживешь еще». Привязали его за член, и он так побежал… Но смеха это ни у кого не вызвало, тем более у меня, у всех же нервы на пределе…

А на обратном пути меня ранило, зацепило самый кончик кадыка. Там же пули так и свистят, почти беспрерывно. Меня осмотрели, успокоили, мол, ничего страшного, всего лишь царапина. Вышли на нейтральную территорию, а там низинка была, и пули уже свистели довольно высоко над нами.

Сели передохнуть и подготовиться к последнему броску. И тут сигнал: в нашем направлении движутся немецкие разведчики… И как потом оказалось, они тоже «добычу» несли. А ведь нас инструктор до этого сколько раз предупреждал, самое опасное – встретиться разведка на разведку. Там или часть погибнет, или все до единого…

Помню, что там рос виноградник, мы еле успели разделиться на две группы, присели, и как они подошли, мы на них кинулись… Но бросились только с ножами, без выстрелов, но не чтобы не шуметь, а чтобы своих не перестрелять. На меня бросился один здоровый немец, он, видно, одного нашего убил, развернулся на меня, и я еще подумал, что у него в руке граната. Я успел ногой его в живот толкнуть, он пошатнулся, отступился на шаг, но отмахнулся и рукой меня зацепил в подбородок. Но я нырнул ему в ноги, наверное, он подумал, что я падаю от его удара, и, поднимаясь, я ударил ему ножом снизу, прямо между ног… Он только крякнул, но не упал сразу, а медленно осел прямо на меня…

Я потом посмотрел, а у него в руке был пистолет… Это правильно говорят, что не каждый может убить ножом, но в критической ситуации, когда остается доля секунды и вопрос стоит ребром: или ты, или он, – то думать особо некогда… Но вообще как это у меня все так удачно получилось, я и сам до сих пор не понимаю…

Пока поднялся, помню, что дрожал весь, а все уже закончено, наши стоят. Меня похвалили, подбодрили. Посчитались, немцев оказалось двенадцать. Дострелили их. Шуметь не боялись, потому что на передовой всегда идет постоянная стрельба, и на наши

выстрелы никто внимания не обратил. Но вообще, конечно, что и говорить, повезло нам сильно. Нас и больше было, и мы их первыми заметили. Нашего пленного освободили, оказался какой-то старшина. Он нам стал помогать, ведь у нас было трое убитых и шесть раненых, из которых двое очень тяжелых, оба без сознания.

Их в первую очередь положили на плащ-палатки и вперед. У самых окопов начали перекликаться: «Мы свои!» – «Пароль!» – «Котелок». – «Отзыв!» – «На двоих». Подползли к самым окопам, и тут я совершил ошибку. Когда осветительная ракета только погасла, нужно было немного выждать, а не кидаться сразу, потому что когда ракета тухнет, то пулеметчик сразу дает очередь в темноту. Но я сразу поднялся на бруствер и тут же получил две пули в левую руку… Одна навылет, а другая застряла в кости, чуть повыше кисти. Я упал в окоп, меня перевязали.

Вышли к своим, доложились. Командир роты поблагодарил и отправил нас, четверых раненых, в санроту. Отдали нам документы. А потом в санроту пришли и ротный, и остальные ребята. «Благодарю за службу! Быстрее выздоравливайте и возвращайтесь к нам». И зачитал нам приказ, что нас всех четверых наградили медалью «За отвагу». Тяжелораненым и убитым дали по Красной Звезде, а здоровых пообещали наградить позже, потому что наград на всех просто не хватило.

Мы пошли своим ходом в тыл, а там как раз стоял санитарный эшелон, в который нас и приняли. Суток трое, наверное, ехали, но я лежал на верхней полке, меня просквозило, и сильно простыл. Приехали в город Крюков на Днепре, всех разобрали по отделениям, а меня в изолятор, потому что боялись, что это не простуда, а какая-нибудь зараза.

В госпитале меня подлечили, но когда сняли гипс, оказалось, что кость срослась неправильно. Перед самой выпиской меня вдруг вызвали на перевязку. Ребята в палате даже засмеялись, потому что мне выписываться пора, а меня опять на перевязку. Но мне опять поломали руку и загипсовали заново.

Потом нас отправили в ГЛР (госпиталь легкораненых), который находился на станции Хировка. Причем мы поехали туда прямо в нашем госпитальном нательном белье. Оно было такое старое, уже застиранное совсем, а нам выдали только шинельку, чтобы прикрыться, да ботинки без обмоток, так что выглядели мы как настоящие голодранцы… В этом ГЛР мне сделали семь или восемь сеансов лечебной физкультуры. Я садился за стол, работал пальцами на специальном станочке, а потом мне еще целый час медсестра массажировала руку. Помню, вышел с первой

процедуры, а у меня раненая рука работает лучше здоровой, правда, всего на два часа.

А чтобы мы не бездельничали, нас там начали обучать. Отобрали тридцать молодых славян, и начали нас учить станковому пулемету. Тех, кто постарше, – на ручной пулемет, а все остальные, в основном нерусские – на ПТР, потому что там и учить нечего. Я все добросовестно выучил и сдал на «хорошо».

Доехали с этим ГЛР до Жеребкова, а это от моего родного Котовска всего 35 километров. Я, конечно, попросился заскочить домой, но мне не разрешили: «Не стоит, вы отстанете, будут проблемы».

А через пару дней началась Ясско-Кишиневская операция. Примерно 26 августа на малом ходу прошел эшелон, и из него прямо на ходу для нас выбросили тюки с обмундированием. Нас выписали, и командой где-то из семидесяти человек мы поехали на фронт.

Это была целая эпопея. Добрались до узловой станции Слободка, там сели на угольный эшелон, и на нем доехали до Рыбницы. Грязные были как черти. Потом поехали в Яссы, там сходили посмотреть королевский дворец. Дальше пошли пешком, и везде нас румыны встречали очень хорошо, всегда сами нас угощали. А узбекам там была вообще радость. В одном месте сбежал хозяин большого хозяйства, где было много овец. Так они их резали и эту жирную баранину ели прямо без соли.

На попутных эшелонах, в основном на наливных сцепках, поехали дальше. Как сейчас помню, что когда ссорились с охраной эшелонов, то наши нацмены кричали: «Я тоже должен ехать на фронт! Почему я должен пешком идти, что я тут украду?» Как-то уселись на крышу одного вагона, но в щель увидели, что до самого потолка он заполнен станковыми пулеметами. Нет, думаем, лучше пересесть на другой вагон.

В общем, с такими приключениями, где ехали, а где шли. Помню, что проезжали через Роман, Бакэу, Брашов, Орадя. Нигде ничего мы у людей сами не просили, просто стыдно было просить. Если покормят – спасибо, а нет, так нет. Но почти везде люди нас сами кормили.

И только 5–6 сентября мы добрались в запасной полк 2-го Украинского фронта, который располагался где-то на Дунае, в Венгрии. Что вам сказать… В этом полку было около тридцати тысяч народу… Нары в четыре ряда. Если пошел в туалет, то все, твое место сразу занимали, ведь как селедка в бочке лежали… А когда подъем, то спуститься по лестнице сразу нельзя – внизу пробка, потому что пока все оденутся, выйдут…

Правда, кормили там, в принципе, нормально, один котелок

на двоих. Это в Молдавии хлеб был из непросеянного ячменя со стюками, а мясо, только если лошадь убило. Его жуешь-жуешь, как резину, а потом выплевываешь. Но тогда на это особо никто не смотрел, все думали о том, как бы живым остаться. Матросы Дунайской флотилии, помню, с нас все смеялись: «Как утро – так кипучее, как вечер – так могучее», потому что мы все время песни разучивали.

Но проводили и полевые занятия, а по дороге туда и обратно вроде как строевая подготовка. Обучали, как нужно наступать, как обороняться. Сержант у нас был лет тридцати пяти, так он нас так гонял, а когда мы не хотели через грязь ползти, он все приговаривал: «Не хотите ложиться, а на передовой как миленькие ляжете, и еще будете рукой яму копать, чтобы голову в нее спрятать…»

Запомнился еще такой эпизод. Как-то прямо над лагерем пролетел «мессершмитт» и невдалеке сел. К нему поехала машина, и оказалось, что пилотом там оказался семнадцатилетний пацан. Он рассказал, что только окончил летную школу, но его папа ему сказал: «С русскими воевать не нужно», поэтому он решил сдаться в плен. Его, конечно, приняли, как положено.

Где-то пять дней мы пробыли в этом запасном полку, и взводный говорит: «Пришел сильно богатый «покупатель», ему нужно сразу три тысячи человек». А мы про такое даже и не слышали никогда, это же фактически целая дивизия. И на длинном эшелоне с двумя паровозами мы поехали к фронту. Думали, нас везут к Будапешту, но нет, мы проехали мимо него.

Привезли в какую-то степь и маршем к месту назначения. Открыли нам склад: «Берите оружие». Кому винтовку – 130 патронов, больше можно, а меньше нельзя. Но старики нам сразу сказали: «Набирайте побольше, а то немец в наступление пойдет, и мы быстро останемся без патронов». Всем выдали по одной гранате, и еще каждому выдали по две бутылки: одна с прозрачной жидкостью, как водка, тоже сургучом запечатанная, а вторая – черная. Белая воспламенялась от соприкосновения с воздухом, а черную нужно было бросать сильно, только тогда разбивалась ампула внутри нее, и огонь от нее тоже уже не потушишь.

Двинулись к передовой, причем что мне запомнилось. Вдоль дороги из прутьев был сделан специальный забор, чтобы немцы не видели передвижения. Но нас все равно заметили, начался артобстрел, а меня еще отец учил, он же воевал в 1-ю мировую: «При артобстреле нужно бежать не назад, а вперед». Поэтому я и кинулся вперед, а за мной еще пара человек.

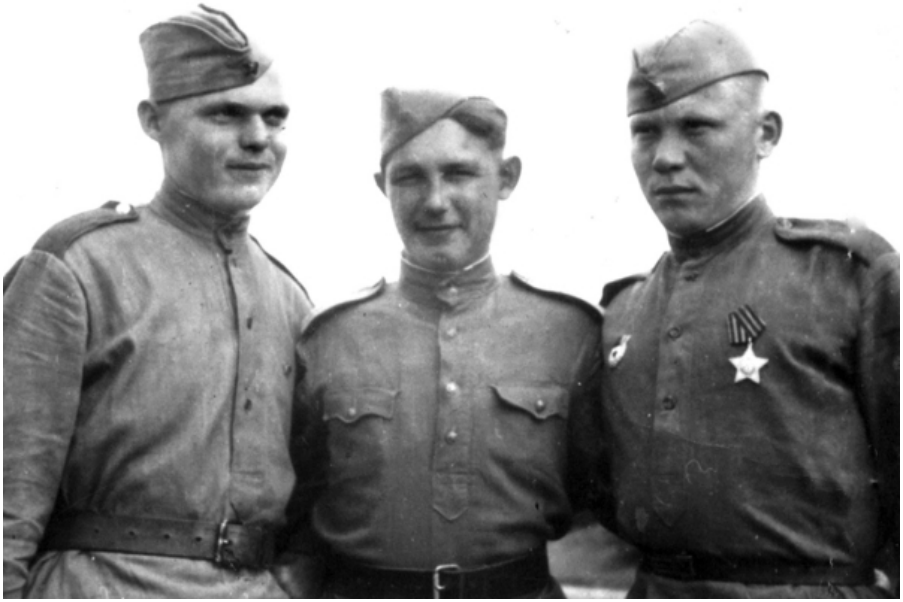
В общем, вот с такими приключениями мы попали в 72-ю Гвардейскую дивизию 7-й Гвардейской армии. Меня направили в пулеметную роту 2-го батальона 222-го полка. Уже после войны на политзанятиях нам рассказывали, что к нам перебежал один немец и говорит: «По личному приказу Гитлера вашу дивизию разобьют», ну якобы за то, что она отлично воевала. Штабные начали смеяться, а он и говорит: «Завтра можете меня расстрелять, если я сказал неправду…» Но факт тот, что когда немцы ударили, от дивизии осталось всего ничего… На семь километров обороны, что держала дивизия, пошли 200 танков, а перед этим еще два дня непрерывно работала артиллерия… В этих боях погиб и комдив Лосев, а на его место потом назначили Берестова.

Нашу пулеметную роту тоже формировали заново. Я же в ГЛР окончил курсы пулеметчиков, поэтому и вызвался в пулеметчики, но меня все равно проверили, устроили вроде как экзамен. Поспрашивали немного по теории, и все. Набрали много молодых и нацменов, тогда вообще их много пришло. Я уже тогда был нестроевик, но ограничений по службе пока не было, хотя уже и вышел указ, что нестроевиков определять на работы полегче. В роте было четыре расчета «максимов», с командиром и санинструктором, всего двадцать пять человек. Нами командовал необстрелянный младший лейтенант, который по возрасту был даже младше меня. Меня назначили первым номером, а вторым мне дали Лебедева. Он был повыше меня, правда, и потоньше меня, хоть я и сам был «фитиль».

Это уже была вторая половина сентября. Нам поставили задачу – взять высоту и деревню и таким образом выровнять линию обороны. Названия ее точно не знаю, но между собой эту деревню мы называли Новая Весть. Взяли ее хоть и с боем, но почти без потерь, и встали в оборону.

Но моя рука не то что не заживала, а стало еще хуже. Ребята вначале подумали, что я сачкую, потому что я даже окапываться не мог, у меня рука до локтя стала темно-лилового цвета. Мне перед ними неудобно, но я им объясняю, ребята извините, ранение. До ноября я еще как-то терпел, но потом рука посинела до самого плеча и так болела, что меня аж крутило от боли. К тому же по ночам уже стало холодно, и нам начали выдавать по 44 грамма спирта, но мы его пили не разбавляя.

Когда я показал санинструктору руку, то он мне сразу выдал направление к врачу нашего полка. Она посмотрела и говорит мне так укоризненно: «Но вы домой не поедете!» – «А я что, прошусь, что ли?!»



Слева направо: к-р 1-го отделения Соловьев А.И.; Киселев – комвзвода; С. Стульник – к-р 2-го отделения (после войны)

И после этого меня попросили на время стать старшиной моей же пулеметной роты, потому что старшина, которого нам прислали, от жадности нажрался маргарина, запил его водой и слег с тяжелейшим отравлением. Заменить его было просто некем, но я все равно отказывался, потому что термосы и пустые тяжелые, а уж полные я тем более таскать не мог. Пока ребята по две ходки делают, я и раза не успевал. Мне говорят: «Пусть тебе больше солдат дают». А кого там брать, если там одна молодежь и нацмены, которые от страха вообще ни на каком языке не разговаривают… В общем, меня просили побыть старшиной роты пятнадцать дней, но я там промучился полтора месяца.

И только после этого меня назначили связным командира моего 2-го батальона. Основная моя обязанность была принести в штаб батальона к восьми утра докладные из рот. Я прятал докладные за пазуху и вперед. И вот так до самой Победы, все три с половиной месяца, я был связным. После разведки, конечно, это был прямо санаторий. В боях я уже не участвовал, но мне ведь даже еще в пулеметной роте после разведки казалось легко, а уж когда я стал связным, то понял, как это можно всю войну прослужить и остаться живым. Хоть я и был все время связан с передовой, и под пулями ходил, и всякое случалось, но все-таки это было уже не то…

Наша дивизия освобождала Венгрию, Словакию, а в Австрии,

местность, где родился Гитлер… Там немец нам перцу задал. Пустил по нам термитные снаряды, побило много лошадей… Бои до самого конца войны были тяжелые.

– Где вы узнали о Победе?

– В Чехословакии, чуть не доходя до Праги. Но, кстати, даже митинга, по-моему, у нас не устроили, я, например, не помню. Зато стрельба была дня два, фары на всех машинах повключали… Стол хороший сделали, правда, офицеры сели отдельно, а солдаты отдельно. Разрешили немного пить, но я же непьющий и даже некурящий.

Причем такой момент. Сразу после войны, когда мы стояли в Чехословакии, то чехи сманивали наших солдат, и знаю, что некоторые к ним так и сбежали, хотя эти данные и были засекречены. И даже мне знакомые чехи тоже предлагали: «Давай к нам, мы тебе сделаем документы». Но мне отец так сказал: «Если предашь Родину – я тебя прокляну…»

– Какие у вас боевые награды?

– Если я вижу, что у человека мало наград, значит, точно пехотинец с передовой. А если наград по пояс, значит, точно из тыловиков, «коллекционер»… Помню, был у нас один трусоватый старшина по фамилии Пурич. Пожилой уже, обрюзгший, причем партийный, так у него только ордена были, и ни одной медали, хотя к фронту он и близко не подходил. Как-то вызвал его капитан к себе, мы шли вместе, и тут начался артобстрел, так я и оглянуться не успел, а он уже в тыл бежит… Все понимали, что он в возрасте, и не трогали его. А я думал, так вот кто, оказывается, ордена получает…

Другой, помню, такой невысокий молодой парень, охранял одного политработника и имел шесть медалей «За отвагу». Шесть!!! Я-то прекрасно понимаю, что это за награда, что эта медаль почетнее, чем орден. Спросил его как-то: «Что ты такого совершил? Какие подвиги?» – «А что, – говорит, – мне выписывают, я и беру…»

Ведь как тогда награждали. Возьмем, например, деревню, и присылают запрос: предоставить списки отличившихся. А отличившиеся знамо где, кто убит, кто ранен, поэтому кого-то из оставшихся награждали, а остальное штабники себе выписывают…

Или, например, сразу после войны у нас был командир роты, татарин. Ничего такой, и справедливый, и боевой, но он не воевал, а ему все равно вручили орден Красной Звезды и написали, что он участник войны.

Правда, у нас в батальоне был, даже фамилию его помню, младший лейтенант Пшеничников. Когда брали одну высоту, он себя геройски проявил, но его тяжело ранило, а солдаты вообще посчитали, что его убило. Но похоронная команда его спасла, разглядели, что он еще живой, и отправили в госпиталь. Как потом оказалось, звание ГСС ему присвоили «посмертно», но когда он вернулся, то устроили целый митинг, и звание ему восстановили как живому. Знаю, что у нас в полку ГСС были, но только офицеры, среди солдат не было.

А у меня за войну всего одна награда – медаль «За отвагу» за ту разведку. Хотя, если бы я был подхалимом, то тоже мог попросить нашего писаря, чтобы он мне навыписывал наград. Ведь у него же бланки были уже подписанные, но мне такого добра не нужно… Я вам так скажу, те, кто ходил под огнем, те, кто каждый день смотрел смерти в глаза, о наградах вообще не думали. Еще живой, не ранен? И слава Богу!.. Да и не за награды мы воевали…

Кстати, этот наш батальонный писарь Хребко был комсоргом роты, и фактически он меня втихаря и в комсомол записал. Как-то он меня спросил: «Ты уже смыл свою вину?» – «Какую вину?» – «Ну, ты же был в оккупации». – «Так и не я один, нас там восемьдесят миллионов было…». Больше он ничего не сказал и ушел. И как потом оказалось, он, не спрашивая моего согласия, написал за меня заявление о приеме. А где-то через неделю меня вызвали в штаб, я еще подумал, что кто-то на меня «накапал», но меня начали расспрашивать: «Кто у нас командир полка? А комдив?» Потом уже пошли вопросы посложнее: «Кто председатель Верховного Совета СССР?», и так далее. Я на все вопросы хорошо ответил, но уже сам начал коситься, думал, что это за расспросы такие? Но потом увидел на столе у офицера комсомольские билеты и значки и сам обо всем догадался. И потом передо мной этот Хребко оправдывался: «Так тебе хорошую рекомендацию дали и комбат и комроты, а сам бы ты стал отказываться, говорить, что, мол, неподготовленный. Ты что, обиделся на меня?» – «Я не обиделся и отказываться бы тоже не стал, просто вы меня даже не спросили, не предупредили, и я потом на приемную комиссию пошел неподготовленный».

Причем сразу после войны, когда уже начали демобилизовывать, то стало не хватать политработников. Тогда замполит нашего полка ГСС майор Михеев стал собирать лучших бойцов. И меня тоже привлекли к этому делу, потому что я им подходил по всем статьям: участник войны, молодой, комсомолец. Михеев лично читал нам политинформации: сколько людей было награждено званием ГСС, сколько награждено

орденами Победы, и всякое такое. А я потом приходил в роту и просто читал свой конспект.

– А к Сталину, например, вы как сейчас относитесь?

– Все-таки он очень много хорошего сделал, но с другой стороны, все эти недостатки с коллективизацией, голодом… Но чего у него не отнять, так это, какое при нем было мощнейшее государство и какой он был трудяга. И всегда стоял за простой народ! Но в партию я потом так и не вступил, да и в комсомол, получается, случайно попал.

Вот, кстати, вы спросили про Сталина, и вспомнился такой эпизод. У нас в Котовске рядом с городским стадионом стоял горисполком. И у него на козырьке еще до войны установили бюст Сталина. Так, когда пришли румыны, они этот бюст не сломали и не сбросили, а набросили ему на шею петлю из веревки, типа повесили его. И так и оставили, смотрите, мол, как мы вашего великого вождя…

– Как наши войска за границей встречало мирное население?

– Лучше всего, конечно, встречали в Чехии. Там девушки даже снимали с нас пилотки и забирали себе на память звездочки. Запомнилось, как в одной деревне чехи нарисовали праздничный транспарант, но серп и молот у них оказались нарисованы наружу. Наделали для нас бутербродов, выкатили бочку вина, и комбат разрешил угостить солдат, но не более чем по одному стакану.

В румынской Молдове люди тоже встречали прекрасно. Там в одном месте мы остановились на двое суток в одном крестьянском доме. Такие хорошие и душевные люди попались, так к нам по-человечески отнеслись, что когда мы уходили, то мне этот старик, хотя какой он старик, просто для меня, 20-летнего, он мне казался пожилым, сказал мне: «Приезжай к нам потом, примем тебя как родного. У нас сын был точно такой, как ты. Погиб под Сталинградом…»

– Но не было никаких «эксцессов»?

– Как мне показалось, венгры живут побогаче, чем чехи, но те живут культурнее, что ли. И даже в Румынии, мне показалось, что люди жили лучше, чем у нас. И даже те, кто работал на хозяев, не жаловались. А в Венгрии вообще было изобилие всего, они жили на широкую ногу, но нас строго предупредили: кушать, если не дают, можете брать насильно, но за грабеж имущества и насилие будет трибунал. Это ни в коем случае! Но у нас в дивизии было

много бывших заключенных, и они разное творили, правда, и получали за это…

В Венгрии уже после войны как-то в самоволку ушли трое солдат. Помню, что как раз шла уборка урожая, так они в одном хозяйстве убили крестьянина, а его жену изнасиловали… Их поймали и устроили трибунал. Построили всю дивизию буквой П, позвали родственников этих венгров, зачитали приговор, награды с них посрывали. Одному дали восемь лет, другому двенадцать, а третьему расстрел… Он встал на колени возле ямы, и его расстреляли… Но это был единственный раз, когда я видел показательный расстрел.

Там же, в Венгрии, мы стояли в одном местечке, и вдруг подходит к нам одна мадьярка, что говорит – непонятно, но видно, что жалеется. Оказалось, что один солдат взял беременную девушку и хотел ее изнасиловать. Я, недолго думая, доложил офицеру, он пошел, вывел его к калитке и как дал ему по морде… А я стоял рядом и думал, что если он на нас направит оружие, то я его точно убью… Но тот молча ушел. Так потом эти венгры нас приветствовали как родных, стол накрыли и даже руки нам целовали.

Хотя сами венгры еще коварнее, чем немцы. Мы когда у них ночевали, то обязательно кто-то один не спал, потому что знали, что они убивают наших солдат. Ходили разговоры, что спящих убивали шилом в ухо… И без вести солдаты пропадали… После войны мы стояли возле Секешфехервара, так то там солдата убьют, то тут, а один раз у колодца сразу двоих нашли… Что вы, это очень коварный народ… Если нас настойчиво хотели угостить, то мы сначала обязательно просили их самих попробовать, потому что они запросто могли и отравить…

Еще во время войны, когда проходили в Карпатах, то в одном месте нашли три трупа наших девушек-военнослужащих, даже не знаю, кто это были. Перед смертью их страшно пытали: отрезали груди, выкололи глаза, звезды на теле вырезали, ну как так можно… Я лично видел эти растерзанные тела… Причем точно было известно, что это сделали именно венгерские солдаты. И вскоре после этого в плен взяли четверых венгров, их привел один боец на лошади, и командир его спрашивает: «Где их взяли?» – «Сидели в скирде, стреляли по нашим из пулемета и снайперских винтовок». – «Ну, раз так, отправить их в земотдел…». И тут же их просто расстреляли… Но чтобы у нас кто-то пленных пытал, я про такое даже и не слышал никогда.

– Насколько это характерный эпизод?

– Вообще-то сразу после боя пленных могли и расстрелять, но

просто так их не трогали.

– Как вы можете оценить немцев как солдат?

– Вообще немцы – это грамотный и умный народ, просто Гитлер их направил не по тому пути. Думаю, что они бы и коммунизм построили быстрее нас, если бы только взялись. Немцы были квалифицированнее, грамотнее нас, тут спору нет. А у нас солдаты зачастую даже по-русски не говорили…

– А кстати, с людьми каких национальностей вам довелось служить вместе?

– Самых разных. Вот вспомнился такой случай. Как-то послал меня наш комбат, капитан Дусенбиев, в штаб полка с донесением, и на словах я передал его просьбу: «Прислать четыре пулемета с русскими расчетами». Так тот офицер аж взвился: «Ишь ты, сам казах, а русские расчеты требует», правда, эту просьбу все-таки выполнили.

У нас много было разных нацменов из Азии, и мы знали, что между собой у них ходили такие разговоры: «Мы хотим национальную армию. Что мы тут делаем?» Но этим пацанам рот быстро затыкали. Меня уже после войны назначили командиром первого отделения, и я, например, своим солдатам все разъяснял: «Что все мы братья, что у нас одна цель». И ничего, постепенно они привыкли, песни пели и очень хорошо ко мне относились. Были у нас и литовцы, и эстонцы. Ничего плохого сказать про них не могу, тоже преданные. Особенно мне запомнилось, как литовцы смешно говорят в нос. Евреев среди солдат не помню, но был у нас один старшина, а когда я еще воевал в разведке, то в пулеметной роте у нас был один еврей, и вроде бы он сам себя ранил, но говорили, что его перевязали и отправили в тыл.

– Вообще самострелов много было?

– Про самострелов я только слышал, а в госпитале мне даже такое рассказывали, что если всех самострелов судить, то будет совсем неважная картина… Так что врачи многое мимо ушей пропускали.

– А с «особистами» вам приходилось сталкиваться? Про «заградотряды», например, слышали?

– Сам я с ними не общался, но как-то слышал такое, что где-то на Украине заградотряд сзади расстрелял взвод или целую роту солдат, которые дрогнули и стали отходить… А уже после войны нам рассказывали про солдата, который раньше служил в нашей дивизии.

На одном притоке Днепра, небольшой такой речке, наши захватили маленький плацдарм и переправили туда пулеметную роту – 4 пулемета. Немцы начали контратаковать, пару их атак отбили, но комроты был совсем молодой и дрогнул. Дал приказ отойти, причем даже бросили на позициях пулеметы. Правда, одного солдата оставили в арьергарде, но когда он тоже захотел отойти, мостик уже оказался взорван. И тогда он решил вернуться на позиции. Посносил ленты к пулеметам, приготовился, и когда немцы начинали наступать, слышно же, как камыши шуршат, так он туда на звук строчил. Так всю ночь и бегал от одного пулемета к другому. Только утром наши догадались, что на позиции кто-то есть, и направили помощь. И когда он увидел, что подмога идет, то от нервного перенапряжения потерял сознание. Так фактически в одиночку он удержал плацдарм. Ему за это вроде бы дали Героя, а провинившихся обещали отправить в штрафную роту.

– А лично вы с «штрафниками» не пересекались? Может, общались?

– Нет, и я даже не помню, чтобы от нас кого-то хоть раз отправили в «штрафную роту». Правда, как-то один офицер нам рассказывал, что в уличных боях за Будапешт участвовало больше 6000 штрафников, но сам я их ни разу не видел.

Еще вспомнилось, что как-то напился мой командир взвода и начал по матушке громко склонять и руководство батальона, и полка, но ему за это дали только домашний арест.

– Бывали какие-то конфликты между солдатами? Воровство, например, было?

– Драк не было, я такого не помню, а вот воровать воровали. У меня были часы «Докса», и я вычислил, что их своровал один из наших солдат-зэков, Шумков. Я его припер доказательствами, и он мне признался: «Ну, вор я, вор! Ну, убей меня теперь за это!» Но он мои часы уже успел продать, да и бог с ними.

Чтобы кто-то кому-то в спину стрелял, у нас такого не было. Но вот однажды был такой случай в Венгрии, уже после войны. По улице шел один офицер и сделал замечание какому-то солдату, который в одном дворе стрелял из автомата курей. А тот бандюган этого офицера и застрелил… Четыре пули в грудь… Хотели его, конечно, поймать, но вроде бы тот успел смыться.

Или, например, после войны у нас служил один молодой офицер, не фронтовик. Ночью он ходил и ловил часовых за руку, наверное, хотел выслужиться. Его несколько раз предупреждали, не делай так, это может плохо закончиться. Но он не успокоился

и как-то нарвался на фронтовика, а тот его в упор… Но он же сам виноват, нечего подкрадываться к часовому…

– А с власовцами вы не сталкивались?

– Уже после войны к нам после госпиталя попали служить несколько солдат, которые брали Будапешт. Они нам рассказывали, какие там были страшные бои. Бывало, по три дня за один дом сражались… И вот они рассказали такой случай. Наши взяли уже весь дом, а подвал не могут, там засели власовцы, и никак к ним не подберешься. А те еще кричали оттуда: «Мы одесские, мы ростовские, в плен не сдадимся» – и матом… Но потом принесли огнемет и пожгли их…

А после боя построили всех пленных, и к ним обратился какой-то подполковник: «Власовцам выйти из строя». Немцев не трогали, а вот к предателям счет был особый. Вышли несколько человек. Подполковник их спрашивает: «Почему вы изменили Родине?» Так один ему и ответил, мол, плевал я на вас и вашу Родину… Он по-другому сказал, гораздо жестче… Ну, его, конечно, сразу в земотдел… Причем он даже не разбирался в званиях по погонам, значит, давно немцам служил. Расстреляли как собаку, да и остальных, наверное, тоже. Но лично мне их довелось только видеть, причем только на расстоянии, близко к ним не подпускали.

– Трофеи у вас были какие-нибудь?

– Как-то я помог нашему оружейному мастеру чинить ПТРы, так он мне в благодарность за это подарил маленький немецкий пистолетик, с которым у меня был такой случай. Как-то я шел без винтовки, и вдруг ко мне подходят два солдата: «Мы власовцы, а ну иди вперед». Но я быстро выхватил этот пистолетик: «Сейчас по пуле получите». Эти «шутники», видно, подумали, что я совсем без оружия, и решили меня проучить. Они извинились, что неудачно пошутили, правда, потом я не помню, куда подевал этот пистолет.

Как-то пришло пополнение, и ко мне подходит один солдат: «Слушай, давай махнемся». – «А что на что?» – «Винтовка на винтовку». – «Так какая тебе разница?» – «Да я тебе еще дам часы «Докса», хорошие, немецкие». – «Так твоя же винтовка чистая, а моя грязная. Зачем тебе такой обмен?». Поменялись, причем я у него еще и велосипед выпросил, потому что ему на передовой он явно не нужен. А я ведь связной, и мне разрешалось иметь или лошадь, или велосипед. Но потом он мне рассказал, в чем секрет. «Мою винтовку сперли, но и я для себя тоже украл, поэтому боюсь, чтобы у меня ее не обнаружили». Потом, кстати, на одном

мосту стоял генерал с солдатами и отбирали у солдат, которые ехали к фронту, велосипеды. У меня тоже хотели отобрать, но я ему показал документ, что я связной, и мне велосипед вернули.

– А посылки домой вы посылали?

– Если не ошибаюсь, то рядовым разрешалось послать одну посылку на пять килограммов. Я и послал единственный раз кусок какого-то материала, мыла кусок, и все нормально дошло. Про злоупотребления я ничего рассказать не могу, потому что ничего такого не видел. Правда, у нас ходили разговоры, что один генерал до того обнаглел, что отправил в Союз из одной церкви фисгармонию, и что по приказу Сталина его за это разжаловали. Но правда ли это или пустые разговоры, точно вам сказать не могу.

– Как вы можете оценить пулемет «максим»?

– Я бы назвал его не то что хорошим, а скорее даже стратегическим, ведь из него можно долго стрелять. У немцев пулемет был хоть и скорострельнее нашего, но очень быстро нагревался ствол, и хотя его можно было заменить, но в этом плане «максим» все равно лучше. Из немецкого стрелять я не пробовал, но говорили, что хороший. Вот из немецкой винтовки я стрелял, мне она показалась лучше нашей. У нашей отдача такая, что потом плечо болит, а у их нет.

Запасных позиций мы никогда не делали, хотя за пулеметчиками идет постоянная охота. В моем щитке, например, было семь вмятин от пуль, хотя у нас уже и особых боев тогда не было. Но я же из разведки попал в пулеметчики, поэтому я там себя чувствовал как в раю. Пулеметчики тоже смертники, это никто не спорит, но разведчики – это сверхсмертники… Я в пулеметной роте так и говорил ребятам: «Вы тут еще более-менее живете…»

– Под обстрел своих приходилось попадать?

– Такие ошибки случались из-за несогласованности, но это обычное для войны дело. Вот много народу у нас подорвалось на своих же минах. Причем мне запомнилось, что саперы почти всегда минировали не впереди, а позади нас и только оставляли небольшие проходы.

– Как было налажено снабжение? Как одевали, кормили? Как часто удавалось помыться?

– Помню, что я с радостью сменил шинель на телогрейку, а к ней ведь еще прилагалась плащ-палатка, вот это, скажу вам, вещь!

Ватные штаны тоже хорошие, теплые, правда, сохнут долго. И все время я проходил в ботинках. На фронте снимали их раз в десять дней… Портянки мы не стирали, а просто брали в брошенных домах материал и рвали его на портянки. Ботинки лучше чем, что они не набирали ни воды, ни песка, как сапоги. Запомнилось, что когда мотаешь, обмотки получалось двенадцать оборотов, и мы все смеялись: каждый оборот – вроде как месяц. Начинаешь мотать – январь, а к колену уже декабрь.

Соловьев А.И. (стоит 4-й слева) с сослуживцами сразу после войны

В обороне мылись примерно раз в двенадцать дней, а вот в наступлении как придется. С такой помывкой и вши, конечно, были. У нас их называли – «лучшим другом человека». Ведь в самой тяжелой обстановке вошь всегда с тобой… А если все хорошо, то и вшей нет. Но с вшивостью, конечно, боролись, делали вошебойки, пропаривали белье.

Деньги я получил всего один раз, уже в госпитале. Да и что там на них купишь. Помню, когда посчитали, то получалось, что я мог купить на них один килограмм орехов или яблок в Румынии.

Ни концертов, ни кино у нас этого ничего не было. Нашу дивизию, как настоящих гвардейцев, кидали на самые опасные участки фронта, поэтому нам было не до концертов…

Но вообще по сравнению с немцами мы были очень бедные. В их окопах мы находили и масло сливочное, и консервы, и шнапс,

не то, что у нас.

– С кем-нибудь вы успели сильно подружиться? Чью смерть, например, тяжелее всего переживали?

– Нет, друзей завести я просто не успел. И ни по кому я не плакал, но вот этих девчонок, которых венгры растерзали, было очень жалко… И нам было непонятно, зачем они их так пытали, мы же от этого еще злее стали…

– Но вам тогда, например, не казалось, что мы воюем с неоправданно большими потерями?

– Вы ведь знаете, что у нас даже песня такая есть: «…мы за ценой не постоим…» Но нужно ясно понимать, что необходимо было срочно спасать страну, народ… Вот говорят, мол, в Сталинграде была мясорубка. Ну а если другого выхода просто не было?!

Или, например, что у нас было много неподготовленных солдат. Но если не было времени их готовить?! Война – это ведь не работа, когда можно и брак давать, там была совсем другая цена учебе или халатности… Но у нас потом так и говорили: «Немцы нас научили воевать, а мы их отучили…» Но вот когда я уже был связным и в мои обязанности входило водить на передовую пополнение, то я уже начал понимать, какие у нас потери…

– Приметы, суеверия у вас были какие-нибудь?

– Нет. Я же совсем молодой был, даже не брился еще, поэтому ничего такого у меня не было. Хотелось только остаться живым. Но страшно было очень… Не только мне, все боялись, но страх держали в себе и старались его не показывать.

Как бы вам это объяснить… Зачастую нейтральная полоса была шириной всего 80-100 метров, то есть как длина футбольного поля. Ведь иногда мы даже и разговоры слышали в немецких окопах… Это никакой режиссер не прочувствует, если сам этого не пережил… Когда в кино показывают, что солдаты в атаке кричат «ура» – это все свистеж! Да кто там кричал «ура»? У нас, например, не кричали, зато был такой случай.

Мы стояли на Мораве, и там была такая дамба, за которой залег наш батальон. Я как раз принес пакет и увидел, что командир батальона собрал человек восемьдесят, и на счет «три» все начинали кричать «ура». Сразу выезжал немецкий бронетранспортер, и по этому месту начинал строчить из крупнокалиберного пулемета. Но мы же лежим за дамбой, и он нас не доставал. Перебежали в сторонку на пятьдесят метров,

опять кричим. Снова выезжал этот бронетранспортер, и опять давай шерстить… Вот так мы им нервы трепали, на психику давили, и должен сказать, что на них это действовало. А те, кто на себе рвет рубаху: «Да я, да вот», я знаю точно, что он и не воевал…

– Из вашей семьи кто-то еще воевал?

– Старший брат Иван уже был в армии девять месяцев, когда началась война. Он служил в тяжелой артиллерии в Белоруссии. Из его рассказов знаю, что их вначале разбили, но он и потом воевал, имел награды. Иван остался жив, но вернулся домой только через шесть лет.

Муж старшей сестры тоже ушел на фронт и пропал без вести… Ни слуху ни духу… Вообще ничего о нем так и не узнали.

– Когда вы демобилизовались?

– Рука у меня так и болела, я с ней потом еще лет пять мучился, ходил каждый год на медкомиссию. Поэтому меня как нестроевого отправили на армейскую медкомиссию в Веспрем, где окончательно подтвердили, что ты нестроевой и можешь демобилизоваться. Приехали, а там уже огромная очередь, а вне очереди пропускали только за взятку… Но мы все-таки пробились туда, и мне подтвердили: «годен к нестроевой».

А когда нам настала пора уезжать, мы построились, и вдоль нашего строя прошел командир дивизии генерал-майор Берестов. Посмотрел на нас, как мы одеты, и говорит нашему комполка: «Вот приедут они домой и что скажут своим родным? Что служили у дураков Берестова и Вербицкого, которые даже одеть их нормально не могли?! Немедленно всех переодеть!» Но там уже три партии демобилизованных отправили, и все самое хорошее им отдали, даже значки гвардейские мы с себя для них поснимали. Так они что додумались. Вы не поверите, выдали нам новенькую… немецкую форму… Мы против них воевали, а нас в их форме хотели домой отправить… Ну, просто не во что было нас переодеть! Так мы и уехали в своем старье, а по комплекту немецкой формы нам просто подарили.

Отправили нас под Балатон, где был огромный лагерь для демобилизованных, аж на тридцать тысяч. Причем солдат там разделяли по областям, кто, откуда родом. Но это был сентябрь 1945-го, и тут вышел приказ правительства: «Вне очереди отправить в СССР 75 000 лошадей», да еще и машины с водителями… Поэтому нас привлекли помогать с отправкой этих лошадей, а выбракованных мы прямо на месте продавали венграм. Помню даже цены на них: одна такая лошадь стоила 100

килограммов свинины или 150 килограммов говядины в живом весе, а у нас даже и весов не было… Вот так я там и застрял, и только за неделю до Нового года я приехал домой.

– Как сложилась ваша послевоенная жизнь?

– Приехал домой в Котовск, а там опять голод и работы нет… Моя знакомая была секретарем у председателя горсовета, и она мне устроила с ним встречу. Прихожу, а он весь такой из себя важный, даже не смотрит на меня. И говорит мне: «Вы воевали – вам за это слава! Но дальше нужно работать. Стране нужен уголек, поэтому очень нужны работники на Донбасс». Но он же меня не спросил, почему меня так рано демобилизовали, и я ему ответил так: «Хорошо, но с одним условием – если и вы со мной туда поедете…» Он подошел к двери, молча открыл ее и показывает пальцем, я и ушел…

Поработал одно время шофером, но машины все с фронта, еле дышат, так еще и милиционеры останавливали и постоянно придирались по мелочам: или права заберет, или тридцатку ему отдай… Я плюнул и ушел оттуда.

Что делать? Продали мы свой дом. Нам предлагали на выбор: или тридцать тысяч деньгами, или тридцать пудов пшеницы либо кукурузы, они тогда по тысяче стоили. Взяли мы деньгами и приехали в Кишинев, работы тут было навалом. Все устроились работать, так уже было хотя бы что поесть…

Вначале я работал с отцом на стройке, но потом меня ребята перетянули. В районе старого кожзавода на Измайловской стояли два американских энергопоезда. Электростанций ведь тогда не хватало, и на весь СССР закупили сто таких энергопоездов. Прихожу, а начальник поезда мне говорит: «Я бы тебя взял, но тебя же через полгода в армию заберут». – «Так я уже отслужил». Он посмотрел мои документы: «Так ты еще и воевал?!» Назначили меня дежурным по водоснабжению, потом стал помощником машиниста. А когда построили первую ТЭЦ, то мы перешли работать туда.

Что и говорить, тяжелое было время. За хлебом нужно было ходить до обеда, потому что его очень быстро раскупали. Так мы специально ходили в магазин в наших грязных куртках, тогда люди, чтобы не испачкаться, расступались и пропускали нас без очереди. Купили себе по батону, кружка воды, соль, и это весь наш обед… Помню, что даже в 1951 году так было…

Восемнадцать лет я проработал машинистом турбины, а потом врач меня предупредил: «Мой вам совет – меняйте работу, у вас вся нервная система разбита…» Конечно, разбита, ведь работа тяжелейшая, даже матросы с флота у нас долго не

выдерживали…

Я уже был слесарем по газу 6-го разряда и перешел на холодильный завод. Потом на стекольном работал, а закончил на экспериментальной мебельной фабрике. Вышел на льготную пенсию в 1979 году, потому что 28 лет отработал в горячих цехах, но и дальше продолжал работать.

Я в жизни сам никогда и никуда не напрашивался, но про меня и в газетах писали, и для киножурнала снимали, и даже в «Клубе кинопутешественников» меня показывали. Раз выдвигали, значит, заслужил, наверное.

Что вам сказать. Детства и юности у меня фактически не было, молодости тоже не было, да и старость вот не очень… Была только одна работа… Всю жизнь работали как проклятые. Выходной всего один, да и тот забирали. В отпуске три дня побудешь, и опять вызывают на работу…

Но я честно отдал все что мог. За пятьдесят лет работы не имел ни одного прогула, ни одного опоздания по моей вине. И не только я так жил, это ведь наше поколение и в войне победило, и всю страну восстановили, а сейчас к нам никакого уважения…

– Часто войну вспоминаете?

– Война не забывается – это рана в сердце на всю жизнь… Я когда только вернулся домой, то почти каждую ночь война снилась, спать нормально не мог… Часто бывало, что просыпаешься и не можешь сразу понять, где я, что я здесь делаю, я же должен быть в армии…

За нашу Советскую Родину!

Славному гвардейцу Соловьеву

Александру М.

БОЕВОЙ ТОВАРИЩ

Поздравляю Вас с возвращением в родную семью и желаю дальнейших успехов в жизни! Вы прошли славный путь с дивизией, носящей гордое и славное наименование ГВАРДЕЙСКОЙ, КРАСНОГРАДСКОЙ, КРАСНОЗНАМЕННОЙ, с дивизией, получившей 11 благодарностей великого СТАЛИНА.

Выражаю уверенность, что Вы и на фронте созидательного труда будете высоко нести гвардейское звание.

Герой Советского Союза
гвардии генерал-майор
(БЕРЕСТОВ)

1941—1945

Место для личной фотографии

Но когда вспоминаю войну, то всегда удивляюсь, как это я живой остался… И хоть я и воевал, но, как другие, себя в грудь никогда не бил. А отец мне даже как-то сказал: «Ну, воевали, так что теперь, молиться на вас?!» А еще недавно был случай. Позвали нас, ветеранов, на очередной юбилей, и одна женщина из нас попросила: «Вы бы нас пораньше собирали, пока еще жары нет». Так ее эти чиновники чуть ли не попрекать начали: «Мы тут для вас стараемся, все делаем». Но я им прямо сказал: «Это не вы делаете, а государство! Мы свой долг честно выполнили, и вы

выполняйте. Два раза в год про нас вспоминаете, и то вам тяжело… Но не волнуйтесь, уже скоро мы все уйдем, и тогда вы заживете спокойно…»

Данич Семен Антонович

– Я родился 22 февраля 1921 года в селе Незавертайловка Слободзейского района тогда еще Молдавской АССР. Семья у нас была типичной для крестьянства того времени – шесть детей. Жили мы трудно, но в то время мало кому легко жилось.

После окончания семилетней средней школы я окончил в городе Балта педагогический техникум и год отработал учителем в родном селе. Но работать учителем не хотел, а мечтал быть военным. Вы себе даже не представляете степень авторитета и престижа армии, который был в то время. Наше село тогда было пограничным, и у нас постоянно был тесный контакт с пограничниками. Но особенно я хотел быть летчиком, во многом из-за того, что у них была шикарная форма: невиданные кожаные шлемы, куртки и сапоги мехом наружу, не говоря уже об аэропланах, которые тогда казались волшебными машинами. Поэтому во время работы в школе я связался с райвоенкоматом и попросил, если появится такая возможность, направить меня в летное училище. Вскоре меня вызвали, но вместо летного предложили поступить в Борисовское военно-инженерное училище в Белоруссии. Я согласился и отучился в этом училище с 1938 по 1941 год. Экзаменов при поступлении не было, только медкомиссия и собеседование.

– Как вы оцениваете подготовку, которую получили в училище?

– Раз я остался жив, выходит, что ни разу не ошибся, и благодарю за это не только удачу, но и своих учителей. Это были высококвалифицированные специалисты, командиры с боевым опытом Гражданской войны, Хасана, Халхин-Гола, Испании и войны с Финляндией. Например, начальник училища был удостоен звания ГСС за штурм линии Маннергейма. Так что нас готовили на основе боевого опыта, причем изучались не только успешные операции, но и неудачные. И, несмотря на то что к началу обучения я еще достаточно плохо говорил по-русски, но все-таки окончил училище успешно и получил звание лейтенанта, хотя за менее успешную учебу присваивали звание младших лейтенантов.

В Ново-Борисове (пригород Борисова) помимо нашего размещались еще и танковое и кавалерийское училища. Наше училище было достаточно крупное, количественно и структурно напоминало полк, то есть 2–2,5 тысячи людей. Но, к сожалению, я так и не знаю, сколько из моих сокурсников остались живы, просто мы потеряли связь. Знаю лишь, что из тех шестнадцати человек, кто вместе со мной попал служить в 294-ю сд, уже к сентябрю 1942-го в живых осталось всего двое…

– Вы были патриотом, верили партии, Сталину?

– Конечно. Я, как и вся окружавшая меня молодежь, был воспитан в духе патриотизма и верил и партии, и Сталину, шел с

его именем в бой. Сейчас многие говорят, что они Сталину не верили, но я что-то таких людей тогда не встречал. Хотя, например, у меня самого родную тетю, сестру отца, вместе с ее двумя детьми депортировали во время коллективизации, и об их судьбе мы так ничего больше и не узнали, вплоть до сегодняшнего дня… Я знал об этом, но нас так воспитывали, что мы искренне верили и не сомневались. В комсомол я вступил еще в техникуме, а в партию меня приняли в сентябре 41-го.

– Было ощущение, что приближается война?

– Вот у нас всегда говорят, что война началась внезапно. Но на самом деле мы, конечно, знали, что война будет, просто не ожидали, что она начнется именно сегодня или завтра. А так нам открыто говорили, что мы должны готовиться к войне, и к войне именно с гитлеровской Германией. На каждом митинге в училище наши преподаватели подчеркивали, что скоро будет война, но никаких особых примет приближения войны в Борисове не было, шла самая обычная жизнь.

– Как вы узнали, что началась война?

– В мае 1941 года я окончил училище и был направлен на должность командира саперного взвода в 565-й отдельный саперный батальон 294-й стрелковой дивизии. Наша дивизия комплектовалась резервистами, в основном из Смоленской области, призванными на полугодичные сборы. Командиры были кадровые, а сержантский состав из резервистов. Дивизия располагалась в лесу под Липецком, офицеры жили в палатках, а солдаты в шалашах. Из нашего училища в эту дивизию было направлено 16 человек, и временно, пока шли назначения, мы жили дружной командой в одной палатке. У кого-то из наших ребят возникла идея отметить окончание училища. Идея всем понравилась, и организацию пикника поручили самому опытному и самому старшему из нас по возрасту лейтенанту Дерешеву. Пикник решили провести на красивом острове посреди реки Воронеж, ниже Липецкого металлургического завода. Заготовили закуски, шампанское и с помощью знакомой девушки пригласили на торжество весь ее выпускной класс. Наш праздник начался вечером 21 июня и продолжался до утра 22 июня. Шампанское лилось рекой, я, кстати, тогда его в первый раз и попробовал, нам казалось, что веселится весь город – такой был шум и радостный хохот. Такого веселого и красиво оформленного кострами праздника я больше не видел за всю свою долгую жизнь…

А утром, когда, переправившись на берег, мы шли по городу шумной ватагой, то заметили, что горожане смотрели на нас с

удивлением и осуждением. Но мы-то еще не знали, что началась война, поэтому нас удивляло их недружелюбие. И мы все поняли только тогда, когда шедшая нам навстречу женщина спросила нас: «Ребята, вам весело оттого, что война началась?» Мы, конечно, срочно вернулись в часть, где уже шел митинг. Вот так мы узнали, что началась война.

Данич С.А. в нижнем ряду справа, с товарищами по училищу

Спустя примерно месяц нас погрузили в эшелоны и медленно повезли на юг, но затем повернули на север и очень быстро, дня за два, довезли до станции Мга, которая находится под Ленинградом.

Многие ветераны рассказывают, что когда началась война, они были уверены в нашей быстрой победе.

И мы так думали, но, конечно, когда уже и сами в бой вступили, то многое пришлось пересмотреть… Но я, например, далеко не загадывал. Думал только лишь о том, как прожить еще хотя бы месяц, посмотреть, что же будет дальше, ведь мы же все время отступали. Задумывались ли мы, почему самая сильная в мире Красная Армия постоянно отступает? Все вопросы отпали, когда мы увидели, какое у немцев превосходство в технике. Когда у нас против танков были только гранаты, когда в воздухе мы

видели только немецкую авиацию…

3 августа мы выгрузились и отправились занимать оборону у деревни Хандрова, но по дороге наш взвод дважды обстрелял одиночный немецкий самолет. У меня даже промелькнула тогда такая мысль, что всех убило, и только я один остался в живых. До сих пор помню это жуткое ощущение… Но на самом деле у нас никого даже не ранило. Вот такое у нас было боевое крещение – первый страх и первая радость оттого, что все остались живы.

А первый бой случился дня через три в районе деревень Хандрова, Липки, и нам повезло в том, что дивизия уже успела более-менее подготовиться к обороне. Мы, саперы, оборудовали линию обороны, строили ДЗОТы, производили минирование. Несмотря на отсутствие боевого опыта у дивизии и слабую подготовку личного состава, мы упорно оборонялись, а немцы несли большие потери. Например, на минах, которые установил наш взвод, в первом же бою подорвались два немецких танка. В тех боях в один из дней меня контузило, недели две я пробыл в медсанбате, и хотя слух полностью не восстановился и по сей день, меня отправили обратно в часть, где через пару дней назначили уже командиром роты. По дороге я впервые попал под сильную бомбежку и сам понял, какой это ад… А с этого рубежа дивизия отошла только в конце сентября, и нас оставалось только процентов 30 из тех, кто начинал… Причем надо признать, что отходили мы беспорядочно, и хотя паники не было, но все равно было как-то неприятно. Но уже в декабре дивизия была вновь полностью укомплектована.

– А вы тогда знали или догадывались, что в начальный период войны Красная Армия понесла большие потери?

– Мы слушали сводки и видели, какие территории оставили, но подробностей, конечно, не знали. Это был очень тяжелый период, ведь неудачи наших войск и их отступление вызвали у многих людей моральную подавленность. Но еще тяжелее было, когда население, в основном старушки, подходили к нам и спрашивали: «А вы не пустите сюда немца?» Или: «Может, нам уезжать отсюда?»

– Но в тот тяжелый период у вас не появились сомнения в нашей победе?

– Надо честно признать, что определенные сомнения были, и не только у меня одного. Например, еще до контрнаступления под Тихвином у нас произошел такой эпизод. На нашем участке к немцам перешла целая стрелковая рота (!), причем вместе со всеми командирами, только политрука они застрелили… И

именно мою саперную роту временно расположили на переднем крае вместо нее. Но я могу точно сказать, что когда уже началась блокада, то у нас уже была полная уверенность в том, что мы обязательно победим, хотя положение было очень и очень серьезное. Помню, что особенно подняло наш боевой дух удачное контрнаступление под Тихвином. Причем немцы там отходили, как и мы, поспешно и беспорядочно. Бросили уйму транспорта, везде валялись трупы немецких солдат, я все это видел лично.

А в январе 1942-го меня назначили полковым инженером 857-го стрелкового полка нашей дивизии. Запомнились мне и кровавые бои за станцию Погостье, причем, что самое неприятное, было сразу понятно, что наша обескровленная дивизия не справится с поставленной задачей. Эту станцию немцы успели очень сильно укрепить, а вокруг нее были топкие и непроходимые даже для легких пушек болота… В тех тяжелейших боях от дивизии остался фактически только ее номер, но нам повезло, что нас заменила другая часть.

А после переформирования нашу дивизию передали в состав 8-й Армии, и мы стояли в обороне на участке между Ладожским озером и станцией Мга. Служба там запомнилась мне на всю жизнь… Труднопроходимые лесные заросли и болотные хляби. Постоянные дожди и никакой возможности окопаться. И в этих тяжелейших условиях, под огнем противника в сжатые сроки мы возводили оборонительный рубеж. Делали земляные насыпи, ДЗОТы (клали в один сруб второй поменьше, наподобие матрешки, а пространство между ними заполняли грунтом), а вместо окопов делали заборы…

Вообще я бы хотел отдельно сказать о саперах. Вы, например, знаете, как отбирали в саперы? Когда приходило очередное пополнение, то первыми выбирали себе людей разведчики. Тут все понятно. Но вторыми всегда выбирали саперы. Я старался выбирать людей с какой-нибудь подходящей гражданской специальностью, например, плотник, и, конечно, привыкших к физическому труду. Ведь помимо всех фронтовых опасностей, сапер – это ведь еще и постоянный, тяжелейший физический труд… Солдаты, которым уже довелось служить саперами, придя в новую часть, не хотели вновь становиться саперами. Но их желания и не спрашивали… И уже только после нас выбирали связисты, а потом артиллеристы и пехота.

Именно тогда произошел и еще такой забавный эпизод. Как-то мы с подчиненными возвращались после минирования к месту нашей стоянки, и тут из-под куста выскочил заяц. А это же мясо, которого мы тогда почти не видели, поэтому я тут же выхватил у одного из солдат винтовку и, гоняясь за зайцем, начал стрелять в

него. Ко мне присоединилось еще несколько солдат, и со стороны могло показаться, что начался настоящий бой.

Я несколько оторвался от солдат и случайно наткнулся на немца в маскхалате, который следил за моими стреляющими солдатами. Увидев меня, он начал поворачиваться, чтобы выстрелить в меня, но я его опередил. Я хотел выстрелить еще раз, но патронов больше не было. Прямо скажу, я сдрейфил и побежал за солдатами. Мы вернулись к тому месту, но, кроме лужи крови, никого не нашли. А на следующий день этот немец сам сдался в плен сержанту Никишину. Оказалось, что я его ранил в бедро, и он понимал, что с таким ранением уйти далеко не сможет, поэтому и сдался. Сержанта, который отвел немца в штаб, наградили медалью «За боевые заслуги», а про меня солдаты шутили, что их «геройский командир стрелял в зайца, попал в немца, но ни того, ни другого не поймал, а вот Никишин, как жених невесту, привел немца в штаб». И выяснилось, что этот немец был из разведывательно-диверсионной группы, которая из нашего тыла корректировала бомбежки и артиллерийский огонь. И это был единственный раз в моей жизни, когда я видел, что стреляю в человека.

В начале августа 1942-го нашу дивизию перебросили к Черной речке, где нас отделяло от Невской Дубровки всего 16 километров. И вскоре мы поняли, что здесь готовится наше наступление, хотя местность для этого была совсем непригодная: сплошные леса с обширными участками болот, труднопроходимые даже для пехоты. Но все-таки 27 августа наступление началось – это была первая попытка по прорыву блокады. За два дня наступления в тяжелейших условиях нам удалось продвинуться на 7–8 километров. Но затем мы остановились, так как немцы поменяли тактику, а главное, нам не давала житья их авиация. Налет сменялся налетом, а от леса, где сражался наш полк, не осталось фактически ничего… К середине сентября до соединения Ленинградского и Волховского фронтов местами оставалось всего два километра, и я по сегодняшний день задаю себе вопрос, почему нам не отдали приказа закончить начатое? Почему мы остановились? Нам казалось, что еще всего одно усилие, один бросок, и блокада будет прорвана.

Но в это время немцы нанесли ответный удар, и в конце сентября мы оказались в полном окружении. Естественно, полностью прекратилось снабжение боеприпасами, продовольствием, медикаментами, и вскоре мы получили приказ отойти на исходные рубежи. Нашему полку поручили прикрывать отход дивизии. А надо сказать, что от полка к этому времени оставалось только около сотни солдат и всего пять командиров,

старшим из которых был я, капитан… Выполнив задачу, мы с большим трудом, истощенные и уставшие, но все-таки вышли вместе с тяжелоранеными к сборному пункту.

Но оказалось, что никакого «коридора» там не было и в помине, а ведь там собралось несколько десятков тысяч солдат… Но от такого известия вся эта масса войск превратилась в неуправляемую толпу, которая никому не подчинялась… Слышны были только ругань, стоны раненых и крики о помощи попавших в трясину, но на них никто не обращал внимания… Положение усугублялось еще и тем, что вокруг этого пятачка были болота, и разбежаться было нельзя. А немцы постоянно обстреливали и бомбили эту толпу… Буквально каждый, каждый осколок находил себе цель… Трудно передать словами ад, творившийся там… Это была настоящая фабрика по производству человеческого мяса…

И вдруг на разбитую машину поднялся невысокий, худой человек в форме полковника и крикнул: «Кто желает идти на штурм немцев у Черной речки – за мной!» Задохнулся и добавил: «Кому повезет, будет жить». И эта серая масса людей всколыхнулась, поднялась и двинулась по болоту на немцев… Огонь был фактически в упор, напирающие сзади бойцы бежали по трупам погибших… Этот ужас невозможно описать словами… Фактически задавили немцев своими телами…

И все-таки на небольшом участке мы прорвались, и, несмотря на сильнейший фланговый огонь, достигли наших позиций. Но буквально все поле было покрыто телами наших солдат… И я хочу подчеркнуть, что этой толпой никто не командовал, каждый действовал на свой страх и риск, и выжили только те, кому сказочно повезло…

А в пункте сбора выяснилось, что от нашего полка осталось всего **7 (!)** человек… Я до сих пор помню их поименно: комендант штаба Симяков, хирург полка Мария Ивановна, санинструкторы Вера и Аня, солдаты Трусов и Вакуленко, и я, полковой инженер… И все… Но сколько всего прорвалось из пошедших на прорыв наших солдат, я даже приблизительно сказать не могу, так как мы были настолько измождены, что сразу легли спать. Ни сил, ни воли не осталось и в помине, у меня даже не было сил доложить о прибытии. Но поспать мне не дали…

Меня разбудили и отвели в палатку к представителю СМЕРШа, с которым я, кстати, был знаком. И он стал задавать мне вопросы, не доходившие до моего уставшего сознания. Не перешел ли кто из наших солдат к немцам, и прочую ерунду. И меня просто поразило и взбесило, что его совсем не интересовало, сколько нас уцелело и как мы вышли из окружения… Видит Бог, что ни до того случая, ни после я матом

никогда не ругался, но в тот раз я просто не выдержал и крикнул ему: «Пошел ты на …» и пошел спать… Конечно, такое поведение могло иметь для меня роковые последствия, и мысленно я уже представлял себя в штрафном батальоне. Но мне всю жизнь везло на хороших людей.

На следующий день меня вызвали к начальнику СМЕРШа полковнику Руденко, и встреча с ним не предвещала ничего хорошего… Но он задал мне только один вопрос: почему я повел так себя с его подчиненным? Я подробно рассказал ему, как все было, объяснил, в каком я находился состоянии и что нам довелось пережить, а он, к моему удивлению, меня очень внимательно выслушал. В конце разговора он встал и попрощался со мной так душевно и тепло, что я понял – все будет хорошо. А того уполномоченного, который пытался меня допросить, я так больше никогда и не видел. Кстати к вопросу о СМЕРШе. Кроме этого случая, я с ним особо и не сталкивался, их представители, конечно, в частях были, но глаза особо не мозолили и занимались своей работой.

Хотя нет, был еще один случай. Еще когда я служил командиром роты, то меня, как представителя части, направили для участия в показательном процессе военно-полевого суда. Судили молодого солдата, который в боях местного значения дрогнул. Во время заседания он все оправдывался: «Разрешите мне искупить вину, может, я немца убью…» Но «тройка» уперлась, нашли на ком свою суровость показывать… А я молодой еще был, глупый. Меня потом еще мой политрук, которому у нас дали прозвище Костыльтрест, сильно распекал: «Тебе что, жить надоело? Хочешь, чтобы тебя «врагом народа» сделали?» Но в тот раз я решился написать в протокол свое особое мнение, чтобы дать этому солдату возможность исправиться, так как особой его вины я там не видел. И оказалось, что эта моя запись имеет юридическое значение, и это дело нужно рассмотреть еще раз. И во время повторного рассмотрения дела командир нашей дивизии так сказал: «Я этого офицера не знаю, но он думает правильнее, чем вы. Пусть этот солдат даже никого не убьет, но от того, что он пойдет в атаку, и то пользы будет больше». В общем, спасли мы его, не дали расстрелять.

Но Черная речка и Синявино – это названия, которые навсегда остались в моем сердце. До сих пор эта трагедия помнится мне во всех подробностях… Участие в попытке прорыва – это самая трагическая военная операция, в которой мне довелось участвовать за всю войну…

Мы, оставшиеся в живых в той мясорубке, еще долго находились в шоковом состоянии, но интересно, что именно

после выхода из окружения у меня вдруг появилось страстное желание жить.

В январе 1943-го нас пополнили, в основном сибиряками, и поставили в оборону вдоль Черной речки. Там мы простояли в обороне до мая 1943-го, сдерживая попытки немцев перерезать участок, соединявший Ленинградский и Волховский фронта. Хотя местность там была тяжелейшая, ниже уровня моря, и состоявшая из болот и торфяных полей. Поэтому вместо траншей мы возводили насыпные земляные заборы, гати для артиллерии.

– А на передовой вы знали, какое тяжелейшее положение было в Ленинграде?

– Знали. Не так подробно, как сейчас, конечно, но то, что в городе страшный голод и прямо на улицах лежат много трупов, это мы знали. Ведь некоторым бойцам по разным делам приходилось ездить в город, и, приезжая оттуда, они нам рассказывали страшные подробности…

У нас было мало боеприпасов, особенно снарядов, но мы все знали, что горожанам еще тяжелее. И еще зимой сорок первого от нашего пайка хлеба в 600 граммов 100 граммов мы пожертвовали ленинградцам, и если не ошибаюсь, то буквально пару недель отдавали и еще по 100 граммов. Зима сорок первого и весь 1942 год – это был самый тяжелый период войны. Было очень тяжело во всех смыслах, но зато морально стало полегче, так как у нас уже появились первые победы. Но случаев, чтобы от голода умирали солдаты, я не знаю. Знаю, что от авитаминоза многие страдали «куриной слепотой», это да, но от голода никто не умер.

У нас был такой эпизод, кажется, зимой 41-го. На передовую пожаловала инспекция с проверкой, во главе с самим Ворошиловым. И эта группа проверяющих в окопах нарвалась на солдат, которые ели НЗ, нам его в первое время еще выдавали. Он их спрашивает: «Вы что, НЗ едите?» Те растерялись, это же нарушение, но он им сказал: «Ничего, ничего, я бы тоже так делал». Вообще у нас к нему относились с уважением и даже с любовью. Хотя сейчас, когда читаешь, как его критикует Жуков…

– Какое у вас было отношение к политработникам?

– Когда я был командиром роты, то у меня было два политрука. И я могу сказать, что это были прекрасные люди, которые пользовались уважением у солдат. Обоим было за сорок, и они мне казались пожилыми людьми. Первый был призван из запаса, на «гражданке» он работал директором дома инвалидов в Рязани. Он знал поименно всех солдат роты, никогда не повышал на них голоса и пользовался непререкаемым авторитетом.

Солдаты любя называли его «Директор костыльтреста», но он на такое прозвище не обижался.

А после его гибели политруком роты назначили одного сержанта, так как нового политрука не присылали. Это был печник из Смоленской области, и его назначили политруком именно потому, что он пользовался у солдат уважением. Но после его гибели у него в вещмешке нашли часть парашюта, который он хотел переправить своей семье на одежду. Я помню, что у него остались шесть дочек и один сын…

А вот когда я воевал в румынской дивизии, то вместо политработников там в каждом полку были священники, и, кроме того, был еще и старший дивизионный священник. Кстати, интересно, что в одном из полков священником был участник гражданской войны в Испании, причем еврей по национальности. Это был очень добрый человек, и после войны мы жили рядом в Кишиневе. И еще в дивизии был отдел культурно-просветительной работы. В него входило три офицера из молдаван, а заведовала им Анна Павкер – генеральный секретарь Румынской компартии, член Коминтерна.

– За что вас наградили орденом Красной Звезды?

– В мае 1943-го нашу 294-ю сд перебросили из-под Ленинграда на Воронежский фронт в состав 52-й Армии. Мы с боями освобождали Воронежскую область, Новый и Старый Оскол, Белгород, Сумскую, Полтавскую и Черкасскую области. Там произошел довольно интересный эпизод, когда дивизия уже была сильно измотана и обескровлена, но нам поставили задачу с ходу форсировать реку Псел. Сложность форсирования заключалась в том, что берег противника был выше нашего на 10–15 метров и, кроме того, еще и заминирован.

Ночью я с группой саперов переправились, не обнаружив себя, и успели подготовить проходы в минных полях. А утром начался штурм. Потери были небольшими еще и потому, что очень хорошо «работали» артиллеристы, они просто не давали немцам выйти из укрытий. Мы были совсем близко к их позициям и прекрасно видели, как их обстреляли «катюши». Я вам скажу, это что-то страшное. Под огнем «катюш» действительно можно сойти с ума…

Еще там был такой интересный случай. Один из саперов, мой сокурсник Дерешев, наступил на мину. Но он был уже очень опытный сапер и знал, что у таких мин есть «мертвая» зона, всего около полутора метров. И когда он услышал щелчок, то не растерялся и с криком «ложись» бросился на землю. Раздался взрыв, но никого не ранило, даже его. Повезло, конечно. Вот за

организацию форсирования реки Псел меня и наградили Красной Звездой, а всех остальных участников этой операции медалью «За отвагу».

А возле города Золотоноша на участке нашего полка были обнаружены рвы с засыпанными в них телами красноармейцев и мирных жителей. Моих саперов привлекли для проведения эксгумации, но насколько я знаю, там ничего установить не удалось, потому что все тела оказались раздеты…

– А еще со случаями зверств фашистов вы сталкивались?

– Сталкивались, конечно. Например, еще когда освободили Тихвин, то в самый последний момент мы успели отбить у фашистов большой сарай, заполненный людьми, и не дали их сжечь…

Но, например, когда наша Румынская дивизия стояла в селе Дзыговка Винницкой области, а это было большое и богатое село, в котором жило много евреев. Так представьте себе, в этом селе евреи пережили всю оккупацию! Их, конечно, полностью обобрали румыны, которые там стояли во время оккупации, но они ведь остались живы.

От Золотоноши до Днепра всего где-то шесть-семь километров, но мы их преодолевали целую неделю… Наш полк переправлялся через Днепр чуть ниже Канева. Трудно словами передать, что там творилось и какие там были бои…

От саперного батальона после форсирования Днепра в строю оставалось 10 человек… И я тогда думал, ну не может же быть, чтобы мне так постоянно везло: из окружения вышел, в других тяжелейших боях уцелел, и в этот раз мне повезло – я уцелел. А я же не в блиндаже отсиживался, а постоянно руководил переправой под огнем… Удивительно, но факт. Хотя в полной мере всю степень моего везения я осознал уже только после войны.

– Как вы оказались в румынской дивизии?

– Сразу после форсирования Днепра меня отозвали в Москву и направили в Селецкие леса под Рязанью, где формировалась «1-я Румынская добровольческая дивизия имени Тудора Владимиреску». Дивизия полностью копировала по структуре советскую, так как создавалась по нашим воинским уставам. В дивизию набирали только добровольцев из числа пленных румын, но прислали и нас, 150 офицеров Советской армии из числа молдаван, знающих язык (румыны и молдаване говорят на одном языке. – *Прим. Н.Ч.*)

Причем желания этих офицеров, как и у меня, никто не

спрашивал. Когда шел отбор офицеров, прошел слух, что это готовится десант в Молдову, и мы обрадовались, думали увидеть нашу родину чуть-чуть пораньше остальных. Начиная с командира батальона, при каждом румынском офицере находился советник-инструктор из числа советских офицеров. Они не имели права командовать, но любое мало-мальски серьезное решение румынский офицер должен был принимать, только посоветовавшись с инструктором. Форма у нас осталась наша – советская, а у румын их прежняя, но с новыми эмблемами. Вооружение было советское, причем, что интересно, довоенного производства. Я был назначен дивизионным инженером, будучи направлен инструктором-советником в саперный батальон. Румынских офицеров очень удивляло, что на полковничью должность был назначен 22-летний майор… Взаимопонимание достигалось постепенно: с солдатами – быстрее, с офицерами – медленнее, но в целом служба шла нормально. Дивизия формировалась под Рязанью до марта 1944-го, а потом нас перебросили в Ямпольский район Винницкой области, где боевое обучение проходило до августа 1944 года.

– А румыны вам не рассказывали, как они воевали против нас?

– Мы не спрашивали об этом, это же неприлично. Да и честно говоря, не особо доверительные отношения у нас сложились с офицерами, побывавшими в плену, чтобы вести такие откровенные разговоры. Некая дистанция между нами оставалась всегда.

– Как к вашей дивизии относилось местное население, тем более что и во время оккупации там стояли румыны?

– Как ни странно, прекрасно. Тем более что мы очень сильно помогали местным жителям в сельхозработах и восстановлении хозяйства. На церковные службы, которые проводились в полках, собиралось много жителей, в основном, конечно, женщины. А сколько там должно было остаться румынских детишек… В целом я должен отметить, что исполнительность, да и вообще дисциплина в Румынской дивизии была несколько выше, чем в наших частях. Не было обычной нашей расхлябанности, что меня удивило. Но вообще отличий от наших частей было немного. Например, у них офицеры все-таки были более обособленной кастой и держались от солдат на дистанции и с некоторым высокомерием. Поначалу солдаты приходили жаловаться на румынских офицеров, которые позволяли себе называть солдат, как и в королевской армии, «скотиной». Но с такими явлениями

мы, советские офицеры, нещадно боролись, и подобные случаи стали единичными. И случаев рукоприкладства не было. Или, например, такая деталь. Вначале у нас было два разных туалета: для офицеров и солдат, но по нашему настоянию туалет сделали общим.

– Как вы оцениваете боевые качества Румынской дивизии?

– Я считаю, что она воевала так же, как и любая другая советская часть. Не лучше и не хуже. Но тут что нужно учитывать? Во-первых, она же полностью состояла из добровольцев, которые знали, на что идут. А во-вторых, они дрались хорошо еще и почему? Потому что они отлично понимали, что их ждет в плену, попадись они немцам или венграм. Плена они боялись как огня. Еще что я должен отметить. Поначалу у нашего командования были серьезные опасения, что после вступления на территорию Румынии начнется массовое дезертирство. Но эти опасения не оправдались. За год моей службы в дивизии в саперном батальоне пропал без вести всего один солдат, и то не факт, что он сбежал.

Конечно, необходимо учесть, что и офицеры и солдаты были добровольцами, отобранными после долгой «обработки». И все равно помню, что несколько профашистски настроенных офицеров выявили и предали трибуналу. Среди них, кстати, был даже командир одного из батальонов.

– Какое отношение было к пленным?

– Первых пленных мне довелось увидеть уже в августе 41-го, и вели себя они по-разному. Кто смирно, кто наглее, но случаев жестокого отношения к пленным я не знаю. Если они попали в плен, то их уже не расстреливали. И в румынской дивизии над пленными тоже не издевались. Вот к власовцам было совсем другое отношение. Я знаю даже случай, когда пленных власовцев отправляли в штаб, но конвоиры по дороге их все равно расстреляли. Их старались в плен не брать, но и они, в свою очередь, дрались с ожесточением смертников…

– Когда дивизия приняла боевое крещение?

– Во время Ясско-Кишиневской операции дивизия с боями двинулась на Бухарест по двум направлениям. Должен отметить, что на территории Румынии упорные бои были лишь местами. Хотелось бы рассказать о двух из них. Возле села Делень 3-й полк напоролся на колонну немцев, которая двигалась в сторону Карпат, стремясь вырваться из окружения. Но полк успел развернуться и занять оборону. Повезло еще и в том, что у немцев

не оказалось танков, а были только легкие пушки. И представьте себе картину: дико кричащая, пьяная, полубезумная толпа немцев, не считаясь с потерями, бежала прямо на пулеметный огонь… Это побоище живо напомнило мне синявинский прорыв… В этом бою несколько тысяч немцев было убито, и еще несколько тысяч взяли в плен.

А уже почти на самой границе с Венгрией, в Карпатах, произошел другой памятный бой. 2-й полк без боя занял курортное местечко «Băile Felix», но командиры расслабились и допустили непростительную ошибку. Размещение на ночлег было пущено на самотек, охранение оказалось не выставлено. Солдаты разбрелись, многие начали купаться в бассейнах и ваннах, а некоторые даже напились и легли спать где попало. Фактически полк стал неуправляемым.

А утром немцы в сопровождении двух танков подошли к зданиям пансионатов и в упор начали нас расстреливать… Сонные раздетые солдаты, многие с похмелья и без оружия выскакивали из домов и бежали через лощину в тыл. Никто никого не слушал и не подчинялся, началось самое страшное – паника… А тут прилетели еще два немецких самолета… Вся лощина была завалена трупами наших солдат и разбитой техникой… Это была просто ужасающая картина, почти весь 2-й полк там погиб… Но мы, саперы, компактно разместились на 3-м этаже. В этом местечке такая особенность, что пансионаты стоят в лощине, и если смотришь с фасада, то у здания три этажа, а с тыльной стороны третий этаж являлся единственным. Именно поэтому нам удалось вывести солдат батальона оттуда и, совершив 25-километровый марш через горы и лес, к концу дня соединиться со своими. Запомнился еще такой момент, что когда мы только начали отход, то выяснилось, что нужно вернуться и забрать жену советника командира дивизии. Этот офицер не стесняясь повсюду возил ее за собой и грузовик с ее барахлом. Пришлось вернуться, с трудом ее в этой кутерьме нашли, так нам еще и пришлось ее уговаривать бросить все «с таким трудом нажитое имущество»… К тому же она оказалась обута в туфли на высоком каблуке, поэтому одному солдату пришлось отдать ей свои сапоги, а самому проделать весь этот сложнейший марш босиком. Так она еще и капризничала…

В течение октября и ноября 44-го мы освобождали Венгрию. 10 ноября участвовали в боях по освобождению города Дебрецен, за что дивизия получила почетное наименование «Дебреценской», а всем военнослужащим повысили звания на одну ступень. Причем бои в Венгрии были ожесточенные, и венгры дрались, наверное, едва ли не еще упорнее, чем немцы. Но может быть, это

связано с очень непростыми отношениями между Румынией и Венгрией, их давним территориальным спором?

– Как вас встречали на территории Румынии?

– Прекрасно встречали везде! А когда мы одними из первых частей вошли в Бухарест, то нам вообще устроили восторженный прием. С транспарантами «Слава воскресшим из мертвых под Сталинградом!», «Да здравствует новая демократическая румынская армия!» и т. д. Конечно, все это было организовано, но простые люди были нам искренне рады.

Кстати, со мной в Бухаресте произошел интересный случай. И.о. командира батальона по фамилии Бужор попросил меня составить ему компанию и посетить его семью, мотивируя это тем, что с 1941 года его считали погибшим. Мы отправились к нему домой. Это был хороший двухэтажный особняк в центре города, но оказалось, что его жена, спасаясь от бомбежек, уехала на дачу. Слуга нас в дом не пустил, а направил к брату жены, который работал главным инженером в Департаменте коммунального хозяйства. Пошли туда, но брат жены его не узнал, и особой радости от встречи я не заметил ни у одного из них. Но, тем не менее, очень быстро накрыли большой стол, а когда мы вошли в большой зал, весь аппарат департамента, стоя, встретил нас аплодисментами. А до этого мы с ним договорились, что он представит меня русским, не владеющим румынским языком. Просто нам очень хотелось узнать, как присутствующие действительно относятся к нашей дивизии, воюющей на стороне СССР? Речи выступающих были сдержанные, доброжелательные, а некоторые даже дружелюбные. Мне все это переводили, но в разговорах за столом можно было услышать всякое, даже профашистские высказывания… А в конце банкета слово предоставили мне, даже не спросив моего согласия.

Я встал и на румынском языке поблагодарил за теплый прием, за хлеб и соль, за добрые слова и пожелал всем успехов в труде и построении нового демократического государства. И в конце добавил: «Жаль только, что среди нас есть люди, которые даже здесь не стеснялись высказывать желание о возврате фашизма. Но я думаю, что это так и останется только их желанием. Ваш народ не допустит этого! Еще раз благодарю за прием. До свидания!» Все были в шоке: кто покраснел, кто побелел… Мы встали и ушли. Не знаю, как бы оценило наше начальство встречу с чиновниками капиталистического государства, но майор Бужор был мною очень доволен. «Хорошо ты утер им нос!» – сказал он мне.

– Вы участвовали во многих боях, какие из них можете оценить как самые жестокие?

– Конечно, выход из окружения под Синявино и форсирование Днепра. И там и там мне просто не верилось, что можно остаться в живых… Но в чем принципиальная разница в этих боях? Одно дело отступать, и совсем другое – обеспечивать успешное наступление. Там такой душевный подъем, совсем другое настроение, несмотря на все потери.

– Как вы можете оценить немцев как солдат?

– Стойкие и дисциплинированные. Но все-таки ощущалась заметная разница между тем, какими они были в начале и в конце войны. Вначале они были заметно увереннее и наглее. Но я не могу припомнить, чтобы мы что-то перенимали у них, просто сами нарабатывали опыт.

– С заградотрядами вам доводилось сталкиваться?

– Нет. Мы знали, что есть такой жесткий приказ, но мне лично ни разу не пришлось. И я не верю, чтобы кто-то мог стрелять сзади по своим. И с «штрафниками» мне тоже сталкиваться не приходилось. Но я могу, например, рассказать такой эпизод, который я видел лично. Когда 8-я Армия беспорядочно отходила из Эстонии, то, для того чтобы остановить солдат, привезли женщин. Они были разного возраста, в фуфайках, с винтовками, но без патронов. И эти женщины сделали буквально чудо, причем они не угрожали, а просто стыдили солдат, говорили с ними по-женски, по-матерински, шутили. И никто из солдат от них не посмел отмахнуться.

– Наградной темы коснемся?

– Нужно признать, что в начале войны почти совсем не награждали. У нас в полку был всего один Герой Советского Союза – пулеметчик, кажется, рязанский парень. Они оказались в окружении, а когда к ним все-таки пробились, то вокруг него лежало очень много немецких трупов…

А для меня самая дорогая награда – медаль «За оборону Ленинграда». Все-таки почти два года я провоевал там в тяжелейших условиях. А вот под конец войны стали награждать щедро, и то многое зависело от активности начальства. В штабах, конечно, себя не забывали, но и явной несправедливости я не помню. Хотя, например, за форсирование Днепра меня обещали наградить, но это так и осталось пустыми разговорами. Признаюсь, было обидно.

– Были у вас друзья на фронте?

– Самые близкие друзья у меня были еще с училища, но к весне 42-го из них почти никого не осталось… Например, Леша Лычев, ленинградец, очень начитанный и эрудированный парень. За три года училища он 90 дней провел на гауптвахте, и его не отчислили только потому, что у него были высокопоставленные родители. Но, несмотря на все, он все равно хорошо окончил училище и был у меня отличным заместителем роты. Погиб зимой 1941-го под Ладогой… А когда у меня на глазах умирал Масюков (он на фото справа от меня), я плакал… Тогда нас, двенадцать саперов, послали уничтожить ДОТ, а вернулось только пятеро… Его кишки вываливались наружу, говорить он уже не мог и только смотрел на меня… А тот ДОТ мы так и не уничтожили…

– Случаи трусости вам не приходилось наблюдать?

– Почти нет. Но когда мы стояли под Ленинградом, то нам прислали двух лейтенантов. Причем оказалось, что они бывшие рабочие знаменитого Кировского завода. А к ленинградским рабочим, тем более с Кировского завода, у нас очень уважительно относились. Но эти двое оказались такими трусами, что мы не знали, как от них побыстрее отделаться. Держались они вместе, постоянно о чем-то шушукались. На них не было никакой надежды, поэтому приходилось дублировать задачу их заместителям. Вскоре одного из них арестовали за то, что он умышленно нанес себе страшный ожог, и больше мы его не видели. А второго, чтобы избавиться от него, мы … отправили на курсы повышения квалификации. И что вы думаете? Он вернулся к нам через шесть месяцев уже старшим лейтенантом. Но он совсем не изменился и все равно погиб. И на фронте я убедился, что труса смерть все равно настигнет…

– С немецкими снайперами вам доводилось сталкиваться?

– В обороне под Ленинградом их было очень много, и они очень досаждали. Старались выбивать командиров и расчеты орудий. Было и много «кукушек», причем многих из них приковывали цепями. Но некоторые из них не стреляли, и их брали в плен, а некоторые отстреливались до последнего.

А с нашей стороны были «охотники за кукушками», причем были и девушки-снайперы. Должен вам сказать, что они одним своим присутствием очень поднимали настроение солдатам. Хотя вообще женщинам на фронте было очень тяжело. Например, что доводилось видеть и испытывать санинструкторам… Хотя про них и всякие анекдоты ходили, но всегда я презирал таких

рассказчиков.

– Ваша семья и семья жены пережили оккупацию. Они что-нибудь рассказывали о том периоде?

– Нам, наверное, повезло: и в нашем селе, и в селе жены стояли румыны. Конечно, преследовались семьи активистов, коммунистов и красноармейцев, но зато любые вопросы можно было «решить» за деньги. Можно было откупиться.

Я ведь уже вам рассказывал, что в селе у жены даже еврейские семьи откупались, хотя моего отца и брата местные полицаи несколько раз допрашивали «с пристрастием». Достаточно сильно избивали. Но попыток призвать отца и брата в королевскую армию не было. А когда село освободила Красная Армия, то их мобилизовали, хотя брату было только 17 лет, а отцу 49 лет. Отец служил пулеметчиком, закончил войну в Болгарии, а брат на Кицканском плацдарме стал инвалидом, вернулся домой слепым…

– Что-то вас поразило за границей?

– Бросался в глаза уровень жизни. Хотя, например, в Румынии города красивые, но села были еще бедней, чем у нас в Молдавии. Зато в Венгрии, даже когда мы останавливались в селах, то нам сервировали стол, как в ресторане.

– Бывали случаи мародерств, изнасилований, совершенных советскими солдатами?

– В нашей румынской дивизии дисциплина была на высоком уровне, и таких случаев я не помню. А вот солдаты из обычных частей иногда вели себя развязно, многое себе позволяли… Но с этим боролись, даже был специальный приказ о расстреле на месте за мародерство и т. д. И этот приказ исполнялся. Я, например, однажды лично видел такой тяжелый эпизод. В Венгрии к группе местных женщин подошел солдат в казацкой форме и выбрал из них с недвусмысленной целью самую красивую девушку. Но другая женщина знаками сама предложила себя вместо той юной девушки, которую он выбрал. Это увидел один советский офицер, подошел и прямо на месте застрелил этого казака… Причем то, что он не прав, посчитал не только я, но и эти женщины. Они начали плакать, сочувствовали этому солдату, а к офицеру у них даже появилась ненависть… Я считаю, что в этом случае было вполне достаточно отвести солдата в комендатуру для разбирательства.

– Почему вас демобилизовали из армии в 1944-м?

– Я только потом узнал, что еще когда шел отбор офицеров-молдаван для румынской дивизии, то одновременно велся отбор и офицеров-специалистов для работы в сельском хозяйстве, и меня ошибочно занесли в этот список. После боев за Дебрецен мне сообщили, что у меня новое назначение. Мне нравилось служить, я любил инженерное дело, у меня хорошо получалось. И поэтому когда меня, не спрашивая моего мнения, уволили в запас и направили в распоряжение ЦК КП Молдавии, я был очень огорчен и разочарован. А нашу дивизию, хоть она и отличилась в боях, расформировали, а людей передали различным румынским частям. К тому времени из 150 офицеров-молдаван в строю оставалось всего 50 человек…

– Вам что-то удалось привезти с собой из-за границы?

– В Румынии нам платили леями. И что нам с ними было делать? Не в Союз же их везти, поэтому мы их как-то тратили. Пару раз в ресторане погуляли, а для сестры и невесты я купил материал в Румынии. Но тогда был перечень, что можно ввозить в Союз, а что нельзя. Трофеев же у меня никаких не было, они могли быть у трофейной команды, например. А вот советник командира дивизии отправил в Союз целую машину вещей. Я знаю об этом, потому что я на этой машине ехал до границы.

– Как вы узнали о Победе?

– Я тогда уже был на партийной работе, нас вызвали в Тираспольский райком партии, сообщили, и мы разъехались по селам проводить митинги. А вскоре уже начали встречать первых демобилизованных солдат, и мне довелось встречать отца. Из нашего села 494 человека не вернулись с фронта…

– Часто вспоминаете войну, снилась она вам?

– Сны мне стали сниться только в последнее время. А чаще всего вспоминаю, конечно, выход из окружения под Синявином…

Еще что хотел бы добавить. Когда я только начал работать в Молдавии, то мне довелось организовать работу по разминированию нашего района. Обучили молодежь, в основном это были девушки 16–17 лет, и уже к весне 1945-го полностью закончили работы по разминированию. Но некоторые из минеров при этом погибли… И мне до сих пор очень обидно, что за этот опаснейший и тяжелейший труд никого из этих молодых минеров никак не отметили и не наградили.

Дементьев Николай Иванович

– Я родился 20 мая 1920 года в г. Калинин (ныне Тверь). Родители мои были простыми рабочими, отец трудился мастером текстильной промышленности, которая была в то время в родном городе очень развита. Он был коммунистом, участником Первой

мировой и Гражданской войн, в которой сражался против Колчака в составе армии Блюхера, имел звание ефрейтора, и на фото я видел отца в погонах с 2 лычками. Вообще же отец был хорошим мужиком, в жизни просто замечательный человек, у меня его характер. Мать была простая домохозяйка, жили мы неплохо, даже голод когда был, особенно на Среднем Поволжье, наша семья продолжала жить нормально.

В школу № 7 я пошел в 8 лет, первой учительницей была Варвара Никифоровна, урожденная тверчанка. Это была учительница старой закалки, такая строгая женщина. Из школьных предметов я очень полюбил историю и географию. Как-то в пятом классе я читал на уроке, и учительница Мария Федоровна мне строго так сказала:

– Дементьев, а ну-ка повтори, что мы сейчас говорили?

Я слушал только раз, и повторил все в точности. У меня с детства так было, что я умел одновременно и слушать и читать. Похвалила тогда Мария Федоровна меня. В общем, я закончил 10 классов и в 1939 г. по комсомольскому набору попал на флот. Комиссию по здоровью я быстро прошел, но нас потом тщательно проверяли по политической линии, кто отец и тому подобное. После успешного прохождения всех проверок нас, отобранных для флота, посадили на поезд, сопровождал нас такой очень крепкий старшина, я помню, он все говорил нам в вагоне:

– Спите, спите, от сна пока еще никто не умер!

Выдали перед поездкой нам сухие пайки, так что еды вполне хватило на те двое суток, что мы ехали до Севастополя. Там меня направили в учебный отряд Черноморского флота, я попал в школу оружия, по-флотски БЧ-2. Обучали артиллерийскому делу, была и теория, и практика артиллерийского дела, причем стреляли мы специально из 137-мм калибра, так как это были пушки, установленные по левому и правому борту на крейсере «Красный Крым». Кроме непосредственной учебы, мы еще много маршировали, до сих в голове звучит, как старшина отдавал команды:

«Шагом марш! На месте шагом марш!»

Ст. матрос Дементьев Н.И., 1940 год

Мы топаем, топаем и снова топаем, наконец запевали, чтобы просто так не топать на одном месте. Также в обязательном порядке мы изучали устав. Преподаватели у нас были весьма грамотные, все опытные командиры. Командира школы оружия полковника Горпищенко я часто видел, он был очень строгим начальником, за дисциплиной четко следил. У моряков вообще дисциплина была на высшем уровне, хотя и прививалась жестко. Могу рассказать такой случай – некоторые курсанты, чтобы не

бегать в туалет, который находился далековато от корпусов, брали и писали около угла здания. Запах же, так нашлись такие люди, которые бросили туда провода под током. И вот один побежал, как его дернуло, понимаешь. Сразу перестали туда писать ходить. Отучили мгновенно. Нас поселили в бывших Екатерининских казармах на Корабельной стороне, у нас были 2-ярусные кровати, очень удобные. Форму сразу выдали, причем 2 комплекта: как рабочий, так и парадный, а также бескозырки. В 6 часов подъем, в 8 завтрак, затем обучение, в общем, в день учились по 6–7 часов, как в школе. Также регулярно проходили целевые учебные стрельбы, стреляли из пушек и из винтовок старого образца, конца XIX века, с одним патроном. Кормили хорошо, мясо было ежедневно. Проучился я там 6 месяцев, в конце сдавал и математику, и историю, и алгебру, нам даже такие сложные предметы давали. Получил всякие оценки – и пятерки, и четверки, были и тройки, то есть государственные оценки. После сдачи меня списали на корабль в звании «ст. матрос». Это был крейсер «Красный Крым», постройки 1915 года, он сошел со стапелей как «Светлана», потом его назвали «Профинтерн», позже он пришел на пополнение Черноморского флота в Севастополь, в те времена любили все красное, потому и назвали его «Красный Крым». Это был хороший корабль, на нем были установлены 137-мм пушки, я попал на бортовое орудие, а вот 2 зенитных носовых орудия были итальянскими по производству. Одно 137-мм орудие обслуживало 5 человек: 2 подносчика, заряжающий, командир, наводчик. Я был заряжающим, позже был назначен комендором, то есть командиром орудия. Крейсером командовал капитан 2-го ранга Зубков Владимир Илларионович, очень грамотный офицер, он, как только погода плохая, сразу шел к начальству и получал «добро» на выход в море. Это Зубков делал для того, чтобы у команды была закалка во время носовой и бортовой качки. Большой молодец был. На корабле также кормили отлично, и никаких разговоров о войне не было. В воздухе летали наши самолеты, немецких мы не видели.

22 июня 1941 года корабли мирно стояли на рейде, и вдруг как загромыхали выстрелы зениток, трескотня зенитных пулеметов и грохот упавших на рейд магнитных мин. Как я позже узнал, оказывается, в первый день войны Сталин растерялся, три дня не мог в себя прийти, а Кузнецов, командующий военно-морскими силами, за сутки предупредил командование всех флотов, что возможно нападение, и в случае чего надо открывать огонь сразу на поражение. И я как сейчас помню, как гудели немецкие самолеты, они от наших по гулу различались сильно. Была команда Октябрьского: «Открыть огонь!» На кораблях

нашлись сомневающиеся, но командир пригрозил расстрелом, и тогда начали зенитки бить. Немецкие самолеты прорывались, но бросали они не бомбы, а мины в фарватер, чтобы закупорить флот в бухте. Одна из мин попала на городской рынок, погибли 44 человека. И на Херсонес одна попала, был взрыв огромнейшей силы. Так началась война в Севастополе, крейсер «Красный Крым», на котором я служил комендором, стоял у стенки морзавода. Командир корабля капитан 2-го ранга Зубков В.И. обратился к личному составу, чтобы в короткий срок ввести крейсер в строй боевых кораблей, что и было сделано, сказалась отличная подготовка команды. А позднее за отличные боевые действия крейсеру было присвоено гвардейское звание.

Затем водолаз Демидов спустился под воду и с риском для жизни открутил взрыватели, тогда из Москвы и из союзной нам Англии прибыли специалисты и разгадали, что немцы установили специальные магнитные мины. В течение суток в кратчайшие сроки создали на кораблях противомагнитные пояса, и мы на пятый день войны утром были направлены в румынский порт Констанцу, потому что Румыния была союзницей Германии. Впереди нашей эскадры шли лидеры «Москва» и «Харьков», крупные корабли чуть подальше. Наше командование рассчитывало, что нас встретит румынская береговая оборона, но немцы заранее все предусмотрели, они в этом отношении дальновидные люди, и установили свою батарею. Поэтому их батарея прицельным огнем практически сразу поразила лидер «Москву», я хорошо помню, как корабль тонул, а моряки на его борту пели песню «Варяг»: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает…» Мы открыли ответный огонь, наши 137-мм орудия будь здоров били, ведь два крейсера было в эскадре – «Красный Крым» и «Молотов», пламя на берегу было, горело все. Но насколько сильно мы их поразили, здесь трудно определиться, не видно за дымом ничего. Прикрытия с воздуха у нас не было, но немцы, к счастью, не пытались нас атаковать самолетами. В итоге «Москва» была потоплена, а «Харьков» вернулся в порт весь обгорелый, но вот на нашем крейсере потерь не было. После похода мы находились в Севастополе, немцы несколько дней бомбили корабли часто, однажды особенно сильно, целых два дня подряд, и упорно продолжали бросать магнитные мины. 16 августа я списался в морскую пехоту. Это был приказ Октябрьского о создании из личного состава флота специальных батальонов морской пехоты, я подошел с рапортом к командиру дивизиона, он меня, грубо выражаясь, отшвырнул, еще и напоследок сказал:

– Когда будет положено, я сам вас позову.

Тогда я пошел к политруку, он взял мой рапорт и доложил комиссару корабля. Хотя тем самым была нарушена субординация, минут через 40 вызывает меня командир эскадры и говорит мне:

– Вы написали рапорт и изъявили желание защищать Отечество?

– Так точно.

– Собирайтесь! Вас 18 человек добровольцев, будем отправлять вас.

После этого на корабле собрали весь личный состав, и как сейчас помню, комиссар выступил с речью (привожу почти дословно):

«Товарищи матросы, старшины и командиры! Мы направляем наших посланников защищать Одессу и надеемся, что они не посрамят честь крейсера и вернутся героями!»

16 августа для меня было памятным днем. В первый же день призыва нашего командования флота встать на защиту Одессы сотни добровольцев-моряков подали рапорты о зачислении в морскую пехоту.

Уже через час нас отправили на берег, а затем решили направить в Одессу на пополнение 25-й Чапаевской дивизии. Туда нас перебросили на теплоходе «Украина», перед отправкой выдали «СВТ», но эти винтовки были никуда не годные, если только песок попадет, то уже заклинивает. Поэтому я на передовой достал себе наш карабин, а еще позже в боях взял трофейный автомат, к нему подходили патроны для «ТТ», они были одинаковые по калибру. Я противогаз из сумки выбросил и патроны туда набил, потому что противогаз не сильно-то и нужен, а патроны – это хлеб для солдата на войне. Я попал в батальон морской пехоты к Денщикову. Под Лузановкой я вступил в свой первый бой, тут такое дело было: Денщиков был сам очень горячий человек (кстати, он и погиб в бою при наступлении), в атаке шумит и кричит, команды отдает постоянно, но как-то бестолково, поэтому мы напролом лезли, из-за чего много потерь имели. И командир погиб, и раненых много было, хотя мы не с немцами, а с румынами сражались. Под Лузановкой в конце сентября я был тяжело ранен пулей в руку, находился в госпитале, потом попал в батальон к Коптелову Василию Степановичу. Это произошло так – зашел к нам в палату, прихрамывая, крепкий мужик и спросил:

– Матросы есть в палате?

– Есть. – А мы лежали в Одесском университете в аудиториях, большие палаты были.

– Кто хочет досрочно на фронт идти?

Все, кто ковыляет, кто руку держит (я, к примеру, руку на перевязи держал), вышли из палат и отправились на передовую. Вместе с Коптеловым мы попали под Татарку. И воевали мы успешно, причем Коптелов сам ходил в разведку, мы его «Батя» называли. Вот Батя все делал по уму и в наступление правильно нас вел. Характер же имел как кремень. Приведу такой случай: одного матроса Коптелов отправил с донесением в управление под Одессой, он должен вернуться, а его нет. Послали другого матроса, тот нашел первого на рынке, он там чего-то мухлевал. Пришли в часть, второй матрос по всей форме доложил сидящему Коптелову, тот подзывает первого матроса:

– А ну иди сюда! – И так ему врезал, что тот метров пять прополз. Коптелов опять: – Иди сюда! Бить больше не буду. – Батя встает, наливает стакан коньяка, дает матросу: – На, выпей. Если еще раз повторится, то сам лично расстреляю!

Группа морских пехотинцев под Одессой (Дементьев Н.И. – второй слева), 1941 год

С таким командиром и мы отчаянно воевали. Когда матросы в атаку шли, мы всегда снимали бушлаты, сами в одних тельняшках фланелевых бежим и кричим только:

– Полундра, мать!..

После наших атак румынский командующий Антонеску издал приказ, чтобы моряков в плен не брать, а расстреливать на месте. К нам на позиции однажды приехал командир 25-й дивизии

генерал-майор Петров. Из-за пенсне, манеры разговора он производил впечатление настоящего интеллигента, правда, в военной форме. Разговаривал с матросами очень доброжелательно. Во время беседы даже положил мне на плечо руку: «Все будет, ребята, хорошо!»

Кормили нас под Одессой хорошо, перед атакой водки не давали, зато вина мог выпить сколько угодно, но мы сами не злоупотребляли, стакан выпил, и хватит. После сражений под Татаркой началась эвакуация Одессы, мы поздно вечером пошли к «Абхазии», после выхода в море сидели в трюмах, и немцы бомбили теплоход наш, чувствовалось, что он вилял туда-сюда, то влево, то вправо. Тогда мы все пошли наверх, а то поняли, что в кубрике можем застрять, если вдруг корабль тонуть начнет. Только мы выбрались, а на палубе уже пехота сидела, тоже, как мы, на всякий случай. Мы хоть как моряки умели плавать, я, к примеру, мог запросто 10 км проплыть, но все равно страшно – в открытом море куда плыть?! Но в целом эвакуироваться нам никто не мешал, потому что основные немецкие силы во главе с Манштейном пытались прорваться в Крым, нас же оружием и боеприпасами снабжали из Севастополя, и командование решило эвакуировать гарнизон города на усиление гарнизона Крыма. Также хотел бы обратить внимание на такой факт: в Одессе полно евреев, наверное, с полгорода, а немцы к евреям плохо относились, мы звали девушек с собой уходить, но многие, как ни странно, рассчитывали, что, если немцы придут, они свободно магазины откроют. И вот одна девушка подходит ко мне и говорит:

– Товарищ краснофлотец! Я активистка, секретарь комсомольской организации, возьмите меня в эвакуацию!

Нам с собой гражданских брать было не положено, тогда я набросил на нее бушлат, надел ей бескозырку и провел на корабль. Куда она девалась дальше, я не знаю, но в Севастополь, во всяком случае, она прибыла. В Севастополе нас посадили на автомобили, которые, кстати, доставили морем из Одессы, и привезли в Джанкой, оттуда мы должны были быть направлены на Перекоп, но дошли пешком только до Воронцовки, где уже засели немцы. С ходу ее взяли, но очень скоро поняли, что Крым – это не Одесса, да и немцы – не румыны. Противник быстро обошел Воронцовку с двух сторон, и, чтобы не попасть в окружение, командир приказал отступать. Так и повелось: днем отбиваемся, ночью отходим. Жители, особенно пожилые женщины, кричали нам:

– Эх вы, куда же вы уходите, нас покидаете!

Мы в ответ:

– Бабушки, мы вернемся обязательно! – И действительно у всех такой настрой был, не падать духом, что мы вернемся. И воевали мы хорошо, ничего не скажешь. Так мы и отступали, вроде на Севастополь, но каким путем, не могу сказать, к примеру, не остался в памяти Симферополь. Мы уже думали, что все-таки прорвемся на Севастополь, и тут 1 ноября отряд расположился в с. Джалман, а утром фашисты внезапно открыли по селу артиллерийский и минометный огонь. И после короткого боя Коптелов приказал группе моряков, 17 или 18 человек, где был назначен старшим курсант военно-морского училища Виктор Щапин, прикрыть отход основных сил. Последовал бой, и, отбившись от немцев, мы убедились, что по шоссе в направлении Алушты пробиться возможности не было, прорвались на другой стороне и решили уходить к Севастополю лесом. Итак, в небольшой группе осталось 9 человек: Щапин Виктор, Сымыкин Александр, Зобнин Сашка, Грузинов Георгий, Бондаренко Веня с крейсера «Червонная Украина», Хайновский Петр с линкора «Севастополь», Зибиров Василий, Максимцев Михаил и я. Мы вышли к татарской деревне Биюк-Янкой, и там один татарин нам помог сильно, объяснил:

– Ребята, вам уже в город не прорваться, впереди немецкие машины. – Налил нам кумыса и посоветовал идти по направлению на Суат, где создаются партизанские отряды. И там наша судьба бы решилась. При этом сразу в лесу мы вышли на позиции 3-го Симферопольского отряда, которым командовал Макаров, и такая спесь у партизан в этом отряде была, ну что вы. Мы постучали в командирскую землянку, хотели проситься переночевать, но вышел комиссар Чукин и как отрезал:

– Чего вы тут стучите, а ну идите отсюда! Мы и без вас справимся, вообще ваша цель и задача идти на Севастополь!

Ну, уж после такого приветствия мы ему натолкали резкими словами вдоль и в спину, напоследок обматюгали комиссара как следует и пошли. Чуть дальше нашли яйлу, на которой увидели разбитые телеги, и возле них остановились на ночлег. Телеги накрыли плащ-палаткой и сразу под таким импровизированным навесом приготовились уснуть. И тут видим, что невдалеке небольшую отару овец пасет один молоденький татарин, он нам быстренько освежевал одного маленького барашка, мы спустились вниз в балку и поужинали. А дождик шел очень сильный, поэтому мы почистили оружие и, проверяя его, пару раз выстрелили в воздух, и вдруг в балку въезжает легковая машина «ГАЗ-АА», в которой находились партизан с ручным пулеметом, пограничник со звездой на рукаве и шофер (позже мы узнали, что это были Северский, Фомин и Костя). Северский спускается к нам

в фуражке особого фасона, у нее уши не завязаны, а хлопают по сторонам, и для порядка спрашивает:

– Кто стрелял?

– Мы.

– Ага, моряки. Какая же у вас задача, что вы хотите?

– В Севастополь пробраться.

– Ребята, вам не пробиться. Бахчисарай, Елань и Ялта уже немецкие, кругом одни фашисты. Вас перебьют как куропаток. Поэтому вы должны остаться в рядах партизан и вести борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

– Так мы же будем считаться дезертирами?

– А это моя забота, я сообщу о вас куда надо.

Таким образом я стал партизаном. И 900 дней и ночей я был сначала диверсантом-разведчиком, затем с 1943 года командиром 6-го отряда.

Было это в первую неделю ноября. Мы направились в Крымский заповедник, где собрались все партизанские отряды. Как-то мы шли по лесу и недалеко от лагеря видим: лежит деревянная бочка, килограммов на 30–40. Открыли ее, а там красная икра! Объелись ею так, что потом животы болели.

С недели полторы мы жили в уже знакомом нам 3-м Симферопольском отряде, которым командовал Макаров Павел Васильевич, а комиссаром был столь недобро нас встретивший Чукин. Макаров производил хорошее впечатление, рассказывали, что он командовал партизанским отрядом еще в Гражданскую войну и хорошо знал здешние леса. 3-й Симферопольский отряд состоял исключительно из городских жителей, среди которых преобладали руководящие партийно-советские кадры Симферопольского района. В лес они пришли с чемоданами, баулами, чувствовалось, что они принесли в лес золотишко и периодически его перепрятывали. Все это выглядело очень забавно. И настроение в отряде было совсем не боевое – переждать в лесу месяц-другой, а там наша армия разобьет всех врагов, и можно будет возвращаться на свои высокие должности.

После мы побыли в небольшом отряде Ермакова, во всем отряде было около 200 человек. Он находился в северной части заповедника, Ермаков был очень щепетильный командир, причем там, где не надо. Как-то два военнопленных сбежали из плена и пришли в лес: Виктор и Коля Дюйнов. Виктор сказал, увидев как-то самолеты в небе:

– О, наши летят!

А оказалось, что летели «Юнкерсы». И сразу на его оговорку обратили внимание, начали говорить, на чьей же он стороне. Я считаю, что надо было проверить, мало ли что. Но вечером Колю

и его товарища арестовали. Ермаков обвинил их в том, что они немецкие шпионы, и приказал расстрелять. Когда я услышал, что расстрелять Колю должен я, меня охватил ужас. Вышли в лес. Отпустить его, пусть бежит куда-нибудь? Но куда? Придет в соседний отряд, тогда завтра расстреляют меня. Выстрелил ему из пистолета в затылок, а Ермакову не могу этого простить до сих пор. Дурак он!

Так мы влились в ряды партизан, стали называться моряками-партизанами. Спустя несколько дней пребывания в отряде Ермакова Северский объединил нашу группу с группой моряков, которой командовал лейтенант Вихман Леонид из 7-й бригады. Среди них были пришедшие в морскую пехоту из Севастопольского учебного отряда Ульянченко Евгений, Федотов Глеб, Лаврентьев Сергей, Мазурец Федор, Кадаев Петр, Стрегубов Василий, Соломка Петр. Наша группа в составе 19 моряков под командованием Вихмана стала именоваться разведгруппой штаба партизанского района. Политруком группы, а также нашим хорошим проводником стал Петр Миньков, председатель Тавельского колхоза.

Мы тогда были вооружены карабинами (позже все получили автоматы «ППШ»), были землянки и шалаши. Наш морской отряд стал постоянно совершать вылазки против немцев. Откровенно говоря, моряки оказались в этом плане самыми активными. Мы едва ли не ежедневно подбирались к дороге, обстреливали немцев, поджигали автомашины. Поэтому в итоге немцы вынуждены были вырубить лес вокруг дорог, чтобы нам негде было прятаться, но мы все равно ухитрялись бить фашистов. Первую вылазку на шоссе мы сделали в том месте, где был переход из лесов заповедника в Зуйские леса, сейчас там памятник «Шапка партизана». Расстреляли мы два грузовика, успели посмотреть, что в кузове, что у водителей. С пустыми руками почти никогда не возвращались.

В состав района входил Бахчисарайский отряд, которым командовал Македонский. На какое-то время я оказался у него вроде адъютанта. Гонял он меня с всякими заданиями. Однажды пошли на операцию в Табаксовхоз. Я надумал там и заночевать. Ну, думаю, хоть раз в нормальных условиях отосплюсь, но Шувалов, он был из местных жителей, категорически воспротивился:

– Ты что? Тебя же обязательно там пристрелят! – Наверное, он был прав.

В первых числах декабря, выполняя задание у г. Чатыр-Даг, мы натолкнулись на развернувшуюся цепь противника, которую

вели проводники из местных татар-националистов, очень хорошо знавших все местные дороги. Нас было всего 7 человек, мы подпустили их поближе, на 15–20 метров, и открыли автоматный огонь, бросая гранаты. Было убито 2 проводника, гитлеровский офицер и десяток немецких солдат. В этом бою особенно отличился Саша Зобнин, встав во весь свой богатырский рост, стреляя и крича: «Полундра! За Родину, вперед!» Воодушевленные первой победой, мы убедились, что можно бить фашистов и в лесу.

На другой день с помощью проводников фашисты скрытно подошли к реке Суат, где находилась партизанская база, мы начали вести очень тяжелый бой. Северский послал всю нашу группу в обход, чтобы в тыл немцам ударить, и спустя минут 30–40 мы ударили по фашистам. Увидев у себя в тылу моряков, румыны, которые составляли основную массу фашистов, в панике стали бросать оружие и бежать. Мы преследовали их до д. Биюк-Янкой (ныне Мраморное). Но в этом бою мы потеряли славного товарища Петра Минькова, нашего политрука. Мы гнали румын, они отстреливались, и попала Пете в живот пуля. У него был револьвер морской, он кобуру пальцами цапает, застрелиться хочет. Я у него пистолет забрал и сказал:

– Ты подожди стреляться, еще будет все в порядке! – Если бы у нас госпиталь был, он бы действительно живой остался бы. А у нас была только медсестра, ну что она могла сделать?!

После этого боя наш отряд расположился в глубокой отрывистой, поросшей кустарником балке. Частые метели скрывали тропинки, и враги боялись бродить по лесу. Лишь партизаны хорошо ориентировались в нем по особым приметам, деревьям, изгибам местности, лесным полянам, горным ручейкам и вершинам гор. Ежедневно наши разведчики, увязая в сугробах, одолевали по нескольку десятков километров и приносили сведения о численности и расположении противника. Мы отлично знали, что творилось в городах и прилегающих к лесу населенных пунктах, где хозяйничали немецко-фашистские захватчики. В том числе имели достоверные сведения о тяжелой жизни советских граждан оккупированного Крыма.

Немцы стремились еще до наступления весны во что бы то ни стало уничтожить партизан. В одном из тяжелых боев погиб Саша Зобнин, тяжело ранили моряка Василия Зибирова, геройски погиб Глеб Федотов, отличный парень, все время песни пел, никогда не унывал. Зобнин погиб так: он слишком любил поесть, все время кушать хотел. И вот когда мы отступали во время одного из боев, он вдруг вспомнил, что котелок на прежней позиции забыл. Вернулся за этим котелком, и его там немцы раз, и автоматной

очередью полоснули. А был такой здоровый, мощный парень. Васе Стрегубову в одном из боев перебили ноги, медсестра ничего не может сделать, тогда я ему говорю:

– Вася, скоро отправим тебя на Большую землю!

– Поздно, Николай, посмотри на мои ноги!

А они у него действительно все зачервивели. Умер он от ран, как и Саша Сымыскин. Нашему отряду помогало то, что замком Щапин был очень умным парнем, прирожденным командиром, недаром курсант высшего военно-морского училища!

Приходилось все тяжелее, но катастрофический провал штурма Севастополя вдохновил нас; в течение января на дорогах, ведущих к сражающемуся городу, а также к Симферополю и Ялте, активно действовали все наши отряды. Наша группа, помимо разведывательных заданий, проводила диверсии на железной дороге и шоссе. Мы также приводили предателей на партизанский суд. В 1942 году на связь в осажденный Севастополь отправился Виктор Щапин. Израненный, подорвавшийся на минах, тем не менее он выполнил задание, но в городе он вскоре умер от ран. Несмотря на трудности, партизаны постоянно поддерживали связь с Севастополем. Однажды нам пришлось совершить нападение на татарскую д. Коуш, где окопались каратели, это была очень агрессивная деревня, ее жители с хлебом и солью встречали немцев, так что коушанцы изначально вели себя недостойно. И мы во главе с товарищем Северским пошли туда, разгорелся ожесточенный бой, и Женьку Кошкина, хорошего парня, тяжело ранило. Мы в ответ открыли пулеметный огонь, подавили коушанцев, а потом подожгли деревню, в ней много домов выгорело. Тогда еще в деревне поста карателей не было, но позже он появился, и трудно нам пришлось. Как-то у деревни Северский напоролся на засаду, его ранило, а мы рядом лежим, отстреливаемся, он потянулся за пистолетом стреляться, тогда я его за руку схватил:

– Что ты? – И кричу товарищу: – Жора, забери его, я прикрою вас.

Он его потихонечку забрал, я стреляю и прикрываю их. Помогло то, что, говоря откровенно, татары вояки слабые, они только на безоружных мастера, втихую любители убивать, а в открытую сразу отступают. Вернулся я к своим, и меня Северский, ничего не говоря, похлопал по плечу за благородство. Зимой 1941/42 года быстро стало очень тяжело с едой. Наша группа моряков его меньше ощущала, потому что мы всегда были активными и даже штаб кормили, часто выходили на Алуштинское шоссе и другие дороги, машины снабжения идут, мы их подбиваем, припасы у немцев забирали, особенно ценились

шоколад и галеты немецкие. Лакомились. Хотя до оккупации в крымских лесах были подготовлены специальные продовольственные базы, они оказались разграблены еще в первые дни оккупации. Дело в том, что, несмотря на большую работу, проведенную обкомом партии, местными партийными и советскими органами, не обошлось без ошибок. Так, продовольственные базы создавались близ населенных пунктов и проезжих дорог, поэтому вскоре большее их количество было разграблено. К примеру, в Севастопольском отряде за выдачу базы несет ответственность татарский националист Ибрагимов, в Алуштинском – некие Костя и Аблязис, они сбежали из отряда и выдали базы фашистам. В итоге было почти полностью разграблено продовольствие, предназначавшееся для Симферопольского, Ялтинского и 1, 2-го и 3-го отрядов. Некоторым отрядам стало не хватать продовольствия почти с первых дней борьбы, и к концу декабря партизанские отряды начали испытывать настоящий голод. Это вообще страшное дело – в 3-м Симферопольском отряде Макарова Павла Васильевича, где собралась городская интеллигенция, особенно тяжело пришлось. Так как воевать они оказались неспособны, многие помирали с голоду, я помню такие раздутые страшные тела, даже до людоедства дело дошло. Ели убитых. Особо уполномоченный Шагибов как-то пришел в одну из палаток отряда, смотрит, ведро на костре стоит, там варят что-то. Он спрашивает:

– Чего варите?

– Да мы козла убили, вот варим.

Но Шагибов видит, что больно мясо на человеческое похоже. Тогда он ударил ногой по котлу, а оттуда руки полетели. Их сразу тут же на месте расстреляли. Нельзя допускать такие вещи, сейчас они убитых, а потом и живых начнут резать. Также немцы постоянно пытались организовывать прочесы и однажды с горы Черной на снегоступах спустились вниз и почти нас окружили, внезапно открыли огонь, но мы вырвались. Правда, все снаряжение бросили, у меня только автомат остался. Зато оторвались от немцев, и с нашей стороны потерь не было. Но и среди немцев, мне кажется, особых потерь не было, потому что мы отстреливались, но не так, не целясь специально. Из-за наших постоянных засад на дорогах немцы решили проводить такую практику – сначала идут бронетранспортеры по дороге, только потом машины, и еще раз замыкает колонну бронетранспортер. Причем, если колонны были немецкими, то и водители все немцы, если румыны – то румыны. Но с румынскими солдатами было проще, они после открытия внезапной стрельбы и сбежать могли, побросав все машины на дороге. Был в нашем отряде

такой шебутной парень Аверьянов, его как-то в ногу на задании ранило, я на себе его в отряд тащил. Любил он очень похабные частушки, ну, не совсем похабные, но близко к тому. Но был хороший, замечательный человек. Многие стали покидать лес на самолетах и подлодках, в Сочи отдыхали по 6 месяцев. И многие не возвращались, к примеру, комиссар Бахчисарайского отряда Черный на вопрос о возвращении в лес ответил:

– Нет, я не вернусь, я нахватался всего досыта.

А вот Македонский и Чусси вернулись и продолжали вести борьбу. Ермаков также через какое-то время улетел на Большую землю.

Весной сорок второго к нам вдруг прилетел И-16 и сбросил вымпел, в котором была записка: «Завтра прилечу с посадкой». На следующий день прилетел У-2. Но приземлился неудачно, винт ударился о землю и сломался, но сам летчик – Коля Герасимов не пострадал. Он привез радиста и рацию. За этот полет несколько позже ему дали Героя Советского Союза. Затем к нам прилетал другой летчик Федя Мордовец, который в любую погоду приземлялся даже на неприспособленную площадку – это уже было на аэродроме Тарьер.

На Большой аэродром в Северном соединении я попал только один раз, когда мы провожали Северского на Большую землю. Прощаясь, он твердо пообещал вывезти ближайшими днями и нас. Стали ждать вызова. Настроение у моряков «дембельное». Ждали, ждали, как вдруг приходит депеша: «Продолжать воевать с врагом в рядах партизан». Так мы оказались в числе тех немногих партизан, которым было суждено пробыть в партизанском лесу с первого по последний день.

С глубокой печалью мы слушали сообщения Совинформбюро о том, что Севастополь оставлен нашими войсками. В этот же день к нам в последний раз прилетел Федя Мордовец и с грустью сказал:

– Севастополь пал!

Бензина у него оставалось мало, мы отправили радиограмму с просьбой сбросить нам бочку с топливом, это было сделано, мы заправили самолет, и он улетел. Мы сами понимали, какими осложнениями нам грозил захват немцами Севастополя, нам стало ясно, что с нашими и без того тяжелыми условиями будет еще труднее. Сразу же прекратилась переброска к нам оружия, боеприпасов и продуктов самолетами.

Несмотря ни на что, мы продолжали находиться в лесу и воевали активно, ходили на ст. Сюрень, где спускали под откос поезда. У нас были специальные магнитные мины с определенным расчетом: передние 3–5 вагонов проходят, а потом

по центру начинается серия взрывов. И как-то один раз взорвали вагон с едущими солдатами, поднялся крик, из вагона выскакивают горящие люди, а мы тут еще из автоматов бьем, дали несколько очередей и сразу стали отходить. И кстати, железную дорогу охраняли отряды грузин из бывших наших военнопленных под командованием бывшего советского офицера майора Гвалии, который тогда служил немцам. Охраняли они дорогу добросовестно, если бы мы в те времена попали к нему, он бы с нас шкуру содрал.

После захвата Севастополя фашистские войска блокировали леса, все прилесные деревни были забиты противником, немцы зверски расправлялись с теми патриотами, которые пытались связаться с партизанами. Постоянные бои и голод ослабили силы партизан, и появилось много небоеспособных партизан. Население не могло помогать нам, боясь террора оккупантов. Тогда центральный штаб партизанского движения принял решение эвакуировать раненых и ослабевших партизан. Остались самые крепкие люди.

Прочес следовал за прочесом, фашисты явно задались целью уничтожить или заморить голодом партизан. Окруженные со всех сторон, мы вели жестокую борьбу. И тут наши разведчики доложили о разработанном плане генерального прочеса, и 12 июля 1942 года более 20 тысяч гитлеровских оккупантов устремились против небольших сил партизан, и без того изнуренных боями и лишениями. Маневрируя, партизаны заманили гитлеровцев в глубь леса. У реки Тескура наша группа моряков, находясь в скрытой засаде, хорошо подготовившись, почти в упор гранатами и автоматическими очередями встретила противника. Фашисты сразу, бросив убитых и раненых, стали бежать, но подходящая другая колонна гитлеровцев, развернувшись, стала обходить и уже нас окружать. С боем мы отошли на другую высоту, продержав немцев до наступления темноты. В этом же бою мы сняли с убитого гитлеровского офицера планшет, в котором оказался подробный, тщательно разработанный план гитлеровского прочеса. В наших руках оказались ценные сведения; зная точный замысел врага, мы смогли легко маневрировать и одновременно наносить удары противнику. Таким образом, партизанские отряды вышли из этого прочеса с небольшими потерями.

Но прочесы не прекращались, ведь если зимой из-за непогоды прочесы могли и прекратиться иногда, то летом уж постоянно немцы нас искали. Помогало только то, что немцы боялись на ночь в лесу оставаться, ведь каждый жить хочет. Они заходили в лес пешком, мы вынуждены были отступать, а на ночь они

уходили. В конечном итоге мы вышли на отроги Чатыр-Дага, попрятались как могли, что делать, хотя потерь у нас не было, но с такой силой сражаться было бесполезно. Тем временем главному немецкому командующему докладывали, что со всеми партизанами покончено. А мы на другой день провели серию акций и взорвали поезда и машины. Позже в отрядах рассказывали наши разведчики, что в немецком штабе случился скандал, Манштейн орал:

– Как же так ликвидировали, когда они поезда взрывают?

Он, кстати, и на Нюрнбергском процессе заявил, что как они ни боролись с партизанами в Крыму, ничего не получилось. Хотя коушанцы нас уже не так дергали, мы многих перебили, зато жители деревень Корбик и Биюк-Янкой против нас воевали, особенно корбикинцы. Они же местные, горы знают прекрасно, даже больше знали места, чем мы. Но и мы вроде тоже освоились, главным ориентиром в случае утраты направления была гора Черная, на нее посмотришь и уже идешь, куда тебе нужно. Также большой проблемой были немецкие самолеты-разведчики «рамы», они часто летали, пощупывали нас. Осенью 1942 г. было также тяжело, но мы все равно воевали. Все продолжали надеяться на нашу победу, были уверены, что мы выиграем. И как-то Грузинов Жора мне говорит:

– А вдруг что-то случится, и немцы все же победят? – подумал и заключил: – На поклон к немцам не пойду, буду бандитизмом заниматься.

Потом, в 1943 году, он погиб по-дурному – с Алушты подъем был тяжелый, у нас была машина «полуторка», она закипела, мы встали, Грузинов побежал за водичкой, а машина как-то встала вправо, другая машина решила обогнать нашу. И оказалось, что в центре дороги была заложена противотанковая мина, обгонявшая машина ее правым колесом зацепила, тогда Грузинова разорвало на части. Похоронили мы его около обкома партии в сквере. В марте 1943 года погиб майор Фейхоа Фуатин (мы его называли Федя Петрович), перешедший на нашу сторону. Его убили предатели, он доверился одному русскому, а он предал его, немцы Федю ночью схватили и расстреляли.

Летом 1943 года вызывает меня Македонский, он уже знал, что я под Одессой был замком взвода, потом командиром стрелкового взвода, и мне говорит:

– Николай, как ты, справишься с отрядом?

– Я думаю, справлюсь. – Я никогда трудностей не боялся.

– Тогда давай принимай отряд. – Вообще-то там на командира планировался Гвоздев, но он перепугался, потому что к нам пришел взвод бывших русских добровольцев из

военнопленных, он стоял в Тавеле и числился как Абвер-школа, но, по сути, был хозвзводом. Командиром их был Гаврилов. Когда я пришел, они тоже забеспокоились, потому что я вышел в немецкой форме (старая моя совсем порвалась, поэтому я носил немецкую трофейную). Признаться, глядя на людей в немецкой форме, я тоже немного растерялся, тут мне один боец на ухо шепчет, что это хозвзвод по охране Абвер-школы. Заметив мое замешательство, мой боец Михаил Лесниченко пояснил:

– Не сомневайся, люди проверенные! С их помощью мы, жители Тавеля, посчитались с немецким комендантом и теперь всем селом просимся в партизанский отряд.

Назначенный ко мне комиссаром Андрей Сермуль хохотнул:

– Командир! Ты ведь тоже в немецкой униформе!

– Она у меня трофейная! Папаха с красной лентой и автомат – нашенские! Партизанские! – отрезал я.

Гаврилов так и оставался командиром взвода, я его называл добровольческим взводом. К октябрю 1943 года у меня в отряд пришли жители деревень Тавель, Пойляры, Константиновка, Эки-Таш, немного из Биюк-Янкой, Текунда и ребята из Симферополя. Это была в основном молодежь, до 21, но были люди и 30 лет, и до 40–45 лет. Собрал я всех на поляне и сказал:

– Товарищи! Я знаю о вашей группе от лесника Михаила, наслышан и о группах Сергея Руссо и Щеглова, о ваших дерзких набегах на немецкие патрули. Пусть у вас и небольшой опыт, зато есть жажда мщения и благородная ярость, без которых невозможно стать партизаном. Когда-то и мы начинали без учителей и, не имея никакого опыта партизанской войны, научились громить фашистов.

Вкратце рассказал о себе, после чего пошла моя борьба уже в роли командира отряда. Так как отряд практически весь состоял из новичков, пришлось и военному делу обучать, и лесные премудрости втолковывать. За все время, что я был командиром отряда, у меня погибло 18 человек. И в том вины моей нет, хотя от командира, конечно, многое зависит. За годы, проведенные в лесу, мы с Андреем, конечно, многому подучились и в том, как себя немец или румын поведет в той или иной ситуации, уже разбирались. Главное для командира: вовремя дать команду отойти, и пусть лупят минометами по пустому участку, а затем так же стремительно назад вернуться да ударить оттуда, откуда не ждут. Важно и уметь выстоять, когда так хочется отступить, уйти.

К концу октября 1943 года 6-й партизанский отряд в составе 4-й бригады Южного соединения был полностью сформирован в составе трех взводов: Тавельского, Константиновского и из

перешедших к партизанам бывших немецких подручных, общая численность 384 человека. Жители деревень Тавель, Константиновка и других полностью ушли в лес под защиту нашего отряда, стали называться «гражданским лагерем». В этом лагере насчитывалось более 1200 человек женщин, детей и стариков. Их жизнь нам удалось, пусть и с трудом, но сохранить до освобождения Крыма. Однако охрана мирного «гражданского лагеря» в значительной мере связывала боевые действия отряда. Мы были лишены возможности широкого маневра, так как у нас за спиной постоянно были мирные семьи из «гражданского лагеря». Наш отряд в основном действовал в Симферопольском районе, и партизаны своими жизнями сохранили жизнь мирного населения.

Даже приход мирных жителей в лес был совсем не таким простым делом, как может сперва показаться. Когда мне доложили, что к нам идет деревня Константиновка, я со своим ординарцем прискакал туда, но в воздухе появился самолет-разведчик «Фокке-Вульф», или «рама». Я сразу сообразил, что через 7–9 минут будут «Юнкерсы-87». Тогда я кричу всем:

– В лес, ложиться и не шевелиться!

И точно, через небольшой промежуток времени прилетели «Юнкерсы-87», а если они прилетали куда-то, то, так как посадка без бомб им не положена, они куда попало бросали бомбы и улетали. Наш отряд постоянно организовывал вылазки, мы очень активные были, нападали на блокпосты, колонны, подрывали поезда, за что командиров отрядов и соединений Федоренко, Вахтина, Кузнецова, Македонского, Грузинова и меня представили к званию Героя Советского Союза, но из этого ничего не получилось. Если бы документы попали к Калинину, все было бы в порядке, а так они попали к Кагановичу, который выразился так:

– Нужно было воспитывать татар, а не воевать против них! – Разорвал представление и выбросил в корзину! К концу 1943 года инициатива в основном перешла к партизанам. Во время прочесов немцы все больше, опасаясь больших потерь, стали использовать самых разных добровольцев. Мы сталкивались с кубанскими казаками, которые пьяные шли на нас, в немецких шинелях и в белых шапках. Матерятся, кричат нам: «Сдавайтесь! Вы подонки!» Ну мы им дали прикурить: у меня там стояло три «максима» в засаде – мы половину перестреляли, остальные сбежали. Немцы начали пытаться засылать ко мне диверсантов и однажды одного такого прислали, но мы его быстренько разоблачили. Он пришел, все вроде нормально, но ничего толком не рассказывал, а больше отмалчивался. Я всегда делал так – отправлял на кухню и

приставлял человека, чтобы он смотрел за ним. Оказалось, что этот парень выходил, приходил на определенное место и, видимо, оставлял там какие-то сведения. В конечном счете мы его арестовали, он признался, и его перед строем расстреляли.

Начался 1944 год… 4-й год тяжелой, изнурительной войны. Прошло время побед и уверенности. «Быстрая война» в России для немцев не получилась, в Центральной России теснили врага, на Украине, в Белоруссии, в Молдавии, отбрасывая его со своих земель, чтобы в скором времени задушить эту распластавшуюся гидру в ее собственной норе. Мы все ждали со дня на день информации о начале освобождения Крыма.

Но и так не было покоя врагу и на Крымской земле; горели машины и цистерны, взрывались мосты и железные дороги, множество фашистов нашли себе могилу здесь, в благодатном Крыму. Оккупанты, в свою очередь, принимали все меры, чтобы обезопасить себя в Крыму, а для этого необходимо было уничтожение партизан. Не однажды немецкое командование бросало крупные силы на отдельные участки горно-лесной местности для борьбы с партизанами, подчас целые полки и горно-стрелковые дивизии.

К началу февраля мой 6-й отряд провел много боевых операций и боев с карателями. Расположение отряда в непосредственной близости от села Краснолесье обеспечивало контроль за очень большой территорией. Одна застава находилась в непосредственной близости села Константиновка, это были так называемые «Ворота». Конечная застава располагалась под горой Чатыр-Даг, на юго-восточном склоне. Отряд полностью контролировал шоссе Симферополь – Алушта, поэтому немцы приняли решение ликвидировать 6-й партизанский отряд. Одной из таких акций и был «Бешуйский бой».

Деревенька Бешуй (ныне с. Дровянка) находилась в стороне от Большой дороги, где-то километров 20–30 от дороги Симферополь – Бахчисарай. Через Бешуй текла и течет река Альма, в которую впадают две речки – Мавля и Коса. Именно это место стало местом героического боя, о котором и хочется рассказать.

Еще в первых числах февраля 1944 года разведка отряда докладывала о большой концентрации войск в селах по Алуштинскому шоссе. И вот 7 февраля 1944 года наша разведка доносила, что в Симферополе идет детальная подготовка к прочесу леса, нетрудно было предположить, что основной удар придется по отрядам 4-й бригады, командиром которой был Христофор Чусси, и конкретно по нашему 6-му отряду. На

следующий день, 8 февраля 1944-го, в 6-м отряде находились командир Южного соединения М.А. Македонский и командир 4-й бригады Х.К. Чусси. На рассвете с застав донесли, что из сел Джалман (ныне с. Пионерское), и Мамут-Султан (ныне с. Доброе) более полка фашистов начали наступление развернутым фронтом на 6-й отряд. Македонский предупредил меня, что этот бой предусматривается против специально моего отряда. И командир Южного соединения закончил:

– Николай, за твоей спиной мирные жители, надо их уберечь.

– Постараюсь, Михаил Андреевич, – ответил я ему в обычной манере. Македонскому такое дело не понравилось, и он как рявкнул:

– Что Михаил Андреевич?

– Слушаюсь, товарищ командир! – сразу отрапортовал я.

В итоге передо мной была поставлена задача: стоять насмерть, но не допустить прорыва фашистских карателей в тыл, в долину рек Коссе и Мавля, где находились лагеря 4-й бригады и далее по Альме, где находились тылы Южного соединения. Командование отряда понимало, что удержать многокилометровый фронт своими силенками трудно. Решили вести именно партизанскую войну с карателями небольшими группами, чтобы, подпуская противника на близкое расстояние, внезапными атаками, автоматно-пулеметным огнем наносить фашистам удары. Противник нес значительные потери. Основными узлами обороны стали хребты Узун-Кран, где командовал комиссар отряда А.А. Сермуль. На высотах Гапки, Бузиновый Фонтан боями руководил я лично. Передовая застава, расположенная между Соблами и Бешуем, встретилась с разведкой противника и сразу же вступила в бой. Нам донесли, что в Соблах сосредоточено около 2 батальонов гитлеровцев, а на горе Белой была установлена батарея дальнобойных орудий. Немцы планировали взять мою группу в кольцо, оттеснить отряды к Абдуге, там и уничтожить. Они открыли огонь из минометов, мы стали отходить. Только обстрел закончился, мы назад возвращаемся и лупим уже их. Во время боя на свой правый фланг, где прорвался противник со стороны Мамут-Султана и Шумхая, я бросил группу автоматчиков, у меня ведь более четверти отряда было снаряжено автоматами. Началась перестрелка, мои партизаны автоматным огнем и гранатами заставляли немцев залечь, после перебегали на другой фланг и снова начинали огонь. Я находился в одной из групп во время боя, я всегда считал, что командир не должен сидеть в штабе в бою. Несмотря на то что немцы активно использовали артиллерию и самолеты, в течение 8 февраля с утра до вечера

партизаны вели этот неравный бой, понимая, что от стойкости и мужества партизан зависит судьба, по сути дела, всего соединения и многих сотен мирных людей, ушедших под защиту партизан. В этом длительном и сложном бою фашистские каратели понесли большие потери убитыми и ранеными. В отряде тоже были потери, были убитые и раненые. А в это время на стыке рек Мавля и Альма партизанские отряды 7, 3-й и 11-й громили фашистов, которые пытались выйти в тыл обороны 6-го отряда. При этом передовые части 7-го отряда должны были, как бы отступая, заманить врага за Бешуй, где будет сосредоточена основная часть отряда – огневая группа отряда под командованием Матвея Гвоздева. Все задачи были выполнены в точности по плану. Таким образом, к вечеру 8-го числа закончился разгром фашистских карателей. Выстояли мы тогда, а в Северном соединении они свой гражданский лагерь не уберегли, кто в лесу не погиб, потом их в совхоз «Красный» погнали, а там их уже как партизан расстреляли.

Каратели потерпели полное поражение и понесли большой урон: до 450 убитыми, 350 ранеными, 26 взято в плен, уничтожены орудия, автомашины. Партизаны тоже понесли тяжелые потери. Ночью под прикрытием танков они забрали трупы своих солдат к себе, и в Воронцовском парке хоронили (ныне территория Таврического национального университета, в мирное время немецкие могилы были убраны, и погибших неизвестно где перезахоронили). Кстати, о 26 плененных карателях. Их вели в штаб через «гражданский лагерь». Есть такое выражение: «неуправляемая стихия». Вот такой была бабья ярость, обрушившаяся на карателей, в штаб довели живьем только троих. В «гражданском лагере» к этому времени уже моя Шура жила, пожениться мы еще не поженились официально, но любили друг друга. Так что защищать мне было кого. От этой любви у меня теперь две дочки есть, а вот Шуры уже нет. Сказали бы мне раньше, что я ее переживу, никогда бы не поверил.

Понесли серьезные потери и мы. В моем отряде погибло 8 бойцов: Макриди С.Г., Лендоров Г.К., Сараглы Ф.Д., Браженко Н.Ф., Лещенко И.А., Шлапак А.П., Погодин И.П., Максутов Т.Д. В 7-м отряде 3 бойца: Кочкарев Василий, Гнатенко Василий, Нецецский Борислав, в 3-м пал смертью храбрых боец Олейников Владимир. В 6-м отряде были три моряка, участники обороны Севастополя: Дмитрий Богуславцев, Константин Туркалов и Иван Колин. В лесу они показали себя храбрыми партизанами-разведчиками, командир разведгруппы Богуславцев был отличным парнем, очень хорошим воякой. 2 апреля 1944 года группа разведчиков под командованием Дмитрия Богуславцева

возвращалась с задания: в группу входили Константин Туркалов, Николай Макриди, Иван Колин, Осан Чабанов. Группа попала в засаду, устроенную татарами-националистами из д. Коуш. Первым пуля сразила Ивана Колина, упал убитым Николай Макриди, тяжело ранило в голову Костю Туркалова. Упал и Осан Чабанов. Дмитрий остался один, кончался боезапас, и положение становилось безвыходным, и тогда татары ему кричат:

– Сдавайтесь! Сдавайтесь!

А он в ответ:

– Товарищи, заходите справа, они за штабелем дров, заходите быстрей, быстрей!

Хитрость сработала, противник, боясь окружения, бросился убегать, а Дмитрий вдогонку им послал последние пули. Богуславцев как мог похоронил друзей, собрал оружие погибших, взвалил на себя Туркалова и принес раненого в лагерь. Я как раз сидел в землянке, он зашел, сел на пол и заплакал. Боевой человек, и заплакал. Он мне говорит:

– Беда, командир, ребята пропали!

– Успокойся, Митя, – говорю ему, – чего ты, всякое бывает.

После Бешуйского боя отряд продолжал активно вести бои, всего за время моего командования мы провели более 200 боев. И только 12 апреля 1944 года, когда советские войска, успешно продвигаясь, освобождали Крым, противник покинул лес. В тот же день 6-й отряд блокировал Алуштинское шоссе в районе села Джалман, где было уничтожено 150 фашистов, сожжено несколько автомашин и другой техники. После этого мы укрепились в старых окопах еще 1941 года, где встретились с населением с. Джалман и рассказали им, что советские войска успешно передвигаются, освобождая Крым. Тогда местные жители стали нам активно помогать, уничтожив связь, а молодые мужчины взяли в руки оружие. Жители Джалмана со слезами просили не оставлять их без защиты.

– Отныне и навсегда – мы теперь с вами! – заверил я, и откуда взялась такая уверенность.

Направив разведчиков в сторону Симферополя и проведя успешно несколько стычек с немцами, мы узнали 13 апреля около 11 часов, что со стороны Симферополя быстро продвигается танковая колонна. Быстро прибыв к позициям, я увидел продвигающиеся в нашем направлении танки с десантом. Я уходил с Джалмана в лес и туда же вышел. Гляжу, впереди танк идет, у меня на всякий случай в кармане лимонка, вдруг танк как развернется на 90 градусов, а я стоял в немецкой форме вместе с ординарцем, и танкисты подумали, что это немец, дали очередь, помощнику прострелили щеку, я чудом остался жив. Тут я увидел

своих разведчиков, которые возвращались на танке, а когда услышал русский мат, то окончательно понял, что это свои, тогда я стал размахивать белым платком, и разведчики закричали: «Это наши, не стреляйте!» Только тогда нас узнали, узнали друг друга. Танкист мне позже сказал:

– Нас так же партизаны под Старым Крымом встретили, но война есть война, о такой важной вещи, как бдительность, забывать нельзя. Вы давайте на Симферополь, восстанавливать Советскую власть, а мы будем догонять немцев.

Поговорив с нами, танкисты взяли курс на Алушту. К тому времени из леса вышла основная часть отряда во главе с комиссаром Сермулем А.А., после этого мы объединенными силами разоружили румынский конный эскадрон. И вот 13 апреля мы с комиссаром повели отряд на Симферополь. У Лозового мы отбили три полностью исправных грузовика, погрузились в них, и вперед! Под Марьином мы прямо с автомобилей расстреляли отступающие румынские части и пленили более 300 солдат и офицеров.

– Андрей! Займись пленными, а я – в Симферополь!

Одновременно группа партизан под командованием Левича Миши получила задание продвинуться к Аянскому водохранилищу, где была уничтожена команда саперов-подрывников, которая пыталась взорвать плотину Аянского водохранилища, тем самым мы спасли место, которое снабжало питьевой водой Симферополь. Туда уже привезли взрывчатку, и как раз прибыло 15–16 румын для организации взрыва, но Миша и его взвод, 70 человек, перешлепали всех саперов. В то же время моя группа продвигалась к Симферополю, уничтожив по пути автомашину с фашистами, идущую из Симферополя в Алушту. Так мы захватили легковой «ЗИС-101», перекрашенный немцами для маскировки.

И тут я увидел, как, громыхая на ухабах, из Симферополя в нашу сторону мчалась старенькая легковая машина «ГАЗ-А», в ней были юные подпольщики – молодая брюнетка и два парня с красными нарукавными повязками из группы Косухина и Бабия. Как мне позже стало известно, была еще одна группа в составе Виктора Долетова, Якова Морозова, Владимира Енжияка, Василия Алтухова и других, которые на трофейном «Ситроене» прочесывали улицы Симферополя и уничтожали факельщиков. Те же, что примчались на «ГАЗ-А», спросили:

– Кто здесь красный командир?

Я вышел навстречу, тогда ребята закричали:

– Нельзя медлить ни минуты! Факельщики пошли по улицам! Надо спасать Симферополь!

Мы на трофейном «ЗИС-101» ринулись в город. Проезжая по ул. Воровского у завода «Трудовой Октябрь» (ныне завод им. Кирова), мы увидели примерно 15 гитлеровцев, начавших стрелять по нашему лимузину. Потом, очевидно, полагая, что в машине находятся немецкие офицеры, они пальбу прекратили и встали по стойке «смирно». Мы подъехали на 10–15 метров и их расстреляли. Это были факельщики или мародеры. выйдя из машины, мы встретились с жителями города, которые нам рассказали, что в Симферополе действительно орудуют мародеры. Оставив машину, мы стали продвигаться к центру города и на перекрестке улиц Шмидта и Воровского встретили одиноко шедшего куда-то немецкого унтер-офицера. Увидев нас, он стал бежать, но автоматная очередь догнала его. Подойдя ближе к центру, в районе современного автовокзала мы увидели советские танки и мотопехоту, которые готовились отправляться в сторону Севастополя. Это были танкисты из 19-го танкового корпуса Михайлова, которые блокировали Симферополь, зашли со стороны Феодосийского шоссе и вырвались на Алуштинское шоссе. В городе Симферополе основная часть партизанского отряда влилась в ряды Советской Армии и принимала участие в боях за освобождение города Севастополя.

– Какие ощущения вы испытали, когда началась война?

– По песням считали, что мы быстро разобьем фашиста, желание такое было, но вот получилось некрасиво, совсем не так. Но что делать, ничего не изменишь. По радио все с жадностью слушали выступление Молотова, позже выступил Сталин, и тогда я очень хорошо запомнил его слова: «Победа будет за нами! Враг будет разбит!» Так оно и случилось, но, тем не менее, немцы до Сталинграда дошли, на Кавказ вторглись. Гитлер хотел овладеть всем миром, но ведь канцлер Бисмарк предупреждал, что с Россией воевать нельзя, она непобедима. Во-первых, мы территориально сильны, и народ наш воинственный, сражается за Родину отлично.

– Какими вояками были румыны?

– Неважными. Они даже в обороне всегда делали себе не только позиционный окоп, но и сразу траншеи для отхода вырывали. Как-то под Одессой мы пошли в атаку, у меня был ручной пулемет, я вижу, как румыны по траншее в тыл убегают, так одной длинной очередью сразу десятерых убил, положились они как снопы. Также румыны сильно ненавидели немцев. Вообще же в селах квартировались в основном румыны, а не немцы. И вот румыны стояли в с. Добром, а мой отряд расположился в Тавеле,

постреливали друг в друга каждый день, но активных действий не предпринимали. И однажды в Тавель шли 2 автомашины: полугрузовой «Мерседес» и «Опель-Капитан», в которых ехало 16 офицеров СС. Немцы спрашивают у румын, размещавшихся неподалеку от села:

«Где куры и яйки?» – а румыны знают, что мы в селе, и показывают немцам на Тавель, что, мол, там и куры, и яйки, все есть. Мне тем временем докладывают:

– Товарищ командир, в нашу сторону приближаются машины.

Тогда мы засаду организовали, засели в деревенских домах в виде подковы и перешлепали всех немцев. После открытия огня машины загорелись. Гитлеровцы метались и поднимали руки. Я кричал: «Не стрелять!» Да какое там! Молодые бойцы, захваченные азартом первого боя, перебили всех оккупантов, только одному удалось бежать. У дороги возле сгоревших машин лежали 15 трупов, но одному, вот такое бывает в жизни, удалось убежать. Все немцы были в красивых шинелях мышиного цвета, сапоги с высокими голенищами, а у меня были краги на ногах, мне приносят шикарные немецкие сапоги, но немцы, заразы, тонконогие, а у меня подъем большой, не подошли мне их сапоги. Я сразу сообразил, что скоро здесь будет полно немцев. А позиции, хоть я и молодой командир, но соображал, что надо готовиться заранее, были уже приготовлены в лесу, даже землянки были вырыты. Начало уходить с нами мирное население, но несколько домов со старыми жителями упорно отказываются идти, я их уговариваю:

– Уходите, ну уходить надо!

Они в ответ одно твердят:

– Да мы с немцами жили, чего им от нас надо будет, нормально все.

Действительно, уже к вечеру со стороны Мамут-Султана к Тавелю немцы прибыли целым карательным батальоном с танками и оставшихся жителей живьем в домах сожгли. Позже разведка доложила, что немецкий генерал заявил:

«Бандиты в Тавели уничтожили цвет немецкой армии!»

В итоге отряд вместе с мирными жителями отошел в горы, а деревня Тавель была вся подожжена и разрушена факельщиками и карателями. Еще такой эпизод произошел: у одной нашей разведчицы, которую мы послали в Алушту с целью выявления дислокации войск, румын забрал часы. Она идет, плачет, тут к ней подходит немец, интересуется:

– Фрау, что такое?

– Вон тот часы забрал!

– А ну стой! – догоняет немец румына, забирает часы, еще

отлупил его по морде, и возвращает часы, знал бы он, кому помогает!

Когда мы уже освобождали Симферополь, румыны начали повально сдаваться в плен, я видел, как румыны махали белыми платками, человек 200 с лишним. Привели их в Симферополь, кормить надо. Я подошел к Ямпольскому Петру Романовичу, спрашиваю у него, что мне делать с румынами. Тот мне посоветовал:

– Отпусти их, кому положено, тот их возьмет, тебе-то они зачем нужны?

А у меня в отряде был молдаванин, у них с румынами же язык одинаковый, я попросил его перевести им:

– Скажи, пусть идут домой. – Румыны сразу обрадовались, затараторили:

– О, камрад, спасибо, Гитлер капут! Гитлер капут!

Никогда не забуду этой радости в глазах румын, потом их, видимо, перехватил кто-то, они не беспризорничали. Но все же надо отметить, что и румыны тоже жить хотят, и если они видели, что партизаны стоят твердо – сами отступают, но вот только ты слабину проявишь, тут же насядут.

– Было ли сложно воевать с немцами?

– Конечно, это же профессионалы военного дела, они до нас всю Европу завоевали. Они были весьма грамотные технически, мы же в основном напором брали, особенно моряки.

– Насколько страшным был пулеметный огонь?

– Пулемет есть пулемет. В Крыму пришли в одну деревню, смотрим, стоит пулемет «ДШК» и солдаты рядом с ним, винтовки в козлах. Мы спрашиваем:

– Чего вы здесь застряли?

– Да мы связные, ждем подводу. – А в деревне было две улицы, и когда на одной из них появились немцы, эти связные как рванули к ним – сдаваться. Так мы как развернули этот «ДШК», дали по ним очередь, всех дезертиров перебили и даже немцев захватили. Когда стали уходить, замок с «ДШК» сняли, наш командир Коптелов в этом плане был очень грамотным.

– В 1941–1942 годах у командира партизанского движения в Крыму Мокроусова складывались очень сложные взаимоотношения с военными, пришедшими в лес в период отступления Красной Армии. Вы не испытывали проблем в отряде?

– Нет, Северский, когда ходил к Мокроусову, всегда брал с

собой моряков. У меня форма была уже здорово оборвана от ползания по лесам, и Мокроусов мне сказал:

– Ничего, ничего, вот скоро освободим Крым и тебя в новую форму оденем, – он же сам моряком был. Но, как говорится, моряк был пьян, и фокус не удался – Крым удалось освободить только через 900 дней и ночей.

– Не сталкивались с добровольцами из местных жителей?

– А как же, в 1941–1942 годах постоянно с татарскими националистами воевали. И был вот такой Раимов, он окончил Мюнхенскую разведывательную школу, его лично Гиммлер наградил Железным крестом и благословил на борьбу с крымскими партизанами. И действительно, он создал такой батальон, страшный, постоянно нападал на нас. Пришлось нашей группе с ними столкнуться: нас было человек 10, не больше, вдруг видим, как они целым батальоном идут по дороге, по-татарски говорят. Мы им в середину как дали, видим, как они валятся. Минуты две держали их под непрерывным автоматным огнем, потом татарские националисты начали бежать, но через какое-то время открыли по нашим позициям сильный пулеметный огонь. Но было слишком поздно, мы уже отступили. Позже Раимов пришел в себя, понял, что Победа будет наша, тогда он послал к командиру Южного соединения Македонскому посланника, мол, что он хочет прийти в лес и искупить свою вину кровью. А был такой приказ, чтобы всех принимать, а потом уже разбираться, кто есть кто. Пришел он, сразу начал просить:

– Вы мне дайте задание, я обязательно его выполню!

И однажды Македонский говорит:

– Вот тебе, пожалуйста, задание. Надо пойти в Северное соединение, взять там оружие: винтовки и пулеметы – и принести к нам. Так что бери своих кунаков и туда.

Пошли они туда, там их уже ждали, заранее окружили на определенной поляне и крикнули:

– А ну бросай оружие!

Те смотрят кругом, окружены, побросали оружие. Сразу их посадили в самолет и на Большую землю. Там Раимова за его зверства повесили, остальных расстреляли. Вот я до сих пор удивляюсь, почему греков выслали, они все были на нашей стороне, воевали отлично, просто прекрасно, у меня в отряде столько греков было. Это Берия наделал дел.

– Со вшами проблемы были?

– К сожалению, да. Причем сам не знаю, наверное, на нервной почве, потому что мы и мылись, как-то, помню, в 1942

году мы только помылись, стоим еще голые. И в это время румыны атакуют, тогда мы как были голые схватили автоматы и в атаку. Румыны как посмотрели, перепугались и давай удирать, думали, какие-то психи на них бегут.

– Сколько крымских татар было в вашем отряде?

– Человек 11: Зейтуллаев Осман, 1905 года рождения, крестьянин, в армии был артиллеристом, зачислен 28.10.1943 г. в д. Биюк-Янкой, член ВКП (б); Тогунджи Саледин, был в хозчасти, зачислен 28.10.1943 г. в д. Биюк-Янкой; Меметов Эвель, 1922 г., зачислен 28.10.1943 г. в д. Текунда (позже он дезертировал из отряда); Суюнов Энпан, 1920 г., зачислен 28.10.1943 г. в д. Текунда; Тохтаров Энвер, 1922 г., зачислен 28.10.1943 г. в д. Текунда; Меметов Байран, 1921 г., зачислен 28.10.1943 г. в д. Текунда; Османов Халил, 1919 г., зачислен 28.10.1943 г. в д. Текунда; Бекиров Реза, 1923 г., зачислен 28.10.1943 г. в д. Текунда; Измайлов Нафаил, 1918 г., зачислен 28.10.1943 г. в д. Текунда; Сеид Мемет, 1896 г., зачислен 28.10.1943 г. в д. Пойляры. И самым активным был разведчик Чабанов Осанн, воевал он отлично. Но все-таки большая часть воевала против нас. Расскажу еще такой случай: в 1943 году пришла в штаб радиограмма о том, чтобы мы эвакуировали семью Героя Советского Союза Амет-хана Султана. Направили для этого дела нас 8 человек, в том числе меня. Когда мы пришли к его семье и показали фотографию, то мать распустила волосы и начала кричать: «Гяур! Гяур!» Сестра Амет-хана бросилась мать успокаивать, а нам сказала:

– Вы подождите, мы подумаем.

А когда мы отошли в сторону яйлы переночевать, себе на ус намотали, что если бы они нас сдали немцам, то те окружили нас и захватили бы обязательно. Но тут пришли татарские националисты и кричат:

– Вы окружены, сдавайтесь! – Тогда мы с помощью автоматных очередей и гранат прорвались и ушли в лес, где доложили о произошедшем Македонскому. Тот сразу приказывает радисту:

– Леша, давай радируй. – И в резкой форме было радировано на Большую землю о произошедшем. Мы еще удивились, почему так резко, но Македонский нам сказал, как отрезал:

– Так надо! Брат Амет-хана Султана был полицейским, вроде как с подпольщиками был связан, но вот об этом не говорят сейчас, хотя я точно знаю, что сестра Амет-хана работала в СД то ли переводчицей, то ли машинисткой.

– Как складывались отношения с бывшими добровольцами?

– К 1943 году у нас уже много было таких, кто успел послужить полицаем, а потом пришел в лес. Осенью 1943 года, когда наши войска начали бои за Армянск и стало очевидным, что полуостров вот-вот освободят, в лес массово хлынули добровольцы, полицаи, жители окрестных сел, с Большой земли стали возвращаться те, кто улетел в 1942 году. В моем отряде был хороший парень Василий Туркалов, у него противотанковое ружье было. Он как с него выстрелит, так потом на отдачу жалуется, потому что здорово в плечо бьет. Туркалов раньше был полицаем у немцев, поэтому я специально назначил его начальником штаба, чтобы знали все, что мы понимаем, пусть он даже был полицаем, но у нас он находится на высоком посту. И вот он мне и говорит:

– Слушай, командир, а мне за старые грехи ничего не будет?

– Ты же воюешь, – говорю ему прямо, – конечно, ничего не будет!

Какой я оказался наивный, но я так и думал, откровенно говоря. Я уже говорил, что был такой майор Гвалия, он охранял у немцев железную дорогу, а когда петух ему клюнул в одно место, он понял, что бесполезно за немцев сражаться, только тогда пришел в лес. И Берия грузин, как положено, на службу вернул, а нашим украинцам и русским, которые были полицаями и добровольцами, их всех посадили. Но нельзя сказать, что садили так уж совсем безвинных. У меня в отряде был Николай Бойко-Баев, я у него еще в начале поинтересовался:

– Чего ты сейчас Баев, а пришел к нам как Бойко? – Он объяснил:

– Дело в том, что немцы к украинцам благонадежно относятся, вот я и решил фамилию изменить.

И оказалось, что он такой предатель, негодяй из негодяев, в ростовской тюрьме он служил в зондеркоманде, и, когда немцы отходили перед нашими войсками, эти сволочи из зондеркоманды врывались в камеры, вытаскивали оттуда военнопленных, заставляли копать яму и там и расстреливали. Кое-кто догадался, что вытаскивают из камер не просто так, и не хотели выходить, так этот Бойко врывался в камеры и прямо там из автомата военнопленных расстреливал. И, кстати говоря, у меня в отряде в течение полумесяца работали работники СМЕРШа и проверяли каждого в отряде. Так Бойко арестовали сразу же в первый день, комиссар Андрей Сермуль пошел его выручать, потому что Бойко действительно был хорошим командиром, бывало, придешь к нему во взвод, он как отдаст команду «Смирно!» и докладывает по всем воинским правилам.

Но там Сермулю говорят:

– А что, вы, комиссар, хотите рядом с ним сесть? Мы это можем, вы же пришли выручать негодяя из негодяев!

Был у меня и Женя Туркалов, его убил его же родной брат Туркалов, потому что он был большим подлецом, его и так сразу бы арестовали. Он в оккупации убил лесника, который ему браконьерствовать мешал, и вообще по душе нехороший был.

– С питанием ситуация к 1942 году не улучшилась?

– Нет, продолжало быть очень тяжело. У Макарова в отряде большинство уже умерло, сам он стал начальником штаба, Макаров немножко выпивал, приходил к нам в отряд и просил всё спирта, мы давали, он выпивал. А алкоголики ведь больные люди, так он прятал от Северского бутылку и порой говорил:

– Товарищ командир, что-то живот заболел, разрешите, я в кусты побегу?

– Давай. – Он побежит и выпьет из фляжки, Северский как-то унюхал и набросился:

– Ты что, водку пил или срал?

Нашей группе помогало то, что в ней находился отличный охотник Лаврентьев, он даже как-то умудрился лягушку сварить – однажды набрал лягушек, ел и нас угощал, приговаривая:

– Итальянцы жрут лягушек, следовательно, и мы можем есть.

В другой раз Лаврентьев принес обделанную тушу, сказал, что козла убил, мы поели, в конце он обтер губы и сказал:

– Все, больше выть не будет.

– Что значит выть? – удивился Грузинов.

– Да собака у старых казарм вечно воет, теперь не будет.

Ну, тут мы на него набросились:

– Какой же ты мудак, не мог сразу сказать, что мы собаку ели?

Но голод продолжался и зимой 1942/43 года. Собралась у нас группа во главе с Шуваловым и Бережновым, Шувалов был настоящим следопытом, можно выразиться. В феврале 1943 года мы пошли в совхоз, где разводили коней. В группу входили: Шувалов М.М., Бережнов А.Ф., Вихман А.А., Дементьев Н.И., Грузинов Г., Леонтьев С., Полежченко А.С., Пономарев Б., Кособродов К., Бондаренко И., Сомолка Б., Сермуль А.А., Кодаев П., Крапивский И.В., казах Утмашев и Уманский И.

Пришли мы в колхоз, на левой стороне в 200 метрах стояли румыны, а конюшни их на правой стороне. В селе светло от огней домов, мы решили пробраться в дома, покушать хоть, поспать нормально. Но Шувалов сразу говорит:

– Вы что, с ума, что ли, сошли? В 12 километрах немецкие

части в Бахчисарае, вас всех наутро перестреляют как куропаток!

Тогда мы вошли в конюшню, где конюхи для нас отобрали 21 лучшую лошадь австрийской породы и сказали нам:

– Вы нас свяжите и кляп нам в рот вставьте, иначе нас расстреляют за помощь партизанам!

Мы их аккуратненько связали, положили на пол конюшни, сели на коней и аллюр три креста. Нам повезло, что как-то не встретились нам на железной дороге посты, и когда за конями шли, и когда с ними возвращались. Когда вышли на опушку леса, сразу одну лошадь убили, крови напились, от нее сразу подъем сил идет. Быстро разделали лошадь, нагрузились вещмешками и пошли в лес. У расположения отряда видим, что постовой Степан Карасдаев обнял дерево, его можно было стукнуть, и он упал бы и не поднялся. Голод был. Раскрыл я перед ним свой мешок, он весь затрясся, как увидел мясо, я его предупредил:

– Степа, осторожно, а то умрешь от переедания! Но он, конечно, все равно много съел. Только к 1943 году с питанием стало получше, мы постоянно отбирали продовольствие у немцев, кроме того, начали летать над нами самолеты и бросать гондолы на парашютах. Причем о прилете самолетов нас заранее предупреждали радиограммой на имя Македонского, в определенном месте мы ждали. Но было и такое, что при выброске продукты повреждались, особенно когда мешки с сухарями сбрасывали. Он летит как бомба, свистит страшно, не дай бог попадешь, убьет на месте. А когда на землю падает, сухари все рассыпаются. Оружие стали на парашютах сбрасывать. Было и такое, что летчики в другое место, чем оговоренное, сбрасывали. Бывало, татары-националисты брали, и однажды, я хорошо помню, связного выбросили на парашюте в зимнее время, он попал на сук. У него была шуба, и распороло ему все страшно, он умер мучительной смертью. А мы искали его, потому что получили до этого радиограмму о том, что его сбросят. И увидели только такую страшную картину.

– Как бы вы оценили комиссара отряда Андрея Сермуля?

– Очень высоко, он начал партизанить с первых дней. Он мотоциклист, в лес приехал на собственном мотоцикле. В первый же день своей партизанской жизни я подружился с Андреем Сермулем. Он был в отряде с истребительного батальона. Но пацан пацаном. Увидел мою бескозырку и предложил меняться. Он мне теплую шапку, а я ему свою бескозырку. На дворе ноябрь, холодно, я, не задумываясь, согласился. Надел его шапку, и так тепло стало. На следующее утро смотрю, идет Андрей, на голове платок, а сверху моя бескозырка. Кто бы мог подумать, что

придет время, и я стану командиром самого крупного в Крыму партизанского отряда, а Андрей его комиссаром.

Позже Андрей рассказал мне свою историю – он был сыном латышского каторжанина Андрея Сермуля, которого еще в 1907 году за революционную деятельность царь сослал в Сибирь. После падения царского престола латышская диаспора переманила больного революционера вместе с семьей в Крым. И вот 25 июля 1941 года газета «Красный Крым» поместила короткую заметку: «Рабочий мастерской Симферопольского автомотоклуба комсомолец Андрей подал заявление в горвоенкомат. В нем он горячо просит послать его в действующую армию…» Тогда, в июле 1941 года, военкомат принял заявление молодого электрика, но вместо передовой Андрея отправили с мотоциклом в 3-й партизанский отряд.

– Как обстояло дело с медобслуживанием в отряде?

– Хорошо, могу сказать, что был у меня в отряде отличный фельдшер. Как-то у нас одному партизану оторвало пальцы, я к фельдшеру:

– Надо что-то придумать.

– Сделаем, командир.

Врезал раненый стакан самогонки, фельдшер тем временем ножовку завел, и ее самогонкой промыл, все в порядке. Раненый стиснул зубы, хотя и принял стакан самогонки, ведь больно же, по живому. Но зато операция прошла успешно, и дальше раненый воевал.

– Как поступали с пленными немцами?

– Мы в плен не брали, куда с ними возиться. Как-то во время боя взяли немца, так получилось, что мы отсекли его от основной массы немцев, у меня же в отряде был хороший переводчик, но немец сам сразу заявил: «Коммунист! Я коммунист!» Начал плести какую-то чушь, я и не прислушивался, ведь у нас он вынужден был коммунистом представляться. Куда его девать?! Тоже вынуждены были расстрелять.

– С особистом как сложились отношения?

– Был у меня на этой должности майор Уткин, когда пришел в лес к нам, посмотрел, что я молодой, комиссар еще моложе меня, и хотел власть взять в свои руки. Но у него ничего не получилось, мы упорно держались. А однажды он познакомился с женщиной в лагере, с ней отдыхал в шалаше, они топили в землянке буржуйку, и Сермуль высыпал на печку целую кучу патронов. Как пошли патроны взрываться, они вылетели из

землянки, как снаряды из пушки. И с тех пор он понял, что с нами шутить нельзя, а лучше дружить. Да и работы в самом отряде ему было не так много – у меня дезертиров почти не было, все были преданные люди. Он в основном занимался работой с агентами в оккупированных деревнях. Не скажу, что он был хорошим работником, была у него какая-то такая наклонность урвать, где что плохо лежит. Он после войны сразу стал начальником Симферопольской тюрьмы, это уже характеризует человека. А вот наша армейская разведка ушами не хлопала, один боец, грек Григорий, рассказал мне такой случай. Он в оккупации делал сапоги, и как-то к нему пришел немец, попросил сапог отремонтировать, и, посмотрев на работу, сказал:

– Гут, гут, – а ему Григорий отвечает:

– Гут, гут, был бы «гут», если бы я тебе эти гвозди в задницу заколотил!

Немец посмотрел на него внимательно и на чистом русском говорит:

– Ты, дурак, скажи спасибо, что я русский офицер (это оказался наш разведчик), а то бы тебе эти гвозди самому заколотили!

– Как складывались взаимоотношения с местным русским населением?

– По-разному, в основном хорошо, но и предателей хватало. У меня сохранилось донесение особо уполномоченного о разведке партизанок Усовой и Федченко, я сейчас вам об этих мытарствах расскажу. Мы 3 апреля послали их в разведку в д. Кисек-Аратук. Староста в деревне указал на них приехавшим по продобменным операциям немцам, сообщил, что они партизанки, шли в лес, и написал донесение в гестапо, отдал их двум немцам – отвезти в Симферополь. Как рассказывали разведчицы, немцы сообщили им дорогой, чтобы те не боялись, что немцы не воюют с женщинами, что если бы на их месте были румыны, то сдали бы их в гестапо, но они, немцы, не жандармы, а выдали девушек русские. Они завезли женщин в совхоз «Залесье», достали продуктов, предложили хорошо питаться, а к вечеру приготовить ужин. Немцы съездили в Бор-Чокрак в свою часть, а вечером вернулись ужинать и ночевать в Залесье. Спали в одной комнате. 4 апреля после завтрака немцы доставили женщин до Симферополя, где дали с пуд картофеля. В 12 часов дня они заехали за ними и поехали в Константиновку менять керосин, а женщины – вещи на продукты. Вечером все опять поехали ужинать и ночевать. Утром 5 апреля немцы опять довезли женщин до города, остановились у родственников доктора Михайленко П.В., где завтракали с теми

же немцами. Расстались друзьями. И представьте себе, 7 апреля по доносу хозяйки Федченко и Усову арестовывают и ведут в полицию, требуют документы. Там разведчицы сослались на друзей-немцев, что они с ними приехали, тогда в полиции отпустили Усову привести немцев-свидетелей. Она упросила одного немца, офицера из присматривавших за военнопленными, сходить в комендатуру и поручиться за них. Наконец их отпустили, и они 8 апреля пришли в Константиновку, но один мужчина указал стоящим там немцам, что они партизанки. Немец ударил Усову по голове, но та не растерялась и напомнила предавшему, что он видел ее с немцами, что они не партизанки, только тогда их отпустили. Они пошли дальше. Просидели до ночи в кустах по дороге в Джалман и утром 9 апреля пришли в лагерь группы, а к вечеру в лагерь отряда. Вот так тоже было на оккупированной территории.

– Как изменились настроения в партизанских отрядах с начала войны к 1943 году?

– Изменились, и сильно. В 1941 и в 1942 годах было тяжело, а дальше уже хорошо. И немцы даже уже сообразили, что им победы не видать, и татары тогда к нам перебегать начали.

– Как организовывались мирные лагеря?

– Специально никто ничего не организовывал, мирные жители сами приходили, мне докладывают, что идет такая-то деревня, и я всегда их встречал. Садился на коня и с ординарцем ехал навстречу. В итоге в лагере собрались в основном жители деревень Тавель, Пойляры, Константиновка, Эки-Таш. И все время прочесов мы не допускали, чтобы немцы наткнулись на мирный лагерь.

– Как обстояло дело с одеждой в партизанском отряде?

– Были большие трудности, особенно не хватало обуви, поэтому носили постолы, а они зимой крайне неудобные, ибо скользкие очень. Многие к концу оккупации ходили в немецкой форме. То же самое с трофейным оружием – у меня на левом плече всегда висел немецкий автомат. И спал я зимой на ветках, летом в плащ-палатке, тогда не замечал ничего. Был такой разведчик дядя Гриша Рябошапка, так он всегда перед сном долго мостился, я ему как-то говорю:

– Ну, чего ты все мостишься? Ложись спать давай.

– Вот доживешь до моего возраста, тогда поймешь.

И сейчас я его действительно понимаю. Как-то раз я так лег, утром проснулся, стучу, чтобы открыли тебе проход из шалаша

или землянки, так как много снега навалило. Поэтому обморожений у меня было много, уши, к примеру, у меня белые стали, ведь был в бескозырке. Мне их снегом как взялись натирать, когда я к ушам потянулся. Иначе сломал бы себе уши, такие они у меня белые были. Ноги также отморозил себе во время отступления.

– Какое было отношение к Сталину, партии?

– Мы были убеждены, что мы победим, в то время к Сталину было очень хорошее отношение. И когда в атаку шли, мы обязательно кричали: «За Сталина! За Родину! Вперед!» Под Одессой мы так кричали: «Полундра! За Родину, за Сталина вперед!»

– Как приняли участие члены вашей семьи в Великой Отечественной войне?

– У меня было два брата: Петр и Илья, и 7 сестер. Я до начала войны был в отпуске, все братья уже служат. Старший брат Илья в первые дни войны погиб под Смоленском. Петр был тяжело ранен, у него не работала левая рука. Так что чести семьи никто не посрамил.

– Как бы вы оценили вашего боевого товарища Грузинова?

– Жора в 1943 г. был командиром 3-го партизанского отряда. Боевой товарищ, очень. Он постоянно выходил на железную дорогу и пускал под откос составы. Горячий.

– Женщины в отряде были?

– Да, мы хорошо к ним относились, были поварихи и разведчицы, которые ходили в город. Работали замечательно, и в моем отряде такого понятия, как ППЖ, не было. Может, кто и гульнул на стороне, всякое бывает, но специально не было.

– Вы не назовете имена тех, кто погиб в партизанском отряде?

– Конечно, и расскажу о каждом: Браженко Н.Ф., 1906 года рождения, колхозник, зачислен в отряд 28.10.1943 г. в д. Тавель, погиб 08.02.1944 г.; Макриди Н.Н., 1920 г., колхозник, зачислен в отряд 28.10.1943 г. в д. Тавель, погиб 02.04.1944 г.; Лещенко И.А., 1889 г., кузнец, зачислен в отряд 28.10.1943 г. в д. Тавель, погиб 08.02.1944 г.; командир взвода Туркалов П.Д., 1921 г., рабочий, зачислен в отряд 28.10.1943 г. в д. Тавель, погиб 07.02.1944 г.; Дахнов П.И., 1926 г., колхозник, зачислен в отряд 28.10.1943 г. в д. Эки-Таш, погиб 19.12.1943 г.; Рагулин И.Б., 1914 г., рабочий,

зачислен в отряд 28.10.1943 г., из г. Симферополь, погиб 02.04.1944 г.; Шлапак А.П., 1909 г., колхозник, зачислен в отряд 02.12.1943 г. в д. Константиновка, погиб 08.03.1944 г. (ему татары глаза вырвали, страшное дело); Машинов Н.Я., 1923 г., зачислен в отряд 02.12.1943 г. в д. Эки-Таш, погиб 09.12.1943 г.; Колин И.Б., 1914 г., зачислен в отряд 16.12.1943 г. в д. Мамут-Султан, погиб 02.04.1944 г.; Почиди И.Г., 1915 г., колхозник, зачислен в отряд 28.10.1943 г. в д. Эки-Таш, погиб 14.04.1944 г.; Максутов Т.Д., колхозник, зачислен в отряд 28.10.1943 г. в д. Тавель, погиб 08.02.1944 г.; Литвинов А.М., 1916 г., колхозник, зачислен у горы Узум-Куран, погиб 07.12.1943 г.; Федя-Чех, бывший солдат Чешской дивизии, зачислен у горы Узум-Куран, погиб 07.11.1943 г.; Василенко Илья, бывший доброволец, из г. Симферополя, погиб 07.11.1943 г.; боец Лендаров Г.К., 1928 г., погиб 08.02.1944 г.; боец Сараглы Ф.Д., 1928 г., погиб 08.02.1944 г.; боец Макриди С.Г., 1918 г., погиб 08.02.1944 г.; Пищенко А.А., 1925 г., погиб при невыясненных обстоятельствах. Вот они, все 18 ребят.

– Как вели себя немцы на оккупированной территории?

– Сейчас кое-кто утверждает, что немцы вели себя в Крыму хорошо. Наглое и подлое вранье! Я, еще будучи командиром в отряде, расспрашивал бойцов о немецких зверствах. Вот далеко не полный список их «художеств». В д. Тавель немцами были убиты: Богуславцева Татьяна, беспартийная колхозница, и ее дочь Нина, учащаяся, были повешены в городском саду г. Симферополя; Браженко Вера Георгиевна, член ВКП(б) и председатель колхоза, была арестована в 1941 году и не возвратилась. В д. Эки-Таш: семья колхозников Апостилиди: Анастас (1898 г. рождения), София (1902 г.), Зоя (1931 г.), Паша (1931 г.), и беспартийная колхозница Литвиненко Раиса (1912 г.) были сожжены заживо в подвале дома в 1943 году; беспартийный колхозник Негрибецкий Георгий расстрелян в 1943 году; Мазниченко Евдокия Моисеевна расстреляна в 1943 г.; беспартийная семья колхозников: Сморщиковы Василий Тимофеевич и Анисия Георгиевна расстреляны в 1942 году; Матвеев Василий Васильевич, член ВКП(б) и председатель колхоза, был арестован в 1941 году и не возвратился. В д. Абдуга (в районе Лесного Кордона): семья лесника Кособородова: сам Иван Иванович, его жена и внучка расстреляны в 1941 году. В д. Пойляры: Рязанцева Екатерина Николаевна, сестры Пустовойт Клавдия и Александра были арестованы в 1941 году и не вернулись; Макриди Павел Семенович и его дочь Софья были расстреляны; лесники Чунгуровы Георгий и Владимир также

расстреляны. В д. Суат (в районе Лесного Кордона): лесник Кособородов Яков и его жена расстреляны в 1941 году. Их выдала предатель Клименкова. В д. Гапка (в районе Лесного Кордона): лесник Рябошапко Семен и семеро его детей в 1941 году расстреляны в г. Симферополе.

– Как вы были награждены за участие в боях?

– Приказом Буденного я был награжден орденом боевого Красного Знамени, потом двумя орденами Отечественной войны 2-й и 1-й степеней, вручили мне словацкий орден, потому что в отряде было несколько словаков, в том числе Уразжак, он орден и привез. Также я получил медали «Партизан Великой Отечественной», «За оборону Севастополя».

– Как вы встретили 9 Мая 1945 года?

– Все очень радовались, была большая радость. В Симферополе организовывали вечер Победы.

После освобождения Симферополя комиссар Сермуль и я стали заниматься документацией, отчитываться о проделанной в партизанах работе, а рядовой состав пошел в армию, они и штурмовали Сапун-Гору. Я, конечно, не полководец, но мое убеждение таково: глупо было в лоб атаковать, там очень много людей погибло, надо было обойти ее. И все было бы в порядке. А так многие мои ребята сложили свои головы на Сапун-горе.

Оказалось, что еще 14 марта 1944 года меня как командира партизанского отряда представили к воинскому званию «старший лейтенант», но приказом ГУК НКО СССР Т 01319 от 06.04.1944 г. мне было присвоено воинское звание «младший лейтенант». Об этом мне сообщили в военкомате. Дело в том, что меня назначили заместителем управляющего треста по оказанию помощи семьям погибших воинов. На этой работе я с ясностью понял, что легче быть начальником, чем заместителем, а я воевал, и больше ничего не знал, а он мне все пишет: «К исполнению». Я чердак чешу, что делать, как исполнять, тогда я пришел к Никанорову Василию Ивановичу и говорю:

– Я пошел воевать.

– Ты что, еще не навоевался?

– Да ничего, так уж сложилось у меня.

Но потом Ковтун Петро меня словил в коридоре, как раз татар выслали, людей не хватало, и он просит:

– Коля, давай пойдем к Кобзареву Петру Васильевичу, направим тебя в г. Бахчисарай председателем райпотребсоюза.

Мне 23 года, что я знал о такой работе? Там ведь и молоко, и яйца, все-все-все. Ну ладно, пошел, Кобзарев мне говорит:

– Дементьев, слушайте внимательно, если вы с работой не справитесь, то мы вынуждены будем вас освободить, не обижайтесь. Я уважаю вас, вы заслуженный товарищ. Но надо работать.

А я пришел туда, и так мало чего соображая, бухгалтер Александра Михайловна быстро поняла, что я не понимаю многого, стала помогать. Моргунов был председателем горисполкома, я начал правления проводить, все честь по чести, он приходит и говорит:

– Ты смотри-ка, как ты натренировался!

У меня была заготконтора, где всегда капал самогон, но хотя такой ядреный, по 60 градусов, Моргунов у меня все по телефону просил, чтобы я ему бутылек присылал. Я даю человеку от него, тот огородами прячется и идет в горисполком, но все равно в итоге агитка по пьянству вышла.

Андрей в армию ушел, в свою латышскую дивизию. Кадровики вспомнили, что он латыш. Тем временем в Крыму начались большие перемены, при мне выслали болгар, греков, армян. Среди них было много моих товарищей: Македонский, Чусси и многие другие. Обо всем этом старались между собой не говорить. Многих партизан арестовали. Получил срок мой начальник штаба Туркалов.

В это время Луговой сумел договориться с командующим Черноморского флота адмиралом Октябрьским о награждении оставшихся в Крыму партизан орденами и медалями. Своим приказом Октябрьский мог награждать от медали до ордена Красного Знамени. Поскольку списки составлял Луговой, туда попали преимущественно люди из Северного соединения, работники обкома партии, которые сидели в Краснодаре и Сочи. Мне тогда дали орден «Отечественной войны».

Наш комиссар Никаноров Василий Иванович стал секретарем Крымского обкома партии. Как узнаю, он «враг народа». Арестован. Потом неожиданно, «по просьбе трудящихся», перестали платить за ордена. А 9 мая стал обычным рабочим днем, если и вспоминали его как «день Победы», то неофициально. Крымские партизаны вообще держались скромно и старались о себе не напоминать. Кто такой партизан в те годы? Прежде всего это человек, «находившийся на оккупированной территории». Потом каждый из партизан или был в окружении, или в плену, или «отсиживался» при немцах и только потом пошел в лес… В общем, что-то было на каждого. С крымскими партизанами и вовсе было непонятно. Если ковпаковцы или белорусские партизаны ходили с гордо поднятой головой, ты мы считались без вины виноватые.

Вспоминать о нас стали только к двадцатилетию победы. Стали организовывать встречи, устанавливать памятники, о своей причастности к партизанам заговорил едва ли не каждый, кто находился в те годы в Крыму. Годы шли. Я жил в Крыму, начал работать заместителем директора престижного санатория. Часто приезжали в гости мои боевые товарищи. Отслужив в армии, вернулся в Симферополь Андрей Сермуль. Перебрался в Симферополь и я. Получил квартиру в так называемом «партизанском» доме: моими соседями стали Сорока Н.О., Клемпарский Н.А., Самойленко М.Ф.

Иногда я ходил на заседания секции партизан. Страсти там кипели нешуточные. Постоянно схватывались сторонники Давыдкина, как правило, бывшие военные, и сторонники Лугового. Схватки были такие, что никакого здоровья не хватит. Я в эти баталии не встревал. Были и другие «бои местного значения», как-то Киселев Евгений Данилович поставил на место Клемпарского. Оказывается, когда Киселев был комиссаром Джанкойского партизанского отряда, он захватил Клемпарского и еще пару полицаев в плен. Уже собирались расстрелять их, как, откуда ни возьмись, появился Луговой. А он с Клемпарским вместе в Зуе работал. Вот он и забрал его с собой. А те двое других полицаев ночью убежали. Клемпарский же эту историю скрыл и повсюду о себе совершенно другое писал, вот Киселев ему и напомнил. А потом начались у него события в партизанах. В 1943 году Луговой даже назначил Клемпарского комиссаром отряда. Так во время прочеса, когда ранили его командира Ваднёва, он его бросил. Так бы Ваднёв и погиб, если бы не его будущая жена, которая, сама девчушка, закидала его листвой и рядом легла, а потом, уже после того как каратели прошли буквально в метре, дотащила его к нашим. Андрей бы меня никогда не бросил!

Читаю сегодня все, что написано о крымских партизанах. К сожалению, не все нравится. Кто привирает, кто поет с чужого голоса. Иные книги не мемуары, а прямо песня «у самовара я и моя Маша». Интересно, конечно.

Андреева Александра Федоровна

– Я родилась 9 мая 1922 года в деревне Трубачево Батуринского района Смоленской области. Там в крестьянской семье я и появилась на свет, как говорится, «среди лугов, полей». Родители мои были крестьянами-середняками, рядом с нами жил

кулак, его раскулачили во время коллективизации. У нас же была одна лошадь, корова и земельные участки – огороды, один при доме, другой в низине, также был хлев с овцами, свинарник. Больше ничего не было, жили за счет выращивания картошки, целыми кадками солили огурцы, капусту. Родители вступили в колхоз в 1929 году. Отец был сначала назначен заместителем председателя колхоза, потом стал заведующим фермой. Работал день и ночь, мать была разнорабочей, потом она заболела, причем очень тяжело. У нее были сильные сердечные боли, она умерла еще до войны. Жили бедно, ничего не было, даже, бывало, на одежду не хватало. Но я училась в школе, пошла рано, меня дома еще до школы отец учил все время писать, считать. Бывало, если неправильно сосчитаю, он меня щелчком по лбу награждает, вот такое было воспитание. Исправляла, и уже старалась все правильно делать, чтобы еще щелчков не получить. Но занималась серьезно, поэтому, когда я пошла в школу, меня сразу посадили во второй класс, так как я хорошо и читала, и писала, и считала всё. Школа была расположена в с. Крапивня, в 1,5 км от моей родной деревни. Я училась только на «отлично». И главное, выступала все время со стихами в народном доме, меня просили постоянно, бывало, поставят меня на сцену, 2-3-й класс, читаю стихи. Также в школе занималась спортом: мы готовили пирамиды, красную звезду из человеческих тел. Меня всегда на самый верх посылали, я туда по другим школьникам лезла. Потом, когда я закончила 7 классов в сельской школе, очень хотела пойти в театральное училище, но мне родители запретили, тогда к артистам было недружелюбное отношение, считалось, что они очень вульгарные. Тогда родители послали меня в педучилище в г. Белый. Я могла быть зачислена без экзаменов, но меня не приняли, так как мне было мало лет, раньше же с 8 лет начинали учебу, а я в семь лет пошла, и сразу во 2-й класс. Но тогда моя тетка, она была председателем колхоза, постаралась и сделала мне справку о том, что я на самом деле училась в школе, будучи 1922 года рождения. И только тогда меня приняли. В педучилище тоже училась только на «отлично», считалась ударником учебы, за что получала на обеде в столовой дополнительно стакан киселя. Мы, студенты, питались в столовой, кормежка была не очень. Также участвовала в хоре, я тогда хорошо пела, и в драмкружке. Помню, когда я училась на 2-м курсе, мы ставили пьесу Гусева «Слава» о летчиках. Пьеса была написана в стихотворной форме, сюжет рассказывал о любви летчицы Лены Медведевой и летчика Медведева. Я играла Лену, а преподаватель литературы играл летчика, и нужно же было по сюжету играть любовь. Мне надо говорить ему ласковые слова,

обнимать, а я не могу, преподаватель ведь. Такая девчонка еще, и вдруг такое сказать, не могу и все, преподаватель ругал меня за это. Когда мы ставили пьесу, мне сделали петлицы на воротничке и дали пилотку, я была такая счастливая. Когда по сюжету Медведева ранило, он спасал спортсменов-альпинистов, застрявших в горах, и сам там зацепился за скалу и поранился, я прихожу в госпиталь, где он лежал, и говорю, как сейчас помню: «Часы, почему так медленно движется время? Еще вчера он здесь стоял, на его лице проходила усталость. А я, а я, а я в его сердце сомневалась!» Знала свою роль наизусть, тогда иначе нельзя было. Вообще, тогда у девушек была одна мечта – выйти замуж за летчика или моряка. Так все любили летчиков и моряков. Это были настоящие мужчины. И храбрые, и стойкие, и мужественные, и твердые. Не сравнить их ни с кем.

Андреева А.Ф., учительница русского языка и литературы. с. Ковельщина, 1939 год

Когда закончила педучилище, мне еще не было 18 лет, тогда как раз выборы проходили, я даже еще не голосовала. Направили меня в школу вести русский язык и литературу в с. Ковельщина, я ведь очень грамотно писала, без ошибок, все диктанты только на «отлично». И в целом очень любила русский язык и литературу, наизусть читала Пушкина. Меня назначили в только открывшийся восьмой класс, ребята пришли, которые раньше не учились,

теперь пришли, старше меня на 2–3 года, сидят, а я читаю им письмо Татьяны к Онегину, сама боюсь им в глаза смотреть, такой вот преподаватель их учил. На танцы не ходила, хотя была молодая, но стеснялась, все-таки преподаватель русского языка и литературы. Вечерами то сижу проверяю диктанты, то готовлю по литературе какое-нибудь выступление. Очень было много работы. А еще в 1939 году директора школы призвали на финскую войну, и меня на какое-то время поставили исполняющей обязанности директора школы, не было ни бухгалтера, ни финансиста, а я так не любила математику. Как составлю ведомость на школьную зарплату, округляю копейки в рубли, поеду в районо, они мне все перечеркнут, заставляют переписывать. Ездила по району, заготавливала дрова на отопление школы, что только на мне не висело, я так плакала, никуда не ходила, времени свободного не было. И вдруг, когда мне исполнилось 18 лет, меня сразу же приняли в партию. И не предложили, а заставили пойти первым секретарем Бельского райкома комсомола. Я была очень ответственная во всем, если мне дадут задание, я все должна сделать, как положено. Белый райцентр, а кругом села, деревни, поэтому я ездила на велосипеде, комсомольские собрания и другие молодежные мероприятия проводились в вечернее время, после работы. Бывало, где-нибудь до 12 часов в колхозе или совхозе сижу, провожу собрания, ночью еду обратно, темно совсем. Как-то ночью возвращалась на велосипеде, и вдруг навстречу идет обоз, на лошадях везут сено на сдачу. На телегах большие копны сена, и как раз обоз идет по мосту, перил никаких нет, там речка, и крутой склон, а у меня отказали тормоза. Я не могу остановить велосипед, крутой холм идет к речке, я качусь вниз, не знаю, как быть, переживаю. Напряглась вся и по кромке моста проехала рядом с колесами телег. Только дотянула на ту сторону и упала, разбилась вся. На всем же ходу, не могу остановиться, поломала все спицы, ноги ободрала. Очень морально переживала происшествие, попала в больницу, первое время от испуга заикалась, каждое слово два раза повторяла, но все равно через два дня сбежала. Мне ребята принесли одежду, мою же сняли в больнице и не дают, но я все равно сбежала, врач потом долго возмущался, я же 1-й секретарь райкома комсомола, в бюро райкома партии заседала, меня все знают в городе.

В 1940 году надо было ехать на отчетно-выборную областную комсомольскую конференцию в Смоленск. Меня, конечно, как первого секретаря избрали делегатом на конференцию, я бегала, собирала все материалы для выступления, по всем вопросам советовалась в райкоме партии. И вдруг однажды по дороге в райком начался такой дождь, настоящий ливень. Я забежала в

подворотню, и в это время шел мой будущий муж Илья, летчик. Он приехал в отпуск к родным, и тоже под дождь попал, и забежал в ту же подворотню. Стоим с ним, он на меня посмотрел внимательно и сказал: «Ой, а я вас немного знаю». Действительно, Илья окончил то же самое педучилище, что и я, только раньше на два года, и его призвали в Ейское летное училище Военно-морского флота им. Сталина. У него в тот день была бескозырка, на которой даже было написано: «училище имени Сталина». Заведение морское, он в бескозырке, в тельняшке, как раз закончил училище. Откуда он меня знал? Когда я только-только оканчивала училище, директор моей школы часто приезжал в наш город, у него сестра училась вместе с Ильей. И директор часто приглашал в кино их вдвоем и меня. У нас-то денег не было, директор покупал билеты, и мы вчетвером ходили в кино почти каждые выходные. Поэтому Илья меня знал, но я же тогда была маленькая, худенькая, а теперь поглядел и говорит: «Ой, вы теперь настоящая девушка стали!» Так мы с ним познакомились по-настоящему. Началась у меня с Ильей дружба, он ходил каждый день ко мне на работу, а мне некогда, надо ехать на конференцию, в Смоленск, я собираюсь. Наконец поехала туда и пробыла пять дней в Смоленске. Сначала конференция, потом семинар для новых секретарей. Нас в театр водили, помню, там я в первый раз посмотрела спектакль «Коварство и любовь» в исполнении смоленской труппы. Так переживала за героев, которые поклялись друг другу в верности и вместе погибли. И забыла про своего летчика.

Курсант Ейского училища им. Сталина ВМФ Цымбалюк И.М. 24 февраля 1938 года

Приезжаю назад в г. Белый. Меня на вокзале встречает наш извозчик на лошади, которая числилась в райкоме комсомола. И он мне говорит: «Ой, Шура, тут ходил какой-то летчик, каждый день, все спрашивал, когда вы приедете». Только мы проговорили, и появился Илья. Ему надо уезжать, отпуск кончается, а он со мной встретиться не может. Отошли в сторонку, и он сразу сделал мне предложение. Я говорю: «Да вы что, замуж, я не могу

сейчас пойти замуж, у меня нет ни кастрюль (сами видите, какой детский уровень сознания тогда был у меня), ни примуса. Поэтому, какая я там могу быть жена». Я отказалась категорически. И Илья уехал в Евпаторию, его направили в 32-й истребительный авиаполк. Только приехал, сразу говорит: «Я женился!» На самом-то деле только предложение сделал, а сказал всем, что женился. Писал мне каждый день, а потом приходит мне посылка. Начальник почты звонит: «Шура, тебе посылка». Я думаю, Господи, кто мог мне прислать, родители у меня бедные, что пришлют, картошку?! Но начальник почты говорит: «Из Крыма посылка». Я перепугалась, решила назад ее отослать. Говорю девчатам из учетного отдела и своему секретарю пойти на почту и отправить посылку назад, а то он подумает, что раз взяла посылку, то все, значит, согласна замуж выходить. Но девчата меня отговорили, ведь был как раз канун дня Октябрьской революции, очень большой праздник. Они пошли, получили посылку, а там: пачек 10 шоколада, ведь летчики тогда за каждый вылет получали шоколад, крымские груши, виноград. Мы накрыли стол, всех пригласили, даже из райкома партии, у них такого стола, как у нас, не было. После этого я написала Илье письмо, что не могу за него выйти, что у меня работа, просила больше не писать. Тогда мой летчик пошел, взял на меня как на жену проездные, и дает телеграмму: «Выезжаю, встречай». Представляете мое положение, звоню его родственникам, говорю им, вы его встретьте, приезжает Илья, а они мне в ответ: «Тебе он телеграмму дал, ты и встречай». Но я не могу, работы столько, тогда они попросили дать лошадь, я распорядилась им выделить нашу райкомовскую лошадь и повозку. И попросила, чтобы он к ним поехал, но Илья нет, приехал с чемоданом прямо ко мне на работу. Вот и все! Что делать, я мечусь, нервничаю, переживаю. Он пошел в райком партии, говорит, что так и так, забирает меня. Ему возражают: «Так вы же еще не женились!» А Илья и отвечает: «Так мы поженимся, вот сейчас и зарегистрируемся». Начал меня агитировать так сильно, что не знаю как. Ну что, пошли, зарегистрировались. Илья имел фамилию Цымбалюк, когда регистрировались, я говорю: «Боже, такая фамилия, что я даже сама не могу произнести! Только на свою фамилию согласна зарегистрироваться». Он согласился, его родители присутствовали, а мои не смогли приехать, далеко жили, в 50 км от города, отец не мог оторваться от работы, мать болеет. Его родители накрыли быстренько стол, отпраздновали. Но меня райком не отпускает с должности, и тогда Илья дал телеграмму в ЦК, и ЦК, в свою очередь, дает телеграмму райкому: «Немедленно освободить от работы». Такой он был настырный. И я передавала

все дела своему заместителю ночью, потому что у мужа заканчивалась неделя отпуска, на которую его отпустили. А его две сестры складывали мои вещи. Утром рано мы уехали, сели на поезд, следующий в Евпаторию. В Москве он мне купил красивое пальто. Вдруг в купе к нам подсаживаются двое летчиков, я внизу, Илья наверху на полке спит, он всегда, где сядет, там сразу и спит, такой характер у него был спокойный. А летчики уговаривают тем временем меня пойти с ними в ресторан, но я говорю: «Да нет, что вы, я не пойду». Тогда они у меня спрашивают, кто такой Илья, а я стесняюсь сказать слово «муж» и, представляете, говорю им: «Это мой брат». Они пошли обедать и принесли мне оттуда и пирожных, и конфет самых разных. Илья тем временем проснулся, спускается и удивленно спрашивает: «А что вы тут такое делаете?» Летчики ему отвечают: «Да вот, вашу сестру угощаем». Илья сразу взвился: «Какую сестру, это же моя жена, а никакая не сестра». И как приехали, он меня дома ругал страшно, чтобы я больше таких вещей не делала. Так началась наша совместная жизнь.

Приехали в Евпаторию. Аэродром тогда располагался на въезде в Евпаторию по симферопольской трассе, справа от нее и был размещен аэродром. И здесь построили три новых 3-этажных дома для летного состава, Илье и двум его товарищам в одном из этих домов выделили трехкомнатную квартиру, все три летчика поженились, и каждому досталось по комнате, нам самая большая, зал. По номеру получили один комплект мебели на всех, и наши мужья разыгрывали, кому что достанется, нам достался гардероб, а соседу рядом диван. Нашли там себе кровать, устроились. Они все время на работе, то дежурства, то полеты, эскадрилья вылетала все время в Севастополь. Там дежурили по неделе, то есть в это время Ильи дома нет. Прилетает одна эскадрилья, сразу же другая улетает. Они дежурили на аэродромах в Бельбеке и Херсонесе. Однажды прилетели все самолеты, а Илья не прилетел, ему дали задание отвезти пакет в какую-то часть, поэтому его не было. День нет, два нет, я ничего не соображаю, но все понимают, что что-то случилось. Оказывается, в это время как раз начались сильные дожди, и у него отказал мотор, он совершил вынужденную посадку в степи Черноморского района. В связи с тем, что начались дожди, самолеты не могли вылететь на поиски. Но мне никто ничего не говорил, хотя уже знали, что что-что случилось, только говорили мне, что все нормально. И вот прошло дня четыре, его нет, потом погода успокоилась, все-таки взлетели, нашли его самолет в степи, самого Илью на самолете отправили в Евпаторию, а на место аварии привезли мотористов и

ремонтников, ведь отказал самолет. И он мне рассказывал, что когда он в степи сидел, у самолета бродили волки, их в Крыму тогда немало было, хорошо, что у него был пистолет с собой, он от волков отстреливался. Питания с собой не взял, питался диким луком, который собирал в степи. Приехал худой, заросший, сразу дали ему на неделю отпуск. Мы с ним ходили везде, гуляли, каждый день в ресторан ходили.

И представьте себе, в 1941 году у нас уже все знали, что будет война, вот такое страшное дело. Но все почему-то думали, что война будет не с Германией, ведь с ней мы заключили договор, а с Англией. Все были настроены на то, что англичане будут наступать на Крым, готовились к обороне полуострова. В Евпатории каждую неделю постоянно были учебные тревоги, гасили свет везде, сделали специальные занавески на все окна, и в домах, и в учреждениях темными занавесками все окна закрывались. Из газет кресты клеили на окнах, чтобы при бомбежке не бились стекла, идешь по городу днем, все это видишь. Но 25 мая муж прилетел из Севастополя после недельного дежурства и говорит: «Сегодня над городом были немецкие самолеты. Но нам не было команды подняться и дать им отпор». Командование сдерживало наши самолеты, хотя немцы всё фотографировали. И предупредил меня: «Ты только никому не говори, а то тебя еще обвинят за распространение закрытой информации». Тогда за этим очень строго следили, чтобы ничего армейского не просочилось. Так что знали все же, что война может быть.

В июне, в 10-х числах, объявили, что летчики должны поехать в лагеря на сборы на целый месяц. Илья мне предложил уехать, ведь что бы я одна сидела в квартире, он-то из лагерей ко мне не смог бы приезжать, его ожидало обучение и напряженная подготовка. Он предложил: «Ты поезжай к родным, там побудешь, а мне после лагерей дадут отпуск, я к тебе приеду». Так и решили, он мне билет достал, я поехала в г. Белый. На станции меня встречает отец и говорит: «Шура, война! Фашисты напали на нашу страну, сегодня Молотов в 12.00 выступал и объявил о нападении, хотя у нас был договор». После этого практически сразу же начались бомбежки, Смоленск уже горел, немцы ведь очень быстро прошли наши границы. Я не знала, что делать, как там муж, как все, думала, что ему там может быть трудно. Поэтому побыла у своих родных два дня, начала метаться и решила добираться к его родным в г. Белый. А тут пошли разговоры, что немцы высаживают десант, как раз в том месте, где я должна перейти через р. Сотню по мосту. Но я спокойно добралась, никаких немцев не встретила, может быть, они не

возле дороги высадились. В общем, добралась до родных Ильи. Вскоре мы уже знали, что 27 июня горел Смоленск, все горело. И вдруг налет, 40 немецких самолетов бомбили Белый, разбили все в пух и прах. А где мы должны прятаться? Выбежали из дома и легли в картофельных бороздах, каждый в отдельную заполз. Вот так защищались от бомбежки, как нас не ранило осколками, до сих пор не могу понять. Город весь сожгли, большинство построек разбили. Все стали готовиться уходить в леса, зарезали барашков, начали сушить мясо, хлеб испекли. Все занимались только вот этой подготовкой. Так как лошадей забрали в армию, запрягли коров, нагрузили на них припасы и на коровах поехали в лес. Кругом же города дремучие леса расположены, прошли глубоко, прежде чем остановились. Со мной были моя свекровь и сестры мужа, а отец Ильи был больной, сказал, что будет умирать в родном доме. Остался в бане, мы его обеспечили питанием, потом сестры мужа его навещали, пока немцы не заняли город. Все жили в лесу, всухомятку питались, а я решила добираться до ст. Нелидово, оттуда уже в Крым. Сказала об этом родственникам мужа, я ведь перед тем, как уезжала в Евпаторию, оставила им свой велосипед. Теперь забрала его назад, так как до станции было 40 км. Добралась до станции, там пошла в комендатуру, показала свои документы, что я жена летчика Черноморского флота, паспорт с евпаторийской пропиской. Денег с собой нет, попросила коменданта как-нибудь помочь, он отвечает: «Ну как я могу тебе помочь, если все эшелоны с техникой и матчастью идут только на запад, а отсюда в Крым ничего не идет». Тогда я попросилась куда-нибудь с грузом, где поближе к Крыму, они меня посадили рядом с машинистом в один поезд. Копоть, грязь, все это на меня, но главное, что я еду. Спрашиваю у машиниста, куда едем, а он сам не знает куда. Хоть дал мне чего-то, поела, а то голодная была. Доехали до какой-то станции, где нам объявили, что путь разбит и дальше эшелон не пойдет. Пока повернули на Вязьму, подъезжаем к городу, он разбит, никакие поезда не принимает. Эшелон остановился, пассажиры слезли, отправили нас дальше за Вязьму на восток, никто ничего не знал. Пошли пешком, Вязьма горит, страшно, кое-как до следующей станции дошли. Там сели на какой-то поезд, куда идет, сами не знаем, главное, что идет.

Привезли нас в Брянск, в городе бомбят, но немцев не было. Посидели, я пошла в комендатуру, попросила помочь добраться до Крыма. Они сказали, что посадят меня на поезд до Орла, оттуда, согласно имеющейся у них информации, поезда на Крым шли свободно. Сутки я в комендатуре провела, посадили меня не на поезд, а на какую-то дрезину. Приехала и поразилась – в Орле

тихо, спокойно, поезда ходят. У меня же нет ни денег, ничего, снова пошла в комендатуру, они меня посадили на поезд в Крым, и очень удачно, на евпаторийский. Залезла на верхнюю полку и уснула крепко, что, где мы едем, ничего не знала. Не ела, но это терпимо, а вот спать хотелось, часов 12 проспала. В Евпатории вышла, вся грязная, чумазая, в мазуте. Платье на мне было, настоящее крепдешиновое, красивое, а стало все черное, в гари. Как приехала, жены наших соседей меня увидели и перепугались: волосы все слиплись, все черное, соседки давай меня в ванную, купать, обмывать. Они уже знали, как действовать, у моего мужа соседом был его большой друг, комиссар полка, Федя Русяев, он быстро в Севастополь сообщил моему мужу, что приехала жена, «с фронта». Дали Илье У-2, он прилетел, глянул на меня, перепугался. Я ему все рассказала, он меня снова предупредил, чтобы я больше никому не рассказывала о своих приключениях, так как меня могли обвинить в паникерстве. Сказал, чтобы даже нашим соседям не рассказывала. Вот так я снова оказалась в Евпатории.

Только я приехала, это было в августе, как в сентябре началась эвакуация из Крыма. Жены летчиков должны были быть эвакуированы на Кавказ по приказу командования. У комиссара полка мать, Александра Семеновна, жила в Сталинградской области, и мне муж сказал, что я поеду к ней, буду там жить вместе с женой комиссара. Всех вывезли в сентябре, а я отказывалась ехать, хотела остаться с Ильей, но он говорил, что нельзя, тем более я была в положении. Кроме того, я же была коммунисткой, если немцы зайдут в город, меня в первую очередь расстреляют, поэтому надо уезжать. Все-таки уговорил меня Илья, я поехала в конце сентября, опять на перекладных. Каким-то кружным поездом добралась до Кавказа, вышла на какой-то центральной станции, там пересела на поезд, который шел в Сталинградскую область. Это был грузовой эшелон, при поезде был сопровождающий, еврей, шустрый такой. Он предложил мне сесть на тюки какие-то, местечко маленькое, но я поместилась. Двери задвигаются, ни воздуха, ни света. Правда, днем на остановках забегал сопровождающий, интересовался, как я, не задыхаюсь ли. Я отвечала: «Естественно, задыхаюсь. Вы, пожалуйста, открывайте двери во время остановок, душно». Также он приносил мне покушать, хлеб с маслом, еще что-то, добрый был человек. Ехали долго, особенно долго стояли на станциях, но еще не бомбили. В итоге добрались до Сталинграда, я вышла, поехала на попутной подводе на станцию Елань в 20 км от города, там жила Семеновна. У нее уже жила жена другого летчика, приехала жена комиссара полка, затем я. Семеновна всех

приняла, очень добрая женщина, хорошая, хотя размещались тесно, я спала на сундуке. Это был уже октябрь 1941 г. Наши отступали, чтобы не сидеть просто так, я пошла на трехмесячные курсы медсестер при военкомате, хоть и была в положении. Во время учебы все время были на практике в госпитале, с носилками ходили, на операциях присутствовали, уколы делали. Тренировали нас как положено. Отучилась, сдала все зачеты. Меня взяли в госпиталь на работу, там я выступала среди раненых, рассказывала, читала им стихи, сводки Совинформбюро, все комментировала. Поэтому в госпитале за меня ухватились, очень обрадовались, что нашелся помощник для заместителя по политчасти. Вот у него я была как правая рука, помогала ему в работе. Так я работала, у нас в госпитале было много раненых. Питались, как могли, дрова заготавливали, тащили на себе вязанки дров, топить же надо было. Готовить негде, котелочек поставишь, три семьи, у каждой свой котелок, но на это никто не обращал внимания. С мужем переписывались, я от него получила письмо. Он меня уверял: «Не волнуйся, я буду жить. Для меня бой как игра в карты». Он был настоящий летчик-ас. Ему в апреле дали отпуск на 10 дней, я не знала об этом. Оказывается, их решили вывезти на Кавказ для отдыха, так как они воевали с первого дня, все время в бою. Илья оказался на Кавказе, попросил телеграфистку, чтобы сообщили мне телеграммой, что он приедет меня навестить к Семеновне. Вдруг я получаю извещение с почты: «Ваш муж приедет на ст. Елань, он сейчас находится на Кавказе». Приехал ко мне, он был очень боевой товарищ, неизвестно какими поездами, но добрался. Это была такая радость. Илья привез мне целый чемодан денег, все собирали летчики тем, кто выезжал на Кавказ. Там было 20 тысяч, но они тогда ничего не значили, потому что буханка хлеба стоила 200 рублей. Но мне все это было не интересно, главное, что муж приехал. Я его обмыла, вычистила одежду, хотя вшей у него не было, за ними, летчиками, хорошо следили, у них даже бани были. Такое он рассказывал, что все горело, все разбито в Севастополе, страшно. Также говорил о гибели командующего авиацией Черноморского флота Острякова. Остряков пошел в штольни, где работали женщины, изготавливали снаряды, проверить качество снарядов. И в это время разбили штольню, погиб и он, и его комиссар, хотя им было запрещено вместе находиться на таких объектах. Это была большая трагедия, хотя им не надо было туда ходить, есть другие службы, ответственные за проверку. Еще я удивилась, что летчиков кормили очень хорошо, Илья приехал такой полный, он так поправился. Еще он мне говорил, что его полк собирались перебрасывать из Севастополя в Геленджик, Илью очень

волновало, как моториста забрать с собой, ведь на истребителе только одно место было. Уже тогда знали, что Севастополь будет оставлен. Пять дней побыл и уехал, я так плакала, когда его провожала, а он снова повторил: «Не плачь, не бойся, я не погибну, для меня бой как игра в карты».

Летчики и техсостав 32-го истребительного полка И.М. Цымбалюк крайний справа, стоит

Продолжала работать в госпитале, затем раненых из нашего госпиталя направили под Харьков, где в мае 1942 года сложилась очень сложная ситуация. Также туда бросили все войска, которые размещались около ст. Елань, артиллерийский полк, 7-й стрелковый полк. Все пошли на Харьков. Я хорошо знала командира и комиссара этого артполка, который еще в финскую войну получил звание Героя СССР. И представьте себе, такое поражение потерпели под Харьковом, немец пошел прямо на Сталинград. И командир, и комиссар артполка, когда возвращались, заехали в госпиталь, рассказали, как произошло поражение, была страшная битва, немецкие танки прямо через окопы шли, многих наших солдат подавило. Комиссар рассказывал, как его завалило землей, ребята потом откопали. Но не могли сдержать немца, и наши отступили. Они вдвоем погибли под Сталинградом.

Фото мужа, Цымбалюка И.М., которое Андреева А.Ф. носила в нагрудном кармане все время работы в госпитале и в партизанском отряде. Получено 9 апреля 1942 г. На обратной стороне слова: «Подруге по совместной семейной жизни. Пусть наша жизнь будет дружной и подлинно ясной. Пусть порой, когда тобой овладеет грусть и печаль, взглянув на меня, ты становилась бы бодрой и веселой. Шурочке от Ильи»

В июне 1942 года моего мужа подбили. Илья до последних дней оборонял Севастополь. Как мне позже рассказывали его сослуживцы, он уже отдежурил свои часы и возвратился на аэродром, но опять появились немецкие самолеты в небе над Севастополем, и его снова подняли в воздух. Он вел бой, но его

подбили немецкие зенитки. Илья очень берег машину, они же были ценные, мало их было, летчики бережно относились к машинам. Если бы выбросился из кабины, он бы остался жить, но Илья тянул, тянул до аэродрома, пока не увидел, что уже все горит. Тогда он решил выброситься, но самолет уже был на малой высоте, и парашют не успел раскрыться. Илья врезался в землю, и все тело разлетелось на части. Его около аэродрома похоронили. А я разрешилась в июле, родила девочку. Под таким напряжением, молока не было, муж погиб, я ревела постоянно. Кормить нечем, она прожила меньше месяца, я от слез ничего не видела. Не могла ходить, в госпитале уже не работала, дали выходные. Но потом отошла, в августе надо возвращаться в госпиталь, было тяжелое положение на фронте, много раненых.

Начались бои под Сталинградом, это был уже ноябрь, страшные морозы, столько было обмороженных. Конечности почерневшие, надо было срочно проводить ампутацию, чтобы не допустить общего заражения. Черными становились пальцы, ноги до ступни. И такой запах стоял в госпитале, страшно вспомнить. А надо стоять, все обрабатывать, я ведь обрабатывала раны во время и после операций. У раненого такие нагноения, запахи. Мы продолжали работать, раненые идут к нам в госпиталь постоянно, мы боимся, что разбомбят, и раненые погибнут, и мы. По ночам после смен дежурили, чтобы сбрасывать «зажигалки» с крыши, в рукавицах. Немцы в это время бросали очень много листовок, в которых говорилось: «Мы победим, вы будете разбиты. Единственный выход: заранее сдавайтесь, если хотите уцелеть!» Столько их сбрасывали, везде все было засыпано. И столько раненых в наш госпиталь шло, но наши держались, тогда сыграл большую роль приказ Сталина «Ни шагу назад». Это спасло, удержали Сталинград. Но и после начала контрнаступления, особенно в декабре, было очень много раненых и обмороженных, морозы стояли страшные.

Освободили Сталинград, потом весь Краснодарский край, я продолжала работать в госпитале, тем временем нашли мою учетную карточку как коммуниста. В обкоме партии подняли дело и дали в сентябре 1943 года указание в госпиталь, чтобы меня немедленно откомандировали к обком. В это время в леса пришло очень много людей, как раз молодежь подросла за время оккупации, и нужны были комсомольские руководители в партизанские отряды. Вызвали меня, побеседовали и в конце октября направили на полигон, расположенный за г. Краснодар. Месяц мы там занимались, учили нас военные из расположенных в городе воинских частей. Давали только практику, так как надо было немедленно идти в бой, в лесу нужно, прежде всего, уметь

владеть оружием и правильно маскироваться. Тактики было немного, в основном порядок выхода из окружения, а так учились стрелять из автоматов, бросать гранаты. В 6 часов подъем, завтрак до 7 часов, с 8 начинались тренировки. Постоянно полоса препятствий, учили, как располагаться в окопах, как маскироваться, 2–3 раза в неделю водили на стрельбища, гранаты учили кидать, правда, реже. Мужчин также учили рукопашному бою, но нас, женщин, к этому не привлекали. На полосе препятствий надо было научиться пройти по бревну, ведь партизанам надо уметь быстро перейти речку, прыжкам всевозможным. Но парашютным прыжкам не обучали. Нам выдали хорошие, новенькие автоматы «ППС», мы их назвали «стрекоза». Мы очень любили эти автоматы, маленькие, удоб-ные, для женщин так вообще это чудо. Каждому дали по 4 рожка, висели на поясе, и патроны дополнительно в специально сшитом мешочке на поясе. Также 4 гранаты «Ф-1», овальные, «лимонки». Выдали обычную форму, шапки, не было шинелей, не хватило, поэтому нам достались черные пальто. По окончании курса мне присвоили звание мл. лейтенанта.

Отправили на аэродром под ст. Крымской на Таманском полуострове. Когда на аэродроме сидели, готовились уже улетать, ко мне подошла одна девушка, только что вернувшаяся из партизанского отряда, попросила пальто, а мне дала шинель, в которой она из леса прилетела. Это была немецкая трофейная шинель, скорее всего военно-морского флота, так как на пуговицах были якоря. Декабрь месяц, уже холодно, морозы, шинель эта мне очень пригодилась.

На транспортном американском самолете «Дуглас» нас ночью отправили в лес. Пролетели Таманский полуостров, когда уже летели над морем, прямо над нами появился «мессер», мы все очень боялись, что собьет или посадит на воду. Дрожали все, «мессер» интересовался, кто летит, мы же были без знаков различия, без огней. За Феодосией мы повернули в лес, там за Феодосией есть долина, по ее склонам густой лес. И так как летчики у нас были отличные, настоящие асы, они нырнули в долину, а немец не смог уже, забоялся, так что мы оторвались от «мессера». Сели благополучно, нас уже встречали, ведь перед каждым вылетом партизанам отправляли извещение, чтобы они разожгли костры, иначе ведь не сядешь, должен ориентиры на земле иметь летчик. У партизан был аэродром в Зуйском лесу около д. Ивановка, в 20 км от Симферополя, прямо за деревней. Туда регулярно самолеты садились, немцы ничего не могли обнаружить. Я до сих пор удивляюсь, как немцы его не нашли, ведь так близко к городу он был расположен. Они же ходили,

искали везде, посылали шпионов, но так и не удалось им ничего найти.

На аэродроме самолет уже ждали раненые и больные, их пересылали из всех соединений. После этого нас, 7 человек, группу политработников на усиление политорганов в партизанских отрядах (один из нас потом был назначен комиссаром 7-й бригады, расположенной под Севастополем), направили в Южное соединение, далеко, надо было пройти пешком более 100 км. Нас, прибывших, сопровождал лесник Рябошапка, исключительный человек. Он и проводник, он и разведчик, знал лес великолепно, как свои пять пальцев. И нас вел, сначала по Долгоруковой Яйле, а это открытая местность, хоть и идем ночью, гуськом, след в след, чтобы не зацепиться ни за камешек, ни за что, никаких разговоров. Идешь совершенно замкнутый на одном деле. Никакого охранения не было, идем-идем, прошли с. Долгоруково, подошли к с. Лучистому. Здесь спустились в долину и должны были перейти шоссе. Мы хотели зайти в Южное соединение через д. Джалман (ныне с. Пионерское). В этом месте как раз было лавандовое поле и три домика. Когда мы стали тихо подходить к шоссе по огородам, внезапно залаяли собаки из домиков, а везде по шоссе заставы, сразу поднялась тревога, немцы ракетами осветили всю площадь. Так что перейти шоссе мы не смогли, а тут уже рассвет начинался, мы же не могли пройти такое расстояние за одну ночь. Тогда Григорий Карпович Рябошапка повел нас в пещеру, напротив с. Лучистого с левой стороны. Но пещера была без потолка, там была большая дыра для вывода дыма. Видимо, когда-то в этой пещере жили. И вот мы зашли в пещеру, а уже зима, внутри снегу по колено, у нас у каждого нагруженные вещмешки. Также с нами была вьючная лошадь, нагруженная мешками. Мы везли в соединение снаряжение, медикаменты, продукты, письма. Мы легли на вещмешки, огонь разводить нельзя, но у каждого была фляга со спиртом. Я до этого во рту еще не держала ни вина, ни водки, а тут спирт. Мне предложили выпить, я стала отказываться. Но мне строго сказали: «Пей, а то замерзнешь, ведь видишь, что мы сидим на снегу, и лежать на нем будем». Я как глотнула, аж задохнулась, ведь неразведенный спирт. Зато согрелась, что было весьма кстати, так как в этой пещере мы просидели целую ночь, был страшный холод. То лежишь, то встанешь и сидишь, чтобы хоть как-то согреться. И тут вдруг лошадь как заржет, опасно, ведь рядом заставы, ребята быстро пошли, надели ей мешок на голову и начали у лошади дежурить. День просидели, но не бездельничали, наблюдали за шоссе, фиксировали каждую подводу, когда и в каком

направлении проследовала, особенно на юг, в сторону партизанских отрядов. Примечательно, что немцы днем не вылезали, ездили только в крытых машинах, остерегались партизан. На следующую ночь мы снова попытались перейти, но не смогли, выбрали такое крутое место, что лошадь не могла подняться. Мы ее тянем наверх, а она назад. Зашли опять в пещеру, опять просидели в пещере, быстро зафиксировали, где стоят заставы, и только следующей ночью уже не стали переходить шоссе, а пошли в сторону с. Перевального и оттуда уже зашли к Джалману со стороны Краснолесья. Здесь находился 6-й партизанский отряд, командиром которого был Дементьев Н.И., комиссаром Серый. Они нас встретили, мы быстро разделись, партизаны везде зажгли костры, согрели нас. Здесь мы отдохнули немного, мне вырезали на пятке черную мозоль, очень большую. Останавливаться же нельзя, переход длинный, вот и набила. Фельдшер вырезал мозоль, а надеть свои сапоги уже не могу, поэтому я надела постолы. А тут немцы идут на прочес леса, погнали нас туда-сюда, гора-то высокая, нам надо пробираться в штаб, мы на гору лезли-лезли, везде идет стрельба, мы ползком поднимаемся, в бой не вмешиваемся, у нас другое задание.

В партизанском отряде, декабрь 1943 года

В итоге добрались до штаба Южного соединения, командир Македонский М.А., комиссаром был Селимов Мустафа. Они как глянули на нас, ужас, я ноги еле переставляю, усталые все. Они сразу сказали: «Ужас, что с вами делать, давайте хоть покормим вас». Накормили, после мне говорят, что я должна буду пробираться в 4-ю партизанскую бригаду, куда меня назначили заместителем комиссара по комсомолу. Это была самая большая бригада, численностью около 800 человек, в ней было 4 отряда (6,

2, 7-й и 11-й), каждый примерно по 200 человек. Отряды располагались на окраине лесов, в лесах в это время находилось много мирного населения, так как немцы сожгли все прилегающие к лесу деревни, подозревали жителей в помощи партизанам. К примеру, одна деревня была полностью сожжена за помощь партизанам, и 65 мужчин сгорело в собственных домах. Женщины с детьми и стариками ушли в лес под защиту партизан, их было в лесах, контролируемых южным соединением, около 14 тысяч, в каждом отряде была группа мирного населения под защитой, до тысячи человек. Мне дали нового сопровождающего, тоже хорошего проводника, и я направилась в 4-ю бригаду, которая располагалась рядом с татарским поселком Бешуй, около партизанского центра, д. Соблы. На окраине этой деревни находился 7-й партизанский отряд и штаб 4-й партизанской бригады. Там есть возвышенность, там и находился штаб. Привели меня, встретил командир бригады Чусси Христофор Константинович, грек по национальности, очень храбрый, солидный мужчина, и комиссар татарин Хайрулаев Изет Измайлович, бывший председатель Алуштинского горсовета. С ним у меня сложились непростые отношения. Бывало, я ведь принципиальный человек, что-то начинаем разбирать, бой, или где какое задание дать комсомольской организации, какие мероприятия провести, где собрание провести, где листовки выпустить. Иногда он свое говорит, а я свое. Хайрулаев обижался: «Ну что вы меня учите», но я всегда говорила: «Да, буду учить, потому что считаю, что так будет правильнее!» Спорили с ним, он начинает: «Я приехал сюда политика партии делать!» А я для чего сюда приехала? Чтобы смотреть, как идут бои, что ли? Хотя я считала, что должна принимать самое активное участие в боях. Но в итоге находили с ним общий язык, он видел, что я хорошо занималась своим делом, не сидела без работы ни минуты. Разместили меня в штабной землянке, которая была вырыта на склоне. Знаете, и не сильно замаскирована была. Немцы вообще о нашем расположении все знали, их самолет-разведчик «Фокке-Вульф», мы называли его «рамой», целыми днями над нами висел, его ведь нельзя было достать из винтовки или пулемета. Все он видел, все знал. Рядом с нашим штабом размещался 7-й отряд, его командиром был Мотя Гвоздев, очень волевой человек, комиссаром Алексей Полащенко, тоже очень боевой товарищ. У них под горой Черной тоже был большой «гражданский лагерь». В штабной землянке был настил, все, не раздеваясь, ложились в ряд. Никаких постелей не было, на листьях спали. Правда, командиру и комиссару было сделано по отдельному месту, а мы все по кругу: начальник штаба, я, адъютанты. Но я лежала с краю,

здесь комиссар, за ним я. Печки не было, но был специальный чугунный аппарат, мы на нем чай заваривали, он и землянку согревал. Но вообще, такие хоромы только у нас были, у остальных всех шалаши только. Даже не знаю, как они умудрились вырыть землянку для штаба бригады, ведь немцы быстро окружали отряды, маневрировать надо, отступать, все сжигали, шалаши надо было заново делать. Рано утром подъем, умываться на речку ходили. Наша бригада располагалась на стыке 3 горных рек: Альма, Мавля и Коса. Поэтому когда надо было переходить туда, где располагались наши отряды и шли основные бои, необходимо пройти через одну из речек, что было очень трудно. Делали так: когда не было бревна перейти, что частенько случалось, партизаны залазили на деревья, они прогибались друг к другу под человеческим весом, и так по деревьям перелазили. И один раз я зацепилась за ветку хлястиком шинели, и висела, пока ребята, когда пошли за патронами в бригаду, не освободили. Вообще, основная часть патронов и амуниции хранилась в штабе бригады, под строгим надзором начальника штаба Тарновича Евгения Николаевича, но мы его Женей звали. Очень грамотный командир, лейтенант по званию, пришел в лес, когда наши войска отступали с Перекопа. Такой порядочный, высококультурный, спокойный. Все его очень уважали. Передо мной поставили задачу создать комсомольские организации во всех отрядах, поэтому я ни минуты не сидела в штабе, ездила повсюду на лошади. Давали сопровождающего, ведь отряды разбросаны по всему лесу. Ночью в 12.00 я шла к радисту и принимала сводку Совинформбюро, надо было успеть за 5 минут принять, больше мне не давали. И за ночь я должна была размножить ее, так как утром приходили связные, надо было раздать ее по всем отрядам и в лагеря беженцев. Бывало, даже делали кораблики, когда немцы стояли в лесах, прибыли на прочес, мы кладем в такой кораблик сводку Информбюро и отправляем по речке к немцам. И комментарии такие даем, вроде: «Вы все равно будете уничтожены, даже не старайтесь нас победить!» Когда пленные немцы попадали к нам, они говорили: «А мы читали ваши кораблики». Но самое важное задание заключалось в создании комсомольских организаций, подведении итогов боя. Ведь каждый день происходили стычки, особенно с немецкими разведгруппами. И мы подводили итоги за сутки или за несколько суток боев, собирали молодежь, рассказывали подробности боев, говорили о поведении комсомольцев. В конце собраний ставили задачи перед молодыми партизанами. Прямо в отрядах выпускали боевые листки, в которые входили: сводка Совинформбюро, освещение итогов проходивших боев и

обязательно задачи на будущее. Также указывалось, как вести себя с диверсантами, которых засылали в лес, чтобы люди были очень внимательными. И на заставах надо было очень ответственно относиться к дежурству, настороженными быть. Диверсанты часто маскировались под жителей. Все эти вопросы обязательно обсуждались на собраниях. Как раз в это время немецкое командование приняло решение ликвидировать партизанское движение в Крыму. Раньше всех серьезные бои начались в северном соединении: с 28 декабря 1943 года и продолжались они до 7 января 1944 года. Немцы использовали против партизан и самолеты, и танки, и артиллерию. Но тогда уже в северном соединении даже наши «катюши» были, две установки, также были подброшены и пулеметы, потому что аэродром близко располагался, поэтому партизаны северного соединения все-таки отбили даже такую вооруженную группировку. Хотя против них немцы бросили целую регулярную дивизию, дополнительно еще три регулярных батальона, кроме того, батальон румынских горных стрелков, фельджандармерию, полицейские отряды. Всего нашими партизанами было уничтожено около 1000 человек, наши потери, как нам передали, составляли 88 человек убитыми, 370 ранеными. Немцы были вынуждены уйти из леса, правда, сильно пострадало гражданское население, скрывавшееся в лесах, так как немцы нашли и разбили центральный гражданский лагерь соединения, находившийся в балке. Самолеты бомбили госпиталь, находившийся в этом лагере, и мирное население. Многие еще здесь погибли, хотя немцы знали, что это мирное население. Оставшихся в живых из этого лагеря согнали в совхоз «Красный», где располагался концлагерь.

Первый бой в нашей бригаде состоялся в феврале 1944 года и по названию местности стал именоваться Бешуйским. Фашисты тогда прибыли большой группой, с пушками, разместили свои орудия на горе Белой. К нашему расположению вела долина, в которой имелись удобные проходы, и немцы любили устраивать прочесы со стороны долины. Немцы приехали на крытых машинах, приготовились уже окружить 7-й отряд и штаб бригады, но начальник штаба Тарнович Женя и командир 7-го отряда Гвоздев Мотя, бывшие военные, решили затянуть немцев в долину и окружить. Отряд был расположен на высотах, чтобы немцы прошли, и за ними мы должны были замкнуть вход в долину. Так и произошло, немцы уверенно заходили, не опасаясь, но мы их сразу как накрыли сверху из автоматов, пулеметов и минометов. Сзади выход из долины также закупорили и начали немцев долбить. Мы, штаб бригады, в полном составе вели бой вместе с

отрядом. Побили немцев знатно. После чего они с боем прорвались из окружения, неся тяжелые потери. Тут к нам на помощь прибыли 2-й и 3-й партизанские отряды. Было убито до 450 человек, 27 немцев взяли в плен. В качестве трофеев нам достались 2 радиостанции, большое количество грузовиков, 3 пулемета. Немцы, как мы позже узнали, считали, что они столкнулись не с партизанами, а с десантом регулярных частей Красной Армии, потому что бой был очень хорошо подготовлен, их очень ловко затянули в кольцо. После боя собрали много трофеев, все раздали партизанам. Следующий бой произошел уже в следующем месяце. Рано утром 8 марта я встала и решила поехать в «гражданский лагерь» 8-го отряда, который располагался под р. Черной, решила проведать женщин, стариков, как они там живут. А на вечер было назначено комсомольское собрание во 2-м партизанском отряде, где командовал майор Гвалия, бывший власовец, перешедший к партизанам. Этот отряд находился возле деревни Коуш (ныне д. Прохладное), которая уже с первых дней оккупации Крыма была превращена в базу карательных отрядов, там засело все отребье Крыма, в каратели же шли предатели и из крымских татар, и из русских. Они уничтожали мирное население, сожгли совхоз «Красный», бросали в колодцы людей, в них наши партизаны находили убитых и раненых подпольщиков, даже, бывало, полуживых вытаскивали. Столько расстреливали. Приехала в «гражданский лагерь», там меня встретили старики, женщины, прибежали дети, плачут все. В первую очередь спрашивают, не погиб ли кто из родственников. Но я всех успокоила, что из их родных никто не погиб, и им не надо расстраиваться. Поздравила женщин и девушек с Международным женским днем, затем рассказала последние новости из сводки Совинформбюро, которую приняла ночью. Они мне торжественно вручили букет подснежников, напоили меня молоком, там же в лагере были коровы. После обеда я поехала во 2-й отряд, прибыла туда где-то часа в 4, уже начало смеркаться. Тогда в марте рано темнело, где-то в 5 вечера уже совсем темно становилось. Там уже ребята собрались на поляне, человек, наверное, 40, то есть вся молодежь отряда, которая не была в разведке и на охране лагеря. На этом собрании мы должны были подписать письмо товарищу Сталину, тогда во всех комсомольских организациях, среди молодежи, обсуждалось письмо Сталину, где молодежь клялась в том, что: «…Мы будем биться до последней капли крови, но никогда не дадим врагу занять нашу землю, покорить нас. Победа будет за нами! Мы пойдем на любое самопожертвование!» Такие слова там были, с твердой верой в Победу. Подписали это письмо, всем женщинам,

в том числе и мне, вручили цветы, снова подснежники. А потом майор Гвалия вручил мне трубку, говорит: «Шура, ну ничего нет такого памятного, чтобы у тебя осталось. Вот я хочу подарить тебе трубку». Ребята принесли ее, и действительно, это была уникальная вещь, какое-то произведение искусства, я даже подумала, что они, наверное, ее из бахчисарайского музея взяли. Трубка была в виде головы крымского хана, и в точности как печатали портреты в довоенных газетах, с бородой, глаза как живые. Она была сделана из какого-то металла, очень необычная. Трубка у меня хранилась, пока в госпитале кто-то из вещевого мешка все-таки не утянул ее. Так что провели собрание, выпили чаю, хотя у нас чай был только по названию, заварка, состоявшая из разных трав. По кусочку хлеба съели, попели военные песни, у партизан самыми любимыми песнями были «Огонек», «Землянка» и «Прощай, любимый город». Затем все спокойно ушли спать, а на рассвете отряд был окружен карателями из деревни Коуш, которые начали перекрестным огнем бить по отряду. Командир Гвалия поднял всех, построил, разбил на две группы для прорыва через окружение, чтобы каратели не смогли сконцентрировать огонь против всех партизан. Я пошла с секретарем комсомольской организации, командиром отделения Ваней Лободой в прорыв на юг. А майор Гвалия возглавил вторую группу, которая должна была прорываться на восток. Конечно, мы тоже бьем из всех стволов, в каждой группе было по пулемету, гранаты по кустам бросаем, если только замечаем, что из-за кустов бьют. Я расстреляла все рожки автоматные и даже все патроны, что у меня с собой были. Но мы все-таки удачно прорвались, только двоих ранило из всей группы. А сколько враг потерял убитыми и ранеными, мы не знали, но били по ним хорошо. А майор погиб при прорыве, в другой группе были потери, несколько раненых, у карателей, видимо, с той стороны было сосредоточено больше сил. Я пришла в бригаду, рассказала о бое, все очень жалели, что погиб майор Гвалия, он был очень хорошим командиром. Серьезный, грамотный, отлично знал военную тактику. Я до сих пор удивляюсь, как же так получилось, что в его группе были потери. Потом вернулись на место боя, нашли обезображенное тело майора Гвалии, ведь каратели отрезали нос и уши и получали за них от немцев большие деньги. Но от всех этих зверств мы только мужества набрались, командиром 8-го отряда стал заместитель Гвалии. Бои продолжались, стычки происходили весь март и в начале апреля. Когда началось наступление наших войск с Перекопа и отдельной Приморской армии со стороны Керчи, немецкую 17-ю армию и румынский горнострелковый корпус окончательно заперли в Крыму. Им, как мы знали, был дан

приказ не отступать, Крым не сдавать, сохранить полуостров любой ценой. Тогда командующий немецкой армией генерал Йенеке принял следующее решение: для того чтобы было легче вести борьбу с нашими наступающими войсками, уничтожить партизан. Также немцам нужно было рассчитать свой тыл на случай отступления к Севастополю. Поэтому с фронта была снята часть дивизий, в том числе танковые части при поддержке авиации, и все эти силы были брошены на южное соединение. В нашей бригаде самый тяжелый бой начался 7 апреля. Немцы подтянули к п. Бешуй и д. Соблы танки и артиллерию. Днем 7 апреля Чусси, командир 4-й бригады, попросил меня, я была тогда очень зоркая, хорошо видела на дальнем расстоянии, подсчитать немецкие танки. Я стала считать, насчитала 10. Доложила о них и сказала: «Я дальше уже не вижу». Если есть какой-то в кустах, ведь танки стояли в 500 м от наших позиций, у входа в долину, рядом с ними стояли 5 орудий, но танки были нетяжелые, небольшие. Хотя орудий могло быть и больше на горе Белой, я не видела. Мы уже знали, что нас окружили, впереди будет тяжелый бой. Вечером к нам приехал командир южного соединения Македонский, чтобы остаться с нами на ночь. Собрали командиров и комиссаров всех отрядов, всех коммунистов и комсомольцев, провели заседание, рассказали, что завтра предстоит тяжелый бой. Начальник штаба расписал, какую оборону будем принимать, исходя из расположения немецких войск. Заседание закончилось поздно вечером, Македонский остался в штабной землянке. Я его и прибывших с ним заместителей напоила чаем, они легли, а я села чистить свой автомат, потому что с мартовского боя не чистила его, также набила рожки патронами, в мешочек дополнительно патроны наложила. В 12.00 приняла сводку, а после этого как сидела, так и уснула. Они все спят, и вдруг я как начала кричать страшным голосом. И вместе со мной закричали начальник штаба и командир бригады. Все мы увидели похожий сон. Сразу же подскочил Македонский, схватил автомат, думал, что немцы окружили землянку. Уже приготовился стрелять, спрашивает: «Что, мы окружены?» Мы объясняем, что нет, мы во сне кричали. Он поинтересовался, чего кричали, и я рассказала, что мне приснился сон, будто я иду по кладбищу, и черная кошка прыгнула и впилась мне в висок. Поэтому я объяснила Македонскому, что меня в бою убьют, пуля попадет мне в висок. Он мне говорит: «Ну, не ходи тогда, иди с обозом». Но я отказалась, вы что, руководитель комсомола пойдет с обозом. Затем у Жени Тарновича, начальника штаба, спрашивает, чего он кричал, тот объясняет, что он шел по лесу, как вдруг на него

выскочил бык и так прижал к земле, что он дохнуть не мог. У Чусси спрашиваем, чего он кричал, а Христофор Константинович во сне увидел, как идет по лесу, сосна упала прямо ему на ногу и очень сильно придавила ногу. И знаете, в этом бою, я и Чусси были ранены, а начальник штаба Женя Тарнович был убит. Утром 8 апреля начался страшный бой, я была на передовой, немецкая пехота шла прямо на нас, все вокруг простреливали. Во второй половине дня я пришла в штаб бригады с группой партизан с места боя, мы с Тарновичем Женей должны были выдать патроны и снаряды, не хватало у ребят на передовой. Я первая поднялась, говорю: «Женя, сейчас придут ребята, надо им выдать все, что у нас есть, патроны, гранаты, все. Идут очень тяжелые бои». И в это время немцы начали обстрел, пушки стояли от нас в 500 м, били прямой наводкой по штабу бригады. В это время меня ранило, Женю убило. Мне пробило насквозь левую лопатку, попало чуть ниже виска, оторвало кусочек уха, и оторвало на левой руке 3 пальца. Нас, раненых, смогли только перевязать, артиллерия все время била, немецкие танки пошли по балке, наши 7-й и 2-й отряды ничего не смогли сделать, не было тяжелого вооружения, им пришлось отступить. Нас, раненых, не могли забрать, раненный в ногу Чусси кое-как держался в седле, а я не могла. Санинструктор была одна на всех, меня перевязали ребята, я попросила их взять бинт у меня в кармане, они им замотали лицо, а руку-то никто не перевязал, основная кровь оттуда идет. Я потеряла очень много крови, пока перевязали, затем пришел фельдшер из санчасти, но снова только голову перевязал. Руку даже не тронул, а я и не чувствовала, что у меня здесь сквозное ранение. Только подумала, что рука не поднимается, значит, тут все нарушено, а оказалось, что ранение сквозное, и часть лопатки оторвало. Плевра была захвачена, я хрипела сильно. Меня завернули в гондолу и подложили под гнилое дерево недалеко от штаба, засыпали большим слоем листьев. Только лицо было открыто, тогда я попросила гранату, положила ее на грудь, автомат, конечно, забрали. Если бы немцы меня нашли, я должна была себя взорвать, у нас был такой закон, мы не сдавались в плен. Так я пролежала 3 суток, ведь это было 8-го, а вышли немцы из леса 11-го. Хотя наши войска уже начали наступление на Перекоп, немцы продолжали находиться в лесу, я слышала выстрелы, шум боя. И как раз в это время я увидела, как пролетали над лесом самолеты с красными звездочками. Я даже заплакала, так я радовалась. Вы представляете, я коммунистка, комиссар, в это время лежала и молилась Богу, просила только одного – сохранить мне жизнь до победы. Хотела увидеть очень, что мы победили все-таки, не зря проливали кровь. Когда 11-го

наши войска подступали к Симферополю, немцы начали выходить из леса. Но, выходя, везде простреливали кусты, я еще думала, ну совсем, могут обнаружить тогда, когда уже наши идут. А тут еще погибнешь ни за что, но немцы, к счастью, торопились, быстренько выходили. Партизаны за ними следом двигались, они получили приказ выйти из леса и перекрыть дороги, перерезать коммуникации и вести борьбу с отступающими немцами. По дороге ребята решили найти нас, раненых. Подошли ко мне, я так плакала от радости, у меня ведь живот прирос к позвоночнику, ведь даже воды не было, под конец я не могла дышать толком, нечем. Даже в туалет не ходила ни разу, в желудке ничего не было. Я боялась, что я поседела за эти трое суток, ведь тогда за какой-то миг молодые ребята становились седыми из-за такой тяжелой обстановки. Но ребята меня успокоили, нашли зеркальце, хотя скорее стекло какое-то, но я боялась смотреть, мне так сказали, что я не седая. Собрали нас, раненых, в один шалаш, а сами ушли, никого с нами не оставили. Немцы через лес отступали, по трассе же не могут идти, партизаны на дороге, также 19-й танковый корпус уже продвинулся вперед, перерезал им пути отступления. С нами был только фельдшер. Медикаментов не было, продуктов не было, мы собирали снег, кипятили, из речки воду приносили, заваривали с травами, такой чай и пили. И все равно с юмором свое положение воспринимали, у одного татарина была ягодица снесена пулей из немецкого карабина, он только на животе лежал. Такие юмористские истории татарин этот рассказывал, а мне смеяться нельзя, все болит, я рот рукой держу, посмеяться же хочется. Но выдержали, хотя боялись, что немцы на нас набредут, у нас же нет оружия, и у фельдшера тоже не было. Но немцы на нас, к счастью, не наткнулись. В итоге, когда немцы отступили, решили нас вывезти в деревню Соблы. Вывозили на лошадях, как чуть тряханет где, мы кричим, раны же не обработанные, нечем было. Только немного помазали борной кислотой, даже марганцовки не было. До этих Соблов ехали целый день, ведь только разбит путь, мы останавливаемся. В старой школе нас разместили. Жители, хоть у самих ничего не было, ведь только вышли из леса, кто буряк, кто морковку, кто кусочек сухарей, кто молока принесли, все-таки кое у кого коровы были в лесу. Тут мы уже немножко начали кушать. Пролежали, никого нет, идут бои, говорят, что Симферополь освободили, а за нами никто не приезжает, до слез обидно прямо. Я, чтобы показать, что еще жива, пела «Тройку», там еще слова такие: «Мчится тройка почтовая», песня прелесть. Я так хорошо ее пела, всегда запевала ее, раненые довольны, слушают все, это же русская песня. И все-таки в итоге прислали за нами, но вместо

того, чтобы хоть какую-то машину прислать, прислали эту «линейку», такую повозку типа длинной платформы, в которую запряжена лошадь. На нее можно только садиться, бортов нет, даже держаться не за что. Нас усадили, прилепили спиной друг к другу, чтобы мы могли хоть как-то держаться, тем более я, к примеру, лежачая, меня между ребят втиснули. До Симферополя 20 км, но дорога ужасная, мы не столько ехали, сколько стояли. Все раненые кричат, просят остановить, говорят, что мы не можем ехать дальше, упадем и будем лежать. Раны грязные, необработанные, на дороге их еще сильнее разбередили. Целый день понадобился, чтобы проехать 20 км. Как привезли в Симферополь, повезли по госпиталям, которые уже работали в городе. У меня же голова перевязанная, а рука-то до сих пор нет, я и сама не знала, что у меня такая рана. Привезли меня в черепной госпиталь, он располагался в совнаркомовском переулке, там была раньше железнодорожная больница (сейчас размещается представительство президента Украины в Крыму). Здесь я лежала, палата была полностью заполнена. Раненых в городе было очень много, все больницы, все школы переоборудованы в госпитали. Меня принесли в небольшую комнатку, там уже лежала раненая из-под Бахчисарая, у нее был позвоночник ранен, она только на животе могла лежать. Ее тоже Шура звали, она из Сибири, меня положили рядом, она так кричала, а я и так еле живая. Она все время бьет по железной кружке. К ней придут, введут морфий, тогда она молчит, а так все кричала: «Мамочка, мамочка, я так хочу с тобой увидеться, так хочу встретиться, мне так тяжело». У нее все отнялось, опухшее. И через несколько дней она умерла. Меня тем временем положили на носилки на колесиках, привезли в приемную. Снять с меня ничего не могли, разрезали на куски одежду, вшей полно, в волосах тоже одни вши. Как сняли все, волосы везде остригли наголо, белье все сожгли. Голую меня везли по коридору в операционную, но на это никто не обращал внимания, а я уже вообще ничего не соображала. И мне делали операцию 4 часа. Позже сказали, что как меня привезли на операцию, доктора говорили, что таких раненых мы еще не видели, хотя столько прошли по военной дороге. Раны все нечищеные, столько вшей, раны были забиты кусками шинели, ветоши. Это было что-то страшное, я под наркозом лежала 4 часа. Когда пришла в себя, я решила, что попала в немецкое окружение, врачи же все в белых халатах, как начала ругать их: «Ах, вы, еще вы думаете, что победите, да никогда вы не победите! Проклятые фашисты!» С ними веду вот такой разговор. После того как пришла в себя, они начали мне рассказывать: «Ой, Шура, вы знаете, как вы нас

ругали?» Я удивилась очень: «Как вас? Это же немцы были!» Они смеются: «Да нет, это мы, врачи, были, вы нас за немцев приняли». Я после наркоза, под впечатлением, что могла попасть к немцам, вот и примерещилось. Извинялась очень, расчистили мне раны. После операции четыре раза только вливали кровь какой-то женщины, видно хорошей, мне сразу стало легче. Но температура 40, и не падает, я не соображаю ничего. Поэтому меня снова взяли на операцию, раны чистить, все же грязное. Рассказывали после, что даже черви в ранах завелись. И оказывается, меня черви спасли, потому что выедали гной из ран, как выяснили врачи, когда начали их чистить. В общем, вот так вот. Потом из-под Севастополя привезли раненого командира артиллерийского полка, подполковника. У него было ранение в голову, и он ничего не мог говорить, только бил в железную кружку. К нему придут, спрашивают, что такое, а он говорить не может. Потом ему чего-то захотелось, он начертил на стене, разбирали-разбирали, решили, что это какие-то блинчики. Принесли ему блинчики, не то. Кормили его с ложечки, он ничего не говорил. Потом все-таки начал издавать какие-то звуки. Прошло около месяца моего пребывания в госпитале, нас с ним начали выносить во двор дышать. Нас на носилках носили пленные румыны, вынесут, через час заносят. И ставили меня с ним рядом, и просили: «Шура, учи его говорить, произноси названия, покажи на туфли, и скажи ему, что это туфли, пусть он твердит по нескольку раз «туфли». Пока правильно не назовет». Я с ним занималась по часу, сама еле языком ворочаю, а надо заниматься. Занималась, потом говорю: «Нет, уж больше сил нет». Он все говорил на туфли «футли», или потом, другое слово, например «ручка», он как перевернет его: «пучка». Я ему говорю: «Да не пучка, а ручка!» В общем, мучилась с ним, по часу в день занималась. Он опять начинает-начинает что-то пытаться, я уже говорю: «Завтра, завтра, я устала». Затем меня перевезли в другой госпиталь, этот уходил куда-то в Севастополь или еще куда-то. Привезли меня в Семашко, там женских палат не было, меня поселили в свободную комнату, но я еще не ходила, не вставала. Положили, а ночью привезли врача, женщину. А женщина эта сошла с ума, она такой устроила дебош в палате, кричала: «Лежи, не вставай, я тебе запрещаю подниматься, я врач. А вы в бой, идите в бой, идите в бой». Чего только не кричала, я боялась, что она может меня задушить, ведь бегала по всей комнате. Я кое-как сползла с кровати и ползком выползла в коридор, стала звать сестру, заплакала. Закричала: «Ну подойдите, я не могу дальше двигаться!» Ко мне подбежали, спрашивают, что такое, я говорю: «Вы посмотрите, невозможно, она же помешалась, что там

вытворяет, нельзя же так!» Они извинились, сказали, что не знали о таком ее состоянии. Увидели, только «о боже» выговорили и скорей закрыли ее на ключ. А меня поместили в изолятор. Потом женщину куда-то переправили, а я здесь лежала, в комнате. Пролежала месяц. Мне снова раны расчистили, наложили гипс, у меня вся грудь была в гипсе, только рука свободна. Только через два месяца сняли. Пробыла в больнице, и нас, тяжелых раненых, в августе 1944 года вывезли в Алупку, где мы лежали в Воронцовском дворце. Правда, те комнаты, где была экспозиция, куда поднимаешься со стороны львов, были закрыты, сама экспозиция была частично разграблена немцами, мы же лежали дальше, занимали весь дворец. Какие там были виноградники, столько винограда, а убирать некому, я уже была ходячая, правда, лежала на камнях в Алупке, руку солнечными лучами, ультрафиолетом прогревала, так как раны у меня не закрывались, и все, свищи и свищи в ранах, а в Алупке у меня зажили все раны. Мы ходили в виноградники, только и жили, что за счет фруктов. Как-то пошли под Ай-Петри, там были такие дамские пальчики, изабелла и мускат черный. И рядом был шалаш, видно, охраняли, но татар же выселили, никого нет. Мы заходим в дом под горой, в доме ничего нет, все вывезено. Дверь на веревочке замотана, только разбитый кувшин какой-то на полу валялся, а так больше ничего не было. При каждом доме сады, груши дюшес, инжир. Мы питались только фруктами, набираем, наедимся, в туалет и опять едим. Приходим к вечеру в госпиталь, заранее с собой берем наволочки, лежачим приносим виноград, ведь питание было плохое, только пшенный суп. А сами рано утром стали уходить под Ай-Петри, до вечера жили в шалаше, наберем винограда и вечером только спускались. Пролежала я там больше месяца, самое главное, что раны мои зажили. После Алупки нас перевели в госпиталь в Ливадию, это назывался эвакогоспиталь, то есть там выздоравливающие находились. Нас было переведено человек 5 девушек, и поселили в спальню царицы Александры Федоровны, а я же тоже Александра Федоровна, так девочки, бывало, меня разыскивая, говорили: «А где же наша царица, Александра Федоровна?» Тоже там лечились, ходили на море, правда, было трудно, госпиталь был расположен на горе, вниз кое-как проберемся, наверх еле поднимаемся. Не каждый день ходили, больше были на воздухе. Оттуда я уже выписалась 25 ноября 1944 года, дали мне шинель, вещмешок-то не нашли, шапку, сапоги кирзовые, белье, юбку, гимнастерку, все стираное, ношеное, так как все новое обмундирование на фронт направляли. Из госпиталя я вернулась в Симферополь, жить негде, наши, партизаны, уже все обстроились, имели квартиры, я жила на

квартире у знакомой, которая с нами в лесу была, но она с мужем, мне так неудобно было. Потом я пошла, мне дали татарскую квартиру на ул. Чехова в Центральном районе, напротив трамвай все ходил. В квартире было как бы две комнаты, одна как коридор, темная, вторая жилая. Ни отопления, ни воды, туалет где-то далеко на улице, вода только через дорогу, надо набирать в ведро. Зима, декабрь, холодно, я замерзаю, ребята-комсомольцы принесли со свалки поломанную кровать, установили, вместо сетки натянули веревки. Соседка дала волосяной матрац, старый, с дырками, положили на веревки его. Другая соседка дала простынь и дерюгу, укрываться. Потом комсомольцы принесли какую-то чугунку, чтобы было можно топить, знакомый партизан, работавший на дровяном складе, прислал дров. Нарубили, ребята топили чугунку. Тем временем я пошла с 1 декабря в одногодичную партийную школу, меня туда зачислили. Школа была создана на базе 9-й симферопольской школы рядом с обкомом партии (ныне переулок Аджимушкай). Я училась там год, потом пошла в горком партии, затем в райком. Дальше началась моя мирная жизнь. Но перед этим я завершила еще одно дело, связанное с войной. После своего выздоровления я каждое воскресенье ездила в Севастополь, искала могилу мужа. Одно время мы, меня сопровождал работник военкомата, долго искали, не могли найти, за 2,5 года оккупации исчезли те приметы, что мне написал из госпиталя раненный в позвоночник друг моего мужа, Герой СССР Рыжов, который лежал в Москве. Мы ездили, там должен был быть домик, куст сирени, но где тогда найдешь. Но все-таки ездили на Куликово поле, где размещался 6-й гвардейский авиаполк мужа, куда их перевели из Херсонеса. Что меня удивило, когда мы обнаружили могилу, то стоял столбик с красной звездой, и было написано имя и фамилия, когда Илья родился и погиб. Мы обнаружили так: идем по большому полю, как по пустырю, вдруг видим, столбик стоит, я сразу почувствовала, что это он, мне стало плохо, сотрудник военкомата меня поддержал. Сердце мое почувствовало, мы подошли, действительно его могила. Работник военкомата сказал: «Хорошо, что мы нашли ее, теперь давайте договоримся, на следующее воскресенье перезахоронение организуем». Дело в том, что Куликово поле планировалось под застройку многоэтажными домами, все равно надо было переносить. Я договорилась с секретарем Севастопольского горкома партии, он был у нас командиром одного из партизанских отрядов, чтобы захоронить на кладбище Коммунаров. Он помог, организовал все это дело, вырыли могилу, оркестр для торжественного перезахоронения прислали. Когда поехали вырывать могилу,

оказалось, что 2 настила камней надо было снимать, их постелили, чтобы не взорвало. Последние дни обороны были, я очень удивилась тогда, как относились к захоронению, и тут такая картина, похоронить так серьезно. Подняли большой крашеный гроб, спросили меня: «Будем ли открывать?» Я сразу сказала, что, конечно, будем, мне же интересно, что там в гробу. Там оказались только обгоревшие куски реглана, несколько косточек лежало, ни головы, ничего, и какие-то лапы от листьев, видимо были цветы или венок, уже покрылись тенью. Больше в гробу ничего не было. Они привезли новый гроб, в него останки переложили. Целый день открывали могилу, только вечером приехали в Севастополь, на кладбище Коммунаров, оркестр уже не мог дождаться, никого нет, даже тех, кто закапывать был должен, что делать. Рядом с кладбищем размещалась тюрьма, и секретарь Севастопольского горкома пошел договариваться, чтобы сюда дали свет прожектором и ребят прислали закопать, а я осталась у гроба одна. Повернули прожектор, пришли ребята, закопали. Я пошла к секретарю, ночевала у них. Так завершилась для меня война.

Сейчас я заслуженный работник культуры УССР, почетный крымчанин, награждена за боевые действия: орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, медалями «За мужество» и «За отвагу».

– Как кормили в Евпатории после начала войны? Были ли введены карточки?

– Дело в том, что у летчиков карточная система была еще до начала войны, так что принципиально ничего не изменилось. По карточкам получали мыло, продукты разные, стиральные порошки. Отрывали талончик и выдавали все это в военторге. Но с началом войны летчикам стали давать меньше, хотя нас сильно выручал шоколад, в доме у нас всегда лежало 3–4 плитки. Бывало, что я питалась одним чаем и шоколадом. Кроме того, Илья получал зарплату, я себе могла чего-нибудь купить. Сам он до войны питался на аэродроме и как-то раз попросил меня сделать творожников, вечером, когда приходил с дежурства, хотел чего-нибудь домашнего. Я пошла, взяла творог, никогда в жизни еще не готовила. Не положила туда муки, просто вбила яйца, все сырники у меня развалились, как стала жарить. Он приходит вечером с дежурства, я говорю Илье, что, видно, творог был плохой, поэтому сырники развалились. Купила сметану, развалюшки он съел, даже похвалил меня. На следующий день утром я помчалась к матери моей соседки, которая жила в Евпатории, Татьяне Евпатьевне, она была такая кулинарка, мы у

нее отмечали все рождественские праздники, Пасху, она такая добрая, такая хозяйка. Я у нее расспросила, как готовить сырники, она мне все написала, все пропорции указала. Я скорей примчалась домой, все приготовила. Илья приходит вечером, у меня на столе настоящие сырники, такие румяные. Тогда муж говорит: «Ну, сегодня настоящие сырники!» А я ему объясняю, что, мол, сегодня другой творог купила, не тот.

– Какие разговоры велись на курсах медсестер, в госпитале во время кризисных ситуаций на фронте, в период битвы под Москвой?

– Знаете, тогда никаких панических разговоров не было. Восхищались подвигами, особенно подвигом Зои Космодемьянской, он ведь прошел везде, по всей стране, а также подвигом 28 панфиловцев под Москвой. Мы наизусть знали слова Клочкова: «Велика Россия, но отступать некуда, за нами Москва». Прямо переживали за Москву. И когда поползли слухи, что Сталина нет в Москве, что его видели в Куйбышеве, никто не поверил. А когда парад состоялся 7 ноября, вообще все плакали и радовались, что все-таки мы живем, мы воюем. Когда началось контрнаступление под Москвой, я так переживала, плакала, ведь рядом моя родина, г. Белый был оккупирован, отец плохо видел, поэтому его в армию не взяли, и с приближением немцев он ушел в партизаны в лес. Тетка, председатель колхоза, тоже ушла в партизаны. Все понимали, что если немец возьмет Москву, то нам трудно будет потом воевать. Москва была для нас самым главным центром Родины.

– Как боролись со вшами у раненых в госпитале на ст. Елань?

– Камер жарочных у нас не было, мы делали дезинфекцию в специальных баках, где все обрабатывалось. Снимали всю одежду, переодевали, хоть в старое, ношеное, но чистое. Тем временем обрабатывали одежду раненого и снова его переодевали в уже обработанное белье.

– С перевязочным материалом, лекарствами перебоев не было?

– Ни с чем, ни с бинтами, ни с лекарствами. Под Сталинградом все было, отказов не было. Раны обрабатывали в основном борной кислотой, много использовали йода. Для инъекций обязательно использовался новокаин. Сульфидин выдавали для тяжелых раненых.

– Были ли в вашем госпитале не раненые, а заболевшие солдаты?

– А как же, были. Очень много с психическими расстройствами, потому что находились в бою под страшным напором. Лечили их успокаивающими лекарствами, подкрепляли питанием хорошим, беседы вели, были специальные врачи-психологи. И ничего, знаете, успокаивались многие.

– Какие-то смены в госпитале соблюдались?

– Работали много, в тяжелый период так и жили при госпитале. Отдохнул, снова на работу. Очень много раненых, потоки нескончаемые.

– Как кормили в госпитале?

– Питания нормального не было. Что раненые, что мы ели одно – давали суп какой-то пшенный или пшенную же кашу, заправленную постным маслом. После войны я не могла на пшенку смотреть. Мяса почти не было, только изредка какую-то тушу завезут.

– Было ли в партизанском отряде заранее известно перед прочесом леса о том, что прибудут немцы?

– Конечно, мы всегда заранее знали, тем более что везде заставы были, наблюдали, когда немцы шевелиться начинают. И местные жители предупреждали нас, кто еще мог в лес пробраться.

– Как после боя определялось число уничтоженного противника?

– Приблизительно, так как немцы всегда старались забирать с собой не только раненых, но и убитых. Хоронили они своих убитых на специальном кладбище в Бахчисарае.

– Как поступали с пленными немцами?

– Их сразу отправляли в особый отдел, мы с ними не общались. Часть сразу переправляли на Большую землю, ценных «языков».

– Сталкивались ли с власовцами?

– Конечно, в Крыму же находились грузинские батальоны из РОА. Немцы начали формировать эти соединения из грузин, взятых в плен под Севастополем после падения города. Но многие из этих «власовцев» бежали к партизанам, бродили по лесу, пока не находили партизан. И хорошо сражались с немцами. У нас, в

южном соединении, даже два отряда возглавляли грузины, в этих отрядах было много грузин, 2-й партизанский отряд возглавил майор Петр Гвалия, в 11-м командиром был Чхаидзе Иосиф. И Гвалия, и Чхаидзе были бывшими командирами Красной Армии, поэтому они знали военное дело. И перед боем 8 апреля к нам перешли трое грузин из вспомогательных батальонов, хотя партизан окружили, и мы вынуждены были отступать, а они все равно перешли на нашу сторону. Наш особист Леня Передерий со мной посоветоваться решил: «Шура, что будем с ними делать?» Проверить же невозможно, с какой целью они пришли, я предложила: «Жаль их расстреливать, молодые ребята, красивые. Ну не расстреливай их, очень тебя прошу». Он не расстрелял.

– Как у вас складывались отношения с особистом?

– Ну что вы, Леня был исключительный человек. Подлостей не делал, зато он выявлял провокаторов, шпионов, которые часто приходили в лес под видом заготовки дров или приходили в партизанский отряд вместе с населением, прятавшимся в лесах. Что уж скрывать, шпионы были.

– Выделялись ли румыны по сравнению с немцами как не сильные вояки?

– Вы знаете, они одинаково воевали. Немцы иногда на тяжелых участках специально использовали румын, где ожидались большие потери. Но румыны шли в бой четко.

– Какое было отношение к бывшим военнопленным в партизанских отрядах?

– Очень хорошее, никакого презрения к ним не было. Наоборот, наши подпольщики помогли освободить многих военнопленных, переправляли их в лес, одного даже спрятали в поселке Бешуй, жители прятали, но немцы нашли и убили его. Вообще бывшие военнопленные были на хорошем счету, ведь они воевать умели.

– Как мылись, стирались в партизанском отряде?

– Все во вшах, когда ребята бросали свои фуфайки в костер, все трещало, как будто пулеметная очередь, «дыр-дыр-дыр», так вши сгорали. А так какая стирка, разве что в речке, но вода-то холодная. А так у нас был заместитель командира бригады по хозяйственной части, он в землянке какой-то сделал помещение специальное, и там немножко отапливали, грели воду, и мы немного обмывались, волосы мыли, но вшей было полно, не вымоешь. Но когда бои, какое обмывание, поэтому и вшей было

много, особенно тяжело было женщинам, мы в критические дни листья использовали, бинты были редкостью, их берегли для ран. Иногда рубашку рвали и закладывали, но в основном листья заворачивали.

– Как кормили в партизанском отряде?

– Ели в основном конину, один раз пригнали 20 лошадей, тогда мы жили все. Но в мое время еще ничего, а вначале в крымских отрядах был страшный голод, от него умирали, базы же были разграблены в самом начале оккупации. Знали, видимо, где что находится, и наши беспечные были, маскировали плохо, не соблюдали никакой конспирации. Тогда даже постолы и кору деревьев ели. Все, что можно было с дерева снимать, съедалось, только потом начали сбрасывать с самолетов в 1942 году кое-какие припасы. Но у нас была основным блюдом конина, что-то из нее делали, котлеты, например. Я не могла ее есть, мне после конины было так плохо, я старалась хоть как-то обходиться. Если только какой-то суп сделают неизвестно из чего. Я его поем, еще дадут кусочек хлеба.

– Как хоронили убитых партизан?

– У нас, я помню, в первом бою в феврале убило минометчика Колю Артемова, комсомольца. Немцы оставались недалеко, они своих убитых забирали, а мы своего хоронили. У нас в том бою только Коля погиб, вырыли могилу, сделали три раза стрельбу, все как положено, похоронили, но гроба не было, просто завернули в парашютную гондолу, они у нас оставались после сбрасывания снаряжения и продуктов с самолетов. Все выступали, в том числе и я. Было торжественно, всегда старались так хоронить.

– Молились ли в партизанских отрядах?

– Нет, такого не было, мы атеисты все были. Только когда я раненая лежала, я вам рассказывала, как я молилась о том, чтобы дожить до победы, один раз.

– Как вы бы оценили роль партизанских отрядов в освобождении Крыма?

– Вы знаете, нашей Красной Армии очень сильно помогала прежде всего партизанская разведка, очень много именно она давала данных. У нас же агенты были даже в штабе румынского горно-стрелкового корпуса, был такой Михайлэску, потом после войны он часто приезжал к нам на маевки в Крым. Он перед наступлением наших войск дал партизанам карту расположения

всех воинских частей фашистов в Крыму, где также было отмечено расположение их укреплений. Дал точное количество войск, это была такая незаменимая карта, что когда ее переправили в штаб 4-го Украинского фронта, все было как на ладони. И это помогло освободить быстро Крым. В целом партизанские разведданные были самыми надежными. Кроме того, хочу отметить, что у партизан было такое оружие, на которое Гитлер не рассчитывал, и потому он глубоко просчитался. Таким оружием была неиссякаемая любовь к нашей Родине, лютая ненависть к врагу, так ненавидели всех фашистов, и дружба народов, ведь в лесу было 34 национальности, русские, украинцы, евреи, татары, армяне, грузины, испанцы, итальянцы, каких только национальностей не было. И особенно была важна твердая уверенность в Победе, такая вера была, даже в первый период войны, когда наши отступали, все равно все верили, что победим. Тем более что я как политработник, пропагандист, все это видела.

– Были ли в отрядах противоречия на национальной почве?

– Даже не знали, кто какой национальности, даже не задумывались об этом. Никто этим не интересовался.

– Как кормили в госпиталях в Крыму?

– В госпиталях кормили очень плохо, пшенка одна. Из нее суп, каша, смазанная постным маслом, чай, и больше ничего. Такое питание было, но мне ребята из обкома комсомола приносили американскую тушенку, там был тогда секретарем Авдеенко Николай, тоже в лесу партизанил, он всегда шефствовал над ранеными комсомольцами. Такие отличные банки, сверху так много топленого свиного сала. Я очень его любила, на хлеб намажу и съедаю. И такое мясо было, чудесное, что одной банки мне хватало почти на неделю. Сам Авдеенко в госпиталь приходил, а за мной еще были закреплены девочки-комсомолки. Одна крымская татарка, перед тем как выселили их, приходила и так читала мне «Бахчисарайский фонтан» Пушкина! У меня температура, я как во сне, а она мне читает «Бахчисарайский фонтан». Я слушала с удовольствием, но говорить ничего не могла.

– Как вы встретили 9 Мая 1945 года?

– Вы не представляете, во-первых, у меня в доме был портрет Сталина. Когда по радио объявили, что наши солдаты взяли Берлин и установили красный флаг на рейхстаге, я взяла портрет Сталина, вышла на улицу, там все военные стреляют в воздух,

ракеты пускают, настоящие фейерверки получались. Все горело, город весь освещался, было светло как днем, мы стоим с портретом Сталина, кричим: «Ура Сталину! Ура Красной Армии! Ура партизанам!» Кричали кто во что горазд. Так народ ликовал, такая радость была. На 9 мая вообще весь народ вышел, старики подняться не могли, и то выползли. Все на митинги, вот так в Симферополе встречали День Победы!

Долматов Владимир Адольфович

– В октябре 1941-го я попал в Московское ополчение. Я учился в восьмом классе и жил на Арбате. В один из дней всю нашу школу согнали на Потылиху, что возле Мосфильмовской улицы, во двор средней школы. Дали нам охотничьи ружья по

одному на 5 человек, дали малокалиберные винтовки – тоже на пять человек одну – и еще дали пять сабель. Все! Формы никакой не было – кто в чем пришел, в том и пошел воевать. Командиром нашего подразделения был наш преподаватель по литературе – красивый мужик, добрый.

Отправили нас по Можайскому шоссе за Жуковку, к которой уже подходили немцы. Это примерно километрах в 15 от Москвы. Мы там расположились в лесу, в 2–3 километрах от шоссе. Вдруг услышали гул танков. Послали разведчиков. Когда они вернулись, стало ясно, что немцы прошли на танках мимо нас и остановились, а их подразделения оцепляют близлежащие деревни. Командир вызывает меня и говорит: «Володя, тебе надо прорваться в Москву и сообщить, что мы в окружении и что сопротивляться мы не можем, поскольку оружия у нас нет. Бери мотоцикл и дуй в наш военкомат». У нас был мотоцикл «Красный Октябрь», и я был единственным в школе, кто умел на нем ездить.

Оказалось, что деревню, через которую мне надо было проехать, уже заняли немцы. И вот я еду и вижу – стоит группа немцев, человек 5–6, о чем-то говорят. Останавливаться уже поздно, и я, прямо как завороженный, еду на них. Они повернули головы, посмотрели на меня, но не среагировали. Потом кто-то чего-то крикнул, я страшно перепугался, дал по газам и стал вилять на мотоцикле. Они пустили очередь, но не попали. Вылетаю из этой деревни в лес – и сразу в дерево. И когда я шлепнулся об это дерево, вилка у мотоцикла согнулась, и я пешком пошел в Москву. Пришел в военкомат уже ночью.

– Я из ополчения. Наши окружены. Сопротивляться нам нечем, – говорю я.

– Ты откуда сам? – говорят мне.

– С Арбатской площади.

– А родители где?

– Там.

– Ну, иди домой.

Все. Я пошел домой. Мама обрадовалась, что сын живой вернулся. Короче, из этого ополчения никто не вернулся! Всех перебили!

Мой отец работал юрисконсультом на заводе «Медхимпром», а поскольку школа закрылась, то он меня устроил работать на свой завод, который ко всему еще имел сеть мастерских металлоремонта по всей Москве. Направили меня работать в мастерскую на Красную Пресню учеником слесаря. Поработал я там недели две, и директор этой мастерской сказал: «Знаете что, этот мальчишка все умеет делать. Дайте ему мастерскую – он сам будет руководить». И мне дали освободившееся помещение на

улице Воровского, в котором до этого располагалась велосипедная мастерская от какой-то другой организации. Мы расположились на первом этаже, поскольку подвал мастерской был затоплен. Я собрал мальчишек со своего дома: одному было 12, другому – 14, и мне 17, и мы втроем стали работать в этой мастерской.

Однажды, как в сказке про золотую рыбку, мы закинули в затопленный подвал удочку, поскольку невода у нас не было, и вытащили связку велосипедных втулок. Еще раз – вытаскиваем связку колес. Я нашел машину с насосом, откачали воду, и оказалось, что подвал завален велосипедными запчастями – рамы, вилки, колеса, цепи. А поскольку мы не принимали их на баланс, то все это добро было неучтенное. Мы наладили обмен с другими мастерскими и стали собирать велосипеды. Собрали сначала себе, потом начали продавать на рынке в Малаховке. Но нам же надо ремонтировать утюги, велосипеды, машинки и отчитываться за работу! Так вот часть денег от продажи велосипедов мы вкладывали в кассу мастерской, а на квитанции писали: «Отремонтирован утюг», «Отремонтирован чайник» и т. д. И каждый месяц мы выполняли план на 115 %. Вызывают моего отца и говорят: «Слушай, у тебя сын просто гений. У нас ни одна мастерская плана не выполняет, а он 115 % дает. Надо его премировать». Нас премировали.

Одновременно с работой в мастерской я учился в автошколе и, получив права, пошел работать водителем в 1-й автокомбинат, куда меня опять же устроил папаша. Это уже было зимой 1941-го. Работал я с 8 утра и до 12 ночи. Мы с напарником возили из Красной Пахры, а это 50 километров от Москвы, двухметровые бревна. Не просто возили, а сначала валили деревья, очищали от сучьев, пилили, потом грузили и везли. В день мы делали две ездки – 8 кубов леса. Представляешь? И вот я приезжаю в 12 часов ночи на базу, и мне говорят:

– Володя, надо главному бухгалтеру отвезти в Хотьково (50 километров от Москвы) дрова. Он замерзает.

– Я не могу ехать. Я сегодня две ездки сделал. Я устал! Не могу!

– Люди кровь на фронте проливают, а ты в тылу сидишь! Устал! Там умирают люди, а ты устал! – взбеленился начальник.

Он звонит моему отцу. Я говорю:

– Пап, я не могу туда ехать.

– Понимаешь – холодно. Он может замерзнуть. Отвези ему, я тебя очень прошу, – говорит он.

Я поехал. Отвез дрова. И когда я ехал обратно, у Рижского вокзала разворачивался троллейбус с выключенными в целях

маскировки фарами. Я врезаюсь ему в бок. Отскакивает моя машина, я в шоке выскакиваю, хватаю заводную ручку, куда-то ее засовываю – там уже все разбито, радиатор течет. Начинаю ее крутить. Мент хватает меня за шиворот: «Чего ты там суешь? У тебя машина все – готова!» Я прихожу в себя. Он говорит: «Иди вызывай техничку». Я иду звоню и говорю, что стою у Савеловского вокзала. Перепутал. И вот я сижу, жду – час, два, три. Холодно. Машины все нет и нет. Я останавливаю проходящую мимо машину: «Слушай, до Арбатской площади довезешь?» – «А я как раз туда еду». Приехал домой. Отец в панике – пропал сын. Тут я вспоминаю, что не то сказал, когда звонил на базу. Звоню – они меня матом. Утром просыпаюсь. Беру велосипед. Приезжаю к вокзалу – нет машины. Приезжаю на базу, спрашиваю:

– Где моя машина?

– Какая машина?

– Моя машина.

– Нет твоей машины. Ты где был?

– Дома.

– А машина где?

– Стоит у вокзала.

– Нет там твоей машины.

Выяснилось, что они меня разыграли и пригнали машину на буксире. Короче говоря, отправили меня за это слесарем в моторный цех собирать моторы. Потом приходит военком и говорит, что ему нужно отремонтировать 5 трофейных мотоциклов. Ему отвечают, что мы не делаем такие вещи, но есть у нас Володька, который мотоциклами занимался. Вызывают меня:

– Ты можешь мотоцикл отремонтировать?

– Могу.

– Ну, бери 5 мотоциклов и ремонтируй.

– Хорошо, – говорю я и иду к военкому.

– Если я вам эти мотоциклы отремонтирую, вы меня на фронт пошлете?

– Зачем тебе на фронт?! Тебе что? Плохо? У тебя же бронь?!

– Не хочу я этой брони! Надоело! Хочу на фронт!

– Вопросов нет: делай мотоциклы и пойдешь на фронт.

Я делаю эти мотоциклы. Он мне дает повестку. Прихожу домой:

– Папа, мама, я уезжаю.

– Куда уезжаешь?

– Меня в армию забирают, на фронт еду.

– Какой фронт?! Ты сума сошел, идиот!

Начинается домашний скандал, но деваться некуда – повестка на руках. Я, конечно, говорю, что меня призвали за то, что машину разбил, а не сам попросился.

Меня послали инструктором в учебный автополк в Нижний Новгород. Полк этот располагался прямо напротив завода «ГАЗ». Проходит какое-то время. Отец получает задание и едет защищать кого-то в Нижний Новгород, а с собой берет чемодан, полный водки, и приходит в нашу часть. Поставил командиру бутылку. Тот говорит: «Все. Сейчас вашего сына найдем». Я прихожу. Папаша обнимает меня, дает гостинцы: пирожные, конфеты и чемодан и шепчет мне на ухо: «Это водка». Я беру этот чемодан и ухожу. Отец ушел, сказав, что придет на следующий день. Я к старшине. Говорю:

– Отец мне целый чемодан водки привез.

– Да ты что, серьезно? Давай выпьем! Пошли в учебный класс!

Вот мы туда пришли. А там такие стеллажи были примерно метр глубиной, в которые складывали учебные пособия. Мы туда залезли, налили каждому в котелок по литру водки, залпом выпили и отключились. Просыпаемся – идут занятия. Мы лежим. Один класс уходит, другой приходит. Вот мы до вечера там и сидели, но с перепугу больше не пили. Вечером вылезаем, и я иду к себе. Положил под нары чемодан и пошел к командиру части. Он:

– Ты где был? Тебя на поверке не было!

– В части.

– Как в части?!

– Я выпил и заснул.

– И что? Два дня спал?

– Я не знаю.

– Отец твой в панике! Он завтра придет.

Отец приехал и меня отчитал.

Однажды весной или в начале лета нас перебросили в Городец, что под Горьким, – ожидали налетов немецкой авиации. Командир части вызвал несколько человек, в том числе и меня, и приказал поехать в Горький, забрать оставшееся барахло. Приезжаем, а от нашей части ничего не осталось – одни воронки и ползавода разрушено.

В середине 1943 года из нашей части сформировали отдельный автомобильный батальон химзащиты и отправили на 1-й Украинский фронт. Приехали мы в Киев, а там полная разруха. Дома без окон, крыши все обрушены, и через них небо видно, трамваи перевернуты. А шоферня, мальчишки, останавливают машину, достают карабин и по лампочкам: «Пум!»

– поехал дальше. У меня лишних патронов не было, поэтому я не стрелял по лампочкам, но мне очень хотелось.

Нашей задачей было создать ложные переправы на Днепре и ставить дымовые завесы, для чего на полуторке стояла бочка с газом. Мы нарисовали на щитах Киево-Печерскую лавру и положили на землю, дым пускали. Пару раз нас немцы побомбили и все. Часть солдат жила на берегу, а часть на островах, так вот они построили там свинарник и птицеферму. Командир части приехал, как начал орать: «Устроили тут, понимаешь! Немедленно все убрать!» Ну, они, конечно, возмущались, но делать нечего – убрали. Тогда они приспособились рыбу ловить. Лодок у нас не было, а были пластмассовые волокуши, на которые зимой ставили пулемет и за танком тащили. Размером они метра два в длину, метр в ширину и сантиметров 40 в высоту. Так вот ребята заплывали и глушили рыбу толовыми шашками. Кидали шашку вниз по течению, так чтобы успеть приплыть к месту взрыва и собрать рыбу. Не рассчитав дистанцию, перевернутые взрывной волной, 2 или 3 человека утонуло. Естественно, это было запрещено. Вообще наш командир дурной был. Начитался всяких книжек про войну и давай нас гонять! Даже заставлял нас клуб строить, когда понятно было, что скоро нас перебросят.

И вдруг к нам в часть приходят водители из запасного полка, которые до этого были в авиационных частях. А где начинается авиация, там кончается дисциплина. Там шофер сам себе хозяин. Его никто не гоняет. Вот они говорят: «Да мы здесь не собираемся служить! Командир – идиот! Да пошел он к черту! Мы линяем!» И они бегут. Командир поднимает такой кипиш! Ставит на ноги весь Киев. Их ловят и после суда отправляют в штрафбат. Но они зародили в нас тайную мечту убежать, которую я не стал откладывать, а воплотил в жизнь. Я понял, что просто так бежать нельзя – поймают. Я пришел на вокзал в комендатуру к старшине и говорю: «Старшина, у нас командир части – козел. Я хочу удрать, но я не хочу, чтобы меня поймали. Поэтому мы с тобой заключим договор. Ты меня отправишь на фронт, но нигде не зафиксируешь, что я уехал, а я тебе ставлю бутылку «Тархуна» и блок папирос «Казбек». Он говорит: «Годится. У меня отправка бывает по таким-то дням. Ты должен подгадать, чтобы в этот день ты пошел в караул. Если у тебя будет 8 часов в запасе – считай 100 %, что я тебя отправлю». Мне тогда приходили из дома посылки. У меня была старая квитанция, на которой я подделал число. Пошел в караул к начальнику, показал квитанцию и попросил увольнительную в город. Он согласился. А после меня должен был заступать еще один москвич, Леша Ростунов, который

был совершенно глухим. Я ему на бумажке написал: «Леш, я хочу удрать. Поэтому отстой за меня вторую смену». Он: «Ты с ума сошел! Поймают!» Я ему: «Ты не уходи, просто постой на посту, и они не спохватятся». А с него спрос какой – он же глухой. Он вылупит глаза вот так и будет стоять. Беру увольнительную, прихожу в комендатуру на станцию. Ставлю бутылку «Тархуна» и папиросы. Беру свою красноармейскую книжку и вместо фамилии Капелеович пишу Копылов, а вместо Адольфович – Ануфриевич. (Надо сказать, что отчество доставляло мне массу неприятностей и обращение типа: «Эй! Гитлер! Иди сюда!» было в порядке вещей среди моих сослуживцев.) Старшина отправляет меня с этими документами на 1-й Украинский фронт.

Так я попал в отдельный автобатальон по перевозке пленных, находившийся в подчинении НКВД. Командир нашей части был бывшим терским казаком. Ему эти автомобили были совершенно до фени. Ему бы коня хорошего, да венгерку, да саблю. Дело происходило уже километрах в ста от Кракова.

Я когда за пленными ездил, то проезжал ветеринарный госпиталь. Как-то разговорились с тамошними врачами. Говорят:

– Охота тут должна быть мировая, да стрелять нам нечем! Патронов бы нам да винтовку с оптическим прицелом. Можешь достать?

– Вопросов нет, а мне конь нужен хороший.

– По рукам: оружие привезешь – будет конь.

Рядом с нашей частью стоял полевой артиллерийский завод, занимавшийся ремонтом всего оружия от пушек до пистолетов. Я пошел туда. Караульный кричит:

– Стой! Кто идет?

– Ребята, вы чего?! Я вам отдавал пристреливать автоматы, – говорю я.

– А где бумага?

Меня завернули. Я прихожу в часть и капитану говорю:

– Будет вам конь, но нужна бумажка о том, что мне нужно пристрелять три карабина «СВТ» с оптическим прицелом.

– Ты с ума сошел!

– Почему с ума сошел? Там вдоль дороги ящики с комплектующими к любому оружию лежат, и никто их не охраняет. Я соберу винтовку.

Он дает мне бумажку, и я иду по железнодорожной ветке, ведущей через лес к мастерским. На рельсах стоит платформа, на ней солдаты с гармошкой поют, веселятся. И один пацан, на вид лет 10, упер автомат в живот и по верхушкам деревьев ды-ды-ды-ды-ды-ды. Срезает ветки. Я подхожу – в ящике лежит оружие, по-моему, итальянский автомат. Магазин к нему сбоку вставляется.

Ложе длинное деревянное. Вот если б его отломать, то как «маузер» получится. Мне бы такой пистолет! Я ложем об рельсы бум! Не ломается. Еще раз – бум. А те на платформе ржут. Я говорю: «Чего ржете-то?!» А ты поверни свою голову, дурак, и посмотри! А там штуки три таких автомата лежат с разбитым ложем, а в ложе пружина. Я пошел дальше. Нашел винтовки, собрал их. Пришел в их тир для пристрелки винтовок, там мне их пристреляли. Патронов набрал – еле ноги волочу! Пришел в часть. Командир говорит: «Ну, ты жулик!» Я ему говорю: «Дайте мне еще бумажку, а то у нас одни карабины, заменим-ка их на «ППШ». Дал бумажку, и я собрал еще и три «ППШ». Рожков набрал. А когда принес я эти винтовки, тут же ребята пристали – дай пострелять, дай пострелять. Я дал одному, а он и еще один малый пошли на поле, где бомба лежала неразорвавшаяся, и давай в головку стрелять. Рвануло так, что ничего от них не нашли. Командир говорит: «Володя, все с этими винтовками». Я говорю: «Сейчас поеду за пленными и обменяю их на коня». И тут как раз наши войска пошли на Краков и – приказ ехать за пленными. Я, лейтенант Сидоров и еще двое конвойных и едем. Лейтенант говорит: «Не надо сейчас ехать за кобылой, давай потом». Я согласился. Заехали мы в город Гжешув и пошли в кафе покушать сдобных булочек. Ты не представляешь – война, жрать нечего, а в Польше есть все что хочешь! Садимся. Подходит пан:

– Пан солдат, вы же на машине. Мне бы дровишек привезти. Я бы вам и водки, и сигарет, и еды дал.

– А где мы их возьмем?

– В лесу. Я вам дам пилу и топор. Напилите.

Я лейтенанту говорю:

– Давай пленных возьмем, а на обратном пути напилим дров и привезем.

– Давай.

Берем пилу, топор и едем за пленными. Приезжаем в часть, которая только что освободила какой-то городишко. Там нам дали человек 15 пленных. Сажаем их в машину и поехали. Доехали до леса. Я говорю:

– Пора пилить.

И конвойным:

– Давайте немцев с машины.

Как они перепугались:

– Ааа! Комрад! Комрад! Нихт шиссен!

– Слезай! – Я им командую. – Стройся! – И веду в лес.

Кто орет, кто плачет, кто просто идет опущенный. Мне лейтенант говорит:

– Ты им объясни, что работать.

– Комрад, арбайтен! – Показываю на пилу.

Они обрадовались. Напилили быстро машину дров. Приехали к поляку. Он нам дал ящик водки, метра два колбасы и коробку сигарет. Я обалдел! Я немцам – водку, сигарет, еды. Проехали километров 5 – стучат по крыше: «Комрад арбайтен!» Я говорю: «У меня ни пилы, ни топора!» Доезжаем до следующего кафе. Я – к директору:

– Дрова нужны?

– Нужны.

– Пилу давай!

Поехали. В общем, в часть мы вернулись дня через три. Мне от комбата нагоняй:

– Где ты был?! Сволочь! Под трибунал пойдешь!

Я приношу ему ящик с водкой, сигаретами и колбасой. Он:

– Ты что, с ума сошел?! Ты где все это взял?! Украл?!

– Зачем украл – заработал! Дрова пилили.

Потом я поехал в госпиталь, отдал винтовки, привез командиру лошадь и саблю. Сшили ему венгерку, папаху. Сел на коня командир автомобильного батальона и объезжал свое хозяйство верхом: «Ну как, ребята, готовы? Готовы? Быстро собирайтесь за пленными!»

Это я тебе один такой случай рассказал, а потом я заготовку дров в практику ввел, и когда приезжал в лагерь для военнопленных, немцы при виде меня кричали: «Комрад! Комрад!» Мне конвойные говорят: «Чего это немцы тебя приветствуют? С какой стати?! Что у тебя за отношения с ними?» Я говорю: «Ну, водки и сигарет им дал». Вот. А с охотой у меня ничего не вышло – я стрелял по зайцам, по косулям, но никого я не убивал. А один раз за зайцем с «ППШ» бегал. Так пока магазин не опустошил – не успокоился, но попасть не смог.

Как-то поехал я за пленными, и поляки направили меня по заминированной дороге. Бежит навстречу сапер, машет миноискателем и матом меня кроет. Я останавливаюсь:

– Ты куда едешь! Там же знак висит, что дорога заминирована!

– Нет там знака.

– Давай разворачивайся.

Я стою на обочине, а за кюветом – этот минер. Я беру еще правее и попадаю прямо на мину. Взрыв. От этого минера ничего не осталось, а мы все контуженные. Наше счастье, что машина ехала медленно и мина взорвалась под двигателем. Я был весь в мелких осколках – в руке и в животе. Я их отверткой выковырял. Привезли нас в часть, и там мне все забинтовали. Так я в госпиталь не обращался. Живот прошел, а рука начала опухать и

краснеть. Меня направили в госпиталь, где я провел неделю. Поскольку я служил в войсках НКВД, то после госпиталя меня направили не в запасной полк, как всех, а дали документы, в которых были указаны только номера госпиталя и части, и отпустили. Такие документы, пока они не отмечены, позволяли спокойно перемещаться по стране, и я решил поехать в Москву.

В госпиталь регулярно прилетали летчики и увозили раненых в тыл. Я говорю: «Ребят, а как бы мне с вами в Киев попасть? Подбросьте меня?» – «Хорошо». На У-2 меня кладут в плетеную люльку, которая крепилась на крыле. Застегивают и везут в Киев. В Киеве меня высаживают. Я иду на рынок, покупаю железку и плоскогубцы и делаю ключ от вагонов. Иду на вокзал. Но на вокзале не могу залезть в вагон, потому что проводники запирают двери не только на ключ, но и на палку, и я еду очень долго на подножке. Бегу к машинисту и прошу довезти меня. Он говорит: «Кидай мне уголь». Нет вопросов. Довез он меня до станции, где уже поезда на Москву идут. Там залез в вагон, забрался под нары. И доехал до «Москвы -2». Мне нельзя было попадаться на глаза патрулям, поскольку они поставят мне штамп, а в Москве у меня должны быть чистые документы. Там я на ходу поезда спрыгиваю, снимаю звездочку и погоны – пытаюсь сделать из себя штатского. Дурак! Полный дурак! Все равно ведь в шинели! Сажусь в троллейбус и еду на Арбатскую площадь. Там по стеночке, по стеночке и домой. Отец как увидел меня:

– Ты откуда, сукин сын?!

Я все рассказал.

– Да кто ты вообще такой?! Ты не мой сын! Ты какой-то Копылов Ануфриевич. Ты чего приперся ко мне? Иди к своему Ануфриевичу!

– Пап…

– Какой я тебе папа, ты мне чужой! Ты – дурак! Ты соображаешь, что ты сделал! А ну давай на вокзал и в часть!

Меня мать проводила опять в район «Москвы-2». Там я запрыгиваю на подножку – дверь закрыта. А это декабрь месяц 1944 года. Холод зверский. И вот я на этой подножке еду почти до Коломны. Замерз совершенно. На остановке под Коломной залез в вагон, в котором ехал старшина-танкист. Он говорит:

– Ты откуда?

– Из госпиталя. А ты?

– Да я от эшелона отстал.

– От какого эшелона?

– Да вот идут эшелоны с Урала с танками, я и отстал.

– И что теперь?

– А сейчас доедем до Коломны, а там я в комендатуру пойду,

и меня опять на Урал за танком отправят. Мне хватит, я повоевал. Вот у меня два ордена Красной Звезды есть.

– Да тебя поймают – и в штрафной.

– Да, я же не бегаю, просто от эшелона отстал и в комендатуру сам иду. А потом еще раз отстану.

Я рассказал, что я шофер. Он говорит:

– Хочешь со мной на пересыльный пойти?

– Давай, – говорю.

Вот мы пришли в комендатуру, и нас отправили на пересыльный пункт. Вдруг днем он пропал. Нет его! Утром приходят покупатели – нужен водитель. Я иду и обнаруживаю, что прав у меня нет. Украл этот танкист у меня права! Я говорю: «Нет прав». Мне отвечают, что раз нет прав – ничего сделать не можем. Я начинаю писать, что могу быть автослесарем, жестянщиком, плотником. Тут приходит покупатель набирать людей в Чкаловск, что недалеко от Москвы, в школу портных и сапожников.

– Я портной.

– Что ты умеешь шить?

– Я все умею шить.

Посылают меня в Чкаловск. Там мандатная комиссия проверяет, что ты умеешь. Сидит портной в чине генерала и требует заправить иголку, шить, обметывать.

Я сразу в цех и говорю ребятам-портным: «Ребята, я хочу, чтобы меня к вам взяли. Покажите, как шьют, как иголку вставляют». Ну, показали, на какой палец наперсток надеть, как заправлять. Отработал я стандартные движения и прошел тест. После него подхожу к генералу, говорю:

– Я сам москвич, хотел бы с родными повидаться.

– Ну, так сразу!

– Так четыре года не виделся, – говорю я.

Дал он мне увольнительную. И 25 декабря я приехал в Москву.

Отец:

– Опять появился хулиган!

– Я теперь портной, – говорю я.

– Нет, ты расскажи генералу все как есть, что права у тебя украли. Он должен понять.

Я возвращаюсь и говорю генералу:

– Товарищ генерал, я вас обманул, я не портной, а водитель, но права у меня украли. Я хотел в Москву к родным, вот и вызвался.

– Водитель мне не нужен. Я могу отправить тебя обратно на пересылку.

Дает мне направление на пересыльный пункт, где написано: «Водитель с утерянными правами». Я прихожу к начальнику пересылки. Он говорит:

– Раз прав нет, то ты и не водитель.

– Я могу дубликат получить, – говорю я.

– А дубликат – это не мое дело. Нет прав – будешь служить в другой части.

Тут приходит старший лейтенант, и я слышу за фанерной перегородкой его разговор с начальником пересылки:

– Мне нужен водитель для генерала, – говорит лейтенант.

– Сейчас вышел приказ Сталина, что всех водителей направлять на восстановление Сталинграда. Вот у вас есть в частях водители, их и берите.

Когда лейтенант вышел, я – к нему:

– Товарищ старший лейтенант, я – водитель. Права у меня украли, и поэтому я записан как плотник или слесарь. Если вы меня возьмете, то я тут же получу дубликат прав.

– А как я тебя возьму? Разнарядки же на плотников у меня нет. Подожди меня три дня, я сделаю разнарядку на слесаря.

Вот. Идет покупка. Всех покупают. Требуется плотник для милиции. Я говорю:

– Не пойду!

– Как не пойдешь? Тогда тебя под трибунал. Иди собирайся.

Я под нары залез в самый конец и лежу молча.

– Копылов! Копылов! – Бегают, кричат.

– Где эта сволочь?!

– Сбежал!

На вечерней поверке я стою как ни в чем не бывало.

– Где был?

– Спал.

– Где спал?

– На нарах.

На второй день тоже залез куда-то. На третий день приходит этот лейтенант. Выходит сам начальник пересыльного пункта:

– Копылов – тебя ст. лейтенант ищет. Водитель требуется.

Я вылезаю из-под нар на карачках.

– Ах ты, сукин сын! Ох, хитрый! – смеется.

Поехали. Приходим.

– Вот, товарищ генерал. Надо ему бумажку дать, чтобы он удостоверение водительское получил, – говорит лейтенант.

– Товарищ генерал, маленькая заминочка тут произошла. У меня фамилия неправильно написана и отчество, – говорю я.

– Как это неправильно?

– В госпитале перепутали, а я и не заметил, а когда

спохватился – уже поздно было. Я не Копылов, а Копылович, и не Владимир Ануфриевич, а Владимир Адольфович.

В нашей части помпотехом был капитан Миртов. Очень хороший, сугубо штатский человек. На этой фотографии мы сняты во время одной из наших командировок в Москву в 1943 году

Он берет мою книжку, зачеркивает фамилию и пишет: Копылович Владимир Адольфович. На самом деле я был Капелеович, но это уже было бы слишком, а так Копылович, тем более у моего отца все братья носили разные фамилии: Капельович, Капельнович, Капелевич. Короче, все мне поправили, дали «Форд-6», и так я возил главного инспектора формирования и инспектирования Красной Армии, Героя Советского Союза генерал-майора Слица до самой его трагической гибели в 1945 году. А теперь я мучаюсь – не могу получить удостоверение участника войны. Я послал в госпиталь запрос на имя Копылова Владимира Ануфриевича. Получил я бумажку, где мое ранение было записано как «чириак».

Осипов Владимир Сергеевич

– Я родился 1 июня 1922 года в городе Юрьевце Ивановской области. Я, как и многие ребята в то время, увлекался спортом и военным делом. К выпуску из школы уже имел значки «Ворошиловский стрелок», «Готов к труду и обороне»,

«Противохимическая оборона» и «Санитарная служба». Работал спасателем в ОСВОД («Общество спасения на водах»). В наших местах Волга достигала километра в ширину, и я переплывал ее туда и обратно. За свои силы не переживал, опасался только проходящих пароходов и плотов. Также неплохо бегал на лыжах.

В армию меня призвали в 1940 году, после десятого класса, и отправили служить на станцию Завитая (сейчас г. Завитинск. – *Н.Д.*) Амурской области в стрелковый полк. Там же дислоцировалась танковая бригада. Наверное, благодаря хорошей физической подготовке я попал в отдельную стрелковую роту полкового подчинения, готовящую младший командный состав. Воинская специальность у меня была – пулеметчик. Готовили нас серьезно. Занимались тактикой на местности. Изучали стрелковое оружие, пулеметы, Дегтярева и станковый, гранаты. Два раза в неделю делали марш-бросок с полной выкладкой до Амура, иногда в вещмешки добавляли кирпичи. Зимой – на лыжах. Летом, в 30-градусную жару, некоторые не выдерживали, падали. Станковые пулеметы везли на повозках, а я свой ручной ДП-27 – на себе. На берегу Амура было излюбленное место наших командиров, откуда можно было наблюдать, как тренируются на другой стороне японские солдаты. О том, что нужно в любой момент быть готовыми к войне, нам внушали постоянно.

Сержантское звание получить мы не успели. 22 июня, во время обеда, нам сообщили о нападении Германии. И уже 24-го, как только танки пришли из учебного похода, мы начали грузиться в эшелоны. Танки поставили на платформы, нас – в теплушки. Товарные вагоны, нары сколочены, на них солома. На следующий день выехали, ехали долго, была остановка в Свердловске, там сходили в баню. В пути население подкармливало, бросали в вагоны папиросы, еду, кто что мог. Приехали в Москву в середине июля, там наш стрелковый полк был придан 148-й танковой бригаде. Две недели мы располагались на Красной Пресне и видели, как немцы бомбят Москву, в том числе и Пресню. Каждую ночь над городом стоял гул немецких бомбардировщиков. Нашей авиации в воздухе не было. Люди дежурили на крышах, а в небе шарили лучи прожекторов. Наши зенитчики редко, но сбивали немецкие самолеты, это я тоже видел.

26 июля нашу роту посадили десантом на танки, и мы выехали в направлении Смоленска. По большим дорогам старались не идти, чтобы не попадать под бомбежки. Впереди, напрямик через лес, пробивая просеку, шли тяжелые танки КВ. Идем вперед, а слева, справа, впереди – зарево. Деревни горят. Было неясно, где проходит линия фронта, поэтому, конечно,

чувствовали себя неуверенно. Было впечатление, что немцы уже у нас за спиной, а нам еще километров тридцать идти. Я уже потом узнал, что наши там тоже сжигали чего-то, чтобы немцам не досталось, но ощущения были неприятные.

Первый бой наша рота приняла у деревни Крапивино. Танки ушли на какой-то другой участок, а роте была поставлена задача: форсировать небольшую речушку, приток Угры, и выбить немецкое охранение с того берега. После небольшой артподготовки мы пошли в атаку в первом эшелоне. Немцы вели снайперский огонь, и одним из первых погиб наш командир, старший лейтенант Аблетифов, татарин. У офицеров петлицы с ярким кантом, и кубики блестят на солнце, вот их в первую очередь и выбивали. Погиб политрук и многие другие мои товарищи, но реку мы перешли, немцев выбили. Их было около взвода, и ни одного пленного мы не взяли. Так были возбуждены боем и огорчены гибелью товарищей, что перебили всех. Что меня удивило, немцы уютно обустроили свои окопы. Из фанерок сделаны полочки, открытки, фотографии стоят. Война идет, до Москвы всего ничего, а они устроились, как дома. Там взял трофеи: опасную бритву и фотоаппарат «лейка», потом где-то в госпитале его потерял.

Дальше, за окопами, располагалась немецкая батарея. Небольшие пушки, вроде наших «сорокапяток». Наши танки откуда-то подошли и батарею передавили. Я разочаровался в своем пулемете, в бою в него попало немного грязи, и диск стало заедать.

Ельня уже была у немцев, а нас перебрасывали с места на место в районе Дорогобуж, Юхнов, Спас-Деменск. Начальство, наверное, не могло определиться с направлением немецкого удара. Противогазы мы побросали сразу, а многие бросали даже скатки, жара была, чего их таскать.

В то время нас постоянно бомбили, господство немцев в воздухе было полным. Я заметил, что, заходя на первый круг, немцы обычно бомбы не сбрасывают, видимо, сначала определяют цели.

В октябре наша часть остановилась в одной деревне. Подошли наши кухни и встали в полукилометре от окраины. Меня послали туда узнать, когда будет готов обед. Я дошел до края деревни, когда прилетели немецкие самолеты. Метрах в ста от домов были вырыты большие окопы с аппарелями для автомобилей, глубиной больше метра, в один из них я успел спрыгнуть. Немцы начали бомбить, меня здорово тряхнуло, и провал в памяти. Очнулся я уже в санчасти. Оказывается, одна бомба попала в ближайший дом или баню, и бревна полетели во

все стороны, как щепки. Меня засыпало землей и, видимо, крепко ударило бревном. Хорошо, что наши потом пошли из деревни через это место. Увидели меня, заваленного, откопали, передали санитарам. В этой бомбежке погиб замполит полка, я видел нашу радиомашину, лежащую вверх колесами. Многие погибли. Воронки от бомб были размером с большую комнату. Все-таки, наверное, мне повезло. Наша санчасть смогла случайно выйти из окружения. Все дороги немцы пристреляли и постоянно бомбили, а мы двигались лесом и по новым просекам, проложенным нашими танками. Остальные части бригады были в основном уничтожены или попали в плен. Очень немногим удалось пробиться из окружения.

Для меня это время, пожалуй, самое страшное на войне. Неразбериха. Рядом с нами воевали бойцы 219-й приписной дивизии. Мы, кадровые части, были неплохо вооружены, обучены, а они от станка в бой пошли. Разновозрастные, с трехлинейками, пулеметов мало, кормили их плохо, ну и необученные они были совсем. После войны встречал ветеранов этой части, они рассказали мне о тех боях, я запомнил их стихи, называются «Атака»:

Убит замполит, и не слышно комбата,
Осталось патронов – по штуке на брата.
Махры – на затяжку, воды – на глоток,
Да сил на бросок, на последний бросок.
Нас мало осталось, нас мало осталось,
И жизни осталось нам – самая малость.
Не год и не месяц, не день и не час,
Минута – и той не осталось у нас.
Вовек не забуду, как было все это,
Как в черную высь полоснула ракета.
Как тело хотело зарыться в пыли,
Как шепот раздался: «Ребята, пошли!»
Как воздух дневной превратился в металл,
Как легкие рвал он, как горло он рвал!
Ура-а-а!
Нас мало осталось, нас мало осталось,
И жизни осталось нам – самая малость.
Но пуще и пуще грохочет вдали
Тот шепот зовущий: «Ребята, пошли!»

Военные госпитали спешно создавались, но их не хватало, и меня поместили в гражданскую больницу г. Подольска. Я получил очень сильную контузию, часто терял сознание, плохо говорил, с

трудом двигался. Выходила меня женщина-врач, не знаю ее имени, мне потом сказали, что она свою пайку масла мне отдавала и вообще много внимания мне уделяла. Подольск немцы тоже бомбили. У нас в больнице тряслись кровати. Пролежал я там всю осень и зиму, и только в конце лета попал в запасной полк, а потом и на Юго-Западный фронт в 104-й мотострелковый полк.

В мае 42-го наш полк поставили в оборону на Украине, у слияния рек Оскол и Северский Донец. Здесь я уже получил звание мл. сержанта и командовал отделением. Позиции были подготовлены. Жили в хороших, крепких землянках. Мы брали воду из реки, и немцы брали. Ширина ее в этом месте была около 100 метров. Случалось, видели друг друга, но не стреляли ни мы, ни они. Было какое-то негласное перемирие. И на нашем участке фронта было спокойно. Деревни рядом стояли: Сподивань, Волчий Яр, Коровий Яр и др. Вечером даже слышно было, как в деревнях бабы песни поют. Украинские песни очень красивые: протяжные, душевные.

Командование нашего полка отправило на тот берег разведгруппу, за «языком». А я еще до войны был подготовленным санинструктором, поэтому взяли и меня, на случай оказания первой помощи. На том берегу стояло село Красный Оскол. Переплыли реку на коротнях, такие небольшие местные лодочки, типа катамарана. Человек 5–6 в нее входит. И пошли. В нашей группе было около 7 человек, мне сказали идти последним. Затем старший группы вообще велел подождать на месте, и я сел ждать. Разведчики двинулись вперед, быстро кого-то схватили и приволокли. Вернулись к себе мы без шума и без потерь.

От «языка» узнали, что против нас, в Красном Осколе, стоят румыны. Вроде бы кавдивизия. Были там и поляки, еще какие-то национальные части, и немцы тоже, но в основном румыны. Как раз на нашем участке они готовились делать прорыв, форсировать реку. Наверное, поэтому и не шумели, чтобы усыпить нашу бдительность. Когда это узнали, стали усиленно укреплять оборону. После нашего похода за «языком» тишина закончилась, начались сильные перестрелки. Не знаю, кто первый начал, мы или они. Как-то ночью к нам пришли «катюши», и по Красному Осколу дали залп. После этого снова стало поспокойнее, но за водой в открытую уже не ходили.

Однажды я перебегал из одного окопа в другой, одиночный взрыв, не понял, мина или снаряд, и меня опять ранило, в ногу и обе руки. Задело кости.

Потом полк отступал, и санбат тоже. Я попал сначала в Краснодон, потом в Старобельский госпиталь. Весь 43-й год я не

воевал. Лежал в госпитале, потом находился в запасном полку, в Туле. Атмосфера в полку была напряженная, нервная. Командиры часто менялись, к солдатам относились грубо. Кормили плохо. С распределением была какая-то неразбериха, долго не знали, куда нас направить.

Я на Волге вырос, в ОСВОДе работал, воду любил, хотелось служить поближе к морю. Когда представился случай, попросился в морскую пехоту. Видимо, просьбу учли, и через некоторое время меня отправили на станцию Паша, под Ленинградом, где формировались пополнения для морской пехоты, оттуда я попал в 69-ю бригаду морской пехоты Северного флота.

В сентябре 44-го я оказался на станции Кола, рядом с Мурманском. И там нас уже стали готовить для рейда в тыл противника. Наши бригады 69, 70, 3-я должны были обойти немецкую оборону Петсамо и Киркенеса с юга. Тогда мы не знали планов командования, но наша бригада в конце концов вышла на аэродром около Луостари.

В бригаде было около тысячи человек, в основном флотские, но процентов тридцать было и таких, как я, прибывших с пополнением. Меня назначили во взвод ПТР первым номером расчета. У нас были ружья Дегтярева и Симонова.

Переход длился несколько дней. Шли по тропинкам, через скалы, болота, речушки. Растительность в тех краях небогатая, жидкие заросли, мелкие деревья – тундра. Приходилось форсировать много небольших рек, по болотам пробираться. Кухни наши здорово отстали, местность для них труднопроходимая, поэтому мы шли впроголодь. Ружье 17,5 кг тащили вдвоем, но иногда приходилось и одному. Были вьючные лошади, на них везли боеприпасы, минометы, станковые пулеметы. Артиллерии не было. Октябрь, температура от 0 до 10 градусов. Сильно мерзли, сушились днем у костров, но все равно мокрые постоянно. К концу перехода уже мечтали поскорее встретить немцев, такие обозленные были.

Ночью однажды легли спать, у нас была большая финская палатка, я лег, головой к камню прислонился. Недалеко от нас лошади стояли, и был потушенный костер, но, видимо, угли тлели еще. Просыпаюсь от громкого треска, как будто рвут брезент. Оказалось, «рама» летела, двухфюзеляжный самолет-разведчик. Сверху немец заметил эти тлеющие угли, или еще что-то, и бросил бомбу. Она взорвалась метрах в тридцати от нас. Палатку сорвало с креплений, потом посмотрели, вся пробита осколками. Я цел остался, а людей многих поранило, начбоя нашего, Шахматова, тяжело ранило в ногу. Посекло осколками лошадей.

С командиром нашего взвода, старшим лейтенантом Григорием Александровичем Иноземцевым, мы быстро подружились. Он был из Новосибирска, кадровый офицер, очень доброжелательный. И так как я был уже солдат опытный, подготовленный, имел санитарные знания, он назначил меня помкомвзвода. Я, сержант к тому времени, выполнял также обязанности старшины. Сам я к спиртному спокойно относился и носил на поясе две немецкие 900-граммовые фляги со спиртом, папиросы получал, распределял. Иногда расчеты из нашего взвода передавали в другие роты, приходилось все их добро таскать на себе, пока они не вернутся.

12 октября мокрые, голодные и злые мы вышли к Луостари, и первое, что нам попалось, еще не доходя до аэродрома, немецкие продовольственные склады. Охранников наши сразу сняли, и я со своим взводом пэтээровцев ворвался внутрь. Чего там только не было: шоколад, шнапс, печенье, консервы всякие! Я тогда первый раз в жизни сгущенку попробовал. Что удивительно, американской еды много было. Что мы получали консервы, что они. Мы тут же у склада расположились, шнапс разлили, сели кушать, голодные же все. Через несколько минут кто-то из начальства появился, кажется, замполит: «Вы чего тут расселись? Аэродром нужно брать, там немцы!» У склада сразу поставили охрану, за нашей бригадой шла часть, какие-то внутренние войска, по-моему СМЕРШ, вот они свою охрану поставили. Мы рванули к аэродрому, там уже дрались наши стрелки. Немцев застали врасплох, и они не смогли организовать серьезную оборону. Наш взвод тоже пострелял по мотоциклам, машинам. Аэродром захватили довольно легко. Подкреплений у немцев не было, они считали, что находятся в тылу. На поле осталось несколько самолетов, не успевших взлететь, мы их тоже расстреляли.

К 20 октября наша бригада подошла к Никелю, где понесла первые значительные потери. Никель расположен между горами и большим озером, и мы закрыли его с двух сторон. В лоб противнику с севера шли части 14-й армии и 70-я бригада морской пехоты, наших войск там было много. Мы зашли с юга. Взвод ПТР комбриг старался беречь, вдруг танки пойдут, поэтому в атаке мы не участвовали. Били, только если замечали автомашины, мотоциклы, пулеметы. Артиллерии у нас не было, только авиация потом бомбила немцев, а оборона у Никеля немцами была подготовлена серьезная. Минные поля, проволочные заграждения, доты. Но танков не было. Бригада занимала по фронту около 500 метров. 22 октября наши стрелки атаковали. Немцы хорошо защищались, проводили частые

контратаки, пытаясь выйти из окружения. В основном севернее наших позиций, в сторону дороги. И через день, когда с севера прорвали оборону и немцы побежали, нашу бригаду направили под Киркенес, оседлать дорогу, по которой гарнизон Киркенеса, теснимый со стороны моря нашими частями, мог отойти в глубь Скандинавского полуострова. По слухам, там было шесть-семь батальонов отборных немецких войск, егерей. Бригада выдвинулась, перевалила через Скандинавские горы. Мы вышли километров на тридцать южнее Киркенеса и заняли дорогу. Обойти нас немцы не могли, кругом скалы и болота. Первой на место пришла рота старшего лейтенанта Козлова, они оказались ближе всех к городу и, не успев закрепиться, окопаться, первыми приняли на себя удар. Рота залегла в кюветах. Против нас действительно шли отборные части. Немцы, здоровенные мужики, от метра восьмидесяти и выше ростом, шли в полный рост, пьяные. Дело дошло до рукопашной, и рота Козлова там полегла. Потом, осматривая место боя, мы видели, что многие ребята и командир были изрезаны ножами. Немцы, подавляя численным преимуществом, прорвались. Дальше была уже наша позиция. Нам повезло больше, мы, основные силы значительно поредевшей бригады, успели закрепиться и встретили их плотным огнем. Я стрелял из «ППШ». Поразило, что многие немцы были в русских тельняшках. Шли на нас нагло, густой толпой, в открытую. Большая часть – автоматчики. Навалили мы их там много, трупы лежали один на другом, но и у нас были потери, в моем взводе тоже погибли ребята. Бой был жесточайший, но немцев отбили, они откатились назад и больше по этой дороге не прорывались. После боя насчитали четыреста немецких трупов, но и у нас погибло около ста человек. Собрали своих ребят и похоронили, немцев закапывать не стали.

27-ю годовщину Октябрьской революции встречали 7 Ноября 1944 года недалеко от Киркенеса. Настроение было отличное, считали, что все, войне конец. Норвежцы вначале настороженно нас принимали, а потом видят, что ничего плохого им не делаем, хорошо стали относиться. Чаю предлагали с шоколадом.

Потом пришел приказ возвращаться на станцию Кола. Нас предупредили, чтобы бригада поторопилась, так как ожидаются сильные снежные бури с Баренцева моря. Переход был на сто километров, и мы попали в эту бурю. Шли гуськом, иногда впереди идущего за плечо держишь, чтобы не потеряться. Видимость – метр-два. Темень, ураганный ветер, метель. Делали небольшие привалы на час-полтора. Под Киркенесом бригаде выдали полушубки, не знаю, всем ли, но в нашем взводе они были у всех. Стелили один полушубок на землю, двое ложились и

вторым укрывались. Так отдыхали.

Добрались до Колы, а оттуда для отдыха и пополнения людьми и техникой нас отправили в Грязовецкий район Вологодской области. Остаток ноября, январь и декабрь 1945-го мы провели там.

Солдаты стали баню ставить, а мы с командиром, Иноземцевым, зашли в один из домов. Хозяйка спросила, чего хотим. Мы говорим: нам бы помыться. У хозяйки банный день был как раз, она ребятишек мыла в печке. Большая русская печь, она туда соломки постелила, там у нее чугунки с водой, и ребятишек мыла. Иноземцев поменьше меня, он залез и сидел там удобно, по бокам вода – холодная и горячая, веничек, париться можно. Потом я помылся, приходилось немного пригибаться, но печь глубокая, если лечь, ноги только по колени торчат из дверцы. Сядешь, подтянешь ноги и хорошо. Окатываться в сенцы выходили. Ребята остальные тоже, кто договорился, помылись, но в основном ждали, пока баню поставят. А что там баня, щели тряпьем затыкали, уже зима начиналась, но мы попарились отлично.

Взвод получил новые ружья, Симонова. Пополнились, помню, ребята из Молдавии к нам пришли, с одним из них, Сашей Зааком, мы сдружились. Мне командир говорит: выбирай самых здоровых, чтобы ПТР могли таскать. Вот, я Сашку стрелять учил. Говорю ему: приклад плотней к плечу прижимай, у ПТР отдача была очень сильная. Шибануло его первый раз здорово. Учили ребят тактике боя, на собственном опыте, полученном в Заполярье. Беседы проводили, оружие изучали.

В феврале погрузились в ж/д вагоны и поехали в западном направлении через Польшу на Дрезден, Польша уже освобожденная была. Не добрались мы до Дрездена, бригаду быстро повернули на юг, на Моравску-Остраву, в Чехословакию.

Погода была отвратительная, конец марта, дожди. Местность болотистая, наши танки и самоходки не смогли пройти, в общем, атаковали в основном пехотой. В районе Моравска-Остравы немцы очень сильно укрепились. Дома с каменными фундаментами, в каждом подвале огневая точка. Артиллерия дом разрушает, а они из подвала все равно по нам бьют. Немцы нас обстреливали днем и ночью из минометов и артиллерии. Иногда только свист слышишь, снаряд рядом проходит.

Саша Заак погиб от пули в первых боях. Я считаю, от недостаточного опыта. Хотя и учили мы молодежь, как правильно перебегать, маскироваться, в горячке первого боя многие все забывали.

Под Остравой же погиб и мой командир, Григорий

Иноземцев. Я уже говорил, что к спиртному был равнодушен, потому и запас спирта хранился у меня, а Григорий Александрович выпить любил. Пожалуй, единственный его недостаток. Уж как я его уговаривал, а он: налей да налей. В Чехословакии кушать часто приходилось то, что в домах найдем. Это не Россия, где все выжжено. В Польше и Чехословакии немцы все сохранили. В подвалах консервы, сало, живность у жителей была. Достали мы поросенка, сели мясо жарить, подошли еще автоматчики, командир меня уговорил, выпили.

Вдруг идет подполковник Евменов Ефим Георгиевич, наш комбриг. Видит, бой идет, мы сидим, закусываем.

– Иноземцев, – говорит, – бери связного, – был у нас один карел связным, – Осипова, пома своего, и давай, принимай командование стрелковой ротой. Доберешься до них, доложи, как и что, и продолжай наступление. Мы вас пулеметами и минометами поддержим.

Эта рота штурмовала высотку, на которой стояли дома, занятые немцами. Командир роты был ранен, стрелки залегли у подножия высоты, и связь с ними пропала. Они и не отступали, и не наступали, видимо, немцы их прижали огнем.

Мы дошли до дороги, которая шла параллельно переднему краю, залегли в кювете, до наших около трехсот метров оставалось, но немцы сильно били из минометов. Знаешь, такие маленькие ротные минометы у них были, как и у нас. Через дорогу идти опасно, заметят, день-то ясный стоял, видимость хорошая. Я ему говорю: давай обойдем где-нибудь сбоку. Он выпивший был: нет, говорит, здесь пойдем. И рванул вперед, я за ним, потом связной с катушками и наши морпехи. Немцы заметили, начали по нам стрелять. Наши минометчики тоже по ним активно бьют. Сто метров оставалось до залегшей роты, Иноземцев был справа от меня, метрах в шести, когда его ранило. Я к нему подполз, у него небольшая рана на затылке. Он говорит: Вовка, перевяжи меня. Индивидуальный пакет у него взял, перевязал. Стрелку говорю: тащи его в санчасть, а сам со связным и другими автоматчиками вперед быстрей пополз, чтобы из-под обстрела выйти. Следом за нами еще морпехи пошли, второй эшелон, и высотку эту мы быстро заняли. О том, что Григорий Александрович погиб от этого ранения, я узнал позже, во львовском госпитале.

Наступление на Моравску-Остраву продолжалось. 23 марта я участвовал в очередной атаке. Услышал, как летит мина, и где-то недалеко за мной – взрыв. Я прибавил ходу, вперед. Вдруг впереди взрыв. Упал на мокрую землю, в грязь, и какое-то время инстинктивно полз вперед. Только потом почувствовал боль в

левой кисти и заметил кровь на руке. Перевязал себе руку и догнал своих ребят, которые закреплялись на новом рубеже. К вечеру перестрелка стихла, пошел в санчасть. Там посмотрели, перебиты кости двух пальцев, фаланги на коже висят, рана вся в грязи, возможно заражение, отправили в санбат. В санбате ампутировали пальцы, обработали рану и на попутной машине переправили в эвакогоспиталь, во Львов.

Кисть руки сильно опухла и стала сине-фиолетового цвета. Позже узнал, что хотели отрезать ее. Спасибо врачам, спасли мне руку. Несколько дней делали в нее уколы и ставили в вены капельницы. Постепенно посинение и опухоль сошли, но рукой я еще долго не мог шевелить.

Во Львове встретил День Победы 9 Мая 1945 года, узнал о смерти моего командира Г.А. Иноземцева, о чем написал в Новосибирск, где жили его жена и пятилетний сын Вова. В госпитале же узнал, что те, кто в 40-м году после десятилетки были призваны в Красную армию, могут продолжить учебу. Я тут же, на больничной койке, написал заявление в Поволжский лесотехнический институт и был принят без экзаменов, несмотря на уже начавшийся учебный год. В октябре 1945 года демобилизовался, уже будучи студентом первого курса.

Чепик Василий Прокофьевич

– Я родился в Сумской области 1 мая 1924 года. Родители мои были простые крестьяне, причем из самых бедных, и родился я не в селе, как указано в свидетельстве о рождении, а на хуторе Четвертыновка, в котором было всего 9 домов, он располагался от

села в 2 км. До коллективизации наше хозяйство состояло из 1 коровы, а детей было 8 человек: 6 братьев и 2 сестры. Отец у меня работал кровельщиком хат, крыл крыши соломой, бывало, пойдет в село, и 2 недели его нет, выполняет работы. Отец в армии не служил и в Гражданской войне участия не принимал. Коллективизация так прошла – троих старших братьев власть мобилизовала и послала на проведение в районе коллективизации, они были, можно сказать, ее организаторами. На хуторе у нас никого не раскулачивали, братья ездили по большим селам, вот там сложнее было. По ним стреляли, братья отстреливались, но что говорить, хозяйство после коллективизации хорошо поднялось. В нашем селе Чуйковка был создан колхоз, некоторых раскулачили. Тем временем я пошел в село в первый класс. Тяжеловато было, приходилось топать 2 км туда и обратно. После двух классов брат Николай меня к себе забрал, я жил у него три года в г. Гадяче. Николай работал в райисполкоме, ездил по селам и строил колхозы. Там я проучился с 3-го по 6-й класс. Потом меня забрал другой брат, Никита, в г. Остер в 60 км от Киева, где я закончил 7-й класс, откуда в 1939 г. пошел учиться в Киевский железнодорожный техникум. В Киеве жил наш родственник дядя Миша, который был главным инженером «Киевэнерго». Он меня забрал к себе, я у него на квартире жил. Тогда деньги за учебу не надо было платить, кроме того, мне всегда утром давали 3 рубля на день. В техникуме 1 раз в неделю по 2 часа нам преподавали военное дело, давали и строевую подготовку, и стрельбу из винтовок. Я там изучил и пулемет «максим», и винтовку «трехлинейку». Учил нас кадровый военный, старший лейтенант. Кроме того, летом на неделю всех учащихся вывозили в лес, где нам преподавали противохимическую защиту, которая в основном сводилась к надеванию противогазов, как их надеть правильно, как носить. Также в лагере мы делали кроссы по 20 км, только без противогазов, хотя требовали так: надеть противогаз, немного пробежать, снять и дальше уже без противогаза бежать. Форму нам не выдавали, мы занимались только в своем гражданском. До войны в Киеве показывали много фильмов, особенно мне запомнился «Чапаев», мы пацанами лазили в зал под скамейки и ждали, когда начнется фильм. Особенно нам нравился Чапаев, и Петька, и Анка. И сам дух фильма очень отвечал тому времени, я этот фильм раз 5 или 7 смотрел. Но вот ощущения надвигающейся войны в городе не было, потому что за громкие разговоры о войне Сталин и посадить мог.

Когда началась война, мы были студентами 2-го курса и находились на практике в селе, которое было родиной

украинского поэта Шевченко. Наша практика уже подходила к концу, когда вдруг объявляют о начале войны. Нас сразу отпустили с практики и приказали: «Идите домой!» Мы пришли в Киев, в техникум, там нас сразу отправили в депо для демонтажа оборудования. В депо стояли вагоны открытого типа, мы погрузили туда все, что могли: станки, матчасть и т. д. Поехало наше депо в эвакуацию в Россию, но не удалось его увезти дальше г. Канева, потому что эшелон по дороге был сильно разбит немецкой авиацией. В Киеве бомбежек я не застал, уехал сначала в Белую Церковь, затем в деревню Шамраевку к знакомым, и вот там я увидел первых немцев. Мы находились дома, но спрятались от греха в саду в небольшом блиндаже, человек пять. И я видел, как проходили немцы с гранатами в руках, мы подумали, что кто-нибудь из них сейчас как шуранет нам гранату в блиндаж, и быстро выскочили. Посмотрели немцы в нашу сторону, но в нас никто не кинул гранату, и в первый раз в селе немцы никого не тронули. Но очень скоро я перебрался в родное село. Там начались карательные действия, стали хватать взрослых людей.

Старостой общины, образованной вместо колхоза, на собрании жителей села выбрали человека из прислужников немцев. Староста вел себя по отношению к людям по-разному – так как мы считались коммунистами, ведь мой старший брат был в компартии (он еще раньше смылся из села и пошел в армию, там он был комиссаром, потом лейтенантом), то нашей семье сказали по линии старосты: «Вы тикайте из села, иначе вас повесят!» Мне уже было 16 лет, из семьи кто куда делся, меня же отправили к дяде Мише. Хотя он был самым настоящим коммунистом, немцы его послали под Белую Церковь в г. Фастов на сахарный завод, он там работал главным инженером. Я у него жил и также работал на заводе учеником электрика. На заводе в начале 1943 г. я вступил в подполье. Причем у нас соблюдались строгие принципы дисциплины и конспирации, может, поэтому и сохранилось у нас все заводское подполье, 25 человек. Руководил подпольем парикмахер. Он откуда-то приехал, хорошо знал немецкий и немцев и русских подстригал. В моей подпольной ячейке было пять человек, других я не знал. Если кто и попался, то остальные из пятерки должны тикать, а другие пятерки продолжают как ни в чем не бывало работать. Дядя Миша также вступил в подполье под кличкой «Седой», в моей ячейке был мой друг Володя Незгодзинский, крепкий, здоровый парень. Перед нами ставились задачи в первую очередь помогать партизанам, выносить из завода мешками сахар. Мы с ним вместе сделали лаз в сахарные склады и по ночам выносили сахар с завода, я становился Володе на плечи, залезал на склад, и мы вдвоем по

шесть мешков за ночь выносили. На окраине городка жила семья работника завода, слесаря, он был отцом двоих девочек. Так я ухаживал за одной сестрой, Володя за другой, а они работали в штабах немцев, с бумагами имели дело, слышали разговоры, нам все передавали, а уже мы докладывали партизанам. Мы несколько раз ходили к партизанам в лес, рассказывали им о том, где стоят немцы и сколько их, кто начальник. Поэтому партизаны о расположении немцев в городке знали все. При встречах партизаны нас ждали в условленном месте, приходили мы вдвоем или втроем, не больше, причем из одной пятерки, потому что если ты попадешься, то хоть кто-то уцелеет и сможет скрыться. И встречи происходили следующим образом – к примеру, в поле стоит дерево, шагах в 30 от него мы свистим, они свистят ответно, тогда мы знаем, что это партизаны пришли, собираемся и обсуждаем, после попрощались и расходимся.

Один раз дядя Миша предложил немцам создать на заводе колбасный цех, потому что мы видели, как весь скот из колхозов перегоняли в Германию из России. Наши люди гнали мимо Фастова сотни коров, кому-то передавали, немцы, если партизаны не перехватывали стада, все себе забирали. Ну вот, мы и решили, что надо хоть часть скота резать, тогда какую-то часть колбасы можно будет украсть и передать партизанам. Немцев на заводе не было, они приходили иногда, посмотреть, как дела идут, и уходили, заводом руководил хохол, с вислыми длинными усами, к нему обращаться было нельзя, он был очень подозрительный и вредный. Мы все хотели его убить за вредность и преданность немцам, но нам не разрешали его трогать, чтобы не привлекать к заводу внимание (его поймали позже и расстреляли). Поэтому дядя Миша рассказал идею с колбасным цехом представителю немецкого командования в городке капитану Крайцеру, объяснил ему, что есть свободный цех в левом крыле завода, что от цеха можно будет получить много прибыли. Крайцер тщательно изучил затраты и предполагаемую прибыль, в итоге обрадовался идее и разрешил сделать цех. Но постоянные кражи на заводе возбудили подозрения у фашистов, они узнали, чья была идея с цехом, и к нам домой пришли трое немцев из гестапо. Я увидел их в окно, и дядя Миша говорит: «Вон идут ко мне, через черный ход тикай в лес». Я ушел к лесу, но не заходил в лес, спрятался, тогда меня не взяли, а вот дядю Мишу после ареста немцы сначала отправили в знаменитый на всю область концлагерь под Белой Церковью, потом посадили на машину и отвезли в Бабий Яр под Киевом. Где и расстреляли.

После ареста дяди Миши я продолжал тихо работать на заводе, поселился у знакомых. Наше подполье работало очень

четко и без сбоев, после дяди Миши у нас только один раз, уже перед освобождением Фастова, попалась девушка Ольга из Омска, ее осенью босиком вывели, водили по снегу и все заставляли рассказать о подполье. В итоге немцы выпустили Ольгу с задачей привести несколько подпольщиков, но те, кого она знала, все убежали. В гестапо она назвала фамилии, а их найти не могут. Но тут быстро пришла наша армия, и мы сказали Ольге: «А ну быстро уходи отсюда. А то немцы тебя не расстреляли, так наши расстреляют за связь с немцами!» Она послушалась, наверное, и сейчас где-нибудь живет.

Наконец в наш городок пришла Советская армия. Произошло освобождение Фастова так: у городка местность была ровная, артиллерия постреляла по нашему заводу и городку, потом в атаку пошла наша пехота густыми цепями. Наш завод размещался на большой площади, он и сейчас работает. Когда немцы стали отступать, нам было дано задание уберечь завод от разрушения, с чем наша группа успешно справилась. Немцы все удрали со своих позиций быстренько, с собой при отступлении забрали всех тех, кто с ними работал, полицаев и эсэсовцев. Но далеко их не увезли, всего км 20, и там они попались другим нашим частям. Их потом судили, а где-то и так расстреляли. На заводе сразу провели большое собрание, на котором представили членов подпольной организации. Мы вышли по порядку, все 25 человек, нам сразу передали власть, из нашей группы назначили старших. И в городке образовалась наша советская власть. Сразу кинулась вся молодежь, в том числе и я, записываться в армию. Но меня тогда не взяли, потому что я заболел на заводе. Дело в том, что мы должны были проверить, не наставили ли немцы мин замедленного действия под заводом, у меня был участок под землей, я должен был лазить по трубам, проверять, нет ли мин, и в случае чего надо было начальству доложить. У меня после такой работы чесотка пошла по телу, поэтому в армию меня не взяли. А вот ребят, которых забрали, уже нет в живых, они все погибли под Белой Церковью. Я же после выздоровления поехал в свой техникум в Киев, где за нас сразу же схватились, показали приказ министра, что нас в армию нельзя брать, надо готовить специалистов-железнодорожников. Я проучился 2 месяца, но в итоге меня все равно забрали в армию. Дело было так: пришли из военкомата в техникум офицеры, сказали мне пойти в военкомат завтра, как я пришел, меня сразу схватили за жопу и говорят: «Ты мобилизован!» А я и не сопротивлялся, я хотел в армию пойти, бить фашистских гадов. Прошел комиссию, врачи признали меня годным, и в конце 1943 года меня отправили в армию. Направили меня в запасной полк на учебу под Киев, где нас подучили

военному делу. Выдали новую форму, ботинки с обмотками. Учили нас в первую очередь копать окопы и обращаться с оружием. Мне дали сначала винтовку, вскоре начал таскать на плечах ручной пулемет, он такой тяжелый оказался. К нему были прикреплены 3 или 4 человека, я таскал сам пулемет, другой диски к нему, на маршах через каждые 2 км мы менялись, потом всем дали автоматы. Кормили ничего, хватало. Командиры были нормальные, строгие, настоящие советские офицеры. Выпустили меня рядовым и направили в 1-ю гв. танковую армию пулеметчиком в танковый десант. 1-я танковая считалась в то время элитной частью. Попал я в 8-й Гвардейский механизированный корпус, где меня еще раз направили на учебу. Дело в том, что по прибытии пополнения руководство начало интересоваться, кто знает немецкий язык, а я уже закончил 2 курса техникума, поэтому немецкий знал. Пришел полковник Соболев и спросил, кто знает немецкий язык, прошелся вдоль строя, вернулся в середину напротив меня, тогда я ему сказал: «Гутен морген, геноссе полковник!» Тогда он ответил: «Зер гут, геноссе солдат». И тогда десятерых вывели из строя, это были те, кто хоть немного знал немецкий язык. После этого нас еще 2 месяца готовили на разведчиков. Разговаривали с нами исключительно на немецком языке, подъем в 6 часов, солдаты идут рыть окопы, а мы идем на занятия по немецкому языку. Между собой также разговаривали только по-немецки, иногда к нам приглашали пленных немцев, чтобы мы могли поговорить с ними, учили допрашивать, задавать первые 5 вопросов: какая часть, звание, сколько человек и танков, где расположены.

Затем меня направили в мотострелковый батальон 19-й гв. механизированной бригады. И тут подполковник Андриянко, командир разведки 8-го гв. мехкорпуса, перепутал меня с известным чешским писателем Чапеком, я говорю: «Я не Чапек, а Чепик», подполковник кивнул, но все равно меня командование между собой до конца войны называло Чапеком. Но сам Андриянко Александр Васильевич был отличным офицером, очень грамотным. Вообще, у нас в корпусе все командиры были очень хорошими. Меня привезли в батальон к комбату, который сразу определил меня в командиры отделения разведки, хотя я все еще был рядовым. Уже в части я научился стрелять из фаустпатрона. Я с собой 2 штуки стремился постоянно таскать, тяжеловато, конечно, но зато из него можно подбить танк со 100 метров.

Наши части вступили в Польшу, и у г. Лодзь нас послали в мою первую разведку добыть «языка». В моем отделении было 10 человек. Мы вышли вечером, прошли километров 10, тревоги не

подняли. Уже по темноте вышли на шоссе. И засели там, в надежде, что кто-то будет по этой дороге ехать. Вырыли себе небольшие окопчики. Я посредине находился, а тогда и у нас, и у немцев был приказ, что если едешь по дороге, то туши свет, и где-то примерно в 12 или 1 час ночи мы видим, что что-то мигает. Я догадался, что это мотоцикл едет. Я приказал шепотом: «Этих не стрелять, это передовое охранение!» Так что пропустили мотоциклистов, минут через 10–15 смотрим, еще что-то мигает, побольше. Тут мы уже приготовились, снова проскочил легкий мотоцикл, точно кого-то сопровождают. И тут появились 3 автобуса, в каждом человек по 20–25. Оказалось, что это ехали с совещания офицеры, которые получили задание и возвращались к себе в часть, солдат там не было, и мы видели, что офицеры были подвыпившие. Когда автобусы поравнялись с нами, я отдал команду забросать их гранатами. У меня же был с собой фаустпатрон, я нажимаю на курок и попадаю в первый автобус. После накрыли немцев из автоматов, перебили многих, остальные и не думали о сопротивлении, а сразу тикали в лес кто как мог. В итоге мы взяли в плен несколько офицеров, мне достался офицер из штабного автобуса, в который я из фаустпатрона попал. Мы понимали, что скоро вернутся мотоциклисты, которые поймут, что что-то с офицерами случилось, и быстро отступили. Привели к нам в штаб человек 10 «языков». Из нас ни один не пострадал. Моего «языка» сразу допросили. Это был майор связи, с ним ценные документы. Кстати, я поинтересовался у майора, почему они так испугались, тот ответил: «Мы знали, что можем напороться на партизан в лесу, были подвыпившие, и потому так сильно перепугались». За эту операцию мне вручили орден Славы 3-й степени, а моим солдатам медали «За отвагу». И как раз тогда мне присвоили звание мл. сержант. После операции нам дали немного отдохнуть, и дальше в бой. Наступило время прорыва – нас посадили на танки, хотя мое отделение считалось отделением разведки, но нас все равно использовали как танковый десант. Когда танки нашего корпуса готовились идти на прорыв, их в строй становилось штук 100, это было очень внушительное зрелище. На каждом танке должно сидеть по 6-10 человек. Я был командиром отделения, подчинялся офицеру, который и посадил нас на танки, при этом танкисты были очень довольны, что мы сидели на танках, иначе танки без десанта немцы очень быстро подбивали. Перед наступлением обычно была артподготовка, от 30 минут до 1 часа. Потом передовые части разведывают обстановку, удалось ли выбить противника, только тогда идут вперед танки. Если сильный огонь по танкам, надо спрыгивать и идти пешком. Мы так и делали, но иногда, если немцы не сильно

бьют, то оставались на танках. Нашей целью как танкового десанта было в первую очередь бить по позициям и занимать окопы, брать немцев в плен. Надо сказать, что наша артподготовка была очень эффективна, у нас сильно надеялись на артиллерию, это был настоящий «бог войны». Немцы от нашей артиллерии драпали. Мы прорывались к Берлину, но тут нас повернули в Померанию, где мы стали штурмом захватывать немецкие города, в одном из них мы продвигались вперед под сплошным огнем, немцы сильно били. Мы прорывались по улицам, где в обход, где напролом. Один раз там, где я наступал со своим отделением, нужно было взять сильно укрепленный дом. Мы идем на захват, а там немцы сидят, они кое-что изучили по-русски, кричат: «Иван, не стреляй, мы уйдем!» Я знал немецкий, мы договорились, что мы стрелять не будем, а они первый этаж оставят. Мы, отделение, всего 10 человек, туда пробрались, постреливаем, но оказалось, что в доме много немцев было, и не все ушли, часть осталась. Первый этаж наш, там вода, а со второго немецкие позиции начинаются. Повоевали, постреляли, немцы нам кричат: «Рус, дай воды!» Я в ответ: «А вы, фрицы, дайте нам курева!» У них же сигареты были, а не наши самокрутки. Спускают они сверху на веревке свой плоский котелок, заполненный сигаретами. Мы высыпали сигареты, набрали воды, кричим: «Тяните назад». Немцы потянули, поболтали немного, кричим: «Немцы, тикайте, а то стрелять будем!» Те в ответ: «Подождите, нам еще котелок воды нужен!» Снова котелок с сигаретами спустили немцы, мы им водой его заполнили. После немцы из дома ушли, мы вдесятером его полностью заняли, доложили начальству, что объект взят. Это было очень важно, потому что этот дом сильно мешал продвижению наших войск. Наверху такому делу очень обрадовались, за это мне дали орден Славы 2-й степени. Тут нам повезло, а так в других местах немцы обычно очень ожесточенно сопротивлялись. Вообще в городах у нас были большие потери. В моем отделении тоже были потери. Из 10 человек трое куда-то потерялись. Мы ушли вперед, а что с ними, я так и не знаю. Потом нас перебросили под Берлин. Для последней битвы было приготовлено 7 знамен Победы и выдано командирам передовых батальонов, одно из них передали нашему командиру Нестеренко. Мы подошли к какой-то речке, на ней еще стоял лед, но танки ведь по льду не пойдут. Тогда мы положили на лед доски шириной около 1 м. Пустили легкие танки, они прошли, тогда пустили машины потяжелее, снова прошли, а мы, пехота, несколько дальше по льду, а где и по воде перешли речку за одну ночь. И закрепились на плацдарме. После этого еще где-то также

перешли речку, и наши войска окончательно закрепились на том берегу. Все время до начала наступления немцы постоянно пытались выбить нас, было жутко. Причем и разбрасывали листовки, и кричали нам, что они дойдут до Сталинграда, ведь они от города Сталина до Берлина отступили, но теперь у них якобы есть секретное оружие (имелась в виду атомная бомба), и они накроют русских. Но нам, несмотря ни на что, удалось сохранить плацдарм.

Затем пришло время штурма, нас поставили напротив Зееловских высот, где нам пришлось очень тяжело, 8 дней мы их брали. Нас на машинах привезли в лес, приказали окопаться и ждать. Началось все ночью в три часа, мы сильно били из пушек, потом «катюши» как зарядили по немцам. Потом пошли в атаку танки с нами как десантниками. Хотя наша разведка очень хорошо определила, где какие немецкие части расположены, все равно в первый раз мы не смогли прорвать оборону. Опять начался сильный обстрел, потом через полчаса пошли в наступление, но пехота снова залегла, не могут взять и все. Снова подготовка, и опять до рассвета атакуем, но не можем взять, что бы мы ни делали. Тогда где-то слева немецкую оборону прорвали, и туда нашу часть перебросили, там было немного 5–7 км, 15–20 минут, для танков ерунда, и только так удалось взять высоты.

Въехали мы прямо на танках в Берлин и продвигались по таким разваленным улицам, что я таких нигде не видел, город был весь в развалинах. Стояли одни кирпичные стены от домов. Наша рота, в ней оставалось человек сто, вошла в пригород Берлина по сосновому лесу. Было утро, только чуть свет, встретиться с немцами не ожидали, но разведку надо было послать вперед, и вот моему отделению был отдан приказ: рассыпаться и идти вперед. Мы идем, оружие держим на изготовку, немцев вроде нет, но местность оказалась такая – взгорок, и оттуда, оказывается, так же, как мы, шли немцы. И как раз на вершине возвышенности мы встретились с точно таким же передовым охранением. Немцы сразу: «Стой, Иван (они нас всегда называли Иванами, а мы их фрицами), сдавайся!» Я в ответ: «Нет, вы, фрицы, сдавайтесь!» А наши еще далеко, и я вижу, что с той стороны немцы так же идут, разбившись на небольшие группки. На взгорке начали собираться наши и немецкие солдаты, напряжение растет, но пока не стреляем, тогда немцы кричат: «Ладно, Иван, вы идите направо, куда вам надо, а мы пойдем налево, куда нам надо». Все понимают, что если сейчас начнется бой, то перебьем друг друга. Я быстренько человека послал к нашей основной группе, командиру доложили, и командир сказал: «Правильно сделали, поворачиваем направо!» Разошлись

мирно, конец войны, они ведь пошли куда-то из Берлина, а мы в Берлин, зачем нам с ними драться было.

За парком стоял дом, стены кирпичные, очень большой толщины, в них окна были закрыты железом, в окнах прорези, и немцы оттуда по нам открыли огонь. Позже оказалось, что в доме скрывалось около 400 человек немцев, и наша задача заключалась в том, чтобы этот дом взять. Сколько туда наших ни лезло, ну никак не могли взять этот дом, потом подвезли пушки и с близкого расстояния, может, метров с 300, обстреляли хорошенько этот дом, послали людей подкоп сделать, саперы заложили большие мины, которые вырвали огромные куски металла и кладки. Тогда мы сразу ринулись в пролом, внутри началась борьба, в итоге захватили это здание. Дальше пошли в город, каждый бой за дом похож один на другой, непрерывная череда стычек, и дня за три до конца войны мы подбили немецкий танк. Прорвалось мое отделение в подземелье, где шла в это время городская жизнь, мы шли под землей, одно отделение в 10 человек. И я нашел немца, который знал русский язык, сказал ему: «С нами пойдешь, будешь первым идти, посредине пути, если влево или вправо повернешь, то будем стрелять». А мы знали, что где-то впереди располагался немецкий танк «пантера», который не давал нашей пехоте последний рывок к центру Берлина осуществить. Немец согласился помогать, стоял перед нами, вышел, посмотрел, вернулся к нам и подтвердил, что впереди есть танк. Мы засели в подземном проходе, потом слышим: «тык-тык-тык», это значит, что по улице идет танк, подождали, я приготовил 2 фауста, отделение так расположилось, чтобы по прикрывающей танк пехоте огонь дать. Ждем, прошли немцы, появляется танк, он медленно шел, я на мушку его взял, «пантера» до середины улицы дошла, оставалось до нее метров 30, не больше. И я выстрелил, танк сразу взорвался, пехота немецкая кинулась тикать и прямо к нам в подъезд забежала, мы их сразу всех длинными очередями расстреляли. Кто-то доложил начальству о произошедшем, и меня наградили третьим орденом Славы 1-й степени, но выдали его только через 49 лет. Так что с первого боя до последнего я беспрерывно воевал в течение полугода.

1 мая битва за Берлин закончилась, я расписался на Рейхстаге, когда нас водили к нему на экскурсию, но что там смотреть: обгоревшее здание, кто где мог, там и расписался. И 1 мая, в мой день рождения, мы с командиром батальона случайно встретили командарма-1 Катукова, и, так как у меня был день рождения, то он мне в качестве подарка вручил свой танковый шлем, он у меня до сих пор хранится. Так что войну я закончил

гвардии мл. сержантом, командиром отделения мотострелкового батальона в составе 19-й Гвардейской механизированной Лодзинской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова, ордена Богдана Хмельницкого бригаде.

– Какое отношение до войны было к людям, уже отслужившим в армии?

– Очень уважительное, в техникуме мы даже ходили посмотреть на ветеранов, кое-кто уже медали получил за финскую войну, все радовались, к ним было очень большое уважение.

– Не отправляли вас в Киеве на работы по укреплению обороны города?

– Обязательно. Мы рвы копали. Выдавали нам на 1000 человек большие лопаты, каждому определяют выкопать метр, и вот 1000 метров за день мы делаем. И девки, и хлопцы, причем позже просили приходить с лопатами, хотя потом тем, кто не принес ничего, там давали лопаты. Командовали работами наши начальники железнодорожные.

– Не видели ли вы наши войска, проходившие по улицам Киева?

– Видел я и войска, идущие на фронт, и унылые лица наших солдат, отступающих из Киева. Очень они унылые шли.

– Не сталкивались ли вы с добровольцами, пошедшими на службу к немцам?

– Было и такое. В нашей компании на сахарном заводе был пацан из фольксдойче по фамилии Ананиев, немцы его взяли к себе в концлагерь под Белой Церковью учиться, фольксдойче вообще везде поблажка была. После он нам рассказывал, что им на расстрел приводили русских пленных, отпускали их бежать, а он должен был убить их. Но Ананиев признавался нам, что он с перепугу не попадал. Кроме того, на нашем заводе был отряд украинских националистов, человек 17, причем там в основном были наши местные русские и украинцы. Кстати, нам удалось внедрить в эту группу двух наших подпольщиков. Также расскажу такой эпизод: мы побывали на свадьбе Ананиева с дочкой директора завода, фольксдойче пригласил нас, в компании было человек 10. Также за столом сидело четверо немецких офицеров, они тогда все до одного на каждом месте говорили, что победят нас. А мы им на свадьбе тоже говорим: «Да, мы победим!» **Мы победим**, понимаете? И мы победили.

– Как обстояло дело с питанием в оккупации?

– Я был одинокий, когда дядю Мишу забрали, я перешел на квартиру к одной семье. Спасал сахар, с завода мешок стащишь, поделишь в семье по 10 кг на человека, и его меняли на еду и на самогон. Также немцы за работу в конце месяца платили 80-100 украинских оккупационных гривен, полпуда крупы ячневой или еще какой и сахару два кг. Вот такой был скромный, очень скудный паек. Но в принципе хватало, особенно с наворованным.

– Было ли вам в период оккупации известно о больших потерях в Красной Армии? Об отступлениях?

– Конечно, когда наши войска откатывались назад, когда сражались под Киевом, мы все видели, что потери у нас очень большие, ведь видно все было, такое не скроешь. Но все равно все были уверены, что мы победим. Пусть с массовыми жертвами, но победим.

– Какое было отношение в войсках к партии, Сталину?

– Самое что ни на есть героическое, я положительно относился, хотя в партии тогда еще не состоял. В моем отделении были коммунисты и комсомольцы, человека 3–4, они действительно шли в бой вперед, своим примером увлекали за собой. А к Сталину было отношение как к родному отцу.

– Как вы поступали с пленными немцами?

– Как они с нами, так и мы с ними, один раз расстреляли немцы 400 русских, мы также отобрали 400 человек из немцев, вывели и расстреляли. И все, а так относились к немцам, как бы сказать, по-людски, негативное отношение было только к эсэсовцам, поэтому они прятались, снимали с себя шинели и выбрасывали. А вот к освобожденным из плена бельгийцам и французам у нас было хорошее, по-настоящему товарищеское отношение.

– Какое в войсках было отношение к старшим офицерам?

– Я видел Жукова в Берлине, на параде Победы, там подбирали людей для Москвы. Нормальный человек, порядочный. А вот с Чуйковым столкнуться не пришлось. О Жукове же в войсках говорили одно – это хороший командир, его бросали на самые опасные, ответственные участки фронта.

– Как складывалось взаимоотношение с мирным населением в Польше, Германии?

– Мирное население в Польше нас встречали хорошо, как освободителей, а немцы постоянно пробовали, есть ли рога под касками. И сильно удивлялись, когда не находили рогов на голове, говорили: «А нам сказали, что у вас всех рога, вас бояться надо!»

– Отправляли посылки домой из Германии?

– Да, когда мы взяли Берлин, нам разрешили запаковать в посылку 8 кг и послать домой, но что я, солдат, если Жуков, понимаешь, эшелоны домой отправлял, я же нашел ящичек, барахлом каким-то наполнил, уже не помню чем, и отправил. А так трофеи собирали, было дело, у нас у каждого в карманах часов было по несколько штук, это была настоящая разменная монета, все ведь менялись между собой.

– Что было самым страшным на фронте?

– Для меня, например, бессонница, точнее, все хотели спать, кушать у нас было, а вот спать не хватало. Как-то раз нас, 10 человек, послали штаб охранять, в километре от штаба проходила дорога, мы стояли рядом, а мои солдаты еле идут, спать хотят. Пришли на пост, обстановка вроде ничего, все спокойно, тогда я приказал: «Вы все ложитесь и спите, а я буду ходить возле деревьев, и никому места не уступим». Вот я хожу, а ребята спят, тут вдруг кто-то тихо зовет: «Иван, Иван». А автомат у меня висит на дереве, я безоружный, смотрю – фрицы. Ну, все, думаю, попался я, труба дело, они меня поймали, а ребят расстреляют сейчас. И тут фриц говорит: «Иван, мы в плен пришли». Немцев оказалось тоже немного, 11 человек, я быстро позвал: «Миша и Володя, а ну сюда». Те близко лежали, быстро подбежали ко мне, я распорядился забрать оружие у немцев. Фрицев же предупредил: «Сложите все оружие, и наше командование будет с вами хорошо обращаться!» Немцы все выполнили, мы их повели в штаб, где доложили, что привели 11 немцев. Там обрадовались, спрашивают: «Где это вы их нахватали?» Я ответил: «Мы их не хватали, они к нам сами пришли!»

– Как мылись, стирались?

– Как кто мог, но, конечно, вши были. Боролись с ними так: в баню заходит человек 12, и в бочку специальную одежду бросают, там вода кипяток, пары выходят, по полчаса она лежит, и все вши погибают. Но что сказать, я вшей чтобы так сильно не замечал, не до них было.

– Были ли какие-то приметы, предчувствия?

– Я, например, все время чувствовал, что война вот-вот закончится, уже конец, видно, как немцы отступают, в плен сдаются. Скоро-скоро все закончится. Это поддерживало сильно, причем такое чувство было не только у меня, а у всех. А когда в Германию вступили, вот там мы и слышали, что «Гитлеру капут!» Это все немцы начали говорить, когда шли в плен.

– Как кормили?

– Кормили хорошо, обычно на 100 человек котел большой варится, и первое, и второе, и даже третье. Мяса много, в котел постоянно нарезалось. И потом, мы же не дураки, знали, где у немцев в домах стоят сухие фрукты, варенья в банках. Но было и такое, что немцы специально протыкали шприцем банки, чтобы нас отравить. Тогда мы делали так: кто-то съел одну или две банки, если плохо стало, сразу медиков вызывали. Кормили 2–3 раза в день, причем бывало, что спим уже, а нас будят кушать. Мы тогда отмахивались, какое там кушать, дайте поспать. Кроме того, при вводе частей в прорыв обязательно выдавался сухой паек, в него входило: сухари и консервы, сахар. Консервы в основном были наши, там одни кости, но выжить можно.

– Наших убитых как хоронили?

– Как положено, в яму положим и закопаем. Но по-разному, было и такое, что не успевали похоронить, оставляли следующим за нами частям.

– Женщины у вас в части были?

– Были, отношение к ним было нормальное, по-простому. Это у нас, у солдат, а вот офицеры уже по-другому, они говорили так – иди сюда, романы пытались с ними заводить. У нас в батальоне были связистка и медсестра, а чем они занимались, кто их знает, я был молодой, 20 лет, не задумывался над этим.

– Встречались ли вы со случаями применения немцами нашего оружия?

– Да, надо сказать, что немцы очень любили наши пушки, захватывали их и использовали против нас.

– Получали ли солдаты какие-нибудь деньги на руки?

– Нет, потому что на войне основные деньги одни – это патроны. И мы всегда стремились набирать патроны, про деньги и разговоров никаких не было.

– Приходилось ли вам воевать с власовцами?

– Было дело. При пленении я у них спрашивал: «Чего ты поступил во власовцы?» В основном отвечали одно: «Чтобы жизнь сохранить». Но они разные были, кое-кто и до смерти за немцев сражались, приковывали себя к позициям. Что уж скрывать, против нас до миллиона власовцев сражалось. С пленными власовцами поступали по-разному: кого расстреливали, кого отпускали.

– Выделяли ли вы по национальности тех, против кого воевали?

– Несмотря на конец войны, мне пришлось столкнуться как с частями румын, так и венгров, но они были слабее фрицев, если немцы до последнего сражаются, то эти быстро позиции бросают. Явно слабее немцев были.

– Что помогало выжить на фронте?

– Храбрость русского солдата. Это была основа основ нашей Победы.

– Ваше отношение к комиссарам?

– Положительное. С замполитом сталкивался часто, он приходил, рассказывал о событиях, что ждет нас впереди, как обстоят дела на фронте, в мире, на Родине, они важную роль выполняли, замполиты в войсках сильно нужны были.

– С особистами не сталкивались?

– Однажды довелось. Подошел ко мне как-то особист, отвел в сторонку и сказал: «Расскажи или напиши о своем командире роты». Имелось в виду что-нибудь плохое, недостатки какие-либо указать. А я плохого о командире не слышал, отказался наотрез. Больше он ко мне не подходил.

– С бывшими военнопленными не встречались?

– Часто приходилось. Я спрашивал, чего они в плен попали, и, ясное дело, то контузия, то ранение. Таких людей строили в колонны, назначали старшего солдата или офицера из их числа, требовали у него документы. Далее он отводил свою колонну в какое-либо село, там ему документы вернут. Он выполнял все, а там никто ничего не возвращал, начинались для них проверки.

– Где находились командиры взводов и роты в атаке?

– Наши офицеры по тылам не прятались, находились с нами. Просто ему нет надобности вместе с отделением бежать, он где-то находится позади и видит общую картину боя, командует одному

отделению остановиться, а другому отделению поддержать фланговым огнем или прорваться к вышедшему вперед отделению.

– Что всегда носили с собой, а от чего старались избавиться?

– Лопата и котелок всегда с собой, они нужны, а вот противогаз мы выбрасывали к чертовой матери, в эту сумку набивали себе патронов дополнительных. Сумка была удобная. К автомату давали 2 диска, в каждом 71 патрон, и на поясе еще патроны. Но на бой 2 дисков не хватало, поэтому патронов всегда старались взять как можно больше. Проблем с патронами не было, поближе к боевым действиям привозили ящики на машинах, потом перегружали на подводы и дальше к передовой. Когда патроны у нас заканчивались, то командир роты отряжал человек 50, и они брали по ящику патронов и несли к нам на позиции.

– Использовали ли вы немецкое оружие?

– Только фаустпатрон, автоматом их не пользовался, у нас свои хорошие были.

– Какое наше оружие вам не нравилось?

– Мне очень не нравился ручной пулемет, тяжело его таскать было, хотя и безотказный в бою.

– Самое опасное немецкое оружие?

– У них были шестиствольные минометы, похожие на наши «андрюши». Хотя, конечно, если наша «катюша» сыграет, то там 32 снаряда, а у них всего 6, но все равно и 6 стволов страшное оружие.

– Самое эффективное наше оружие?

– Танк Т-34, он грязь проходит, на своей большой скорости догонит, кого хочешь, кроме того, сам по себе быстрый и разворотливый. Хорошая машина. И на марше мы в основном на танках находились или на машинах, пешком намного меньше ходили.

– Что вы можете сказать об эффективности наших гранат и немецких?

– Немцы в этом отношении поумнее нас были. У нашей гранаты ручка была маленькая, а сама граната большая, у немцев же все наоборот – сама граната маленькая, а ручка большая, то

есть ее намного удобнее кидать было, метров на 10 дальше докинешь. В то же время у немецких гранат запал был длиннее, чем у наших. Поэтому бывало, мы им гранаты назад кидали. И, кроме того, по разбросу осколков наши гранаты были лучше, эффективнее.

– На сколько бойцов обычно вырывался окоп?

– У нас были только индивидуальные ячейки. Только остановился, сразу вырывай окоп и живи там. И часто рыли, в день раза по два.

– Кто обучал вновь прибывшее пополнение?

– Офицеры, но тут сложно сказать, что молодых мы берегли, я, к примеру, в отделении был самым молодым по возрасту, хотя и уже командир отделения.

– Кто входил в ваше отделение?

– Все молодые очень были, особенно мне памятны мой друг по подполью Володя Незгодзинский и Миша Вовк, настоящий хохол, такой высокий. Один раз Мишке пуля по касательной попала в живот, он заорал, схватился за живот, начал кричать, мы его отвели в медчасть, ему там кровь отмыли для перевязки, и оказалось, что пуля по пузу только чуть чиркнула. И не ранило ничего, у него просто болевой шок был. И вот Миша Вовк спас меня в Берлине – он увидел, как ко мне кто-то сзади подбирался с ножом, и застрелил его.

– Каким было снаряжение разведчиков?

– Строго по уставу каждый солдат имел автомат, 2 диска, побольше патронов и 2 гранаты. У всех нас было такое оружие, я только еще фаустпатроны всегда с собой носил. Если кто носил и другое оружие, то только так, чтобы не видело начальство, а то можно было в штрафники угодить.

– Как вам вручили орден Славы 1-й степени?

– 7 декабря 1993 года мне вручили орден Славы в большом зале Симферопольского горисполкома, в котором собрались участники отчетно-выборной конференции ветеранов войны, труда, вооруженных сил и органов охраны правопорядка. Вручили мне его за подбитую в Берлине «пантеру» и бои в мае 1945 года. Дело в том, что меня представили сразу же, но реляция затерялась в штабных службах, и я узнал об этом случайно, сам я этот орден и не думал искать. Тогда была такая переписка «Найди меня», и один из солдат из Воронежской области написал

мне, что у него есть книга, где написано, что я за бои в Берлине получил третью Славу. Я поискал по всем магазинам, но не нашел ее, попросил товарища мне выслать книгу, он так и сделал. Я почитал, действительно, но прошло уже 45 лет. Я в военкомат, сделали запрос в архив, ответили, что я не только представлен, но и награжден. Орден лежал у них, но отдать его так просто они не могли, надо было, чтобы киевское начальство попросило у них забрать орден Славы. К счастью, наши в военкомате оказались молодцами, его руководитель написал записку на Киев, ее переслали в Москву, там прочитали и направили с резолюцией: «Рассмотрите на месте». Военком, недолго думая, вызвал офицера и направил его в Москву за орденом, кроме меня, еще одному ветерану надо было ордена получить – у него все ордена сгорели, ему была нужна замена. И вручили мне здесь орден, я пригласил ребят к себе домой, потому что в армии любой орден обмываться должен. И этот орден я обмыл со всеми крымскими Героями Советского Союза и начальством, всего 16 человек. Жена приготовила все, мы приехали и обмыли мой орден Славы 1-й степени. Кстати, на фронте мои Славы давали перед строем, вызывали меня по фамилии, пожимали руку, спасибо, и свободен. Все. И в отделении я тоже не обмывал ничего, я тогда еще не пил. Кроме того, также пришлось и в мирное время отличиться – спас двоих утопающих, мне даже вручили медаль «За спасение утопающих». Одним вечером я услышал крики о помощи со стороны водоема на ул. Радищева. Подбежав ближе, я увидел, точнее, едва разглядел тонущих в воде 2 человек, я по тонкому льду подбежал к ним, бросил спасательный круг и подал шест, вытащил из воды их. Они были сильно выпившие. Вот эта награда, кроме орденов, мне самая дорогая. И еще одно – сейчас много говорят, что ордена и медали часто раздавали тыловикам, но у нас в части не было такого, может, выше и было, а вот у нас не было.

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ! МЫ ПОБЕДИЛИ! ГЕРМАНИЯ ПОЛНОСТЬЮ РАЗГРОМЛЕНА!

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941-1945

ГРАМОТА

участнику взятия Берлина

(Апрель—май 1945 года)

Гвардии Мл. Сержанту Чуйкову Василию Прокофьевичу 1912 года рождения, механизатору, члену ВЛКСМ, орденоносцу Ордена Ленина, Красного Знамени, Ордена Суворова, ордена Богдана Хмельницкого бригады

Вы до конца выполнили свой долг перед Родиной в Отечественной войне, прославив русское оружие на полях великих сражений с немецкими оккупантами, навеки прославив Сталинскую гвардию.

Военный Совет 1-й Гвардейской Танковой Армии отмечает Ваше героическое участие в уличных боях по овладению столицей немецкого империализма—Берлином и поздравляет Вас с победой.

Командующий 1 ГТА гвардии генерал-полковник танковых войск М. КАТУКОВ

Член Военного Совета 1 ГТА гвардии генерал-лейтенант танковых войск Н. ПОПЕЛЬ

Берлин, 9 мая 1945 г.

Грамота за взятие Берлина

– Кто из членов вашей семьи принял участие в Великой Отечественной войне?

– Все 6 братьев воевали, и все пришли с наградами домой. Все живые и здоровые вернулись, и тут одного брата убила в селе банда – он не давал ей раскрадывать колхоз.

Война в Берлине закончилась, Чуйков стал командующим Берлинским округом, я продолжал служить в своей армии, но нас сразу из Берлина убрали. Нашу часть перевели под Лейпциг, где я

служил в одной захолустной танковой части, она производила ремонт автомашин, там было всего человек 100, ремонтники и слесари, командный состав всего 4 или 5 человек, меня туда в штаб поставили, потому что я уже ученый человек, ветеран войны. Демобилизовался в 1947 году в звании сержанта. Так началась моя мирная жизнь.

После демобилизации я работал на строительстве железных дорог на участках «Архангельск – Мезень», затем «Печора – Воркута». Работал и одновременно учился, окончил Московскую академию труда и социальных отношений по специальности инженер-экономист. С 1961 года я живу в Крыму, строил Северо-Крымский канал, работал в тресте «Крымводострой», возглавлял постройком «Юждорстроя». Встретился я с однокурсницей Леной Казаченко, чуть не поженились, но она за другого выскочила, у нас на курсе было хлопцев много, а девчат 2 или 3, где она сейчас, я не знаю. А жизнь я прожил с любимым человеком Клавдией Иосифовной.

Гершман Матвей Львович

– Матвей Львович, вы ушли на фронт в возрасте 16 лет. Расскажите, как это было?

– Я был одержим мечтой стать военным летчиком. В то время в летные училища принимали после окончания девяти классов, и

я решился, мягко говоря, на «подлог». Приближалась пора экзаменов на зачисление в Гомельский аэроклуб, а ждать еще пару лет я не желал. Пошел и заявил, что потерял метрики. Родители не одобряли, но и не препятствовали. Записали в новой метрике год рождения 1923-й, а на самом деле родился я в августе 1925 года. Послали на врачебную комиссию. Я занимался гиревым спортом, так что не выглядел хилым подростком. Старый врач, еврей, сразу понял, в чем дело, и говорит: «Зачем тебе это надо?» Я в ответ, мол, авиация, мечта и так далее… Он покачал головой и грустно сказал: «Скоро война…»

А через неделю она действительно началась. Приходил 2 раза в райвоенкомат, просился добровольцем, а мне отвечают: «Жди до особого распоряжения». Уже 3 июля 1941 года собрали нас, 1500 человек, на станции Тереховка Гомельской области и отправили пешим ходом в глубь страны. Было указание Комитета Обороны всех уроженцев 1923–1926 годов вывезти из прифронтовых районов в тыл для сохранения мобилизационного резерва. Только в редких местах успели это указание выполнить. Нам повезло, под немцем не оставили. Вел нас старший лейтенант, призванный из запаса. Он не разбирался в карте и не имел ни малейшего представления, куда идти и чем нас кормить. Короче, шли по территории Брянской области, ночи проводили в лесу, а утром на крики: «Подъем! построиться для движения!» многие не выходили, а просто возвращались к себе по домам… Еда, взятая из дому, кончилась через неделю, и мы всю дорогу «побирались» у колхозников. Грязные, завшивленные, голодные, оборванные… Немцы бомбят колонны беженцев, постоянно приходят слухи о диверсантах или о том, что враг уже в Смоленске. Несколько раз и нашу «добровольческую бригаду» бомбили. Было страшно и жутко, когда впервые увидел разорванных авиабомбами людей. Призывники разбегались, особенно белорусы из деревень, но мы, 7 человек с нашей улицы, дотопав до Брянска, решили идти в военкомат и просить о зачислении в действующую армию.

Военком нас обматерил, орал: «…возвращайтесь в Гомель, к мамкам, я пионеров на фронт не посылаю!..» Пришли на вокзал, стоим и молчим, а на перроне эшелон отправляется в Гомель. А мы даже не знаем, успели ли наши семьи эвакуироваться.

Не говоря ни слова, развернулись и пошли на восток. Прошел слух, что таких «резервистов» собирают в городе Орле. Больше месяца шли мы вглубь по российским дорогам, вроде в противоположную от фронта сторону, а вышло, что пришли навстречу войне.

Под Орлом был сборный пункт для таких бедолаг, как мы, а

там собрано 40 000 человек под открытым небом. Вокруг колючая проволока. Из нашей гомельской команды до Орла добралась только половина. Все спят на земле, едят сухари, теснота неописуемая, одним словом – все прелести военного лихолетья. Смешно, но первую ночь мы спали на колокольне ближайшей церквушки. Через пару дней начали распределять по воинским частям ребят 1923 года рождения, а кто помоложе, отправили дальше в тыл или на окопные работы. Все мои друзья были зачислены в танковые училища, а я уперся, мол, только в летчики! Кстати, из нашей «семерки», кроме меня, все ребята погибли на войне. Прошла неделя, уже начали формировать из нас стрелковую бригаду, как вдруг меня вызывают в штаб и дают направление в Воронеж. Иди, говорят, пилот ты наш, учись на «сталинского сокола». Приезжаю и попадаю в ШМАС – школа младших авиаспециалистов. Все равно, думаю, переведусь в летное училище. Семь месяцев длилась учеба, и после окончания ШМАСа, в звании старшего сержанта, меня направили служить в 239-й ИАП, воевавший на самолетах Як-1. Полк был в составе Брянского фронта, базировался недалеко от Старого Оскола. В день приходилось обслуживать по 5–7 вылетов, это был тяжелый труд. В полку был штурман, знаменитый летчик Иван Блохин, Герой Советского Союза. Эскадрильей командовал капитан Мальцев. Вот так началась моя фронтовая биография.

– Как вы попали в пехоту?

– В конце июня 1942 года немецкие танки прорвали оборону нашего фронта. К тому времени в полку не осталось исправных самолетов. Последний пилот полка погиб на наших глазах над аэродромом. Он прижимал к земле немецкий самолет, принуждая к посадке на наш аэродром, немец уходил в отвесном пикировании, и они оба врезались в землю, прямо на взлетной полосе. В тот же день мы заметили, что все штабные садятся в машины и уезжают. Никто нам ничего не говорит. На краю аэродрома стояли несколько неисправных самолетов «Харрикейн». Смотрим, а их особисты поджигают. Да и машины БАО несутся прочь, в сторону тыла. Я говорю своему другу, механику Горещуку, мол, все драпают, что делать будем? А с 1941 года у многих на слова «прорыв» или «окружают», или на самое страшное для многих – «Немецкие танки обходят!» был уже рефлекс. Нет, не животная паника, а скорее готовность адекватно реагировать на ситуацию, тем более рядом ни одного командира и никаких приказов. Те, кто оставался на месте, ожидая, что в штабах о них вспомнят и дадут приказ на отход, имели два варианта развития событий – или в сырую землю навеки, или в

плен. А в основном бежали по принципу «спасайся, кто может». Первый год войны солдат многому научил. Горещук сказал, что, если сейчас хоть на час задержимся, нам хана, командующий фронтом товарищ Голиков наши похоронки лично подпишет… Был такой «военачальник», бывший командир разведки РККА. Вышли на дорогу, ведущую к городу Острогожску. По обочинам раненые бредут, а все машины мимо проносятся. До солдата, «серой скотинки», никому дела нет. Подобрал я на земле брошенный новенький автомат «ППШ», стоим и «голосуем», – никто не останавливается. Раненые возле нас сгрудились, просят: «Братки, выручайте». Вижу, идет полуторка с крытым верхом, ну я и дал очередь по скатам. Вываливается из кабины старший лейтенант с «ТТ» в руках, мат на мате, кричит, что у него особое задание, и всех перестреляет и т. д. У этих «полководцев» в такие минуты всегда «особое задание». Я говорю: «Лейтенант, ты свою пукалку в кобуру спрячь, а то у меня в диске 70 патронов, а если раненых в кузов не возьмешь, я тебя здесь и порешу». Бойцы, пока я с командиром «дружески беседовал», залезли в кузов, и лейтенант, обещая мне трибунал, расстрел и прочие удовольствия, сказал водителю: «Ладно, поехали». Через 30 километров добрались до переправы, а по мосту пропускают только боевую технику. Сошли мы с машины, а возле моста тысячи бойцов стоят в полной прострации. Река неширокая, всего метров 200 в ширину, сейчас не помню точного названия, приток Дона. Кто вплавь переправляется, кто с разбитых кузовов плот мастерит. А затем начался ад кромешный. Немцы стали беспрерывно бомбить переправу, одна волна бомбардировщиков сменяла другую. Наши зенитки они сразу подавили. Лежим с Горещуком, землю русскую обнимаем, а вокруг нас месиво из людских окровавленных тел. Еще с сорок первого года у меня был опыт, как определить – летит бомба на тебя или будет перелет. Лежали на спине и, если бомба отделяется от самолета прямо над тобой, – значит, упадет дальше, одним словом, задачка на внимательность. Образно говоря, в эти часы все «небо было черное» от немецких самолетов. Да и перебегать невозможно, солдаты лежат на берегу в «два наката», техника брошенная, трупы лошадей… Все в лучших традициях лета 1941 года. Мост пока еще был цел, и переправа не прекращалась во время бомбежки. Побежали к мосту и на ходу запрыгнули в грузовик, заградотряд даже не среагировал. А в кузове – мать честная!!! – открытые ящики с запалами от гранат и мины лежат. Если бы хоть одна пуля или осколок попали в машину, от нас бы пыли не осталось. Было такое ощущение, что все немцы бомбят и стреляют только по нашей машине. Отъехали от переправы на

полкилометра, спрыгнули… Друг мой пошутил, что я даже не поседел, как был рыжим, так и остался… А перед нами заслон, всех назад гонят… Хорошо, хоть мы с оружием были, а кто винтовки бросил, тех в сторону отводили. Раненых сразу проверяли, искали «самострелов». Наспех сколотили из нас сводный отряд и бросили окапываться возле реки.

К вечеру дали приказ на отход на станцию Лиски. Пока дошли до нее, нас еще три раза пробомбили, и наш отряд половину людей потерял. А навстречу немцам шли сотни танков. Все сразу повеселели, мол, не сорок первый год, танкисты немца точно остановят… Только через месяц фашист уже в Сталинграде был… От железнодорожного узла Лиски доехали до станции, которую мы прозвали «Хрено́вая», там нас снова сортировали и распределяли, и я попал в Борисоглебск, а оттуда в город Солнечногорск на формирование 7-го механизированного корпуса. На этом мой «роман» с авиацией закончился, так как никто нас по прежним частям не возвращал.

– Как происходило формирование 7-го мехкорпуса? Как вы попали на фронт?

– Что происходило на уровне бригад, мне неведомо, помню только, что в бригаде было нас примерно 3 тысячи солдат. Узнали, что я оружейник, и назначили командиром взвода крупнокалиберных пулеметов в пулеметную роту 16-й механизированной бригады. Получил звание – старшина. Каждый пулемет весил 180 кг, только станок со стволом 132 кг. А еще щиток, наплечники и т. д.

Скорострельность 600 выстрелов в минуту, дальность стрельбы где-то 2500 метров, стреляли бронебойно-зажигательным патроном Б-32, каждая пуля весила почти 50 граммов, как у ПТР. Ленты были металлические, по 25–50 патронов в каждой. Ленту надо было поддерживать при подаче, иначе патрон шел с перекосом. На стволе стоял кольцевой визир, можно было стрелять по самолетам, БТРам, пехоте. Даже боковую броню танка наш патрон прожигал, а траки гусениц перебивал начисто. Ставили пулеметы в открытые кузова машин «ЗИС». Потом уже, в 1943 году, мы получили американские «студебекеры». В моем взводе было 4 расчета, всего 22 человека вместе с водителями. Ротой нашей командовал старший лейтенант Лысенко. Подготовили нас хорошо, ведь боеприпасов для тренировок было достаточно. Корпус числился в резерве Ставки, год мы просидели в лесах, ожидая приказа отправиться на фронт. У меня близкий друг служил в разведвзводе бригады, Володя Афанасьев, так я все время ходил к начальству и просил

перевестись в разведку, а мне отвечают, что если совершу что-нибудь геройское, тогда и подумают о переводе. Каждый раз новые слухи, то на Донской фронт наш 7-й МК кидают, то на Курскую дугу. Все бойцы оголодали, год нас силосом кормили, три раза в день по черпаку капусты, да хлеба в сутки 600 граммов. Вот весь паек. Все страдали кровавым поносом. Только в августе 1943 года корпус ушел на фронт. Отправили нас на Украину, сначала под Полтаву, потом в район города Кременчуг. Корпус ушел в прорыв и оторвался от наших передовых частей на 60 километров. Последовал немецкий ответный удар, и покатились мы назад. Что творилось, даже рассказывать не хочется… Танки нашей бригады назад отходят, свои же грузовики с дороги сбрасывают, своих же раненых в суматохе давят. Стоим в селе, беру трех солдат и говорю расчетам, чтобы нас ждали, а мы пойдем разведаем. Прошли метров двести по селу. А из-за поворота выходят немецкие автоматчики. Кинул я в них три гранаты, ребята из автоматов стреляют, отходим к машинам, а их уже след простыл. Бросили нас товарищи…

Ну, делать нечего, тут и мы побежали. Смотрю, лежит раненый лейтенант, с мотострелкового батальона. Он был кадровый, к нам прибыл с Дальнего Востока, солдаты его не любили за постоянные мелочные придирки. Говорю: «…бойцы, надо спасать офицера, он же коммунист, его же немцы в расход пустят…».

Сержант мне отвечает: «Я эту паскуду на себе не понесу, давай его добьем, иначе не выберемся». Я его «беру на горло», приказываю, матом крою, кричу, что у офицера дети малые дома и не нам их сиротить. А мне мой солдат говорит: «Ты, старшина, о наших детях подумай». Опять нам повезло, через 500 метров нарвались на грузовик «ЗИС» с нашей бригады. Водитель бедный стоит с винтовкой и спрашивает: «…Где наши?» Не рискует в одиночку ехать, там же не разберешь в этой каше, где немцы, а где свои. Проехали несколько километров, да машина в воронке застряла. Дальше драпали пешим ходом. Но донесли мы этого лейтенанта живым до своих. Пробились, видим по полю несколько сот наших солдат отходят, но, скажем так, организованно и солидно, – отстреливаясь. Немцы из орудий стреляют, техника наша горит. Дошли до своих, а там стоит генерал со свитой полковников, в руках пистолеты, орут. Думаю, сейчас шлепнут под горячую руку. Подошел, докладываю: «Старшина Гершман вышел с тремя бойцами». Генерал обложил меня в три этажа, на этом все обошлось. Положили всех в цепь, а в километре от нас немецкие танки. Размазали бы нас в чистом поле гусеницами, но спас не Бог, а танковый полк, приданный

корпусу. Незабываемая картина. На головном танке рядом с люком водителя стоит командир полка и показывает экипажам направление движения и куда вести огонь. Рядом с танком снаряды рвутся, а его не задело даже, хоть в атаку пошел, как смертник, не прикрываясь броней. Остановили они немцев в лобовой атаке, нас заменили, а потом началась «раздача». Комбрига, полковника Железняка, сняли с должности, а несколько офицеров «упекли» в штрафбат за оставление позиций без приказа. Потом нашел свой взвод, стоят хмурые солдаты возле машин, молчат и глаза отводят… Всем жить охота…

– Как вы попали в разведку?

– В начале сентября 1943 года немцы бомбили район дислокации бригады. Наши пулеметы стояли у штаба. От взрыва на одной из машин пулемет перевернуло. Подбежал к ней, командую бойцам: «Романцов, Чикурашвили, ко мне!»

А штабные руками машут, кричат: «Не стрелять, из-за вас немцы штаб накроют».

Подняли втроем пулемет, поставили на место, и я начал бить по самолетам.

«Юнкерс» на меня пикирует, стреляет. Вот, думаю, смерть моя пришла, но я его опередил, видимо, попал в летчика. Самолет «свечку» сделал и рухнул на землю. Кругом раздалось: «Ура!!!» Представили меня за сбитый немецкий самолет к ордену Отечественной войны 2-й степени, согласно статуту ордена. Первый орден в бригаде. Ну а я опять завел свою «шарманку», мол, в разведку обещали отпустить. Махнули они рукой, а я перешел в разведвзвод к другу своему Володе. Евреев в разведку брали охотно, во-первых, знание немецкого языка (поскольку немецкий и идиш весьма схожи), во-вторых, знали, что к немцам еврей не перебежит и в плен не сдастся. Публика у нас подобралась своеобразная. Был солдат по фамилии Байбуш, с довоенной профессией – конокрад. Был уголовник Перфильев, отсидел до войны в общей сложности 10 лет, все нам про Колыму рассказывал. Командовал разведкой лейтенант Владимиров. Ребята в подавляющем большинстве были комсомольцы и патриоты, люди отчаянной смелости. В разведку все шли сознательно, прекрасно понимая, что век разведчика короток и смерть или тяжелое ранение ждут нас всех впереди. Гоняли нас к немцам чуть ли не через каждые три дня. Начинают в штабе обещать, если возьмете немецкого офицера, всех к ордену боевого Красного Знамени представим. Разок бы сами за линию фронта сходили, посмотрели бы, как германские офицеры толпой стоят и русскую разведку дожидаются, мечтая побыстрей в плен

попасть… Разведпоиски готовили основательно, саперы, группа прикрытия и захвата, все, как положено. Успел я сделать 15 выходов, все время в группе захвата. Взяли мы 10 «языков», но все захваченные немцы были рядовые или унтер-офицеры. А вообще, даже после того, как прошло с тех пор 62 года, трудно рассказывать о том, как часовых ножом снимал или о четырех рукопашных схватках в немецких траншеях, за время моей службы в разведке. Это запредельное озверение и жестокость… Не хочу об этом вспоминать.

Один раз послали меня с Перфильевым в немецкий тыл, разведать, что за части движутся по дороге. Гул моторов мы слышали за несколько километров. Ночь украинская темная, хоть глаза выколи, ничего не видно. Нейтралку прошли целыми, хоть нас и обстреляли. В тылу у немцев ползем, темень жуткая, так нас на минное поле и занесло. Тут Перфильев начал психовать, погоны с себя срывает, а свой автомат мне в руки сует. Говорит, что дальше не пойдет, и, вообще, сил у него больше нет, и он идет к немцам сдаваться. Ну не буду же я своего товарища резать. Успокоил его с трудом, а к утру добрались до дороги.

А там сотня машин немецких с пехотой стоит. Еще сутки к своим выбирались. Уже в десяти метрах от наших позиций Перфильев попросил, чтобы я никому не рассказывал о его малодушии. Я ему говорю: «Ты сам об этом забудь». Вышли, доложили в штабе, нам, как водится, ордена посулили. Нас с ним уже похоронили, каждый свою версию выдвинул, то ли мы на минах подорвались, то ли Перфильев меня убил, а сам к немцам перешел. В другой раз пошли в немецкий тыл, взяли «языка», но на обратной дороге заплутали и вышли на участке соседей. Немцы нас обнаружили, стреляют вдогонку. Встали в рост и бежим. Тут по нам свои из пулеметов вдарили. Двоих по ногам задело. Хорошо, хоть разобрались быстро, иначе бы наша группа в полном составе «погибла, выполняя воинский долг», как говорится. В разведке такая смерть часто случалась. Когда начались бои за Кировоград и на Криворожском направлении, наша бригада уже была почти полностью выбита. На последнем издыхании захватили станцию Батызман. От бригады в середине декабря 1943 года оставалось человек 200–250, считая тыловиков. Из разведки было всего 8 человек, остальные к тому времени убыли в «Наркомздрав» и в «Наркозем». В роте ДШК осталось всего три пулемета, а офицеров вообще не было. Лысенко в батальон к мотострелкам забрали. Вызвали меня и приказали принять остатки роты под командование. Утром 19 декабря 1943 года бригада держала оборону как простая пехота. Перед нами была лощина. Слышим рокот танковых моторов, все напряглись,

ведь у нас даже пушек не осталось. Правда, на краю села стояли две САУ, но не из нашей части. Штаб бригады стал сворачиваться. Машины заводят, ППЖ комбрига уже «откланялась». Побежал я вперед по пустой траншее разведать, что там творится, а в лощине немцы для атаки накапливаются. Насчитал 11 танков, вылез из траншеи, и в это время рядом снаряд разорвался. Левое предплечье перебило, кровь идет, я сразу ослаб. Бегу к своим и боюсь, что если сейчас упаду и сознание потеряю, то попаду в плен. Снега в рот напихал, чтобы побыстрей очнуться. Пистолет на бегу достал, чтобы застрелиться успеть. Добрался до ребят, а бинтов нет ни у кого. Хорошо, у меня под шинелью был ватник надет. Так клочья ваты в рану вбило, и кровь остановилась. Потом ремнем руку повыше перетянул, вроде полегчало. Командую: «К бою!» Бойцы говорят: «…Уходи, командир, ты же ранен…» Нет, думаю, хватит, набегался, пришел и мой черед в землю лечь. Бой был страшный…

Из командного состава бригады с нами остался только начальник штаба подполковник Егудкин Хаим Лейвикович. Он самоходки к нам подтянул, они нас и выручили, подбили 6 немецких танков, а потом у них снаряды кончились. Опять повезло, немцы отошли на исходные позиции. Тогда же, на моих глазах, заполнили на меня представление на орден Отечественной войны 1-й степени за то, что «будучи ранен, не оставил поле боя, отражал атаку, проявил, отличился», и так далее.

Нашелся фельдшер, перебинтовал меня. Комбриг вернулся и приказал помпотеху: «Бери машину и вези раненых в санбат». Помпотех наш был славный человек. Сидит рядом в машине и говорит мне: «Везучий ты, Матвей, живой остался, скоро три ордена получишь». Я в ответ сдуру ляпнул: «Так вы бы по тылам не ошивались, глядишь, и себе награду бы заслужили». Он только засмеялся. На мне была кубанка из серого каракуля, похожая на папаху высшего комсостава. Подарили одному украинцу ведро меда, а он нас, разведчиков, кубанками отблагодарил. Едем, а по дороге стрелковый полк идет с развернутым знаменем. Помпотех снял с меня шапку, машет ею и кричит: «Посторонись, орлы, раненого полковника везу!» Все расступились, и мы проехали, «веселясь», что снова живы. Привезли меня в медсанбат, и назад я в бригаду уже не вернулся. А из трех вышеупомянутых орденов получил только первый, «самолетный», и то вручили его мне в 1950 году. После войны я искал Владимира Афанасьева. На мое счастье, он выжил, имел два ордена Славы, помимо других наград. Встретились с ним и дружили долго и крепко до моего отъезда в Израиль. А потом уже только письма… Через 30 лет,

после Победы, получил приглашение на встречу ветеранов корпуса. Нас тогда еще много было живых ветеранов… Стоит Егудкин, на пиджаке у него орден Ленина, четыре ордена боевого Красного Знамени и еще полный «иконостас». Он с лета 1944 года и до конца войны нашей бригадой командовал. Все к нему подходят, руку жмут, кто в форме, честь отдает. Я стою в сторонке, стесняюсь подойти. Сколько тысяч человек прошло через нашу бригаду за время войны, вряд ли он меня вспомнит… Егудкин сам меня увидел, узнал и зовет к себе: «Вперед, разведка». Подошел к нему, обнялись. Он смотрит на мои регалии и спрашивает: «Где орден за декабрьский бой?» Отвечаю: «Ищет, наверное». Он снова: «В архив наградной обращался?» Так я ему всю эпопею свою послевоенную вкратце поведал и доверительно сказал в конце, что я с советской властью переписку окончил. Он только головой покачал и говорит: «Держись, Гершман, главное, живой остался!» Бригада наша, 16-я механизированная, прошла с боями пол-Европы и закончила войну в Маньчжурии, добивая японцев.

– Что было с вами после ранения?

– Попал в госпиталь в город Березники, в Пермскую область. Лежал там 4 месяца, начался остеомиелит кости, да и кости срослись неправильно. Пришел к начальнику госпиталя, умоляю о выписке, объясняю, что хочу вернуться на фронт. Он подает мне табуретку и требует, чтобы я ее поднял на вытянутой руке. Куда там, рука слабая стала совсем. Военврач спрашивает: «Как же ты окоп себе выроешь с такой рукой?» Короче, пообещал, что как наши его родной город Одессу освободят, тогда он меня и выпишет. В марте 1944 года пришли «сватать» выздоравливающих бойцов в пехотное училище. Пришел я на мандатную комиссию, все о себе рассказал, только не приняли, до сих пор не могу понять причину отказа. Хотя я даже радовался, что в тылу снова голодать не придется да на плацу маршировать. 9 апреля передали по радио, что Одесса наша, я снова к начальнику. Он от слов своих не отказался, и уже через неделю я попал в запасной полк, а оттуда, с маршевой ротой, прибыл в 88-ю гвардейскую стрелковую дивизию в 8-ю гв. армию генерала Чуйкова.

– Правда ли, что немцы называли эту дивизию «дикой»?

– Да, это так. Немцы выставляли против нас только дивизии СС. На Висленском плацдарме мы бились с дивизией «Геринг», под Ковелем с дивизией «Викинг». Наша 88-я гв. СД была сталинградской закалки, но к лету 1944 года в стрелковых ротах уже не осталось солдат – участников боев в Сталинграде.

Комбаты, как мне рассказывали, в большинстве своем были ветераны дивизии. Назначили меня командиром стрелкового взвода и повезли наш полк в эшелонах под город Сарны Ровенской области. Особисты провели инструктаж в ротах, довели до нашего сведения, что в Ровенских лесах сосредоточены десятки тысяч бандеровцев. Было запрещено отходить от теплушек. Но черт меня дернул на каком-то полустанке удалиться метров на сто от вагонов. Хотел набрать сена из стога, чтоб спалось на вагонных нарах помягче. Беру в руки охапку, и вдруг двое штатских с винтовками. Говорят без украинского акцента: «Стоять, милиция! Пройдемте с нами». Хорошо, думаю, сейчас разберемся, что им надо. Прошли двести метров до ближайших хат, заходим в пустой дом, интуитивно чувствую, что-то здесь не то. Задний «конвоир» на меня набросился, начал душить. Изловчился, просто выскользнул из своей новой английской шинели, она у него в руках осталась, и вцепился в винтовку его напарника. В разведке приемам научили, сделал я ему подножку, он и упал, а винтарь я перехватил. Двинул обоим несильно прикладом по голове, а стрелять в них боюсь, вдруг они и на самом деле из милиции, просто произошло недоразумение, и меня приняли за диверсанта? Связать их не догадался. Прибежал назад к эшелону. Голова моя разбита, кровь идет. Ротный спрашивает, что случилось, я объяснил. Побежали мы толпой к тем хатам, а бандеровцев след уже простыл. Начальнику эшелона доложили, он на меня наорал, но обошлось без наказания за нарушение приказа. Вот так мог и погибнуть глупо. После пошли пешим ходом на Ковель, пополнили роты жителями Одесской области. Кого там только не было, и бывшие полицаи, и «примаки» из кадровой армии «три года на печи пролежавшие», и юнцы восемнадцатилетние. Всех, кого полевой военкомат отловил, – сразу к нам. Выделили 5 дней на подготовку молодого пополнения. Наша рота достигла почти полного списочного состава – 108 человек. Немецкая оборона под Ковелем была построена из шести поясов. Доты, дзоты, траншеи полного профиля, ловушки для танков, все построено по последнему слову фортификации. Вся нейтральная полоса была нашпигована минами. Была еще одна интересная деталь. Посередине нейтралки протекал ручей, и мы, и немцы тропу к нему разминировали и ползали воду набирать. Друг в друга не стреляли, сталкиваясь по разные стороны ручья. Только смотрим с ненавистью, но «джентльменское соглашение» о ненападении соблюдали. Иначе воды не достать. До этого копали ямы, а в них болотная жижа. А потом нагнали на наш участок «тучу» артиллерии, говорили, что 300 стволов на километр наступления.

Сам видел, как комдив Панков с маршалом артиллерии Вороновым проверяли дивизионы, выдвинутые на передний край. 18 июля получаем в 4 часа утра приказ оставить в окопах шинели и вещевые мешки, взять по два боекомплекта и подготовиться к атаке, следуя вплотную за огневым валом. Только забыли с нами учения провести – атака за огневым валом!

Придали радистов-корректировщиков для связи с артполками. Слева и справа от нас выдвинулись «шурики» – штрафные роты. В пять часов утра дали залп «катюши», а потом вся мощь артиллерии ударила по немцам. В воздухе наши штурмовики Ил-2 немецкие позиции перед нами «утюжат». Через 30 минут и мы пошли. Вся земля перед нами была перепахана снарядами. Немецкий огонь был сравнительно слабым, мы ждали, что они нас сметут пулеметным огненным шквалом, но вот страшный и горький случай. Рядом со мной, в цепи, шел наш комбат, майор, красавец, осетин по национальности. Ему разрывная пуля разворотила плечо. Он посмотрел на рану, да и выстрелил себе в рот из пистолета, видимо не хотел страдать на госпитальных койках… До сих пор не пойму его поступок. Мы стоим ошеломленные увиденным, а останавливаться нельзя. Добежали до первой немецкой траншеи. А траншеи немецкими трупами завалены, а те, кто из фрицев жив, так все оглушены и контужены, никто не сопротивлялся. Мы и порадоваться не успели, как по нам своя артиллерия ударила. От роты только 38 человек в строю осталось после «подарка» от своих. От радиста только голова осталась, а тело в клочья, вместе с рацией. Ракетами себя обозначили, пушкари огонь вглубь перенесли. Жутко было. Понимаете… А сзади штабы нас подгоняют: «Вперед!» И так четверо суток без сна, непрерывный бой! На ходу спали. Штрафников, соседей, начальники погробили в полном составе, а мы, гвардейцы, за эти дни прорвались к Бугу, пройдя 70 километров. Перед переправой через Буг в роте было девять человек!!! Сапоги мои сгорели, так я последние два дня боев воевал в портянках, привязанных к ногам бечевкой. С убитых я никогда ничего не брал и не снимал… Мост через реку был наполовину уничтожен, саперы натянули тросы между уцелевшими опорами моста, и по ним мы переправились. За Ковельский прорыв меня представили к ордену Красной Звезды, его я тоже получил уже после войны.

– Расскажите о боях в Польше. За что вы получили первый орден Славы?

– 24 июля подошли к Люблину. Танки 2-й ТА вошли в город, а нашу дивизию срочно кинули освобождать лагерь смерти

Майданек. Еще дымились печи крематория. Освободили мы всего 1200 узников, их немцы добить не успели. Там лежали тысячи трупов… Бараки длинные такие, окрашены в зеленый цвет. Склады одежды, волос, химикатов… Скелеты, обтянутые кожей, на земле лежат. Как вспомню…

Подошел к старушке одной, освобожденной нами узнице, и говорю: «Не плачь, бабушка, теперь жить будешь». Она отвечает: «Да мне всего 23 года…» Я смотрел на весь этот кошмар и думал о своей семье, с июля 1941 года я не знал, что с ними, живы или погибли в гетто. За три дня до освобождения концлагеря взяли мы в плен власовца. Обычно их на месте кончали. А этот был совсем парнишка молодой. Сказал я тогда бойцам: «Пусть идет в плен, не трогайте…» Когда стоял возле печей, то пожалел о своем добродушии. Примерно двое суток мы прочесывали лагерь и его окрестности, добивали охранников-эсэсовцев. Дальше перебросили нас в Люблин. Ждали, когда нас сменит армия Войска Польского. Устроили парад, генерал Берлинг, польский командующий, на белом коне прогарцевал, прошли батальоны в конфедератках. Цветы, операторы фронтовой кинохроники, полный ажур. А нас в сторонку, словно мы в Люблин туристами пришли. Кстати, у поляков почти все офицеры были русские и евреи, переведенные к ним из Красной Армии, это потом в Польше они «панов» намобилизовали, а летом 1944 года Народная польская армия выглядела как советская дивизия, переодетая в чужую форму. Солдаты наполовину были «советского розлива», украинцы и белорусы. Повели нас к Висле, перед переправой получили пополнение. Ротные за голову схватились. Половина будущих гвардейцев «западники», вторая половина «елдаши» – так в шутку называли призванных из Средней Азии. Про «западников», скажу честно, может, кому-то это и не понравится. Они воевать не хотели, да и прислали к нам каких-то хилых и кривых мужиков. Был, правда, один хохол по фамилии Максимов, громила под два метра ростом. Ему пулемет вручают, а он говорит: «Командир, у меня сердце слабое, если снаряд рядом разорвется, я же сразу помру». Мы охренели от подобного откровения. Ничего, жизнь заставила, попривык наш «медведь», а уже потом, в обороне, косил Максимов «гансов» из пулемета даже с явным энтузиазмом. После войны, когда я в сталинских лагерях сидел на Воркуте, так у нас было много бывших бандеровцев, все как на подбор здоровые лбы. Но откуда набрали эту «инвалидную» команду?

Насчет солдат из Средней Азии скажу следующее. Мой новый ротный, еврей из Одессы, войну «ломал» с октября сорок первого, был четыре раза ранен. Так он сразу сказал, что мы замучаемся

нацменов в атаку поднимать, а если кого-то из них ранило, так весь «кишлак» возле него собирался, а немец в это время одной миной всех накрывал. Узбеки русским языком почти не владели, команды понимали с трудом. Если бы в обороне стояли, нашлось бы время этих бойцов к войне настоящей подготовить, но нам предстоял бой за плацдарм! Если «елдаш» выживал после пары боев, то потом воевал, как правило, неплохо. А казахи вообще становились добрыми солдатами. Это мое сугубо личное мнение, если кого задел, прошу извинить. Русских солдат Сталин с сотоварищами истребил в первые два года войны, так в конце войны призывали, что под рукой было. Например, перед боями в Берлине пополняли нас молодежью 1926-го и даже 1927 года рождения, а также бывшими военнопленными, только что освобожденными из немецких лагерей, которые даже не успели пройти проверку у особистов. Войну в пехоте заканчивали ребята 1925–1926 годов рождения, старшие призывные года уже основательно повыбило. Ладно, вернемся к Висле. Начали плоты делать, лодки искать. Прибежали политотдельцы, призывают воевать геройски, одним словом – «вдохновляют». Агитатор полка листок из блокнота вырвал, я на нем написал заявление в партию: «Если убьют, прошу считать меня коммунистом». Тогда я еще верил в светлые идеи Октября.

Перед каждым форсированием я с жизнью прощался. Плавать не умел. Если через Днепр на понтонах переправлялись, хоть и под бомбежкой, но уже на завоеванный передовыми частями клочок земли на другом берегу. А здесь первыми, да еще на плотах… Даже, если кто и был пловец отменный, все равно в сапогах и с оружием выплыть не мог, тонул. Ширина Вислы перед нами больше километра, глубина до тридцати метров. Комиссары нам рассказывают, что немцев на том берегу мало, мол, все резервы они под Варшаву бросили. А вышло совсем не так. Переправлялись всем полком одновременно, на рассвете. А тут и немецкие бомбардировщики на нашу голову. Бомбили нас «чемоданами». Летит такой ящик, а из него мелкие бомбы сыпятся. Сбросят бомбовый груз, а потом пулеметами «стригут». Прямо «по головам ходят». Кто доплыл до противоположного берега, падал обессиленный у кромки воды, а сверху, с бугров, по нас пулеметчики долбят, оставаться на месте нельзя ни на секунду. Насилу бойцов подняли и вперед. А там: «здравствуйте», через сто метров еще одна речушка, хорошо, хоть неглубокая, на мое счастье. Перешли ее по горло в воде. А нас в это время немцы выкашивают, если кто раненый падал, то сразу захлебывался. Поначалу плацдарм был километра два глубиной, а потом постоянно шли бои за его расширение. Продвигаемся, смотрим,

кусты помидорные. На них помидоры красные, крупные такие. Десяток бойцов к кустам подбежали. Кто-то первый помидор сорвал, а там мина прыгающая. Ее называли «лягушка», если эту мину трогали, она подлетала в высоту на метр и маленькими металлическими шариками всех косила. Вот так сразу полвзвода потеряли. Перед нами высота, немцы стреляют так, что головы не поднять. Ротный рукой знак подал, мол, подымай своих. Вскочил, пинаю ногами «елдашей», ору: «Вперед… Вашу мать…», а по нам огонь такой, что слов даже сейчас не могу подобрать, чтобы про эту жуть рассказать. Каску я на переправе потерял, был в пилотке. У моих ног пулеметные очереди фонтанчики земли высекают. Пилотку с меня пулей сбило. Залег, ползу к ротному. Бойцы окопаться пытаются. Кто приподнялся, тех сразу насмерть. Комроты говорит: «Матвей, давай еще раз, мы у немцев как на ладони, через пять минут всех добьют». Пошли снова в атаку, Бог сжалился, выбили мы гадов. Заняли высотку, окопались, командир народ пересчитал. Шестнадцать человек нас осталось… Бомбили нас день и ночь. Причем крупными бомбами, от каждой воронка метров восемь. Земля песчаная, траншеи осыпались. Многих солдат завалило землицей… Появляется пьяный комбат, бывший танкист, не пойму, как он в пехоте очутился. Матерится, каждое второе слово «по матушке». Начал мне расстрелом угрожать за то, что окопы не восстановили. Ротный пришел и говорит комбату: «…Пошел на хер, еще раз в роте появишься, самого пристрелим…» Через неделю этого алкаша-танкиста контузило, и его через реку в тыл эвакуировали. Вот такой момент занимательный.

Гершман М.Л. фото военных лет

Примерно через неделю фронт на плацдарме встал, но мне пришлось еще полтора месяца на нем воевать, пока не ранило. Все наши попытки расширить плацдарм были неудачными, только людей зря теряли. Плацдарм к тому времени был километров десять глубиной, а может, и больше. Помню несколько немецких танковых атак, до наших окопов танки не дошли, артиллеристы спасли, пожгли их, а вот соседний батальон танки раздавили. А так каждый день артобстрелы, бомбежки, мелкие стычки. Мы копны сена, стоявшие перед нами, сожгли и

все время из пулеметов огнем друг друга поливали. Без передышки, мы немцев, а немцы нас. Потом уже «по часам воевали». Снайпером я там заделался. Один раз лежал в засаде напротив немецкого охранения. Первым выстрелом промахнулся. Немцы из окопчика лопатку саперную выставили, она на солнце блестит. Не стреляю, жду. Они дальше каску над бруствером подымают. Не реагирую, наблюдаю через оптику. Немец чуть голову приподнял, решил обстановку оценить, я его и срезал. Товарищ его начал тело оттаскивать, привстал, так его тоже в «небесную канцелярию». А у третьего нервы сдали. Вскочил в полный рост, строчит из автомата в белый свет. Одним словом, счет: «три – ноль» в нашу пользу. Назад приполз. Винтовку снайперу нашему отдаю и говорю: «Коля, не вздумай сейчас охотиться, сиди в траншее». В блиндаж завалился, а немцы нас начали минами забрасывать. Через десять минут сообщают, что снайпера нашего убило. Полез он вперед, зря меня не послушал. Всего за войну, из снайперки, у меня 27 попаданий по врагу, а убил или ранил, сказать точно не могу. Надеюсь, что убил. Кстати, немецкие снайперы были мастера своего дела, для нас они были сущее наказание. Не давали вздохнуть спокойно. Сколько они нашего брата положили… Это только в кино на передовой все с орденами ходят. Никто медали на гимнастерке не таскал. Снайперы на блеск металла на солнце реагировали моментально и били без промаха. Все награды таскали в карманах, в основном в пустых кисетах.

На плацдарме было очень тяжело с водой и провиантом, только боеприпасов было навалом. Вши заедали со страшной силой. С табаком было слабовато, наши курильщики здорово страдали без курева. В ротах было по двадцать-тридцать человек, пополняли нас беспрерывно, а толку мало. Однажды ночью втроем поползли к немцам, вырезали пулеметный расчет, а пулемет к себе притащили. Ходили потом гордые, с довольными рожами. Только вы не подумайте, что я один всю Вторую мировую выиграл. Просто что было, то было. «Кому война, кому хреновина одна».

Довелось мне на Одере и танк немецкий подбить из трофейного фаустпатрона.

И еще много чего довелось. Я жил войной, для меня это было, ну скажем так, «любимое ремесло», пусть это странно прозвучит. Выжить я не надеялся и все торопился побольше немцев убить, чтобы за родных отомстить. Да и Родину я любил, это не просто «красное словцо». За бои на плацдарме меня представили к ордену Славы. Ладно, будем закругляться с Вислой.

В октябре меня ранило пулей в ногу. В санбат приволокли, а

потом дальше в тыл. Думал, ранение легкое, но пошли трофические язвы, привезли в госпиталь, в город Пружаны, недалеко от Бреста, там я три месяца кантовался. Выписали в запасной полк, стоявший в Бресте. Гвардейцев должны были возвращать по своим полкам, была такая привилегия, оформленная специальным указом для гвардейских частей. Но это на бумаге, а в действительности… В январе 1945 года посадили нашу маршевую роту в эшелон и привезли в качестве пополнения в 295-ю Херсонскую стрелковую дивизию. Попал я в 1040-й СП. Дивизия готовилась к броску через Одер. Вот так я ступил на немецкую землю.

– Расскажите подробно о боях на одерском плацдарме. Что особенно запомнилось?

– Да вроде все как обычно. За четыре дня до форсирования принял взвод. Все солдаты были уже с фронтовым опытом. Дивизией командовал Герой Советского Союза Дорофеев. Полком командовал подполковник Козлов, тоже Герой Союза. Ходил с черной бородой, выглядел, как витязь из сказки. Бойцы его уважали. Человек он был смелый, простых солдат не чурался. Меня он прозвал «красный старшина», за цвет волос. Это сейчас я седой, а в молодости была рыжая шевелюра. Командир роты был вояка со стажем, имел два ордена Красной Звезды.

Перед форсированием пришли политруки, проводили с нами беседу на тему «Как ты будешь мстить врагу». Покрутились среди нас и смылись шустренько. Вечером пошли мы к реке. Лодки уже готовые стояли. Вдруг приказ, всем назад. Оказывается, что одна сволочь к немцам перебежала и они знали место и время переправы. Хотя, какая разница, у них по всему берегу была сплошная, довольно крепкая оборона. Через день, на рассвете, начали переправляться. Первый батальон в тишине сел в лодки. Над рекой туман, мы думали, может, повезет ребятам, переплывут незаметно. Одер река широкая, да еще разлилась в пойме. Где-то на середине реки немцы открыли огонь, а дальше по «обычному сценарию». Высадились, захватили, удержали и тому подобное. Мемуары полководцев читаешь, такое впечатление, что просто игра в «Зарницу», а не переправа через Одер. А там столько крови пролито… Вы когда-нибудь слышали крики десятков тонущих людей?.. На плацдарме когда держались, немцы нам по громкоговорительной установке «песни гоняли». Начнут с «У самовара я и моя Маша» или «Красноармеец был герой, на разведку боевой», а потом сволочь какая-то, наверное, власовец на чистом русском языке начинал пропагандировать: «Вы пришли на немецкую землю по колено в крови, по трупам

своих товарищей. Берлин всегда будет немецким». А мы в ответ стрельбой отвечали из всех огневых средств… Потом были бои на Кюстринском плацдарме. За эти бои я второй орден Славы и получил. Все началось с того, что «влюбился» я в «фаустпатроны». Все время лазил по немецким траншеям и собирал «фаусты». Позже мои бойцы к поиску подключились. Так я постоянно тренировался в стрельбе из «трофея». Брали мы немецкий городок, а у них, на высотке, дом стоял двухэтажный, как бы в стороне. Со второго этажа два пулемета нас расстреливали в упор. Спрятаться нет никакой возможности – местность открытая. Бойня, одним словом… Артиллеристов наших рядом не было. Пополз с двумя фаустпатронами к дому. Метров тридцать оставалось, думаю – все, надо стрелять. «Фауст» вообще на сто метров бьет, но, лежа на земле, из него не выстрелишь, сразу спину спалит. Придется вставать… Оплакал я себя заранее. Встал, успел два раза выстрелить, и опять же повезло, оба раза попал точ-но. Пулеметы замолчали. Бойцы дом зачистили, тихо стало вокруг. Фляжку со спиртом мне в руки сунули. Выпил половину фляжки, даже не захмелел поначалу. С того дня у меня какая-то «подленькая» надежда появилась, что доживу до конца войны.

Через неделю танк Т-4 подбил, тоже из «фауста». Пошел «фарт». Хотя бои были тяжелые. Немцы на своей земле дрались до последнего патрона. Только дети и старики из «фольксштурма» сдавались, а кадровые вояки стойко держались. Сдались они в плен только по приказу, после капитуляции гарнизона Кюстринской крепости. Как-то взяли немца в плен и спрашиваем его: «Что не сдаетесь, все равно вам крышка, окружили мы вас намертво, никто не прорвется». Немец отвечает: «Мы бы сдались, да власовцев боимся, они нас на прицеле держат». Да и заградотряды немецкие похлеще наших были. Кого из своих дезертиров ловили, сразу вешали. Я эти «гирлянды» пару раз видел. Мы пленных немцев не расстреливали, на эту тему был жесткий приказ. А власовцев убивали сразу на месте.

Вспоминается вот еще какая вещь. Отъелись мы там, впервые за всю войну ходили сытые. Немецкое население убежало на запад, дома брошенные стояли. В подвал спускаешься, а там – окорока, соленья, сало, варенья, консервов всяких «море разливанное». Походные кухни ночью приедут на позицию, так мы «подначивали» повара, мол, что за «хвойные опилки» нам приготовил. Корова бесхозная приблудилась. Был грех, зарезали мы ее. Многие бойцы мяса жареного впервые с начала войны поели. Сидим, уплетаем «буренку» и вспоминаем, как в 1943 году топором хлеб мерзлый разрубить не могли. Или другой «деликатес» многие вспоминали: гнилую картошку выкапывали и

из нее «блины» пекли на саперных лопатках.

Там же застала меня радостная весть. В январе 1945 года писал письма в Гомельскую область, в райисполком и военкомат, пытался узнать о судьбе семьи.

Через два месяца после этого идем маршем, вдруг бежит за нами полковой почтальон и кричит: «Гершман! Пляши!» Сразу три письма. Живы мои родные! Родители вернулись из эвакуации из Казахстана. А братьям моим тогда было 15 и 17 лет. Они на танковом заводе работали токарями. Им какой-то «очевидец» рассказал, что видел, как меня убили в Сталинграде в 1942 году. А я вот живой.

Настроение у всех было приподнятое, шли к Берлину. Если раньше кто-то в задушевной беседе и скажет: «Эх, хоть бы ранило, в госпитале бы повалялся», то весной 1945 года все разговоры были о том, чем после войны займемся. Ну и две «вечные темы» – женщины и жратва.

Рядом с нами к Берлину танки лавиной идут, все дороги техникой забиты. Воюй на здоровье. А потом, как в песне: «Последний бой, он трудный самый».

– Расскажите о боях в Берлине.

– Давайте сразу определимся. Вы просили, чтобы я говорил, как все было на самом деле. «Правду войны» хотите? Хорошо… Тем более мы не на митинге, посвященном Празднику Победы… Сколько солдатской крови пролили в тех боях, до сих пор никто не знает. Кидали нас в мясорубку без малейшей жалости. Историки цифрами по сей день «играют». Поймите, я был «Ванька-взводный», войну видел не на оперативных картах и не в тыловом обозе. Меня смерть каждый день в гости ждала, да я, видимо, тогда опоздал. Мне всякие гениальные стратегические и тактические замыслы никто из полководцев не докладывал. Я прошел от Зееловских высот до Бранденбургских ворот – самый кровавый свой путь за всю войну. Две недели в бою, в составе штурмовых групп. Поэтому имею право сказать, что если в те дни и был ад на земле, то ад находился в Берлине. Это в штабах на гармошках играли да за победу выпивали. Всего не буду рассказывать, хватит вам нескольких эпизодов. Есть такая пословица: «Больше всего врут на войне». Так слушайте правду. Хотя начнем с информации, за достоверность которой я не ручаюсь. В лагере сидел с одним бывшим офицером разведотдела армии. Так, с его слов, 15 апреля немцы взяли «языка»-офицера, и он сообщил им час начала наступления, и «гансы» все войска отвели вовремя в тыл. Когда начальство с «прожекторами баловалось», в передовых немецких траншеях было только боевое

охранение… Но встретили они нас смертельным огнем. Был у нас солдатик 18 лет. Перед наступлением рассказал, что его три брата уже погибли на фронте, и он у матери один остался. Думаю, как сохранить этого бойца. Приказал от меня ни на шаг, а главное, как в атаку пойдем, держаться только позади танка, вплотную к корме. Трудно описать ощущения, испытанные мной, когда пошли вперед. Свет прожекторов, небо черное над нами, канонада такая, что оглохли все сразу. Так у парнишки этого обмотка распустилась. Он на мгновение остановился, чтобы ее поправить, и сразу пуля в сердце. Тоскливо мне стало. Не уберег я его… Два дня мы на этих высотах бились. Сержант, с моего взвода, лежит в воронке рядом и говорит мне, что так только в 1942 году под Ржевом людей гробили. Танки наши рядами стояли сгоревшие. Пройти они не могли, немцы на всех направлениях рвы с водой сделали. Танкисты на склонах остановились, и их, как в тире, истребляли. Прорвались мы к концу второго дня. Все роты перемешались, командиров почти всех из строя вывело. Помню, ворвались на железнодорожную станцию, а нас из зениток «крошат». Подошли танки ИС-2. Снова живем…

20 апреля сформировали штурмовые группы. В нашей группе было человек пятьдесят. Огнеметчиков нам дали, взвод пушек из полковой батареи и прикрепили взвод танков. Даешь Берлин! Десять дней уличных боев… Из каждого окна и подвала по тебе стреляют, грохот кругом неимоверный. На каждой улице баррикады, куски от стен на головы рушатся. Снайперы свирепствуют.

Потери дикие, каждый день группы пополняют, сливают между собой, а к вечеру все равно нас меньше половины оставалось. Театр какой-то захватили, еще бой идет, а я от усталости к роялю, стоявшему в центре зала, прислонился и сразу заснул. Бойцы смеются: «Наш старшина – пианист…» Стены комнат в домах «фаустами» пробивали и так шли дальше. Про рукопашные не буду рассказывать… Танки наши подбили. Я раненого механика из люка вытащил, на спину взвалил, отбегаю от танка, а в это время танкиста пулеметной очередью прошило. Выходит, телом своим меня прикрыл. Последний танк нашей группы получил снаряд от вкопанной в землю «пантеры». Башня от Т-34 отлетела и своим весом еще несколько бойцов насмерть задавила. Вот такая война там была. Я эту Унтер-ден-Линден до сих пор по ночам вижу. Снова нас объединили с другой штурмовой группой, разведчиков дивизионных подкинули, и опять вперед. Бьемся за здание какое-то, дым кругом, смрад, а потом рассказали, что брали мы Министерство иностранных дел, национальный банк, Министерство пропаганды.

Довелось мне и в берлинском метро водички похлебать. В фильме «Освобождение», то, что в метро творилось, показано довольно честно. Мы, правда, там тоже стреляли налево и направо. То, что я там не потонул, иначе как чудом не назову.

1 мая вышли к рейхстагу, если я правильно запомнил, на Вильгельмштрассе, здесь самый страшный бой был, там много наших ребят поубивало. Не сдавались немецкие гады. Там, в конце боев, одни войска СС были, а они сопротивлялись до последнего. В рейхстаг зашли, когда бой в здании затихал, только в подвалах еще шла стрельба. Даже радоваться сил уже не было.

Вот такой кровью брали Берлин… Это я вам не содержание фильма ужасов рассказал… Расписался на стене рейхстага: «Гершман из Гомеля».

На этом для меня война закончилась.

– За бои в Берлине вас представили к ордену Славы первой степени. Почему вы не получили эту награду?

– Когда наградной лист заполнили, даже распорядились новый комплект обмундирования выдать. Жди, говорят, Гершман, первую степень ордена Славы только Верховный Совет дает. Потом пошла гарнизонная служба в Берлине. Ордена я даже не ждал. Сколько за войну народу к наградам представили, вы что думаете, все получили заслуженные ордена и медали? После войны был даже приказ по дивизии – всех воинов, участников боев и получивших ранения, которые не имеют наград, представить к наградам. Знаете, сколько таких солдат набралось?! В пехоте еще надо успеть медаль человеку вручить, пока его не ранило или убило.

Несу службу спокойно, далеко не загадываю. Послали наш взвод на охрану хлебозавода. Мой солдат видит, как немкам, работницам завода, дают по «кирпичу» белого хлеба. Солдат попросил буханку хлеба для нас у майора-интенданта, заведовавшего этой «богадельней». А в ответ услышал: «Пошел вон!» Подхожу к этому майору и спрашиваю: «Что же вы, товарищ майор, воину-освободителю, награжденному двумя медалями «За Отвагу», хлеба не дали, а немецким б… всем по буханочке отвалили». Он орет: «Молчать! Под трибунал! Как с офицером разговариваешь!» Ну я тоже сорвался, дал очередь из автомата в воздух и командую немкам: «Всем положить хлеб назад!» А майору сказал: «Давись, товарищ начальник, нашим хлебушком». Развернулся и ушел назад к своим солдатам. Был бы я постарше, может, и не поступил так, но молодой был и… Ночью меня особисты арестовали. Пришили: «покушение на офицера» и прочее… Ордена и погоны сорвали, часы швейцарские забрали,

особист даже не постеснялся их на свою руку сразу примерить.

Через неделю трибунал. Дали семь лет, с поражением в правах, но с сохранением правительственных наград. Из партии заочно исключили. Никто из командиров не заступился. Кто ради еврея с особым отделом собачиться будет? И поехал я «Сибирь от снега очищать». Под Воркутой первые два года на общих работах, вечную мерзлоту ломом долбил. Но выжил снова. Мой семилетний срок зэки называли «детским», мол, – «на одной ноге отстоять можно». Писал я Швернику, министру обороны – все бесполезно… Хорошо, что мать наняла в Гомеле гражданского адвоката. Он написал прошение о помиловании на имя главного прокурора Группы Советских Войск в Германии, и мне скостили четыре года. Редчайший случай в те годы. Я уже «доходил» на каторге от непосильного изуверского труда, когда бумага от прокурора пришла в лагерь. Начальник лагпункта вызвал к себе. Листает мое дело, спрашивает, где я воевал, как с нормой справляюсь. А я с голоду шатаюсь. Он спрашивает: «Ну что, еще годик у нас продержишься?» Головой мотнул отрицательно. Тут он и сообщает о решении прокуратуры. А мне что год, что пять, я чувствую, что больше недели не выдержу, загнусь. Перевел он меня грузчиком, на грузовик, возивший стройматериалы, пожалел, значит, солдата. Там полегче было. Хоть в кузове крытом сидел, а не на ветру в поле, при пятидесяти градусах мороза, с кайлом в руках. Освободился из лагеря, приехал домой. На учет в военкомате поставили. Я написал просьбу о возвращении правительственных наград, так как по приговору суда их лишен не был. Через полтора года вызвали, отдали толстый конверт с сургучом. Смотрю, две Славы, еще два ордена, которые на войне не вручили, да три медали «за города». Документы сопроводительные, орденские книжки. Спрашиваю у военкома района: «А про третий орден Славы ничего не слышно?» Он от моей «наглости» дар речи потерял. Шипит мне: «Свободен!», лицо кровью налилось. А что ее искать, третью Славу, все равно посадили меня до указа, наверное, и представление разорвали… Какая мне разница. Главная награда для каждого окопника, что живой с войны вернулся.

– Что-нибудь об особистах еще добавите?

– В один день со мной судили капитана, кавалера семи орденов. За попытку изнасилования. Шел он по Берлину, немка к нему подбегает, кричит, лицо ему царапает и платье на себе рвет. Капитан опешил, не может понять, в чем дело. Арестовали его, дело «сшили», получил 10 лет лагерей. Чья это была провокация? Он так и не понял. После войны никто немок не насиловал – они,

простите за выражение, – «сами давали», кто по «любви», кто за пару пачек сигарет – пусть это и прозвучит цинично. Потом судили солдата, который поднял с земли брошенный велосипед и поехал на нем. Статья: «мародер», дали 5 лет. За месяц до этих событий можно было на немецком танке кататься, никто бы и не спросил: «Где взял?» Это «слуги народа» выполняли приказ Жукова об усилении дисциплины и о борьбе с мародерами. А может, у них план был по «посадкам»… Все начальники разъезжали на трофейных «опелях» и «хорьхах», в Баден-Баден катались, то ли старые фронтовые раны лечить, то ли свежий триппер. А солдату за велосипед судьбу поломали. Меня допрашивал старший лейтенант Вяткин, такой «шмок» белобрысый. Заводит «песню»: «Тебе, старшина, русский народ оружие доверил, а ты на офицера его направил! Ты враг народа!» На третий день после посадки мне в камере растолковали, что никто меня не вытащит отсюда и вообще терять мне нечего. Приводят к Вяткину, он моим трофейным кортиком играется – (в Берлине дрались с моряками, бог весть как оказавшимися на суше, так я в рукопашной «прибрал» офицера морского, а у него кортик был шикарный, ну я и взял, «на память о нашей встрече»). Сижу напротив чекиста и думаю, сейчас удавлю эту гниду и уйду по-тихому к американцам. В то время немало народу подалось на Запад, в союзные оккупационные зоны можно было заходить свободно. Стало мне родителей жалко, ведь их из-за меня тогда посадят. Одним словом: «…летят перелетные птицы, а я остаюсь с тобой…» Говорю Вяткину: «Это ты, что ли, народ? Ты крыса тыловая и душегуб!» Меня не били, да и больше на допросы не вызывали. Я вообще ждал расстрела, а дали по минимуму.

На Висле особисты для нас показательные расстрелы организовывали, укрепляли нашу «стойкость в бою и веру в победу». Двое с моей роты под этот молот попали. Первый солдат был пожилой боец из Казахстана, по-русски почти не понимал. Он во время бомбежки растерялся или обезумел и побежал назад к реке. Сделали его дезертиром, и «высшая мера социальной защиты». А по справедливости его надо было в роту вернуть. Ну от силы – «штрафную» присудить. Тем более в отношении шансов на выживание большой разницы между штрафной и стрелковыми ротами нет. Статус разный, а так – все то же самое. В пехоте на угрозу – «отправим в штрафную» – никто истерикой не реагировал. Второй расстрелянный был еврей, старший лейтенант, такой «книжный интеллигент в очках». Рассказывал, что у него трое детей, сам он – 18 лет в партии. Служил в тылу интендантом в ПФС. Проштрафился, и послали его в наказание на передовую, стрелковым взводом командовать. В военном деле

он ничего не понимал, даже пехотные курсы не окончил, автомат первый раз в руках держал. После переправы он со своим взводом отступил к реке. Заградотряд его назад завернул. Пошли они вперед, начался артобстрел. Два отделения вернулись на линию обороны, а интендант, в перелеске, с другими бойцами, остался налет переждать. Пришили ему – «трусость в бою, невыполнение приказа». Расстреляли… Это случаи на моей памяти, а подобных историй в лагере я слышал великое множество.

Но если быть откровенным до конца, карательные органы были необходимы. Без них мы бы за Урал драпанули, умели они в «чувство привести». Дело даже не в том, что СМЕРШ за войну десятки тысяч шпионов выловил, настоящих и «назначенных». На Севере со мной сидели полицаи, власовцы, бывшие выпускники немецких разведшкол. Изменников Родины хватало, всю эту нечисть только благодаря особистам и выловили. Да, за плен многих сажали, но не толпами поголовно. С ними разбирались. Большинство из наших, кто числился французскими или югославскими партизанами, до побега к партизанам служили в немецких формированиях. А после войны в «палитре» было всего два цвета – черный и белый. У немцев служил хоть пару дней – 10 лет, против своих стрелял – 25 лет. Мне говорили, что «севастопольцев» не репрессировали, власти за собой вину чувствовали за июль 1942 года.

Вот так и сидел я с бывшими врагами, но ножами друг друга не резали. У уголовников, незадолго до моего освобождения, началась «сучья война». Но о лагерях и о том, что в них творилось, можно еще десятки книг написать, все равно будет недостаточно…

– Почему вы политработников так не любите?

– Они же не девки, чтобы их любить. Разные были комиссары, были достойные люди и смелые солдаты, но болтунов и бездельников среди политотдельцев тоже хватало. Это в начале войны политруки в цепи в штыковые атаки ходили. А под конец войны – из блиндажей нами руководили, газеты печатали да листовки раздавали. На батальонном уровне еще нормально, такие же «смертники», как и все простые пехотинцы. Комсорги полковые в атаку с нами ходили. Ребята молодые, патриоты, с совестью… Вот вам своеобразный пример. Расскажу, как нам партбилеты вручали. Вызвали в политотдел дивизии трех человек из нашего батальона. Вышел к нам полковник Москвин. Холеный такой, от своей важности весь сияет, грудь в орденах, китель на нем генеральского сукна. Напутствует нас, слова высокие говорит. Вручил билеты, бубнит что-то про доверие партии.

Пошли к себе назад. Надо было по полю проползти до траншей, а лейтенант говорит: «давай через лесок перебежками, надоело грязь мордой полировать».

Отвечаю ему: «Не дури, лейтенант, там все пристреляно, нас накроют сразу». Поспорили, все без толку, я пополз, а лейтенант с сержантом через рощу двинули. Немцы сразу накрыли их. Встал, бегу к ним через поле, рядом снаряды рвутся. Добежал до них целым, смотрю – лейтенант убит, а сержанту ногу оторвало. Потом думал, – что же ты, товарищ полковник, к нам в окопы не пришел в партию принимать…

После войны подошел ко мне замполит полка. Ты, говорит, Гершман, боец знатный, парторг роты, хотим тебя в Ленинград отправить, в политическое училище. Я отказался, потом об отказе сожалел. Зря не поехал я в Ленинград. Учился бы на политрука. И не было бы в моей жизни лагерей, да и судьба моя была бы другой… Кстати, что же этот замполит за «знатного бойца» в особый отдел не зашел похлопотать?… В роте всегда среди бойцов было человек 5–7 коммунистов. Никому не надо было говорить – «поднимешься в атаку первым». Это была наша партийная обязанность, ясная и без слов. Но вот эти бредни, что мы ходили в атаку с криком «За Сталина!», откуда они взялись? В чьем бурном воображении?

Мат стоял в воздухе да крик протяжный и животный. Кто там про Сталина вспоминал? Бога вспоминали… Под бомбежку, помню, попал. Лежим с товарищем, а на нас мозги и кишки чужие. В расчет орудия, что стояло рядом с нами, было прямое попадание. Как тут с ума не сойти?

По поводу командиров скажу следующее. Комбаты в основном руководили боем с наблюдательных пунктов, но, например, под Ковелем и в Берлине шли с нами в одной цепи в первом ряду. А чтобы комполка в атаку вел, я видел только один раз.

– Смерти вы боялись?

– Конечно. На фронт ехали, так на какой-то станции цыганка привязалась, мол, дай погадаю. Довольно банальная история. Я ей говорю: «Уйди, тетка, не надо мне твоих цыганских предсказаний». Она продолжает: «Я не цыганка, я сербиянка, всю правду скажу…» Уговорила, подал я ей руку, она посмотрела на ладонь и говорит: «Жив будешь, но ранят тебя…» При этом ее лицо побледнело. Вот, думаю, врет, смерть мою там увидала. Прошел месяц. В самом начале боев на Украине произошел один случай. Ночью дело было. Сели мы в кружок, человек восемь, говорим о чем-то, и тут в центр круга падает немецкая мина.

Никто даже не дернулся, все оцепенели. А мина не взорвалась… В Германии идет бой за город какой-то – Нойштадт или похожее название. Я с солдатом Поповым пошел «фаусты» искать. Смотрим, за бетонной трубой наша полковая разведка сидит во главе с сержантом, Героем Советского Союза. Отдыхают разведчики, консервами обедают. Нас к себе позвали. Кричу им: «Сейчас придем, только в ближней траншее пошарим». Попов мне говорит: «…жрать охота, пойдем к разведке, потом в окопах пороемся…» Минуту мы с ним спорили, слышим «визг» мины тяжелой, упали. Взрыв… вся разведка насмерть. Мина эта наша была, тяжелые гвардейские минометы сзади нас стояли… Провел я на передовой, в общей сложности, около года, остальное время в госпиталях и на формировках. Да и воевать конкретно я начал только с августа 1943 года. Так вот, я видел тысячи смертей, за период «моей войны» меня сотни раз должны были убить. Как выжил – не знаю, за спинами не прятался, от передовой не увиливал. Но сказать, что не боялся смерти, – не могу, она каждое мгновение рядом была. С мыслью, что все равно убьют, постепенно свыкаешься. Вот в Берлине обидно было помирать.

Есть еще один, скажем так, аспект. Будучи командиром взвода, мне приходилось и посылать людей на смерть, и самому их в атаки, на погибель вести. Фамилии многих из памяти стерлись, а вот лица солдатские или как кто погиб – помню хорошо. Страшная доля – пехота. Когда слышишь от кого-то, что он четыре года в пехоте воевал и даже не ранен, понимаешь сразу, что на «передке» этот рассказчик не был. Максимум, на что пехотинец мог рассчитывать, – это три атаки. А потом – или в землю, или в санбат. Мне повезло, но я два раза ранен и два раза контужен. Это только на северных участках фронта, где годами фронт без движения стоял, можно было продержаться в пехоте подольше. А в наступлении… Месяц в роте, так ты уже ветеран части и «хранитель боевых традиций».

– Дезертиров и самострелов много было?

– Я статистику не вел. Примеры были. В декабре 1943 года добрел до госпиталя. От санбата шли неделю, скитались по деревням, пока нас в какой-то госпиталь приняли. Боец со мной шел, «чернорубашечник» из недавнего пополнения. У меня осколочное ранение, в санпропускнике вопросов ко мне не было, а у него пулевое в руку и вроде нашли ожог пороховой. Сразу вокруг него особист госпитальный крутиться стал. Мода еще такая была у самострелов, над бруствером, во время обстрела, руку поднимет и держит, пока ее немец не поранит. Это называлось – «голосовать на выборах». Мы, командиры, строго

следили, чтобы такого явления у нас не было. Через буханку хлеба на передовой в руки не стреляли, где ж ты на «передке» буханку хлеба найдешь… Весной 1945 года иду по траншее, вдруг рядом выстрел, а звук странный. Смотрю, командир роты сидит за поворотом траншеи, в руках ракетница. Два пальца себе отстрелил. Меня он увидел, сразу «позеленел». Кричит: «Старшина, ты видел, я ракетницу чистил, выстрел случайный!» Говорю ему: «Успокойся, я свидетель, выстрел случайный». Он третий год воевал, боевой был офицер, орденоносец, родом с Урала. Думаю, устал человек под пулями ходить. Без происшествий его в госпиталь отправили. Через неделю меня контузило. Слышал с трудом, а говорить не мог. Ходил «восьмеркой», шатало меня во все стороны. Направили в госпиталь, приехал туда, а на входе ротный сидит с компанией раненых офицеров. Обнял меня, вот, говорит: «Спаситель мой!» У них бачок спирта был на 20 литров, так я три дня с ребятами пил, даже документы в госпитале не оформил. От этой «марафонской» пьянки у меня даже слух восстановился. На третий день смотрю в окно, а по шоссе, рядом с госпиталем, полк мой проходит. Схватил я пожитки, обратно в роту… Перебежчики были, сволочей всегда хватало. Но иногда и не поймешь, перебежал человек или его немецкая разведка пленила.

Немцы здорово «языков» таскали. И вообще воевали они очень грамотно.

Было еще одно явление, под названием – «ушел на войну на 5-й Украинский фронт». По тылам ошивались толпы мародеров, под видом возвращающихся в части после ранения. А сами трофеи «шукали». Их отлавливали периодически.

– Так легко было «закосить» от передовой?

– Кто не хотел воевать, тот всегда находил спокойное место. Можно было устроиться «придурком». В смысле в обоз попасть или там в полковые писари. Много было таких должностей, вроде человек на фронте, а за всю войну ни разу из винтовки не выстрелил и немца в глаза не видел. Пристраивались коноводами, ординарцами, поварами, портными, ездовыми, сапожниками, в роты по охране армейских штабов. В политотдел художником или корреспондентом. Помню, один в ансамбль песни и пляски служить пошел. Но это явление не было массовым и всю армию не характеризует.

Я пока на фронт не попал, даже не представлял, что такое явление где-то распространено. Сидим на передовой, грязные и оборванные, редкой цепью фронт держим, а когда попадаешь в тыл, дуреешь, сколько там народу… Хари холуйские наетые,

можно мордами башню танка заклинить. Их, «придурков», в тяжелые моменты «лопатой сгребали» и к нам на пополнение. Некоторые даже потом в роте оставались. Хотя не мне их судить, у каждого своя война и своя судьба.

В Бресте, в запасном полку, предложили остаться старшиной роты, я не захотел, а один старший сержант с радостью согласился. Говорил, что вдоволь уже на фронте намаялся. А через месяц запасной полк вроде расформировали, и он к нам прибыл и вскоре погиб. Не ушел от злого рока. Перед Зееловскими высотами я мог уйти на фронтовые курсы младших лейтенантов, но остался в роте и уцелел.

В госпитале можно было сказать, что моя специальность – авиамеханик, и вернуться в авиацию. Красноармейских книжек у многих не было, говори, что хочешь, проверять было некому. Или помню, у нас в запасном шоферов набирали на «катюши». Не пошел, а там шансов выжить ой как много было. Повторюсь и скажу снова, я был патриот и был готов умереть за свою страну. И большинство солдат, особенно мои сверстники, честно воевали, не щадя своих жизней.

– Антисемитизм на фронте был? Может, вам третью Славу из-за вашей национальности не дали?

– Я не сталкивался с явным антисемитизмом. Друг у меня был, так он любил подшучивать: «Матвей, один ты еврей в окопах сидишь». Я сразу «закипал», мол, оглянись вокруг. Рядом с нами полковая батарея стоит, так ей командует Кауфман, в батальоне был еще командир взвода Кац и пулеметчик по фамилии Берман, если я правильно помню его фамилию. А друг мой со смеху катается, доволен, что я распсиховался. Нет, я не помню событий, когда меня по «пятому пункту» в армии дискриминировали. Может, за глаза кто-то говорил на эту тему, но при мне – никогда. Большинство солдат были славяне, но и бойцов из среднеазиатских республик в пехоте всегда было много. У нас еще татар и башкир много было. Бурята помню. На передовой никому не интересна твоя религия, нация и т. д. Да и не успевали на эти темы поговорить. Там мысли одни, как бы до рассвета дожить, да о сухаре ржаном и котелке с гороховым концентратом.

Скажу по поводу наград. Конечно, орден Славы или медаль «За отвагу» на груди – это как визитная карточка или «знак качества» активного участника войны. Но были тысячи(!!!) солдат и офицеров, комиссованных по ранению из армии в первые годы войны и не получивших никаких наград. В первые годы войны негусто награждали. А они воевали не хуже нас, а может даже, и лучше. На их долю выпала самая тяжелая часть войны.

– Вы были на офицерской должности, будучи в звании старшины. Этот факт как-то отличал вас внешне от других солдат и сержантов?

– В мелочах были отличия. Командирских ремней поначалу у меня не было, потом подарил командир минометной роты. Ходил с бакенбардами. Бинокль был, планшетка, свисток. На ремне нож висел (привычка бывшего разведчика). Кобура с «парабеллумом». Карт местности у меня не было, это только у ротного в планшетке. Обмундирование было солдатское, ходил в ватнике. В Пружанах себе фуражку пошил, но в ней на передовой не пофорсишь. Автомат «ППШ», всегда с собой три диска и шесть гранат. Гранаты по карманам распихивал, отдельно от запалов. Получал офицерский доппаек, но отдавал ребятам, сам «под шинелью его не лопал». Одно время «снайперку» за собой таскал. Сапог яловых у меня не было.

Денежное жалованье какое-то было, но мы «живых» денег не видели. А так обычный окопный солдат, грязный, заросший, в прожженном ватнике. Это у немецких солдат бумага туалетная была, а у нас все удобства в окопе. Саперной лопаткой боец свое «произведение» из окопа выкинет, а «аромат» стоит по всему переднему краю. Да трупы разлагаются на нейтралке… Свежий воздух, одним словом. От вшей только после войны избавились.

– Трофеями в Германии увлекались?

– Была такая примета. Кто «сидор» трофеями набил, того скоро убьет или ранит. Кроме кортика, был у меня только еще пистолет «вальтер» с инкрустацией.

Отобрали при аресте. За чужим добром я не охотился. Это полковники фарфоровые сервизы собирали. Домой послал только павлинье перо в письме, пусть, думаю, на экзотику поглядят. А посылку послать не успел, хоть нам и разрешалось.

В Берлине, в какой-то немецкой конторе, стояли ящики с Железными крестами, я сунул 2 горсти орденов в карман, в качестве сувенира, да и побежал дальше в бой. Через месяц сидим с американцем – союзником, беседуем. Сержант здоровенный, с массивным перстнем на пальце. По-немецки он хорошо говорил. Предложил «махнуться на память». Снимает часы шикарные швейцарские с руки и подает мне. Объясняет, что это водонепроницаемые часы, выпущенные для офицеров флота. Я из галифе кресты достаю и отдаю ему. Союзник от радости разве что в пляс не пустился. Спрашиваю, в чем дело. Он отвечает: «Это же целое состояние». Бизнесмен…

Кто молодые были, те искали выпивку. Это только в кино

каждый немец со «шмайсером», а каждый вечер нам старшина роты по сто грамм «наркомовских» наливает в кружки. «Наркомовские» давали нам только в наступлении и то редко. После войны у нас в полку 23 человека, из обозников, выпили древесный спирт и померли. Нет, трофеев мне не досталось. К чему они мне?

Главный мой трофей, что остался живой, пройдя через все испытания.

Лихтерман Матвей Цодикович

– Родился я в ноябре 1921 г. в поселке Шумячи Смоленской области, но детство мое прошло в городе Рославль, там же на Смоленщине. Закончил 10 классов, работал на заводе, а летом 1940 г. прошел отборочную комиссию в военкомате и был

направлен в составе группы из 11 человек на поступление в Ленинградское авиатехническое училище, дислоцированное в Сестрорецке. Приезжаем в ЛАТУ, а у нас даже не принимают документы. Конкурс на каждое место огромный, приехали поступать больше четырех тысяч человек со всей страны. Тогда все мечтали служить в авиации. Говорят нам: «Хотите, поезжайте в Иркутск, там такое же училище и экзамены через две недели. Может, в Иркутске ваши документы примут». Негласный «вождь» нашей группы, мой двоюродный брат Миша Добкин, сказал: «В Сибирь мы всегда успеем». Поехали домой, но Мишка все сокрушался, что Ленинград не успели посмотреть. Ничего, через год Мишка попал под Ленинград, в бригаду морской пехоты. После войны спросил его: «Ну, успел Ленинград поглядеть?» Отвечает: «Целых четыре раза, и все из окна госпиталя…» Четыре раза Мишку ранило на войне. Вернулся я на завод, а в марте 1941 г. призвали меня на действительную службу в РККА. Почти всех рославльских призывников отправили служить в Литву, а я очутился в части, расположенной в Средней Азии, в восьми километрах от Самарканда. Это был Краснознаменный кавалерийский полк, преобразованный в мотострелковую дивизию. Всех лошадей отправили в кавкорпуса на Украину. Я еще застал старослужащих кадровиков из бывших кавалеристов. Определили меня в артполк, наводчиком 45-мм орудия.

– Насколько кадровая служба была тяжелой? Вообще, как относились в вашей части к новобранцам?

– Нормальной была служба. Встретили новобранцев очень хорошо. На батарее было двое «стариков» из могилевских евреев, был помкомвзвода белорус Якименко.

А смоленские и белорусские всегда считались почти земляками. Вообще, всех новичков принимали с доброй душой. Я сразу подружился с грузином Думбадзе. Он меня песни учил на грузинском петь. Все новобранцы были сыты, обуты, одеты, что нам было еще тогда надо? Сама служба была нелегкой. Жара, Азия, пока привыкнешь. Помню, как каждое утро нас приводили к речке Даргом, стекавшей с гор. Через реку были натянуты тросы, так мы были обязаны, держась за эти тросы, находиться в ледяной воде 15 минут, закаляли нас, одним словом. Пить нам давали мало, флягу на день, зато все время кормили соленой рыбой. Пилоток не было, ходили в панамах защитного цвета. Пить воду из арыков нам запрещалось – мол, сразу и холеру и дизентерию подхватите. Первые два месяца учили матчасть пушки и проходили учебный полевой курс новобранца. Стрельбу боевыми снарядами провели только один раз, уже в начале июня.

– Вы ощущали приближение войны?

– Нам, служившим в Азии, все время говорили, что будет война с Турцией. А друзья мои, служившие в Литве, еще в мае сорок первого присылали письма из Литвы, и все как один писали: «Матвей! Скоро война с немцами! Не поминай лихом, прощай, если что…» Все они в Прибалтике в сорок первом погибли.

– День начала войны помните?

– На 22 июня 1941-го была назначена наша присяга. Ждали шефов. Вдруг приказ: «Все на плац, на митинг!» Вышел командир нашей части, немец, полковник Гейцах, отмеченный двумя орденами Красного Знамени за борьбу с басмачеством. Помню его слова: «Красноармейцы, сыны мои! Мы краснознаменная часть, и я буду требовать от командования округом немедленной нашей отправки на фронт! Разобьем фашистскую гадину! Ура!!!!!»… Неделю мы получали автотехнику, машины ГАЗ, мобилизованные с гражданских предприятий. Орудия наши были на автомобильной тяге.

29 июня нас погрузили в эшелоны и – на фронт. Выдали НЗ на три дня: вобла, по четыре сухаря, банка говядины на троих и пачка чая. На станциях стояли старушки вдоль железнодорожного полотна и плакали, голосили нам вслед: «Дети, куда вы едете?! Вы же такие молоденькие? Вас же всех поубивают!»…10 июля 1941-го разгрузились в Брянске и сразу в бой под Ельню.

– Про летние бои сорок первого года расскажете? Многие ветераны не хотят о них вспоминать.

– Все, что творилось под Ельней в июле 1941 г., можно охарактеризовать одним коротким словом – «мясорубка»… Перед первым боем объявили – немцы высадили парашютный десант, их мало, покажем немцам «кузькину мать»! А на нас танки пошли!.. Все время нас гоняли по лесам взад-вперед. Тянем орудия на лямках, занимаем позиции. Немцев не видим, куда-то стреляем, а через час получаем новый, еще более бестолковый приказ. Бой кончается, кто живой – тех сразу перебрасывают на новое место. В конце июля уже стреляли только с открытых позиций. В июле была страшная жара, пить хотелось смертельно, а рядом с нами ни ручейка, ни речки. За три недели боев мы ни разу не видели полевой кухни. Что сам найдешь, тем и питаешься. Потери наши были просто невыносимыми. Трупы никто не хоронил. Тела убитых складывали в «стоги», клали трупы по 5–7 тел, один на другой. «Стоги» шли рядами, через каждые 20–30 метров, и мы

даже не пытались считать эти «горы», так их было много, чуть ли не до края горизонта… Вонь дикая, трупы разлагаются. И каждый день нас бомбят, и бомбят, и бомбят! Не было спасения от немецких самолетов. Рыли ровики, щели, а толк от них небольшой. Зенитчиков своих проклинали. Мазилы! Хоть бы одного немца-бомбера завалили, так нет. Наши ТБ-3, идущие на бомбежку, немецкие зенитчики сбивали с третьего снаряда. Это я лично видел несколько раз. Политрук батареи придет ночью: «Приказ генерала Жукова! Ни шагу назад!», а мы даже не знаем, где вообще находимся, что происходит слева и справа. Связь телефонная перебита, какая к черту корректировка огня!

Через три недели от двух батарей осталось одно орудие и девять человек, и то из нашего взвода – только Якименко и я. Представляете, какие были потери в стрелковых ротах, если из артиллеристов в строю оставалось 9 из 70 человек… Заняли огневую позицию. Разрывные пули по щитку орудия щелкают… Снарядов у нас было всего четыре ящика. Слышу крик: «Танки!» Стрельба из «сорокапятки» ведется с колен. Я приподнялся взглянуть на поле боя. Вдруг удар в грудь с правой стороны. Осколки от танкового снаряда. А я даже разрыва не услышал… Ребята перевязали, до санбата я умудрился сам дойти. Прооперировали меня и отправили в госпиталь в Тульскую область, на станцию Черепец. Госпиталь разместили в бывшем санатории. Там произошел один случай, который я не могу забыть до сих пор. Палаты большие, на 40 раненых. На стене висела «тарелка» репродуктора. Слышу, как Левитан рассказывает по радио о немецких зверствах на оккупированной территории. Речь шла о том, что немцы привязывают евреев к танкам, потом танки разъезжаются в разные стороны и тела несчастных разрываются на куски. Вдруг в палате раздается смех многих людей и возгласы с разных сторон: «Молодцы немцы, как жидов кончают!» У меня внутри все окаменело. До той минуты я был пламенным патриотом, фанатиком, а тут… Я лежал и думал, как я буду воевать рядом с такими людьми?! Да люди ли они?..

Через две недели меня погрузили в санитарный поезд и привезли в госпиталь в Аткарск. Лежал я там еще два месяца. Выписали из госпиталя, дали отпуск на полтора месяца на долечивание и «литерные» документы на проезд по железной дороге в любом направлении. А куда ехать… Понятия не имею, где моя семья. Пришел на станцию… И Бог помог мне. Окликает меня какой-то железнодорожник: «Солдат, ты случайно в Рославле на заводе не работал?» Оказался мой земляк, эвакуированный с вагоноремонтным заводом в Аткарск. Он мне и говорит: «Многие рославльские в Тамбов эвакуировались.

Поезжай туда, поищи своих». До Тамбова я добирался долго и мучительно. Пришел в Тамбове в эвакопункт, посмотрел книги записи эвакуированных, ни одной знакомой фамилии. Советуют мне, поезжай в Кирсанов, там вроде какая-то артель из Рославля находится. И точно, нашел в Кирсанове нашу артель «Борьба», а у них письмо от моего младшего брата, который разыскивал нашего дядю. И адрес – село Верхотуры, Воскресенский район, Башкирия. Но добирался я до своих долгие месяцы. Зима, морозы лютые, а я на «товарняках» да угольных платформах в шинельке… Как не замерз насмерть, до сих пор удивляюсь! Доехал до Челябинска, вдруг плохо мне стало, ходить не могу, ноги опухли, дышать трудно, в груди боль – будто раскаленное железо внутри. Привезли меня в госпиталь, и оказывается, что рана открылась. Откачали мне гной и воду из легкого. Отпустили из госпиталя, доехал до Орска, а там та же история, снова врачи кромсают мне раненое легкое, снова гной, дренаж. Температура за сорок зашкаливает. Врачи уже ждали, когда я помру, в то время антибиотиков не было. Выкарабкался я… Медицинская комиссия признала негодным к воинской службе сроком на один год с обязательным переосвидетельствованием раз в три месяца. Уже доехал до Ишимбаево, 40 км оставалось до села, в котором жили родители, – и опять та же история. Вышел я из больницы 8 марта 1942-го. Приехал в Верхотуры. Спрашиваю у местных: «Где тут Лихтерманы живут?» А мне рассказывают, что моя семья жутко голодает. Начал я слесарить, чтобы семью прокормить. Младшего брата Иосифа призвали в армию, направили в Стерлитамакское пехотное военное училище. Вскоре училище отправили на фронт в полном составе, под Сталинград, там брата тяжело ранило, и он вернулся домой только в 1943 г. с ампутированными ступнями ног… В июле сорок второго года меня вызвали в Уфу, на гарнизонную медкомиссию. Никто из врачей меня даже не осматривал. Посмотрели госпитальные справки и сказали: «Сожалеем, но мы отменяем прежнее решение о вашей «комиссовке». Вы признаетесь годным к службе без ограничений». И несут какую-то чушь, мол, понимаешь, армия нуждается в солдатах, что на фронте тяжелое положение… Будто я сам этого не знаю. И сразу в руки направление в военкомат. Спорить я с ними не стал, только заметил вслух: «Я думал, меня на врачебную комиссию позвали, а как выясняется, тут политруки сидят, а не доктора». Они молчат… Прихожу на комиссию в военкомат. Спрашивают: «Кем хочешь воевать? Ты раненый фронтовик, кадровый солдат, с образованием, даем тебе право выбрать». Отвечаю: «Я наводчик 45-мм орудия. А вообще, мне все равно, куда пошлете». Мне действительно было все равно, после

Ельни я стал фаталистом, знал, что никто не уйдет от своей судьбы. Интересуются: «В пулеметно-стрелковое училище пойдешь? Мы тут команды формируем в Тюмень и в Арзамас. На артучилище нет разнарядки».

«Давай в пулеметное…» Дают повестку – прибыть с вещами через две недели… Простился с родителями. Я был уверен, что живым я домой не вернусь. Через две недели приехал в Уфу. Из сотен ожидающих отправки будущих курсантов отобрали человек тридцать. Посадили нас на пароход. Проплыли мы 90 км по реке Белой и оказались в Бирске, старинном купеческом городе. Там располагалось ЛУВНОС – Ленинградское училище воздушного наблюдения оповещения и связи…

– Первый раз слышу о подобном училище. Расскажите о нем подробнее.

– Я тоже не имел малейшего представления о подобном училище, хоть оно и не считалось засекреченным, как, например, училище разведки в Ленинграде до войны. Училище готовило командиров ВНОС для войск ПВО страны. Не для зенитчиков, стоящих рядом с передовой, а для частей, прикрывающих воздушное пространство над крупными промышленными объектами и городами в армиях ПВО. Шанс попасть из этого училища на передовую был весьма невысок. И атмосфера там была соответствующей… Было немало генеральских деток, которых папы сунули в это училище переждать военное лихолетье. Особняком держалась большая группа бывших студентов Московского нефтяного института имени Губкина… Особой дружбы между курсантами не было. Училище было небольшим – всего около тысячи курсантов, но официально мы были поделены на четыре батальона. Большая часть преподавателей была из бывших инженеров Ленинградского электролампового завода, постоянно подчеркивающих исключительность нашей будущей специальности. И когда уже все военные училища из Поволжья были брошены в пехоту под Сталинград, мы продолжали учиться, нас поберегли. Подготовили нас в профессиональном плане великолепно. Я научился работать на всех видах радиостанций, но что самое необычное – нас обучали работать на первых отечественных радарах РУС-2 – «радиоулавливатель самолетов» (слово «радар» тогда еще не употребляли) и на канадских ленд-лизовских радарах CON-2. За пару недель до выпуска из училища нас, 17 человек, вызвали по списку в штаб. Там сообщили, что мы выпускаемся из училища в звании сержантов, и наша группа отправляется в распоряжение ГУС КА – Главного управления связи Красной Армии. Так что в

офицерских погонах тогда походить не пришлось, но я по этому поводу не переживал. Кто попал в эту команду, спрашиваете? Тех, у кого фамилия на «ман» заканчивалась, было три человека, остальные, как я понял, были ребята с «подмоченными» анкетами. Возможно, что я ошибаюсь по этому поводу… Прибыли в Москву, в ГУС. Нас выстроили в одну шеренгу. Вышел к нам какой-то полковник. Ему докладывает адъютант: «Радисты для десантников прибыли!» Так мы впервые узнали, что наша воинская дорога ведет нас в десантные войска, но с этих слов мы сразу не поняли, о каком десанте речь – о ВДБр или о диверсантах… Полковник рявкнул что-то бодрое, дежурные слова – Родина, доверие, партия, не посрамим, не пощадим, «бу-бу-бу», и т. д. и т. п. И объявляет: «Вы направляетесь на формирование 3-й воздушно-десантной бригады в город Фрязино». Вышли мы из здания и все сразу на небо смотрим – «наше будущее поле боя»: как мы оттуда падать будем?

– Как в вашей группе отреагировали на распределение в ВДВ?

– По-разному. Кто-то обрадовался, кто-то заматерился, мол, не хочу в парашютисты-диверсанты. Но никаких истерик по этому поводу ни у кого не было. Надо так надо.

– Ваша 3-я ВДБр вместе с частью 5-й ВДБр приняла участие в знаменитом и трагическом Днепровском воздушном десанте. Я попрошу вас максимально подробно рассказать о подготовке десантников бригады и о самом десанте. Ведь фактически нет информации непосредственно от участников десанта. Небольшие заметки десантников Неживенко, Жукова, Муктаева, Улько, Мигдалевича, очерки о Героях Советского Союза, комбатах: майоре Блувштейне, капитане Петросяне, капитане Воронине, статья о комбриге 5-й ВДБр Сидорчуке и одна страница в книге воспоминаний недавно ушедшего из жизни участника десанта всемирно знаменитого кинорежиссера Григория Наумовича Чухрая. Даже в фундаментальном труде «ВДВ в годы ВМВ» все «острые углы», связанные с судьбой десанта, «изящно» сглажены. Взял воспоминания летчика из полка, проводившего высадку десанта, там один «лейтмотив»…

– …«мы не виноваты». Воздушных десантов в годы ВМВ было высажено нашими войсками не так уж и много, но даже неудача Вяземского десанта меркнет на фоне трагедии днепровских десантников.

Сразу хочу заметить по поводу подготовки десантников. Я

попал служить начальником радиостанции в отдельный противотанковый дивизион бригады, и наша подготовка отличалась от подготовки в простых десантных батальонах. Поэтому я не могу сказать, что информация, которой я обладаю в этом вопросе, является полной. В отдельном артдивизионе служили 180 человек, на вооружении были пушки 45 мм – «Прощай Родина», и мы были как бы «независимым государством».

Если вас интересуют подробности подготовки вплоть до мелочей по всем бригадным подразделениям, то у меня хранится список ветеранов бригады, выживших в десанте, составленный в 1988 г. советом ветеранов 3-й ВДБр. Там около двухсот фамилий и адреса. Я надеюсь, что некоторые еще живы, и можно обратиться к ним, чтобы выяснить все детали подготовки и судьбу каждого лично в том кровавом десанте. Ладно, давайте начнем.

Мы прибыли на формировку в феврале 1943 г. Мне трудно сказать, был ли какой-то особый отбор в бригаду. К нам прибыли сотни курсантов Томского пехотного училища и Ишимского пулеметного училища. Рота ПТР, например, в большинстве своем состояла из кадровых дальневосточников, все ребята в ней были богатыри, под два метра ростом, таскавшие тяжеленное ружье ПТР как пушинку. Прибыли направленные сразу из военкоматов к нам комсомольцы – добровольцы, еще не принимавшие присяги. Почти все десантники были в возрасте 18–22 лет. У нас было всего несколько тридцатилетних солдат.

Самое странное, что среди нас было очень мало людей с фронтовым опытом или направленных в десант после лечения в госпиталях. Инструктора ПДС не в счет. Не было участников Вяземского десанта. Были считаные единицы, воевавшие в пехоте в дивизиях ВДВ на Дону и в бригадах под Киевом. Некому было передать нам опыт прошлых десантов с предельной честностью.

Национальный состав бригады представлял в широком диапазоне весь Советский Союз. Русские, украинцы, казахи, армяне, татары, грузины и так далее. У нас даже был свой грузинский самодеятельный хор. Было непропорционально много евреев, список десанта посмотрите – и сами в том убедитесь. Ребята, призванные из Средней Азии, хорошо владели русским языком.

Уже через две недели после прибытия в бригаду начались прыжки с парашютной вышки в Мытищах. Параллельно мы изучали подвесную систему парашюта. Прошло еще две недели, и уже в районе Медвежьих Озер начались прыжки с аэростата. В корзину аэростата сажали инструктора и трех десантников,

тросами подымали на высоту 1200 метров… и – «Пошел!». Прошел еще месяц, и начались прыжки с ТБ-3 с разных высот.

– Народу много разбилось на учениях?

– Кладбище мы за собой оставили большое. Было три крупных трагедии во время подготовки десанта. В ТБ-3 набивали для прыжков до 50 человек. Когда первый раз отрабатывали ночное десантирование на лес, многие угробились и покалечились. Один раз, кажется в 3-м батальоне, по ошибке сбросили часть ребят в воду широкого озера, все потонули.

Еще была неудачная выброска при шквальном ветре в соседней бригаде. Об этой неудаче я не могу рассказывать, так как не помню точных деталей этого происшествия и зря не хочу что-то говорить. Как потом шептались: «Летчиков за этот сброс просто расстреляли по приговору трибунала», а так ли это на самом деле и что там конкретно произошло, я не вспомню уже сейчас…

Да и на простых тренировочных прыжках часто бились. Стропы у ребят путались… Все тренировочные прыжки совершались с основным и запасным парашютом. Но хочу заметить, что парашютно-десантная подготовка в бригаде была поставлена хорошо и грамотно. Инструктора во главе с Белоцерковским были суперпрофессионалами. Чтобы избавить нас от страха прыжка, они постоянно демонстрировали нам какие-то сложные, чуть ли не акробатические прыжки. Парашюты-то были не только с принудительным раскрытием. Дошло до того, что в самолет рядом с будущими десантниками садились врачихи из бригадного санбата и прыгали вниз, держа в руках букетик цветов, показывая нам пример. Вы же знаете мужскую психологию – как это, баба прыгнула, а я не смогу?!

– Как поступали с «отказчиками»? Какая прыжковая «норма» существовала?

– Всех «отказчиков» на формировке без долгих разбирательств отправляли в штрафные роты.

Понимаете, не все бойцы хотели быть десантниками, некоторые предпочитали смерть на земле в пехотном бою, чем красоваться со значком парашютиста на гимнастерке.

Я помню первый прыжок с аэростата. Лебедки подняли «корзину». Первым должен был прыгать здоровенный мужик, лет 35. Инструктор дает команду «Пошел!». Мужик оцепенел от страха, руками за край «корзины» вцепился, лицо белое как стена. Инструктор орет: «Не прыгнешь, с…, в штрафную пойдешь!» Солдат окаменел. И вдруг щупленький инструктор каким-то

резким движением выкидывает солдат через дверцу «корзины».

Мы сразу поняли: с нами шутить не будут.

Прыгнули, приземлились. Смотрим, идет этот мужик, целый и счастливый, и заявляет: «Здорово получилось!» Была пара ребят в моем подразделении, после фронта, один из них даже орденоносец, они так и не смогли преодолеть страх прыжка. Десант – он не для всех.

Кто служил в батальонах, сделали по 15–20 прыжков, мы – истребители танков – по 10 прыжков.

Но были и сделавшие всего по одному-два прыжка… Были…

Скажу одно, перед прыжком в тыл врага «отказчиков» в бригаде не было. Все пошли на смерть.

– Стрелковая подготовка десантников?

– Стрелковая подготовка была на уровне. Противотанковый дивизион был вооружен карабинами, в батальонах было автоматическое оружие. Стреляли мы много, патронов не жалели. Стрелять метко нас научили, но я не помню, чтобы кто-то ходил со снайперской винтовкой.

– Ориентирование в ночном лесу проходили?

– Было и такое. Объяснили, как карту читать.

Например, нас, радистов, по парам развозили по лесам, мы должны были выйти на связь друг с другом, а потом достичь заранее определенной точки встречи. Подобные учения были ночные и дневные, и мы их всегда ждали. Особого контроля за временем выполнения этого учебного задания не было, так мы повадились заходить в деревушки, у крестьян самогоночки попить и так далее.

– Насколько сильной была дисциплина в вашем дивизионе? Как солдаты относились к командному составу?

– Сказать, что дисциплина была «драконовской», я не могу, но и вольницы особой не наблюдалось. Командир нашего дивизиона был сущим зверем. Подходит кто-нибудь к нему с докладом, так заранее знает, что сейчас командир наорет на него, обматерит до пятого колена, пообещает расстрелять и т. д. И неважно, с чем к нему солдат обратился, просто орал на нас «на автомате». Его ненавидели.

Под стать ему был еще один мизантроп – старшина дивизиона. Этот успел разок побывать в тылу врага. Он производил впечатление психически больного человека. Носил на ремне финку с красивой наборной ручкой, и как напьется, начинал «выступать»: «Я немцев голыми руками душил!» Те из

нас, кто уже был на передовой, ему не верили, насмотрелись уже на подобные типажи. Как-то этот старшина перепил лишнего и «по пьяному делу» ударил одного из комбатов. И поехал старшина в штрафную роту – «немцев голыми руками душить». Вообще, у нас была одна мера наказания – «в штрафную», с нами не церемонились и не цацкались. Как-то двое наших десантников «увели» на станции Щелково мешок муки из вагона и завалились отмечать удачу к знакомым женщинам. Их быстро вычислили и присудили: «три месяца в штрафной».

Из командного состава дивизиона своей человечностью и порядочностью выделялся начальник штаба капитан Маркин. Ему очень повезло, или очень не повезло, перед самой выброской в тыл… Сейчас объясню, о чем речь. Его ординарец Леша Анкундинов чистил маркинский пистолет, сидя за столом. Раздался случайный выстрел, и пуля попала сидевшему напротив Маркину в ногу. Отправили начштаба в госпиталь, в Днепровский десант он уже не попал.

Отношения между простыми десантниками были братскими. Но один такой «товарищ» потом меня в плену немцам на погибель выдал.

– Проходили ли десантники специальную или диверсионную подготовку? Были ли занятия по рукопашному бою?

– Вы, наверное, по молодости фильм «В зоне особого внимания» любили смотреть? Из нас не готовили Рэмбо. Мы были обычной пехотой, «пушечным мясом», просто это «мясо» умело прыгать с парашютом и обучалось ведению боя в условиях окружения. О каких инструкторах по рукопашному бою вы спрашиваете?

– Десантник Лев Канторович, из 5-й маневренной ВДБр, еще «Вяземского состава», вспоминал, что в его бригаде были организованы сержантские диверсионные курсы, где подготовку проводили и «рукопашники».

– Я знаю, о ком вы говорите. Но эти диверсионные курсы бросили в качестве простой пехоты на штурм высоты Заячья Гора под Калугой, и там будущие диверсанты почти все погибли, вместе с инструкторами. Канторович войну заканчивал не в десанте, а в разведгруппе ГРУ, пока ему руку в Польше в бою не оторвало.

В батальонах показывали солдатам, как закладывать головые шашки. Ничего другого «специального» я не помню. Поговорите с теми, кто был в разведке бригады, может, они что-то подобное вспомнят.

– Имели ли вы представление, что вас ждет в тылу врага?

– Весьма смутное. Показывали учебные фильмы, снятые в «пасторально-лубочном» стиле. Взвод десантников спускается в тыл врага на парашютах, из леса выходят партизаны, радостная встреча, после готовят посадочную полосу, на которой приземляются «дугласы» с десантом. Писатель Шпанов, наверное, от зависти к сценаристу удавился бы. Кинооператора бы этого к нам, в сентябрьский десант. Мне трудно сказать, сознательно или нет, но никто, я подчеркиваю, никто, нам не говорил, что творилось в десантах сорок второго года на самом деле.

– Как высаживался противотанковый дивизион на общебригадных учениях в августе 1943 года?

– А кто вам сказал, что были общебригадные учения?

– В генеральских мемуарах вычитал.

– Ох, уж эти генеральские мемуары, все кто их писал – «ангелы» и все поголовно «герои» войны. И кровь на их руках только вражеская…

Про наш десант было написано у одного генерала, что изначально было решено выбросить десант на участке в 100 км длиной. А как иначе «летунов» оправдать и обелить? Только кто из наших выживших штабных помнил другую цифру – зона выброски 5 км на бригаду.

Озадачили вы меня. Не помню я подобных учений. Если бы такие были, я бы эти учения помнил. Связь с бригадой держать – это моя обязанность. Не было массовых учений… Отдельные высадки батальонов отрабатывались, но не более.

По поводу артдивизиона. Сейчас пытаюсь вспомнить, как выглядели парашютные контейнеры для сброса пушек и снарядов, – и не могу. Дверь в фюзеляже ЛИ-2 шириной 70 см, орудие в самолет не затащишь. Дивизион наш вроде должен был получить орудия в тылы врага из самолетов, приземляющихся уже на посадочную полосу на захваченной территории. Не могу точно вспомнить… Боевая подготовка дивизиона была средней, было только несколько боевых стрельб. Если боеприпасы для стрелкового вооружения для нас не экономили, то по поводу снарядов сразу шла в ход довоенная еще пословица: «Берегите снаряды! Цена каждого выстрела из орудия – это пара хромовых сапог!»

– Как одевали и кормили десантников?

– Обычная солдатская форма. Никаких десантных шлемов,

ботинок, курток и комбинезонов у нас не было. Зимой прыгали в ватниках. На Днепре высаживались в гимнастерках и пилотках.

Кормили нас на удивление прилично, не соблюдая строго рационы скудных тыловых норм питания. Почти все продукты были «ленд-лизовские». Да и мы сами могли тайком молодой картошки накопать…

– Когда вы узнали, что бригада направляется на фронт?

– В начале сентября поползли по бригаде слухи, что скоро в бой. Да и так все чувствовали, что бригада готова и не будут нас в тылу «мариновать», когда на всех фронтах наступают.

Потом – приказ на погрузку в эшелоны, и поехали мы на фронт. На каждой большой станции нас собирали на митинг. Выносили на середину знамя бригады. Выходили замполиты и говорили: «Солдаты! Родина на вас надеется, что вы выполните поставленные задачи!» Вы же сами знаете наш девиз – «Никто, кроме нас!»… Подъехали к Украине, и всем зачитали приказ: «Категорически запрещено общение с местным украинским населением». Но гвардейские значки и знаки парашютистов были у всех на гимнастерках, так что все, кому надо, видели – к фронту едут десантники. Помню, когда ехали, по репродуктору передавали сообщение о боях за Ярцево и на подступах к Смоленску.

Перед выездом из Подмосковья сходили на могилы товарищей, погибших при подготовке бригады. Кто-то из наших произнес вслух: «Мы еще им позавидуем…»

– Что было дальше?

– Приехали на аэродром в районе Лебедина. Стояли уцелевшие, еще довоенные огромные ангары, крытые каким-то специальным стеклом. Был сильный дождь, так мы первым делом заносили парашюты в ангары, чтобы они не намокли. Сами разместились там же.

Через два дня, утром, нас разбили на расчеты, и было предельно ясно – «Выброс десанта – сегодня!»

– Григорий Чухрай вспоминал, что утром над аэродромом, где десантники готовились к выброске, появился немецкий самолет и сбросил листовки со следующим текстом: «К встрече десанта готовы! Прилетайте поскорее!»

– Было такое. Нам сказали не поддаваться на провокации. Поймите, мы даже этим листовкам особого значения не придавали. Мы и так знали, что из этого десанта никто живым не вернется… Знали…

И были готовы умереть как один, но выполнить свой воинский долг… Мы десантники, этим сказано многое.

Не было гнетущего ощущения приближения смерти. Просто пришло наше время идти в бой… Незадолго до отправки мы выпросили у инструктора летную фуражку и пошли фотографироваться. Я послал фото брату, написав на обороте карточки: «Не забывай! На вечную память!» Я знал, что эта фотокарточка моя последняя. Сейчас она у вас в руках. Оказалась не последней. Бывает… Повезло…

Не забывайте еще один момент, наш десант был личной операцией Жукова, а этот человек не умел останавливаться, пока кто-то из личного состава подчиненных ему частей еще оставался целым. Откуда я знаю, что это личная операция маршала по расширению Букринского плацдарма? Из упомянутых вами всяких там «генеральских» мемуаров. Летчик АДД Скрипко об этом прямо написал.

– Какова была экипировка десантников перед вылетом? Как происходило распределение по самолетам? Какую информацию вы имели о месте выброски? Были ли сообщены простым десантникам опознавательные сигналы?

– Я должен был лететь в первой группе высадки с управлением бригады. Нас отобрали 9 человек из дивизиона в первую волну десанта. Мое вооружение – карабин, 200 патронов (разрешали брать боеприпасы по максимуму), 6 гранат, финский нож. Никаких зажигательных гранат, стропорезов, саперных лопаток на нас не было. Выдали коробку, вернее сказать, пакет с американским сухим пайком. Не было у нас, у простых десантников, пистолетов или толовых шашек, сигнальных фонариков, ракетниц. Может, у второй волны десанта и были фонарики, но у нас их не было точно. У каждого был вещмешок или плащ-палатка, в которую заворачивали одежду и прочее. Вот все, что я запомнил по снаряжению. Вес нашего «добра» составлял примерно 40 кг. Боевой прыжок производили с парашютом ПД-42, запасной парашют не брали. Прыгали с документами и орденами. Никто не снимал с себя гвардейские значки. Радиорасчет в десанте – это два человека. Мой напарник с рацией РБМ попал в один самолет, а я, с батареями к рации, аккумулятором и шифроблокнотом, был в другом самолете. Глупость ужасная – разделить радиорасчет… Сообщили, что бригада будет высажена в районе Пекари – Грушево, в 10 км за Днепром, и после, на земле, будет поставлена основная боевая задача. Никаких страховочных вариантов, вроде «место сбора в Каневском лесу» мы не получали. При приземлении мы были должны закопать

парашюты и идти на место сбора, согласно обусловленным сигналам из ракетниц. Я еще подумал, как же мы без саперных лопаток парашюты закапывать будем… О возможной скорой смерти не думалось, просто я знал, что она уже близко и ждет меня.

Условный сигнал для сбора во вражеском тылу – серия ракет определенного цвета, но что с этим получилось, я расскажу позже. У нас не было голосового пароля или специальных опознавательных нашивок на форме. Мне, как радисту, только объяснили, что в случае угрозы пленения я обязан уничтожить шифроблокнот, а потом себя. Мы, радисты, выучили наизусть все частоты и позывные в бригаде. Все командиры были уверены в успехе десанта! Может быть, поэтому и не уделили должного внимания опознавательным паролям и сигналам, а мы из-за них так влипли! Утром перед высадкой нас разбили на десантные расчеты, по 18 человек на «Дуглас». В этих самолетах было сделано по двери с каждой стороны, и каждая девятка десантников покидала борт со своей стороны. В расчет входил один офицер. Ему в обязанность вменялось, после того как десантники прыгнут, быть замыкающим и выбросить с самолета два ПДММ (парашютно-десантный мягкий мешок), наполненные боеприпасами, и только после этого он имел право прыгнуть сам. Объявили, что прыгать будем с высоты 500 метров, интервал времени при прыжке – 10–15 секунд, один за другим. Боялись большого рассеивания бойцов при десантировании. Комбрига Гончарова с нами не было, вроде с нами полетел в первой волне десанта начштаба Красовский. Я был прикреплен к самолету с бортовым номером девять. Когда дали приказ о посадке в самолеты, в десяти метрах от нашего самолета находилась командир летного полка ГСС Гризодубова, знаменитая летчица довоенной поры. Сели, ждали наступления темноты, летчики включили моторы, и первые пять самолетов медленно стали выруливать на взлетную полосу… И все… Полетели мы навстречу войне. К нам вышел один из летчиков и произнес: «Ребята, не волнуйтесь. Мы экипаж опытный и район выброски знаем хорошо. Над целью будем через один час и десять минут. Прыгаете по третьему «зуммеру». А пока отдыхайте…»

– О чем вы думали, когда летели к месту десантирования, перед тем как сделать шаг в ночную бездну, навстречу неизвестности?

– Когда летели, все молчали, многие сидели с закрытыми глазами. Спокойно было, только гул моторов. Страха не было. О чем я думал? Хотите честно? Когда на фронт в эшелоне ехали, с

нами в теплушке находился командир батареи, армянин. Он оказался последней сволочью. Всю дорогу к фронту он донимал меня антисемитскими речами и анекдотами. В эшелоне что я мог ему сделать? Он офицер, да и народу вокруг порядочно. Когда я летел в самолете, я просил Бога, чтобы дал мне возможность до того момента, как я сам погибну, убить этого командира батареи.

Как я хотел его убить!.. Ответил вам предельно откровенно… Такая злоба во мне кипела!

А потом первый «зуммер». Все встали. Второй «зуммер», третий… И мы прыгнули…

– Я вижу, как вам тяжело говорить о десанте. Хотите, сделаем паузу?

– Нет, раз уж начали о десанте говорить, то продолжим. Надеюсь, сердце мое выдержит.

Сбросили нас почему-то с высоты около 1000 метров. Когда мы спускались на парашютах, с земли по нам огонь не вели. Упал я в какой-то овраг. Темень, хоть глаза выколи. Слышу неподалеку лай собак, значит, думаю, населенный пункт рядом. Натолкнулся на двух десантников с других самолетов. Смотрим друг на друга, ждем сигнала ракетниц. Прошло где-то полчаса. Появились в небе три ракеты. Через минуту такие же три ракеты слева от нас, потом справа от нас, а минут через пять со всех сторон в небо летели ракеты того же набора цветов, и нельзя было ничего понять – кто их выпускает и где место сбора. Говорю ребятам: «Надо подождать, уж больно все это подозрительно выглядит». Затаились, звуков стрельбы не было. В небе послышался гул самолетов. И тут началось!!! Сотни трассирующих трасс шли вверх. Стало светло как днем. Зенитки ухают. Над нашими головами разыгралась страшная трагедия… Не знаю, где найти и подобрать слова, чтобы рассказать, как это было… Мы видели весь этот кошмар. Трассеры зажигательных пуль прошивали парашюты, а парашюты все из капрона и перкали, вспыхивали моментально. В небе сразу появились десятки горящих факелов. Так погибали, не успев принять бой на земле, так сгорали в небе наши товарищи… Мы видели все… Как падали два подбитых «Дугласа», из которых еще не успели прыгнуть бойцы. Ребята сыпались из самолетов и падали камнем вниз, не имея возможности раскрыть парашют. В двухстах метрах от нас врезался в землю ЛИ-2. Мы бросились к самолету, но там живых не было. К нам прибилось в эту страшную ночь еще несколько чудом уцелевших десантников. Все пространство вокруг нас было в белых пятнах парашютов. И трупы, трупы, трупы: убитые, сгоревшие, разбившиеся десантники… А через час началась

тотальная облава…

– Столько вопросов хотелось бы задать организаторам Днепровского десанта, но тех давно нет в живых. Почему разброс десантников был 90—100 км от Ржищева до Черкасс? Почему многие и многие десятки десантников были сброшены в Днепр и утонули в нем? Почему свыше ста десантников из 5-ВДБр были вообще десантированы на позиции советских войск? Кто из летчиков и штурманов ответил перед трибуналом за это? Ведь всем ведущим экипажам дали возможность пролететь пару раз «вхолостую» под видом бомбардировщиков над районом высадки за неделю до 24.9.1943. Почему выброска произведена в районе, куда только что прибыли три свежие немецкие дивизии из тыла? Куда смотрела разведка фронта? Немцы описывают в своих воспоминаниях, как десантники падали с неба в раскрытые люки немецких танков. Почему первые организованные группы десантников приступили к боевым действиям фактически через три недели со дня выброски? Что происходило с десантниками в течение этих трех недель? Почему первый сеанс радиосвязи с десантом состоялся только 7.10.1943? Почему солдатам не дали запасной маршрут сбора на случай неудачной высадки? И еще очень много других вопросов. Потери десанта вообще трактуются вольно, называют цифры от 400 выживших до 1500 человек вышедших к своим. Сколько выжило на самом деле?

– Такие же вопросы хотели бы задать участники десанта. Но кому их задавать сейчас? Историкам, архивистам? Да я думаю, и в официальных бумажках все подчистили еще в сорок третьем, чтобы ошибку командования «замазать». Простые десантники могут ответить лишь на малую часть ваших вопросов.

– Согласно официальным данным, было сброшено в тыл врага 3100 человек из вашей 3-й ВДБр и 1525 человек из 5-й ВДБр. И три группы сброшены в начале октября на связь с десантом, но судьба этих групп осталась неизвестна. Сколько участников десанта нашли после войны?

– У меня нет точных данных по 5-й ВДБр, но ей повезло чуть больше, чем нашей бригаде, ведь пятая бригада была высажена частично и многим из нее удалось пробиться в Каневские и Таганские леса и к партизанам, а 1-ю гв. ВДБр вообще не стали десантировать. Из нашей третьей бригады после войны нашли больше двухсот человек. На 1988 г. в живых из них оставалось уже гораздо меньше. Список прибывших на последнюю встречу

ветеранов десанта я вам дам, но там тоже есть человек двадцать из 5-й бригады. Половина выживших из моей бригады прошла через немецкий плен. Одним словом, из 3-й ВДБр вернулся живым примерно каждый тринадцатый, из ушедших в десант. Точные данные были в музеях десанта в Черкассах и во Фрязино. Из моего противотанкового дивизиона выжило двое: Анкудинов и я, оба оказались в плену.

– Со дня вашей высадки до момента вашего пленения прошло чуть больше двух недель. Что происходило с вами на этом промежутке времени?

– Гоняли нас немцы по степи и постепенно истребляли. Облавы с собаками… Блокнот с кодами я закопал в землю уже на второй день. Сначала нас было трое, потом образовалась группа из 12 десантников. Первые четыре дня нам удавалось уходить от облавы, а потом наше везение кончилось. Три дня подряд мы пробивались с боем через сжимающееся кольцо преследователей, но получилось так, что нас зажали на узком участке. Вышли оврагами всего четверо. Наткнулись на группу комбата майора Жерносекова, примерно семьдесят человек. Через день нас немцы снова обложили со всех сторон. Казалось, уже все – хана. Кто-то из лежащих рядом со мной десантников крикнул: «Комбат застрелился!» После войны на ветеранскую встречу приехала жена Жерносекова. Я рассказал ей об этом бое. Она не хотела мне верить, говорила, что ее муж не мог застрелиться… Мы стояли с ней и плакали вместе… В том бою я уцелел. Мы снова прорвались, но в группе оставалось 14 человек. Среди нас один офицер, командир пулеметной роты, и опять мы прятались, опять отстреливались, опять прорывались к Днепру, но это все выглядело форменным самоубийством. Еды нет, воды нет, питались кукурузой и картошкой с полей, но костров разводить мы не могли. Боеприпасы брали у убитых. Нельзя было войти ни в одно село, везде нас ждали засады. Мы нигде не слышали звуков боя, похожего на прорыв с фронта в нашу сторону. Пойманных десантников немцы и власовцы-казаки вешали на телеграфных столбах вдоль дорог. На повешенных были таблички: «Привет комсомольцам от власовцев».

– Писатель Вадимов в своей художественной книге «Генерал и его армия» описывает, как власовцы пленили одного из десантников. Предложили ему остаться у них на десять дней, и если он захочет уйти к своим, то, мол, «скатертью дорога». Десантник через 10 дней был ими отпущен, вернулся, переплыв Днепр, к своим, и тут его злые особисты арестовали

и так далее. Полный бред, по моему мнению.

– Болен, что ли, этот ваш писатель? Это когда это власовцы кого-то пожалели? Знаете, что они сделали с ранеными десантниками на одном из участков высадки? Собрали раненых вместе, облили бензином и живьем сожгли. Мы через два дня после этой трагедии видели, что осталось от наших товарищей… В облаве на нас участвовали немцы, с танками и самоходками. Далее: власовцы, местные полицаи и солдаты Туркестанского легиона. Я это знаю точно, мы же видели, кого мы убиваем и кто убивает нас…

– Как вы попали в плен?

– Окружили нас на рассвете… Мы были в овраге. Немцы с двумя «самоходками» и человек двести всякого сброда: власовцы-казаки, легионеры, немецкая пехота. Кричат нам по-русски: «Десант! Бросай оружие! Выходи сдаваться или сейчас всех порубим в мелкую сечку!» Мы смотрим – полное окружение… Патроны еще были, но гранаты давно кончились. Нас было чуть больше десятка.

Что делать?! Стреляться? Идти на прорыв? Тут не прорвешься… Мы так устали за эти дни беспрерывной погони за нами, что приняли бы смерть как избавление, настолько мы были измучены и истощены… Смотрим на ротного, а он смотрит на нас… Ротный вытащил диск из автомата, проверяет, сколько патронов осталось у него. Среди нас был санинструктор моего дивизиона, туркмен Мирзоев. Высокий парень, свободно говоривший по-русски и вроде успевший до войны закончить пару курсов института. Мы были хорошо с ним знакомы до выброски и приятельствовали. Он знал, что я еврей. Столкнулся я с Мирзоевым, когда мы влились в группу Жерносекова. Вдруг Мирзоев бросает карабин, поднимает руки и идет из оврага на дорогу, с криком «Сдаюсь! Не стреляйте!»…Через пару минут Мирзоев кричит с дороги – «Лихтерман, выходи! Лихтерман!» Вот, думаю, сука, меня предал, жизнь себе покупает! Лейтенант наш достает из гимнастерки документы и начинает закапывать их в землю. Все последовали его примеру. Я не смог в то мгновение выстрелить себе в голову… Из карабина попробуй застрелись… Начали бросать на землю патроны, оружие… И мои товарищи по одному поднимались из оврага. Я пошел после всех, думая, что это мои последние шаги по этой земле… Хочу сразу сказать – НАША ГРУППА НЕ ВЫШЛА С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ! Запомните это!

Выдал меня санинструктор, а судьба еврея в плену всегда была ужасной… Вот нашел я сейчас слова чтобы об этом

рассказать, но какими словами можно передать то, что творилось у меня на душе в эти мгновения!.. Ужас, оцепенение, боль… На дороге нас избили прикладами и загнали в кузов крытого грузовика. Мирзоев стоял рядом с легионерами, что-то им на своем говорил и улыбался. Машина поехала. Довезли нас до окраины какого-то села, высадили из грузовика и погнали в центр села… Привели на площадь. Возле нас был сад. Здоровенные немцы свежевали туши свиней, подвешенных на крюках к деревьям. Рядом с ними стояли молодые хохлушки и громко смеялись, показывая на нас рукой. Стоявший рядом со мной десантник прошептал: «Сейчас и с нас так шкуру сдерут». Нас выстроили у стены сарая… Не расстреливают… Напряжение жуткое, кто это не испытал, тому не понять. Подходит ко мне немец, ткнул в грудь пальцем и говорит по-немецки: «Выходи!» Заводят в хату. За столом сидит гауптман, что-то пишет, на меня даже не смотрит. Появляется еще один немец, и в руках у него мой бумажник со всеми документами, а сверху значок парашютиста и значок десантника. Плохо, видно, я их закопал. Немец сует мне все это в руки, а я рукой показываю, мол, не мое, себе забери. Гауптман рассмеялся. Вдруг неподалеку раздаются крики на немецком языке. Позвали гауптмана на этот крик. Немцы выскочили из хаты, и я остался один в комнате. Смотрю на мои документы, лежащие на столе. Схватил их и бросил в окно. На что я надеялся… Мирзоев-то где-то рядом. А дальше такие произошли события, что если и был я атеистом, то после них должен был истово поверить в Бога. Слышу звук мотора подъехавшей машины. Забегает в комнату один из конвоиров, кричит мне: «Ком! Шнель!» Бьет меня винтовкой по спине и снова меня загоняют в крытый тентом грузовик, в котором уже сидела наша плененная группа. Все произошло так стремительно!

Привезли нас на станцию Мироновка. В станционных строениях и сараях были собраны пленные солдаты. Среди них не было десантников. Все они были с днепровских плацдармов и почему-то из дивизии, разбитой то ли под Кировоградом, то ли под Кременчугом.

Я понимал, что если я хочу выжить, то мне надо затеряться среди незнакомых мне солдат, другого выхода не было.

Нас, 11 человек, немцы выстроили. Вышел гигантского роста немец с жандармской бляхой и на ломаном русском языке спросил: «Коммунисты есть?» Мы молчим. Немец дальше: «Юде есть?» Молчание. Нас завели в какой-то закуток из колючей проволоки. Смотрим, какой-то немец ведет, подталкивая автоматом, одного капитана из нашей бригады. Его все знали, высокий красавец. Я не помню точно, был ли он замполитом, но

он был ответственным за самодеятельность в бригаде. Остановились в нескольких метрах от нас. Капитан просит немца-конвоира по-немецки: «Дай с товарищами проститься». Тот подвел его к нам. Капитан без слез, спокойным голосом сказал: «Прощайте, товарищи десантники, на расстрел меня ведут…» Выдал кто-то капитана, что тот еврей и коммунист. Он обнял каждого из нас. Немец толкнул его в спину и увел офицера… Он не успел выкрикнуть адрес семьи… Через пару часов нас завели в какое-то складское помещение, где уже находились сотни пленных из стрелковых дивизий. Утром следующего дня подогнали товарняк и начали загонять нас в вагоны. Я сознательно оторвался от своей группы… Привезли нас в Уманский лагерь…

– Были ли напрасными, по вашему мнению, жестокие потери, понесенные десантом?

– А что, кроме нашего десанта, на той войне больше никого по-глупому не загубили? Вы же сами сейчас мне рассказали статистику потерь в воздушных и морских десантах… Это наш «стиль» – высадить десант и сразу списать его в потери. Один Эльтиген чего стоит!

Миллионы солдат положили в землю только из-за генеральской тупости… А напрасными ли были наши потери? Спросите у родных погибших десантников… Мне трудно ответить однозначно. Была война… Мы получили приказ и боевую задачу, которую не удалось полностью выполнить только потому, что… То ли предали нас… То ли, как у нас водится, кинули на «авось» – а вдруг получится», а если нет – пятью тысячами человек меньше, пятью больше… Главное, чтобы им орденок Суворова на грудь повесили…

Понимаете… Я этот вопрос задаю себе сам долгие годы… Напрасны ли были наши жертвы в том десанте…

Как сейчас вижу лица ребят из моего самолета, за секунду до третьего «зуммера» на прыжок. Решимость была на этих лицах, готовность к бою. Ведь даже в окружении мы верили до последней минуты, что прорвемся к своим, что нас выручат… Мы сражались… Те, кто успел живым спуститься на землю на парашюте, – сражались! А скольких в воздухе еще расстреляли!.. Вы же мне только что сказали, что немцы в своих мемуарах хоть и потешаются над организацией десанта, но не отмечают ни одного случая массовой сдачи десантников в плен без боя…

– После трагедии Днепровского десанта был отменен, как говорят, «предательски плохо подготовленный» десант трех

бригад под Витебск, десант корпуса ВДВ в Крым под Джанкоем, и даже вслед за вашими тремя днепровскими бригадами к фронту направлялись еще две бригады ВДВ в сторону Букрина. Эту информацию я взял не из официальной исторической «правды», а из воспоминаний рядовых десантников, служивших в разных десантных дивизиях. Вот фамилии и даты публикаций. Этим людям я верю. Получается, что своей гибелью десант спас тысячи жизней своих товарищей по армии…

– Мне трудно прокомментировать ваши слова. А если бы десант в Белоруссию оказался удачным и взяли бы Минск в декабре 1943 г.? Так не топтались бы там полгода и не угробили бы еще сотни тысяч солдат. Это все предположения… Правды мы уже не узнаем.

Насчет отмены десанта в Крым я обладаю малой толикой информации. Я встречал уже здесь, в Иерусалиме, одного десантника, который был в бригаде, предназначенной на высадку в Крым. С его слов высадка была отменена по причине, что кто-то выдал день и час выброски. У немцев тоже разведка работала, но и наша успела предупредить вовремя. Но так ли это, утверждать не могу.

– Я уже говорил, что есть солидная информация о действиях в немецком тылу групп под командованием Воронина, Блувштейна, Петросяна, о полковнике Сидорчуке, о капитане Сапожникове, о юном подпольщике Анатолии Ганенко, спасшем знамя бригады. Но вот один из десантников упоминает, что был в большой группе, почти из 200 человек, под командованием майора по фамилии Лев. Связные из этой группы Льва удачно перешли линию фронта к своим, а судьба остальных… Как погибла эта группа, не знает никто.

– Можно обратиться к председателю нашего совета ветеранов Петру Неживенко. Он собирал подробную информацию о личном участии каждого десантника в боях в немецком тылу. Возможно, у него есть материал по большим организованным группам десанта, полностью погибшим в немецком тылу в октябре сорок третьего. В музей десанта на Украине можно обратиться. Хотя я бы директора того музея в конце восьмидесятых годов…

– О чем речь?

– Первый раз, когда я был в музее десанта, в центре экспозиции висел портрет ГСС комбата майора Блувштейна. Через несколько лет я приехал туда снова и вижу, что убрали портрет майора. Спрашиваю директора музея: «Что, фамилия

комбата тебе спать не дает? Почему портрет героя убрал?» А в ответ – тишина…

– Есть ли у вас силы рассказывать про плен?

– Попробую покороче, мне очень тяжело вспоминать о концлагере, да и о десанте тоже… Привезли наш эшелон в Умань, но разгрузили только часть вагонов с пленными. Погнали в лагерь, расположенный возле бывшего аэродрома. Высокие ограды из колючей проволоки в несколько рядов, вышки с прожекторами, освещение по периметру, все сделано основательно, по-немецки. Здания из красного кирпича, казармы. В загороженных «колючкой» секциях находились отдельно офицерские бараки и женский блок. Педантичной тотальной селекции по прибытии в лагерь не было. Была вялая сортировка: офицер… рядовой… Офицеров отделяли. Сидели за столами «шавки»-предатели из лагерной полиции и записывали данные поступивших пленных.

Я назвался Михаилом Гариным, пехотинцем. Внешность у меня не типичная, полицаи не заподозрили во мне еврея. Завели нас в барак. В нем было человек четыреста, лежащих на трехэтажных нарах. В нашем бараке было очень много пленных, выходцев из Средней Азии.

Утром нас подымали в 4 утра, скрупулезно пересчитывали, выносили из барака умерших за прошедшую ночь пленных. Подъезжала бочка на двух колесах. В ней плескалась баланда из отбросов. Всем давали по два черпака баланды в день, больше нас ничем не кормили. Даже эрзац-хлеб мы не получали. Разливали баланду в каски, в пилотки, в этом лагере почему-то запрещалось иметь котелки… Смертность была массовой, особенно среди среднеазиатов. Немцы не брали их на работы за пределы лагеря, а ведь это была единственная возможность не умереть от голода. Среднеазиаты выменивали шинели и сапоги на хлеб и погибали от холода и болезней. Помню, как они стояли босыми ногами на снегу… Нас гоняли на работу, строить железнодорожную ветку. Так местное население кидало нам в колонну куски хлеба, табак, пирожки с фасолью. Только благодаря этому и выжили. На работах вне лагеря нас охраняли эстонцы, с красными повязками ТОДТ. Вот уж где воистину было: «Шаг влево, шаг вправо – расстрел на месте, стреляем без предупреждения». Это были сущие звери, как и все прибалтийские каратели. Но мы просто еще не знали, что такое казачий конвой…

– Во власовскую армию шла вербовка?

– Украинцев много набирали в рабочие команды для

немецкой армии да в полицию. Приезжали два раза власовцы, звали в РОА, очень мало кто к ним пошел.

По лагерю носился бывший офицер РККА, немец-фольксдойч из Ленинграда, лагерный агитатор. Раздавал пленным власовскую газетку «Заря». Ее никто не читал, у кого был табак, газету пускали сразу на самокрутки, хоть и бумага плохая, не курилась. Были и суки-предатели, пошедшие в лагерную полицию. Были стукачи и провокаторы. Были специальные «жидоеды», выискивавшие среди пленных евреев. А лагерная полиция! Еще вчера такой человек спал рядом на соседних нарах и умирал с голоду, а на следующий день брал в руки дубину и избивал до смерти и конвоировал своих армейских товарищей… Но большинство пленных выбирали смерть, но не шли на службу к врагу.

– Как вам удалось скрыть, что вы еврей?

– Страх разоблачения постоянно витал надо мной. У нас в лагере выявленных евреев немцы вешали на виселице. И эта виселица никогда не пустовала… Выдавали и предавали нас… Меня спасла славянская внешность и то, что я не нарвался на подлеца вроде Мирзоева из бригады. За мои почти полгода в плену нас ни разу не водили в баню. Это тоже спасло меня.

Я не мог никому рассказать о себе, даже говорить о том, что я из десантной бригады.

Единственный человек, который знал все обо мне, был мой товарищ – десантник, русский парень Саша из Уральска. Я так и не знаю его настоящей фамилии, в плену он назвался вымышленным именем. Он бежал за сутки перед моим побегом из плена. На послевоенных встречах ветеранов десанта его не было. Все время нашего пребывания в плену мы держались вместе и не дали друг другу погибнуть от голодной смерти. Как сложилась его судьба?..

Несколько раз я уже был на грани разоблачения. Подошел ко мне полицай-повар и говорит: «Что-то ты больно на Кагановича похож?» Отвечаю ему: «А ты на Ленина сильно смахиваешь». Он ударил меня и пошел дальше. Один раз нас лагерные полицаи загоняют в барак дубинками и среди них, как мне показалось, скажем так – померещилось, один из нашей бригады… И тут мне снова повезло, мне удалось проскочить мимо него. Но было предельно ясно, что единственный путь к спасению – это побег из плена. Саша стал потихоньку «прощупывать» пленных из нашего барака. Мы с ним были убеждены, что нужно организовать групповой побег и с захваченным у конвоя оружием уйти к партизанам. Уже сплотилась группа, где-то человек восемь, из

тех, кому можно было доверять. Но фронт приближался к лагерю, и нас погнали на восток.

– «Марш смерти»?

– Да, очень похоже… В нашей колонне было восемьсот человек. Гнали нас в Румынию, под охраной конвоя из казаков-предателей. Охрана в белых бурках. Если кто из наших падал от усталости или начинал отставать, казаки сразу пристреливали обессилившего… Даже если мы кого-то несли сами на плечах, подлетал к нам такой чубатый казак и стрелял в выбившегося из сил. Нас до Винницы уже дошло две трети из колонны. Погнали нас дальше. Расположили на ночлег в каких-то развалинах. Саша сказал мне: «Надо немедленно бежать поодиночке. Если доведут до Прута, там посадят в эшелоны и отвезут в Германию, а там нам точно – хана!» Утром нас стали строить в колонну. Саша спрятался в развалинах, его не нашли. Так хочется надеятся, что он выжил и дошел до своих! А на следующий вечер ушел в побег и я.

– Как удалось сбежать?

– Шел мокрый снег, видимость была плохой. Зашли в село. Казаки пытались нас всех затолкать и расположить в сарае и нескольких пустых хатах, но народу было много, и я остался снаружи. Конвой расположился по периметру, разжег костры, стали песни свои петь. Периодически кто-то стрелял из ракетницы, освещая огромный пустырь за сараем.

Рядом со мной сидел молодой солдат и внимательно смотрел на костры охраны. Встретились с ним взглядом и поняли друг друга без слов. Я кивнул ему, он мне – и мы поползли к линии оцепления. А потом побег на рывок. Мы проскочили незамеченными. Погода выручила, да и конвоиры, видимо, порядком «набрались для сугреву» и наш рывок прозевали. Мы пробежали всего километр. Стояли стога сена в поле. Сил бежать дальше у нас не было. Остались в стогу до утра. Мой напарник сказал, что его зовут Иван, сам он из города Шахты, и ему двадцать лет. Фамилии его я так и не узнал. Утром пошли дальше. Добрались до какой-то деревни, постучались в молдавскую хату. В дом нас не пустили, хотя дали три печеные картошки. Молдаванин держал еще в руках краюху хлеба, но пожадничал, унес ее назад в дом.

С Иваном мы пошли полями дальше на восток, на немцев не нарывались. Но через день так оголодали, что решили днем зайти в близлежащее село. Опять испуганные лица молдаван, делавших вид, что не понимают ни слова по-русски. Еды не дали. Смотрим,

сидит щирый украинец и говорит нам на смеси слов из разных языков, но мы его поняли так: «Видел три русских танка в десяти километрах отсюда». И показал рукой направление. Эти километры мы прошли на едином дыхании. Навстречу нам неслись три танка Т-34, «облепленные» танковыми десантниками. Остановились возле нас, люк головной машины открылся, из него вылез танкист и спросил: «Кто такие?» Мы закричали, обезумев от радости: «Мы свои! Из плена бежали!» Он ответил: «Нет времени с вами сейчас разбираться! Залезайте на броню!» Проехали несколько километров. Иван сидел сзади меня. Вдруг, откуда-то с тыла, из ближайших строений застрочил немецкий крупнокалиберный пулемет. Разрывная пуля попала Ивану в спину, он умирал на моих руках… Я содрогался от рыданий. Как же это так, все прошел человек – фронт, плен, побег, и только всего десять минут как добрался до своих и погиб так нелепо!.. Сколько раз после войны я видел в кошмарных снах этот момент… Этот эпизод один из самых тяжелых в моей жизни.

– Вы попали на спецпроверку?

– Сначала я воевал две недели танковым десантником в освободившей меня из плена танковой роте 45-й ТБр. Это был рейд танкистов на Тернопольском направлении, на Залещики. Выходили они из рейда в 40 км от города Серет, если я не путаю. Командир танкового батальона написал на меня характеристику – «воевал, проявил, достоин» и т. д., и меня привели в штаб бригады. Сидел за столом капитан. Я не знаю, был ли он «смершевец», капитан не представился. Говорит мне: «Уж больно все у тебя гладко получается. В десанте выжил, в лагере в тебе еврея не распознали, в побеге вышел к своим, получается, в одиночку, свидетелей живых нет, а командир тебя к медали предлагает за геройство представить. Подозрительный ты тип, Лихтерман! Пусть с тобой в другом месте разбираются». Вызвал двух солдат для конвоя и повезли меня в Черновцы, в СМЕРШ.

– Что было дальше? На «конвейер»?

– Сразу хочу вам сказать. Все работники СМЕРШа, с которыми лично мне довелось столкнуться, оказались нормальными людьми. Ведь среди них сволочей было более чем предостаточно, а меня судьба свела с людьми, не потерявшими совесть. В Черновцах меня допрашивал пожилой майор энкавэдэшник, похожий внешне на еврея. Допрос длился два часа. На меня не орали и расстрелом не угрожали. Спокойная такая беседа. Вдруг спрашивает меня: «Солдат, ты когда последний раз кушал?» Говорю ему: «Два дня тому назад». Принес мне молдавского сыра

с хлебом… Снова вызывают меня к нему. Он дает мне пакет с документами и сообщает, что я должен явиться через трое суток в отдел комплектования 38-й армии и там получить назначение в фронтовую часть. Потом он сказал одну фразу с очень серьезным намеком. Не буду приводить ее дословно, но смысл намека был такой: «Забудь о плене и никому о нем не распространяйся». И пошел я по Западной Украине, боясь поверить, что все страшное уже позади. И тут мне действительно снова повезло, да так крупно, что хоть стой, хоть падай. И везло мне постоянно и фатально до самого конца войны. Кто за меня молился, не знаю, но, видно, молились здорово!

Почти дошел до штаба 38-й армии. Смотрю, связисты прокладывают связь. «Ребята, – спрашиваю, – где тут штаб?» Хваленая наша «супербдительность», как всегда, только на бумаге, сразу говорят: вон в тех хатах такие-то располагаются, а на той улице такие-то, а там эти. А тебе, вообще, кто нужен? Иду дальше. Метров через двести вижу, как во дворе дома какой-то старший лейтенант, по виду казах, рацию ремонтирует. Матерится на своем языке, что-то у него не получается. Подошел к нему и говорю: «Старшой, давай пособлю, я в этом деле хорошо разбираюсь». Отремонтировал я рацию быстро. Лейтенант спрашивает: «Откуда в рациях разбираешься?» Отвечаю ему, что учился в училище ВНОС в Бирске. Он говорит: «Не может быть! Я тоже Бирское заканчивал! Я старший лейтенант Мшанов, командир роты связи ПВО армии». Задал несколько проверочных вопросов – кто командовал училищем? Кого из преподавателей помнишь? Убедившись, что перед ним не самозванец, он предложил: «Давай к нам в роту». Я ему: «У меня пакет в отдел комплектования». Лейтенант отвечает: «Не переживай, сейчас все уладим». Уже через день я стал личным радистом у начальника ПВО армии полковника Патоки. Полковник был пожилой, добрый человек, очень порядочный. На фронте его сопровождала жена. Прошел месяц, и он мне говорит: «Матвей, наш сын погиб на фронте. Война закончится скоро. Мы хотим тебя с женой усыновить»…

Я написал письмо родителям в эвакуацию, что жив и здоров. У них на меня уже давно лежало извещение: «Ваш сын пропал без вести в сентябре 1943 г.»

Я как будто предчувствовал беду и попросил родных выслать мне на фронт из дома мою фотографию годичной давности, отправленную им из Фрязино.

Получил я это фото, а через день случилось следующее.

Кто-то из солдат начал «травить байку», что он бывший десантник, и в тылу врага был, и «одним махом семерых

побивахом». Несет несусветную чушь. Не выдержал тут я, ляпнул лишнее. Я ему говорю: «Ты корове соседской хвост крутил, а не в десанте был. Я знаю, что такое десант, на Днепре в третьей бригаде был, так что ты ерундой ребятам голову не забивай!» Но на всех Украинских фронтах про наш десант слышали, и согласно солдатской молве, мы были погибшими все до единого. Сразу нашелся стукач-доброхот, уже через час я был снова в СМЕРШе. Крики, слюни из рта пускают: «Кто? Почему скрыл?» А я даже не знаю, что было написано в «черновицком» сопроводительном пакете. Сижу и молчу, как партизан на допросе. Потом понял, что «дело пахнет керосином», и говорю этому офицеру: «Да, я бывший десантник, все проверки прошел после плена еще в танковой бригаде». Он снова мои бумаги полистал и весомо заключил: «Мы еще с тобой только начали беседовать. От нас никто не уйдет!» Отправляет меня под конвоем в фронтовой проверочный лагерь. Это не был обычный стационарный фильтрационный лагерь для бывших военнопленных. Это был лагерь передвижной, шедший за линией фронта вместе с войсками. Больше двух третей из находившихся в лагере были гражданские лица и бывшие окруженцы. Освобожденных непосредственно из плена на проверке было мало. Тех сразу направляли в тыл, но я прибыл на проверку уже из армейской части… Хотя была там группа танкистов – окруженцев, которых в полном составе направили под Тулу, на проверку «по всем правилам». А это означало, что могли и по три года держать на проверке, одновременно гоняя на каторгу в шахте, а могли и с ходу – в штрафные роты направить. Лагерь наш охранялся символически, и уйти из него не составляло особой проблемы. Фактически люди находились там добровольно, желая получить документ, что за ними не числятся грехи перед советской властью. Мой первый допрос длился долгие часы. Передо мной сидел старший лейтенант с добродушным крестьянским лицом и «сыпал» десятками вопросов: кто командир бригады? Кто командовал батальонами в 3-й ВДБр? Назови фамилии солдат твоего взвода управления? Назови точную дату пленения? Точный час? Кто был с тобой в этот момент? Фамилии? Почему не застрелился? Чем занимался в плену? Кто подтвердит? Где служил до войны? Опиши казармы? Кто был начштаба? В каких госпиталях лежал? Фамилии врачей? С какого самолета высаживался? Кто был рядом? Кто подтвердит? Почему к немцам перебежал? Где документы? Как сохранил фотографию? – и многие другие вопросы, которые уже задавались по третьему кругу, и так без конца. На следующий день мы начали по-новой. Я не выдержал: «Товарищ старший лейтенант. Я в плен не перебегал, а взят в бою. Хотите расстреливайте, только

мне ваша волынка уже порядком надоела!» Вдруг он улыбается и говорит: «Лихтерман, не смотри ты на меня волком. Работа у меня такая, я же за каждую проверку своей головой отвечаю. Тебе я верю. Но запрос в штаб ВДВ я послать должен. Про ваш десант мы все и так знаем. И циркуляр по этому вопросу у нас есть. А пока поживи у нас, если хочешь – можешь перейти спать в роту охраны. Но пока ответ из Москвы не придет, отпустить я тебя не могу». Прошла пара недель. Никто меня больше не допрашивал, относились ко мне как к обычному солдату. Как-то прибегает ко мне этот ст. лейтенант и дает мне ремень с кобурой и погоны сержанта. Одевай, говорит, со мной поедешь, меня в штаб армии вызывают. Был приказ, запрещающий работникам СМЕРШа передвигаться в одиночку. Вот он и взял меня сопровождающим. Приехали в штаб, через полчаса он выходит из здания: «Матвей, возвращайся один. Я новое назначение получил. Пистолет старшине отдашь. Удачи тебе!» И пошел я пешком в свой проверочный лагерь. Километров через десять на развилке дорог стояли комендантские взводы и останавливали всех, идущих к фронту. Ну все, думаю, попал я в переплет. Без документов, с чужим пистолетом… Но я нарвался на обычную армейскую «гребенку». Понимаете, с тыла к фронту, постоянно шли сотни бойцов после госпиталей или отставшие по разным причинам и разыскивали свои части. Когда в какую-то дивизию надо было срочно дать пополнение, то сразу комендатура или заградотрядовцы останавливали всех «временно бесхозных» на прифронтовых дорогах, сбивали группу человек 500–700 и сразу направляли как маршевое пополнение на передовую. Стоим мы огромной толпой, топчемся с ноги на ногу. Как сказал один из бывших моряков, стоявший рядом со мной, у них это называлось «попал в Шанхай». Разговор с нами был короткий: «Приказ комфронта Конева!» Кто из нас был опытный, даже права не качал. Сколотили такую группу из примерно тысячи человек, построили и повели. Село. Большая центральная площадь. Стоят полевые кухни. Повара кричат: «Налетай, славяне!» А рядом, за поставленными прямо на земле столами, сидят офицеры с писарями и смотрят документы у каждого, составляют список солдат. Две больших очереди – одна к кухням, другая на запись. Ну, нет у меня никаких документов! Ведь «пришьют» мне побег с проверки, а это в лучшем случае – «штрафная рота». Не знаю я, что делать. Приехали, одним словом. Но и тут Бог меня не забыл…Останавливается колонна машин. Выходит из головной машины майор и кому-то докладывает: «Майор Шумячкин, из отдела кадров 107-й стрелковой дивизии. Мне надо отобрать 450 человек». Это был мой шанс. Фамилия Шумячкин была только у

выходцев из села Шумячи, в котором я родился! Набрался я наглости. Подхожу к нему: «Товарищ майор, разрешите обратиться?» Кивает головой, мол, валяй. Продолжаю: «Вы случайно не смоленский, а то фамилию вашу услышал, подумал, может, вы мой земляк, шумячинский?» Майор отвечает: «Правильно подумал, родители мои оттуда!»

Говорю: «Помогите, товарищ майор. С тыла на фронт бегу. Хочу на передовую, а начальство в тылу меня не отпускает. Воевать хочу!» Мне со всеми моими «приключениями» оставался только один выход – попасть в стрелковую роту на передовую, там лишних вопросов мало задают. Майор спрашивает: «А ты кто по специальности?» Отвечаю: «Могу стрелком воевать, могу радистом».

Ладно, говорит, жди меня здесь, землячок, через два часа поедем. Уже в темноте он вернулся к машинам, увидел меня: «Залезай, сержант. Фронт тебя ждать не будет!»

Приезжаем в какой-то лес. Майор мне говорит: «Следуй за мной». Заводит в большой блиндаж и говорит: «Рота связи, принимай радиста!» И оказался я в роте связи штаба 107-й СД. Больше никаких проверок. Через пару дней подошел к писарю и осторожно так начинаю: «Слышь, старшина, документы мои у капитана Иванова на формировке остались». В ответ: «Ну и что? Мы тебе сейчас новую красноармейскую книжку выпишем». И все… Получаю я новый документ…

Направили меня радистом к командиру дивизии Петренко. Никакие особисты меня больше не проверяли. Так что наш извечный бардак иногда и судьбу человеческую спасает… Но в штабе долго сидеть я не мог. Не хотел лишний раз СМЕРШу глаза мозолить. Там же как, просто внешне даже не понравишься – и начинают «разработку». И вскоре я выпросился на передовую. Я уже знал, что на этой войне меня больше не убьют, исчерпали немцы лимит, выделенный для моего убийства. Я верил, что вернусь домой живым.

До 1981 г. я никому больше не говорил, что был в плену и был в Днепровском десанте. Об этом знали только моя семья и несколько двоюродных братьев. Но им я доверял, все фронтовики – люди, проверенные войной…

Ходить с клеймом пленного в сталинские времена означало одно – быть изгоем. Да и чекисты при первой же разнарядке «на посадку» арестовывали бывших пленных, давали срок – «десятку в зубы за плен и на Колыму». О плене молчали все, кто в нем был…

– Вы сказали, что поверили в то, что вас больше пуля не заденет. Но впереди еще были долгие месяцы войны. Неужели

больше не пришлось оказаться «на волосок от смерти»?

– Были такие бои, что «небо в овчинку казалось», но повторюсь – я верил, что выживу.

Хотя если вспомнить… Одна атака с Сандомирского плацдарма чего нам стоила!

В конце войны вообще никто не думал о возможной смерти, но…

1 мая 1945 года, когда я уже служил в 17-й артиллерийской минометной бригаде 13-й артиллерийской дивизии прорыва РГК, наша колонна попала в немецкую засаду. Бригада была вооружена тяжелыми минометами 160 мм. Развернуть минометы для стрельбы мы не могли, минимальная дальность стрельбы из них где-то 600 метров, а немцы находились на расстоянии 100 метров. Это уже в Чехословакии было, наступление на Оломоуц. Жуткий бой. С горки по нам стреляли пулеметы и снайперы, «выщелкивая» солдат одного за другим. Лежим, отстреливаемся, укрыться толком негде, машины горят. Рядом со мной в цепи снайпер убил троих подряд. Я только посмотрел в сторону и все понял, следующая пуля моя, спрятаться я не успевал. А снайпер промазал…

Об окончании войны мы узнали на марше. Праздновать Победу в тот день нам не дали, бригада принимала участие в боях по добиванию окруженных немцев в чешских горах. Только 15 мая 1945-го для меня закончилась война…

– Вижу у вас орден Красной Звезды, медали «За отвагу». Какая из этих наград за Днепровский десант?

– За Днепр я не был отмечен наградой. Ничего особенного я там не совершил, просто воевал, как все, выполнял свой долг. Если говорить о справедливости в этом вопросе, то надо весь личный состав бригады наградить медалями «За отвагу». Всех без исключения: выживших, погибших при высадке и в окружении, попавших в плен, пропавших без вести… Всех!

– Вы упомянули, что служили какое-то время рядом с командиром дивизии Петренко. Личность легендарная и колоритная. Я имею в виду не рассказы служивших в 107-й СД, как комдиву адъютант каждую ночь в блиндаж очередную связистку с коммутатора приводил. Речь идет о боевых качествах комдива.

– Генерал Петренко был вояка неплохой и дело свое командирское знал. Мог и автомат в руки взять, и появиться в цепи залегшего под немецким огнем батальона. А то, что Петренко очень слаб был по «женской части», так это ему сам Бог

велел. Мужик он был здоровенный, красавец, генерал. А у нас испокон веков, что генералу не положено, так то ему дозволено.

У нас в дивизии была приданная штрафная рота. Послали ее в атаку, на немецкий укрепленный пункт в лесу, который назывался «дом лесника». Штрафники пошли в бой, а назад вернулись только офицеры этой роты. Остальное происходило на моих глазах. Выходит к ним грозный Петренко с дубиной в руках и с перекошенным от злобы лицом задает вопрос: «Где ваши солдаты?! Угробили роту, недоноски! Кровь солдатскую не жалеете?! Возвращайтесь в лес и найдите своих солдат! Приказ об атаке я не отменял!».

Был период, когда дивизия голодала. Говорили, что эшелоны с продовольствием шедшие к фронту бандеровцы пустили под откос. Слышим, как в блиндаже комдива Петренко распекает своего повара: «Ты что мне здесь ресторан соорудил?! Ты откуда эти разносолы набрал?! Как я бойцам в глаза смотреть буду?! Вся дивизия сухари жрет, а ты мне тут кремлевский банкет устроил! Забирай все назад, к такой-то матери!»

– После всех ужасов и издевательств, перенесенных в немецком тылу, как вы лично относились к немецким пленным и гражданскому населению? «Жажда мести», как говорится, была сильной?

– У каждого свои понятия о мести. В апреле сорок пятого немцы прорывались через наши позиции к своим. Бой в лесу. Пошли после прочесывать лес. Взял я в плен одного верзилу, унтера. Заслуженный был немец, с «крестами», еще с нашивкой «за танки». Мы в немецких регалиях уже хорошо разбирались. Веду его к своим. Метрах в сорока пробегает еще один немец. Я жму на спусковой крючок, а у меня патроны в диске кончились! Взял в руки «лимонку» и говорю пленному: «Форвертс». Пошли с ним рядом. Привел его на батарею. Он меня спросил: «Почему ты не убил меня?» Немецким языком я владел неплохо. Что я мог ответить немцу? Что я не зверь? Ребята тоже меня спросили: «Немец-то матерый. Сразу видно, что не одну сотню наших убил. Чего же ты его не «шлепнул»? Не мог я стрелять в безоружного.

То же самое касалось и моего отношения к гражданскому немецкому населению. Видел я пару раз, как немок бойцы «употребляют», но даже мысли в голове не возникло принять участие в этом б…..е.

Хотя я этих бойцов не осуждал. Наш комбат Киселев и замполит, татарин, старший лейтенант, подходили к таким «сластолюбцам» и говорили: «Опомнитесь! Прекратите! Хотите, чтобы нас из за ваших «художеств» расстреляли? Да мы вас самих

лично к стенке поставим!!!» Но никаких массовых зверств мы не устраивали.

Байтман Михаил Ильич дивизионный разведчик, старший сержант

– Родился в июле 1925 г. в местечке Народичи Житомирской области.

В начале тридцатых годов моя семья переехала жить в Киев, отец работал учителем, потом бухгалтером. Жили на улице Котовского, расположенной в районе ЕвБаза, рядом с табачной фабрикой. После окончания семи классов обычной средней школы я пошел учиться в специальную военно-морскую школу – СВМШ № 5. Тогда по стране создали несколько десятков военных спецшкол для подготовки будущих курсантских кадров: артиллерийских, морских, авиационных, и три из них открылись в Киеве. Наша школа располагалась в четырехэтажном здании на улице Красноармейской. Школьники ходили на занятия в морской форме, только на наших бескозырках не было лент. Школьников-артиллеристов дразнили «бананами», учащихся авиаспецшколы – «вентиляторами», а нас, моряков, – «калюжниками». Командовал нашей школой капитан-лейтенант Лисовский.

– Что было с вами сразу после начала войны?

– В июне сорок первого мы находились в летнем учебном лагере, возле села Плюты, ходили по Днепру в походы на шлюпках. 22 июня мы узнали о начале войны, и уже на следующий день всех спецшкольников на катерах вернули в Киев, где нас распустили по домам. Пришел домой, а мать сказала, что отца уже призвали и сегодня его должны отправить в армию вместе с другими мобилизованными. Их призывная команда ожидала отправки в Печерском районе, и я пошел проститься с отцом. И уже когда до Печерского оставалось совсем немного, меня окриком «Стой, руки вверх!» остановил милиционер. Его, видимо, «смутила» моя черная морская форма. Под дулом нагана он повел меня в отделение милиции, и люди, глядя на эту «картину», громко говорили: «Шпиона поймали!» Я предстал перед начальником отделения, который ошарашил меня вопросом: «С какой целью заброшен?!» На мои объяснения, что я живу на ЕвБазе, и учусь в Киевской военно-морской спецшколе, начальник только зловеще ухмылялся: «Ты только посмотри, как их готовят! Всё знают!». Я просил его просто позвонить в школу, и

тогда все прояснится, но получил ответ: «Мне тебя легче шлепнуть!» И пока, наконец, милиционеры «снизошли» до звонка (и выяснив у секретаря, что есть такой ученик, что все учащиеся школы № 5 ходят в форме и что произошла нелепая ошибка), решились меня отпустить, моего отца уже отправили из Киева. Попрощаться с ним мне не довелось. Отец погиб на фронте в том же сорок первом году.

В июле стали снова собирать спецшкольников, и вскоре пароходом нас отправили до Днепропетровска, а оттуда наш путь лежал на Донбасс. Шли пешим ходом. Сидим в одно «прекрасное утро» в каком-то небольшом городке, нас было примерно пятьсот человек из школы ВМФ, а мимо нас по городу проносятся… немецкие танкетки… Капитан-лейтенант Лисовский быстро нас собрал в колонну и погнал строем на вокзал.

С револьвером в руках он носился по железнодорожной станции, пока не нашел машиниста и заставил его выгнать из депо на пути старый паровоз, к которому прицепили несколько пустых товарных вагонов. И вся наша орава, плотно набившись внутрь и облепив эти вагоны, благодаря решительным действиям Лисовского вырвалась из города и не попала к немцам… А случись такое, даже страшно представить, что бы нас ожидало, больше трети спецшкольников были евреями по национальности… Добрались до узловой станции, здесь нам выделили вагоны, дали другой паровоз и повезли на юг. Мы были без продаттестатов, нас не хотели кормить на пунктах питания МПС, а жрать-то хочется, и мы начали громить и грабить ларьки и склады на станциях, так по пути нашего следования, возле продпунктов, выставляли вооруженную охрану, все уже были предупреждены, что к ним движется орда голодных моряков. Привезли в Баку, расположили на территории Каспийского ВМУ. Почти одновременно с нами в Баку прибыли курсанты Ленинградского военно-морского училища им. Фрунзе. Нас, спецшкольников 1924–1925 г.р., зачислили на подготовительное отделение этого училища, но надолго в Баку не оставили, пароходом через Каспий перебросили в Среднюю Азию. Мы были временно размещены в селе Чон-Курган, в 18 км от Джамбула.

В конце осени поступил приказ отправить наш подготовительный курс в Красноярск. Кстати, там же, в Чон-Кургане, остались капитан-лейтенант Лисовский и несколько мичманов из преподавательского состава проводить новый набор в спецшколу.

– Что произошло с вами в Красноярске?

– Поселили в здании городского театра, и начались занятия.

Мы к тому времени уже приняли присягу. Начались обычные курсантские будни, кормили нас хорошо, давали паек по курсантской норме 1А. Но наше настроение было подавленным, мы не могли спокойно учиться, зная, что Киев отдан врагу, а немцы стоят под Москвой. Но как уйти на фронт? Из училища никого в армию не отпускали. Нас подобралась «веселая компания», человек восемь, начали куролесить, специально нарушали дисциплину, вытворяли черт знает что, но никого с курса не отчисляли! Мы только постоянно «залетали на губу», но гауптвахта – это не передовая. Но мы твердо «следовали своим курсом». Ребята, помогавшие штатным писарям в канцелярии курса, заранее «подготовили почву» для нашего ухода на фронт, и в наших личных делах год рождения был переправлен на 1923 год. Решили пойти другим путем и завалить все зимние экзамены. Специально получили по три двойки, последнюю из них я «поимел» на экзамене по французскому языку, хотя этот предмет «уважал», еще учась в пятой школе в Киеве. Нас, «двоечников», вызвали к начальнику училища, капитану 1-го ранга, грузину. Ротный дал свою аннотацию: «Это преднамеренный саботаж!» Каперанг стал нас материть, орал: «Всех, б…, под трибунал отдам! Будете учиться?!» – «Нет». – «Будете пересдавать?!» – «Нет…» В итоге был отдан приказ по курсу о предании меня, моего друга Валентина Претко и еще одного курсанта-армянина суду военного трибунала с формулировкой «за саботаж». Согласно «принятому ритуалу» при отчислении из училища «по дисциплинарной статье» нас должны были исключить из комсомола на комсомольском собрании. Два раза курсанты это собрание срывали. Политрук в третий раз собрал курсантов роты и снова объявил повестку дня. Возле рубильника специально выставили часового, чтобы курсанты не выключили свет, как в прошлый раз, и не сорвали собрание. Встал наш товарищ Жора Мажный и сказал: «Предлагаю ограничиться обсуждением». Все проголосовали единогласно, мы остались в рядах ВЛКСМ. Мы сидели на «губе» в ожидании трибунала, у нас постоянно отбирали бушлаты, но каждый вечер товарищи приносили нам новые. А потом за нами пришли… и объявили, что мы отправляемся в запасной полк, что суда над нами не будет. Переодели в старое армейское обмундирование, но из элементов морской формы нам оставили тельняшки, сказав при этом, что это «подарок», с разрешения начальника училища, который приказал: «Тельняшки у них не забирать, пусть всегда помнят, что такое морская душа». Привезли в Ачинск, в «запаску». Голод, холод, нары. Баланду в обед давали в шайках, на взвод, так все набрасывались на баланду, как голодные звери… Месяц

мы провели в ЗАПе, разок проползли, пару раз стрельнули. А потом нас снова переодели в форму третьего срока, выдали обмотки, и в ЗАП приехали «покупатели» за маршевым пополнением. Один из них, в звании капитана, заметив наши тельняшки, сразу поинтересовался: «Кто такие? Ко мне пойдете?» И уже через две недели мы были на фронте под Москвой, в бригаде морской пехоты, кажется, в 110-й. Нас, всего 13 человек, отобрали в разведроту бригады, которая в этот момент находилась на переформировке во втором эшелоне. Командир роты, старший лейтенант, и несколько разведчиков из «старожилов роты», сразу занялись нашим «воспитанием»: учили стрельбе, рукопашному бою, показывали нам, как правильно сломать шею часовому, как метать штык, как маскироваться, и прочим вещам, необходимым любому разведчику. Бригада ранее была создана в основном из бывших матросов Балтфлота, бойцы ходили в смешанной форме, многие моряки сохранили бушлаты и бескозырки. Но все наше обучение не продлилось и двух недель. В спешном порядке нас бросили на передовую, и в этих боях разведрота действовала как обычное стрелковое подразделение, по крайней мере, я не помню, чтобы еще до своего первого ранения в то время мне довелось участвовать в настоящем разведывательном поиске.

– Кто-то из товарищей, бывших спешкольников из пятой школы ВМФ, или из курсантов с подготовительного курса ВВМУ позже последовал вашему примеру и тоже вырвался на фронт?

– Таких было не так много, моих товарищей, к тому времени уже облаченных в форму курсанта-моряка, сдерживали рамки армейской (флотской) дисциплины и сила приказа. Но все равно находились отчаянные головы. Например, был у нас один парнишка со шпанскими замашками, Митька Жила, сын одного из руководителей Украины. Его отец был зампредседателя Совнаркома УССР. Митька «слинял на фронт» еще по дороге из Баку. И когда об этом узнал его отец, находившийся вместе с правительством Украины в Куйбышеве, в эвакуации, то Жилу стали, по поручению папочки, разыскивать по всем фронтам. Обнаружили его аж на Ладоге, в военной флотилии. Митьку под конвоем вернули к нам, но, насколько я знаю, он училища так и не закончил, куда-то опять исчез, возможно, что снова сбежал на фронт. Или был у нас в классе Гриша Пирогов. Столкнулись с ним после войны, в Лукьяновской тюрьме, находясь по «разные стороны баррикад». На фронте он был лейтенантом, а после войны Гриша стал профессиональным вором, и когда мы

случайно встретились в тюремном коридоре, он «шел по делу» под фамилией Николаев. Мы обнялись, пожелали удачи каждому на своем «поприще», лишних вопросов друг другу не задавали, хотя он сильно удивился, что я остался на войне живой. Ему кто-то из общих знакомых рассказал, что меня убило на фронте еще в 1942 г.

– Ваши первые фронтовые впечатления?

– Вот вам маленький эпизод. Идет бой, мы лежим в отдельных ячейках. Рядом разрывается снаряд, и мне осколком перерубает палец на ноге. Из соседнего окопчика мне кричит раненый Валька Претко: «Мишка, куда мы, блин, попали?! Тут же убивают!»

– В госпитале долго лежали?

– Где-то с месяц. Потом из госпиталя мы вместе с Валентином попали в 12-ю гвардейскую стрелковую дивизию, отведенную в прифронтовую полосу на пополнение.

Нас сразу направили в дивизионную разведроту.

– Существует «стандартный набор вопросов» к бывшим разведчикам. Примерно 20–25 «дежурных» вопросов. Если какие-то из них вам покажутся банальными, лишними или наивными – не судите строго. Вы три года провоевали в одной разведроте и остались в живых, случай крайне редкий… Давайте начнем. Как вас встретили в разведроте?

– Сначала присматривались, приглядывались. Как себя ведет? Как пьет? Некоторым моя фамилия – Байтман – поначалу показалась «неблагозвучной», но я был товарищ хулиганистый и дерзкий, отпор давал сразу, пил наравне со всеми и быстро «вписался в наш дружный бандитский коллектив». Физически был здоровым, очень крепким, до войны был хорошим гимнастом, и когда начались занятия разведчиков (мы тренировались на ночные вылазки и прочее), то я показал себя на должном уровне, и все «сомнения в мой адрес» исчезли сами собой. Разведрота на тот период состояла из двух взводов, нас с Валькой зачислили в первый взвод.

– Весь сорок второй год 12-я гв. дивизия вела позиционную войну на Московском направлении, и проведение разведпоисков в условиях подготовленной во всех отношениях стационарной эшелонированной обороны противника всегда являлось сложной задачей. Каким для вас был первый разведвыход?

– Сидели на передовой, в первой траншее, долго

приглядывались к немецкой обороне. Потом, ночью, мы поползли. Впереди сапер, за ним десять разведчиков, сзади связист и санинструктор. Прямо возле первой немецкой траншеи кто-то из наших кашлянул, немцы нас заметили, в воздух полетели осветительные ракеты, и по нам открыли бешеный огонь со всей линии немецких позиций. Мы насилу унесли ноги, выбрались из этой передряги, имея в группе одного раненого. Начальство приказало: «Завтра пойдете снова!» На следующую ночь мы пересекли «нейтралку» без происшествий, затаились возле немецкого блиндажа. Смотрим, часовой «маячит», решили его «снять», а потом забросать блиндаж гранатами, но так получилось, что часовой, считайте, сам пришел в наши руки, мы его скрутили, сунули ему кляп в рот и начали отходить. Но не проползли и двадцати метров, как немец выплюнул кляп и заорал на всю округу, его товарищи сразу всполошились, поднялась паника, по нам открыли пулеметный и минометный огонь, и, кстати, «языка» легко ранило, но немца мы доставили в штаб дивизии. Начальству этот «язык» категорически не понравился, наши «штабные боссы» ходили недовольными, с кислой физиономией…

– Из кого формировалась разведывательная рота 12-й гв. СД?

– Набирали в разведку только добровольцев. Исключений – не помню… В разведку шла в основном бесшабашная азартная отчаянная молодежь, бывшие уголовники и бывшие штрафники, одним словом, те люди, которым нечего было терять и которые заранее, сознательно и по своей воле подписали себе смертный приговор или «заявку на тяжелое ранение» уже в ближайшем будущем. Иногда приходили опытные бойцы, люди в возрасте, помню, как к нам прибыл один пожилой сибиряк, бывший таежный охотник, так его сразу стали использовать «по прямому назначению», как снайпера. У нас в роте была своя снайперская винтовка. Один раз в роту попал молодой паренек, прирожденный разведчик, ас разведки, как говорят, от бога. Он всегда сам лез в самое пекло и был смертельно ранен. Никогда в роту не зачисляли тех, кто был на «оккупированных территориях». Примечательно, но мне запомнилось следующее: в конце войны к нам стали реже попадать бывшие уголовники, видимо, «кадровики» и разведотдел уже стали «фильтровать при приемке» будущих разведчиков, а может, все просто – поток зэков на передовую иссяк. Одним из «последних урок», попавших в мой взвод, был «щипач»-карманник, по имени Виктор, неплохой парень, но полностью испорченный тюрьмой. Прибыл после

штрафной роты и госпиталя и вскоре выбыл из роты по тяжелому ранению. Добровольцы были всегда, но из-за высоких потерь людей постоянно не хватало. Нередко в роту попадали «случайные люди», наивно думавшие, что в разведке «веселая житуха» и «ордена мешками», а потом… как разбирались, что тут у нас творится, то не знали, как от нас выбраться. Насильно в разведроте никого не держали, но и сразу из роты никого не отпускали, начинали уговаривать… Некоторые оставались «из-за любви к искусству» и постепенно втягивались в наш тяжелый и очень кровавый труд.

– Как готовились разведвыходы? Каким было вооружение и оснащение в разведроте? Кому разрешалось не участвовать в поисках?

– Как правило, полученную задачу мы обсуждали всей разведгруппой, назначенной на поиск, сразу отбирались 5–6 человек в группу захвата, и 8—12 человек в группу прикрытия. А что там будет дальше, никто из нас знать не мог. Простое задание могло обернуться в сложное, и наоборот. А нередко нас гнали в поиск с бухты-барахты, без предварительной должной подготовки, с требованиями немедленно достать «языка», любой ценой, умереть, но добыть, кровь из носу, не считаясь с потерями. Характерные примеры приведу позже. Насчет вооружения: автоматы ППШ, гранаты, финки, трофейные пистолеты. Ручных пулеметов в нашей разведроте было несколько, но в поисках их не использовали. Иногда брали в поиск трофейные автоматы. Мне пару-тройку раз пришлось вести в бою огонь из немецкого трофейного пулемета, изумительное, скажу я вам, оружие, легкий и надежный пулемет. В конце войны разведчиков вооружали автоматами ППС. Своего автотранспорта в роте не было, только после войны мы «прибарахлились», у меня даже появился свой личный мотоцикл марки «Ленде-рер», на нем и гонял. По поводу участвовавших в поисках. Саперов и радистов нам придавали из дивизии. В поиске, кроме «штатных разведчиков», участвовал наш санинструктор, прозванный «Санька с трубкой». И даже наш ротный повар мог по своему желанию пойти в разведку. В обороне нас кормили от штаба дивизии, и наш повар в принципе сидел без дела, так иногда сам вызывался на задание. Старшина роты в поисках не участвовал, но это не гарантировало жизнь, и они, старшины, тоже под Богом ходили, у нас за войну погибли трое или четверо человек, служивших на должности старшины роты, кого при бомбежке убьет, кто поедет в тыл за провиантом и на мине подорвется…

По командирам. Долгое время нашей ротой командовал

капитан Медведев. В поисках он лично не участвовал. Но я не могу поставить ему это однозначно в упрек, поскольку, как мне помнится, у нас в разведроте говорили, что был с конца сорок третьего года какой-то специальный приказ, запрещавший офицерам, находившимся на должности ПНШ – по разведке или служившим в разведотделе дивизии, и подобным им, ходить в тыл врага, так как они являлись носителями секретной информации. Но был ли такой приказ в действительности – я не знаю. На должности командиров разведвзводов присылали бывших пехотных офицеров, после госпиталей, людей тертых, с фронтовым опытом. «Зеленые лейтенанты», которые сразу «с корабля на бал» – «вчера из училища», к нам очень редко попадали. Взводные у нас постоянно менялись. Командирам разведвзводов приходилось попотеть, пока их разведчики посчитают своими. Иногда над новыми взводными лейтенантами подшучивали, проверяли реакцию. Могли «подначить», в темноте кинуть к новому лейтенанту в землянку комок земли и крикнуть: «Граната!» – и посмотреть, как он себя поведет в этой ситуации. Одно время у нас был очень хороший взводный, свой парень, смелый разведчик, лейтенант Федорчук.

– Из тех, кто был в роте весной 1942 г., сколько довоевало в ней до конца войны?

– Двое. Я и Федя Уржаткин, сибиряк, 1920 года рождения. Еще было два человека, прибывших в роту под Курском. Но все «ветераны роты» были за время службы в разведке ранены как минимум по 2–3 раза и возвращались, именно как гвардейцы, в свою часть после госпиталей. А остальные разведчики нашей отдельной дивизионной разведроты начинали воевать в разведке на Днепре и позже. И если в начале сорок третьего года в составе разведроты числилось 40–50 человек, то в мае 1945 года списочный состав разведроты дивизии состоял из 19 человек, и это считалось нормальным явлением. А сколько всего сотен человек прошло через нашу разведроту за три года войны, я сказать затрудняюсь.

– Разведчики считали себя кастой?

– Безусловно, мы считали себя отдельной, особой группой бойцов, со своими традициями и правилами. Сплоченная группа со своим «монастырским уставом».

В нашей разведроте был непреложный «обет молчания». В роте боялись лишнего ляпнуть, сразу бы последовала немедленная расправа. Нервы у всех и так были на пределе… Кто нас прилично зацепил – могли его запросто убить…

И все солдаты знали, что, например, лейтенант такой-то погиб не от немецкой пули…

Или если достоверно узнавали, что кто-то стал «стучать особистам», то такого человека быстро «убирали» при первой возможности, «пришивали» в подвернувшейся обстановке.

– Что такое «обет молчания» конкретно в вашей разведроте?

– Пример хотите? Был у нас в сорок втором году на переформировке один бывший моряк-черноморец, украинец, мой земляк из Киева, старше меня лет на семь. Производил впечатление «тертого калача», прошедшего «огонь и воду», умел так «травить баланду», что мы ему чуть ли не в рот от удивления и восхищения заглядывали. Одним словом, умел этот моряк произвести достойное впечатление и заслужить наше уважение. Но когда дивизия вернулась на фронт, он прямо перед выходом в поиск прострелил себе из автомата мясо под мышкой. Классический самострел, замаскированный под случайный выстрел. И мы его решили спасти от трибунала и не выдали. После санбата он, к нашему удивлению, вернулся в разведроту. Потом меня ранило, и получаю в госпитале письмо от ребят, что моряк снова себя «повредил», стал «голосовать», специально высунул руку из траншеи и получил от немцев пулю в ладонь. И опять его не выдали… Через тридцать лет после войны этот человек стал в республике довольно известным деятелем, писал книги о героических разведчиках, и о себе в том числе. Я случайно столкнулся с ним на улице, в Киеве. Он сразу меня узнал, побледнел, как стена, но я ему сказал: «Живи спокойно, я тебе не судья, «геройствуй» дальше»…

– Как командование дивизии и офицеры штаба относились к разведчикам?

– Отношение к нам было весьма сложным. Насчет первого комдива полковника Эрастова я ничего толком не помню, а вот полковник Мальков, командовавший дивизией два года, не очень разведку жаловал, в своих «любимчиках» нас не держал, и, что особенно грустно, – разведроту никогда не берег. При любой «возможности и необходимости», надо не надо или чуть что где-то идет не так, использовал разведчиков в бою, как простую пехоту. Приходил к нам в роту всего несколько раз, на вручение наград, и очень хорошо запомнился его визит к разведчикам, перед форсированием Днепра, когда он лично ставил нам задачу. Никакой «слабости» комдив к разведке не питал. А отношение к нам штабных офицеров или командования полков было в

большей части негативным, они считали, что своим развязным видом и независимым поведением мы подрываем дисциплину в дивизии.

Нас все побаивались, считая отпетыми «отморозками», головорезами…

И полковые разведчики иногда смотрели на нас искоса, они считали, что мы более устроенные, «пригрелись возле штаба дивизии с девками из санбата». Мы могли себе позволить гораздо больше, чем они…

– По вашему мнению, подобное отношение командиров к дивизионной разведке было обоснованным?

– Возможно. Мы зачастую вели себя как блатные, как прожженные уркаганы, наша речь была пересыпана словами из воровского или морского жаргона. А что поделаешь, если треть роты из бывших зэков. Докладывая начальству о поиске, старший группы мог, без задней мысли, сам того не замечая, использовать слова «шухер, хипиш, фраер, пика» и так далее. Иногда мы просто подыгрывали себе, «работали на репутацию» нашей, так сказать, «свирепой и кровожадной роты разведки». Даже то, как мы были одеты и вооружены, разительно отличалось от обычной пехоты или полковых разведчиков. Когда в Германию зашли, то мы там здорово покуражились.

Иногда стоит перед нами группа цивильных немцев, а ребята на меня пальцем показывают и говорят им: «Это юде! Юде! Ферштейн? Сейчас вас шиссен будет!»

И немцы в ожидании «расстрела» с ужасом смотрели на меня, а мы смеялись… Посмотрел как-то в заброшенном доме на себя в зеркало, а ведь действительно я выглядел как настоящий громила: на голове кубанка, чуб, лицо зверское, из расстегнутого ворота видна тельняшка, хромовые сапоги, на мне автомат, гранаты, пистолет в трофейной кобуре, отдельно штык-нож, да еще висит какой-то кривой ятаган в серебряных ножнах, подобранный в немецком «буржуйском» особняке. «Живописный анархистско-бандитский вид»…

– Политработники и особисты, скажем так, «уделяли внимание» разведроте? Как вы лично к ним относились?

– Иногда из штаба дивизии в расположение роты приходили всякие парторги и комсорги, но все их слова были настолько далеки от нас, и любые призывы агитаторов отскакивали от нас как горох от стенки. Мне лично это было ни к чему, я воевал за Родину и за Сталина, мстил за свою убитую немцами родню. Всю семью мою немцы уничтожили, а наш дом разрушили. Отец, все

мои дяди и все восемь двоюродных братьев погибли на фронте. Бабушку убили прямо возле нашего дома, еще до Бабьего Яра, просто вытащили на улицу и застрелили у порога… Так к чему мне была нужна комиссарская пропаганда? На войне я в партию так и не вступал.

Сталина я на фронте считал богом, верил, что все, что говорили о «врагах народа» и о «вредителях», – это чистая правда, готов был во имя вождя любого убить. Во второй половине пятидесятых годов, когда я работал в прокуратуре, началась волна реабилитаций по делам репрессированных в 1937–1940 гг. Людей в прокуратуре для пересмотра дел не хватало, и нас «бросили на подмогу» группе, официально занимавшейся этим вопросом. Каждый день, утром, секретарша разносила нам, по столам прокурорских работников, стопки папок с делами расстрелянных, на решение о реабилитации. Я читал эти дела, и волосы вставали дыбом. Дела тонкие, всего 7–9 подшитых бумажек, донос, постановление об аресте, протоколы двух-трех допросов, а в конце бумага с постановлением ОСО, суда или трибунала о расстреле и еще одна, обязательная – о приведении в исполнение. И все… и нет человека… Дела, почти все, за малым исключением, – насквозь липовые, но больше всего поражало обилие доносов, с дикими обвинениями, например, такими: «Читал газету «Правда» и при этом ехидно улыбался». Дальше – «раскрутка» по 54-й статье УК УССР, и «высшая мера социальной защиты».

И когда я понял, за что (а главное – сколько!) безвинных людей погубили по воле и во имя «вождя народов», то я прозрел, мне стало страшно – я не мог до конца понять, почему наше поколение было настолько слепым и одурманенным, ведь мы умирали в бою не только за Родину, но и за этого деспота и тирана тоже…

Но это я немного отклонился от вопроса…

Что еще добавить о комиссарах? Перед серьезными поисками, сложными заданиями они могли пожаловать в разведроту, иногда даже мог заявиться лично сам нач. ПО дивизии полковник Юхов. И в эти «визиты» они иногда помимо обычных «напутствий» нам открыто говорили следующее: «Не дай бог вам попасть в плен! Последнюю гранату, последний патрон – для себя! Вы, разведчики, воюете без права на плен!» Есть еще один аспект деятельности политработников, в котором надо отдать им должное. Национальная напряженность в стране постоянно витала в воздухе, и только политруки смогли подавить подобные настроения в армейских рядах…

А с особистами разговор был отдельный. С разведкой им

было сложно «работать», у нас их «хитрогребаные штучки-дрючки» не прокатывали… Круговая порука…

Один раз «особист» хотел меня «вербануть», ты, мол, старший группы, заслуженный разведчик, мы на тебя надеемся. Я ответил ему: «Эти номера у вас не пройдут, и, вообще, наш разговор пустой и бесполезный. Если мы чего заметим, то без вас с любым разберемся сами». Он ретировался совершенно спокойно, поскольку заранее ожидал подобный ответ… Да и зачем ему с нами связываться? У нас хватало отчаянных голов, которые бы не посмотрели ни на звание, ни на род войск, ни на принадлежность к спецслужбе. Как-то у нас по тылам гонял на машине пьяный заместитель командира корпуса генерал-майор Густышев, известный самодур. «Порядки наводил». Нарвался на молодого старшину, который ехал в тыл за боеприпасами. Генерал схватился за пистолет, и матом: «Я щас тебя! Почему драпаешь в тыл?! Вперед! Застрелю!» Старшина направил автомат на Густышева, передернул затвор и сказал: «Б…! Смерти захотел, морда генеральская?! Получай!» Трезвеющий на глазах Густышев заскочил назад в свою машину и отвалил по-быстрому. И нашему старшине ничего за это не сделали, никто его не тронул, хотя этот случай стал известен многим. Видимо, сам генерал не хотел поднимать шум и выставить себя в самом неприглядном виде. Вот такой эпизод…

Следует заметить, что в разведроте никто не вел разговоры на политические темы, мы не обсуждали действия генералов и всяких там командармов или «преимущества колхозного строя» – нам это было ни к чему… Жили одним днем… Никому не завидовали. Мы сами выбрали свою судьбу. Один раз пришлось напрямую контактировать с особистами и выполнять специальное задание за линией фронта по «заявке СМЕРШа», и, кстати, особисты-офицеры пошли вместе с нами в тыл к немцам.

– Какие ощущения вы испытывали перед поиском и по возвращении с задания?

– Перед любым поиском, неважно, пятый он для тебя или двадцатый, я испытывал сильное душевное напряжение. Чувство грядущей смертельной опасности само выдавливало из тебя слова: «Если что, не поминайте лихом…» Завещали «трофеи» своим товарищам… А вернувшись живыми и осознав задним числом всю степень риска и тяжести выполненного задания, мы радовались, как дети, выпивали и даже пели песни под гитару.

– Мелькала иногда у вас мысль, мол, устал воевать?

– Не было у меня таких ощущений и мыслей, что я «устал

убивать и воевать». Но иногда мечталось о легком ранении, хотелось немного отдохнуть на госпитальной койке. Постоянное физическое и психическое напряжение настолько выматывает, что волей-неволей организм и психика сдавали и требовали передышки. Постоянное ожидание смерти деформирует психику, а служба в разведке, когда ты постоянно теряешь боевых товарищей или убиваешь кого-то, – это отдельная тема. После войны я сам удивлялся, насколько зачерствело и озлобилось мое сердце и какими стали мои нервы, я «заводился с полоборота»… Поймите сами, выдержать все это было непросто. В Пинских болотах зимой немцы закрепились на высотах, а мы лежим в воде на болоте. Холод собачий. Замерзали насмерть, но даже чихнуть толком никто не мог себе позволить, сразу в небе появлялись осветительные ракеты, а все болото прочесывали из пулеметов. И когда мы вышли из этого болота и прикладами автоматов отбивали лед со своих шинелей, то никому из нас мало не показалось. Но вот ранило меня в очередной раз. Под Брестом, прямо в окопе, осколками мины зацепило по ногам, не задев костей. Пролежал я несколько дней в санбате и сразу затосковал по своим товарищам по взводу, и даже по своей фронтовой службе и доле…

– Вы сказали: «Мы никому не завидовали». Но обычно дивизионная разведывательная рота находится в затишье рядом со штабом дивизии. Возле вас постоянно снуют с деловым видом сотни людей в военной форме, скажем там: штабники, обслуга, писаря, снабженцы, холуи-ординарцы, рота охраны, солдаты различных тыловых служб и специальных подразделений, ППЖ – одним словом, группа военнослужащих, вся война для которых проходила в 5–7 км от передовой. Ведь управление дивизией и ее тылы – это целый аппарат, с многочисленным личным составом и разной челядью и так далее. Сытые, бритые, блестят орденами на кителях. Кому война – кому мать родна… Честно скажите, не было желания поменяться с ними местами? Ведь сколько можно жизнью в разведке рисковать.

– Нет, у меня никогда не возникало желания стать «тыловой крысой». Поймите меня правильно, я был здоровый молодой парень, патриот до мозга костей и по молодости лет даже не представлял, как это можно человеку, имеющему совесть, увильнуть от передовой? Но в отношении этого сонма людей, служивших по праву, по специальности или по возрасту во вспомогательных и штабных подразделениях, или, скажем, к определенной категории красноармейцев, «пристроившихся» в

тылу, мы особой ненависти не испытывали. Пренебрежение проскальзывало, но зависть – никогда. Мы же сами – добровольно пришли в разведку и знали, какая судьба нам достанется.

А в отношении тыловиков – что сказать… Все понимали, что «свято место пусто не бывает», и всегда среди массы людей найдется кто-то очередной «хитромудрый», что пригреется адъютантом или денщиком в штабе возле сытого начальника, а вместо него погибать и проливать кровь будет какой-нибудь простой и безответный Ванька-взводный. Понимали, что кто-то другой должен передовые части снабжать, обеспечивать, писать докладные, подвозить боеприпасы, чинить, кормить, охранять склады, и тому подобное… Всех в первую цепь, в атаку, «в активные штыки», все равно на загонишь… Недоумение и презрение у нас вызывали не пожилые тыловики-обозники, а только молодые здоровые наглые «лбы», сразу «нашедшие свое место на фронте» в писарях, особистах и в многочисленных рядах всякого пошиба «ординарцах»…

– Вы считали себя «смертником»?

– Если честно – да… И даже матери с сорок второго года никаких писем не писал.

Она прислала мне письмо на фронт со словами, что-то вроде: «…Сынок, бей врага без жалости, смелого пуля боится и штык не берет». Я его прочел, меня эти «пожелания» почему-то задели, и я решил больше маме не отвечать. Зачем надеждой мать мучить, пусть думает, что ее сын уже погиб… Написал ей снова только через несколько месяцев после войны, когда немного «отошел сердцем» и сам убедился в том, что, наверное, буду жить дальше. Мать мое письмо получила и все равно тогда не поверила, что я живой. Ей в конце 1944 г. прислали «похоронку», что я убит в бою под Ригой… Сколько раз, вернувшись из боя или с разведзадания, мы не верили, что уцелели, что нас не ранило и не убило, ощупывали себя, шалея от радости…

Это же постоянное балансирование на грани жизни и смерти…

А других «на ровном месте» убивало, кого шальной пулей, а кто и на мине подрывался в своем тылу… Осенью сорок третьего мы освободили какое-то небольшое село. Из одной хаты вышла женщина с сыном, парнишкой лет пятнадцати, вынесла нам, троим разведчикам, кринку молока. Стоим, разговариваем, пьем молоко. И тут внезапный немецкий артналет по селу. У хозяйки за домом была вырыта щель для укрытия, на случай бомбежки. Мы туда. Двое товарищей прыгнули в нее, я пропустил женщину перед собой и тоже бросился в щель. Ее сын упал на меня сверху.

Залегли. Взрыв снаряда.

И тут у меня вся спина от чего-то стала мокрая. А это… сыну хозяйки голову начисто, как бритвой, крупным осколком оторвало, и его кровь хлынула на меня… Я до сих пор не могу забыть горе и крик его матери… Не было бессмертных… Долго никому не везло…

В дивизии был один командир батальона, ГСС, которого все считали заговоренным от пуль. Из любой смертельной схватки, из любой кровавой переделки он выходил живым. Ни разу не был ранен, хотя, как все говорили, ни разу не ложился под немецким огнем. Помню, в Прибалтике, прямо на моих глазах во время боя этот комбат, в до блеска начищенных сапогах, идет вперед в полный рост под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника. Рядом с ним разрывается снаряд и его взрывной волной швырнуло на землю. Он встал, отряхнулся, сказал: «Вот, гады, попадать начали!», и снова пошел вперед… Мы просто охреневали. Но в следующем бою несут этого комбата с поля боя на носилках, и все говорят – ранение-то смертельное…

Но не всегда судьба разведчика заранее была обречена. Некоторые из наших ребят-разведчиков после очередного ранения из госпиталей попали в военные училища и вернулись на фронт уже офицерами, после относительно долгого перерыва в «своей войне», и, в итоге – остались живы. Мой верный товарищ Валя Претко после очередного ранения, в 1944-м, попал в танковое училище, после войны стал подполковником. И наш гитарист, Коля Легкоступ, тоже после ранения был направлен учиться на офицера и дослужился до подполковника.

– У разведчиков роты были предчувствия, что именно сегодня – «последний день»?

– Да… Такие предчувствия были не только у разведчиков.

Многие безошибочно определяли, когда их убьет. У меня был товарищ, еврей, фельдшер одного из стрелковых батальонов нашей дивизии, в звании старшины. Звали его, как и меня, Михаилом, до войны он успел закончить два или три курса медицинского института. Шутник, весельчак, бесстрашный человек. В Латвии он как-то начал с утра прощаться с товарищами, сказал: «Сегодня меня убьют». Батальон шел по дороге, и тут случился внезапный немецкий артналет. Все побежали к ближайшему лесу, а он остался сидеть на повозке. Ему кричали: «Мишка, сюда! Давай к нам!» Но он не побежал, а просто не сдвинулся с места. И через минуту в него прямое попадание… Когда мне сказали о его гибели, я места себе долго не находил…

– Были случаи, что разведгруппы из состава вашей разведроты полностью погибали в немецком тылу?

– Чтобы никто из поиска не вернулся – у нас таких случаев не было. Случалось, что погибала большая часть разведгруппы. Помню, как-то в Белоруссии ушла к немцам в тыл группа из 12 человек, а к своим вышли, а вернее сказать – выползли, истекая кровью, только двое раненых разведчиков. Остальные погибли… Таких трагических эпизодов в нашей роте было несколько в 1943–1944 гг…

– Кто-то из разведчиков роты попал к немцам в плен? Существовал ли у вас в роте закон – убитых товарищей врагу не оставлять?

– Таких достоверных случаев, чтобы кто-то из нашей роты в плен к немцам попал, я не припомню. Понимаете, сам факт, что такое может где-либо случиться, казался нам невероятным, воспринимался нами как вселенская катастрофа. Мы были уверены, что в любом состоянии даже тяжелораненый разведчик, на последнем дыхании, находясь в сознании, не даст себя пленить и успеет застрелиться или взорвет себя последней гранатой. Но на войне всякое могло произойти. Пафосные лозунги и легендарные символы – это, конечно прекрасно, но… Ведь попадали в плен и дивизионные разведчики… И за примерами я вас далеко не отправлю. Рядом со мной живет Зильберштейн, воевавший на Калининском фронте в отдельной разведроте 93-й стрелковой дивизии в группе ГСС Головина. В феврале 1943 г. немцы перебили в двадцати метрах от своих позиций группу захвата из шести разведчиков и единственного живого, тяжелораненого Зильберштейна взяли в плен, почему-то добивать не стали, а даже отправили на перевязку к своим медикам. Он по национальности наполовину армянин, в плену назвался фамилией матери – Саджанян – и поэтому смог уцелеть.

В сорок четвертом году сбежал из плена, под Витебском вышел к своим, но на проверке в СМЕРШе из него стали «ковать» предателя, мол, «как же ты так опозорился, разведчик, и в плен попал?! А может, сам к немцам слинял?», и в трибунале ему дали 10 лет сибирских лагерей, «десятку за плен» как изменнику Родины. Немцам или власовцам он не служил, полицаем не был, но плен ему не простили, и основным лейтмотивом на допросах был именно этот «Разведчик в плену?! Быть такого не может!» Реабилитировали его только в пятидесятых годах.

И такая судьба иногда была у разведчиков…

Насчет раненых в поиске я могу сказать следующее – своих

раненых товарищей-разведчиков мы немцам ни разу не оставили. Пошли на задание, прямо возле первой немецкой траншеи у кого-то хрустнула ветка под ногами, нас заметил часовой, дал длинную очередь и ранил одного из разведчиков в бедро. Мы, не ввязываясь в перестрелку, сразу стали отходить, чтобы вытащить своего раненого. Вынесли его к своим, в госпитале ему ампутировали ногу. И этот эпизод достаточно типичный для полковых или дивизионных разведчиков. Жизнь раненого товарища была для нас самым важным на свете. Ползем к своим под огнем, у нас раненый и немец-«язык», тяжелый, сволочь, попался, да еще крутится все время. Чувствуем, что двоих к себе не дотянем. Старший группы командует: «Кончай его!» Я ударил «языка» финкой под сердце раза три. Потом, в штабе, за это дело мы получили очень серьезный нагоняй, но обошлось без трибунала… Но вот у меня был очень неприятный случай, что мы не смогли вытащить тело убитого товарища. Пошли в поиск, нас засекли на подходе, и немцы начали преследование. Мы группа захвата, всего четыре человека, отбивались. Одного из наших тяжело ранило, а второй получил множественные смертельные ранения. И мы оставили тело убитого и, отстреливаясь, потащили своего тяжелораненого. И когда мы вернулись к своим, то разразился неимоверный скандал. На меня орали как на последнего предателя. А что можно было сделать в той ситуации?..

– Допустим, подготовлен поиск, все заранее спланировано, все роли распределены. В каких ситуациях допускались «импровизации»? Я не имею в виду случаи, когда разведгруппа обнаружена противником.

– Приходилось постоянно приспосабливаться к новой ситуации, любой шаблонный подход, тупое следование первоначальному плану, в случае возникновения непредвиденных обстоятельств грозил смертью для всей группы. Например, мы планировали взять «языка» из боевого охранения, но, обходя «свежее» минное поле и заграждения, вышли сразу к сильно укрепленной траншее первой линии обороны.

А «языка» брать необходимо. Рядом большой немецкий блиндаж. Часового зарезали, в трубу тихо опустили две гранаты. После взрывов ворвались в блиндаж, раненых добили, а двоих целых, но сильно контуженных немцев взяли с собой. Вышли к своим без потерь убитыми в группе.

– Например, группа получает задание из разряда «невыполнимых». Могли разведчики сознательно не пойти на

такое задание или «схимичить» при его выполнении?

– Невыполнение приказа во фронтовой обстановке – это, знаете ли, не шутка.

Или к стенке поставят, а в лучшем случае – в штрафную зашлют, третьего не дано. Хотя был один исключительный случай, что мы смогли убедить начальников, что шансов нет, и на данном участке немецкой обороны нам ничего в поисках не светит. Но к нашим доводам прислушались только после того, как разведчики дважды нарывались на немецкие засады. А такая вещь, как «заранее спланированный сговор в группе», чтобы «сачкануть», даже если полученное задание на все 100 % гибельное, – мне не кажется возможным. Пять-шесть человек в группе захвата, еще с десяток в группе прикрытия – со всеми не договоришься, кто-нибудь обязательно лишнее когда-то ляпнет. Но если мы видели, что «дело пахнет керосином», то сами отходили назад, без «языка» или даже без попытки захвата. Наш командир разведроты шел докладывать наверх об обстоятельствах неудачного поиска, и на следующий день нас снова гнали на то же задание. Но «крылатая фраза» начальников: «Без «языка» лучше живыми не возвращайтесь!» – звучала нередко…

– Как часто разведчики роты ходили в немецкий тыл на задания, заранее предусматривающие нахождение во вражеском тылу в течение несколько дней?

– Мне трудно сказать, с какой частотой давались подобные задания, но обычно это происходило, когда мы получали приказ любой ценой взять только «языка»-офицера.

Один раз, в Белоруссии, мы торчали в немецком тылу трое суток, зашли вглубь километров на восемь, но не могли никого взять. Нас пять человек разведчиков и еще приданный группе радист. По рации нам передали приказ: «Без офицера не возвращаться!» А что нам оставалось?.. Расположились в лесу возле дороги, по ней интенсивное движение, между машинами короткие интервалы. Выбрали момент, на дороге подложили «скобы». Шла немецкая «легковушка», скаты пробило. Шофер вылез посмотреть, что произошло, тут мы его «уработали ножичком», а в машине взяли целым офицера, гауптмана. Офицер, кстати, смертельно перепугался и от неожиданности даже описался. Машину закатили в лес, труп водителя спрятали, нас не успели заметить. Его довезли живым, вышли назад без «больших приключений» и, самое главное, без потерь…

– Какой свой разведвыход вы считаете самым удачным?

– Каждый поиск, из которого вся разведгруппа вернулась живой, для меня – самый удачный. Но был один поиск, от результатов которого все наше командование просто «впало в экстаз». Это произошло там же, в Белоруссии, и «сценарий захвата» чем-то похож на предыдущий случай. Взяли «с дороги» обер-лейтенанта с хорошими штабными документами, офицера, который действительно много знал и оказался весьма разговорчивым и информированным. За него для нас орденов не пожалели. Но взять «языка»-офицера удавалось редко… Офицер – это большая удача…

– Как немцы вели себя в плену?

– Тех, кто держался в плену стойко и достойно, было немного, хотя и попадались крепкие духом. Один интересный момент. У нас в разведотделе штаба дивизии переводчиком служил немец-коммунист, перебежавший к нам еще до войны. Он, помимо работы переводчика, еще занимался контрпропагандой на установке ПГУ.

Так этот переводчик мог зайти на допрос «языка» в немецкой офицерской форме и приказать пленному солдату или унтеру: «Рассказать все!» И немцы, свято чтившие и соблюдавшие армейскую дисциплину и субординацию, начинали «развязывать языки», получив приказ от «герра лейтенанта». И такое бывало…

– Немецкие разведчики работали так же успешно, как и наши?

– А я не знаю, по каким критериям оценивалась успешная деятельность немецкой разведроты. Но работать они умели, в воинском мастерстве им не откажешь. Как-то в Белоруссии они утащили у нас офицера из штаба дивизии, так об этом ЧП многие не решались говорить даже шепотом. Но немцы аккуратисты, у них все было рассчитано по секундам, без гибкости, и такой подход нередко их губил.

– С немецкой разведкой на «нейтралке» приходилось сталкиваться? Некоторые разведчики упоминают подобные эпизоды в своей боевой биографии.

– На самой нейтральной полосе у меня такого не случалось, но был один выход, что мы уже подползли очень близко к немецкой траншее, и приготовились к захвату, как из траншеи вдруг стали выползать в свой разведпоиск довольно большой «компанией» немецкие разведчики. Мы сразу открыли огонь в упор и отошли с боем. Немцев было раза в три больше, чем нас, но они были ошеломлены и, наверное, здорово перепуганы от

такой неожиданности, и толкового преследования за нами не смогли организовать. Мы не взяли «языка», но и сами вернулись без потерь в группе.

– Как принимали пополнение в разведроте? Проводились ли с новичками какие-то специальные занятия по подготовке разведчика?

– Все зависело от предыдущего фронтового опыта новичка. Бывшего партизана или человека, уже немного повоевавшего в разведке, многому учить было не надо. Если в разведку попадал совсем «зеленый», то его учили бесшумно ползать, убивать кинжалом, сворачивать шею, объясняли смысл тех или иных жестов, используемых в поиске.

– Умение «убрать» врага ножом не всем дано. Были такие, которые оказались психологически неготовыми действовать холодным оружием?

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Нет, у нас в роте таких «кисейных барышень и слабонервных» не было. Вы же прекрасно знаете, что в разведку не приходили, скажем, массово, «студенты консерватории по классу виолончели», в дивизионные разведроты набирали в основном «отпетую публику», решительных и смелых бойцов. Ножом все могли работать. Борьба за жизнь из слабых делала сильных. Просто у нас не было большого выбора: или жизнь, или смерть. Жить захочешь – начнешь хладнокровно вражеские глотки резать, без малейшей нервной дрожи в руках и каких-то душевных терзаний. Но бесшумно, без крика, моментально и качественно «убрать» часового – это действительно редкое умение. Но разведчики «тренировались», у нас зарезать по-тихому немца в траншее или в боевом охранении при выходе из немецкого тыла считалось почти обыденным, но приятным делом.

– Статус «ветерана разведроты» неофициально существовал?

– На словах – конечно, но этот статус не давал никаких поблажек, а только способствовал тому, что в любой сложный поиск ты пойдешь одним из первых, или придут новички – и тебя пошлют сразу с ними заниматься, или малейшая неясность в обстановке, и ты должен сам, первым, со всем разобраться. Этот статус больше обязывал, чем давал возможность «в почете почивать на лаврах».

– Вы упомянули о спецзадании, в выполнении которого

также участвовали представители контрразведки СМЕРШ. Можно услышать подробности?

– В приграничном районе, между Украиной и Белоруссией, нам поручили переправить в немецкий тыл, в партизанский край, двух офицеров «смершевцев», капитана и подполковника, и радиста, из той же «конторы». Мы поступили в их распоряжение. Пошли с ними примерно двадцать разведчиков. И когда мы удачно прошли километров 25–30, «смершевцы» нам объявили боевую задачу. Речь шла о проведении карательной «воспитательной акции» в отношении бандитского партизанского отряда. Застали мы этот отряд врасплох. Сорок с лишним «партизан», почти все из «окруженцев». Несколько женщин среди них… Они занимались грабежами, мародерством, с немцами не воевали, подчиняться командованию партизанского края наотрез отказались. В землянках у них висели на крюках свиные туши, а самогона было – хоть залейся… Неплохо устроились «зеленые»… Разоружили этих «партизан». Особисты провели несколько скоротечных допросов. Потом вывели из шеренги командира этого отряда и трех его ближайших подручных. Подполковник зачитал приговор: «Именем советской власти!» – и этих мы расстреляли. По рации офицеры вышли с кем-то на связь, и уже через час-другой к нам подошли представители двух партизанских отрядов и забрали с собой оставленных в живых «партизан»-бандитов. Мы благополучно вернулись вместе с особистами через линию фронта к своим. Нам стало ясно, что все мы участвовали в «показательном мероприятии», целью которого было довести до умов всех «зеленых» бандгрупп, выдающих себя за настоящих партизан, но не ведущих активной борьбы с врагом, что возмездие неминуемо и что за их головами, если надо, придут и из-за линии фронта.

– Мне один бывший старшина, дивизионный разведчик, человек честный, настоящий боец с большими заслугами перед Советской Родиной, рассказал похожую историю, как силами усиленной разведроты под руководством и с участием офицеров СМЕРШа была проведена в Польше, в немецком фронтовом тылу, в 30 км за передовой, специальная операция по ликвидации отряда АК, в котором, по его мнению, также находились парашютисты, заброшенные «польским «лондонским» правительством». Но на публикацию этого эпизода в своем интервью он не согласился.

– И правильно поступил. А то бы завтра поляки, по примеру литовцев, стали бы «наживать политический капитал» и забрасывать прокурорскими запросами с требованием «выдать на

следствие». Есть многие моменты в деятельности разведгрупп, «запретные темы», о которых даже сейчас не стоит говорить…

Иногда такое творилось, что…

– Но, скажем, «акты мщения» отдельных солдат из наших передовых частей по отношению к немецкому гражданскому населению весной 1945 г. для вас являются «запретной темой»?

– Нет, почему же, я не собираюсь прикидываться ангелочком, как некоторые.

Я не буду говорить, что происходило в этом «аспекте» в стрелковых полках дивизии, могу рассказать только о своей роте. Немцев мы никогда не жалели, и гражданских в том числе… Творили мы, что хотели, и каяться в этом я не собираюсь. Это была справедливая расплата за их преступления, совершенные на нашей земле.

До Германии оставалось три километра, и к нам в разведроту приехал командир корпуса. Один из разведчиков его спросил: «А что с немцами делать можно?» Комкор оглянулся по сторонам, и сказал: «Да все, что угодно!»… Первые 50 км мы прошли по немецкой земле, не сталкиваясь с гражданским населением. А потом началось…

Мы озверели от войны, доходило до того, что иногда, просто, со спокойной душей, забрасывали гранатами погреба и подвалы, в которых вместе с солдатами вермахта прятались и гражданские немцы. Было в нашей роте такое несколько раз… И цивильных могли под горячую руку пострелять… И я забрасывал гранатами, и убивал тоже…

Но зверями мы стали на войне только благодаря немцам. Они были «прекрасными учителями», и, убивая или насилуя, мы брали пример с них! Немцы ведь нас не только здорово воевать научили… Мы за три с лишним года насмотрелись на их дикие изуверские жестокие бесчеловечные злодейства. Мы напрочь забыли такие фразы, как «рабочий класс Германии», или там – «простой немецкий трудовой народ ждет избавления от гитлеризма»… Тем более у меня, как у еврея, не было к ним ни малейшей капли жалости. Только ненависть и желание убивать всех до последнего… Сказал, как было. Хотите, напечатайте… вам решать…

– Командование и политработники сразу пытались «обуздать мстительный порыв» передовых частей?

– Да. Вскоре был издан приказ о борьбе с насилием и мародерством, за это стали расстреливать на месте. Только

войска заходили в очередной город, еще бой не затих, как сразу появлялись патрули «по борьбе», в каждом: офицер и два автоматчика. Какой-нибудь солдатик тащит чемодан с барахлом, нарывается на такой патруль – так иногда могли сразу расстрелять на месте как «мародера». Порядок наводили железной рукой, но до нас, до разведчиков, эта «рука» добралась последней… Но и после этого приказа еще долго происходили дикие случаи. Пятнадцатого мая 1945 г. все бойцы нашей разведроты стали свидетелями одного трагического эпизода. Наша рота расположилась в доме на отшибе, прямо возле трассы. Два пьяных офицера из пехоты, капитан и старший лейтенант, пытались рядом с дорогой, в кювете, изнасиловать молодую немку, но она отбивалась, вырывалась и убегала, а офицеры, «пьяные в стельку», с трудом ее догоняли. Мы не вмешивались, только обсуждали между собой, получится у них или нет. И в это время на дорогу выехала колонна из нескольких легковых штабных машин и два «студера» с охраной. В одной из машин находился очень большой чин. Фамилию его я называть не буду, это был известный в армии человек. Если скажу фамилию, то нас с вами потом на пару сразу заклюют и слюной забрызгают, и с воплями обвинят в желании опорочить честное имя одного из героев ВОВ. Лучше обойдемся без лишних уточнений. Колонна остановилась, немка как раз перебегала через дорогу, спасаясь от насильников. Этот начальник вышел, посмотрел, понял, в чем дело, и приказал повязать своей охране этих двух офицеров и подвести к нему. А ребята эти, офицеры, были настолько пьяны, что даже «лыка не вязали» и вряд ли они понимали, перед кем их сейчас поставили… Он лично расстрелял этих двоих из своего пистолета и приказал: «Зарыть, как бешеных собак!» Колонна поехала дальше, только одна машина с порученцем или адъютантом (кем он там был?) осталась стоять на месте. Полковник-порученец прошел 15 шагов до расположения нашей роты и приказал нам взять лопаты и зарыть тела возле дороги, запретив даже забрать у убитых документы. Нам позволили только вытащить из кобур личное табельное оружие этих офицеров, которое тут же было передано порученцу. И полковник оставался рядом с нами, пока мы полностью не выполнили его приказ…

– Вы считаете подобные меры оправданными?

– Нет. Это было слишком жестоким наказанием. Но карательные органы в конце войны в Германии «работали на всю катушку». Просто вот пример «борьбы с дезертирами». Пошла в 1945 г. такая «мода», солдаты дезертировали не в родные края, а

самовольно оставались в каком-нибудь маленьком немецком или польском городке или селе, объявляли себя комендантами и «оттягивались по полной программе»: пьянство, женщины, жареное мясо, пуховые перины – до того момента, пока их особисты не хлопнут. Их, дезертиров, периодически вылавливали. У нас из уст в уста передавалась и муссировалась одна цифра, за достоверность которой я ручаться не могу. Говорили, что только по нашей 61-й армии за подобное дезертирство были расстреляны или осуждены трибуналами свыше 900 человек.

– Использование разведчиков роты в качестве простой пехоты как-то обсуждалось?

– Мы никогда чересчур пристрастно не обсуждали решения начальства, были обязаны выполнять приказ, даже если нам не хотелось идти на смерть из-за чьей-то спеси, желания выслужиться или тупости. Были моменты, когда приказ кинуть разведку в пехоту был сразу принят у нас с пониманием. Например, на Курской дуге.

Там просто уже некому было идти в бой. Такие были потери… Три дня наступления, и дивизия была полностью выбита. До сих пор стоит перед глазами картина, как нас отводили на переформировку. Сидим на поляне. Приказ: «32-й полк, поротно, становись!» И начинается построение. Поднимается какой-нибудь сержант: «Третья рота, становись!» К нему идут пять человек. Дальше встает лейтенант: «Вторая рота, выходи строиться!» К нему выходят семь бойцов. И когда мы видели такие дела, то злиться на комдива или на разведотдел дивизии, что не уберег нас и кинул в стрелковый бой на погибель, мы даже и думать не смели. Были моменты, что просто бросали в бой все, что было под рукой. В Белоруссии целые сутки пытались прорвать немецкую оборону в одном селе расположенном на возвышенности, постоянно атаковали, но все бесполезно, немцы держались стойко. Это был не бой, а настоящее побоище, и разведроте тогда тоже очень сильно досталось. Но приказ был не двусмысленный – взять село любой ценой. Утром мы снова поднялись в атаку, а по нам не ведут огонь. Проясняется следующее. Немцы ночью ушли из села, наверное, выровняли линию фронта. Когда мы смотрели назад, на поле вчерашнего боя, и увидели, сколько народа здесь полегло, то самим жить не хотелось. Страшная картина… А через два часа получаем приказ: «Оставить село!» И зачем столько людей положили?

При форсировании Днепра от разведроты осталось меньше трети, но тут и так было ясно, что разведка первой пойдет захватывать плацдарм через реку. Весной сорок пятого, мы,

разведчики, как правило, действовали как штурмовая группа, обычных «стандартных разведпоисков» уже было мало. Нередко были случаи, когда пехота не могла выполнить поставленную задачу, и сразу подключали к делу дивизионную разведроту. Например, хорошо запомнился случай, когда с горки нашу пехоту крепко и надолго прижал одиночный немецкий пулемет, и стрелки залегли. Мы там рядом находились, «по своим делам». Нас попросили: «Разведка, разберитесь!» Зашли с тыла. Пулеметчик, видимо, нас почувствовал, перевернулся на спину и завопил: «Братцы, не убивайте! Я свой!» Оказался власовец. Командир нам не дал его прикончить, власовца отвели в штаб.

– В обычном бою разведрота в плен брала?

– Твердой установки не было, все по определеным обстоятельствам. Могли просто в зубы дать, а могли, в исключительных случаях, действуя по обстановке, и пострелять всех пленных на месте к такой-то матери. Если речь не шла о нужном «языке» или нам перед боем или после него строго не приказывали не трогать пленных, то разведчики могли и порешить всех взятых в плен, «не отходя от кассы», без особых колебаний… Всякое бывало, что греха таить… Но если такое происходило, то мы хорошо знали, что рискуем своей головой и можем попасть под трибунал… Узнают в штабе или в Политотделе, что это наша работа, или «сдадут» нас «добрые люди» при случае – вряд ли начальники или особисты в очередной раз отреагируют спокойно. Но не мы первые начали убивать пленных. Когда нам пришлось несколько раз своими глазами увидеть трупы наших солдат, попавших в плен и расстрелянных немцами, то тут уж, как говорится, «око за око». Фашисты же нас, русских, советских, за людей не считали. И мы стали платить им той же монетой. Для нас убить кого-нибудь стало, как «дважды два».

В последний год войны нам довелось неоднократно освобождать лагеря военнопленных. Наши военнопленные все изможденные, измученные, «живые скелеты», мы их жалели, сразу давали им все свои консервы, хлеб, табак. А рядом бараки с пленными французами. Все французы здоровые, сытые, загорелые, даже, как выяснилось, в лагере в футбол между собой играли. Зашли к ним, лежат на стеллажах посылки со жратвой из Международного Красного Креста. Какой-то «свой французский аппарат для варки самогона» стоит в углу. Мы удивлялись…

– Сталкиваться в бою с немецкими танками вам приходилось?

– Один раз, на Украине, когда немецкие танки прорвались к штабу дивизии, нам пришлось идти в последний заслон. У каждого разведчика было по две противотанковых гранаты. Но в тот день нам повезло, в самый критический момент, когда казалось, что уже все, «приехали, станция Вылезай», и сейчас наши кишки намотает на траки, нас удачно и метко прикрыла наша ПТА.

– В последний год войны разведчикам стало легче воевать?

– Несомненно. Война стала совершенно другой. Бой за какой-нибудь маленький немецкий городок длился от силы два часа, мы занимали населенные пункты с малыми потерями. Стало легче брать «языков», да и сами мы к тому времени стали настоящими асами разведки. Воевали мы всегда чуть навеселе, в любом городке находили бочку с вином или цистерну со спиртом. Кураж был другим, а настроение в основном, боевым, приподнятым. И противник стал иным. Я не говорю о сопливых подростках из фольксштурма, которые бегали с фаустпатронами. Даже эсэсовцы стали нас «разочаровывать». Мы привыкли что если перед нами части СС, то они будут стоять до последнего человека, как настоящая гвардия. Но помню, как в Прибалтике мы в разведке вышли к морю и с высоты наблюдали, как на берег в этот момент высаживаются наши морские пехотинцы в черных бушлатах и вступают в рукопашный бой с СС, которые держали оборону на берегу. Немцев там было на порядок больше, но когда «братишки» яростно ударили в штыки, то эсэсовцы побежали прямо на нас, с криками «Майн гот! Шварце тодт!». Да и моральный дух немцев резко упал. Я нередко беседовал с пленными, и к середине сорок четвертого года было ясно видно, что уже «не тот немец пошел».

– Немецкий язык вы хорошо знали?

– Немецким языком я не владел в совершенстве, и в основном говорил с немцами на идиш. Они меня понимали с трудом, я их – лучше.

– Вы рассказали, что мать в 1944 г. получила на вас похоронку? При каких обстоятельствах товарищи вас посчитали погибшим?

– Под Ригой, в сорока километрах от города, мы пошли в атаку, рядом взорвался снаряд, и меня засыпало землей. Только сапоги из земли торчали. Сапоги, кстати, знатные были, хромовые. Но когда какой-то пехотинец стал снимать сапоги с «трупа», я подал звук. Меня откопали, вытащили, отправили в госпиталь. Пришел в сознание. Ничего не слышу, онемел,

говорить не могу. Контузило здорово. При мне никаких документов. Постепенно дело пошло на поправку. И тут слухи по «солдатскому радио», что нашу армию перебросили в Польшу, под Варшаву. И я решил убежать из госпиталя к своим ребятам. Ушел в форме, но без каких-либо документов. Добирался на «попутных» воинских эшелонах. Войск в Польшу тогда из Латвии много перебрасывали, и найти теплушку, где славяне с радостью возьмут с собой морячка-братишку (возвращающегося на фронт из госпиталя) до очередной станции, огромного труда не составило. Приходилось только прятаться от офицеров и патрулей. Но когда до моей дивизии оставалось всего каких-то тридцать километров, на станции Минск – Мазовецкий меня сцапали, я расслабился и «зевнул» патруль. А я весь заросший, чумазый, в грязной шинели, и главное – без каких-либо документов. Привели в комендатуру на станции. Начали допрашивать, сразу стали «лепить» из меня немецкого агента-диверсанта.

Я прошу, чтобы связались с 12-й гвардейской дивизией, прямо со штабом, попросили бы кого-нибудь из разведотдела и сказали им, что разведчик, гвардии старший сержант Байтман просит подтвердить его личность. И что даже комдив меня лично знает и, скорее всего, должен помнить мою фамилию. На мою просьбу старший лейтенант из комендатуры только ощерился: «Кто будет звонить? Я?! Я тебе, что, б…, связист?»…Ночь продержали в холодном сарае, а утром под конвоем доставили в СМЕРШ. И тут началось нечто похожее, что произошло со мной в Киеве 23.6.1941-го. Только «декорации» и форма «на начальниках» были другие. Допрос вел майор. Начал он так: «Сознавайся, сволочь, что ты немецкий шпион, или я тебя сейчас на месте расстреляю!» Я железно стою на своем, мол, разведчик, догоняю своих, вы обязаны это проверить. В ответ – все та же «мелодия»: мат и угрозы. Заходит еще один «особняк», в чине капитана. Майор ему говорит: «Смотри, взяли этого вчера на станции, какой матерый! Как держится красиво, собака!» Капитан мне: «Откуда родом?» – «С Киева». – «Да ты шутишь, не может быть!» – «Никак нет, товарищ капитан, до войны жил на ЕвБазе». – «Да ты только погляди, земляки мы с тобой будем!» И начал меня этот капитан «гонять по киевским улицам», спрашивать, где, что и как. Я отвечал. Потом он говорит майору: «Это наш парнишка, точно свой, хлопчик с ЕвБаза, отпусти ты его, никакой он не шпион». Они еще между собой посовещались и говорят: «Свободен!» Я им: «Хоть документ какой-нибудь выпишите, меня же по дороге в дивизию, неровен час, снова ваши сграбастают!» Но «смершевцы» стали надо мной изгаляться: «Ничего, тут

недалеко, из Прибалтики «зайцем» сюда добрался, так для тебя 30 км – это раз плюнуть. Какой же ты тогда разведчик? С документом каждый дурак до своих доедет!» И когда я вернулся в роту «с того света», то ребята были потрясены, не в силах поверить, что я «восстал из мертвых».

– Приказ от сорок четвертого года о возвращении моряков из Действующей армии на флот вас не коснулся? Или, вообще, когда-либо поднимался вопрос об откомандировании вас с фронта на продолжение учебы в ВВМУ?

– О таком приказе я тогда и не слышал, но я не думаю, что он распространялся на бывших курсантов подготовительных отделений. Отзывали назад на флот имеющих «корабельные специальности», а я был по флотскому определению – «салага». Но на фронте мне несколько раз предлагали поехать на учебу в пехотное училище, где «офицеров-скороспелок» пекли как блины, всего за шесть месяцев, но я отказывался, считая себя исключительно «только моряком» и мечтая после войны, если выживу, вернуться в училище имени Фрунзе и стать морским офицером. Летом 1946 г. в армейском отделе кадров я получил направление на продолжение учебы в ВВМУ. Приехал в Ленинград. У Васильевского острова у стенки стоял корабль, и я вижу на нем весь свой курс. Они как раз выпускались из училища в 1946 г. Моим сокурсникам повезло, по директиве наркома флота Кузнецова и с разрешения Верховного, начиная с осени 1942 г., курсантов-моряков ВВМУ имени Фрунзе и ВВМУ имени Дзержинского, целыми курсами, на фронт с учебы уже не снимали, и моим товарищам дали возможность окончить в войну полный курс училища. Только два раза, в 1943 и в 1944 году, курсантов с моего курса отправили на летнюю боевую практику на воюющие флота. Я поднялся по трапу на корабль. Меня сразу узнали, кинулись обнимать. У них ходили слухи, что на Днепре я получил звание ГСС, так сразу начали трогать награды и спрашивать: «А где Звезда Героя?» Тут появляется капитан этого корабля, и когда он увидел человека в зеленой армейской форме на палубе судна, его натуральным образом покоробило, он вальяжно ткнул в меня пальцем и презрительно воспрошал: «Что это?» Понимаете не – «кто это?», а – «что это?». Извечный антагонизм между армией и флотом… Ему ребята кричат: «Это Мишка Байтман! Наш бывший курсант, он на фронте в разведке воевал!» Капитан со скривленными губами удалился… Прихожу в училище, в канцелярии подняли мое личное дело. Говорят: «Пожалуйста, мы вас примем на учебу, только вы должны снова сдать все вступительные экзамены».

Об автоматическом зачислении на 1-й курс речь даже не шла… Я прекрасно понимал, что за годы войны забыл многое из школьной программы и после всех контузий и ранений быстро подготовиться к вступительным экзаменам я просто физически сейчас не смогу. Развернулся и поехал обратно в часть. Последние месяцы перед демобилизацией я служил в отдельной роте при Киевском училище самоходной артиллерии.

– «Дежурный вопрос» к вам, как к представителю национального меньшинства. Какими были межнациональные отношения в вашей части?

– Я в свой адрес никаких оскорблений по поводу моей национальности на войне не слышал. Если бы мне кто-то сказал слово «жид», убил бы сразу, на месте. Нервы ни к черту были. Уже после войны, дослуживая в Киеве последние армейские дни, произошел со мной один эпизод. Идет солдат мимо меня, несет доску на плече и приговаривает: «Айн, цвай, драй!». И мне показалось, что это он меня дразнит, как еврея. И я жестоко избил его. Прибежал ротный: «В чем дело? За что ты его?» Отвечаю: «Он знает». А солдат-то, оказывается, и не думал меня оскорбить, просто «маршировал» под этот «айн, цвай»… Я на войне, если говорить честно, вообще людей на нации не делил. Приходит в соседний взвод еврей, но «косит в документах под русского», но у меня не было желания подойти к нему и начать выяснять «особенности» его происхождения или причины и нюансы его «мимикрии». В роте в основном служили русские ребята, но, например, был казах Карагулов, которого мы звали Сашей, был парень с Кавказа, разведчик Шура Азаров (Ашуров), и дальше дружеских безобидных подтруниваний разговор об их национальности не заходил. Карагулов все равно сразу «вскипал»: «Вы почему разжигаете рознь между народами?!» Сашку ранило, его отправили в госпиталь, а Шура погиб. Осколок попал ему прямо в шею.

Единственное, в чем я чувствовал всю войну «двойной стандарт» в этом «нац. вопросе», – это когда дело доходило до наград. Перед каждым поиском нам обещали ордена за взятого «языка». Иногда эти обещания претворялись в жизнь. И когда разведчикам вручали награды, несколько раз меня «забывали отметить». Вся группа получает ордена, а мне – ничего. Ребята смущаются, им неудобно, а я хожу, улыбаюсь… Хотя я был старшим группы в этом поиске и лично брал «языка», но мне – ничего… После очередного такого «момента» я понял, что «ордена не для евреев», кто-то из тех, что наверху, в штабных канцеляриях, решает вопрос о награждениях и утверждает списки,

такую фамилию, как Байтман, не в силах вынести своей «штабной душонкой».

Меня несколько раз на фронте товарищи в роте, а также писаря перед выпиской из госпиталей уговаривали: «Слушай, запишись русским, Байковым например!» – я не захотел. Но сказать, что подобный «зажим евреев в наградах» был характерным для всех, без исключения, частей нашей армии – я не могу. У меня был товарищ в Черкассах, Аркадий Винницкий, воевал в диверсантах, так у него, помимо прочих орденов, было два ордена Боевого Красного Знамени, значит, не везде смотрели на национальность, решая, кого награждать, а кого нет.

– С какими наградами лично вы закончили войну? И вообще, как отмечали отличившихся разведчиков?

– К концу войны я имел орден Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, 1-й и 2-й степени, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». В 1945 г. в разведроте было три человека, имевших, помимо других наград, по два ордена Славы и один с орденом БКЗ. Так что, особенно в последний год войны, награждали разведчиков, не сильно скупясь.

– У меня вот какой вопрос. 12-я гв. СД отличилась при форсировании Днепра и за захват плацдарма на вражеском берегу, в дивизии почти 60 человек получили звания ГСС. По мемуарам комдива Малькова, первой высадилась на правый берег штурмовая группа, в составе которой была ваша разведрота. По воспоминаниям ГСС командира роты Манакина, первой переправилась через Днепр его группа совместно с полковыми разведчиками из 32-го гв. СП. Спрашиваю следующее: «Кто первым форсировал реку?» И почему после столь щедрого награждения Звездами Героев «за Днепр» отличившихся воинов 12-й гв. СД никто из разведроты дивизии не получил звания ГСС?

– Одновременно в первой волне высаживались несколько штурмовых групп из нашей дивизии на разных участках. Так что и Мальков, и Манакин пишут «про Днепр» свою правду. Перед форсированием нам, разведчикам, комдив Мальков лично заявил: «Запомните мои слова. Если вы захватите и удержите плацдарм, вы все получите звания Героев Советского Союза!» Но я не думаю, что это обещание как-то особо нас воодушевило или повысило и без того наш крепкий боевой настрой. Тем более мы предвидели, что нам предстоит испытать при захвате плацдарма, и когда ты знаешь, что сегодня тебя, скорее всего, убьют, то тебя никакое звание – «Герой посмертно» – не волнует. Немецкий берег был

высокий. Мы поплыли на лодках и плотах. На середине реки нас «зацепили» осветительные ракеты и по нам открыли убийственный, жуткий огонь. Били по нам так… как будто по куропаткам на охоте стреляли. Там, наверное, вся вода в реке стала красной от крови. Течением наши лодки сносило к островку, к отмели, на которой находились немцы с двумя пулеметами. Мы кинулись прямо на них. Был какой-то дикий порыв, нечеловеческий – убивать и победить. С отмели, по мосткам, рванули на берег и с ходу заняли две траншеи. Стали держаться. Радист вместе с рацией уцелел. Передал на наш берег: «Плацдарм захвачен!» Продублировали ракетами. По рации нам передают: «Держаться до последнего!» А утром нас начали атаковать. Беспрерывно по нам била немецкая артиллерия. Днепр в том месте широкий, к нам никто на подмогу переправиться не смог. А раненых своих девать некуда… До вечера продержались из последних сил, а нам опять по рации открытым текстом: «Стоять до последнего человека! Вы все удостоены звания Героев!» В темноте немцы ворвались с флангов в траншею, но мы каким-то чудом снова отбились, уже в рукопашной.

А через ночь к нам через реку пришло подкрепление. В живых от разведроты осталась только треть бойцов. Ходим гордые, ждем из Москвы свои Звезды на грудь, некоторые из выживших разведчиков уже домой родителям или невестам написали, что стали Героями Союза. Ждали до середины января 1944 г., до последнего «днепровского указа», и в итоге – никто из разведроты ничего за Днепр не получил, ни звания ГСС, ни простой медали. Причин этому, как мне представляется сейчас, всего только две.

Когда на дивизию выделили по согласованному лимиту «энное» количество звезд и в штабе дивизии начали их распределять между полками и подразделениями, то не нашлось человека среди начальства, который бы «замолвил слово за разведку», хотя все прекрасно знали, что мы были на правом берегу первыми и удержали своей кровью захваченный плацдарм. Причина вторая – возможно, что кандидатуры выживших разведчиков не устраивали командование: кто-то из бывших зэков, кто-то бывший штрафник, еще у кого-то фамилия на «-ман» или «-штейн» заканчивается, кто-то просто головорез, одним словом, мы «некошерные товарищи», чтобы стать Героями Советского Союза, гордостью державы. И что там произошло на самом деле – поди теперь разбери. Да и нужно ли это сейчас? Мне это – точно не надо…

– В воспоминаниях ГСС Манакина описан редкий эпизод. В самом конце войны частями дивизии был захвачен немецкий

танковый ремзавод. На нем обнаружили 350 немецких танков, 100 БТРов, и что особенно интересно, рядом, на ж/д станции нашли 4500 пулеметов «максим» и 4800 ПТРов, в свое время взятых немцами в качестве трофеев в первые годы войны. Что-нибудь об этом расскажете?

– Я помню, что где-то после Альтдама (или перед нашим штурмом Эберсвальде) вроде был захвачен огромный секретный немецкий завод, но лично я на его территории не был и что-то добавить к рассказу своего однополчанина не могу.

– Какую специальность вы выбрали себе после войны?

– Я демобилизовался, не имея никакой гражданской профессии. Но «адреналина в крови не хватало», спокойная размеренная жизнь была мне не по нутру, и я решил пойти работать в уголовный розыск или в прокуратуру. Меня взяли в Киевскую прокуратуру, и вскоре я стал работать следователем, окончил заочно Всесоюзный юридический институт. В 1966 г. по постановлению ЦК я, среди многих других, был направлен на укрепление органов МВД и стал начальником следственного отдела УВД города Киева. В 1978 г. вышел на пенсию в звании подполковника милиции. Но продолжал еще много лет работать адвокатом в областной коллегии адвокатов.

– Разведчик 16-й Литовской СД Шалом Скопас мне в своем интервью сказал: «Спросите у бывших разведчиков, какие сны они до сих пор видят по ночам, и вы все поймете, какая была война у бойцов разведрот…»

– Первые десять лет после войны я очень часто по ночам видел «фронтовые» кошмарные сны: орал во сне «Ура!», ходил в атаку, кого-то резал в траншее, стрелял, а потом вскакивал в холодном поту с кровати, не в силах понять, где сон, а где явь… Пережитое на войне постоянно возвращалось ко мне во снах по ночам. Жена настолько к этому привыкла, что перестала обращать внимание. И тогда я решил, что обязан заставить себя постараться забыть все, что пришлось пройти и увидеть на фронте, иначе этот тяжкий груз не даст мне спокойно жить дальше. И вроде получилось… Что не смог забыть сам, годы стерли из памяти… Такой возраст, что просто точно вспомнить чью-то фамилию – уже неразрешимая проблема. Но сейчас все опять вернулось на круги своя, видимо, война слишком прочно засела в голове и не уходит из сознания. До сих пор иногда вижу сны, где я убиваю, где убивают меня, где на моих руках умирают мои товарищи-разведчики… И от этого страшного прошлого уже не уйти никогда…

Андриевский Сигизмунд Болеславович

– Я родился 17 сентября 1924 г. в д. Ольшанка Барановского района Житомирской области. Отец у меня был кузнецом, но его репрессировали в 1937 г. Дело в том, что он научил другого

человека кузнечному делу, но ученик отплатил отцу черной неблагодарностью: он хотел занять место кузнеца и потому донес на отца. Причем пришли и забрали отца, ничего нам не сказав, куда мы потом ни писали, везде глухо, нигде ответа нет. Отец был участником Первой мировой войны, но рассказывать об этом не любил, зато учил нас работать и за скотом ухаживать, в огороде копать, а также свою специальность мне передавал, я у него почти все перенял. Но из-за ареста отца так и не довелось мне стать кузнецом, хотя я и проработал в кузне 3 года. Тогда вообще работы не боялись, одновременно с обучением кузнечному делу я также пас коров, свиней и коней. До 1941 г. я окончил 7 классов, только экзамены летом сдали, как я снова стал работать. У нас в деревне был тракторист Савицкий, хоть он и на тракторе работал, но по каким-то причинам он получил коней и пас их, я был с ним в качестве помощника. Недалеко от деревни был лес, относившийся к нашему колхозу, так мы туда гоняли коней, они там сами паслись, их только стреножить надо и все. И вот как-то утром пришли мы с Савицким к лесу, забрали оттуда коней и пригнали в деревню, после обязательно надо было их почистить, мы взяли щетки и гребни и быстренько все сделали, после Савицкий мне говорит: «Можешь идти домой». Я, конечно, обрадовался, так как выходной выдавался нечасто, должен вам сказать, что 1941-й трудным был годом, мы голодали, потому что отца забрали, а в семье осталось пятеро детей, и мама не могла нас всех прокормить. Хотя что уж скрывать, тогда не одни мы голодали, многим семьям трудно приходилось. Считаю, что это было сделано искусственно, потому что в городе оставался и хлеб, и мука, можно было съездить туда и все в деревню привезти. У нас же тогда в Ольшанке ничего не было, даже магазина или телефона, жили мы как волки в лесной чаще. Так вот, только я пришел домой, только подошел к дверям, как вижу – 4 самолета с черными крестами на крыльях пролетели над деревней. Захожу в хату, мама уже встала, я ее спрашиваю:

– Мама, что это за самолеты пролетели с черными крестами?

– Я не знаю, сынок.

Ну, и правда, что она могла знать, откуда. Мама продолжила:

– Сегодня воскресенье, я поеду на базар, там и узнаю новости.

Базар наш располагался в 8 км от деревни. Причем все называли его по-старинному Романов, хотя поселок и переименовали в Дзержинск. Возвращается мама оттуда и нам рассказывает:

– Прямо на базаре вылез на машину какой-то человек, видимо, диктор, и объявил всем, что началась война, немец пошел на Россию.

Так я узнал о начале войны. Но в первые дни было спокойно, мы продолжали пасти коней до тех пор, пока в деревню не зашли фрицы. Перед этим через Ольшанку отступали наши войска, и даже много частей так отходило, но кто видел колонны, кто и нет, наши предпочитали идти ночью. Были они с какими-то смятыми лицами, сами желтые, в общем измученные люди. Им в первые дни очень тяжело пришлось, была неразбериха, а вот немецкая разведка хорошо работала, к нам в деревню тоже заходили какие-то очень подозрительные гражданские, черт его знает, кто такие. Но хорошо помню, что все они четко просили: «Дай молока!» И вот слово «молоко» они выговаривали как-то не так, как надо. Знаете, видно было, что это чужие люди. Даже мама мне говорила:

– Это какие-то иностранцы.

А я уже в курсе событий, думаю, что, может, шпионы какие-то. И действительно, это была немецкая разведка, т. е. те же самые шпионы, они все в округе так разведывали.

В итоге пришли в деревню немцы, но они у нас в Ольшанке никого не тронули. Были у нас и полицаи, но они тоже никому ничего не делали. Вот чужие, настоящие немецкие пособники из другой деревни, те могли набедокурить, а свои ничего плохого не делали. Наверное, из-за наших полицаев за всю оккупацию в деревне так ни одного жителя и не расстреляли. Но такими были далеко не все, старостой, к примеру, был немец Лешин, он руководил сразу тремя деревнями: Голубин, Нима и Гендриховка, так тот бил людей, сволочь. Немцы в Ольшанке гарнизоном не стояли, но один раз зашли большой группой, забрали колхозных быков и коров, зарезали, быстро мясо приготовили и ушли. Я в оккупации дома сидел, помогал матери по хозяйству, потом в 1943 г. пошел я как-то стричься к соседу, дело было в субботу, он мне только полголовы простриг, как тут заходит товарищ, с которым мы в школу вместе ходили, только был старшеклассником и раньше меня закончил. Причем вошел он с автоматом и сказал мне:

– Надо показать нам Козыревскую линию.

А что такое эта линия? Лес прорежен широкой прогалиной до самого лесничества и кругом насыпь. Я как был с недостриженной головой, так и остался, они меня сразу же забрали, чтобы я показал место. Мы пошли туда, линия как раз выходила недалеко от деревни в конец леса, там все поросло кустами, в итоге мы вышли на поле, где росла ольха, я не знал, чего они туда хотели пробраться. Оказалось, что полицаи забрали скот в Романове, и как раз по этой линии пасли его, они тут же этих полицаев тихонечко захватили, позабирали оружие. После этого мы

забрали скот и пригнали к Ялме, где стояли партизаны в деревне. Как мы скот пригнали, наконец-то достригли меня у одной тетки, но тут партизаны товарища моего арестовали, потому что выяснилось: он был изменником, бежал из отряда и сейчас думал вроде как назад незаметно пробраться. Но его поймали и как изменника Родины расстреляли. Раздели, поставили к сосне, и из пистолета заместитель командира отряда товарищу в затылок выстрелил. Со мной же побеседовал командир отряда Задорожный, в результате меня записали в отряд. Тут не спрашивали, хочу я или не хочу, оставили в партизанском отряде и все. Определили меня в конную разведку в партизанах.

– Как вы в первый раз увидели немца, будучи в партизанском отряде?

– Послали нас в разведку к железной дороге, мы подобрались к полотну, подождали, и вот встал поезд, из одного вагона слез немец, вооруженный, там недалеко стояла будка со связью, мы должны были также и связиста ликвидировать. Причем там был не телефон, а рация. Я увидел, что немец совсем открытый стоит, и говорю командиру группы разведки: «Дайте, я его застрелю». А он знал, что я очень хорошо стреляю, потому сразу разрешил мне. Ну, я раз-два, прицелился и сразу наповал немца сразил, начался переполох, а ведь в помещении связи дежурный был, он выбежал, его я тоже пристрелил.

Вообще же в конную разведку мы ходили часто, через каждые 4–5 дней, хотя бывало и такое, что только через неделю отправляли. В группе разведки постоянного состава не было, посылали по пять, по шесть, примерно до десяти человек, но могли даже по четыре или вообще вдвоем отправить. Меня определили в отделение, в котором было девять человек, а во взводах отряда по 80 человек или меньше, где как. Всего в отряде насчитывалось 1500 человек, мы как разведчики постоянно общались с командиром отряда и начальником штаба Поляковским, политрука же группы даже не видел. Вооружен я был автоматом и гранатой РГД, также ножи были, кто какой имел, у одного был домашний кинжал, которым свиней резали. Кто как вооружался. Вот воевал я в гражданской одежде, но была обязательно красная ленточка на шапке у каждого партизана. В разведке скучать нам не приходилось, как пойдем, так обязательно встретимся с немцами, мы сразу вступали в бой. Но чтобы мы наталкивались на крупные части врагов, такого не было, ну, самое большое, взвод, причем они у немцев были разные, в одном три отделения, а в другом взводе вообще всего два отделения. Активность партизанского отряда сильно зависела

от потерь, которые мы несли в боях, но вот мы в разведке теряли мало людей, и сами стремились к этому, и даже более того, нам всегда перед выходом командир отряда приказывал: «Сохраняйте живую силу, она нам нужна, чтобы до Чехословакии дойти и там с чехами встретиться!» Кормили очень плохо, бывало, зарежем быка, а соли не было, пшено только. Попробуйте со свежим мясом и пшеном сварить суп, да еще без соли – отвратительно и невозможно его есть, раз-два поешь, и рвать тянет. Но если ты поехал в деревню, то Бог тебя сохрани обидеть мирного человека, к примеру, забрать у него буханку хлеба или еще что. Белье ты имеешь полное переодеть, так как нуждаешься, а вот по продуктам запрет. Но мы как зайдем, люди сами нас кормили, и в торбу нам еще запас давали, мы же для них свои были, освободители от немцев. Мирные жители к нам очень хорошо относились, хотя попадались и сволочи, которые до последнего часа оккупации стояли за немцев.

Потом меня перевели из группы конной разведки в подрывники, там мне довелось участвовать в подрыве моста. Дело было так: мы подкрались к объекту, тихо-тихо, как кот к мышам подкрадывается, у нас были финки, автоматы, гранаты, нас хорошо на задание вооружили, и видим двух часовых, понаблюдали и решили снять их в тот момент, когда они проходили в конец моста. Порезали их, подложили две мины и очень удачно мост взорвали, будто и не было его здесь. Всего же мост охраняли шесть человек, остальных мы побили в будке сонных. Вообще у немцев была специальная будка возле каждого моста, они там и сидели, и спали все время. В это время наш отряд дошел по немецким тылам через Польшу до самой чехословацкой границы, недалеко от которой я сильно заболел тифом, оттуда, уже не помню как, попал домой.

И вот в 1944 г. я пришел к маме домой, только выздоровевший, и тут же через неделю мне пришла повестка, почерк был знакомый, это девка писала их, она была секретарем поселковым. Надо собираться, мама мне харчей в дорогу приготовила, с собой взять. Медкомиссию прошел, признали меня годным и всех призывников отправили в Гвардейский район, там нас обучили немного, танк показывали, даже учили, как вести его надо, машину изучали, а вот использовать гранату и винтовку я научился еще в партизанах. В итоге меня направили в Уральский танковый добровольческий корпус, в 7-й отдельный мотоциклетный разведывательный батальон. Там меня обучили ездить на мотоцикле, мы-то в деревне умели только на конях ездить. Наш батальон получил из Америки «Харлеи», я попал на одиночку, который всегда первым шел в разведку.

Первый бой на фронте для меня произошел в деревне Кляйнкрихен в Германии, мы двигались по дороге, и тут немцы по нам ударили из засады, но наша группа не растерялась, мы открыли сильный ответный огонь и разбили немцев. Нас как разведчиков вообще очень хорошо вооружали, у меня всегда был с собой автомат, гранаты и бутылка с горючей смесью. Мы же идем в разведку, можем столкнуться с танками, поэтому надо иметь возможность их поджечь. Надо сказать, что с танками я не сталкивался, хотя видеть их приходилось. Вскоре я был награжден орденом Славы III степени за разгром немецкой транспортной колонны. Получилось все довольно просто, мы нарвались на отступающих немцев, у нас были пулеметы, выбрали удобную позицию, и из засады разбили всю колонну от и до. В числе немцев оказался один власовец, который нам сразу сдался. Этого изменника, казаха по национальности, мы в часть привели, он всю дорогу одно говорил, будто он только на машине ездил. Мы заезжаем в расположение, и тут командир наш идет, спрашивает о пленном: «Кто такой?» Как узнал, что это власовец, сразу приказал: «Расстрелять!» Рядом находилась воронка от бомбы, у меня уже в автомате патронов не было, тогда ребята другие выстрелили, где его, собаку, жалеть, и кинули прямо в эту воронку. Расстреляли, не дали ему жить.

Из Германии нас направили в Венгрию, где мне довелось поджечь танк. Это произошло в г. Дебрецен, я сначала увидел стальную махину, сразу нашел старую яму, вскочил туда. К счастью, яма вся заросла травой, я там укрылся, немцы ничего не разглядели, а я тем временем подготовил им подарок – бутылку с зажигательной смесью. Танк мимо ямы прошел, оставалось до него метров 12, тогда я кинул бутылку и попал прямо в трансмиссию, когда бутылка разбивается, огонь образуется температурой в 1000 градусов. Естественно, танк сразу воспламенился, внутри все разогрелось, экипажу дышать невозможно, поэтому фрицы начали вылезать из люков, тогда я их из автомата всех расстрелял. За танк мне дали орден Красной Звезды. Дальше мы пошли в глубь страны, на границе именно мы, разведчики, перебили пограничников, и путь стал свободен, наши войска подошли сзади, начали брать город за городом. Бои были тяжелые, особенно за Будапешт, я в городских боях участвовал, основная проблема заключалась в том, что немцы по нам из окон стреляли и откуда хочешь. Причем в городе оборонялись в основном немцы, были и венгры, но мало. Мы там долго дрались. Атаковали дома следующим образом: сразу простреляем хорошенько, подавим огневые точки, заставим немцев укрыться, а тем временем хлопцы подлезут поближе. И кто как в дом

прорывался, особенно удобно было в двухэтажные забираться, потому что в таких домах немцы очень любили на втором этаже сидеть, сверху же им видно все. После того как мы оказались внутри дома, то все, он уже, считай, наш, мы немцев подушили и побили быстро, и новый дом захватывать надо. Почти все дома в городе мы брали в основном штурмом, и где немцы могли тикать через двери или окна, там обязательно стояли два человека с ножами. Самое главное, во время штурма обязательно надо хранить боепитание, стреляешь по 2–3 патрона, там на автомате переводится на короткие очереди или одиночные. Кстати, переключать на наших автоматах режим стрельбы было очень удобно, к примеру, одного немца убили, хорошо, если еще лезут, то быстро перевел на автоматическую стрельбу, и по пять человек скосил очередью. Попадались в городе и эсэсовцы в камуфляжных куртках, мы их в одном доме человек восемь уничтожили, вот они что сопротивлялись, то действительно сопротивлялись сильно. Но мы к тому времени были хорошо вооружены и отлично обучены, потому всегда эсэсовцев побеждали. Больше всего в Венгрии мне запомнилось озеро Балатон, там нас кормили рыбой, до сих пор помню, какая она была костлявая.

Дальше мы опять вернулись в Германию, где 11 марта 1945 г. меня ранило. Я пошел в разведку, а немцы тоже разведку выслали, у нас с ними получился встречный бой, во время которого меня ранило в ногу, пуля в колене сидела. Оттуда я очень быстро попал в госпиталь, привезли в Шепетовку, где я начинал войну, сразу операцию сделали, оказалось, что пуля сидела под чашечкой, ее достали и убрали. Я хоть начал ходить, а то ноги не сгибались, там же было инородное тело. Тогда наркоз не делали, кричи хоть как, видишь, как врач твою рану раздвигает. Но зажило все быстро, я оттуда попал назад в свою часть, сразу же снова сел на мотоцикл.

Вскоре после возвращения в Германию наша часть приняла участие в штурме города Берлина. Мы заранее переправились на один из плацдармов. Попасть на другой берег Одера было весьма не просто, немцы постоянно держали переправу под артиллерийским обстрелом, были у нас раненые и убитые, причем немало. Из-за обстрела понтоны раздвигали на день, мы переправлялись только ночью. Хорошо врезалась в память ночь переправы – понтоны подошли к нашему берегу, и сразу все устремились на тот берег, пехотинцы бросались в воду, кто на досках, кто как, лишь бы поскорее до обстрела переправиться, для танков заранее нашли брод, а вот легкие танки под водой прошли. Представляете, у нас уже были танки, способные преодолевать реки под водой! И все прошло в целом довольно

удачно. Нас отправили на Зееловские высоты, дело в том, что там немцы сосредоточили много различных войск, там были аэродромы, большие и хорошо укрытые. На наше счастье, Жуков разоблачил немцев. Поэтому сразу после переправы нас послали в разведку, мотоциклы мы оставили с часовым под деревьями, а сами переправились через реку по веревке, дальше все время ползли. И как раз наша группа была в числе тех, кто разведал всю тайну, я лично наблюдал картину скопления на высотах большого количества немецких войск, в том числе аэродромы. В этой разведке я был ранен, потому что там стояло очень много часовых по периметру, и один из них засек нас, открыл огонь и ранил меня пулями в голову. Кстати сказать, операцию мне сделали только в 1957 г. в Институте им. Бурденко в Москве. А так остался я на фронте, меня хотели отправить в госпиталь, но что-то помешало, и я лечился при части. В то же время 2 мая 1945 г. я вместе со своими однополчанами встретил в Берлине, всем было так хорошо, радостно, мы стреляли в воздух, подбрасывали шапки и пилотки, наконец-то свершилось. Помню, что я в воздух целый автоматный диск выпустил. Наша часть была недалеко от Рейхстага, нам даже показывали какие-то обгоревшие куски, говорили, что это Гитлер.

– В период оккупации вы как-то новости узнавали о положении на фронте?

– Никаких новостей мы не знали, я лично вообще ничего не знал, а вот в партизанах у нас рации были, там все устроено совсем по-другому, очень часто проводили политические занятия, рассказывали о положении на фронте, о политике нашей страны. Также каждый день называли фамилии отличившихся бойцов, кто себя проявил, обязательно рассказывали, что делает наша разведка. В армии время на такие беседы было уже нормировано, там приходили и говорили: «Сегодня политзанятие». На фронте все проводилось в соответствии с планом, а не каждый день, как в партизанах.

– В партизанах с бандеровцами не сталкивались?

– А как же, однажды довелось. Перебили мы их всех. Вообще-то, это они нас хотели уничтожить, мы как раз расположились на ночлег, как тут часовой заметил передвижение. Мы были в небольшом лесочке, выставили охрану, и тут прибегает часовой к командиру нашей разведгруппы и докладывает: «Слышно, идут какие-то люди». Нас подняли по тревоге, мы приготовились, все уже знали, что такое бандеровцы, поэтому подождали, пока они не приблизятся, и без всякой команды расстреляли их всех до

единого, забрали у них оружие, кстати, у каждого бандеровца была финка немецкая. И все оружие было немецкое, было очень много автоматов, и обмундирование на них было немецкое.

– С польскими отрядами не сталкивались?

– Нет, чего не было, того не было. С Гвардией Людова мы даже сотрудничали, но мало. Поляки тогда вообще очень сильно стояли за советскую власть и благодарили нас, что мы освобождаем их территорию, помогали нам сильно всем, чем могли, давали питание, обмундирование, даже оружие, случалось, приносили. Дело в том, что бандеровцы перерезали много тысяч поляков, немцы так их не резали, как эти. Немцы только расстреливали, если в чем-то подозревали, а бандеровцы просто за национальность перерезали шесть или семь тысяч человек. Поэтому поляки в нас, партизанах, видели своих избавителей, у нас в отряде была даже польская разведка.

– Какое у вас было отношение к партии, Сталину?

– После того как отца репрессировали, у меня навсегда сложилось плохое отношение к Берии, был там такой подонок, он ведь хотел и Сталина уничтожить, много гадостей сделал. Недавно я читал, что когда его самого расстреливали, так он обкакался. А вот к Сталину я относился хорошо, он был нашим правителем, в бой мы шли «За Родину! За Сталина!» и даже бывало, что кричали: «За партию!» Я был в комсомоле, причем числился до последнего, пока по возрасту не вышел. Еще в школе я поступил в комсомол, в оккупации билет свой сохранил.

– Как вы относились к пленным немцам?

– Хорошо, люди есть люди, мы их не били. Зачем это. Конечно, за всех я ответить не могу, где как было, может быть, другие могли относиться иначе, но я так думал.

– Как складывались взаимоотношения с освобожденным населением в мирных странах?

– Хорошо, наши советские люди вообще в мирному населению в любой стране хорошо относились. Вот поляки, те к немцам очень плохо относились, а также к украинцам, к бандеровцам особенно. Мирные немцы к нам тоже относились спокойно, может, злобу и затаили, но не показывали. И кушать четко нам давали.

– Трофеи собирали?

– А как же, это законная добыча. Конечно, брали часы

наручные, мы их называли «уры», у меня было четверо часов, я их брал немного, потому что цилиндрические не брал, только на камнях. Также после войны каждому солдату разрешили послать домой посылку на 8 кг, я отправил чехол на перину, костюм сестре, пиджак и пару платьев. Все было новое, мы одежду брали в мастерских.

– Что было самым страшным на фронте?

– Я до конца войны больше всего боялся попасть в плен. Немцы озверели, многих убивали и не кормили и вообще людей очень сильно мучили.

– Как мылись, стирались?

– Ставили три-четыре бочки во дворе и парили одежду, даже шинель, разводили сильный огонь, и пар убивал вшей, поэтому у нас их не было. Так стирали нечасто, от случая к случаю, как нужда появлялась. А вот стригли часто и всех подряд. Бывало, и банно-прачечные батальоны приезжали, но они были больше в тылу, там ведь и пекарни хлеб выпекали, все эти части находились не на передовой.

– Что входило в сухпаек?

– Консервы советские, колбаса, сало шпиг было либо трофейное немецкое, либо американское, а вот брикетики с концентратами не выдавали. Зато давали часть хлебом, часть сухарями. Поэтому где могли, мы быстро кушали хлеб, а сухари оставляли. Вообще-то в войсках плохо кормили, всего рациона, положенного солдату, нам не доставалось, но оно и понятно, война, стране тяжело.

– Молились ли в войсках?

– Да кто там молился, вот ругались – это было. Как кто-нибудь загнет в бога, то аж дым идет. По поводу предчувствий, то, может, кому какой сон и снился, но я не задумывался над такими вещами, утром вставал и жду себе приказа идти в разведку, техники заранее готовили мотоцикл, бензин уже залит, садись и езжай.

– Наших убитых как хоронили?

– Как приходилось, были братские могилы или одиночки, были и по 2–3 человека, это уж как получалось.

– Женщины в части были?

– Были, встречались даже целиком женские части на фронте,

у нас же в батальоне только радистки служили. Очень хорошо к ним относились, у командиров с ними, что уж скрывать, романы случались, бывало, что их беременными домой отправляли.

– Были ли вы все время убеждены в неминуемом поражении немцев и в нашей победе?

– Обязательно, потому что только такая политика нам в голову шла. Но я лично уже знал, что коль пошли вперед, то нас уже не остановить. И немцы нас боялись, тикали, как увидят нас, сразу начинали кричать: «Рус, камрад!» или «Шнелль!», т. е. говорили между собой, что им быстрее убегать надо.

– Получали ли вы какие-нибудь деньги на руки?

– Какие там деньги, давали по три рубля в месяц. Вот после войны начали оккупационные марки выдавать.

– К власовцам как относились?

– С ними нечасто сталкивались, мы их обходили стороной, какие нам с ними дела иметь, конечно, где и расстреливали власовцев, это война, а они предатели.

– Венгров как солдат вы бы как оценили?

– Они были очень настойчивые, но слабые, их настойчивость была в группе, а в одиночку венгр боялся нас. Вот чехи – хорошие солдаты, они с нами воевали.

– Ваше отношение к замполитам?

– Хорошее, они обязательно нужны были в войсках, ведь среди наших солдат были такие валенки, что они не понимали ничего. А замполит выступит, расскажет, все объяснит, ведь в батальоне людей много, это нужное дело. И вмешательства в нашу работу они никогда не допускали, если плохой разведчик, то командир, который с нами шел, старшина или ст. сержант, он сам докладывал начальству. И на разборе задания обязательно прозвучит, если кто не справляется. Могли и убрать такого человека из разведки.

– Как старались одеваться в разведке?

– Мы надевали маскхалаты только зимой, а в другое время всегда брали с собой плащ-палатки темно-зеленого цвета с капюшоном.

– Как разведчиков вас берегли?

– Очень даже, как пехоту никогда не использовали. Мы сами,

если надо, атаку поддержим. Но привилегий у нас никаких не было, там не до привилегий было.

– Использовали ли подножный корм?

– Да так, если где и находили немецкие блиндажи и окопы, то если продукты не старые и не воняли, брали. Но ведь часто попадались старые траншеи, там рыться не имело смысла.

– Нож обязательно с собой брали?

– Финка всегда с собой. Нам потом с Урала даже прислали «черные» ножи. Они были очень хорошие, заводские, ручка окрашена в черный цвет, стальное лезвие сантиметров 20, вот оно не окрашено было. Вообще, нож очень удобный, когда идешь в атаку, легко его держать было.

– Вас учили рукопашному бою?

– Обязательно. У нас был специальный учитель, майор по фамилии Кодаков. Занятие у нас проходило всегда утром, если только мы не находимся в разведке. Учили по-всякому, и борьбе, и захватам. И через плечи перекидывали, и подножку ставили, и переброску делали, и учили, как надо правильно за морду врага ухватить и свернуть ему шею. Всякие приемы постоянно тренировали, но у меня ссадин и ушибов не было, потому что я был маленький, верткий, всегда выкручивался.

– В чем заключалась задача мотоциклетной разведки?

– Мы идем впереди всех частей как группа разведки, в наш отряд входило два мотоцикла с колясками, на каждом пулемет и три человека, и один мой, одиночный, больше в группу никто не входил. Командовал у нас ст. сержант, его позже отправили на лейтенанта учиться. Хороший парень, и офицеры у нас неплохие были. Моя задача следующая: еду впереди, но в пределах видимости основных сил, как только я вижу врага, то сразу должен просигналить группе, т. е. поднимаю пилотку, и с той стороны, откуда вижу немцев, ею размахиваю. Все без звука, ребята уже знают, какой условный знак, они сразу передают информацию дальше по рации. В разведку я всегда с собой брал два диска к автомату и пищу с собой, сухпаек, ведь мы, бывало, шли на неделю, так что с собой консервы, колбаска, сухари. Но все-таки мало у нас было продуктов.

– На какую глубину за передовые линии вы уходили?

– Много, и на 6–8 км в глубь территории врага, бывало, сутки и двое находишься в тылу у немцев.

– Сколько немцев вы убили лично?

– Точно не скажу, но знаю, что за все время войны больше сотни фрицев я положил.

– Как вели себя немцы при захвате?

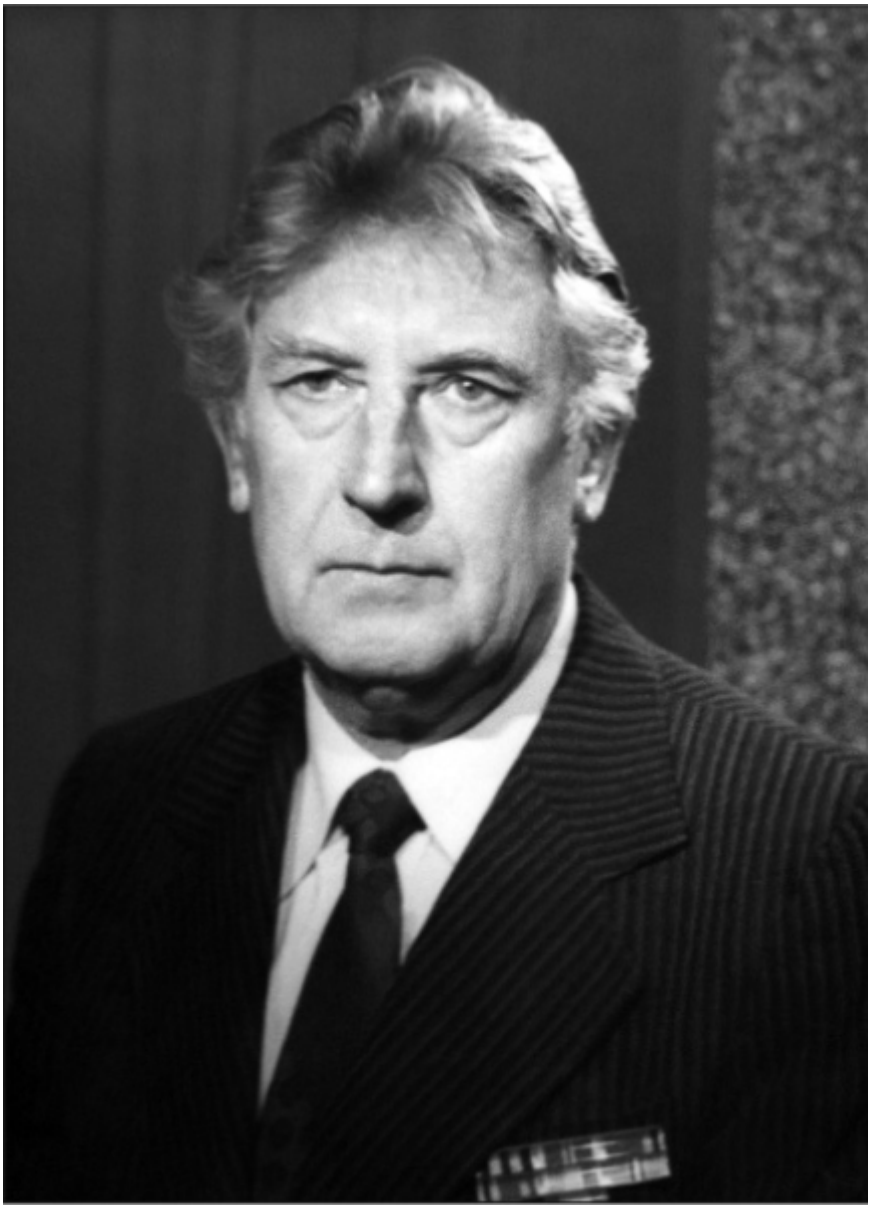
– Они сразу руки поднимали, и все, только говорили: «Камрад!»

– Немецкие пулеметы были опасным оружием?

– Конечно, у него было по-настоящему губительный огонь. Мы боролись с ним по-разному, если можно, то подбирались на близкое расстояние и метали гранату, а если нельзя, то из автомата или ручного пулемета снимали расчет. Самым опасным немецким оружием была их авиация. Тогда ты прижимаешься к земле и ждешь, пронесет или нет, и если ураганный огонь артиллерии, особенно если сосредоточено до 50 орудий на участке, это же самый настоящий ураган, все вокруг рвется, взлетает в воздух, думаешь, все, конец тебе.

Демобилизовался я в марте 1947 г., вернулся домой, был в колхозе, из-за ранения не мог работать в первое время. В Крым попал так: крымских татар Сталин отсюда выслал, а нас переселили на их место. В деревне начал работать животноводом и сторожем, писцом работал, короче, хватило и на мои руки работы.

Логачев Владимир Герасимович



– Я родился 28 июля 1926 г. в Одессе. Отец мой был из Курской губернии, мать из рыбацкой семьи из-под Одессы. Мы жили почти в самом центре, на углу улиц Тираспольская и Кузнечная. У нас была самая обычная рабочая семья, жили мы

тяжело, но я, например, до войны занимался музыкой, играл на скрипке. Конечно, мы, особенно молодежь, были патриотами. Если детям с утра до вечера твердить, что Сталин – вождь, Сталин – гений, и т. д., и т. п., то что мы могли думать? Конечно, верили ему безгранично.

– Было предчувствие, что война неизбежна?

– Конечно, было. Мало того, где-то за две недели до ее начала очень известный московский журналист-международник читал лекцию в зеленом театре, и люди, которые там были, сказали, что он прямо заявил, будто мы находимся накануне войны. Я помню, как прямо перед войной в Молдавию через Одессу шли войска, на высоких зданиях были установлены счетверенные зенитные пулеметы, а на Соборной площади стояли зенитные орудия. Как говорится, «в воздухе пахло войной».

– Как вы узнали, что началась война?

– В последнюю мирную ночь я был в районе Малого Фонтана на рыбалке, ловил бычков. И когда вернулся, то на Греческой площади увидел людей, которые слушали по радио выступление Молотова. Мы, конечно, вначале думали, что война будет быстрая, постреляют-постреляют и разобьют немцев, но когда увидели первые разрушения и первых убитых, то поняли, что это не шутки, а мясорубка… Первое время мы, мальчишки, забирались на крышу дома, чтобы посмотреть, как зенитки стреляют по самолетам, но так ни разу и не увидели, чтобы кого-то сбили… Но потом, спасаясь от налетов, стали прятаться в погребе. До сих пор очень ярко помню, как горели в небе осветительные бомбы и как давил на нервы звук, когда немцы сбрасывали пустые бочки…

Как только началась осада города, пошла массовая эвакуация населения. Помню километровые очереди желающих уехать на Военном спуске. У нас во дворе сразу уехали все «богачи», я помню, как они зашивали ковры, ведь вначале еще можно было брать с собой вещи. Эвакуироваться смогли и успели только люди обеспеченные и у которых было где остановиться хотя бы на первое время. А нашей малообеспеченной, бедной семье ехать было просто некуда… Уже тогда просачивались слухи о зверствах по отношению к евреям, и поэтому все богатые еврейские семьи постарались вовремя уехать. Каждую ночь отходили переполненные теплоходы, но очень многие, конечно, остались, так как всех эвакуировать не могли, тем более что уже с начала июля город оказался в осаде. Ежедневно происходили налеты, причем иногда сбрасывались такие большие бомбы, что

разрушались целые кварталы. Потом добавились еще и артобстрелы, так как румыны близко подошли к городу и начали его обстреливать из орудий большого калибра. Все это, конечно, было малоприятно. Запомнился еще эпизод, когда по городу провезли захваченную во время «вылазки» дальнобойную пушку, на которой было написано «это орудие стреляло по Одессе». В школе занятия не проводились, и мы с друзьями ходили по городу и много чего видели. Помню, какое воодушевление мы испытывали, когда видели моряков, которых отправляли на фронт. В черных бушлатах, брюки клеш, молодые, здоровые, веселые, красивые, многие были с гитарами. Мы просто любовались ими.

16 октября в городе появились румынские войска. Накануне их прихода люди бросились по бесхозным магазинам и складам. Мой отец принес два мешка сухарей, я один мешок, которые очень помогли нашей семье пережить тяжелейшую зиму 1941/42 гг. Не считаю это грабежом, просто нам было нужно думать, как выжить, ведь ничего нельзя было купить.

На следующий день появились листовки с предупреждением, что в случае убийства румынского солдата будет казнено 100 заложников, а за убийство немецкого солдата будет казнено 200 заложников, даже у самих оккупантов была такая градация… Убийство офицеров каралось еще строже. В первые дни оккупации куда-то забирали всех мужчин, которые им попадались на улице. Начались показательные казни, прямо на улицах людей вешали, расстреливали. Евреям предписывалось выходить на улицу только со специальными знаками, они обязаны были сдать все имеющиеся у них ценности. За неисполнение расстрел… За укрывательство евреев – расстрел… Я лично видел, как в ноябре через Пересыпь в сторону Николаева вели скорбные колонны евреев… Говорили, что на окраине, в Слободке, их собрали около 50 тысяч, причем это была сплошь беднота, у которой не было возможности уехать… Все они, конечно, знали о поголовном уничтожении евреев, цыган, душевнобольных, но все-таки надеялись, что их минует эта участь… Только потом мы узнали, что всех их уничтожили где-то за городом… Причем совершили это не немцы, а румыны…

– Чем занималась ваша семья во время оккупации, как выживали?

– Моему отцу тогда уже было под шестьдесят, его, конечно, не призвали, и он во время оккупации работал в коммунальном хозяйстве. Мама была вынуждена торговать на рынке, продавала какое-то барахло. Я поступил в ремесленную школу, и последний

год работал автослесарем на заводе по ремонту автомобилей. Люди, чтобы как-то выжить, начали «крутиться»: открывались всякие мелкие мастерские, что-то продавали, отдаленно это время мне напомнил период «дикого рынка» сразу после развала СССР.

Страшное, мрачное было время… Не дай Бог кому пережить оккупацию. По вечерам из дома нельзя было выходить, и только слышались выстрелы… Особенно румыны начали зверствовать перед отступлением: всех мужчин, особенно молодежь, арестовывали. Вывели в открытое море баржу, заполненную военнопленными и арестованными и затопили… А в моей 87-й школе перед самым освобождением заживо сожгли около 100 человек… Делали это все румыны.

– Расскажите, за что вас посадили в концлагерь.

– Вся молодежь, в том числе и я, должна была отбывать трудовую повинность. Меня направили рыть каналы на Пересыпь, до нынешнего времени они не сохранились. Норма была 9 кубометров земли, а я был тогда слабый городской подросток, к такой работе непривычный, и сбежал домой. А примерно через неделю за мной пришел румынский солдат и отвел меня в концлагерь, который располагался в пригороде Одессы, сейчас там находится один из новых районов. В лагере я пробыл всего три дня, ничего, правда, не делал, но зато и не кормили почти. Там я воочию увидел, до какого состояния были доведены наши пленные. Это были полутрупы… Но мне крупно повезло, так как, сбежав с этих работ, я устроился на учебу в ремесленное училище, в нем, кстати, учился наш гениальный конструктор Королев, поэтому моей сестре через каких-то знакомых удалось добиться моего освобождения. Если бы не справка из этого училища, то еще неизвестно, чем бы закончилась эта история…

– Вы знали, что творится на фронте?

– Да, ведь мы с моим другом спрятали радиоприемник и изредка его слушали. Кроме того, мы читали листовки, которые иногда появлялись на улицах, слышали, что есть подпольщики и партизаны, но румыны с ними очень жестоко расправлялись. На Соборной площади регулярно были показательные казни, но я там ни разу не был, хотя люди ходили…

– Говорят, что румыны были еще хуже, чем немцы.

– Не могу такое утверждать. Я думаю, тут от конкретного человека зависит. Я видел румынских солдат: это были темные, забитые, абсолютно неграмотные люди. Многие из них даже

сахара не видели, поэтому когда они только появились в Одессе, то сразу кинулись мародерствовать. Могли зайти куда угодно и забрать любую понравившуюся им вещь. Зато офицеры были лощеные, ходили со стеками, которыми лупили своих солдат. А в нашу квартиру определили на постой румынского офицера, которого я очень хорошо запомнил. Капитан Ион Попеску. Прекраснейший человек. Интеллигент, бывший учитель, он даже делился с нами своими продуктами, помог нам выжить… Так что люди бывают разные. Просто война ставит людей в такие условия, когда проявляются самые жуткие стороны характера, первобытные инстинкты.

– Когда вас призвали в армию?

– Когда освобождали Одессу, мы с моим другом Эдиком Ясинским, он жил в пустующем трехэтажном доме, сделали себе убежище. В полуподвальном помещении этого дома, под дощатым полом выкопали яму, землю выносили по ночам, а снаружи этот чуланчик был закрыт на висячий замок. Только так нам удалось избежать ареста, ведь румыны ходили по квартирам и забирали молодежь.

Помню, как мы увидели первого нашего солдата, он был в плащ-палатке. Какая у нас была радость! Сразу начали ловить предателей и пособников фашистов, а таких было много… Эдика сразу призвали в армию, он был старше меня на год, и уже в боях на Днестре его ранило. А меня мобилизовали только в июне 1944-го. Собрали нас человек шестьсот одесситов, все одного года, и отправили под Москву, в учебную часть, которая находилась недалеко от станции Косминино. Там нас обучали военному делу. Тяжело было… Весь наш одесский набор учили на пулеметчиков и минометчиков. Недолго, правда, всего месяц, но, думаю, что подготовили нас достаточно. Повезло, конечно, что нас хоть минимально подготовили, а не сразу бросили в бой… Меня обучали на наводчика батальонного 82-мм миномета. В умелых руках – это страшное оружие. Преподаватели были опытные, бывшие фронтовики, которые оказались на этой работе после ранений. Кормили там плохо. Когда только туда приехали и нам зачитали нашу курсантскую норму, то мы обрадовались: «У-у-у будем жить»! А как стали ее получать… Молодым, растущим организмам, конечно, нам не хватало. Дисциплина была очень жесткая, но как я сейчас понимаю, это было оправданно. Жили мы в огромных землянках, рассчитанных на целую роту. Нары в два яруса, солома, но это, конечно, были «царские» условия по сравнению с фронтовыми…

По окончании обучения нас переодели в новое

обмундирование и отправили в Белоруссию, где уже заканчивалось ее освобождение. Поразило, конечно, что вся республика была в руинах, а выжившее население жило хуже нищих… В запасном полку мы не задержались, нас сразу отправили на фронт. Вместе с друзьями, Толя Лубинец из моего двора, Саша Гнатышин, Коля Сухопяткин, всего нас было четверо одесситов, попал я в третью минометную роту 339-го стрелкового полка 120-й гвардейской дивизии, 3-й ударной армии 2-го Белорусского фронта.

– Вам опытные солдаты помогали освоиться?

– Кому? На фронте детей нет. Там есть команды, которые нужно исполнять. Постоянный тяжелый труд и опасности. Каждый день, каждую минуту ты подвергаешься опасности быть убитым… Даже когда идешь справлять «естественные надобности», не знаешь, вернешься ли живым.

– Какой транспорт был в вашей роте?

– Кроме двух повозок, но они обычно были загружены минами, никакого другого транспорта в нашей минометной роте не было, поэтому со стволом миномета на плечах, с этой дубиной, которая весила девятнадцать килограммов, вместе с пехотой, потопали мы по Белоруссии и Польше. А я ведь был совсем пацан, весил 51 кг… В расчете было пять человек: трое несли части разобранного миномета, а еще двое несли по несколько мин. Связывали их ремнями за стабилизаторы, вешали через плечо, но сколько мы их могли унести, ведь каждая из них весила почти по пять килограммов. Зато стреляли ими… Помню, что при артподготовке в последнем наступлении мы за 10 минут из нашего миномета выпустили сто шестьдесят мин!..

– Бывало, что при таком беглом огне кидали в ствол одну за другой две мины?

– В нашей роте таких случаев не было. Заряжающий ставил ногу на станину и чувствовал, когда мина вылетала.

– Люди каких национальностей были в вашей роте?

– Мы были так воспитаны, что нам было все равно, кто какой национальности. Всем бойцам была поставлена задача, все обязаны были ее выполнить, и нам просто некогда было думать, кто какой национальности. Состав роты был весьма пестрый, но основу составляли славяне, много было белорусов, так как пополняли людьми с освобожденных территорий. Саша Ширинов был из Средней Азии, но откуда точно, я не знаю. Говорят, у нас в

дивизии простым стрелком воевал один еврей, и мы все шутили, что нужно устроить экскурсию и сходить посмотреть на него. Было несколько офицеров-евреев: начхим, начфин. Среди врачей в госпитале и медсанбате большинство было евреев.

– Вы помните свой первый бой?

– Там были постоянные бои, которые не прекращались, и поэтому они слились у меня в памяти в один постоянный бой. Конкретных эпизодов именно первого боя я не помню. Мы заканчивали освобождать Белоруссию, в Польше с ходу форсировали р. Нарев в районе г. Ружан, захватили плацдарм, и на этом самом Ружанском плацдарме мы были с сентября 1944 по январь 1945 г. Запомнился, конечно, эпизод, когда 12 октября 1944 г. возле хутора Поникев Вельке нашу минометную роту фактически уничтожили. Мы тогда вели бои по расширению плацдарма. Наша авиация к тому времени господствовала в воздухе, и это притупило нашу бдительность. Наша рота, а нас было 4 офицера, старшина и 29 солдат с 6 минометами, остановилась за каким-то бугром. Отстрелялись по немцам, и образовалась пауза. Вместо того чтобы, следуя требованиям устава, окопаться, солдаты начали отдыхать, некоторые разбрелись, а наш старшина бегал с криками: «Я подстрелил зайца, поджарить бы его». Наши командиры тоже, вместо того чтобы думать о своих солдатах, думали только о том, как бы приготовить зайца. И в этот момент налетели два немецких самолета, кажется, это были истребители-бомбардировщики «Мессершмитты-110». Вначале они сбросили кассетные бомбы, а потом обстреляли нас из пушек и пулеметов. Из всей роты невредимыми остались только восемь человек, остальные были ранены или убиты… Тяжело ранило моего друга Колю Сухопяткина, но он остался жив. Весь наш комсостав бросился в одну яму, но на них обрушилась стена, и их просто забило большими камнями, из которых в тех местах сооружают все постройки… Нас, уцелевших, отдали в пехоту, и целый месяц я воевал простым пехотинцем. Чему научила меня эта история? Что не нужно пренебрегать различными инструкциями, а тем более военными уставами. Ведь они пишутся на основе многолетнего опыта, и написаны фактически кровью.

– При каких обстоятельствах вас ранило?

– Первый раз меня ранило еще на Ружанском плацдарме, но это был пустяк, так как рана зажила в течение пары недель. Наверное, это все-таки стрелял снайпер, меня «зацепило» в «мягкое место». А вот второй раз меня ранило капитально. 13

январе 1945 г. началось наступление на Сандомирском плацдарме, а мы пошли вперед на следующий день. Мы пошли вперед за танками, и помню, что за день потеряли всего двух человек. Но что было страшно? Снега почти не было, но холода стояли сильные, и окапываться было невозможно, так как земля была твердая как камень, и при взрывах комья земли поражали так же, как и осколки. Заняли мы позиции возле какого-то хутора, а это было на самой границе с Восточной Пруссией. Особого сопротивления мы не встречали, и тут немцы предприняли контратаку, сильно нажали. Откуда-то с фланга нас начал обстреливать крупнокалиберный пулемет, командиры растерялись, и началась паника. А это самое страшное. Мимо нас прошла отступившая пехота, и мы фактически остались с нашими минометами прямо перед немцами. Кроме нас, там оставалось еще одно орудие, командир которого попросил нас помочь развернуть его, чтобы он смог подавить немецкий пулемет. Наш командир, совсем юный, только-только прибывший на фронт, необстрелянный младший лейтенант, растерялся и забился в щель. Мы его начали убеждать, что нужно отступить в рощицу, так как без прикрытия пехоты немцы нас «возьмут голыми руками». Убедили. Разобрали минометы и начали отходить, причем кучно, жмемся друг к другу, а ведь группа солдат – это такая удобная цель. Но я уже тогда понимал, что в критические моменты человеком овладевает стадное чувство, поэтому постарался идти чуть поодаль от солдат нашей роты. Помню, что я еще думал, как бы не попасть в плен, в оккупации насмотрелся на их состояние… Приготовил на всякий случай пару гранат, подобрал кем-то брошенные автомат и винтовку. В этот момент появились немецкие самоходки и начали нас обстреливать. Только я достиг спасительной рощицы, как меня сильно ударило и бросило на землю. Боли я не почувствовал, но понял, что ранен в поясничную область, как потом оказалось, был задет и позвоночник. Пытаюсь встать, а ноги не действуют. Лежу, как говорится, «скучаю» и ясно понимаю, что мне конец: двигаться я не могу, и помочь мне абсолютно некому, вокруг ни души… А в таких ситуациях только в кино кричат: «Санитары!» У нас в батальоне, например, была только одна девушка-санинструктор, два пожилых санитара и всего одна санитарная повозка. Ну сколько человек они могли спасти? Поэтому выживали в основном те раненые, которые сами могли добраться до медсанбата…. Но мне крупно повезло! Вдруг вылетает из-за поворота открытый «Виллис». В нем были водитель и два офицера с рацией. Они меня спрашивают: «Солдат, где тут немцы контратакуют?» Я, как смог, показал направление, они передали

это по рации и… развернулись, чтобы уехать… Я закричал: «Ребята, заберите меня отсюда!» Они посмотрели на меня, как бы решая, стоит ли… Один из них говорит: «Х… с ним», и правда, что тогда стоила солдатская жизнь? Ничего! Но второй сказал: «Давай возьмем его». И они меня все-таки подобрали, и отвезли в тыл. По дороге из машины я в последний раз видел солдат моей роты. Но медсанбат, в который меня привезли, уже почти был готов к эвакуации, и меня не хотели принимать… А мне было уже очень плохо, и, набравшись последних сил, я заявил тому санитару: «Сейчас пристрелю тебя, и мне за это ничего не будет», у меня еще была с собой винтовка. Угроза подействовала, и меня отправили в прифронтовой госпиталь. В этой палатке меня прооперировали, и транзитом через еще один госпиталь я оказался аж в Уфе. И там я пролежал до середины июня 1945 г., т. е. фактически полгода.

Пятиэтажное здание госпиталя, бывшей школы, было переполнено страдающими людьми. Поначалу мне не давали никакой надежды, что я буду ходить. Один врач мне так прямо и сказал: «Парень, готовься к самому худшему…» А таких инвалидов сразу после войны были миллионы, всем им помочь не могли, и поэтому их основная масса спилась и погибла в первые послевоенные годы… Помню, что инвалидов без рук и без ног называли «самоварами»… И так мне обидно стало! Я ведь был совсем пацан 18 лет, даже не брился еще тогда, жизни совсем не видел и не знал… Врачи мне помочь не могли, так, кормили, перевязывали, конечно. И что тут сработало: тяга к жизни, какая-то генетическая память? Я не знаю, но эти слова врача меня задели и подстегнули. Ведь я толком и не учился еще, знаний, тем более в медицине, не было, что такое мануальная терапия и даже массаж в то время не знал. Но я, сначала превозмогая боль, научился сидеть, а потом стал мять, сейчас бы сказали массировать, свои ноги. И как оказалось, что интуитивно я стал делать именно то, что мне помогло. Мои многочасовые сеансы «массажа» стали давать результат: вначале я смог пошевелить пальцами, а потом постепенно чувствительность начала возвращаться к моим ногам. Кое-как я начал ковылять, но к моменту выписки уже ходил с палочкой. Так я фактически сам поставил себя на ноги. Система физических упражнений, разработанная мною тогда, помогла мне прожить полноценную жизнь. Занимаюсь я по ней ежедневно.

Там был еще один эпизод, который породил во мне желание жить. Когда нас только привезли в Уфимский госпиталь, то раненых сначала мыли. Происходила эта процедура так: в одной хорошо протопленной комнате десяток молодых здоровых

девушек, совершенно обнаженных, только в небольших клеенчатых передничках, отмывали раненых от окопной грязи, срезали старые повязки и промывали раны. Я достался молодой чернявой украинке Оксане, вижу ее как сейчас.

До сих пор не знаю, с умыслом или нет была продумана эта процедура, но молодые, горячие тела этих девушек, их ласковые руки вернули многим раненым желание жить…

– Вам не казалось, что мы побеждаем с неоправданно большими потерями?

– Это все вранье тех, кто хочет переписать историю. Это идеологическая диверсия врагов Советского Союза против нашего многонационального народа, против народной Победы. Кто хотел бы, чтобы мы подняли руки и сдались на милость победителя. Тех, кто смеет говорить, что сейчас бы мы пили баварское пиво… Любая война не обходится без потерь. Вот я вам рассказал, как разгромили нашу минометную роту, но ведь это была ошибка конкретных командиров. Были и другие ошибки, много ошибок, но чтобы людей сознательно «гробили», такого не было, я лично не видел, у нас командиры были грамотные. А солдат жалеть нельзя, если жалеть солдат, то никогда не победишь.

– Вы сами хоронили погибших товарищей?

– Что вы, у нас же был приказ: только вперед, не останавливаться и ни на что не отвлекаться. Поэтому мы уходили, оставляя наших товарищей… Помню, когда мы только поднялись в наступление, тяжело ранило осколком в живот Сашу Гнатышина. Бедный, как он кричал… А у нас приказ – «Вперед!» Больше я моего друга не видел, ранение у него было тяжелейшее… А обязанности похоронной команды обычно исполняли музыканты из полковых оркестров. Иногда они давали концерты, но в основном занимались тем, что хоронили погибших солдат. Когда меня везли раненого в медсанбат, я видел целые «снопы» из наших убитых, подготовленные к захоронению…

– А вообще бывали такие концерты, удавалось как-то отдохнуть?

– Да, нас регулярно заменяли, отводили с переднего края. Устраивали баню: давали шайку горячей воды, кусочек мыла. Вшей у меня не было никогда, за этим очень следили. Иногда наш строй внимательно осматривали женщины из санбата, это, кажется, называлось формой 20. Нижнее белье нам заменяли, так как возможности его постирать у нас не было. И обычно тут же был какой-то концерт, один раз даже кино показали. А вообще,

женщин на переднем крае мы почти не видели, поэтому когда какая-нибудь и появлялась, то солдаты сразу начинали кричать: «Воздух!».

Еще был интересный случай в Польше, один раз нам выдали деньги, причем злотые, и единственный раз на фронте мы сыграли в карты, и я, совсем не любитель этого дела, у всех выиграл. Этих злотых у меня были полные карманы.

– Вы воевали и артиллеристом, и пехотинцем. Чья доля тяжелее?

– Пехоты, конечно, но я себя от нее не отделяю. Ведь мы, батальонные минометчики, шли сразу за ней и были фактически ее частью. Что нас разделяло, метров сто-двести? Так что мы так же страдали, и так же рисковали. А в пехоте было так, три дня наступления, и часть отправляется на переформировку…

– Вы не хотели перейти служить в разведку или танкисты, например?

– Это же не школа, хочу – туда пойду, хочу – сюда. Меня обучали на минометчика целый месяц, все, значит, им и придется служить, это приказ.

– Вам доводилось видеть результаты вашей работы?

– Мы, конечно, проходили через немецкие позиции, видели, что там творилось, но наша ли это работа или чья-нибудь еще, точно определить мы не могли, так как только наши офицеры могли знать, по какой цели мы стреляли. Когда мы стояли в обороне, то у нас в бруствер окопа были воткнуты палочки для ориентира: цель номер один, цель номер два и т. д., а что это за цели, нам не говорили.

– С контрбатарейной стрельбой доводилось сталкиваться?

– Конечно, и сколько раз. Запомнился такой случай, как-то мы поддерживали огнем разведку боем и впервые оказались под огнем шестиствольных минометов. Рядом с моей ячейкой упала такая мина, похожая на газовый баллон, но не взорвалась…

– Бывали бои, когда вам приходилось стрелять из стрелкового оружия?

– Нет, у меня таких боев не было, непосредственно с немцами мне сталкиваться не пришлось. Но, например, мой лучший друг Толя Лубинец был убит автоматной очередью. А мне, даже когда месяц был в пехоте, в то время было затишье и мы стояли в

обороне, пострелять из винтовки и там не довелось. В минометной батарее мне как наводчику полагался пистолет, но его мне не выдали. Сейчас много таких ветеранов, которые говорят, я подбил столько-то танков, я сбил столько-то самолетов, а я про свое участие в войне всегда говорил: «Я всего лишь одна песчинка, из тех многих и многих миллионов, из которых сложена наша Победа…»

– Как вы оцениваете немцев как солдат?

– Немцы – нация с очень высокой организацией. Стремление к порядку у них в крови, они занудистые в этом отношении. Хорошие были вояки, очень дисциплинированные, но я бы сказал, что голая дисциплина без выдумки – пагубна. Они, конечно, были очень распропагандированные, верили в свою исключительность…

– С власовцами доводилось воевать?

– Нет, ни разу не сталкивались, но особенно мы, пережившие оккупацию, хорошо знали, как много людей пошло на сотрудничество с немцами. У меня даже один знакомый в Одессе пошел служить немцам. Чего он пошел, идиот? Что с ним было дальше, я не знаю, наверное, печальна была его судьба. Большинство власовцев составляли наши военнопленные, которые были поставлены в невыносимые условия и которые надеялись, что у них появится шанс изменить свою судьбу. Но были, конечно, и убежденные предатели, и сам Власов прежде всего.

– За что вы получили орден Славы 3-й степени?

– За ранение, за то, что пролил кровь за Родину. Мы были вместе с пехотой и у нас никого не награждали, только братскими могилами. Собирали всех погибших, давали троекратный залп и идем дальше… Ведь кого тогда могли наградить? Того, кто в течение долгого времени мог остаться в живых, т. е. штабисты, артиллеристы. А мы, пехота, были хворостом, который подбрасывали в огонь войны. Я помню всего один случай награждения у нас. В октябре 1944 г. орденом Отечественной войны наградили одного парня, белоруса. Он был ветераном части, и за что его конкретно наградили, я не знаю. А через пару дней он погиб… А в нашей роте что-то я не помню награжденных солдат. Когда после войны нужно было пойти получить медаль «За Победу над Германией», я не пошел, у меня была назначена встреча с девушкой. Зачем мне эта медаль? Орден Славы мне вручили на 20-летие Победы. Видно, среди наших руководителей

тогда были умные люди, которые задумались о том, сколько же простых солдат осталось ненагражденными, сколько среди них было ранено и искалечено. И видно, решили наградить таких солдат, в их число попал и я.

– Что скажете о фронтовой дружбе?

– В боевой обстановке, когда из-за больших потерь очень сильно менялся состав, люди просто не успевали хорошо познакомиться, не то что подружиться. Мы, одесситы, естественно, старались держаться вместе, поддерживали друг друга. Но и нашу компанию постепенно выбили… Я оставался последним.

– Какие отношения у вас были с офицерами?

– Самые добрые, но, конечно, некая дистанция всегда была. Командиры у нас менялись часто, как наступление, так их выбивали… Запомнился последний наш командир взвода, очень хороший был человек, бывший учитель из Сталинграда, к сожалению, не помню его фамилию, но и он погиб…

– Как часто выдавали фронтовые «100 грамм»?

– Всего несколько раз. Я помню, что выдавали нам их на праздники: 7 Ноября, Новый год, может, еще пару раз, и все.

– Как относились к пленным немцам?

– Немцы к концу войны, конечно, были уже «не те». Костяк, их элиту мы уже «выбили». Ненависти к ним я не испытывал, и случаев расправы над пленными я не помню.

– Как вы относились к особистам?

– А мы их и не видели, у них своя работа, а у нас своя.

– И часто доводилось видеть их «работу»?

– Всего один раз, но мне хватило. Расстреляли перед нашим строем парня, который во время боя струсил и с пулеметными лентами драпанул в тыл…

– Какое впечатление это на вас произвело?

– Я не радовался и не смеялся, конечно, и каждый из нас понимал, что мог находиться на месте этого парня… Война – это жестокая штука. Ни мамы, ни папы там нет… Такими мерами воинская дисциплина и укрепляется. Но я к тому времени уже столько крови и смертей повидал, столько жестокости, столько горя и страданий, что на меня эта картина не произвела особого

впечатления. Фронт – это не детский сад! Исполнение приказа там превыше всего, даже если ты понимаешь, что погибнешь при этом… На этом зиждется воинская дисциплина, таким образом куется Победа, а иначе получается Франция, которая сдалась немцам всего за месяц… Подняли ручки перед Гитлером. Армия, и тем более война, требуют жесточайшей дисциплины.

Я вам больше скажу. В 2003 г. умер муж моей сестры, Николай Федоров, 1924 г.р. Он был настоящим партизаном, воевал в Ленинградской области, был в 1943 г. ранен и вывезен на Большую землю. Перед войной их, комсомольцев, учили именно партизанской войне, они уже тогда были разбиты на пятерки, в лесах были подготовлены тайники с оружием и продовольствием. Так он нам рассказывал страшнейшие вещи, что когда их отряд зимой отступал, спасаясь от карателей, то они были вынуждены сами пристреливать своих тяжелораненых, которые не давали им оторваться от погони… Они не могли, не имели права оставить этих раненых немцам, поэтому бросали между собой жребий и… Вот такая жесточайшая была война…

– Были какие-нибудь приметы на фронте?

– Запомнился такой случай. В то утро 12 октября 44-го, когда разбомбили нашу роту, мы увидели, что один наш боец, парень с Украины, Вася его звали, а фамилия, кажется, Ивасюк, встал на колени и молится. Мы его спрашиваем, что случилось, все-таки эта была необычная картина. А он говорит: «Приснилось, что сегодня меня убьют». И точно, в тот день при налете он погиб…

У меня никаких особых примет не было, но перед самым ранением мне приснился такой сон: наша рота едет в теплушках. Как обычно, двери настежь, мы сидим, болтаем ногами, и вдруг я вижу, что паровоз нашего состава падает в пропасть, и за ним падают первые вагоны. Я начал кричать: «Ребята, прыгайте! Спасайтесь! Мы в пропасть падаем!» Но меня никто не слышит… Я продолжаю кричать, но меня по-прежнему никто не слышит. И тогда я выпрыгнул из этого вагона. Вот такой сон, я думаю, вещий, был у меня накануне ранения.

Зато необыкновенный случай был у моей матушки. Это была почти безграмотная женщина, но настолько добрая и мудрая. Несмотря на то что мы сами жили тяжело, она всегда всем помогала. Сразу после войны в Одессе было очень тяжело и голодно. Мама моя переболела тифом, потом возвратным тифом, ужасное было положение… И у нас в доме на некоторое время остановился молодой офицер Николай Маслов, кажется, он был журналист. Хотя пожил у нас он совсем недолго, меньше недели, но очень понравился моей маме, поухаживал за моей сестрой и

уехал по делам службы в Германию. Прошло года два, а он нам не писал это время, и в одно утро мама нам рассказала, что ей приснился такой сон: будто к нам в дом кто-то стучится, открываем, а там тот самый Коля Маслов, и он говорит: «Мама (он так называл мою маму), меня обокрали в поезде. Даже белья нательного не осталось, переодеться не во что. Постирайте мне». Мы не придали этому особого значения. Вдруг днем кто-то стучится к нам в дверь. Открываем, а там тот самый Коля Маслов. Поздоровались. Он говорит: «Меня обокрали в поезде. Постирайте мне, пожалуйста…» Этот случай я не с чьих-то слов пересказываю, я все это сам лично видел и слышал…

– Как получилось, что у вас нет ни одной фотографии с войны?

– Кому до нас, до простых солдат, было какое дело? Может, в тыловых частях, где люди успевали познакомиться и подружиться, и была возможность сфотографироваться, а там, где я служил, ничего этого не было. Меня на фронте приняли в комсомол, так даже комсомольский билет выдали без фотографии. Конечно, очень жалею, что у меня не осталось фотографий моих друзей, которые погибли.

– Как вас встречали поляки?

– Это была разоренная страна. Поляки встречали хорошо, говорили так: «Советский Союз – хорошо, но колхозы – плохо…» Но там была, конечно, очень сложная внутриполитическая ситуация. Я не слышал такого, чтобы они стреляли в наших солдат, но зато рассказывали, что они кидали гранаты в наши госпитали. Вообще, поляки – это такой народ, который помнит только плохое, что им сделала Россия и Советский Союз, а вот то, что они сами творили, они не помнят.

– Как вы относились к политработникам?

– Я считаю, что они были нужны. Солдатам нужно было многое объяснять, настраивать, работать с ними. У нас политработники были простые, скромные, порядочные люди, которые заботились о солдатах и пользовались авторитетом. То, что многие из них не ходили в бой, так это им и по рангу не было положено.

– Когда вы услышали о Победе, как-то ее отметили?

– Радость была такая, что передать словами это нельзя, очень трудно. У меня было немного денег. Нам в Польше единственный раз выдали злотые, а когда нас привезли в госпиталь, то нам их

обменяли на рубли. И на остаток этих денег я купил бутылку водки, и мы с приятелем ее выпили. Митинга и праздничного ужина в госпитале не было, я не помню. Иногда приходили нас навещать школьники, местные артисты.

– Куда вы поехали после госпиталя?

– Дали мне 2-ю группу инвалидности, и поехал я, конечно, домой, в Одессу. Мои родные все были живы, но из друзей и ровесников единицы пережили войну…

– Как сложилась ваша послевоенная жизнь?

– Окончил в Одессе театральное училище. Поступил я туда, в общем-то, случайно, проходили мимо него с товарищем и решили зайти. Причем отучился я в нем всего три года вместо четырех, так как жизнь в Одессе в первые послевоенные годы была очень тяжелая. Мы жили трудно, в очень стесненных условиях, и мне пошли навстречу, разрешили досрочно сдать выпускные экзамены. После института я работал в разных театрах страны: в Николаеве, Ашхабаде, но осел в конце концов в Кишиневе.

– Вы встречали правдивые фильмы, книги о войне?

– Почти нет. Сразу после войны снимали так, как хотели бы, чтобы было на самом деле, а теперь уже и подсказывать почти некому, как оно было… Но, например, в фильме «Зеркало» А.Тарковского есть два совсем маленьких эпизода, детали, но очень ярко, точно показанные. Прекрасный фильм «Военно-полевой роман» Тодоровского, а сцена артобстрела при помывке – это просто картина из моей юности…

Новиков Юрий Николаевич

– Я родился 30 мая 1922 г. в г. Смоленске в штабном вагоне Западного фронта, после рождения никогда в этом городе не жил. Во время Гражданской войны мой отец был крупным политработником, членом Реввоенсовета Западного фронта,

затем стал членом Реввоенсовета Южного фронта и так далее. Я был потомственным сыном военного, вплоть до 1927 г. отец возглавлял политотдел Красной Армии на Украине. Как говорится, от судьбы не уйдешь, поэтому, когда меня призвали в армию в 1940 г., я уже не боялся призыва. Но до этого в 1937 г. была чистка лиц, связанных с армией, а так как мой отец работал с Тухачевским и Фрунзе, его арестовали. Только в 1953 г. отца посмертно реабилитировали. Моя судьба сложилась очень просто. Как сын репрессированного врага народа, я попал в тюрьму в возрасте 14 с половиной лет, где пробыл 2 месяца. Целевая функция моего ареста: что я знаю об отце? Я ничего не знаю, а что я мог знать в 14 лет?! Как и над чем он работал, я же не знаю. После, ничего не добившись, меня выслали в Заполярный круг, но мать, которая развелась с отцом в 1932 г., узнала об этом, решила забрать сына назад. По случаю появления матери местные руководящие круги вынуждены были меня отдать. Так я стал ленинградцем в 1938 г., в том же году пошел работать на Невский машиностроительный завод токарем. В первый класс я поступил еще в 1930 г. в Москве, мы тогда там жили. У нас и в семье, и в школе было очень хорошее отношение к людям в военной форме, вообще я был в окружении военных, маршал Егоров был другом отца, часто бывал у нас. Я великолепно играл в бильярд и выигрывал у самого маршала. Отец часто вспоминал военные годы, его друг Кононов Иван Иванович, награжденный тремя орденами Красного Знамени, часто к нам приезжал, он был инвалидом, на нем Гражданская война отложила свой след, он тоже сыграл определенную роль в моем воспитании. В период войны 1936–1939 гг. в Испании я рвался туда, мне самому хотелось поучаствовать, но я был мальчишка тогда, не было ни профессионального опыта, ни специальности военной. В итоге поражение от Франко было очень тяжелым ударом, я болезненно переживал все это, ведь там наши интернационалисты участвовали в боях.

В 1940 г. я окончил 10 классов средней школы в г. Ленинграде. Мы тогда этого не знали, но теперь мне совершенно ясно, что Сталин готовил всех десятиклассников к тому, чтобы они стали офицерами. Когда меня призвали в армию, я отказался идти в военное училище, но попал в воинскую часть, состоящую только из одних десятиклассников. Это была артиллерийская воинская часть, размещенная во Владимире, которая фактически была артиллерийским училищем, хотя надо отметить, что мы имели полное право по истечении двух лет уйти мл. лейтенантами и не оставаться в армии. Нам сразу выдали военную форму, мы получили необычное в то время оружие –

изучали артиллерию калибра 503 мм, один снаряд для орудия весил 500 кг. Взрывная воронка составляла 30 м в диаметре и 6 м в глубину. Когда мы изучали эту могучую технику, рождалось чувство гордости, что мы имеем такие артсистемы. В части мы служили как солдаты и одновременно как курсанты, ведь Сталин и руководство понимали, что развернутся военные действия и нужны были кадры. Что представлял собой процесс обучения? Глубокое изучение теории артиллерийского дела, практические занятия по овладению артсистемами, приборами наведения. В стрельбах мы не участвовали, так как я проучился всего год, и началась война. Кормили нас хорошо, было мясо, я не могу сказать, что плохо. Преподаватели мне очень понравились, это были высококвалифицированные педагоги, владеющие как педагогикой, так и военной техникой. Мне очень нравилось учиться военному делу, также значительное место занимала физическая подготовка, строевая, изучение уставов, ведь армия зиждется на определенных правилах. Дисциплина была хорошая, смотрели вперед с верой и чувством оптимизма, что тем более подпитывалось необычностью могучих артиллерийских систем, изучаемых нами.

22 июня 1041 г. мы находились в Горховецких лагерях под г. Горький, где готовились к стрельбам. Днем по радио Молотов объявил о начале войны, до этого ничего не было известно, но предварительно собрали всех на площади, был устроен большой митинг. У меня не возникло чувства опасности, я был уверен, мы так воспитаны были, что превосходство наше несомненно. Война есть война, страшное слово, но у меня оно не вызвало ассоциаций с опасностью, наоборот, хотелось поскорее на фронт, поскорей разделаться с врагами. 22 июня не было для меня тяжелым днем, потому что я верил в силу страны и в мощь оружия, которым мы тогда овладевали. И когда после начала войны пошли сводки, мне непонятно было, почему наши части отступают, ведь мы имеем такое могучее оружие, я же служил в такой части, где снаряд 500 кг весит. И сразу же после объявления о начале войны по приказу Сталина все части, подобные нашей, обыкновенные солдатские, были превращены в военные училища. Так я стал курсантом Московского Краснознаменного минометно-артиллерийского училища им. Красина, поэтому мы приехали в г. Москву, училище располагалось около ипподрома. И вот тут мы узнали, что такое война. Каждую ночь Москву бомбили, как во время крупных налетов, так и отдельные самолеты. Нам приходилось ночью идти в метро как в бомбоубежище, а днем заниматься, надо изучать артиллерийское дело, курс не уплотнили, но произошло так, что ночью не спишь, а днем

занимаешься, очень сложно и тяжело было. Но в то время Москву практически все время беспокоили. Питание было хорошее, здесь преподаватели были еще более грамотными и квалифицированными специалистами, чем у нас. Июль и август мы прозанимались, мы в это время постоянно видели военные поезда, литеры катились ближе к Ленинграду и Москве. Многое было нам непонятно, из того, что происходит на фронте, потому что то внутреннее чувство превосходства, которое мы имели под влиянием довоенного воспитания, как-то потихонечку развеивалось. Где же наши силы? Почему мы отступаем? Не было понятно, хотя политработники продолжали что-то традиционно объяснять. И вот в сентябре наше училище разделили на три части. Одна часть, самая маленькая, села на «катюши» и они под Оршей впервые нанесли ракетный удар по гитлеровцам, который оказался неожиданным для немцев. Это была батарея Флерова и еще несколько батарей, тогда в училище теории ракетного дела еще не было, мы изучали только артиллерийские системы, но, очевидно, эту группу учили специально. Вторая часть, в которой был и я, получила 152-мм гаубицы, и нас превратили в солдат, тогда в конце сентября были брошены для защиты Москвы все военные училища и все академии. Я считаю, что немцев под Москвой остановила вот эта сила, народное ополчение, оно не было квалифицированно, а мы были. Я отступал на Волоколамском направлении, сентябрь, октябрь и ноябрь месяц. Это были тяжелые оборонительные бои, превосходство Гитлера чувствовалось в воздухе, он был заполнен немецкими самолетами. Они всегда предварительно бомбили наши позиции, но мы старались как можно глубже врываться в землю. Поэтому у нас, артиллеристов, были не такие большие потери от бомбежек, как можно было ожидать. Мы находились примерно в 5–7 км от передового края, наша 152-мм пушка позволяла нам наносить удары с такого расстояния, а потом ночью опять нужно было не спать, отступать до следующего оборонительного рубежа и там снова врываться в землю. Потерь было не так много, но дикая, нечеловеческая усталость из-за ночных отступлений, одновременная подготовка к очередной обороне – все это очень изматывало. Я был обыкновенным заряжающим, снаряд весил 43 кг, довольно тяжелая штука. Но мы непосредственно стреляли на расстояние, немцев не видели, только авиацию. В батарее снарядов было вдоволь, мы их не жалели, но вот что характерно для боев под Москвой – это бесконечное количество листовок. Немецкая авиация бросала не только бомбы, но и агитацию, довольно обильную, листовка разрешала переход через фронт, тебе как пленному немцы обещали золотые горы. Но никто в это

не верил, мы были все-таки, во-первых, артчасть, во-вторых, курсанты. А вот третья часть нашего училища участвовала в военном параде 7-го ноября 1941 г. на Красной площади, а мы, большая часть, участвовали в это время в боях. Вообще-то мы отходили раньше пехоты, но встречались с отступавшими, наши солдаты очень понуро шли. И вот что интересно: бомбежки были, но под контрбатарейный немецкий огонь мы не попадали. Во время бомбежки огня мы не вели, прятались, мы были будущими офицерами, поэтому нас старались беречь. Бомбежка продолжалась 20–30 минут, потом уже самолеты улетали, и мы снова начинали артогонь. Служба оповещения действовала хорошо, потерь у нас было немного, но матчасть выходила из строя. Когда после двух месяцев ожесточенных боев мы вернулись, у нас сохранилось 90 % личного состава. Произошло это так: мы уже твердо знали, что дальше отступать не будем, 41-й км под Москвой, был приказ «Ни шагу назад!». Еще снег выпал, холодно, мы в шинелишках, в яловых офицерских сапожках, и вдруг к нам приходят части и приказывают, чтобы мы покинули позиции, мы сначала сказали, что не уйдем, но они пояснили, что заменяют нас. Это были сибиряки, в полушубках, в валенках, с новой техникой. И вот, представьте себе, они нас заменяют, а мы садимся в эшелоны и едем через Москву. Город представлял собой страшную картину, мы не узнали столицу через 2 месяца нашего отсутствия: надолбы, везде все говорило о том, что Москва готовилась к уличным боям. Печальные и черные дома и от непрерывных бомбежек, и потому что пожары возникали постоянно.

Представьте себе чувства человека, которого сняли с фронта, посадили в поезд и отправили учиться когда, в ноябре 1941 г.! Это говорило о силе страны, когда она могла снять с фронта части и отправить их учиться дальше. И мы ехали через всю страну до Урала, и в г. Миасс наше военное училище продолжало функционировать. Вот уже здесь с питанием стало тяжело. Сколько радости было, когда мы попадали дежурить на кухню, можно хоть чуть-чуть отъесться. Жарили картошку прямо на буржуйках, когда чистили, и ели вот такую печеную картошку. Так получилось, что в одно из таких дежурств меня забрали в госпиталь. Оказалось, что поврежден желудок, и я примерно три недели вынужден был лежать в больнице из-за плохого питания, там давали манную кашку, чтобы восстановить желудок, но я так и остался навсегда больным человеком. Я хочу сказать, что, несмотря ни на что, нагрузку нам физическую никто не снижал, надо было пробежать 15 км с полной выкладкой, т. е. винтовка, вещмешок, с палаткой и запасными частями. Я норму выполнил,

но это было очень сложно. Учеба продолжалась, у нас снова были очень квалифицированные, замечательные преподаватели, но нас учили уже не артиллерийским системам, а ракетным, из нас готовили уже ракетчиков. Давали нам топографию, мы владели всеми приборами, которые с ней связаны, проходили практику, непосредственно с теодолитами выходили на местность, делали замеры. Обучение было очень хорошо поставлено. Вот только ходить мы продолжали в наших шинелишках. В апреле 1942 г. (задержка у меня с окончанием курса произошла из-за болезни) я закончил Московское Краснознаменное минометно-артиллерийское училище им. Красина в звании лейтенанта, у меня не было «4», только отличные оценки по всем предметам, а их было 17 или 18, одни связаны со знанием уставов, другие со знанием артсистем, политическим образованием, по ракетным системам. В итоге я получил офицерскую форму. Там я также сдал на военные права, стал водителем, потому что «катюши» были установлены на машинах. У нас в училище было два вида «катюш» – Р-13 с 16 ракетами, и М-24 с ракетами меньшего размера, эти установки монтировались на танках. Мы изучали их, танки нас также учили водить, но вот огневых тренировочных залпов мы не устраивали, видимо, ракеты действительно были дорогие, чтобы мы их использовали. Их я уже в годы войны расходовал на немецких шкурах.

Меня назначили командиром взвода управления в 68-й гв. минометный полк РГК, эти полки создавались как особого рода единица, каждый состоял из трех дивизионов, в дивизионе две батареи. Такие полки придавались непосредственно фронту, не входили в армии, и уже командование считало нужным сосредоточить их на определенном направлении, т. е. это была своеобразная единица мощного ракетного огня, страшная, конечно, сила. Мой полк дислоцировался в Сокольниках, когда я прибыл, он уже сформировался, дальше получилось самое смешное – я заболеваю, меня списывают из полка и предлагают остаться в резерве, не пускают на фронт. Желудок был подорван, поэтому я должен был заниматься формированием мобилизованной молодежи, давать первичное обучение, не по моей специальности, конечно. В Коломне я находился в тыловой части, с этим согласиться не мог, в это время как раз готовился сильнейший удар по Москве с юга, со стороны Воронежа, поэтому я все время писал письма на адрес командования с просьбой отправить на фронт. И меня послали в боевую часть, но не в ракетные части. Ах, так, вы хотите, тогда вы пойдете в пехоту. Я попал на Воронежский фронт в расположенный под Лисками 959-й стрелковый полк заместителем командира роты 82-мм

минометов. Вот тут я уже был рядом с передовой, расстояние полета мины небольшое, я был на самых передовых позициях. Бои под Лисками были страшные, у нас на той стороне Дона оставались свои плацдармы, которые мы никак не хотели отдать, и вот за эти участки шли ожесточенные бои июль, август, сентябрь, октябрь. Тут я уже видел смерть, понял, что такое война по-настоящему, потому что быть в пехотных частях, обслуживать их как минометчик, это другое дело, чем артиллерист. Я должен сказать, что в этот период времени однажды был приказ построить батарею для расстрела: три человека решили бежать к немцам, мы выполнили приказ, расстреляли их. А в целом это была сибирская дивизия, моим командиром являлся чистый сибиряк ст. лейтенант Чиндяскин, очень мужественный человек. Мы сначала непосредственно стояли против немцев, потом немцев сменили итальянцы, потом уже итальянцев сменили венгры. Понимаете, воевать с немцами тяжело, это настоящие, прирожденные солдаты, люди войны. Итальянцы – они плохие воины, против них можно воевать, венгры – еще хуже, но они очень злые, если попадешь в плен, сильно издевались над нашими пленными. Почему произошла смена? Главный удар на Москву у немцев не получился, им не удалось завладеть инициативой и перейти на другую сторону. Мы так плацдарм и оставили, и лавина немецких частей пошла на Сталинград, там началась битва, которая решала судьбу войны, мы в это время должны были продолжать защищать свои плацдармы во что бы то ни стало, не уйти на другую сторону Дона. Потери у нас были большие, естественно. Но смена немцев на другие нации означала для нас передышку. Наша дивизия находилась все время на передовой, с июля до начала февраля, солдаты менялись, я уже стал ст. лейтенантом, в ноябре месяце подал заявление в партию, считал нужным умереть в боях за Родину коммунистом, и стал кандидатом в члены ВКП (б). Я продолжал оставаться замом командира роты, дело в том, что батарея находилась на этой стороне Дона, а командир батареи находился на самых передовых позициях непосредственно в траншеях на плацдарме. Потом он оставался на минометных позициях, а я вместе с пехотой уже регулировал огонь, для того чтобы отбить атаки немцев. Мы не предпринимали тогда никаких контратак, главное было защитить рубежи. Для немецкой тактики боя была характерна хорошая артиллерийская проработка наших позиций, обязательно вместе с пехотой двигалась танковая лавина. Приходилось отбиваться и от пехоты, и от танков, минометы били по пехоте, потому что они неспособны бороться с танками, которым противостояла наша противотанковая артиллерии и ПТР-цы. Я находился на НП

ротного командира. Питание было хорошее, даже отличное, и 100 граммов давали. С разведчиками я не сталкивался, они потом сыграли свою роль, когда началось наступление.

Наступила зима, мы подготовили траншеи к ней, у нас были сделаны в три наката землянки, но мы прекрасно знали, что это все временно, скоро начнется наступление. 19 ноября на Сталинградском фронте началось наступление, охватили значительную часть немецких войск Паулюса. Наша целевая задача была такой же, отсекать от Воронежа немцев, отсюда должны уже были двигаться войска, чтобы еще большую часть немцев пленить во время их отступления. В это время как раз венгров снова сменили немцы, они почувствовали, что те не могут воевать. И вот 3 февраля 1943 г. заиграли «катюши», заработала наша артиллерия, и мы пошли в атаку, я вместе с пехотой. Так как немцы тоже хорошо закрепились, атака наша сначала не удалась, и на поле боя оказалось много убитых и раненых, в том числе я. Я был тяжело контужен при атаке, меня вытащили, уже обмороженного, заикающегося, говорить я не мог. Перевезли на ту сторону Дона, наше наступление развивалось дальше, а меня отправили в санбат, оттуда поездом вывезли в г. Тамбов, где я месяц лечился в госпитале. Мне тогда стало совершенно ясно, что наша артиллерийская подготовка не сыграла решающей роли, поэтому немцам удалось нанести нам серьезные потери в живой силе. И еще один я сделал вывод: наше руководство не жалело людей. Это было печально, но это факт. Можно было иными способами добиться победы, но нам нужна именно победа, как говорится в песне, «за ценой мы не постоим», и так оно делалось в жизни, цена же была одна – человеческие жертвы. Но ценой наших жизней оборона немцев была прорвана, и началось наше наступление. В марте 1943 г. после излечения я из Тамбова двигался на ж/д. транспорте и пешком на фронт, он уже вместо Воронежского назывался 3-й Украинский. По прибытии, когда в штабе фронта узнали, что я ракетчик, меня направили в 62-й гв. минометный артиллерийский полк. Вот в его рядах я прошел всю остальную часть войны. Полк возглавлял умный, талантливый командир полковник Кислицкий, депутат Верховного Совета СССР от Украины, хотя сам он жил в Москве, командиром дивизиона был майор Павлиенко, тоже украинец, удивительно чуткий и требовательный командир, любящий солдат и стремящийся сохранить жизнь каждого. Большая часть личного состава полка также состояла из украинцев. Эта часть пережила трагедию окружения под Чугуевом у Харькова, немцы сумели в ответ на Сталинградское устроить нам небольшое, но все же окружение, и через чугуевские леса выбилась

незначительная часть полка, техника была взорвана, это были «катюши» на танках, мне рассказывали, как их взрывали при отступлении. Именно поэтому я прибыл на пополнение и сразу был назначен командиром батареи. Но я фактически стал командиром двух батарей, дело в том, что в этом дивизионе было две батареи, одной командовал Кочубей Иван, а второй Новиков. Иван оказался очень хорошим разведчиком, смелым, дерзновенным человеком, но не умеющим требовать дисциплину от солдат, добиться от них выучки, чтобы кадры владели техникой, могли быстро выполнить приказы. А у меня, по всей видимости, оказались педагогические способности и требовательность. Поэтому эти батареи объединили под мою команду, и у меня было не четыре, а восемь установок плюс восемь машин со снарядами, также две технические «летучки». Получилось, что фактически дивизионом командовал один я, а Иван Кочубей, как правило, занимался управленческими делами, он на передовых позициях выискивал цели, смело действовал, был за свое мужество награжден орденом Красного Знамени. По всей видимости, в войсках всегда надо учитывать психологию руководителей. Мне же доверили восемь установок, и такое разделение труда сделали официальным: взвод управления выделили, для того чтобы они находились в передовых частях, а мы уже непосредственно делали дело. При выборе позиции я подчинялся командованию, мне говорили заранее, куда надо переехать, карты были, кстати, прекрасного качества. Моя задача заключалась в том, чтобы на этих позициях сразу принять меры к спасению техники, ее закрыть, спрятаться как можно больше, зарыться. Боже мой, сколько было перерыто земли солдатами, ведь надо было их прятать в землю, зарывались в аппарели, для того чтобы техника не попала под удары бомб. Но обратите внимание, я был назначен на должность в апреле 1943 г., но в войну мы вступили в июне, так как месяца полтора в Гончаривке Луганской области готовились к битвам, прибыло пополнение, мы обучали солдат, этим я занимался. Ведь каждая установка имела в расчете по шесть человек (водитель, командир орудия, наводчик и заряжающие), надо умело надеть ракету, которая весит 45 кг, это непросто, также надо подготовить машину, чтобы резина колес выдержала удары, вы понимаете, ракеты поднимали дым и гарь, огромная волна. Как происходил залп? Каждая ракета состояла из двух составных частей: снаряда, имеющего огромную разрушительную силу, и собственно самой ракеты, которая была наполнена твердым топливом, очень похожим на макароны, но желтого цвета. Ракеты зажигались из пульта управления поочередно. Достаточно было сделать один оборот небольшого

колесика прибора пульта управления, и топливо ракеты воспламенялось, после чего она по прорези рельсы начинала скользить и улетала по заданному направлению. Шестнадцать оборотов колесика пульта управления – это примерно три-пять секунд, и огненный залп полетел в указанную точку. Правда, точка – это название условное, так как ракеты били по площади круга с радиусом 350–400 м. Но если восемь установок моей батареи ударят по этой площади и 128 взрывов пробороздят эту площадь, то плохо будет тем, кто на ней был. Кроме того, после залпа место наше становится зримым, его можно легко отбомбить. Поэтому наша задача заключалась в том, чтобы сразу после залпа исчезнуть, мы заранее знали, куда должны переехать, уходили туда и там прятались. И знаете, года полтора мы все время прятались, пока была сильна немецкая авиация, после залпа моментально уезжали, уже только в 1944 г. стали меньше бояться. «Катюши» стреляли на 8 км, мы знали цели заранее, поэтому стояли всегда в 3–4 км от фронта. Однажды я, находясь на передовой позиции, тут мы поменялись с Иваном Кочубеем, он оказался на огневой позиции, а я в разведке, почувствовал, что такое наши «катюши». Ракетные удары были нанесены в 150–200 м от нас. Это страшная штука, попасть под залп, я сам был оглушен и одурманен. Представьте себе залп батареи из 128 ракет, которые, бесшумно приближаясь к скоплению немецкой пехоты и танков, неожиданно падают с неба и разрываются с огромной страшной силой необычного взрывчатого вещества. Все живое и неживое горело, огонь моей батареи вызывал такую взрывную волну, что немцы, попав под удар, не будучи убитыми, являлись беспомощными, оглушенными, контуженными. Когда пехота после этого с криком вставала и бежала, немцы не могли сопротивляться, они были оглушенные. Только через какой-то период времени они в себя приходили, но тем временем наши пехотинцы ворвались, перестреляли всех, и пошли дальше. Могучее, очень сильное оружие наша «катюша». И в целом солдаты и сержанты гордились своим оружием и четко выполняли все операции по установке орудия на огневой позиции, прятались в окопчики во время залпа и быстро бросались к машинам, выезжая с места, откуда был дан грозный залп.

Так вот, после формировки уже началось наше наступление. Первый бой для меня произошел очень просто: выехали на огневую позицию, было приказано подготовиться к залпу, дали его и уехали за километра четыре от этого места. А вот что там делается, видят те, кто отдал команду бить туда. Я знаю одно, мне после рассказывали находившиеся на НП, что удары, которые

я совершал, нанесли определенный ущерб немцам. Потом нас направили в Донбасс, мы прошли гг. Краматорск, Димитров, Вел. Новоселку, дальше рванули к г. Запорожье, взяли его. И здесь мне пришлось поучаствовать в необычной ракетной атаке прямой наводкой. Небольшое отступление: как всякая артиллерийская система, «катюша» имела прицельное устройство и была способна направить ракеты в цель. Разумеется, залп на дальнее расстояние требовал поднять угол вылета под 45–65 градусов. При залпе на близкое расстояние угол вылета ракет был незначительным, однако овал разлета ракет возрастал, то есть площадь поражения возрастала, но точность уменьшалась. Это я рассказываю потому, что дуэль «катюши» требовала огня ракетами прямой наводкой вместо традиционного удара по площади. А произошло следующее: на подступах к Запорожью сложилась ситуация, когда пехота осталась без всякой огневой поддержки и вынуждена была залечь под ударами из двух огневых точек, из которых огненные, свинцовые пулеметные очереди наносили ощутимый урон наступающим. Позже мы узнали, что там были прикованы к пулеметам (чтобы не убежали) отнюдь не немцы. Командир пехотного полка обратился с просьбой оказать помощь к командиру полка гвардейских минометов, «катюш». Полковник Кислицкий прибыл в расположение моей батареи на маленьком джипе. Я доложил, что батарея ожидает приказа для движения вперед и замаскировалась в лесной полосе. Полковник пытливо смотрел мне в глаза, как будто что-то оценивая, и вдруг тихо сказал: «Приказываю лично вам сесть в одну из «катюш», выехать на передовую и уничтожить прямой наводкой огневые точки противника и обеспечить прорыв наступающим. Приказ понятен?» Я ответил: «Так точно, товарищ полковник». Затем, обращаясь к заместителю, я сказал: «Вы остаетесь за меня». После чего приказал: «Старшина Прасолов, сесть за руль первой машины», – и пошел за ним к первой установке. Далее приказал расчёту: «Расчехлить установку, всем остаться в походной колонне. Я еду один со старшиной». Каждая «катюша» была закрыта большим брезентовым чехлом, и его надо было быстро снять. Солдаты сняли чехол, и мы выехали к передовой позиции пехоты, которая была в четырех километрах на окраине деревни. Деревня закрыла своими домиками наш приезд, и мы, оставив машину под их прикрытием, поползли к передовой, находящейся метров через триста на другой окраине. Встретили сержантов из пехоты, которые обрисовали положение дел и показали на черные точки убитых на поле. Увидели огневые точки примерно в 200 метрах от конца окраины. Нам стало ясно, что если мы сможем выехать и приблизится на выбранную нами позицию, то нас просто

расстреляют. И вместе со старшиной приняли решение пожертвовать собой, но приказ выполнить. Вернувшись к машине, подготовили орудие к бою, несколько увеличив угол подъема. Опустили бронированный щиток на стекло машины и медленно, прячась за домами, подъехали к последнему дому и внезапно выехали на открытое место, которое заранее приметили. Нам повезло – очевидно, находящиеся в огневом доте немецкие наемники стали разглядывать какие-то странные рельсы, выглянувшие из-за дома. Этого нам было достаточно, а засевшим в дотах стоило жизни. Я сам себе сказал: «Огонь». И через три-четыре секунды огненные стрелы 16 ракет ринулись в сторону огневых точек. Ракеты летели, выли, стонали и взрывались с чудовищным грохотом. Тут был очень большой риск, потому что я не мог обеспечить прямого попадания ракеты, они же вылетают без контроля с моей стороны. Но, по всей видимости, где-то недалеко ударилось, они, сидевшие внутри, были оглушены. Мы развернулись, не оборачиваясь назад, под рев наших солдат, которые кричали: «Катюша играет!», «Ура!». В итоге огневые точки были взяты. Так «катюша» выиграла смертельную дуэль. После захвата дотов мне самому было интересно, кто же находился внутри, и командир пехотного батальона мне рассказал, что это были прикованные бандеровцы, они решили не сдаваться в плен и биться до последнего, и действительно они были оглушенные после залпа.

Через некоторое время мы вошли в г. Запорожье. Когда мы взяли его, Днепрогэс еще стоял, немцы взорвали его позже, мы как раз были свидетелями этого страшного взрыва, и плотины не стало. Оказывается, при заливке немцы закладывали в бетон тол, взрывчатку. Получалось, что немцы не верили в свою победу, они же восстановили Днепрогэс, но восстановили так, чтобы потом взорвать. И в это время как раз напротив Хортицы в зеленой посадке был снят фильм «Легендарная батарея». Он состоял из трех эпизодов, до сих пор, насколько я знаю, есть в Москве в хронике, корреспондент снимал, это был один из самых известных хроникеров войны, хотя я и не помню его фамилию. Первый эпизод: батарея на марше, было показано, как мы двигались километров 10–15, второй эпизод: батарея на отдыхе, мы расположились, кто брился, кто играл на гармошке, кто пел украинские песни. И, наконец, третий: батарея на огневой позиции, мне разрешили для съемки сделать залп, я не бил по немцам, но по той стороне Днепра, где они находились, прикинули, чтобы хоть какой-то ущерб нанести, но прямого не было. Я выхожу, восемь установок у меня на виду, кричу: «Огонь по врагу, за нашу Родину!» Стреляю из «парабеллума», и

начинается мощный залп. Фильм есть, мне потом показывали фотографии, нашу батарею выбрали потому, что командир полка Кислицкий был депутатом Верховного Совета, не всякий мог таким похвастаться.

После Запорожья нас ожидало очень непростое форсирование Днепра. Что характерно, наш берег низкий, а берег противника высокий, это создавало на всем протяжении переправы большие трудности. Непосредственно в форсировании «Катюши» не участвовали, мы дали залпы и остались на этом месте, а нужно было перейти на ту сторону, мы играли подсобную роль, помогали пехоте огнем, если нужно. В послевоенных кинофильмах довольно хорошо отражена эпопея взятия того берега, который считался немцами неприступным, а потом мы просто, когда был восстановлен мост, поехали вторым эшелоном. Мы двигались по понтонному мосту, который очень быстро навели саперы. Переправлялись сначала в первую очередь танки, потом уже артиллерия и «катюши», надо отметить, что степень организованности была очень высокой, так же как дисциплина и умение. Вообще надо сказать, что война – это работа, профессионализм возникает в ходе познания разных вещей. Оттуда в Днепропетровск, где был период, когда мы не двигались, затишье, дело в том, что Кировоград мы сразу не взяли, только подошли к нему. И был промежуток, примерно месяца полтора, пока мы его не брали, наступил период зимней передышки, мы остановились километрах в 15 от Кировограда, нас отвезли в Днепропетровск на зимние каникулы. Мы там отдыхали, снова учили людей, это, конечно, город огромный. После этого, когда уже началось освобождение Киева, мы двигались в Днепродзержинск, Кировоград, Новоархангельск, Житомир, Луцк, Ровно, Люблин. После этого нас посадили на эшелоны и отвезли назад, потому что в Белоруссии было сосредоточена крупная группировка немецких войск. И из района Чернигова начиналось наступление на Беларусь. И я оттуда уже во второй раз попал в Польшу, в г. Ковель.

В Белоруссии мы сразу пошли в прорыв, и когда пересекли Пинские болота на «катюшах» и танках, вдруг оказались в глубоком немецком тылу. Мы перепутывались с немецкими частями, в целом для Белоруссии было характерно следующее: слишком стремительный наш марш-бросок вперед, группа танков, восемь машин, и моих восемь «катюш» с машинами поддержки не заметили, как рванулись вперед и на 60 км ушли туда, к Барановичам. Во время движения нужно было в одно местечко сходить, а солдаты соскакивали, в лесах видели немцев, а мы двигались дальше. Только глубоко в тылу мы пришли в себя и

поняли, что находимся в тылу у немцев. И танкисты, и мои солдаты, как только мы разобрались в ситуации, что фактически сами попали в окружение, сразу врылись в землю. Впереди от нашей позиции была небольшая речушка и взорванный мост, движения дальше уже не могло быть, деревенька называлась Верьсмак. Я курил тогда, и вот, когда мы врылись в землю, капитан танкового батальона и я обходили спящих, вдруг заметили, что листва осеребрилась, красиво-красиво, как перед смертью бывает. Мы знали, что вряд ли выживем – завтра, и тогда я и капитан дали клятву: выживем, бросим курить. Утром нас атаковали немецкие танки, начали бомбить, но самое смешное оказалось в том, что немцы не знали: «катюши» находятся в тылу, они видели только, что танки прорвались. И когда я сделал два залпа и немцы поняли, что здесь находится такое грозное оружие. Хотя потом оказалось, что немцы не могли разобраться, откуда бьют «катюши», ведь залпы прошли в 60 км от линии фронта, это сыграло решающую роль в их паническом состоянии. Три дня мы оборонялись, а на третий день подошли наши, им понадобилось три дня на эти 60 км. Наши подошли ночью, мы подумали сперва, что это немцы крадутся, но, к счастью, обошлось без проблем, узнали друг друга. За эту операцию, за то, что мы способствовали психологическому поражению фашистов, они не ожидали, что наши танки и «катюши» могут оказаться в глубоком тылу, я получил полководческий орден Александра Невского, мне тогда был 21 год. Что такое окружение? Это фактически не было окружением, мы же вырвались вперед, а наши отступали. Это была одна из тех необходимых, в данном случае тактических, операций, которые привели к быстрейшему разгрому врага. Понимаете, какая психологическая обстановка создается, когда «катюши» играют в тылу врага. И я бросил курить, как и обещал. Больше не курю.

При пересечении границы с Польшей мы увидели старые пограничные столбы Советского Союза. Они были, конечно, смяты и сброшены, немцы установили свои. Когда мы освободили Люблин, он превратился во временную столицу, и вот там как раз формировалась Польская армия, с помощью Гвардии Людовой. Сейчас историческая память поляков говорит, что они создали свою армию, но это не совсем так: эту армию мы создавали, так как нужен был противовес Армии Крайовой, которая существовала под эгидой лондонского правительства. Мировые геополитические игры. Помню, когда мы освободили предместье Варшавы Прагу, на той стороне была Варшава, а мы на это стороне взяли Прагу, с тяжелыми боями. В это время возникло восстание поляков против немцев. Что удивительно, нам был дан

приказ не помогать, выходит, в данном случае мы являлись союзниками немцев, потому что это было польское восстание под руководством польского лондонского правительства. Оно было подавлено в крови. Могут ли поляки потом простить нам это? Нет, точно так же, как не могут простить расстрел лучшей части своего польского офицерского корпуса, который был без суда и следствия расстрелян и похоронен в Катыни. Своеобразные сложились отношения, сразу чувствовалось, что Советский Союз несет с собой определенную, совершенно четко продуманную линию. Так как поляки, восставшие против немцев, не несли нашу идеологию, поэтому мы им не помогали. Сегодня Международный суд признал, что коммунистическая и фашистская идеология однотипны, это страшное признание, потому что мы боролись за свободу народов, а вместе с тем это признание накладывает свой отпечаток, ведь я тоже вступил в партию и как солдат честно выполнял свой долг. А вот такая идеологическая подоплека оказалась. Мы видели восстание, даже просили, давайте мы залп дадим, поможем, но нам отвечали одно: «Приказа нет». Тогда мы не понимали, почему не помогали, видеть, как сражаются люди, немцев видеть, которых мы можем уничтожить, а приказа нет. Поэтому, конечно, польская гордость всегда помнила, что мы вели себя непристойно в годы войны, когда не помогли восставшим. Для того чтобы как-то подкупить сердца поляков, мы тогда построили в сердце Польши дворец, но разве это здание может компенсировать те потери, которые понесли поляки в борьбе с немцами, без нашей помощи.

Затем нас из предместья Варшавы передвинули чуть севернее от Вислы, там был такой приток Нарев, мы заняли плацдарм на той стороне притока. И на этом мы остановились на определенное время, до большого наступления. Нас отвели правее от Варшавы, и мы двинулись вперед к Восточной Пруссии. Но я получил медаль «За освобождение Варшавы», так как нами были взяты предместья, Прага. А при вступлении в Пруссию получилась такая интересная вещь. Глубокой осенью, в ноябре 1944 г., в нашу часть приехал полковник Кислицкий, не один, а привез с собой старшего лейтенанта и прочитал приказ о том, что для формирования новых, совершенно секретных частей Новикова отправить в Москву. Поэтому в дальнейших операциях на прусской территории я не участвовал, потом ребята, приехавшие в Москву, рассказывали мне, как проходила операция, как они вышли к Балтийскому морю, наши части освобождали Кёнигсберг. Рассказали о том, как они участвовали в прямых сражениях в городе, непосредственно по целям в городе моя батарея стреляла только в Кёнигсберге, когда шли бои в

городе.

В Москве формировались новые ракетные части для ударов на длительные расстояния, как я теперь понимаю, не исключалась война с нашими союзниками. Поэтому подбирались, видимо, опытные люди для службы в этих частях. У нас еще не было ядерного оружия, но ракеты, способные на 500–600 км доставлять заряды, уже были. Вот я был направлен в такую часть. Но самое смешное произошло дальше: прибыв в Москву, я тяжело заболеваю, сначала у меня воспаление среднего уха, потому что пока на машине осенью ехал, продуло. А потом врачи придрались к моему здоровью, положили в госпиталь, и 5 января 1945 г., несмотря на то что я плакал, как ребенок, меня комиссовали как инвалида Великой Отечественной войны III группы. Когда мои ребята вернулись с фронта в Ленинград, уже шло формирование ракетных частей, они нашли меня и сказали: «Возвращайся, мы тебя возьмем». Но я уже сам признал себя инвалидом, я лечился в Бехтеревском институте мозга, т. к. сказалась контузия, пока на фронте, я был огурчиком, а тут сразу же в мирной обстановке всякие болячки вылезли. Поэтому мои боевые действия заканчиваются в 1944 г. Квартира в Ленинграде, куда я приехал, находилась на Невском проспекте, она сохранилась, потому что она была не со стороны улицы, которая обстреливалась, а с другой, внутренней. В моей квартире находился штаб воинской части, когда я приехал, обстановка сохранилась, все как и было. Ребята, конечно, освободили помещение, прикрепили меня временно к столовой, чтобы подкормиться, пока разберусь. На этом началась моя мирная жизнь.

– У «катюш» была исходная позиция, и только перед выстрелами они выезжали на огневую. Это так?

– Делалось только так, причем на карте указывалась точка, на которую я должен выйти, и я располагал свои машины в ряд, они уже подъезжали с нерасчехленными установками. Я был где-то здесь, впереди, чтобы меня могли видеть и слышать. Чехлы снимались, «катюша» имела восемь ракет, которые вешались на верхнюю часть, и внизу там была прорезь такая для закрепления. Для того чтобы устроить залп, у нас были специальные домкраты, потому что настолько мощное давление, что резина могла бы не выдержать. По команде: «Приготовиться к бою!» все машины выезжали на огневую, домкратились, и подымался огонь после моего приказа: «Огонь за Родину!» Поднимался дым, и моментально, ведь шесть человек каждую установку обслуживают, поднимались домкраты и мчались подальше, по ходу дела надевали брезент, уже ракет не было. Сама огневая

позиция всегда выбиралась по ходу дела, расстояние от места расположения машин до нее метра 3–4, не больше.

– Какие установки «катюш» использовались в вашей батарее?

– В 1943 г. мы получили установки на «Студебекерах» и «Джемси» с 16 ракетами. Я должен сказать, что «Джемси» быстро вышли из строя, а вот «Студебекеры» – прекрасные машины, я с удивлением наблюдал за тем, как машина сама себя вытаскивает во время марша через Пинские болота. Вы понимаете, надо было построить гать и пройти через болота на этих тяжелых машинах, которые постоянно застревали. Но «Студебекер» имел устройство, которое позволяло зацепиться за что-либо, и машина сама себя вытаскивала. Это было удивительное зрелище, после чего у меня появилось глубокое уважение к американской технике. Вот то, какие они присылали танки, они по отношению к нашим были слабые, к примеру «Шерман», ну неважные. Все-таки в области танкостроения мы сумели превзойти все страны мира. Я хорошо знаю немецкую технику, я открывал огонь по «Фердинандам», «Пантерам», хорошая техника, но все равно она уступала по ТТХ нашим танкам. Поэтому получилось так, что к концу войны мы имели многочисленную и более совершенную технику, чем Германия, Англия, Франция или любая другая страна. И ее было много, а до Парижа переход небольшой, можно было просто продолжить. Но настолько все хотели мира, что заниматься еще одной войной, нести «свободу» всей Европе не стали, все хотели мира, мира, мира. То же самое получилось с нашей авиацией, мы видели, как штурмовики Ил-2 были снабжены таким же ракетным оружием, как и мы. Это были современные, могучие машины, небо становилось нашим, это тоже мы чувствовали. Также я могу отметить, что усовершенствовались в годы войны артсистемы, они стали более надежными, могли в сражениях артиллерия против артиллерии уже побеждать. Поэтому трудом нашего народа были созданы удивительные виды оружия, для того чтобы добиться победы.

– Не сталкивались с немецкой реактивной артиллерией?

– Сталкивался. Это жалкое подобие, тот же шестиствольный миномет, я же минометчик, просто нет никакого сравнения и сопоставления с «катюшей». Шесть стволов, нет, жалкое зрелище. У меня одна установка имела 16 ракет.

– Рассеивание залпа было велико на ваших «катюшах»?

– Оно зависело от расстояния, если это было 3–4 км, то овал

был более кучный, если 7–8 км, то овал получался в два раза больше. Т. е. на меньшие расстояния была большая плотность, поэтому для уничтожения считались оптимальными 3–4 км, иначе получался слишком большой разброс. В целом точность скольжения была незначительная.

– Зенитное прикрытие у вас было?

– Нет, дело в том, что мы сами старались быстро покинуть позиции, вообще командование держало нас в некотором отдалении от фронта, и мы зарывались в землю, поэтому зениток нам не придавали. Они были скорее как средство защиты пехоты, кроме того, каждый солдат был вооружен автоматом, в случае необходимости он представлял боевую единицу. Все солдаты очень хорошо владели оружием и могли создать определенное прикрытие. Когда мы попали в окружение, врылись, танки были без пехоты, так что мы превратились в пехоту. Но там получилось очень интересно, мы шли по одной из параллельных дорог, немцы отступали, они обошли нас и пошли по соседним дорогам.

– Сколько времени нужно для перезарядки «катюши»?

– Мы могли на этой же позиции делать перезарядку, просто нас берегли, потому что мы себя обнаруживали легко с воздуха и нас могли уничтожить. Поэтому нам был отдан приказ покидать позицию после стрельбы, что мы стремительно и делали. Через несколько минут мы были уже в 10 км от позиции. Но происходили ситуации, когда говорили: «Перезарядить!» И мы делали это, на перезарядку уходило немного времени, 16 ракет надо навесить, каждая по 45 кг, машина снабжения подходит, быстро навешивали, всего занимало минуты 3–4, не больше.

– Как организовывался марш ваших батарей?

– Мы много километров намотали на марше. Последовательность была такая: на первой машине ехал всегда я, и в машине шесть человек, все сидели внутри под чехлом или рядом. Внутри машины в кабине можно было спокойно сидеть троим: водитель, старшина и я. Я хочу сказать, что растягивались, восемь «катюш», восемь машин со снарядами плюс две «летучки», получалось 18 машин, а теперь представьте, если расстояние будет 50 м между машинами, то это уже километровая колонна.

– Как часто беспокоила вас немецкая авиация?

– Она всегда беспокоила. Единственное, что ее постепенно стало поменьше, наших самолетов стало побольше, научились отгонять, сбивать. Но я как-то недавно видел фильм о немецких

асах, на их счету сотни наших сбитых самолетов. Это были действительно специалисты, и техника у них была несколько выше по уровню, чем наша. В начале войны особенно. Поэтому особый героизм принадлежал нашим летчикам. Они противостояли немцам на нашей технике. Поэтому, конечно, побеждали своим мужеством. Но немецкая авиация становилась к 1944 г. все малочисленнее и играла менее существенную роль. Я видел перелет американских «летающих крепостей». Вот это потрясающее чувство, небо черное, гудит, и попробуй, не уступи такой армаде. Они делали челночный перелет из Франции на Украину, это могучая сила. Конечно, нельзя не признать, что когда появилась американская техника, их самолеты начали бомбить немецкие аэродромы, фашисты стали нас меньше беспокоить.

– Как складывались отношения с замполитами?

– Как командир батареи я не имел никаких заместителей по политчасти. У нас были только полковые работники. Они знали, что я коммунист, отсюда была большая степень доверия. Приезжали, когда мы находились на отдыхе, устраивали политинформации, выступали, говорили об успехах советских войск. В батарее из 83 человек было восемь коммунистов. Нормальные отношения с замполитами, это деловые люди, хорошо знающие дело политического воспитания. Вообще, в части, которые назывались ракетными, не случайные люди попадали, хотя было много национальностей, что вообще характерно для Советского Союза, но в основном были белорусы и украинцы. К политической деятельности я относился спокойно, как к нормальному явлению, нужно людям разъяснять и пояснять многое, что они могут и не понять.

– С особистами не сталкивались?

– А как же, сталкивался. «СМЕРШ» регулярно к нам наведывался, смотрели, спрашивали у меня, я докладывал им о состоянии дел, или политработникам, или им. У меня никаких претензий к личному составу не было, я умел так работать с людьми, чтобы они четко подчинялись. Никто не совершал никаких проступков, которые могли бы вызвать интерес таких органов. Их же интерес я тоже нормально воспринимал, потому что должны быть люди, которые выявляли недругов.

– Женщины у вас в полку были?

– Нет, наш полк состоял только из мужчин. Если нужно было обратиться в санитарный батальон, то мы находились рядом с

пехотными полками, у них уже были женщины. В ракетной артиллерии женщин не было. Вот в 959-м стрелковом полку женщины были, вообще, женщины – особые существа, мы не можем не уважать мать, сестру, поэтому было очень уважительное отношение, очень. Многие из девушек, которые служили, были очень мужественными людьми. Кстати говоря, в стрелковом полку я также сделал вывод, что из всех наций самыми мужественными являются евреи. Вы понимаете, я ст. лейтенант, нахожусь на самых передовых позициях, в 200–250 м уже расположены окопы немцев. Между нами – «мертвое» пространство, где могут быть убитые немцы. Был у командира батальона ординарец-еврей, настолько поражал нас своими выходками, он вскакивал на бруствер и играл на шарманке, не боялся немцев, начиналась стрельба, он соскакивал. Много раз он просился сходить к немцам, в одиночку, устроить шорох там. Но никогда не возвращался без трофеев, всегда либо выбитые зубы немецкие, либо часы, либо еще что-то такое. Это была характерная особенность, какой-то у него был интерес, прыгать мужественно и при этом немножко нажиться. Это же надо, убить несколько человек, еще и зубы у них выбить. Кроме того, война Израиля с египтянами показала, что евреи умеют воевать, мужественные люди.

– В войсках брали трофеи?

– Как-то мы этим не занимались, в Польше я обратил внимание, ребята же на машинах едут, что появились разные подушечки, бисером вышитые, в разоренных и взорванных костелах находили. Но специально не занимались, может, в Германии и занимались, но Польшу мы считали нашим союзником, а поляков нашими людьми, идеи трофеев не было.

– Сталкивались ли с пленными немцами?

– Да, я немножко говорил на немецком языке, поэтому в первые такие встречи я задавал ряд вопросов. Потом мы их отправляли в органы, которые занимаются ими, сами не разбирались, это не наши были функции. Меня же прежде всего, когда появлялся пленный, интересовало его психологическое состояние. Для меня очень важно было почувствовать, что немцы уже не те. И могу сказать, что я понял это, в 1942, 1943, 1944 гг. разница пленных была существенная. То пренебрежительное отношение в 1942 г. к нам, хотя мы взяли в плен, все равно у немцев сохранялось высокомерие, закончилось в 1944 г., когда мы видели перед собой сломленного немца. Я говорил, что немцы умеют прекрасно воевать, в отличие от венгров и итальянцев, но

психологически в 1944 г. это уже были совершенно не те немцы. Но я в Москве видел уже колонны немцев, которые вели по Садовому кольцу. Дело в том, что ракетные части имели штабом Москву, там всегда проходило формирование, всякие поездки, поэтому в столице я был и в 1942 и в 1943, и в 1944 г. Там было интересно пленных посмотреть, но пленный есть пленный, все же изменились немцы сильно. А вот когда удавалось видеть пленных итальянцев или венгров – они были несчастными людьми, без немецкого высокомерия и превосходства.

– Как награждали в ракетных войсках?

– Меня представляли четыре раза к правительственным наградам, но я получил только две: орден Красной Звезды за дуэль и Александра Невского за Белоруссию. Могу ли я объяснять почему? Нет, не могу, но справедливо ли это? Нет, конечно. После войны уже вручили Богдана Хмельницкого и Отечественной войны I степени, но это просто памятные ордена. Понимаете, я представлял своих солдат к наградам за их деятельность, всегда получали. А вот то, что мне не всегда давали, это дело командования, им видней, почему я получил два, а не четыре ордена, почему я ст. лейтенантом воевал всю войну. Главное, я приехал в Москву, мои же ребята подполковники, майоры, кто-то даже полковником стал, а я как был старшим лейтенантом, так и остался. Хотя справедливости ради надо уточнить один момент, подпортивший мне послужной список. Однажды мы переехали километра три вперед в такую балочку, и вдруг был по телефону приказ: «Немедленно дайте залп, на штабной КП маршала Малиновского движется колонна танков с пехотой». Я не успел подготовиться, скомандовал: «Расчехлить! К бою!» Но когда на карте измерял, то должен был стрелять сюда, а я переехал, но взял расстояние со старой позиции, поэтому мой залп перелетел танковую колонну. И все равно мы ударили по пехоте, но наши-то рассчитывали ударить по танкам, а я попал по пехоте. Конечно, танки развернулись сразу же, и Малиновский был спасен, правда, мне за это награду не дали.

– Как мылись, стирались?

– Со вшами были проблемы. И что интересно, особенно заели нас вши вот здесь, на Украине, когда мы приблизились к западной части. Как же боролись: к нам приезжало специальное подразделение, где мы впервые за долгие месяцы и даже годы мылись в бане, а одежда вся наша проходила специальную обработку, пока мы мылись. Когда мы выходили, выдавали

горячую-горячую одежду. Причем проблемы были именно на Западной Украине, в других местах как-то терпимее было.

– Как кормили в ракетных войсках?

– Питание было хорошее, причем не потому, что я офицер, я питался из общего котла.

– Как вас встречало мирное население на Украине, в Белоруссии?

– Честно, самые лучшие люди – это жители Донбасса, прекрасные люди. Курские деревни очень неприветливо встречали, как это ни странно. Понимаете, ведь во время жары хочется пить, а они в воде отказывали. Правда, мы только краешек Курской области зацепили. А вот Донбасс, Запорожье – хорошее нормальное отношение, самым сложным было, когда мы вступили в Западную Украину. Там было очень сложно, жители прожили под советской властью всего несколько лет, а мы двигались вместе с частями, которые производили зачистку от тех, кто сотрудничал с немцами. Мы были свидетелями, когда многих полицаев и так далее при нас арестовывали. В Днепропетровске когда мы жили, хорошее отношение было. Но нет более близкого мне по духу народа, чем белорусы. Нищие, одетые в тряпье, они готовы были отдать все, потому что четверть Белоруссии немцам не принадлежала, они так и не отдали эту территорию, это был очень мужественный народ. Я как ленинградец знаю, что каждый человек в Ленинграде отличается от москвича, они все-таки немножко хамоватые. А вот душевный народ – это питерцы, и белорусы были с нами чем-то схожи, мне по душе этот народ. И в Западной Белоруссии, которая также ранее принадлежала Польше, я был свидетелем зачистки, ведь «катюши» обычно двигались за 6–7 км от линии фронта, и мы были свидетелями этого. Специальные части быстро собирали жителей и спрашивали, кто сотрудничал с немцами. Те указывали, один, второй, третий, их сразу отбирали, еще кто сотрудничал, полицаем был, к примеру. После отобранных заставляли рыть яму и без суда и следствия расстреливали. Так поступали с западными украинцами и западными белорусами. Это значило, что идет власть советская, которая не терпит никаких иных видов права и взаимоотношений, кроме коммунистических.

– Как складывались взаимоотношения с населением в освобожденных странах?

– Самое смешное заключается в том, что мы всегда считали,

что несем свободу. Но как только пересекли границу с Польшей, мы увидели вместо наших покрытых соломой хат великолепные дома крестьян, увидели, что они живут лучше. Женщины, как мы увидели, не одевались, как наши, в тряпье и платки, у них были красивые прически. Казалось бы, «Пшесько едно война» (в пер. с *польск.*: все равно война), но ничего подобного, женщина все равно оставалась женщиной. И это было прозрение о том, как мы можем освобождать народ, который живет лучше нас. Оно стало приходить в голову, сказалось на общей обстановке. В целом, когда мы вошли в Польшу, отношение поляков было довольно интересным: они увидели новую армию, армию в погонах. Офицерские части, у них колыхнулось какое-то чувство. Тем более мы сопровождали Польскую армию, сформированную Союзом, это были те же советские люди, одетые в польскую форму, просто многие из них были действительно польской национальности, они воевали за наше правое дело, гнали немцев с нашей территории. И настоящие поляки все время допытывались, просили нас спеть Гимн СССР. И когда мы запевали этот гимн, в котором были слова, что Русь сплотила все остальные части, это был величественный гимн, не «Интернационал», это тоже сыграло определенную роль в настроении поляков. Но у нас были интересные встречи с польским населением, они проходили под такой эгидой: «Мы славяне, мы западные славяне, вы восточные. Если бы славянская нация вся объединилась бы, чехи, все, какой же великий это был бы народ!» Вот почему-то при встречах, возникало чувство славянского единения, братства. Кроме того, близкий язык, правда, у них католическая церковь, не православная, это не единило нас. Но видели, что славяне бьют немцев, возникало внутреннее чувство славянского патриотизма. А помните, какой славянский патриотизм привел к поражению Турции в 1877–1878 гг., сколько наших тогда шло, чтобы болгар, сербов как славян освободить. Мы же принесли свободу Балканскому полуострову, и они всегда вспоминают, реально, то, что происходило в те годы. Такое отношение в Польше я увидел в первый раз, сливяночку наливают, и за дружбу славян. Это было очень приятно, но мы чувствовали, что уровень культуры внешней, одежда, дома, убранство у поляков очень высокий по отношению и к Украине, и к Белоруссии. У поляков, в отличие от нас, также нет существенной разницы между городом и деревней.

– Каково ваше отношение к партии, Сталину?

– Для того чтобы показать, что за строй, я несколько отвлекусь от войны. Когда в 1969 г. пришла из Парижа

информация: «Господин (а мы все тогда товарищами были) Новиков, Вы избраны экспертом ООН», я уехал и работал за границей, читал лекции на французском языке в Сенегале, Мали, Алжире. И когда я вернулся, в ЦК партии мне сказали: «Все, связей никаких, никакого общения. Всех, кого вы там знали, забыть. Мало ли, что вы были экспертом ООН, у вас образовались лишние контакты, их исключить. Понятно?» Понятно. Очень жестко в этом плане. Идеология проводилась, пока этот строй существовал. В то же время я хочу сказать о роли Сталина, потому что невозможно сегодня в спорных дискуссиях выявить роль этого человека. Ведь я пострадал, был репрессирован, отец мой расстрелян. Казалось бы, кроме ненависти к Сталину, у меня ничего не должно было быть. Я должен сказать следующее, мое четкое представление. Мы готовились к войне, и то, что мы отодвинули границы, присоединив Западную Украину и Западную Белоруссию на 350–400 км на запад, это был великий правильный шаг этого человека. То, что он начал войну против Финляндии, тоже важно, потому что мы не знали, что такое минометы, автоматы. Мы почувствовали, что в техническом отношении хуже вооружены, чем финны, мало того, что финны сражались за свою территорию. Поэтому особых побед там не получили, а потери был огромны, но эта война тоже отодвинула границу, немного хоть, от Ленинграда. Впоследствии это тоже спасло Ленинград в какой-то степени. Освобождение Молдавии также означало, что граница была отодвинута. Эти шаги я оцениваю как правильный стратегический план военных действий, кроме того, в ходе этих действий выяснялась наша действительная подготовленность к войне. Обратите внимание на тот факт, что меня взяли солдатом, но в часть, которая готовила офицеров. Значит, всех 10-классников, вне их воли призывали в части, которые готовили будущих офицеров, это тоже подготовка резервов для большой войны. Сталину нельзя простить оплошности начала военных действий, либо его усыпили, либо немцы сумели его переубедить. Поэтому он был в растерянности, естественно, он почувствовал, что совершил огромную стратегическую ошибку. Но все-таки нашлась в нем сила и воля, битву под Москвой мы выиграли, последующие сражения он вел себя как руководитель, как главнокомандующий. И в памяти ни одна из битв и сражений, кроме начального этапа, не может быть не связана с именем Сталина. Это был, конечно, великий человек. Величие его заключалось в том, что в этой неграмотной стране он силой принуждения, как в свое время Петр, сделал страну со всеобщим образованием. У нас не было индустрии, но была создана в результате индустриализации могучая танковая и

авиационная промышленность. Конечно, хотя это и однобокое развитие, но у нас были великолепные артиллерийские системы. Все это говорило о том, что мы под руководством компартии сделали очень серьезные шаги вперед. Поэтому я смотрю с исторической точки зрения на Сталина как на великого руководителя страны, личность неординарную. Правда, ему никогда не простит наш народ, что он сделал ГУЛАГ основой строительства многих, даже оборонительных, сооружений. Вот что мне стало ясно, к примеру, по Ленинграду. Как я позже узнал, в Ленинградский университет приходил представитель госбезопасности и говорил: «Вот, у вас есть 120 врагов народа. Представить списки врагов народа, но учтите, что они должны быть крепкими физически!» Что это такое? Это подбор для ГУЛАГа, конечно, тех людей, которые не говорили хорошо про советскую власть, но им нужны были крепкие физически. Через некоторое время, месяца через полтора, снова приходит представитель госбезопасности: «А у вас осталось еще 45 врагов народа. Но тоже нужно, чтобы они были физически крепкими». Это была страна бесправия, без всякого сомнения. Ему нельзя простить репрессии, в том числе гибель цвета Советской армии перед войной. В 1937–1938 гг. было уничтожено практически все командование РККА, я считаю, что это замечательная победа немецкой разведки. Они подали списки якобы завербованных ими, и мы обескровили армию, хорошо, что наш народ талантливый, и мы смогли позже выдвинуть других, кроме того, некоторые вернулись из репрессий и стали командирами. Но то, что это был удар по подготовке страны к войне, несомненно. Ну и начало войны, ведь мы на 22 июня по своей силе не были слабее немцев. Внезапность нападения, полная неразбериха начала войны привела к трагическим последствиям. Это надо же такую глупость сделать. А так, конечно, Сталин – личность великая, кстати, жил он скромно, отец мой рассказывал о том, что это был очень простой и скромный человек с огромным проницательным и пронизывающим взглядом. Мой отец готовил постановление ЦК партии, несколько раз к нему приходил, и Сталин говорил: «Слушай, Новиков, когда ты научишься русскому языку? Вот смотри, из твоего предложения я вычеркиваю это и это, из абзаца превращается в предложение, но как звучит!» Он умел очень лаконично мыслить и излагать мысли. Обиды у меня на этого человека нет, я прекрасно понимаю, что без жестокости и силы центрального руководителя вряд ли могла бы быть и Победа, это тоже ясно. Но все же слишком великие жертвы, война велась любой ценой, можно было намного меньше жертв иметь во время войны.

– Сохранялась ли какая-то дистанция между командирами и подчиненными?

– Вы знаете, с момента, как я стал офицером, я всегда чувствовал разницу. И это нужно, потому что если возникает чувство панибратства, не будет дисциплины, со времени, как я стал лейтенантом, мне подчинялось семь человек, а когда был назначен командиром батареи, мне подчинялось 83 человека, я всегда старался быть требовательным, но справедливым, не допускал глупостей. Как у офицера у меня имелся денщик, и даже с ним у меня всегда отношения были как у офицера с рядовым, прямо скажу, как господина к слуге, он должен был, ординарец, выполнить все мои указания, собрать офицеров, объявить построение, он необходимая рука. С ним, хотя, казалось бы, он и вещи мои чистил, и еду приносил, тоже никогда не было панибратства. Считаю, что такое мое отношение привело к небольшим потерям в батареях. За всю войну я потерял всего четыре человека, в том числе ординарца. В боях под Ковелем, когда наша батарея была атакована авиацией, он, дурачок, вскочил, хотел перебежать в окоп, а этого делать нельзя, земля спасала, и ему оторвало левую руку, мы его похоронили. Это был настоящий украинский парнишка, очень жалко его, если бы Ваня не побежал, он был бы жив, но захотел переметнуться в другой окоп. Храбрость – такая вещь, может, решил блеснуть, что ничего ему не будет, а осколком оторвало руку. Также убило одного моего командира взвода, дело в том, что объединенные батареи стали называться взводами, первым и вторым, и вот 2-м командовал лейтенант Прасолов, его убило шальной пулей. Мы просто стояли в лесочке, ни немцев, никого, а пуля вдруг раз, и прилетела. В Белоруссии потерь не было, только два человека в Польше погибли. А так я старался сохранить людей. Очевидно, этим и объясняется одна особенность – в годы войны участвовавшим в непосредственных военных действиях через каждые 6 месяцев присваивались очередные звания. Я пришел ст. лейтенантом и ушел ст. лейтенантом, хотя прослужил два года войны все время на передовых позициях. Мы не потеряли людей, а полковник Кислицкий не торопился, потому что дать звание – значит, надо выдвигать меня куда-то, а потерь не было во всем полку.

– Как бы вы определили роль командира в бою?

– Я считаю, что именно в ходе войны отрабатывалось мастерство ведения боя, то мастерство Победы, которое затем сыграло решающую роль в битве за Берлин. Это было то, что мы

называем преодолением себя, ведь человеку свойственно чувство страха. Но когда оно один день, второй, четвертый, чувство становится обыденным, и привычка к нему устраняет животный страх, который присущ человеку. И второе, я один иду, свистят пули, я кланяюсь, но вот я иду во главе группы солдат, я офицер, что я делаю? Пулям уже не кланяюсь, чувство мужества возникает еще из психологического состояния, командир не может быть не смелым, он должен быть храбрым, показывать пример. Поэтому чувство храбрости – это умение преодолеть страх во имя долга. А долг у нас был, надо было освобождать страну.

– Как вы встретили 9 Мая 1945 г.?

– Это было в Ленинграде, я тогда военкоматом был направлен преподавателем военного дела в Ленинградское художественное училище, стал там секретарем парторганизации, в училище не так много было коммунистов. Устроили большое торжество, водки было выпито много, стрелять я не стрелял, просто у меня уже ничего не было. Я испытал прежде всего чувство облегчения, потому что война принесла столько горя народу, а в Ленинграде это особенно ощущалось. 9 Мая для меня святой праздник.

Жидков Ростислав Иванович

Я окончил десятилетку в 1940 г. У нас была альтернатива – либо идти в армию на ускоренные курсы подготовки офицеров запаса, либо поступать в военное учебное заведение. Я сам туляк, оружейник, и я решил поступить в оружейно-техническое

училище. С января 1941 г. нам в училище начали менять график занятий. Вместо 6 лекционных часов стало 8—10, мы почти спали сидя. Матанализ и английский убрали, зато увеличили количество практических часов. Стали ходить в патруль на железную дорогу – на запад пошли эшелоны с войсками. Они останавливались, не доезжая до станции. Конники выводили лошадей, а мы оцепляли это место. В конце мая 12 человек, в том числе и меня, выпустили досрочно, присвоив нам звание лейтенантов. Направили нас под Владимир в лагеря, где мы переподготавливали призванных на сборы запасников. Тогда на вооружение стали поступать АВС, СВТ, пулеметы ДШК и ротные 50-мм минометы. СВТ – очень нежная. Когда мы отступали, каждый старался их выкинуть и на «мосинку» поменять. Те, кто снайперил с оптикой, те ее держали, а так – нет. «Максим» сложный пулемет. У него лента матерчатая – отсыреет, перекашивается. Тяжелый был, но безотказный. ДШК – хороший, безотказный пулемет. От 50-мм миномета толку мало – дальность стрельбы небольшая. Их тоже побросали. Вот ДП хороший пулемет – это «винтовка». У немцев пулеметы были лучше. В конце войны у меня в машине немецкая снайперская винтовка лежала – хорошая вещь с отличной оптикой. Но мы из нее больше по уткам стреляли. Один раз прибил двух, а они нырковые, их и есть нельзя. Зря загубил. Немецкие бинокли были отличные. Наши перед войной выпустили, а там, в устройстве подгонки окуляров использовали силумин – ломался в две секунды. Радиостанции у них были лучше. Наши – 6-ПК… Я же сам бывший радиолюбитель! Открываешь ее, а там все на соплях! Даже блоки не смонтированы! Ой-ёё-ёй! Вот РБ и РБМ это нормальные станции, 15–20 км берут. Мы же с нуля войну начали… Как мы выскочили, я не знаю… Если бы дикие усилия не применили после финской – конец нам!

Когда объявили, что началась война, нас погрузили в эшелоны, и мы поползли на фронт. Ехали с песнями, думали, через две недели в Берлине будем. Только проехали Москву, нам начали попадаться разбитые платформы, беженцы, эшелоны с ранеными. Петь мы перестали – насторожились. А за Ржевом нас высадили, и мы вошли в лес. Вот тут нас первый раз пробомбили Ю-87е. Там стояла поленница, и ты знаешь, я не помню, как я в нее влез! Долбили нас минут 20. Волнами. Вылез – гарь, дым. Рядом стоял кавалерийский полк…Тяжело было смотреть на бьющихся раненых лошадей… Вот так началась моя встреча с войной.

Первые недели четыре как в тумане – ничего не помню. Потом меня вызывает Кузнецов, командир нашего 922-го полка

250 дивизии: «Ты знаешь «сорокапятки?» – «Да». – «Вот тебе батарея, иди принимай – комбата убило». Встречает меня старшина. Мне еще и 20 нет, а ему за 30, с усами. Подводит коня – дончак, танцует. Ой! Я же не кавалерист! Он посмотрел на меня: «Да… Ты комбат це не конник…» Очень это ему не понравилось. Привели мне лошадку маленького роста смирную. Она была контужена и когда слышала гул самолетов, начинала дрожать и шерстка дыбом становилась. Взгромоздился я на нее… Три дня проскакал. Сошел – ходить не могу. Солдаты хихикают – они конники, а командир – мальчишка и ездить не умеет… Достали мне подрессоренный тарантасик. Сена бросили – хорошо.

Потом отходили за Смоленск. Бомбили нас непрерывно – только к ночи передышка. Танки нас как собак гоняли. Все разбегутся, потом услышат стук кухни – смотришь: собираются. Вышли к городу Белому. Там были тяжелые бои. Под Белым нас трое суток бомбили без перерыва. Представляешь, какое месиво там было? Осталось два орудия. Конечно, и мы стреляли. Помню, машину сожгли, стреляли по бронетранспортеру… черт его знает, по-моему, он загорелся. Там ведь как было – стрельнул, передки к орудию и дальше… Один раз по танкам стреляли, но никого не подожгли. Трудно было… Под Смоленском у немцев в воскресенье выходной был. Это потом уж мы научили их «родину любить».

Под Белым меня нашла телеграмма с приказом откомандировать меня в Москву. Как в этой каше меня нашли? Не знаю. Собралось нас трое. Все из технических училищ. Приехали в Москву, и нас направили на формирование частей гвардейских минометов. Меня назначили в опергруппу Брянского фронта, при которой и формировались эти части. Когда Гудериан прорвался, мы покатились на восток мимо Орла, Мценска… Случалось так, что впереди и сзади идут немецкие колонны, а мы на машине (машину «Скорой помощи» подобрали) едем посередине. Там все перемешалось! Не заметили они нас потому, что сами ехали на всем, что двигалось, в том числе и на наших машинах. Да… Бежали мы на рысях, но мыслей, что немцы могут победить, не было. Кто постарше, те, может быть, так и думали, а мы, молодежь, нет, хотя когти рвали будь уверен!

Под Брянском такой был случай. Одного из командиров ранило. Мы его принесли в крайнюю хату деревни, попросили подержать до темноты, а потом мы его заберем. Сами отошли в лес в километре или полутора. Смотрим: идут немцы. Хозяйка из избы, во сука какая, выбежала и к ним! Немцы вытащили раненого и расстреляли. Дождались темноты, командир собрал группу из пяти человек. Я тоже просился, но он меня не пустил.

Пошли. Всех, б…, перестреляли и избу сожгли! Я бы и сейчас их пристрелил… Ну не попал я в эту группу!

Проскочили Тулу, Москву и погнали в Горький. Здесь из нас сформировали, как он уже в конце войны назывался, 10-й гвардейский Кёнигсбергский ордена Богдана Хмельницкого дивизион. Дали нам 4 или 5 машин ЗиС-6 с установками М-8, командиром назначили генерала Дегтярева. Меня назначили старшим арттехником. Матчасть учили на ходу. В конце октября нас выдвинули на Волоколамское шоссе. В обороне были, потихонечку кувыркались. Потом 4 декабря мы снялись с позиций и всю ночь гнали в Михайлов под Рязанью. Там наш дивизион подчинили 10-й армии. На всю армию мы были одни! Нас уже доукомплектовали до штатных восьми машин. Вот там первый залп дали. Пошли вперед – очень трудно. Машины вязнут в снегу, ведь у ЗиС-6 только задние ведущие. Приходилось людей запрягать, чтобы тащить их через снег. Жесткий режим экономии снарядов… Немец остановил нас под Сухиничами, и пришлось нам отходить. Снегом все занесло, машины вытащить не можем. Вот тут мы подорвали две, по сути, исправные установки. Ох, нас после этого таскали! Помню, что на случай подрыва командиру орудия выдавали спички, а у солдат только кресало и кусочек напильника были. Как-то раз вызывают – получай презервативы. Я говорю: «Зачем?» – «Приказ!». Оказывается, для хранения спичек. Их в два презерватива и в карман – не намокнут. На машине устанавливался ящик с толом примерно 42 кг. Страшно? Да нет! Толом мы печки топили.

Зимой 41-го я уже стал командиром батареи. Как-то поехал я в Москву, и тут, первый раз в своей жизни, я украл. Я был в «доме номер два», где размещалось управление артиллерией. Тут же располагались интенданты и управление тыла. Нас к этому времени еще не переодели в зимнее, а мороз был лютый. Зашел в столовую, и так мне обидно стало: я маленький, в тонкой шинели, пилотка – елки-палки! А тут все в полушубках! Я шинельку повесил, пообедал, оделся в полушубок, шапку, и – бегом к машине и в часть. Дрожал как кролик, пока километров на 20 не отъехали. На войне я так не трясся! Там сначала дня два кланяешься каждому взрыву, потом избирательно – знаешь, что не твой. А вскоре и нас переодели. Первая зима трудная была… Не хватало витаминов – офицерам и наводчикам давали жидкие витамины, потому что начала появляться куриная слепота, а солдатам врачи делали хвойный отвар. Темно-зеленый густой, противный. Вот стоит фельдшер на кухне: пока 100 граммов этого отвара не выпьешь – еды не будет. Солдаты у нас отобраны

были… Во! Золото! Мужик давится, но выпивает – получай 100 граммов и еду.

Слушай! На Западном фронте верблюдов прислали! Итт-ить т-твою мать! Я не знаю, в какой они дивизии были?! Смотрю – идут! Мы рты разинули. Всё экспериментировали… Под Сухиничами в начале 42-го или в конце 41-го я видел атаку аэросаней. Штук шесть их выскочило. Первый раз они что-то сделали, чесанули немцев. Отошли. А второй раз немцы тросики в снегу натянули – перекувырнулся и – конец. Прямо у нас на глазах…

Наш народ православный ни хрена себя не жалел… Заставляли? Комиссары и энкавэдэшники?! Да брось ты! Да, если кто побежит – я сам пристрелю! Я – комбат! У нас в дивизионе 250 человек по штату, один контрразведчик и три комиссара. Кого они могут заставить?

Комиссары и замполиты были по возрасту старше. Ну что мне, 19–20 лет?! Какой у меня жизненный опыт? Никакого! Зима 42-го, сижу я на НП. Звонок: «Комбат, ЧП!» – «Что такое?!» – «Приезжай». От огневой до НП километра два. Приехал. Оказалось, что связист Дюкин украл у солдата пайку хлеба. А хлеба в ту зиму давали буханку. Голодно было. Помню, она замерзнет, приходилось ее топором рубить. Солдаты решили его убить к едрене матери. Вызвал я его. В блиндаже я, комиссар и ординарец. Я его распекать: «Нельзя! Как можно красть у своих!» Комиссар говорит: «Дай я поговорю». – «Хорошо». Спрашивает: «Брал?» – «Нет, товарищ комиссар». Тот ему как даст в ухо, Дюкин этот кувырком: «Ты чего лежишь? Часовой может подумать, что товарищ комиссар тебя бьет». Тот встал, а комиссар еще раз ему. Говорит: «Ну, урка, сопливый. Если еще что-нибудь… Ты веришь, я тебя лично на суку повешу!» – «Так точно, товарищ комиссар!». Мы могли списывать личный состав раз в две недели. Его и отправили. Но, чтобы его свои же не убили, посадили под арест. Мой комиссар Иван Пирожков был политвоспитателем в лагерях. Настоящий мужик. Он мне сказал: «Что ты с ним церемонишься? У меня таких девять тысяч было! Что ты нервы себе портишь!»

Вскоре он перешел комиссаром в другую батарею и, когда в 43-м институт комиссаров отменили, письмо написал Сталину: «Товарищ Сталин, отмена института комиссаров отрицательно скажется на боеспособности армии». А у меня в то время комиссаром был Андрей Павлович Гусак, учитель из-под Рязани. Здоровый, высокий. По возрасту в два раза старше меня. Мы с ним в одном блиндаже жили. Пошел он куда-то, приходит и говорит: «Хер я на тебя положил!» – «Ты чего?!» – «Вот ты сидишь

тут, таблицы рисуешь». А я действительно сидел, заполнял таблицы данных для стрельб. Там же надо было вносить поправки на температуру, ветер. Какая-никакая, а математика. Он должен был эту карточку подписывать: «Во тебе! Считай там свои угломеры, косинусы-синусы! Плевал я на тебя!» – «Ты что, Андрей Палыч, пьяный напился?» – «А я теперь не комиссар! И подписывать ничего не буду!» Вот так отменили комиссаров и ввели институт замполитов. Он был отчаянно доволен! Мы с ним хорошо ладили. Правда, бомбежек не выносил, потому что был контужен при бомбежке. Минометный обстрел, артиллерийский – нормально. Как только звук самолета – невменяем. В управление батареей ни он, ни Пирожков не влезали – это только дураки делали.

А Иван Пирожков погиб… Это было под конец войны – здесь труднее всего воевать стало. Уже захотелось живым остаться. Наш дивизион входил в состав 1-го ТК. Как-то сидим с ним. Он собрал документы, часы снял и говорит: «Слушай, Ростислав, когда меня убьют, отправь все это жене». Я говорю: «Ты что говоришь?! Мы же всю войну вместе прошли! Немного осталось!» – «Выполни мою просьбу…».

Мы вошли в прорыв под Кёнигсбергом вместе с 89-й танковой бригадой. Немецкие танки нас отсекли и прижали. Всю ночью отстреливались прямой наводкой. Раненых человек восемь набилось в санитарную машину. Надо было проскочить. Пирожков говорит: «Я поеду через пригорок в медсанбат». Только они поднялись – вышел танк и расстрелял машину. Там на горе их и похоронили. Под утро прислали штук десять Т-34, но поздно – в том бою полдивизиона погибло. Это были самые большие потери за всю войну.

Конечно, и до этого теряли, но не так много. Самое тягостное впечатление у меня осталось от эпизода, случившегося весной 42-го. У нас был начальник штаба, Женя Преображенский, выходец из аристократии. Красивый парень, высокий. Он отличался от всех нас. Какая-то в нем породистость была. Я помню, еще снег кое-где лежал. Его ранило. Мы его вытащили, посадили к березке. Он сидит. Очнулся. Врач сказал: «Не надо везти, не поможет». Открыл глаза и говорит: «А знаете, ребята, я ведь ни одной девочки за всю жизнь не поцеловал», – и умер. Под березкой этой мы его и похоронили.

Дальность у М-8 – 4700 метров. Значит, подтягивали установки близко к переднему краю. Конечно, закапывались. Делали запасные позиции. Попадало и от артиллерии, и от авиации. В основном авиация. В летней кампании под Брянском за нами немцы просто гонялись. Рама как нас засечет, так над

нами и ползает. Это значит, каждые тридцать минут – бомбежка. Спаслись – врассыпную. На дивизион давался зенитный взвод. В нем должно было быть два орудия 37-мм и два ДШК. ДШК были, а пушек не было. А что эти пулеметы могли сделать? В основном спасали лопаты. Солдаты были хорошие, все понимали. Они же видели, что мы их стараемся беречь, поэтому и нас они берегли. Один раз я только солдата побил. В конце войны, я уже начштаба дивизиона был, разрешали посылки посылать домой раз в месяц до 5 кг. Пашков – хороший солдат, мастер на все руки, наводчик нашел какой-то тазик и собрался его домой послать. Тут крик: «Танки! К бою!» А он с этим тазиком от орудия бегом. Я его догнал, таз вырвал, как дал им ему по голове, и он молча побежал к орудию. На следующий день приходит смершевец: «Ростислав, говорят, у тебя Пашков вчера убежал от орудия». – «Откуда ты взял?! Ты что?! Ничего не было!». Он улыбается. Солдаты на это не обижались, но и я имел право так поступить, поскольку не дрейфил, и солдат берег!

– Какова была тактика применения «катюш»? Стреляли и сразу уезжали?

– Необязательно – чепуха это. Вот когда были в 10-й армии, так командующий сказал: «Стрельнете и езжайте на другой фланг». А это 80 км! В 1942 г. стали применяться кочующие установки. Обычно огневые позиции оттянуты в тыл километра на 4. А тут выбирали какую-нибудь цель, подъезжали ночью вплоть до нейтральной полосы, шарахнули и – ходу! За «кочевку» давали дополнительно 150 граммов спирта. Этим пользовались начпроды. Напишут в ведомости: «На кочевку выезжало 40 человек», а я с собой всего человек 12 брал, ну и прикрытие пехотное, конечно, было. Половину маржи получали мы, командиры. Так что у нашего старшины (хороший мужик, из Нижнего. Мы его звали «Тыща», потому что он произносил не «тысяча», а «тыща») всегда было две фляжки на всякий случай. Вот один раз мы этим кочующим орудием здорово стрельнули. Потом уже нам донесли, что мы у немцев публичный дом в лесу разнесли. Так рады были! Всем солдатам медали дали. (*Байка, про «катюши», накрывшие публичный дом, видимо, была довольно распространенной на фронте. Она встречается и в воспоминаниях других ветеранов, воевавших на разных фронтах. – А.Д.)*

Я командовал второй батареей, а первой – Саша Воронин, хороший парень, высокий, интеллигентный. Он перед тем как с кочующим орудием выехать, зашел ко мне, а я отдыхал. У меня был спирт. «Сашка, выпьешь на дорожку?» – «Давай». Зима была. Летом водку не давали. Только с 1 сентября или октября. После

этого он выпил кружку воды, и его развезло. А он же стрелять едет! Я сел за него и его с собой взял. Приехали, отстрелялись. По нам стреляли. Получили несколько пробоин. Он даже не очнулся. Утром приходит «кум»: «Ростислав, говорят, Сашка вчера чего-то там…» – «Чего? Не знаю…». Все обошлось.

– На каких шасси стояли установки?

– Сначала были ЗиСы. В конце 42-го, когда они поломались, нам дали «шевроле». Это было несчастье. У них рамы ломались от перегрузки. «Студебекеры» у нас появились, когда нас ввели в состав 1-го ТК. Вот это машина! От танков не отставали и для расчета просторно. Нас еще тогда и одели с иголочки. Дивизион стал смешанный: одна батарея М-8 с 48 направляющими, другая М-13. В батарее было четыре боевых машины, восемь машин с боеприпасами и машина управления «Виллис». Ну, а теперь представь, что четыре орудия за несколько секунд выпускают 192 снаряда! В Жиздринской операции мы хорошо видели, каково это. Со мной был радист, два разведчика, ну человек пять-шесть. Мы зашли в тыл немцам и навели наших. Дивизион из старых, по 36 направляющих, установок влепил по пехоте, которая только в рощу вошла. В общем, там тихо стало… Бывало, что и танки подбивали! На моей было правило – подбили танк – рисовали ромбики. За каждый подбитый танк расчетам давали по 2000 рублей. 500 – командиру, 500 – наводчику. Остальные – в расчет. Рассчитывались всегда. Мы за войну восемь танков подбили.

– По своим попадали?

– Были случаи. У нас соседний дивизион стрельнул и частично попал по своим. Набили порядочно. Фронт был стабильный. Начальства понаехало! Генерал Нейловский приехал (он Героя получил еще в финскую, командуя 203-мм орудиями особой мощности), промерили все разрывы. Он посчитал и доказал, что точка, которую дал командиру дивизиона командующий артиллерии, была неправильная и не учитывала рассеивания снарядов. Вообще, при расчете, обычно к точке, которую тебе дают, метров 200–300 прибавишь на всякий случай.

– Как вы отбирали водителей?

– Водителей нам на отбор прислали. Ведь от них жизнь зависит. Надо, например, с огневой быстро уйти, а если он забуксовал – все! Будь здоров! Сначала все норовили с Москвы первого класса водителей дать. Но мы уже умные были – на хрен нам первый класс. С МТС? С деревни? Давай к нам! Они же привыкли пробираться по грязи, по снегу и ремонтировать

технику в полевых условиях, а городские что – они привыкли к дорогам да мастерским. Шофера молодцы были!

– Случались ли взрывы ракет на направляющих?

– Один раз на М-8, когда заряжали, не обесточили линию. Снаряд надвинули на контакт, и струей газов одного убило. Были и взрывы. К Курской битве нам прислали тяжелые снаряды к установке М-13 с индексом ТС-14 или ТС-15, не помню. Нам запретили стрелять из кабин и при температуре выше 24 градусов. Заряжали их только 8 штук. Вот они, бывало, взрывались на пакетах. В соседней батарее разнесло направляющие. Мы уж и сверху брезентом накрывали, и водой поливали. Под Курском-то беспрерывно стреляли.

Во, был случай! Один раз два часа в говне по шейку сидели. Было делов… Это еще в 10-й армии, летом 42-го. Пошли на НП с начальником разведки Мишкой Тишенко. Осталось до высотки, где он находился, метров сто. Как начал немец лепить из миномета! Видим, какая-то выемка в низинке. Мы туда прыгнули и… по шею в дерьмо. Это была уборная! «Скворечник» сгорел, а яма осталась! Вот в этом говне мы часа полтора или два стояли. Вылезли. Ну, ты представляешь?! Приперлись обратно. Всё скинули. Старшине приказали баню топить. Мылись, мылись – все кажется, что от нас несет. Чуть ли не в кровь себя истерли. Долго после этого командир дивизиона майор Пельмиров Василий Павлович, коми, вызовет нас, заходим в блиндаж, он носом поведет: «Ординарец, открой дверь, а то что-то говном несет». Знаешь, как издевались?! Пока чего-то еще не случилось…

– Кто выбирал цели для «Катюш»?

– Давали цели сверху. Но в обороне все командиры батарей находились на пехотных полковых НП. Рядом радиостанция и телефон. Чуть что могли вызвать огонь. Наша основная задача – это поддержка пехоты, разрушение укрепленных сооружений.

– Вши были?

– Вши были первые два года. Мы играли во «вшанку» на 100 граммов. Лист фанеры, в центре которого рисуют круг. Достаем по вше, сажаем в центр круга, и какая первая пришла к границе, тот и выиграл. Вот она – перед самой чертой… осталось только лапой переступить, а она – раз! – и замерла, другая ее обогнала! Ее сразу к ногтю! А если выиграла – ее в спичечную коробку, химическим карандашом задницу пометить. Это уже супер!

Во второй половине войны, если вошь в бане нашли –

перемываться заставляли. Тогда же стали использовать мыло «К». У немцев порошок был – вонючий, и все равно они вшивые ходили! Когда они отступали, в их блиндаж залетишь – опять наберешься и опять выводить.

– Как относились к немцам?

– Когда они в плен сдавались, им главное было пройти первую полосу – километров 5. Потом мародеры могли часы снять, а в первой полосе могли и пристрелить под горячую руку. Под Полоцком поймали немку-связистку. Обычно когда поймают пленного – пуговицы со штанов срезают, – куда он побежит, когда руками штаны держать надо? Вот и ей срезали. Ее пугнут, она руками голову закроет – штаны упадут. Все – га-га-га. Потом опять. Не насиловали, нет… Вообще немцы воевать умеют. Стойкие солдаты. Своих всегда хоронили. Зимой 41-го начали наступать. Помню, стреляли, стреляли по Позднеево. Сколько залпов дали! Пошли вперед – ни одного трупа! Знаешь, какое неприятное чувство?! Конечно, не только мы стреляли, но и артиллерия. Потом бегут: «Комбат, смотри!» Они их в кювет сложили и присыпали. Правда к концу войны немец не тот стал. В 42-м привели немца. Баварец. Здоровый мужик… Переводчик пришел, еврей. Туда-сюда… Молчит. Потом раскачали. Спросили: «Почему вы евреев не любите?» Молчит. Я говорю переводчику: «Ты ему скажи, что, мол, у вас и языки похожи, и культура». Ну он и начал. Тот не выдержал: «Что! Вы считаете, что я еврей?! Стреляйте меня – я немец!» А в 45-м нет – бежит рысью, только бы передок проскочить.

– Трофеи брали?

– Еду брали. Под конец войны я в одном замке в угодьях Геринга вырезал две картины. Свернул в трубку. А как попали под Кёнигсбергом, так все сгорело на хрен, только знамя вынесли. В конце войны солдаты только чай просили. Перешли на подножный корм. Живности много было – поросята, коровы. Как-то раз слышу, немец орет. Оказалось, зашли к нему, а у него наши самовары и еще какое-то барахло. Ну, поросенка у него зарезали. Он вышел, начал кричать: «Русиш швайн!» и т. д. Слышу – замолк. Спрашиваю: «В чем дело?» – «А мы его, товарищ начштаба, головой в колодец запихнули». А так чтобы расстреливали – нет. Видел я, как солдаты из соседней бригады поймали какую-то немку и насиловали стоя, а муж стоял рядом, и его на мушке держали. Это единичный случай. Массовых случаев я не видел. Народ-то у нас отходчивый.

Когда в Кёнигсберг вошли, там население по помойкам

шарило в поисках съестного. Они там хлебнули горя. Солдаты их кормили. В 1946 г. их начали вывозить. Я тогда стал нештатным комендантом города Шанттенбург. Вот тут армия начала разлагаться. За мародерство расстреляли одного перед строем. Это был дикий случай: один друг убил другого за часы, которые тот нашел. Проституция была развита. Начались венерические болезни. Вышел приказ, что без справки о том, что ты не болен, не демобилизовывали.

Проститутками были немки. Они брали консервами и галетами. Иногда заходишь в дома. Они ложатся и ноги задирают. Елки-палки! Потом наши москвички приехали, добрые. То же самое началось. А польки?! В Шаркошине муж подкладывал свою жену! Там у меня был эпизод. Приходят ко мне и говорят: «Пошли комнату смеха смотреть». Приходим в дом, а это – бардак. Здоровая комната, разделенная на две части перегородкой. В перегородке проделано окно, занавешенное. Ты туда голову просовываешь и видишь маленькую комнату, обитую бархатом, керосиновая лампа и патефон играет. В этот момент твою голову зажимают так, что ты ее не вытянешь. И вот занавески распахиваются, и на тебя движется здоровая голая женская жопа. Человек крутится, а вырваться не может, а она все ближе и ближе. Потом бах. Свет гаснет. Хомут распускается и все. Вот так туда водили по очереди. Но меня поставить постеснялись, я – командир. Посмеялись.

– Личное оружие приходилось применять?

– У меня был ТТ №Си235, даже сейчас помню. Под Полоцком я выбегаю из-за дома, передо мной – немец с автоматом. Близко – метров 15. Нажимаю – осечка. Он остолбенел. Автомат – у пояса. Я тоже остолбенел. Если затвор передергивать – он перепояшет с бедра. Оба трухнули. Стрелял-то я отменно, а вот пистолет подвел.

Тут уже наши подбежали, и чем кончилось – не помню, может, пристрелили или он автомат бросил. Это рассказывать долго, а все происходило в считаные секунды.

Хоняк Анатолий Семенович

– Я окончил Горьковское училище зенитной артиллерии. И перед самой войной был направлен для дальнейшей службы в Белорусский военный округ. Располагалась наша часть в Кобрине, но в июне мы выехали на летние занятия в лагерь, в район Колки. Там были практические стрельбы, тренировки, занятия – обыкновенная военная учеба. Конечно, напряжение чувствовалось. Особенно после заявления ТАСС от 14 июня, которое подвергало сомнению заявления печати, что немцы перебросили свои войска к нашим западным границам. Это, конечно, было сделано с целью предотвратить провокации.

22 июня у нас был кросс имени Ворошилова. Вся воинская часть бежала. Пробежали, а потом пошли купаться на речку. Обыкновенный выходной день. Солдатская самодеятельность, неофициальные игры, соревнования. Вдруг бежит солдат: «Война!» Настроение у нас предвоенное, чувствовалось, что что-то будет, но сначала подумали, ради шутки кричит. Он: «Война! Молотов выступает!» Смотрим, палатки сняты, костры горят – сжигают ненужное. Тревога. Готовимся к маршу на Минск.

Мне казалось, что завтра-послезавтра будем в Берлине. Думал: «Надо почистить сапоги, чтобы офицер был в блеске». Двинулись к Минску. Там заняли огневые позиции. Потом нас быстро переправили своим ходом в Оршу. Автострада была загружена. Все время господствовала в воздухе немецкая авиация и контролировала дорогу. Деревни горят, машины разбиты. В какой-то деревушке разваленная машина стоит, трупы вокруг, женщина убита – из груди кровь течет, а около нее ползает грудной ребенок. Женщины подбежали, ребенка взяли, но эта картина первых жертв войны осталась в памяти, несмотря на то что прошло столько лет. Потом стояли на обороне Орши. Потом Могилев. Мы отстали от своей 55-й стрелковой дивизии, которой мы были приданы. Командир дивизии – подполковник Тер-Гаспарян.

Узнали каким-то путем, что наша дивизия стоит в обороне на реке Сож, город Пропойск (теперь Славгород). Разрешило командование дивизиона выйти в район действия своей дивизии. И вот у реки Сож держали оборону примерно месяц. Что там было интересного? Оборона была устойчива. Немцы несколько раз пытались пробить. Но мы занимали очень выгодный водный рубеж – река Сож довольно широкая, да и местность там

равнинная. Не было удобного места для наблюдательных пунктов. Они поднимали аэростаты, чтобы наблюдать и корректировать артиллерийский огонь. Дали задание нашему дивизиону – сбить этот аэростат. Мы так попали, что перебили трос, и ветром аэростат принесло на нашу территории. Командир говорит: «Зенитчики сбили – отдать им аэростат». Он большой – у него двойная оболочка. Его разрезали. Мне попал кусок, как плащ-палатка, метра полтора на полтора. Этот кусок свернешь и положишь в карман – тонкий, но влагу не пропускает. Завернешься – дождь идет, а он влагу не пропускает.

Тут нас окружили. Началась анархия. Кирпонос погиб, начальник штаба погиб, старшего командования не стало. Началась паника. Недели две пытались создать оборону, но ничего не получалось. Я к этому времени заболел малярией. Приступ был перед самой войной и как раз когда в окружение попали. Попал в плен. Был в лагере в Кременчуге, потом перебросили в Винницу. Строили бункер Гитлера, всех, кто там был, уничтожили, чтобы не было свидетелей. Мне удалось бежать. С разными приключениями прибыл на родину, включился в подпольную группу и летом 1942 г. вступил в партизанский отряд. До встречи с Советской армией был в партизанском отряде. После штурмовал Берлин. Командовал артиллерийской противотанковой батареей. В 1946 г. демобилизовался. Работал учителем, на партийной работе. Теперь отдыхаю.

– В 1941 г. какие были зенитные орудия в вашем дивизионе?

– 76-мм пушки, правда, очень тяжелые. На двух колесах, пять тонн весом. Транспортировали их дизельным трактором «Сталинец». Скорость 6 км/час.

Под Минском мы эти трактора бросили и зацепили на ЗИСы. Наша пятитонная машина ЗИС тянула пушку. Мы удивлялись – даже из грязи вытягивала.

После партизан я командовал противотанковой батареей. Пушки ЗИС-3. Очень удачные пушки. Легкие. Шесть человек расчет. В боях за Берлин по лестнице затаскивали на второй этаж. А после войны, когда служил – эту пушку не могли взводом по ровной дороге прокатить.

– Когда вы в лагерях были, у вас был боекомплект?

– Да. Мы же там стреляли.

– Вы начали лейтенантом? Командиром взвода?

– Командир огневого взвода.

– В батарее сколько орудий было?

– Четыре орудия. Огонь зенитной артиллерии направлялся прибором ПУАЗО. Это громоздкая установка, занимала много места. Орудия стояли трапецией, а в середине прибор. С этого прибора наблюдают за самолетами. Данные с ПУАЗо передаются на орудия. Установка трубки автоматическая. А уже для наведения пушки надо совместить стрелки горизонтальной и вертикальной наводки. На снаряде есть дистанционное кольцо – время горения порохового столбика. 5-10 сек. Все время счетчик дает время и заряжающий должен ключом выставить дистанционное кольцо, чтобы снаряд взрывался в нужное время. Это громоздко.

– Бронебойные снаряды были?

– Да.

– Приходилось стрелять по танкам?

– По танкам однажды в деревне Шанова в восточной части Белоруссии, Горецкий район. Их танки вначале были слабые, зенитная пушка пробивала их запросто.

– Было ощущение, что можем проиграть…

– Лично у меня нет. Победа будет за нами! Отчаяния не было. Была горечь, что так получилось.

– Как вы попали в плен?

– Мы шли с группой солдат. Командир дивизиона, когда было уже безвыходное положение, взял на себя ответственность, потому что уже все развалилось, хаос. Приказал пушки взорвать – стволы забили грязью, и при выстреле конец ствола отрывался. Потом по группам пробирались. У меня температура, но двигался. Со мной было еще пять солдат. Это Украина, степь, леса нет, укрыться негде. Хлеб стали уже убирать.

– Шли на Восток?

– Да. Ночь идем, днем прячемся в скирдах. Спали по очереди, чтобы кто-то наблюдал, не высовываясь. Так шли суток 5–7. Устали. Сон морил. Пистолет я держал в шинели. Продумал, что в случае безвыходного положения застрелюсь. Я отдыхал, а солдат, который дежурил, уснул. Немцы нас взяли сонных. Я за пистолет – его нет. Нас разоружили, повели в лагерь. Шинель

офицерскую сняли. Остался в одной гимнастерке. Лагерная жизнь трудная. Вам не понять… Сначала собирались группы по 10–30 человек, потом уже колонна – 1000,1500, может, меньше. В жару, измученных, 130–140 км гнали в Кременчуг. За один день не могли мы пройти. Слабые. Привалы были. Обыкновенно на животноводческих фермах. Охрана, собаки, вышки, пулеметы. По дороге думал, может быть, кустарник или кукуруза будет и, может, удастся убежать. Сам больной, температура – еле шел. До меня некоторые это попробовали. Собаки догнали и разорвали. Убедился, что этот путь не удачный. Шли примерно 5–6 дней, точно не помню. Уже третью часть пленных, что не могли идти, пристрелили. Воды нет, рек нет, а пить хочется. На одной ферме колодец, он уже высох, котелком цепляли грязь, чтобы хоть немножко смочить губы. Один неосторожно упал туда, может, сутки там лежал, может, и больше – умер, а мы все равно эту воду пили, потому что пить хочется.

В Кременчуге был большой лагерь. Размещались в железнодорожных бараках. В них стояли нары в 3–4 яруса. Кормили раз в сутки. Варили баланду из подсолнечного жмыха. Это такая масса коричневого цвета. Сутки-двое ее размачивали в бочках, потом чуть-чуть подогревали и нам давали. Выгоняют из бараков, кругом немцы, собаки. Стоят четыре бочки, а мы с котелочком идем. Разливает военнопленный. Около каждого из них стоит немец с палкой. Как только подходишь, тебе наливают, а он тебя то по рукам бьет, то по спине, то по лицу. Это каждый день так.

Видели фильм «Радуга» по книге Ванды Василевской? Про издевательства немцев над пленными. Я был в оккупационных войсках, и когда демонстрировали этот фильм в Германии, немцы уходили – они не могли смотреть. Многие даже не верили, что это так было.

Как было, я вам расскажу. Лагерь, барак, заходит немец и не знаешь, что делать. Если смотришь на него, он: «Ком». Если стараешься уйти, он догоняет – что ты уходишь? У них было чувство садизма. Издеваться им было в удовольствие. Один раз я так попал. Около вертикальной стенки заставили стоять, упершись коленками в стенку и с поднятыми руками, тоже прислоненными к стене. Сколько вы можете выдержать? Руки опускаются. Они по ним резиновой палкой. Бьют до тех пор, пока человек не сваливается, потом пристреливают. Меня они просто бросили – им надоело.

Вышел из барака однажды, слышу – стрельба. Не пойму, в чем дело. Несколько пленных заставили лезть на дерево. А они стоят и стреляют по ним как по мишеням. Я сам видел.

Жители приносили и хлеб, и картошку. Немцы разрешали давать. Кто-то бросит кусок хлеба, люди голодные, бросаются. Каждый старался ухватить этот кусочек. Стоят, хохочут, а потом стреляют в самую толпу и при этом хохочут.

А я же болен. Я не понимал, или это сон, или моя прежняя жизнь сон, а это настоящая. Полное безразличие. Один раз ночью стрельба. Утром всех выгоняют из барака. Потом узнали, что группа свежих пленных, попавших недавно в лагерь, убила часового и ушла. Удалось им это или нет – не знаю. Вышки через 50 метров, патрули с собаками ходят. Но стрельбу мы слышали. Наказание всем. Выгнали несколько тысяч пленных из бараков. Встали в одну линию, кругом собаки, конвоиры. И вытаскивают каждого четвертого и расстреливают. Думаю: «Быстрей бы это все кончилось». Я оказался третьим и очень сожалел об этом. В плен я попал где-то 19 сентября. Становилось все холоднее. Я в одной гимнастерочке. Бараки закрыли на замок. Мы на улице. Дождь, слякоть, а мы стоим. К счастью, малярия у меня заглохла. С собой у меня был хинин. Но от голода шум в ушах. Состояние очень тяжелое. Так нас держали под открытым небом неделю, потом разрешили вернуться в бараки.

Но мне в лагере повезло. С людьми из нашей части я встречался, но они куда-то исчезали. Попался как-то рядом со мной витебчанин, Жуков, крепкий был, видимо, закаленный. Он там приспособился. Он мне и хлеб доставал, шинель, плащ-палатку достал. Я уже заворачивался. Если бы не он, я бы погиб, он меня поддержал. Потом его куда-то угнали. Я попал в Винницу, он, может быть, в другое место.

В Виннице, как только прибыли, на станции нам дали поесть заварную муку. Клейстер. Сладкая. Это как слабительное. У всех начался понос. И массовая смертность пошла. Посреди этого лагеря бульдозером выкапывали траншею, потом в траншею скидывают трупы, пока она не наполнится, потом закрывали. Все раздетые, голые лежат – смотришь, вырезан кусок тела. Даже людей ели. Костры разводили. Десять рублей стоила ложка супа. Варили человечину. Возможно, и я ее ел. Яму зароют – другую выроют. Что-то страшное: лежишь на нарах – справа мертвый, слева мертвый, никаких эмоций, как будто так и должно было быть. Все-таки немцы боялись эпидемий. И стали нас рассредоточивать. Я попал в группу человек 50—100. Километров за 20 нас отвели в детский дом – его оградили, вышки поставили. Наша задача – за 7 километров носить плашки дров из грабового леса. Метровые, тяжелые палки заставляли носить. Начался

мороз. Ноябрь месяц. Никаких рукавиц. Руки мерзнут. Я с умершего снял пилотку, кругом обшил и разрезал, чтобы руку всунуть можно. Думал: «Убегу в лес, но собаки догонят». Нескольких человек пристрелили… То что мы делали, могла выполнять одна машина. Просто так нас медленно уничтожали. Пригнали туда в середине недели. Думал: «Воскресенье, выходной». Немцы в воскресенье в начале войны не воевали. Даже не бомбили. Но нет – погнали. С каждым днем слабел. Треть пленных уже пристрелили. Понял, еще день-два – и меня пристрелят. Сил нет. Утром в понедельник думал, как бы мне попасть не на работу, а на кухню, что была за проволокой. Там тоже пленные работали. Утречком встал. День морозный. Солнце еще не всходило. Попался топор с одной отломанной щечкой. А так топор целый. Я отломанную часть взял ближе к руке. Делаю вид, что ищу палку, топорище. Иду на проходную, где стоит немец. Делаю вид, что ищу палку. Или немец такой попался, или поверил мне. Кто его знает? Показывает: иди к сараю. Сам думаю, как бы мне уйти. За сараем овраг. Топор в сторону и… ходу. Так мне удалось бежать.

– Был обмен хлеба на сигареты?

– Никакого. Нам давали только баланду. Если кто-то попадал на работу, может быть, кто-то давал. Даже иногда немцы давали. Помню, где-то разгружали кожи скота небольшой группой в человек десять. А тут смотрю – ребята собрались. Кожа с прожилками, с кусочками мяса. Мы грызли эту кожу. Вспомнился Джек Лондон «Борьба за жизнь». Как собаки… мне страшно стало. Я попробовал – невкусно. Но стал грызть. Это невероятно.

Помню в лагере, еще вначале, бомбежкой убило лошадь. Разрезали, съели. Несколько суток валялась нога, вонь уже пошла, но около копыта еще немножко осталось мяса. Я держался за подкову и грыз эту ногу с удовольствием! Ведь она уже пахла! И болезней не было. Просто удивительно. В критическом состоянии организм сосредотачивает всю свою внутреннюю энергию.

– О чем разговаривали? Основное время в лагере чем было занято?

– Разговаривали кто о чем. Иногда брали на работу. Человек пять из нескольких тысяч. Остальные кто лежит, кто ходит, кто вшей ищет. В карты играют, в очко, анекдоты травили. Появилось много вшей. Даже на бровях по 5–6 штук сидело. Играли со вшами. Положит пятачок и на него в центр свою вошь. Чья быстрее с пятака сбежит – тот выиграл. Играли на деньги. Потом

самых быстрых вшей продавали. Ходит такой: «Беговая вошь! Кому беговую вошь!» За нее дают 100–200 рублей. При обилии вшей продавали вошь за деньги.

Помещение, наверное, раньше было зерноскладом. Я сидел, искал на полу зернышки, чтобы немножко что-нибудь пожевать. А там немец придет, позовет, к стенке поставит.

– Тогда, когда вас поставили к стенке, как вам удалось выжить?

– Наверное, ему надоело, бросил.

Мы себя там не чувствовали людьми, и нас не считали за людей. Мы были как козявки. Они могли что угодно с нами делать. Мы были полностью бесправными.

– Что помогло сохранить свою личность, не позволило опуститься?

– Советское воспитание победило войну. Война была всенародной. Независимо от возраста, от положения, от национальности, от образования. Все были едины в стремлении победить врага. Это результат всей нашей системы: и школы, и семьи, и организаций, всей нашей жизни.

– Обсуждали, почему попали, что делать?

– Все знали, почему попали. Тогда все видели и неопытность командования, и превосходящие силы противника, и растерянность, и панику. Немцы были уже обстреляны. А мы – главным образом молодежь необстрелянная. Там, где был приписной состав, участники Гражданской войны, там была организация. А молодежь – сразу паникует. Паника – самое страшное. В первые дни паника нас губила.

Офицеров всех не расстреливали, расстреливали комиссаров. У офицеров лычки на рукаве и кубики в петлицах, у политработников звездочки. Правда, сначала немцы не различали, потом уже разбирались. Они сразу не заметили, что я офицер. Со мной, когда я попал в плен, был солдат Рубнек. Он говорит: «Надо кубики снять». Оторвали воротник. Сразу отделяли политработников: «Комиссары, шаг вперед». Были такие, которые выходили. Были такие случаи, что и выдавали. Всякие были люди. Комиссаров и евреев расстреливали сразу. А к остальным применялась политика постепенного уничтожения: скудное кормление, физическая нагрузка и издевательства.

– Охраняли немцы?

– Только немцы. Хотя были и наши полицейские. Был даже из нашей деревни мой одноклассник. Случайно встретились с ним в Виннице. Даже когда мы были детьми, он отличался. Его не любили, и не случайно. Говорит: «Я уже присягу принял, помогу и тебе пробиться в полицаи». – «Нет, в полицию я не пойду. Если можешь, принеси кусочек хлеба». – «Нет, хлеб носить запрещено». Я круглый сирота, родители рано умерли, я их не помню. Рос у бабушки с дедушкой. Окончил среднюю школу, они все сделали, чтобы я стал на ноги. Попросил только сообщить на Родину, что меня видел, чтобы меня не ждали. Я не рассчитывал остаться в живых. Кстати, он остался живым, приезжал и просил меня не выдавать, что я его видел. Но я не мог скрывать. Он окончил педучилище. После войны работал в школе у нас на родине учителем.

Однажды меня пригласили в Комитет госбезопасности. Я его пожалел, скрыл, подумал: «Молодой, может, ошибся». Протокол подписал. Приехал домой – не могу уснуть: «А может, он людей расстреливал? Может, за ним кровавый след тянется?» Утром встал и пошел: «Знаете что, я сказал неправду».

Потом его арестовали. Он где-то сидел, но остался живой. Единственное пятно на нашей деревне. Из нашей деревни никто не служил в полиции!

Рядом с нашей деревней были немецкие гарнизоны. Один в 3 км. Другой – в 7 км. Человек восемь сразу ушло в партизаны, потом еще 20. Никто не донес! Во время довоенных репрессий у нас никто не пострадал. Деревня была дружная. Не было доносчиков. Мы сохранились.

– Да. Так вот я бежал и 35 дней шел домой. Это длинная история. Первое, конечно, есть хотелось. Даже о свободе не думаешь, главное – поесть. Рядом село, женщина рубит дрова. Я стеснялся попросить поесть. Думаю: «Порублю дрова, она покормит». – «Давайте помогу». Сам-то думал, что я молодой. Но со стороны-то это было не так. Она говорит: «Иди в хату, я тебя покормлю». Но я взял топор, ударил и упал: «Иди в хату, сама поколю». Сразу нельзя много кушать – это смерть. Она мне положила буханку хлеба и компоту грушевого налила. Я не могу не есть! Говорит: «Кушай хлеб, не бойся. Компот поможет». – Действительно так. «Теперь собирайся, а то немцы могут прийти». Пошел дальше. В другой деревне пожилая женщина покормила меня. Говорит: «Оставайся у меня. Может, война окончится. Может, привыкнешь ко мне. Мы с тобой примерно одного возраста». – «Сколько вам лет?» – «45». – «Дайте мне зеркало». – У меня черная борода. Грязь. Воды не было, не мылся. – «Вы знаете,

а мне – 19 лет». – «Ай, сынок, иди, конечно». Такой у меня был вид. В одном селе поменял свое военное обмундирование на гражданскую одежду. Переодели меня, помыли. У нас до войны был анекдот, что украинцы моются из лохани, а парятся в печке. Бань нет. Думал, анекдот, а оказалось, действительно так. В печку залазят, немножко закрывают, греются. Я не рискнул. Подумал, не выдержу. Потом шел, по карте посмотрел. Винница – Житомир – Бердичев – Коростень – Жлобин-Мозырь – Бобруйск – Борисов – Лепель. Думал идти по запутникам, а дорогой прямее и быстрее. У меня торба с салом, яблоками. Иду по дороге, машина немецкая, Остановились: «Ком!» Это было перед Житомиром. Думаю: «Опять попал в лагерь, вот тебе и быстрее»! Тут я схитрил. Угощаю немцев яблоками, говорю, что еду на рынок. Провезли меня километров 40. Ссадили. Думаю: «Все. Дорогой больше идти не буду. Пусть кружней, но надежнее!»

– Ощущение голода прошло?

– Наверное, недели две не мог наесться. Сколько ни ем – все равно хочется есть. Потом потихонечку прошло. Шел 35 дней. Пришел домой к бабушке. Всю дорогу думал, что попаду ночью. И действительно так. Думаю, не буду признаваться, кто я. Узнает меня бабушка или нет. Стучу ночью: «Кто там?» – Не мог скрыть: – «Толя». Зажгла коптилочку. Смотрит: «Нет, не Толя». Всего два года прошло с тех пор, как ушел в военное училище. «Может, ты знаешь про Толю, расскажи». Никак не могу ее убедить. Так минут 10 еще переговаривались. У меня были волосы черные, на голове светлая полоса в виде полумесяца. Снял шапку: «Бабушка, посмотри». Тогда только узнала. Она меня лечила по-своему: каждый день перед приемом пищи давала стопку самогона. Я стал быстро поправляться. Говорю: «Я же могу стать алкоголиком». – «Ничего, не станешь». Так было месяца три. Действительно, алкоголиком не стал. Алкоголь вызывает аппетит, выделение желудочного сока – это помогло.

Летом пошел в партизаны.

– Как это получилось, как вы на них вышли?

– Случай был очень интересный. Как в сказке. В наш дивизион попал приписной состав. Среди приписного состава были рядовые солдаты и офицер. Тоже лейтенант, участник Гражданской войны, друг моего отца. Председатель одного из наших колхозов. Когда в окружении были, и воевали уже не как артиллеристы, а как стрелки, этот Кочан Василий Васильевич в память об отце меня все время берег. Потом мы с ним в лагере в Кременчуге встретились. Когда я бежал, около Мозыря в одну

деревню зашел перекусить. Просить не надо было – люди понимали. Везде относились очень хорошо. Помню, на Украине: «Что хочешь, детина?» – «Насыпай, хозяйка!» Везде помогали. Встретил одного человека, разговорились, я сказал, что сам из Лепеля. Он говорит: «Тут тоже шел из Лепеля. Пожилой, с корзиночкой, в полушубке». Сразу подумал, что это Кочан. А где остановился? В том доме. Пошел – точно он. Мы с ним пошли. Шли несколько дней. Перед Бобруйском зашли в один дом вдвоем. Там была женщина, видимо, учительница. Начитанная, эрудированная. Разговорились. Откуда, что, где немцы. Ведем разговор: «Посидите, я сейчас приду». Она вышла. Там перегородка. Открывается дверь, оттуда выходит мужчина: «Хочу вас порадовать». – Знаете, прошло столько лет, а я не могу спокойно говорить об этом (плачет. – *А.Д.*). – «Немцев погнали от Москвы! Полный разгром! Тут будут большие дела. Развертывается массовое партизанское движение. Предлагаю вам два варианта. Если ослабли, не можете идти – оставайтесь, найдем жилье, работу, потом будете вместе с нами. Если есть силы, лучше идите домой. Вы лучше знаете свою местность, людей – там вы больше принесете пользы. Посоветуйтесь». Решили – пойдем домой. Мы с ним шли и в предпоследний день опять разошлись. Он зашел в один дом, я – в другой. Говорит: «Иди, я тебя потом догоню». Он крепче меня был. Кто-то прошел, подумал, что это я. Стал догонять. Я зашел в дом, где он останавливался, мне говорят, он уже ушел. Он крепче, на сутки пришел домой раньше. Он председатель колхоза, член партии. У него были друзья, но были и враги. Кто-то донес. Из их деревни были полицейские, больше 20 человек. Из нашей деревни ни одного, кроме Аркадия. Через неделю его арестовали и расстреляли. Пусть бы он остался в Могилевской области. А тут на месте погиб.

Я стал идти запутными дорогами. На Украине села большие, не такие, как в Белоруссии. Несколько сотен дворов, несколько улиц. Утречком встал, еще не завтракал. Меньше немцев, пойду. Подхожу, солнце встает. Женщина пожилая: «Сынок, не иди сюда. Немцев полно». – На Украине всех русских зовут «москали». – «Один москаль шел, немцы его били, сказала, что мой сын, его отпустили. Мне больше не поверят, что второй сын». Она одного спасла человека и караулит, чтобы другой не попал! Прошел благополучно. Люди очень тепло относились! Тут недалеко от нашей деревни, километров 35. Зимой шел, мороз, декабрь. Впереди кто-то едет на лошади. Останавливается, стреляет. Может, немцы или молодежь какая. Они останавливаются, я спрячусь. Они поехали, я иду. Видно, на горке впереди большая

деревня. Думаю, там переночую. Они проехали, я их не вижу. Не доезжая той деревни, еще одна деревушка, поперек дороги. Иду, справа домик небольшой стоит, кто-то стучит. Посмотрел, машет рукой. Подхожу к окну. Показывает, иди в дом: «Кто ты, я знаю. Кто впереди тебя ехал, ты не знаешь, – это начальник полиции. Если попадешься – живьем кожу сорвут. Не бойся. Лезь на печку». Уснул. Разбудил, покормил меня. А там, где я думал ночевать, там был немецкий гарнизон. Он меня обвел стороной. После войны волей судьбы недалеко от этой деревни я работал директором школы. Я спросил, как его зовут. Думаю, надо сходить к старику, сказать ему спасибо. Купил сувениры, взял водку, сел на велосипед и поехал. Приезжаю туда: «Здравствуйте». – «Здравствуйте. А кто таки ты будешь?» – «Я в 1941 году проходил. Вы меня спасли». – «Эй! Да что я тебя одного спас?! Заходи домой!» Позвали людей. Достал окорок. Самогонки принес. Просидели целый день, вспоминали. Я не большой любитель водки, а там выпил порядочно. Сел на велосипед, еду обратно, абсолютно не пьяный. Иногда рюмочку выпьешь, чувствуешь опьянение. А там такое настроение, взаимопонимание, добрые мысли – подбадривают человека. Держали потом с ним связь. Сын его работал в нашем городе, его придавило насмерть. Потом и старик умер. Хороший старик.

Так вот, когда я пришел, а у меня три брата. Старший брат погиб, второй был в армии, в окружении – вернулся, младший тоже учительствовал. В соседней деревне был товарищ старшего брата Анатолий Адамович Марунько. До войны был директором школы, потом в армии был летчиком, оттуда его направили для организации партизанского движения. Все было конспиративно. Однажды ко мне на лыжах один приходит: «Ты знаешь, ночью самолет летел и вот пачка листовок. Давай листовки распространим». Листовки были о разгроме немцев под Москвой, о событиях на фронте. Каждое слово правды подбадривает людей, приносит радость. Сразу я не сообразил, что целую пачку самолет не может выбросить. Оказывается, листовки печатались в нашей типографии. Их передали хлопцам, чтобы распространили, а они меня привлекли. Мы на лыжах пошли по деревням и разнесли эти листовки.

Потом стали партизаны громить гарнизоны, заготовительные немецкие пункты. А немцы сожгли деревню, расстреляли всех жителей. Это навело ужас, казалось, что и нас может такое постичь. Мы не знали, что эта деревня помогала первому партизанскому отряду. Мы думали, что немцы ее сожгли просто

так. Это от нас километров 20. Оказывается, там была стычка немцев с партизанами, и они эту деревню сожгли. У нас по деревням было много окруженцев. В нашей деревне больше десятка. Их немцы стали брать на учет и стали их брать насильно в полицию. Они там побудут день-два и убегут. Один убежал, записано, что он из нашей деревни, приехали немцы, собрали всех жителей у дома, где он жил, и дом сожгли. Хотя он совершенно чужой человек. И я в этой куче был. У нас был такой мужик забавный. Мы решили, что нас будут расстреливать на кладбище. Так нам казалось. Он говорит: «Я крикну, а вы разбегайтесь в разные стороны. Всех не убьют». Дом сожгли, а нас распустили. Я знал, что действуют партизанские отряды. Пошел искать партизан. Главное, иду и… след моего младшего брата. Подковка на сапоге отломана. Потом с ним встретились. Разыграли представление о насильном угоне в партизаны. В одну ночь ушел я, Борис, Анна, Иван Гаврилов и Катя. Это лето 1942 года. Отряд размещался в лесу, в трех километрах от немецкого гарнизона. Жили в шалашах. Было уже тепло. Было уже два отряда. Один отряд организовал под Лепелем Лобанок, а второй в Ушачах – Дубровский. Потом объединились в бригаду Дубова, Дубровский командиром, а Лобанок – комиссаром.

– Вас проверяли?

– Принимали на общем собрании партизан. Приходишь туда, день, два проходит. А потом общее собрание. Задают вопросы. Надо сказать, что если брата приняли, то и его примут, но вопросы задавали с пристрастием. Кроме того, людей готовили для перевода в партизаны.

– То, что вы были в плену, учитывалось?

– Это не играло роли. Там большинство было пленных или окруженцев, которые потом пошли в партизаны.

Надо было готовиться к зиме. Наш отряд тогда послали искать место в лесном массиве Березинского заповедника – место болотистое, среди болот есть отдельные сухопутные островки. Нашли проходы. Землянки делали большие, человек на 20–30. Нашлись мастера. Делали очаги. Построили баню, госпиталь (целый дом перевезли из деревни). И другие отряды прибыли сюда. Целый городок. Стало уже 4 отряда. Люди массово пошли в партизаны. Притянули с колхозной электростанции генератор, локомобиль с Ушачей – сделали электростанцию. В землянках был электрический свет.

– Оружие сами добывали?

– Много было бросового оружия. Жители собирали. Каждый старался прийти в отряд уже с оружием. Было и трофейное оружие. Однажды была засада на дороге Лепель – Витебск недалеко от Лепеля, в километрах 12. Половина была безоружных. Задача: взять оружие врага и его же оружием убить. Источником оружия служил и укрепрайон в районе Полоцка. Когда наши войска отходили, доты взорвали, но там что-то сохранилось. Местным жителям давали задание набрать повозку с оружием, боеприпасами – даем корову. Скот у нас был. В Ушачах немцы подготовили стадо крупного рогатого скота для вывоза в Германию, а его захватили, стадо паслось как будто местных жителей, а на самом деле партизан. Этих коров раздали, у кого не было. С таким расчетом, чтобы в любое время забрать. У нас были талантливые мастера, к обгоревшим винтовкам делали приклады, делали самодельные автоматы. Миномет свой сделали. На старых складах собрали мины и снаряды, мобилизовали 400 подвод и вывезли их, а миномета нет! Нашли трубу, братья-мастера месяц шлифовали песком, апробировали, потом сдали в эксплуатацию. Я был пулеметчиком. У меня был револьвер, так вот эти мастера рассверлили барабан под автоматный патрон, которых было много. Потом у меня был английский пистолет 12-мм калибра. Я однажды шел по лесу с пистолетом, и одним патроном в нем, а вокруг выли волки, но я не понимал, чем это грозит. Я шел в штаб бригады. А потом, когда политруком был, у меня уже наш автомат был ППШ.

– На какой железной дороге вы устраивали диверсии?

Наша бригада – Полоцк – Молодечно. Были и другие бригады. Сначала диверсии устраивали, где кто найдет место. А с 1943 года дорога была разбита по бригадам. Наша бригада – от такой-то горки до такой-то насыпи. Рельсовая война – это не просто взрывы. Она готовилась месяцами. Готовят саперов, автоматчиков. Время операции известно только накануне вечером. Немцы дороги охраняли очень сильно. Через определенные участники стояли гарнизоны, бункеры. Непросто было взорвать железную дорогу. Это большой риск. Использовали такой метод: заранее подготовляли взрывматериалы. Двухпутная дорога. Две группы – одна вправо, другая – влево. Впереди штурмовики – человек 5–6 автоматчиков. Если пойдет патруль, они должны его уничтожить. За ним идут саперы. В руках кусок тола и взрыватель. Взрывать рельс надо посередине, тогда его целиком надо менять. Рельс 20 шагов. Десять шагов прошел – положил брусок. Сколько успеешь. Потом идут поджигатели. Горит трут. Нащупывают рукой и зажигают шнур. Только первый

взрыв – все с дороги вон. И вот так в одно и то же время по всем дорогам! Таких этапов рельсовой войны было три. Перед Курской дугой. Потом перед Киевской операцией, потом перед Белорусской операцией «Багратион».

– У вас же была блокада с лета 1943 г. Удавалось выходить на дороги?

– В 1943-м блокада была неплотной. Отдельные бригады выходили. Уже в 1944 г. была более плотная блокада, но все равно проникали.

– Ваша должность в бригаде?

– Сначала пулеметчик.

– Вы же командиром в РККА были?

– Командиров было много. Начинали проверять снизу.

У нас в отряде была пулеметная рота. Не меньше двух десятков пулеметов. Два «максима» и авиационные, с воздушным охлаждением. «Максимы» очень тяжелые. Его надо разбирать. Станок отдельно – 32 кг. Тело пулемета – 21 кг. Были трофейные пулеметы ручные, немецкие. В каждом стрелковом взводе были «Дегтяревы» и немецкие МГ-34.

– Хорошие?

– Удобные. У нас лента на 250 патронов. Трудно передвигаться, можно запутаться. Лента у них была металлическая и связывалась патроном по секциям. Кусок – 50 патронов. Можно связать – 100. На перебежку 20–30 патронов всегда есть. По крайней мере, один пулеметчик может перебежать. А тут надо минимум вдвоем – кто-то должен коробку нести.

Потом, в 1943 г., когда разделили бригады на две, организовали новые отряды. Люди пошли массово, просились, но стали ограничивать прием.

– Почему?

– Надо же их вооружить, кормить, разместить. Но их готовили. Обучали владению оружием, тактике. Если надо – призывали. В 1943 г. выделили нас 15 человек для организации нового комсомольско-молодежного отряда. Таких отрядов было очень мало. По крайней мере, наш – единственный в Витебской области. Организовывали его в северной части района, а там безлесая местность. К нам пошли люди, массовое пополнение. Провели несколько операций. Авторитет отряда вырос, и слава

боевая пришла. Я был политруком роты. Брат – комиссар отряда. Второй брат – командир взвода. Из 15 человек, что организовали отряд, девять были из нашей деревни. Потом этот отряд участвовал во многих операциях. Мы брали своей слаженностью, дисциплиной, организованностью. Как поощрение в регулярной армии присваивали наименование «Гвардейский», а в партизанах – «Боевой». В нашей бригаде было три таких отряда: Первый боевой, Второй боевой и наш 13-й комсомольский боевой. Это после боев за Лепель осенью 1943 г. Специальная операция по временному овладению Лепелем. Надо было выпустить арестованных из гестапо, взять скот, приготовленный в Германию, и соль. Не было соли ни у населения, ни у партизан. А там был склад соли. Бои были тяжелые, но у нас жертв было немного.

– Потери у партизан большие были?

– Сначала все удачно было. Первый раненый – комиссар Лобанок. Очень он берег людей – пока сам все не разведает, не разрешит операцию. Первая операция – засада на дороге. Осколком гранаты его ранило в голову и руку. Легкое ранение. Потом моего брата ранило в грудь, рана тяжелая, в сантиметре от сердца. И Сальников, впоследствии он был командиром отряда, в руку его ранило. Потом погиб командир отряда Марунько.

– Это когда бригада держала зону?

– Сначала мы выбили немцев из Пышно. Когда появилась зона, Лепель стал тупиковым городом, поскольку от него все дороги на Оршу, на Борисов, на Минск были перекрыты партизанами. На Минск самая лучшая дорога в то время была в районе большого Березинского болота Лепель – Бегомль. Так партизаны, мобилизовав население, вывезли дорогу. Немцем негде было закрепиться, и они ее не восстановили. Единственная дорога на Минск: Витебск – Лепель – Пышно – Березино – Докшицы. На середине Пышно – немецкий гарнизон. Этот немецкий гарнизон наш отряд выбил и создал свой гарнизон. Перекрыли эту дорогу. Лепель – только тупик. В Ушачах партизанский гарнизон был создан. Немцы все время пытались пробить дорогу. Мы вели тяжелые бои. Немцам все-таки удалось построить узкоколейку в обход зоны. Третья танковая армия оборонялась в районе Витебска. У них тылы были очень слабые. В нашем районе партизаны и дороги нет, а в обход на Оршу или Полоцк – там близко подходил фронт. Почувствовав, что скоро Красная Армия будет наступать в Белоруссии, для очистки тылов в 1944 г. Третью танковую армию бросили против партизан. Окружили со всех сторон и нас сжимали. Конечно, против

танковой армии мы не смогли воевать.

– Как вы прорывались?

– Кольцо окружения сжималось. Прибалтийский фронт вклинился далеко на запад. Хотели пройти в Прибалтику, но для этого надо было пересечь железную дорогу, а туда немцы бросили два бронепоезда, нам путь преградили. Это было в ночь на 2–3 мая. 5 мая решили прорываться в Березинские болота, на юг. Распределили силы, кто идет впереди, кто расширяет проход. У нас было много населения. Длинный хвост. Прорвались. Где организованно, где группами. Мы рванули на восток. Прошли удачно. Хотя нарвались на засаду. Но уже опыт был. Не ввязываться в бой, а вперед. Тут залегать нельзя. Вести огонь нельзя: они-то лежат, а мы идем. Где бегом, где ползком – проскочили. Другие пошли на юг.

– Расскажите про засаду на генерала в 1942 г.

– Засада была 12 сентября 1942 г. 1 сентября громили немецкий гарнизон Каменки, а 12 сентября агентурная разведка донесла, что будет перемещаться штаб немецкой бригады из Боровки на Витебск. Решили сделать в Боровках засаду. Мимо проходила специальная группа из Госбезопасности Флегонтова. Потом они пришли в район Минска и выросли в бригаду. А тут их еще только человек пятнадцать было. Они почти все с автоматами. У нас еще сил было маловато, и многие были без оружия. План такой: засаду сделать ближе к Боровке в лесу. От Боровки заслон, и от Каменки заслон. Между этими гарнизонами километров 9. Немцы лес вдоль дороги вырубили метров на 50. Но еще древесину не вывезли. Можно было замаскироваться. Вышли на рассвете. Правый заслон – основные силы. Заминировали дорогу минами натяжного действия. Немцы утром разминировали дорогу. Прогоняют население по очереди – сегодня одна деревня, завтра другая. Впереди лошадь, каток, длинные вожжи и идет человек, а потом идет толпа, а сзади уже немцы идут. Нам надо было замаскироваться, чтобы нас не обнаружили. Лошадь прошла. Так случайно получилось, когда первая машина наехала на мину, последняя – въехала на другую. И они обе взорвались. У ребят из группы был ПТР. Так ПТРовец потом рассказывал, что просто стал считать машины. Немцев было около 80 человек. Кто-то побежал, кто-то упал. Короче говоря, погибло много. Все стало тихо. Партизан только один погиб. Решили отходить. Вдруг поднимается немец. Можно было взять живьем. Кто-то выстрелил – раз один выстрелил, то и другие стали стрелять. Подошли, а это генерал. Генерал Якоби.

Карты у него были. Все это отправили за линию фронта. Много у него фотографий на фоне виселиц. Десятки фотографий. Фашист с 1930 г. Об этой операции писала газета «Правда»: «Партизаны бригады Д. организовали удар из засады на дороге Лепель – Витебск». Там мемориальный знак на этом месте.

– Население вас поддерживало?

– Да. Без населения мы бы не прожили.

– Обеспечение за счет населения?

– Не только. Трофейного было много. Своя власть установлена была. Наши старосты были. Каждый хозяйственный двор должен был сдать 6 пудов зерна. Были особые группы. Они в лесу делали большие ящики и туда в мешках ставили зерно, маскировали. Кроме них, никто не может это зерно найти.

В деревнях задание – сдать две коровы. Староста распределяет: «У тебя Иван две души, у Марьи – одна душа. Одну корову отдайте. Пользуйтесь одной на две семьи». У тех, которые служили немцам, брали принудительно. На территории партизанской зоны, больше 2 тысяч квадратных километров, больше 80 тысяч населения. В отдельных местах работали школы, мастерские, делали полотно, маскхалаты, перерабатывали кожу, шили одежду, обувь. Практически это было государство. Так и называлось – Советская Республика.

– В лесу делали заготовки? Грибы, ягоды?

– Нет. Я вырос в безлесной местности и не понимал, что там есть такие дары природы. Я видел, что кто-то собирал. Организованного такого сбора не было. Для этого нужно было время.

– Был же хозвзвод?

– Они находились отдельно. Может, они и собирали. Но для общего питания этого не было.

– В партизанах у вас был фольклор, песни?

– У нас в бригаде был интересный состав. Два художника. Они организовали единственную в истории войны художественную галерею. Писали портреты, и это было лучшее поощрение для партизан. Теперь эта партизанская галерея находится в Ушаченском музее. Была художественная самодеятельность. Свои поэты, пародисты, музыканты. Самодеятельность была все время. И в отряде, и по деревням проводили концерты. Среди партизан встретил своих учителей.

Это было очень приятно – ученик воюет рядом с учителем. И мои одноклассники тоже были в отрядах. В Ушачах был работник редакции, наверное, журналист. Павел Краснов, но подписывался Покрасс, как композитор. Он, по-моему, написал пародию на песню «Катюша»:

«Расцветали яблони и груши,
Дрожь колотит немцев за рекой.
Это наша русская Катюша
Напевает им – за упокой.
Все мы любим душеньку Катюшу,
Любим слушать, как она поет,
У врагов вытряхивает душу,
А своим отваги придает».

Потом частушки.

«У кого какая юбка,
У меня-то широка,
Мой миленок в партизанах,
Во бригаде Лобонка.
У кого какая юбка,
У меня голу́бая,
Мой миленок в партизанах,
Во бригаде Дубова».

Директор школы, П.М. Устинов, обладал хорошим слухом и голосом и хорошо пел. Пришел в партизаны с баяном.

Издавался сатирический журнал «Раздавим фашистскую гадину!». В этом журнале собирался местный фольклор. Там и поэты участвовали. Он распространялся большим тиражом. Мы его с удовольствием читали. Редактировал Кондрат Капива, известный сатирик, поэт, драматург, талантливый человек, народный писатель республики.

Устинов был в годах уже, но даже после войны ему женщины симпатизировали. Он был очень скромный, ни на кого не обращал внимания. Думали, что он кого-то ждет. И действительно так. Он с этой женщиной в Ушачах работал. Он в школе, а она, Елена Семеновна Кац, – врач. По национальности еврейка. Она была в армии. Начальником санитарного поезда. Приезжает в Лепель. Майор медицинской службы. Приятная женщина. Он ее всю войну ждал. У них один сын. Тоже врач, рентгенолог. Они похоронены здесь.

Устинов женился первый раз на русской. Комсомольская организация одна для учеников и учителей. От двух евреек, что работали у нас в школе, поступило заявление в комсомольскую организацию о том, что Устинов проявил антисемитизм, не пригласив их на свадьбу. Мы его обсуждали, объявили ему выговор. Когда он женился на Кац, то шутя говорил, что теперь уже ему выговор не объявят.

– Приходилось с предателями разбираться?

– Да. Стихия, анархия не допускалась. Был особый отдел, он выносил решение. Я знаю, что один человек указал немцам, где были партизаны. Они были на разведке и дневали в рощице. Немцы окружили. Один погиб, а два ушли. Он их видел, но они его предупредили: «Если скажешь немцам, мы потом тебе устроим». Он потом спрятался в немецком гарнизоне в деревне Ивановская. Дали задание найти его и расстрелять. Пришли туда, прочитали приговор: «За измену, выдачу партизан – смертная казнь». Но это не самовольно. Это было организованно. С мародерами тоже велась борьба. У нас был старший группы, его послали в Западную Белоруссию, мобилизовать хлеб для партизан. Он все это сделал, отправил обоз. И решил сверх задания одеть партизан. Был религиозный праздник, отобрал у людей сапоги и еще что-то. Сделал он это самовольно. Пока он пришел, молва дошла, что было такое. Перед строем бригады за мародерство его расстреляли. Это надо было делать, хотя он был боевой партизан. Горький урок для других.

– Анархия была?

– Были «зеленые». Они под маркой партизан были грабителями. Их предупреждали, вылавливали. Они переходили в партизаны. Им говорили: «Или вы идете к нам, или мы вас уничтожим».

– У вас в отряде была рация для связи с Большой землей?

– Конечно. Сначала только приемники. А потом и рация. Особенно в последнее время, когда была блокада. Просили помощи, авиация помогала.

– Какая была структура бригады?

– Самостоятельная боевая единица – отряд. Он имел и боевые, и хозяйственные подразделения, санитарную службу. Отряд действовал самостоятельно. Например, наш отряд перебрасывали неоднократно с участка на участок. Число людей в отряде от 100 до 500 человек. В среднем 100–200 человек. Ротное

строение. Несколько отрядов объединялись в бригаду. Бригада имела госпиталь, мастерские. Шили халаты, полушубки, обувь. Был штаб. В отряде только начальник штаба, а при нем никого. А в штабе бригады были даже машинистка, писари. В каждой бригаде были разные составы. Могло быть 5 и 12 отрядов. Бригада Алексея насчитывала до 20 отрядов. Большая бригада была. Он похоронен здесь. И есть его улица.

– Вы брали пленных?

– Были немцы, которые добровольно переходили. С Лепеля капитан в 1942 г., инженер военного завода, потом мобилизован был в армию. Он сообщил о том, что в Германии готовится новое секретное оружие – фаустпатроны. Предложил отправить его за фронт, чтобы все рассказать.

Были пленные. Некоторых расстреливали, некоторых отправляли за линию фронта. Некоторые пленные даже воевали в партизанах. В бригаде Жигаря воевали.

– После прорыва вы вышли к своим войскам?

– Вышли и около месяца жили тайно, подпольно. Уже не вели активные действия, были отдельные диверсионные акты. Зоны уже организованной не было. Встретились с армией. Нас потом отправили вылавливать немцев-окруженцев по лесам, где-то около месяца это делали.

– Много их было?

– Да. Потом нас расформировали. Из нас составили местную власть. Руководителей колхозов. Райкомы, райисполкомы, школы. Многие сразу пошли в армию. Я работал землеустроителем, поскольку артиллерист. Восстанавливал землепользование в колхозе. Потом военруком в школе. Там месяца три поработал. Понадобились артиллеристы. Опять мобилизовали. Прошел переподготовку и… в противотанковую артиллерию.

– Вы сталкивались с национальными формированиями в немецкой армии?

– У немцев была тактика разжигания национальной розни. Полицейские отряды из белорусов посылали на Украину, украинцев в Белоруссию. Чтобы разжигать национальную рознь. Лично с ними я не встречался. Кроме того случая, когда я был в запасном офицерском полку в Черновицах, когда готовили в противотанковую артиллерию. Там были оуновцы. Они там где-то вырезали селение активистов. Нас поднимали по тревоге их громить. Это единственный на моей памяти случай.

– Против вас воевали регулярные немецкие части?

– Нет. Была бригада Родионова и армия Каминского.

– Родионов перешел?

– Он заранее все продумал, сохранил орден Ленина, которым был награжден до войны. Подбирал людей по духу – не каждого пленного брал в свою бригаду. Вошел в доверие к немцам. Его направили на охрану железной дороги Полоцк – Молодечно. Он искал встречи, и с ним искали встречи. В течение нескольких месяцев с ним было все решено. Основу его армии составлял артиллерийский полк. Он устроил смотр полка. Есть подробное описание этого перехода в книге Титкова, командира бригады «Железняк». Явился на смотр в гражданском костюме. Зашел на трибуну. Достает орден Ленина из-за голенища и читает приказ: «Сегодня полк объявляется полком Красных партизан. Кто не хочет переходить с нами вместе, дорога открыта, преследования не будет». Немцев расстреляли. Остальные полки были менее надежные. Но каждый полк был заранее обставлен дивизионом артиллерии, под прицел взят. Там тоже было объявлено, но там переходили принудительно: «Если вы будете сопротивляться, вы окружены под прицелом артиллеристов». На второй день был приказ Сталина: «За умелый переход командира бригады Родионова наградить орденом Красной Звезды. Назначить его командиром Первой антифашистской партизанской бригады». Они примерно неделю держали железную дорогу. Эшелоны шли, они их разгружали партизанам. Только через неделю немцы стали бомбить, и они ушли в лес. В блокаду он был тяжело ранен. Немцы с помощью предателей нашли его могилу, раскрыли и взорвали. Когда наш командир бригады Короленко погиб, место, где его похоронили, знали только два человека. Чтобы не случилось так, как с могилой Родионова.

– С армией Каминского что случилось?

– Армия Каминского была отдельно и от власовцев, и от Родионова. Те назывались РОА, а он – РОНА – русско-освободительная народная армия. Формировались они на станции Локоть Орловской области. Он инженер спиртзавода, перешел на сторону немцев, организовал отряд, потом бригаду: три стрелковых полка, один артиллерийский. Когда там немцев стали гнать, его пустили против партизан. Он замахнулся далеко. Написал даже Конституцию России. Там был такой пункт: «Временной столицей России считать Лепель». Потом партизанское командование послало ему письмо. Нашли, как его

передать о том, чтобы он сделал так, как Родионов. Он опубликовал письмо и свой ответ в печати: «Он верно служит России в союзе с доблестной немецкой армией, которая принесла освобождение от большевизма». Тогда за ним стали охотиться. На западе по дороге на Докшицы сделали удачную засаду, разгромили полк, но он уцелел. Потом, по-моему, его поймали и судили. У него было много офицеров, которые тайно держали связь с партизанами. Они хотели перейти к партизанам, но кто-то выдал, и их арестовали и расстреляли.

– Лобанка любили больше, чем Дубровского. Почему?

– Конечно. Он был высокообразованный, эрудированный, человечный.

Однажды брали город Глубокое. Ну, не получилось. Дубровский раскричался: «За чем вы сюда пришли?! Хлеб на г… переделывать! Взять!» Лобанок его увел. Там, где можно, то можно. Через силу – нельзя.

– Перед войной тяжело жилось?

– Я вспоминаю время перед войной как праздник. Жили с песней. В колхозе ничего не получали, а жили с песней. Ночью работали. В нашей местности было самое дорогое – льноволокно и льносемя. Чтобы сберечь льносемя, люди возили не днем, а ночью, чтобы оно немножко сжалось. По своей инициативе. Молотили ночью. Такой подъем, песни. Как вспомню! В нашей деревне каждое воскресенье вечер самодеятельности. Клуба не было. В коровнике сделали сцену. Был свой оркестр. Самодеятельность. После сева – праздник колхозный и не напивались. Это было как во сне.

– А репрессии?

– В округе много было выселено семей, но в нашей деревне не было завистливых и вредных людей, потому и репрессий не было.

– Это не повлияло на партизанское движение? Немцы были хуже, чем советская власть?

– Конечно, хуже.

– Награждения были в партизанах?

– Официально представляли, но не вручали. После окончания войны – награждали. В основном всех наградили, кого медалью, кого орденом.

– Не было такого, кто не был в партизанах, а выдавали

себя за партизан?

– Были. Не буду называть.

– Какие у вас награды?

– Орден Красного Знамени. Медали «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией». Два ордена Отечественной войны.

– Как погиб командир вашего отряда Короленко?

– Пошли с заданием на железную дорогу. Возвращались назад, уже вошли в партизанскую зону. Разведчик: «Кто-то двигается». – «Да нет! Вперед, за мной!» А там засада немецкая. Девять человек положили.

А этот разведчик, Шарлай. Вот счастье человеку. На ремне была привязана лимонка. Пуля попала в лимонку и рикошетировала. Не попала во взрыватель. Когда пришел в отряд, посмотрели: полушубок, гимнастерку, даже нательную рубашку пробило, а тело – нет! Потом, правда, погиб.

– Личное оружие какое было? Что предпочитали – наше или немецкое?

– Я предпочитал наше – меньше ограничений по боеприпасам, проще разбирается. В армии у меня был трофейный «вальтер» – замечательный пистолет. «Парабеллум» отлично отцентрован, вниз не тянет, как ТТ, центр веса у рукоятки, очень устойчивый в руке.

У меня сначала была винтовка, спрятанная моим дядей, который тоже вышел из окружения. Как штрих человечности Лобанка. Мы с моей женой из одной деревни. Уже близко знали друг друга. В отряд ушел. Хотелось встретиться. Надо на свидание сходить. Километров 15–20. Надо же какой-то предлог найти. Командир отряда – Короленко тогда был. Говорю: «Мне надо в деревню, забрать винтовку». – «Потом возьмешь». Пошел к Лобанку. Лобанка все называли Володей, он был более гуманным и демократичным: «Володя, мне надо сходить в деревню». – «А что там?» – «Взять винтовку». – «А винтовка какого цвета: светленькая или темненькая?» – «Светленькая!» – «К утру придешь?» – «Приду». – «Смотри. Придешь, доложишь».

– На фронт вы когда попали?

– В декабре 1944-го меня призвали. Учился три месяца в Черновицах в запасном полку. В начале апреля – на фронт. Белорусский военный фронт, Первая танковая армия Катукова. Участвовал в прорыве на Берлинском направлении около

Кюстрина.

– На Кюстринском плацдарме были?

– Шли через Зееловские высоты. Там тяжелые бои были. Пересеченная местность и сильно укрепленная, с большим количеством закопанных танков. Первыми шли танки, мы их сопровождали. Ничего не могли сделать. Башня стоит круглая. Ее не возьмешь никак. Если только в щель попасть, чтобы заклинило. Там было танковое кладбище – большие потери.

В Берлине поддерживали танки. Штурмовая группа фактически. Танк, а дальше мы. Наш взвод поддерживал танковую роту, а потом танковую бригаду. А в этой бригаде – 3–4 танка.

Но была такая инициатива. Я помню в начале войны – растерянность, паника. А тут солдаты сами проявляли инициативу, сами находили цели. Это была другая армия. В начале войны солдата надо заставлять вести огонь, наблюдать. Запрещалось бросить пушку, а зачем возле нее сидеть, если огонь угрожающий? Надо спрятаться, а потом подскочить, выстрелить… Идет бой за улицу, а на соседней уже гармошка играет. Победа!

– Каковы были отношения с мирным населением?

– У них был голод. Еще были бои, а наша армия организовывала пункты питания местного населения. Солдатские кухни день и ночь варили и кормили. В первую очередь женщин, детей, стариков. Когда бои закончились, сколько туда хлеба перешло – эшелонами. Мы на себя взяли всю власть. Наши комендатуры. Я там был до сентября 1946 г., не было ни одного диверсионного акта. Война закончилась и все. А в Польше в нас стреляли.

– Отношение солдат к немцам?

– Это наша сила. Люди, столько пережившие горя, не озверели. Может быть, отдельные случаи были, не массовые. Массовое явление – благорасположение, относились с уважением.

– На Западе распространено такое мнение, что было массовое изнасилование в Берлине…

– В нашей дивизии никаких таких разговоров не было. Я бы знал. Был один случай. Солдат мародерничал, его судили Военным трибуналом. Немцы к нам относились очень хорошо. Служба есть служба, солдат есть солдат. Бывает, прицел или панораму от пушки потеряют, винтовку или автомат. Немцы найдут и принесут. Более того, у них табачная монополия, был

дефицит курева. За курево можно все достать. Я бросил курить, за папиросу мне ординарец и масло, и корзину винограда принесет. Солдат уронил пачку сигарет. При таком дефиците они ее нашли и принесли. Конечно, ее отдали нашедшему.

– Посылки домой отправляли?

– Да. Я отправлял бумагу. У меня с детства страсть к бумаге. Всегда собирал бумагу. В первые дни после освобождения я работал в школе, мы писали на газетах. А там бумаги полно, я ее посылал домой.

В подвалах были приготовлены горы чемоданов. Первые день-два разрешалось брать трофеи. Я один чемодан взял, хотя тогда можно было и больше взять. Там лежали аккордеон и скрипка. Я это привез домой. Скрипку внуку отдал. Еще мы взяли склад шоколада для летчиков, круглые плитки, они складывались по десять плиток в пачку, потом в коробку. Все машины наши были загружены шоколадом. Солдаты уже кашу не едят, только шоколад. Я шоколад тоже посылал. Жена же совсем «голая» была. Мы все вещи бросили в озеро во время блокады. У нас были серебряные ложки, вилки. Около Самовки закопали. Потом кто-то откопал. Швейную машину бросили в озеро и не нашли. Ничего не было.

В школу я пришел в немецком кителе. Потом из старого пиджака отца пошил френч. Надоело уже немецкое носить.

– После войны происходило дознание, кто кого выдал?

– Я этим не занимался и не могу сказать. Но думаю, что происходило.

Я был в плену, но меня никто никогда не притеснял. Я так понимаю, если где, какой попался человек…

– В партизанах какой средневозрастной состав?

– До 30. Но были и старики, и дети. Но в основном 20–30. Решающую роль в одержании победы сыграло поколение, которое воспитано советской школой в 20—30-х годах.

Бондаренко Степан Григорьевич

– Я родился в день смерти Ленина, т. е. 21 января 1924 г., в небольшом селе на Днестре Попенки Рыбницкого района тогда еще Молдавской АССР. У нас была самая обычная для того времени крестьянская семья: отец, мать, я и три мои младшие

сестры.

Семь классов я окончил в школе в родном селе. Отличником я не был, но учился неплохо, особенно хорошо мне давались точные науки. После школы попытался поступить в Киевский железнодорожный техникум, но меня забраковала медкомиссия из-за того, что я почти не различал цвета. В детстве я болел: пару лет был совсем слепой, но потом зрение вернулось, а дальтонизм остался. Мой отец очень хотел, чтобы я учился дальше, поэтому он меня устроил в среднюю школу в Рыбнице, даже нашел мне жилье, но что-то у меня там не заладилось, и очень быстро я вернулся домой. Что делать? Тогда я окончил трехмесячные курсы дезинфекторов в Тирасполе и стал работать в родном селе дезинфектором.

Но после освобождения Бессарабии, летом сорокового года, меня вызвали в Рыбницкий райком комсомола и предложили поехать на работу в Правобережную Молдавию. Я согласился, и меня направили секретарем сельсовета в село Валя-Русулуй, это недалеко от Унген, на самой границе с Румынией. Мне было всего шестнадцать лет, я еще даже не мог быть депутатом сельского совета, а меня уже назначили секретарем. Но такое стало возможно, потому что грамотных людей в Молдавии было очень мало, специалистов не хватало, поэтому туда направляли людей из других мест.

– Как там люди принимали советскую власть?

– Хорошо относились и к власти, и к нам, ее представителям. Ведь что произошло после ухода румын? Новая власть сразу взялась за системы образования и медицины: открыли там, где их не было, новые школы, а в старых увеличили количество преподавателей, наладили систему медицинской помощи, прислали много врачей, в общем, жизнь буквально закипела, у людей появились новые перспективы в жизни, поэтому к советской власти относились очень хорошо. К тому же в правобережных районах Молдавии до войны коллективизацию провести не успели, так что поводов для недовольства у подавляющего большинства людей не было.

– Как вы узнали, что началась война?

– Это же было воскресенье, я пошел по каким-то делам в школу, и вижу, что народ в селе волнуется. Я не мог понять из-за чего, но мне сказали, что началась война. Помню, что я еще так сильно удивился, неужели Румыния решилась напасть на Советский Союз? Ну, думаю, получат теперь по зубам.

– Неужели у вас совсем не было ощущения, что приближается война?

– Абсолютно никакого. Я был сугубо гражданским человеком, абсолютно далеким от этих вопросов, слухов таких не слышал, к тому же я был еще очень молодой, многого не понимал.

Днем прилетела пара самолетов и сбросили на село три бомбы. Никто от них не пострадал, но в селе началась паника. Только тогда я пошел в сельсовет и начал звонить в район, чтобы узнать, что же случилось, но ни один телефон не отвечал, видно, были перерезаны провода, а радио в селе не было.

Я уже начал понимать, что «дело пахнет жареным» и надо из села срочно уезжать. Обратился к нескольким крестьянам, чтобы они меня на подводе отвезли в Фалешты, но они отказали, так как уже шли слухи, что трассу Унгены – Бельцы нещадно бомбят, и прямо на дороге там лежит много погибших людей. Что оставалось делать, и я, не попрощавшись даже с председателем сельсовета, не взяв никаких вещей, ушел оттуда пешком.

Вышел я где-то в полдень и где шел, а где и бежал, но когда солнце уже садилось, я почти пришел в Бельцы, т. е. я проделал в тот день путь в семьдесят пять километров! Как это я так смог, до сих пор не понимаю! Но я был парень молодой, не по годам рослый и сильный, к тому же шел без вещей, да и увиденное в дороге подстегивало идти быстрее. Дорогу действительно часто бомбили и обстреливали немецкие самолеты, но мне повезло, в пути я познакомился с каким-то командиром Красной Армии, который тоже шел в Бельцы, и я увязался за ним. Он оказался опытный, воевал на Халхин-Голе, знал уже, как действует авиация, поэтому мы шли не по самой дороге, а вдоль нее, метрах в пятидесяти, чтобы меньше было шансов попасть под обстрел, так что шли мы быстро, почти не останавливались.

На подходе к Бельцам есть маленькое село, и уже когда смеркалось, я зашел в его сельсовет. Там был пожилой мужчина, который дал мне дельный совет: «Я вам сейчас идти в Бельцы не советую, город целый день бомбят, и вы сейчас там никого не найдете. Переночуйте лучше в скирде соломы, а уже утром туда пойдете, и кого надо наверняка найдете», и я так и сделал.

В укоме комсомола мне очень обрадовались, так как обо мне никто ничего не знал, и меня направили в десятую школу, где из жителей Скулянского района формировался истребительный батальон. Командиром батальона стал председатель райисполкома, а секретаря райкома партии назначили комиссаром, меня же назначили связным у командира одной из рот.

В этом бытальоне я прослужил около месяца. Всем нам

выдали винтовки, была даже пара пулеметов, но форму нам так и не выдали, ходили в своей гражданской одежде. В боях мы не участвовали, находились в тылу наших войск, и нашей основной задачей было ловить немецких диверсантов. Я уже точно не помню, но, кажется, пару человек мы все-таки поймали.

В конце концов отступая с нашими войсками, мы оказались в Резине, нам дали приказ переправиться через Днестр в Рыбницу и зарегестрироваться в Рыбницком военкомате, который уже был в совхозе «Ульма».

И там в лесу нас начали сортировать: кто отслужил в армии, тех сразу отправляли в боевые части, а тем, кто не служил и был неподготовленным, говорили: «Когда понадобится, мы вас вызовем». Меня, естественно, «отшили», но я не успокоился, встал второй раз в очередь, и мне еще раз сказали: «Когда потребуется, мы вас вызовем». Что еще оставалось делать, и я пошел домой, благо это был мой родной район. Пришел в село, но все жители оказались эвакуированы в соседнее село Мокра, так как около нашего села по Днестру проходила линия оборонительных укреплений, построенная еще до войны. Но все эти доты и дзоты так и не пригодились, так как наши войска, чтобы не попасть в окружение, отступили, и через три-четыре дня мы уже оказались оккупированы на долгих три года…

– Были какие-то акции устрашения сразу после того, как пришли румыны?

– С августа и примерно по декабрь сорок первого по Днестру плыли тела казненных людей… Коммунистов, комсомольцев, разных активистов советской власти, да и просто оклеветанных людей, евреев выводили на мост в Рыбнице и даже не расстреливали, а просто били прикладом по голове и сбрасывали в Днестр…

Там же, в Рыбнице, была политическая тюрьма, в которую сажали активистов советской власти. Но перед самым уходом румыны ее сожгли вместе со всеми заключенными… По-моему, там погибло и несколько наших односельчан.

– В вашем селе жили евреи, какова была их судьба?

– Вообще, в том районе у нас все села смешанные: молдаване, украинцы, русские – все жили вместе. У меня, например, отец украинец, а мать молдаванка. Все жители у нас спокойно говорили на трех языках, и бывало даже, что в разговоре один спрашивает на украинском, а другие ему отвечают на молдавском либо русском. Даже у нас в семье между собой мы говорили не на каком-то одном языке, а сразу на двух-трех. Всегда у нас в селе

люди жили дружно, не смотрели на то, кто какой национальности, кто на каком языке говорит. Простым людям делить нечего, это у нас на уровне «гнилой интеллигенции» уже начинаются всякие вопросы…

У нас в селе жили три еврейские семьи, которые после прихода румыны отправили в рыбницкое гетто. Наш бывший председатель сельсовета Кравец тоже эвакуироваться не успел, поэтому после начала оккупации он прятался в окрестностях села, но уже когда начались морозы, видно, его кто-то выдал, румыны его арестовали и привезли в село. Построили виселицу и решили устроить показательную казнь. Собрали людей и начали их опрашивать, кто пострадал от него лично, но его так никто и не предал, и ни один человек против него показаний не дал. И вы знаете, после этого румыны не решились его казнить, они его просто отправили в рыбницкое гетто. Я знаю, что наши односельчане, бывая по делам в Рыбнице, старались с ним встретиться и передать ему хоть что-нибудь из продуктов. Благодаря этой помощи и сам Кравец, и вся его большая семья смогли пережить оккупацию, и потом так и жили в нашем селе.

А я в Рыбнице после войны был знаком с Николаем Лазаревичем Довидзоном, который был секретарем подпольной комсомольской ячейки Рыбницкого гетто. Ему тоже посчастливилось там выжить, и потом он геройски воевал в нашей 41-й дивизии…

Я знаю, что в Дубоссарах есть большое захоронение казненных фашистами людей. Там выкопали одиннадцать больших рвов и закопали в них около десяти тысяч расстрелянных людей, но не только евреев, но и многих других… Уже не помню, в каком году на траурный митинг, посвященный этим трагическим событиям, приезжал один человек из Израиля. Он выступал и рассказал, как ему тогда «повезло»: он упал в ров даже не раненный и смог выбраться из него только через три дня…

– А вас не могли выдать, ведь вы тоже были комсомольцем, активистом советской власти?

– Могли, конечно, но вот не выдали. Не знаю, я думаю, что просто все уважали моего отца, он пользовался у людей большим авторитетом, наверное, это сказалось.

Но во время оккупации произошел один случай, и если бы не мой дядя, то, думаю, мы бы с вами сейчас не сидели и не разговаривали… Мой родной дядя, который в нашем селе до войны был секретарем сельсовета, был заядлый рыбак, и один раз он со своим товарищем, как обычно, рыбачил на берегу Днестра.

И прямо на него с правого берега приплыла лодка, в которой было два человека и, как оказалось, искали меня. Они были из того самого села Валя-Русулуй, в котором я работал до войны, и приехали со мной рассчитаться…

Как раз в тот период, что я работал, там репрессировали из числа кулаков несколько человек, около десятка, их выслали тогда вместе с семьями. Прошло уже столько лет, но я могу поклясться, что совесть моя чиста, и греха на мне никакого нет, ведь мне было всего семнадцать лет, в селе я был абсолютно новый человек, и от меня в этом вопросе совершенно ничего не зависело, а единственная моя вина была в том, что мне поручили составлять списки арестованных. Но те двое, видно, считали по-другому и поэтому приехали со мной поквитаться… Но мой дядя, когда понял, зачем они приплыли, все же как-то смог их убедить, что я ушел вместе с Красной Армией, и тогда они сразу уплыли обратно. Все-таки я, наверное, родился «в рубашке», потому что мне так крупно повезло… Ведь если бы они не попали именно на моего дядю или бы он не смог их убедить, то они или сдали бы меня полиции, или сами бы «решили вопрос»…

– В этот период у вас не появились сомнения, что мы победим в этой войне?

– Вы знаете, нет. Я был такой «заядлый» комсомолец, так верил и до сих пор верю в коммунистические идеалы, что у меня таких мыслей никогда не было.

– А вы не задумывались, почему отступила Красная Армия, отчего произошли такие неудачи в начале войны?

– Все же я не был тогда таким особым мыслителем, чтобы задавать себе такие вопросы. Мне было всего семнадцать-восемнадцать лет, образование – только сельская семилетняя школа, так что об этом я как-то не думал, но в нашу победу все равно верил, вот была у меня какая-то твердая убежденность.

– Как вы вообще жили эти три года в оккупации?

– Очень и очень плохо. Румыны ведь думали подарить местные земли своим офицерам и солдатам, поэтому колхозы они не распустили, а просто преобразовали их в общины, в которых люди работали фактически бесплатно, так как весь урожай румыны забирали подчистую. Вот тогда на селе впервые появилось такое явление, как воровство, потому что до войны люди вообще не воровали, ведь даже за взятый на поле колосок могли очень строго осудить, и ни у кого тогда даже и мысли такой не возникало, чтобы взять себе что-то с колхозного поля. А

тут просто людей поставили в такие условия, что, для того чтобы выжить, пришлось научиться воровать, а потом это явление так и осталось…

Я работал ездовым на подводе, перевозил разные грузы, поэтому иногда у меня была возможность, что-то «прихватить» и привезти домой… Конечно, воровать – нехорошо, но ведь нужно было как-то выживать… И все три года оккупации я проработал в этой общине, ни разу за все это время даже не выезжал никуда из села.

К местному населению румыны относились очень плохо, как к людям второго сорта или вообще рабам. И к бессарабцам они относились плохо, хуже, чем немцы, но к приднестровцам еще хуже, поэтому-то люди и не хотят объединения с Румынией, потому что очень хорошо запомнили, как те себя вели…

Излюбленным наказанием у них было битье. Даже если они ловили группу молодежи, которая у кого-нибудь дома собиралась просто пообщаться и задерживалась позже разрешенного времени, то могли очень сильно избить. Мне повезло, всего раз я как-то получил по спине палкой, а моего товарища один раз так сильно избили, что отбили ему почки… Несмотря на это, он потом воевал в соседней с нами дивизии, но вскоре после войны умер…

– В оккупации вы знали, что творится на фронте?

– Знали. И слухи разные ходили, и в селе у нас была учительница – Токарева Александра Александровна, которая через приближенных к ней ребят распространяла новости с фронта. Как потом оказалось, она сама была из дворянской семьи, но во время войны была связана с местным подпольем, и после Сталинграда она уже регулярно передавала нам, что творится на фронте.

– Когда освободили ваше село?

– Это было, кажется, первого или второго апреля сорок четвертого. Мы с моим приятелем пошли к девушкам в соседнее село Зозуляны, засиделись там допоздна и уже собирались идти домой, как кто-то очень настойчиво и властно постучал в окно. Оказалось, что это были разведчики Красной Армии. Целый полк стоял уже на окраине села, но не входил в него, послали вперед эту разведку. Когда разведчики узнали, что в доме есть два парня из Попенок, то предложили нам стать у них проводниками, чтобы показать дорогу в наше село, и мы с радостью согласились. И так получается, что мы с Петром Козием и с 126-м полком 41-й гвардейской дивизии участвовали в освобождении родного села.

Боя почти никакого не было, потому что у нас в селе был только постоянный жандармский пост, но его окружили и закидали гранатами.

– В вашем селе были люди, которые сотрудничали с румынами?

– Несколько человек служили в полиции, но они никого не обижали и ничего плохого людям не делали.

Мало того, один из тех, кто служил в полиции, Коля Вознесенский, ушел на фронт в составе тех самых первых одиннадцати добровольцев, что и я, тоже воевал в составе нашей 41-й гвардейской дивизии. Он был связистом в отдельном противотанковом дивизионе и в Венгрии даже совершил что-то вроде подвига. Немцы на одном участке потеснили нас, и он еще с двумя своими товарищами оказался у них в тылу, и три дня они из какого-то подвала корректировали огонь нашей артиллерии. За эти действия его наградили орденом Славы 3-й степени. Он вообще воевал хорошо, пользовался большим авторитетом, и поэтому на фронте его даже приняли в партию, но когда он вернулся домой, то хотя было проведено следствие и было установлено, что, будучи полицейским, он ничего не натворил, но его все равно из партии исключили и так потом и не восстановили. Он жил до конца жизни в нашем селе, работал директором клуба.

А сразу после освобождения нашего села расстреляли двух власовцев, которые приехали в отпуск, и одного нашего односельчанина. Где-то в 1932 г. он бежал через Днестр к румынам, а после начала войны вернулся, работал в полиции, и вот он единственный, кто свирепствовал в нашем селе. Как их расстреляли, я не видел, но знаю, где похоронили, под забором, а не на кладбище… И когда я недавно был в родном селе, то разговорился с одним односельчанином и рассказал ему, что на его участке захоронены эти три предателя…

Между нашим селом и соседними Зозулянами до 1940 г. была пограничная застава. Но когда пришли румыны, то на ее бывшей территории они устроили лагерь для военнопленных. И если я не ошибаюсь, то где-то в феврале 1942 г. группа военнопленных решилась на побег. Они разобрали печку и этими кирпичами перебили охрану… Но это же был глубокий немецкий тыл, к тому же стояла суровая зима… Но, насколько я знаю, части заключенных все-таки удалось уйти, и их так и не поймали. Но один из них постучался в дом к одному из наших односельчан. Принимать беглых пленных было очень рискованно и опасно, поэтому в дом он его не пустил, но разрешил переночевать в

своем сарае. А утром этот наш односельчанин привел жандармов, они схватили этого военнопленного и расстреляли… Зато когда вернулись наши, то этого односельчанина почти сразу арестовали, увезли, и больше о нем у нас в селе никогда ничего не слышали…

В оккупации румыны устроили бухгалтерские, кажется, курсы, и мне, как одному из грамотных людей, ведь тогда даже семилетнее образование котировалось достаточно высоко, предложили там учиться. Но мой отец был очень мудрый человек, и он мне сказал: «Я тебе не советую, наши ведь все равно вернутся, и с теми, кто сотрудничал с врагами, они обязательно разберутся, поэтому лучше просто продолжай работать». – И я так и не пошел туда учиться.

И довольно интересная история была с моим дядей, родным братом отца. Хотя всю жизнь он был беспартийным, но до войны работал секретарем нашего сельсовета. Во время оккупации он с еще одним нашим односельчаниным подались в «коммерцию», открыли в селе небольшой магазинчик, в котором торговали самыми необходимыми товарами. Хотя я был далек от политики, но мне эта его «деятельность» пришлась не по нутру. И когда нас освободили, то напарника моего дяди арестовали и увезли, а дядя не то что не был арестован, так он еще и устроился на работу ревизором в Молдавпотребсоюз. Меня это сильно удивило, торговали ведь они вместе, но одного арестовали, а другого взяли на государственную службу…

Но как-то после войны, когда я приехал домой, к отцу пришел и этот мой дядя, мы разговаривали, немножко выпивали, и тут брат отца мне неожиданно говорит: «Я знаю, что ты ко мне плохо относишься, поэтому прочти вот это», – и протянул мне какую-то бумагу. Это оказалась справка из КГБ, в которой говорилось, что в годы войны мой дядя сотрудничал с подпольем. Видно, пользуясь тем, что, будучи коммерсантом мог свободно передвигаться, он выполнял разные поручения подполья.

– Когда вас призвали в армию?

– Тем же утром, когда освободили село, мы попросили в штабе этой дивизии, который остановился как раз в нашем селе, чтобы нас взяли на войну добровольцами. Кроме нас, в тот же день обратились еще девять наших односельчан, и всех нас, одиннадцать человек, в тот же день и зачислили в состав этой 41-й гвардейской стрелковой дивизиии.

Я вернулся домой и говорю, так, мол, и так, ухожу на войну бить фашистов. Отец только сказал: «Ну, если хочешь, иди», – а вот мать дала реву… Говорила мне: «Зачем тебе это надо, ведь

мобилизация будет только через месяц». Но, правда, больше она меня не отговаривала, отец меня благословил, и я ушел…

Уже когда я шел из дома, то проходил мимо нашего сельского винпункта, где заведующим был друг моего отца, и когда он узнал, что я ухожу на фронт, то пригласил меня зайти выпить на прощание вина. Я тогда выпил десять граненых стаканов сухого вина, но так и не опьянел, настолько было велико нервное напряжение…

Я был высоким и сильным, весил тогда девяносто четыре килограмма, наверное, именно поэтому меня и направили служить наводчиком крупнокалиберного пулемета ДШК в 52-ю отдельную зенитно-пулеметную роту, ведь наводчику требовалось обладать недюжинной физической силой, чтобы управляться с этим пулеметом. Никакой предварительной учебы я не проходил, сразу попал в боевую часть. Форму мне тоже выдали не сразу, а только через пару дней, когда мы уже стояли возле Оргеева.

– Как вас встретили в роте?

– Я человек довольно общительный, поэтому проблем с общением в коллективе у меня никогда не было. Командир взвода провел со мной небольшое занятие, рассказал устройство пулемета и даже дал мне попробовать пострелять.

– Какова была ее структура, основные задачи?

– В роте было три взвода, по три пулемета в каждом. Расчет каждого пулемета состоял из трех человек: командир, наводчик и подносчик боеприпасов, т. е. в каждом взводе было где-то по десять человек, а всего в роте человек тридцать пять, наверное.

Нашей основной задачей было даже не сбивать немецкие самолеты, а просто их отогнать, предотвратить прицельную бомбежку наших войск, и должен сказать, что с этой задачей мы довольно успешно справлялись. Когда мы открывали огонь всей ротой, то немцы зачастую просто беспорядочно сбрасывали свои бомбы и улетали.

– Как вы можете оценить пулемет ДШК? Боеприпасов всегда хватало?

– Очень хороший пулемет, ведь недаром он до сих пор стоит на вооружении.

– Боеприпасов было достаточно?

– Патронов у нас всегда хватало, по самолетам мы стреляли вперемешку трассирующими и обычными патронами.

– У вас, зенитчиков, не было такого ощущения, что вы «смертники», ведь вы же самая первая цель для вражеских самолетов?

– Безусловно, так и было, но такого ощущения, что мы обязательно погибнем, у нас не было, чувство долга – вот что превалировало над всем остальным.

– Именно первый бой вы запомнили? Что вы почувствовали тогда?

– Первый налет, который мне довелось отражать, произошел через несколько дней, после того как я оказался в роте, но какого-то особого страха или растерянности я не почувствовал. Дело в том, что у меня был сильный внутренний настрой сражаться с фашистами, морально я был к этому готов, не зря ведь и пошел на войну добровольцем.

– Удавалось вашей роте сбивать немецкие самолеты?

– Да, я уже точно не помню сколько, но около пяти самолетов нам сбить удалось. Но какой расчет сбивал самолет, было непонятно, ведь стреляли-то все вместе. Я, конечно, тоже стрелял, но не могу сказать, что предположительно это я сбил, такой уверенности у меня не было.

– В каком направлении двигалась ваша дивизия?

– С нашего сельского винзавода взяли бочки, саперы на них сделали настил, по которому через Днестр переправилась вся дивизия, и начали наступать в направлении Оргеева. Буквально через день или два мы его взяли, но сил наступать дальше больше не было, поэтому встали там в оборону и простояли на том рубеже до самого начала Ясско-Кишиневской операции, т. е. где-то четыре с половиной месяца.

Там у меня произошел памятный случай. Где-то посреди этого срока меня пришла навестить моя мама. Не знаю, как она узнала, где мы находимся, но факт, что она босая пешком пришла к линии фронта и нашла меня. На такое способна, конечно, только родная мать… Нам разрешили встретиться, она даже переночевала там одну ночь у меня. И вечером, когда мы с ней говорили, наши «Катюши» начали обстреливать немецкие позиции. Я решил прихвастнуть, и говорю ей: «Смотри, мама, как мы немцев бьем!» А она мне ответила: «Чему же ты радуешься, сынок, ведь там убивают людей…» Все-таки только матери понимают, что значит родить и воспитать ребенка…

Мы там простояли столько времени в обороне, поэтому говорили даже, что и мы, и немцы чуть ли не поименно знали

всех командиров частей, стоявших напротив, но буквально накануне наступления нашу дивизию оттуда сняли и направили в сторону Теленешт. У нас в роте было три «студебекера», каждый из которых перевозил по одному взводу, т. е. по три расчета. Два пулемета везли в транспортном положении, а один устанавливали так, чтобы из него можно было стрелять.

Но по дороге в одном месте наш «Студебекер» наехал задним колесом на противотанковую мину… И опять мне крупно повезло: я сидел как раз сзади, но на другой стороне. Когда меня выбросило из машины, я упал прямо головой вниз на пашню и потерял сознание. А когда очнулся, то вскочил и как очумелый бросился бежать, но какие-то солдаты меня остановили… Оказалось, что от взрыва всех одиннадцать человек нашего взвода раскидало в разные стороны, и только я один оказался не ранен, меня только контузило… Правда, в основном ранения были легкие, но у одного из наших солдат был разворочен живот, оторвана нога, и я думаю, что он не выжил…

То, что произошло с нашей машиной, видел или слышал кто-то из моих односельчан и, видно, написал об этом домой, в общем моим родным передали, что я погиб… Хорошо еще, что я вскоре отправил письмо, что со мной все в порядке… Но в медсанбат меня не отправили, я приходил в себя в своей роте.

Вы знаете, после войны мне по работе пришлось много ездить по Молдавии, я ее исколесил буквально вдоль и поперек, но на то место так и не заехал…

Потом мы участвовали в освобождении Кишинева, 122-й стрелковый и 89-й артиллерийский полки получили даже почетное наименование Кишиневских. Затем наша дивизия переправилась через Прут в Румынию, освобождала город Васлуй.

Недалеко от Васлуя, в отрогах Карпатских гор, нашу дивизию поставили на пути возможного прорыва из окружения немецких войск, и вот там со мной случился самый яркий мой боевой эпизод, за который меня даже наградили медалью «За отвагу».

Дивизия расположилась в деревне, носящей очень благозвучное для русского уха название – Ибанешты, которая находилась в низине, а наш взвод, как обычно, занял позицию на самой высокой точке в округе. В сторону Прута от нас буквально метрах в ста был лес.

Ночью, это было 2 сентября, где-то в двенадцать часов, как раз было время моего дежурства, я вдруг заметил, что между нами и лесом, вдоль наших позиций, строем идет большая колонна немцев, и, судя по направлению их движения, они должны были выйти как раз на позицию артиллерийской батареи, которая была неподалеку от нас. Я разбудил своего напарника,

оставил его у пулемета и побежал будить нашего командира взвода. Всех, конечно, разбудили, заняли свои места у пулеметов, а командир взвода пришел к нам в расчет и всех предупредил: «Без моей команды не стрелять».

И вот когда он ее вот-вот уже должен был отдать, он вдруг вскочил в полный рост на бруствер и в этой полной ночной тишине во весь голос закричал: «По противнику огонь!» Он кричал так, как будто отдавал приказ целому полку, а ведь перед нами никакой пехоты не было, да и нас только одиннадцать человек… Но нам повезло в чем? Была лунная ночь, видимость была довольно хорошая, но там между нами была какая-то лесопосадка, поэтому немцы нас и не заметили.

В общем мы открыли огонь, когда немцы были от нас, наверное, метрах в пятидесяти… У них сразу возникло сильное замешательство, правда, попытался огрызаться один пулемет, но мы его сразу подавили. Этот фактически расстрел, продолжался всего пару минут, немцы бросились в сторону леса, а своей пальбой мы разбудили всю округу. К нам из деревни прислали подкрепление, но до утра решили немцев не преследовать.

А утром силами нашей дивизии этот лес окружили, и в плен тогда мы взяли несколько тысяч немцев… За тот ночной бой наградили и меня, и нашего командира взвода, кажется, орденом Красной Звезды. Сколько мы тогда положили немцев, я не знаю, мы туда смотреть не ходили, а у нас во взводе в том бою потерь не было, никого даже не ранило.

После окончания Ясско-Кишиневской операции нас отправили на переформировку на Западную Украину, под Ровно, и там нам пришлось столкнуться с бандеровцами. Их сейчас украинские власти стараются реабилитировать, но я-то знаю, какие подлые и жестокие были эти гады… Как они коварно, исподтишка убивали наших солдат… Мы знали, что они даже с помощью смазливых девиц заманивали наших солдат и убивали их…

Но там мы пробыли недолго, где-то месяц, и нас отправили обратно в Румынию. Без особых боев освобождали Румынию, Югославию, а уже где-то в ноябре мы переправились через Дунай в районе венгерского городка Мохач и начали наступление на Будапешт.

Под Секешфехерваром были тяжелейшие бои, если не ошибаюсь, то этот город мы брали и оставляли несколько раз, но там немцы бросили против нас 6-ю танковую армию Гудериана, с отборными эсэсовскими дивизиями, и части РОА. Причем, как потом выяснилось, Власов и командующий нашим фронтом Толбухин были однокашниками в Академии Генерального штаба,

и немцы нам даже сбрасывали «для него» листовки примерно такого содержания: «Федя, уходи за Дунай, а то мы тебя в нем искупаем…» Но в Дунае нас немцы так и не искупали, хотя потрепали сильно…

Когда Будапешт окружили, то нашу дивизию поставили во внешнее кольцо окружения. От нас до внутреннего кольца было расстояние всего в тридцать пять километров, и поэтому немцы, чтобы выручить свои окруженные войска, решили прорвать кольцо окружения именно на нашем участке. В ночь на шестое января они нанесли мощнейший удар, на стыке нашей и соседней дивизии, и прорвали нашу оборону…

Мы оказались в окружении, и началось что-то наподобие паники… Наша рота была на какой-то высотке, нас всех собрал командир роты и сказал примерно следующее: «Ребята, надо выходить маленькими группами», и с парой солдат он первый и ушел, а мы остались «без руля и без ветрил»… Что оставалось делать? Бросили наши пулеметы и пошли… А позади нас было большое венгерское село, в центре которого находился штаб нашей дивизии, а в школе на окраине располагался штаб одного из полков. Мы с моим приятелем Петей Неумыванным, он тоже был из Молдавии, но из Каменского района, пошли вместе в штаб полка, думали, что хоть там нам скажут, что делать дальше. Одноэтажное здание этой школы оказалось переполнено нашими солдатами, их там было больше сотни, это точно, но офицеров среди них не оказалось, и вся эта масса солдат уже напоминала не армию, а стадо баранов… Начались крики и обсуждение, что лучше делать: одни говорили, что нужно отстреливаться из подвала, другие говорили, что лучше с чердака… И я очень ярко запомнил, как посреди этого обсуждения вперед вышел один старшина, по-видимому, украинец, с такими пышными и длинными усами, и сказал: «Будь что будет, а я отсюда никуда не пойду». – И сел на пол… А бой в это время шел уже почти у стен самой школы, стрельба слышалась совсем рядом, мы даже слышали выкрики немцев «Хенде хох»… И мы с Петей решили немедленно уходить.

А там в школе мы встретили еще одного нашего земляка из села Грушка, и он нам говорил: «Хлопцы, куда вы, туда и я», но когда мы ему сказали, что уходим, то он вдруг отказался: «Вам хорошо – вы холостяки, а у меня жена и трое детей, я боюсь идти», и он остался, а мы ушли… И я повторяю, мы ушли оттуда, когда стрельба уже была на территории церкви, которая была рядом с этой школой. По дороге вдоль кладбища мы бросились бежать наверх. Ушли из этой школы только мы двое, а все остальные так там и остались…

Мы примерно знали направление, где должны были находиться наши войска, туда и направились. В поле в одном месте мы совсем близко от нас услышали голоса. Залегли, прислушались, говорили на немецком, думаю, что это были связисты, человек пять, наверное, но в темноте точно не разглядели. Мы, конечно, могли начать стрелять по ним, но поднимать шум нам не хотелось, поэтому выждали, пока они ушли, и пошли дальше.

Где шли, где бежали, но только рано утром вдалеке увидели группу каких-то людей. Мы залегли, стали за ними наблюдать, но так и не могли понять, наши это или немцы, не слышали, на каком они языке говорили. И тут один из них очень громко «завернул» такой махровый мат, который только на фронте бывает, и мы поняли, что вышли к своим. Только потом мы с Петром размышляли, что это могли оказаться и власовцы, но тогда об этом как-то не подумали, и как мы потом с ним шутили, что более ласковых и теплых слов мы в своей жизни не слышали…

Направились к этой группе, и когда выяснилось, что мы солдаты 41-й дивизии, выходим из окружения, так нам сказали: «А, драпаете» – и обложили нас матом, но мы это горе пережили. Как потом оказалось, это были части даже не нашей армии, которые тут создавали новую линию обороны. Солдаты нас отвели к их командиру батальона, которым оказался мой однофамилец, капитан Бондаренко, и он начал выяснять, кто мы такие.

Со мной все оказалось просто, так как я, когда мы выбежали из школы, взял в руку комсомольский билет и красноармейскую книжку, подумал, что если что, то я успею бросить их на землю и припорошить снегом. А вот Петр свои документы порвал на кусочки, но я за него заступился, подтвердил, что это мой товарищ и земляк, просто он свои документы потерял. Конечно, я не говорил, что он их порвал, ведь это бы его плохо охарактеризовало, и в какой-то мере это можно было бы назвать предательством. В общем, с нами этот капитан разобрался и зачислил в одну из своих рот.

Нас туда отвели, дали лопатки и велели окапываться. Но там близко к поверхности земли были грунтовые воды, и, чтобы не стоять в этой ледяной воде, солдаты бросали на дно окопа кукурузную ботву – чеклеш. Мы тоже один раз сходили за ним на соседнее поле, а когда пошли во второй раз, мне Петя и говорит: «На что нам сдался этот твой тезка, идем лучше к своим», тем более что солдаты в разговоре упомянули, что в семи километрах оттуда собирают таких «окруженцев», как мы. И мы с ним, ни у

кого не отпрашиваясь, пошли в том направлении, и действительно, к утру уже были там, и даже нашли остатки своей роты.

Там нам солдаты рассказали, как наш командир дивизии генерал-майор Цветков смог остановить немецкое наступление в том бою. Когда он увидел, что его солдаты начали беспорядочно отступать, он просто забрался на какой-то большой камень, который стоял посреди того села, и, обратившись к солдатам, сказал всего одну фразу: «Сыны мои, на кого же вы меня оставляете», слез с этого камня и залег прямо рядом с автоматом… И это подействовало, солдаты остановились, тогда он встал, и уже лично назначал там командиров и наметил посреди села линию обороны, в общем, остановил то бегство…

За этот ночной бой командир нашей дивизии Цветков был награжден орденом Ленина, а командир 122-го полка Климов за то, что организованно вывел из окружения весь свой полк, был удостоен звания Героя Советского Союза.

– А вы не помните, как называлось то село?

– Как же не помню, конечно, помню, наши солдаты тогда его называли Чобди. Но я после войны занимался наукой, и в 1972 г. оказался на научной конференции в Будапеште. Конечно, мне очень захотелось посетить это село, поэтому я обратился к организаторам конференции, рассказал им то же самое, что и вам, и они пошли навстречу, выделили мне машину и даже дали сопровождающего. Но когда смотрели по карте, то такого села не находили, а из похожих названий нашли только деревню Пиласчоби в 35 км от Будапешта.

Приехали в то село, и это действительно оказалось оно… Я нашел руководсто этого села, хотя мне строго-настрого запретили общаться с местным населением, боялись, наверное, плохого отношения после «венгерских событий» 1956 г., но я очень хотел узнать судьбу тех солдат, что остались в той самой школе. Подошли к ней, но она уже была двухэтажная, как потом выяснилось, ее после войны надстроили. Мигом вокруг нас собрался народ: дети, старики, им было интересно, что в их селе ищут какие-то иностранцы. Причем вначале нас приняли за немцев, даже начали нам говорить, что немцы относились к ним не так, как русские, но потом разобрались, кто мы такие. Общаться было очень трудно, так как мой сопровождающий знал только французский, на котором я мог еле-еле объясниться. Но оказалось, что кое-кто из стариков немного говорит на русском языке, и дело пошло получше.

Я им говорю, что эта школа была одноэтажная, а дети мне

говорят: «Нет, она всегда была двухэтажная», но старики меня поддержали. Я им показываю, что тут был вход в подвал школы, хотя там тогда уже было все замуровано, и старики меня опять поддержали: «Он прав, так и было». Тогда я спросил про тех солдат…

Оказалось, что немцы окружили эту школу, забросали ее гранатами и уничтожили всех, кто в ней находился, ни одному человеку спастись не удалось… Потом вытащили тела наших солдат, сложили их штабелями прямо на улице и всю зиму не разрешали местным жителям их похоронить… И только когда началось наступление и пришли наши войска, то их, наконец, похоронили на территории села в двух братских могилах: одно посреди села, а другое на сельском кладбище…

Тогда я попросил, чтобы меня отвели к этим могилам, и спросил, где у них можно купить цветов. Старики дали поручение детям, и те нам принесли из своих домов много цветов. Денег у меня было совсем немного, нам обменяли на форинты всего по сто рублей, но я все равно спросил, сколько я должен за цветы. Но старики мне ответили: «Мы за цветы для могил денег не берем», – и не взяли с меня ни копейки…

Со мной в эту поездку попросился поехать профессор Арутюнян из Армении, я ему показывал, где, как и что было, показал ему и дорогу, по которой мы бежали вместе с Петром… Он все удивлялся, как это я все так хорошо запомнил, а я ему сказал: «Ашот Сергеевич, конечно, хорошо, ведь тут я заглянул смерти в глаза…» Вот такой у меня был эпизод, связанный с этой деревней…

– А вы в какую часть попали после возвращения?

– В свою же зенитно-пулеметную роту. Тогда же вернулась примерно половина солдат, которые были до выхода из окружения, и нас только пополнили новыми солдатами. Даже командир роты у нас остался прежний, он тоже вернулся живой, правда, легкораненый, весь какой-то исцарапанный.

А потом мы где-то в марте пошли в наступление. Освобождали Венгрию, словенскую часть Югославии, Австрию, и только 10 мая мы встретились на реке Инс с американцами, поэтому праздник Победы лично для меня именно 10 мая.

– Как вы узнали о Победе? Как-то ее отметили?

– Когда мы узнали о Победе, то творилось что-то невероятное. Там было много наших войск, и когда все начали стрелять из всех стволов, даже из пушек стреляли… Радость была неимоверная, описать ее у меня просто не хватает слов…

– Как вас встречало население в разных странах?

– Лучше всего нас встречали в Югославии. Я не хочу сказать, что в Румынии нас встречали плохо, хорошо встречали, относились очень лояльно, но просто с приемом, который нам устроили в Югославии, ничто не сравнится.

Я помню, как в Югославии местные жители выкатили на дорогу большую бочку вина и всем проходившим солдатам наливали по стакану. И там же был еще случай, который я видел лично: один серб увидел, что в нашей колонне одна из лошадей была раненая. И он сам предложил нам ее заменить, привел из дома и отдал нам свою здоровую лошадь, а раненую оставил себе… Вот так нас встречали в Югославии!

Даже в Австрии нас, кстати, встречали довольно хорошо, а вот в Венгрии встречали прохладно. Не могу сказать, что враждебно, все-таки вооруженного противостояния не было, но относились к нам прохладно. Делали вид, что ничего не понимают по-русски, у них даже была стандартная фраза «Nento dom» – «не понимаю». А когда мы, например, оставляли Секешфехервар, то с верхних этажей зданий на нас бросали разные предметы, даже кипятком обливали…

– Удавалось пообщаться с мирным населением?

– Когда мы были в Трансильвании, то тылы у нас отстали, и для того чтобы кормить личный состав, командование решило брать продукты в окрестных селах. А там как раз были немецкие поселения, так называемые швабские немцы, и меня привлекли как переводчика для общения с местным руководством, ведь села хоть и были немецкие, но и по-румынски там тоже умели говорить. И вот тогда мне особенно много пришлось общаться с примаром одного села, его очень сильно волновал вопрос: оккупирует ли Советский Союз Румынию или нет? Я, конечно, о таких высоких материях рассуждать не мог, но я его как мог успокаивал: «Не волнуйтесь, Бессарабию, мы, конечно, вернем, а Румынию оккупировать никто не собирается».

А в Австрии наша дивизия освобождала печально «знаменитый» концлагерь Маутхаузен, и у нас была возможность лично увидеть, что немцы там творили… Мы успели освободить много заключенных, но правильно говорят, что это были не люди, а скелеты, обтянутые кожей… Невозможно даже себе представить, что людей можно было довести до такой степени истощения…

Среди узников концлагеря был полный интернационал, было много разных людей со всей Европы, и со всеми ними надо было как-то общаться. Причем, что интересно, заключенные встретили

нас очень настороженно, даже прохладно, они никак не могли поверить, что Красная Армия находится уже в Австрии, они думали, что это какая-то провокация со стороны немцев, чтобы их окончательно уничтожить… Для общения с итальянскими заключенными никак не могли найти переводчика, и тут кто-то в штабе вспомнил, что я был переводчиком в Румынии, а итальянский и румынский языки похожи, и поэтому меня на несколько дней привлекли для работы с этими итальянцами. И вы знаете, нам действительно удавалось неплохо понимать друг друга.

– Что-то вам запомнилось за границей?

– Бросилось в глаза, что они живут лучше нас, особенно бауэры в горной части Австрии. Большие дома, там у них уже тогда были ветровые установки для выработки электроэнергии. Вообще, конечно, Австрия – очень красивая страна. Я за тот год, что мы стояли там после войны, набегался и налазился по их Альпам, так что видел многое, даже на горных лыжах удалось там покататься.

А вот Румыния, через которую мы прошли, была беднейшая страна. В городах еще ничего, зато села были еще беднее, чем у нас в Бессарабии, не говоря уже о Приднестровье.

– Вам довелось встречаться с американцами?

– Да, и, между прочим, они относились к нам прекрасно. Когда в Австрии мы стояли рядом, то почти каждый день устраивали встречи: разговаривали, общались, а заканчивалось все, естественно, «шестым вопросом», с хорошей закуской и тостами за «вечную дружбу».

Мне запомнился интересный случай, который произошел на одной из таких встреч, лично я на ней не присутствовал, мне это потом пересказали. На одной встрече старшим у американцев был полковник, который очень неплохо говорил на русском языке. Наши заинтересовались и спросили его, откуда он так хорошо знает язык. Он ответил примерно так: «Когда вы разгромили немцев под Сталинградом, я понял, что русские действительно представляют собой силу в этом мире, и поэтому решил учить ваш язык». Тогда ему задали второй вопрос; как бы он определил, кто сыграл главную роль в победе над фашизмом. Он ответил: «Год тому назад я собрал своих офицеров и сказал им, что Сталин – это та фигура, которая обеспечила победу над Германией»… и я с этим лично согласен.

С простыми солдатами нам было трудно общаться, потому что ни мы, ни они языка не знали, и все общение было на уровне

жестов, улыбок, но очень доброжелательное. Менялись с ними на память разными мелочами, но лично я так ни разу ничем и не обменялся.

– Какие у вас боевые награды?

– Я награжден медалями «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены».

– Люди каких национальностей служили в вашей роте?

– У нас в роте было где-то тридцать пять человек, но был полный интернационал, аж одиннадцать национальностей. И несмотря на это, жили мы очень дружно, и эта тема вообще никого не интересовала. Например, в моем расчете командиром был мордвин, я наполовину украинец и молдаванин, подносчиком патронов был русский, а командиром роты у нас был еврей. Мне запомнилось, что когда нашей дивизии пришлось брать здание знаменитого оперного театра в Вене, то там валялось много разных музыкальных инструментов, и когда внутри здания происходил взрыв, то эти разбросанные инструменты издавали звуки. А после боя наш командир роты сел за хороший рояль и сыграл на нем, как мне тогда показалось, просто великолепно. Мы, конечно, видели, что это был хорошо образованный, интеллигентный человек, но все же так сильно тогда удивились, ведь даже и подумать не могли, что он может играть, тем более так хорошо, но, к сожалению, ни фамилии, ни даже имени его, я уже не помню.

И несмотря на такой разнородный состав, у нас в роте были очень хорошие, дружеские отношения. Фронтовики – они ведь как братья. Мы все там были как родные, и ничего такого, например, проявлений антисемитизма, я ни разу не видел и не слышал.

– Кто у вас был самый близкий друг на фронте? Чью смерть вы переживали острее всего?

– Тяжелее всего я пережил смерть моего односельчанина Алеши Панфилова. Он погиб утром, после того ночного боя под Васлуем, когда мы расстреляли колонну немцев. Силами нашей дивизии тогда организовали прочесывание леса, чтобы пленить прятавшихся в нем немцев. В этом лесу был какой-то овражек, в котором прятались эсэсовцы. Они, видно, одновременно заметили друг друга, выстрелили, и будучи уже смертельно раненным, он встал в полный рост и выпустил по ним весь диск автомата… Посмертно его наградили орденом, но я уже точно не помню каким. Такой хороший веселый был парень, играл на трубе в нашем сельском ансамбле…

Но вообще, конечно, когда каждый день видишь убитых и искалеченных людей, то ощущения притупляются, привыкаешь все это видеть и так остро уже не реагируешь…

– Как кормили на фронте?

– И на фронте, и все то время, что мы были в Австрии и Венгрии, нас кормили хорошо, не нормально, а хорошо. Я был некурящий, поэтому вместо табака мне даже выдавали конфеты. А вот когда нас в 1947 г. вывели в Черкассы, как раз в это время на юге был голод, то тут нам пришлось туго: на завтрак – каша из кукурузной крупы, на обед – суп с кукурузной крупой, а на ужин опять каша из кукурузной крупы, и так несколько месяцев подряд… У нас тогда старшиной был веселый парень с Украины, и когда мы за минуту съедали эту нашу жалкую норму, то он нас сразу выводил из столовой и давал команду запевать песню «Кони сытые бьют копытами»… Поэтому я когда вернулся из армии, то даже смотреть не мог на лю-бую кашу…

– Как часто выдавали спиртное?

– Насколько я помню, во фронтовых частях ежедневно выдавали по 100 граммов. Награды мы обязательным образом «обмывали» в котелке.

И у меня со спиртным связан один трагикомический случай. Это произошло, когда мы отступили из Секешфехервара и закрепились в его пригороде. Нашу роту тогда расположили во второй линии обороны, и это был тот редкий случай, когда мы должны были сдерживать немецкую пехоту.

Мне запомнилось, что там мы занимались дезинформацией немцев, создавали у них впечатление, что на нашем участке накапливаются большие силы. Например, ночью по окопу ходил солдат со специальной трещоткой, которая издавала звук работающего танкового двигателя. Когда он доходил до пулемета, то по немцам давали очередь, и он шел до следующего пулемета.

Там произошло небольшое ЧП: у нашего пулемета лопнула ствольная коробка, и меня с товарищем отправили отнести его на ремонт в артмастерские, которые находились в лесу за холмом. Ночью на подводе пулемет мы туда отвезли, но тогда, так же как и сейчас, мастера не особенно торопились, в общем, застряли мы там дня на три.

А в нашу роту старшина дня три не мог подвезти горячее питание, так как немцы очень хорошо пристреляли склон холма, который был за нашими позициями. И старшина подходит к нам, мол, ребята, отвезите на вашей подводе питание в роту. Но мы

ему говорим: «Товарищ старшина, вы же прекрасно знаете, что немцы там обстреливают все, что движется, тем более днем». Старшина ходил-ходил, потом опять подходит к нам и говорит: «Ребята, а вы наркомовские сто граммов получили? Нет? Так давайте я вам налью». Мы выпили. Он опять спрашивает: «А за вчера сто граммов вы получили? Нет? Так получите». В общем, когда мы уже выпили и за позавчера, то даже начали песни петь. Тогда он к нам опять подошел: «Там наши ребята уже три дня ничего не ели, может, отвезете для них еду?» – «Конечно, отвезем», – отвечаем… После трехсот граммов чего ж не отвезти-то?.. Он так обрадовался, загрузил нашу подводу продуктами, даже ездового нам нашел, и мы поехали. Пока поднимались на холм, все было нормально, но когда мы начали спускаться по склону, который прекрасно просматривался немцами, днем…

Наверное, от такой наглости даже немцы обалдели… Наш ездовой припустил лошадей, и мы знали, что нам надо только добраться до окраины города, а там, среди домов, мы уже будем в безопасности. И тут из-за здания кирпичного завода, который был как раз напротив наших позиций, выехали три немецких танка, и прямой наводкой начали обстреливать нашу повозку… Увидев такое дело, мы с напарником соскочили с подвод и бросились в кювет. Но ездовой нам попался смелый и упорный, он лишь еще больше припустил лошадей и прорвался-таки в пригород, а мы уже по обочине перебежками добрались сами. Я был в ватнике и ватных брюках, и когда пришел в роту, то увидел, что штаны на «пятой точке» изорваны осколками просто напрочь, а у меня самого ни единой царапины, все-таки я, наверное, точно под счастливой звездой родился…

Про случаи отравления наших солдат техническим спиртом слышал, но сам ни разу не видел. Я лично никогда спиртным не увлекался, и, даже проработав 55 лет в Институте виноделия, могу сказать, что за все это время меня никто пьяным не видел, но свои сто граммов на фронте я выпивал.

– У вас были какие-то трофеи? Посылали домой посылки?

– У меня вообще ничего не было, ничего, и даже посылку я домой ни разу не послал. Этим могли заниматься офицеры или те, у кого были такие возможности.

– С женщинами на фронте удавалось пообщаться, с медсестрами например?

– Санинструкторы если с кем и общались, то только с офицерами, а я был простой рядовой солдат. ППЖ были у многих офицеров, но к таким женщинам мы из-за этого плохо относиться

не стали.

– Как часто удавалось помыться, постираться? Вши были?

– Вши у нас временами бывали, но с ними успешно боролись. У нас был очень ответственный старшина, который старался почаще организовывать нам помывку. Кстати, вот американцы были страшно завшивленные, это мне запомнилось.

– Удавалось как-то отдыхать?

– Когда нас выводили на переформирование, то бывали концерты, причем не армейской самодеятельности, а приезжали специальные концертные бригады.

– Как вас одевали?

– В целом хорошо. Я сменил не одну пару обуви, ходил и в ботинках, но в сапогах мне нравилось значительно больше. Носил и шинель, и ватник, он, конечно, теплее и удобнее. Каски мы в бою одевали всегда, даже противогазы были.

– Какое у вас было личное оружие? Приходилось из него стрелять?

– Насколько я помню, и винтовка была, и автомат, когда как, но стрелять из них мне не пришлось ни разу.

– Как относились к пленным? Вы видели случаи жестокого отношения к ним?

– О том, что власовцев солдаты предпочитают сразу расстреливать, а не брать в плен, я слышал, но сам ни разу такого не видел. А немцев брали в плен и просто отправляли в тыл, чтобы над ними как-то издевались, я не видел.

Но был один раз трагикомичный случай: где-то в Венгрии на марше мы остановились пообедать, приехала полевая кухня, и тут прямо рядом из леса, метров сто от силы, на нас вышли два немца. Солдаты, конечно, сразу похватали оружие, начали им кричать: «Хенде хох!» Один из немцев поднял руки и пошел в нашу сторону, а второй вдруг развернулся и побежал обратно в лес. Мы открыли огонь по нему из всех трех наших пулеметов, но так в него и не попали, и он скрылся в лесу, а его товарищ стоял в это время рядом с нами…

– Как вы можете оценить немцев как солдат?

– Надо отдать им должное, немцы – хорошие солдаты, но я не считаю, что они нас в чем-то превосходили. Думаю, что между нашими и немецкими солдатами можно поставить знак

равенства.

– А как немцы относились к нашим пленным?

– В Венгрии был страшный случай. Я ему свидетелем не был, но солдаты наши много про него рассказывали. Немцы прорвали нашу оборону и захватили буквально на одну ночь деревню Вереб. А на следующий день наша дивизия ее освободила, и когда увидели, что немцы там натворили, то просто ужаснулись: наших пленных солдат они убивали самыми варварскими и зверскими способами… Позвали на это посмотреть нашего командира дивизии Цветкова, это был очень интеллигентный, даже мягкий, человек, но когда его спросили, что делать с пленными, он ответил: «Повесить на телеграфных столбах», – и их повесили…

– После таких случаев не было мысли «отомстить по полной»?

– Таких мыслей у нас все равно не появилось. Злость на немцев, конечно, была, но скорее потому, что большинство солдат пережили оккупацию и у них осталась обида за скотское отношение, но к пленным все равно насилия не было. Потом мне даже довелось слышать от односельчан такое, что если бы оккупанты нормально относились к людям, то они могли бы и победить.

– Вам не приходилось видеть командиров высокого ранга, говорят, среди них были жестокие и заносчивые люди?

– Командира нашей дивизии я видел много раз, приходилось видеть и командира нашего корпуса, и один раз даже командующего фронта Толбухина. Я бы не сказал, что они были жестокие, но действительно было видно, что это очень жесткие люди, приказы которых не обсуждались, а выполнялись любой ценой.

Один раз мне пришлось видеть такой случай. Передовые части нашей дивизии в районе венгерского города Мохач достаточно легко форсировали Дунай и начали преследовать немцев. А переправа основных сил дивизии замедлилась, причем, вместо того чтобы в первую очередь переправлять войска и боеприпасы, туда вначале переправлялись какие-то второстепенные подразделения. Кроме того, на берегу образовалась очередь на переправу длиною где-то в два километра, и нам еще крупно повезло, что была нелетная погода: туман, моросил дождик, а то бы немцы нам устроили… И в этот момент на переправу приехал командир нашего корпуса, Козак, кажется, была его фамилия. Он увидел все это безобразие, что

переправляют не тех, кого надо, и подозвал начальника переправы. Командир корпуса посмотрел на часы и говорит: «Если через полчаса вы не наведете на переправе порядок, то я отдам приказ вас расстрелять», – и врезал тому полковнику пару раз палкой по спине…

– Политработники пользовались уважением у солдат? Вы верили партии, лично Сталину?

– У нас политработники были хорошие, и солдаты им доверяли.

Уже после войны по работе мне пришлось много общаться с одним бывшим репрессированным Менчером. Хотя я был убежденный коммунист, а он ярый антисоветчик, но у нас сложились почти дружеские отношения, и полушутя-полусерьезно мы иногда очень ожесточенно спорили на «политические» темы, он чуть ли не с пеной у рта выступал против Сталина. И как-то раз он меня все-таки допек, и я ему сказал:

– Эммануил Маркович, вы в еврейском гетто были?

– Нет.

– А в плену вы были?

– Нет.

– А в окружение вы попадали? А под перекрестным пулеметным огнем вы были?

– Нет.

– А под бомбежкой?

– Тоже нет.

– А артподготовку вы пережили хоть раз?

– Нет.

– Эммануил Маркович, так идите в НКВД и скажите им спасибо, что они вас сослали за Урал, и вы ничего этого даже не видели. А я, кроме гетто и плена, все это лично пережил, и еще неизвестно, кому из нас было тяжелее… И больше после этого разговоров на такие темы у нас не было, и он меня в «просоветскости» не обвинял…

– Приметы, суеверия у вас на фронте были какие-нибудь?

– Нет, у меня ничего такого не было.

– А в Бога не стали верить?

– Нет, я был убежденным атеистом, зато сейчас отношусь к религии значительно лучше, чем тогда. Вообще я считаю, что за последние две тысячи лет человечество выработало всего две приемлемые для людей идеологии: религию, с ее идеями проповедования добра и наказанием за совершенное зло и грехи,

и идеалы коммунизма.

– Со «штрафниками» не приходилось сталкиваться? Доводилось присутствовать при показательных расстрелах?

– «Штрафников» я даже ни разу не видел и солдат, прошедших через такие подразделения, не встречал. Показательных расстрелов я ни разу не видел.

– О заградотрядах слышали?

– Знаю, что они были, но ни разу их не видел.

– С особистами приходилось общаться?

– На фронте нет, а сразу после войны у меня был довольно интересный случай. Как комсорг роты я входил в состав комсомольского бюро полка. Комсорг нашего полка был из Сибири, прошел с боями от Сталинграда до самой победы. Он отпросился в отпуск, а вместо себя на все то время, что его не будет, он порекомендовал назначить меня. И два-три месяца, что его не было, я выполнял его обязанности, организовывал самодеятельность, различные мероприятия, спортивные соревнования. А как раз в это время у нас сменился начальник особого отдела, и этот новый капитан пригласил меня на беседу.

Он толкнул большую речь: что мы находимся на вражеской земле, что среди нас много таких, кто был на оккупированной территории, и тех, кто прислуживал немцам, и нам еще еще только предстоит разобраться, может, среди них затаились предатели. Поэтому нам нужно иметь своих информаторов, мобилизовать на это дело комсомольцев, чтобы знать, кто чем дышит, и т. д. и т. п. В общем, целый час он так разорялся, но я его не перебивал. А когда он закончил свою речь, я встал, и говорю: «Товарищ капитан, я был на оккупированной территории…» Он побагровел, потом позеленел, потом посинел, начал ходить туда-сюда по кабинету… Потом сказал мне: «Раз командование вам доверяет, значит, будем вместе работать и дальше». Но сразу после этого пошел в политотдел и начал возмущаться: «Что у вас тут творится, кого вы назначили комсоргом полка?»…Я сам пошел к начальнику политотдела дивизии Шахову и говорю ему: «Товарищ подполковник, назначьте вместо меня кого-нибудь другого». Но он был хороший, мудрый человек и сказал мне примерно так: «Ты еще молодой и не знаешь, что и в нашей партии дураков тоже хватает. И если на всех смотреть и слушать, то… Иди и работай, а чтобы тебя успокоить, я тебе дам свою рекомендацию в партию». Я тогда как раз написал заявление о приеме в кандидаты члена партии, но

представил только две рекомендации, а нужно было три, и Шахов мне ее дал. И до 1990 г. я был членом партии.

– Вам приходилось попадать под огонь нашей артиллерии или авиации?

– Под Оргеевом я, как и многие солдаты там, заболел малярией. Когда мы пошли вперед, то меня положили на повозку, запряженную двумя волами. И под Теленештами на колонну был налет нашей же авиации, видно, произошла какая-то несогласованность. Я так и пролежал весь налет в этой повозке, сил, чтобы подняться и отбежать в укрытие, не было совсем… Но все-таки я, наверное, родился в рубашке, потому что и обоих волов в моей повозке убило, и многие солдаты были ранены или убиты, а у меня ни одной царапины… Но этот налет – один из самых страшных моментов, что мне довелось пережить на войне… Правда, это был единственный такой случай.

– Что было для вас самым страшным на войне?

– Я многое повидал и испытал, но самое страшное – это попасть в окружение. Сколько страха я тогда натерпелся, пока мы вырывались из окружения…

– У вас тогда не было такого ощущения, что мы воюем с неоправданно большими потерями?

– Как фронтовик вам скажу, что я с таким суждением категорически не согласен, это все разговоры наших идеологических противников. Наверное, можно было бы воевать и с меньшими потерями, но это не значит, что людей не жалели и ими разбрасывались направо и налево…

– Из вашего села сколько мужчин забрали на фронт?

– Я точно не знаю, но с войны не вернулось больше двухсот моих односельчан… А из тех одиннадцати, что ушли в армию добровольно в первые дни, нас вернулось семь человек, это, между прочим, высокий процент…

– С одной из фотографий у вас связана забавная история.

– Вот эта, где стою один, с усами, я тогда их отрастил для солидности. Когда я ушел на фронт, моего отца забрали в «трудармию» и отправили аж на Урал, где он охранял какие-то рудники. Но когда я ему в первый раз отправил письмо, то послал и эту фотографию. И получил от него ответ: «Письмо твое получил, но ты прислал мне фотографию какого-то незнакомого мужчины…» Всего чуть больше года прошло, а отец родного сына

не узнал…

– Как сложилась ваша жизнь после войны?

– Я демобилизовался из армии в марте сорок седьмого года, приехал в Кишинев, но чем заниматься дальше, даже не представлял. В горкоме комсомола мне помогли устроиться на работу, а через несколько месяцев начались приемные экзамены, и я решил попробовать поступить в «Училище виноградарства и виноделия». Причем меня привлекла даже не специальность, а то, что в этом техникуме хоть как-то кормили и давали обмудирование. Мне удалось поступить, и училище я окончил с отличием всего за три года вместо положенных четырех и пришел на работу в Научно исследовательский институт садоводства, виноградарства и виноделия, в котором и проработал 55 лет. Можно сказать, что специальность я выбрал достаточно случайно, но ни разу потом о своем выборе не пожалел. Вначале я восемь лет был управляющим отделения опытного хозяйства, а после заочного окончания в институте факультета виноградарство и плодоовощеводство стал заниматься наукой, разрабатывал новые виды удобрений. На пенсию я вышел только в 1990 г., но продолжаю работать.

Доктор сельскохозяйственных наук, профессор. Академик «Международной Академии винограда и вина».

Вот уже больше пятидесяти лет я счастливо женат, у нас было два сына… Есть внук, внучка, правнук.

– Часто потом вспоминали войну?

– Конечно, вспоминал ведь столько всего там было пережито… Меня часто приглашали выступать в школах, и я всегда заканчивал свои выступления так: «Желаю вам, чтобы вы никогда не были ветеранами войны, ведь это не игрушки, там людей по-настоящему убивают…»

Окунь Леонид Исаакович

– Родился я 29 декабря 1929 г. в Минске. Наша семья жила на улице Островского, дом № 38, в Кагановическом районе города. Мама работала закройщицей на обувной фабрике им. Тельмана, папа был простым служащим.

У меня были две старшие сестры, Маша и Женя, и брат Заля, который, еще до начала войны, в возрасте 17,5 года призвался в РККА.

После войны я узнал, что брат погиб в боях на Кавказе в 1942 г.

Я учился в средней школе № 1 им. Володарского, до войны вроде успел закончить пять классов. Все мое детство – это игры в «красные и белые», в «разведчиков» и в «пограничника Карацупу».

22 июня 1941-го к десяти часам утра мы пошли на открытие Комсомольского озера. Вдруг вокруг все забегали, говоря шепотом: «Война началась!»

Над городом, на большой высоте, пролетали десятки самолетов, и мы не могли разобрать, чьи это самолеты. Уже 24 июня люди стали бежать из города в сторону Московского шоссе, появились первые зачатки паники. Воздушные тревоги раздавались ежечасно. Гражданское население кинулось грабить магазины. Я, маленький пацаненок, тоже увязался за соседями, которые пошли грабить ближайший продмаг, и даже принес домой ящик с рисом.

Соседи, до войны крепко дружившие с нашей семьей, вдруг стали говорить нам в лицо: «Скоро немцы придут, и мы с вами, с жидами, за все поквитаемся! За все вам отомстим!..»

Я не мог понять, почему дядя Ваня или тетя Маша, которые еще несколько дней тому назад души во мне не чаяли, говорят такие страшные вещи!

Отец со старшей сестрой были в Москве, на декаде белорусской культуры, сестра пела в самодеятельном хоре.

Уже вечером 24 июня 1941-го мы вместе с другими евреями, собрав котомки, пошли на восточный выезд из Минска. А через несколько часов во двор нашего дома заехал грузовик. В нем был мой отец, приехавший из Москвы спасать семью.

Ему кто-то сказал, что мы уже убежали из города. Он собрал несколько стариков-соседей, которые не могли самостоятельно проделать ожидаемый трудный путь, и в кузове машины вывез их из Минска.

Отцу повезло, на машине он успел доехать до Борисова еще до того, как немецкие танки закрыли кольцо окружения.

С отцом я встретился только после войны…

Двадцать пятого июня к нам, бредущим по дороге, навстречу с востока шли толпы беженцев и говорили, что дальше пути нет! Немцы!

Путь на восток был для нас уже отрезан…

И мы вернулись в Минск. Уже на следующий день к нам в дом пришла вся родня из пригорода Серебрянки. Человек десять,

с детьми.

В тот же день я попал под бомбежку на улице Советской, на углу площади Свободы и гостиницы «Европа». Все вокруг было в огне. Металл перекрытий горел и гнулся на моих глазах. Я испытывал глубочайшее потрясение. Шок. Оцепенение. Это было страшное и незабываемое зрелище, от которого нельзя оторвать глаз. Казалось, что я нахожусь в кино. Я даже не успел испугаться. Страха не было. Стоял как загипнотизированный посреди улицы и смотрел на горящие дома и разрывы бомб. После каждой немецкой бомбежки прилетали несколько наших истребителей, но немцев уже в воздухе не было.

28 июня 1941-го на нашей улице уже стояли немецкие танки.

Немцев до этого дня, я, по детской наивности, представлял «с рогами», как в увиденном мной до войны фильме «Александр Невский». А эти были здоровенные немцы, холеные и шикарные, в красивой черной форме.

В тот же день через город начали гнать колонны пленных.

Двое суток непрерывным потоком через нашу улицу шли в колоннах по четыре ряда кадровые военнослужащие РККА. Шли покорно, среди них было много солдат с кровавыми бинтами. Через каждые 70-100 метров по бокам шли немецкие конвоиры, иногда конвоир был с собакой.

В тех, кто пытался подбежать к колонне и передать пленным кусок хлеба, – конвоиры стреляли сразу и без предупреждения.

29 июня 1941-го уже по всему городу были развешаны немецкие листовки, в которых было написано следующее: «Повешены сто жидов в сквере Юбилейный».

Рядом висел немецкий приказ, предписывающий всему мужскому населению Минска от 15 до 45 лет собраться для регистрации в районе Комсомольского озера.

Там уже стояли пулеметные вышки и огороженные колючей проволокой огромные загоны для людей. Немцы искали евреев, командиров и комиссаров РККА.

На отдельном участке разместили молодых мужчин-евреев, которых вскоре всех расстреляли. Комсостав был сконцентрирован на другом участке, их куда-то угнали. Простых красноармейцев отправляли на улицу Широкую, там немцы позже организовали лагерь военнопленных. Гражданских белорусов отпускали по домам.

Люди в загонах могли только лежать на земле. Тех, кто пытался встать без команды, немцы сразу убивали с вышек. Я несколько раз прибегал к этому лагерю. Первый раз в жизни я увидел там, как немец в упор, с расстояния один метр, выстрелил в живот человеку!

Седьмого июля начался первый организованный еврейский погром в Минске. Местные белорусы водили немцев по домам, указывали, где живут евреи, и немцы хладнокровно убивали евреев. В этот день были убиты многие сотни людей.

Это была «акция устрашения». И сколько еще таких «акций» пришлось испытать в дальнейшем… Двадцатого июля вывесили приказ о переходе всех евреев в гетто в течение пяти дней. Объявили, что те евреи, которые будут задержаны после 25 июля 1941-го за пределами гетто, будут немедленно расстреляны.

И дальше шел по пунктам длинный список немецких требований к евреям Минска. В конце каждого пункта была написано: «За невыполнение – расстрел!» За малейшее неповиновение – расстрел…

На углу улиц Шорной и Республиканской уже были построены вышки для охраны, по периметру гетто была натянута колючая проволока и были устроены ворота с двух сторон гетто. Район Немиги. Улицы Зеленая, Юбилейная, часть Танковой и Коллекторной улиц, 2-я Апанская улица и т. д.

Охраняли гетто местные полицаи.

На этом маленьком клочке города собрали 55 000 евреев. Немцы понимали, что такую большую людскую массу при всем своем желании нельзя разместить на таком небольшом участке, но не расширили и не подвинули границы гетто.

Уже в августе в гетто было согнано 80 000 человек. Из-за стремительного наступления немцев на Минск почти никто не успел убежать на восток.

Теснота неописуемая, в маленькой, как кладовка, комнатке, нас жило семь человек. Среди них – моя сестра с грудным ребенком.

Ее муж Петя Гехт не успел призваться в армию и тоже остался с нами.

Евреев обязали носить круглые желтые заплаты, на спине и на груди.

Мне тогда не было еще и двенадцати лет, и все, что происходило в гетто, я видел глазами ребенка. Но сейчас я буду называть точные даты немецких акций по уничтожению гетто, и эти даты достоверные, можете мне смело поверить.

Эти ужасные страшные дни запомнили навсегда и все выжившие узники гетто.

В августе 1941 г. в гетто были проведены три грандиозных облавы на молодых мужчин. Всех схваченных увезли в пригород и расстреляли.

Вскоре был дикий погром, устроенный белорусскими и прибалтийскими полицаями. Они шли по гетто, убивая всех на

своем пути, насилуя женщин.

Этот погром остановился, только когда полицаи устали убивать.

На гетто была наложена огромная контрибуция и захвачены заложники, которые все равно были убиты, даже после того как в гетто собрали контрибуцию.

Периодически в гетто проводились ночные облавы и погромы.

Ночью немцы и полицаи оцепляли определенную улицу, выгоняли всех из домов, сажали в грузовики и вывозили на расстрел. Тогда же в гетто появились машины-душегубки. Евреи стояли по двум сторонам улицы, и немцы отсчитывали по несколько десятков человек и заталкивали несчастных в эти душегубки.

Моя семья как-то попала в такую облаву. Не доходя до нас полсотни человек, немцы закончили загрузку в душегубки. Стало темнеть, и машины выехали из гетто. Единственным выходом выжить во время погромов было создание «схронов», как мы тогда говорили – «малин», всевозможных тайников, в которых могли спрятаться люди во время облав.

Я сделал для нашей семьи и для соседей три таких «малины» в разных домах.

В гетто начался дикий голод. На каждого жителя гетто выдавали эрзац – «хлеб», какая-та смесь с опилками. Давали в день по семьдесят граммов этого «хлеба». Вдруг перестали охотиться за молодыми мужчинами, и через Юденрат предложили мужчинам идти в рабочие команды гетто. Организовали биржу труда.

Многие подумали, что это немецкая уловка, так хотят выявить и добить последних мужчин в гетто, чтобы лишить евреев потенциальных защитников, способных оказать сопротивление немцам.

Но некоторые рискнули, ведь только за пределами гетто можно было раздобыть какую-то провизию на обмене с местными жителями.

Мой зять, Петя Гехт, был столяром, он рискнул и пошел в рабочую команду.

Петя попал на работу в мастерские при гебитскомиссариате, делал фанерные чемоданы для немецких отпускников.

Иногда он брал меня с собой на работу. Командовал всем в этих мастерских фронтовой инвалид, немец по фамилии Штраус. Ходил в зеленой форме с повязкой на рукаве, на которой была написана буква «Z».

В рабочих командах иногда давали поесть баланду! Это было

спасением.

Но нередко, под видом набора в рабочую команду, полицаи собирали несколько сотен человек… и везли на расстрел в Тростянец.

В гетто продолжали массово умирать люди от голода и болезней…

У нас оставались папины сапоги. Семья послала меня обменять сапоги на что-то съестное. Ночью перелез через проволоку в «русский район», и в каком-то доме, в темноте, мне насыпали в платок немного муки за эти сапоги.

Приполз обратно в гетто. Посмотрели и увидели, что вместо муки мне насыпали побелку. Дед кричал на меня, а все остальные плакали…

Рабочие команды немцы стали постепенно уничтожать только в 1942 г., а осенью 1943 г. убили последних несколько тысяч живых узников гетто, бывших в этих командах, и само гетто было окончательно ликвидировано.

7 ноября 1941-го была проведена очередная массовая акция.

Из гетто вывезли 12 000 человек и убили.

20 ноября 1941-го была следующая акция. Схватили 5000 евреев, отвезли сначала в концлагерь на Широкой, а после расстреляли в окрестностях города.

Границы гетто урезали.

Тогда же, в гетто, под видом переселения на «восточные земли» привезли 35 000 немецких евреев, которых мы называли «гамбургскими». Они носили на одежде желтые шестиконечные звезды с надписью JUDE в центре звезды.

Эти люди, в непривычных для нас европейских одеждах, были размещены на отдельном участке, огороженном проволокой в районе улиц Сухой и Обувной, и вскоре уничтожены.

Евреев из рабочих команд расстреливали прямо на месте работы на территории кирпичного завода в 5 км от Минска или в районе торфоразработок на 37 км Московского шоссе, евреев из гетто убивали в Тучинке, в Тростянце…

130 000 евреев из Минского гетто были замучены и расстреляны немецкими извергами и их пособниками…

Мать решила спасти меня. Была уже зима 1941 г. Мать собрала все семейные ценности и через знакомую по довоенной работе на фабрике договорилась с какой-то женщиной, которая за золото якобы занималась спасением еврейских детей, выводила их из города и размещала по белорусским семьям на дальних хуторах. Вечером я переполз через проволоку, и в определенном месте меня ждала эта женщина. Ей я отдал платок с маминими кольцами. Ночью она прятала меня у себя в доме, утром дала

телогрейку и повела в сторону Налибокской пущи. Проходили по пригородной деревне, и играющие на улице дети кричали мне: «Жиденок!» Пошли по лесу. Проводница сказала мне: «Иди вперед, а я тебя догоню!» Я пошел, она потихоньку отставала. Я все время оглядывался назад, и в какой-то момент заметил, что эта женщина исчезла. Она бросила меня в лесу!

После войны выяснилось, что эта тварь никого не прятала, и к партизанам или к крестьянам никого не приводила! Брала золото, выводила маленьких детей в лес и бросала на погибель, на растерзание зверям и полицаям… Хотя для меня звери и полицаи – это одно и то же… Никого из тех, кого матери доверили этой «проводнице», в живых не осталось! Возвращаясь с войны в 1945 г., я специально вез с собой свой «наградной» пистолет, чтобы застрелить эту суку, эту нелюдь, но она куда-то сбежала из Минска с немцами.

Пошел убивать тех, кто подсунул мне побелку вместо муки, но эти сволочи тоже смылись из города в 1944 г.

Так что не довелось мне отомстить этим извергам… Немцам отомстил сполна, а вот этих…

Жалею по сей день, что не расквитался с ними…

Но в тот зимний лень, голодный и замерзший, я шел по лесу и весь дрожал от страха и холода. На какой-то лесной дороге я увидел прямо перед собой волка.

Я опешил, смотрел на него и говорил себе, а может, это собака. И в эту секунду, когда я, леденея от ужаса, не в силах сделать даже один шаг, готовился умереть, на дорогу выехали несколько конников. На шапках-кубанках у них были нашиты поперек красные полосы. Всадники подъехали и спросили меня: «Ты кто?»

Я все о себе рассказал. Один из них посадил меня рядом с собой, на круп коня.

Привезли в деревню, кажется, в Медвежино. Полицаев в деревне не было.

Меня накормили и уложили спать.

Утром спросили: «Мальчик, а ты дорогу назад помнишь?»

У меня сразу навернулись слезы на глазах, я не хотел назад, я хотел жить!.. Партизан, беседовавший со мной, сказал, что я должен им помочь, передать записку с инструкциями в гетто нужному человеку. Добавил, что если меня остановят немцы или полицаи, то я должен эту записку проглотить, чтобы ни в коем случае немцы не прочли текст записки.

Я спросил его: «Дяденька партизан, а как вас зовут?»

Он усмехнулся и ответил: «Зови меня дядя Ваня Иванов».

Так началась моя работа в качестве партизанского связника и

проводника из гетто.

Но я был связан напрямую только с партизанами, а не с подпольем гетто.

Моя мать была связана с руководителями подполья. Связь шла по цепочке, согласно законам конспирации.

– В 1942–1943 гг. немцы уничтожали обитателей гетто так же интенсивно, как и осенью 1941 г.?

– Да. Акции уничтожения продолжались.

Очень много людей погибло в мартовском погроме сорок второго года.

А во время акции 28 июля 1942-го было уничтожено 30 000 евреев гетто.

Рабочие команды задержали за городом на трое суток, а в это время немцы вместе с белорусскими, литовскими и украинскими карателями истребляли евреев в гетто. Тысячи убитых и изуродованных тел лежали на улицах гетто.

Остальных увезли на расстрел в пригороды.

Выживали во время акций только те, кто был в тот день в рабочей команде за пределами гетто или смог укрыться в «малине» и не был найден.

Многими в гетто овладела апатия, у них уже не было сил бороться за выживание, люди ждали смерти как избавления от изуверских мучений, страданий и голода.

Даже некоторые из тех, кто мог бежать, не соглашались бросить своих родных и оставались с ними в гетто, чтобы вместе разделить горькую и трагическую участь.

Да и многие даже просто не представляли, куда бежать.

В двух метрах за пределами гетто их сразу хватали местные белорусы и выдавали евреев немцам на растерзание. За побег еврея из рабочей команды немцы в наказание могли расстрелять всю команду.

Немцы вывезли несколько сотен детей из детского дома гетто и закопали их живьем в землю. Когда детей закапывали, то эсэсовцы ходили над ямой и, смеясь, бросали в нее конфеты…

В мае 1943 г. детей в гетто уже не осталось. Я помню один страшный случай. Перед выходом из гетто из строя рабочей команды раздался детский плач.

В гетто был гестаповец, некто Риббе. Он кинулся в строй и обнаружил, что одна из женщин прячет в заплечном мешке своего пятилетнего сына.

Риббе затоптал сапогами несчастного ребенка насмерть…

В феврале 1943 г. повесили одновременно 250 человек из рабочих команд, а 500 человек вывезли в Тростянец и

расстреляли. А осенью 1943 г. были уничтожены последние несколько тысяч евреев минского гетто из рабочих команд.

– По разным данным, из минского гетто целенаправленно было выведено в леса и непосредственно к партизанам от 500 до 1000 человек. Занимались выводом евреев по различным источникам 20–25 проводников. Но вы из них, наверное, были самым молодым. В различных источниках пишут, что еще примерно 2000–3000 узников бежали из гетто самостоятельно, но большинство из них погибли по дороге в лес. Как происходило спасение людей из гетто?

– Мне посчастливилось вывести из гетто к партизанам примерно пятьдесят человек. Я выводил людей в основном согласно указаниям партизан.

В записке указывалось, человек какой специальности нужен партизанам, а иногда сразу называлась фамилия. Требовали вывести врачей определенной специальности, а также людей, разбирающихся в оружии, бывших солдат РККА и так далее. Один раз я ошибся. Мне сказали вывести из гетто доктора Лившица, я и привел к партизанам женщину, гинеколога, доктора Лившица с двумя детьми, а партизанам был нужен хирург, мужчина, доктор Лившиц. На меня наорали!

И если незадолго до этого случая партизаны дали согласие на то, чтобы я вывел к ним из гетто мать и семью сестры, то из-за этой ошибки со мной в тот день даже не стали снова разговаривать о моей семье.

Коротко отрезали в ответ: «Потом выведешь!» Но это «потом» не наступило…

Кто-то донес полицаям, что я нахожусь в партизанах. Всю мою семью повесили в Юбилейном сквере. Восемь человек из моей семьи на виселицах…

Я пришел в гетто, и люди сказали мне, что все мои висят на виселицах.

Я пришел на место казни и подошел к виселицам, но не нашел в себе силы поднять глаза и увидеть в последний раз лица моих родных, лицо мамы.

Не смог взглянуть, не смог…

Только видел ступни ног в воздухе…

Сколько лет прошло, но как вспомню эти мгновения – слезы меня душат…

Как тяжело жить с этой болью…

– Давайте прервемся на сегодня. Я вижу, как вам сейчас тяжело говорить.

– Давайте продолжим. Я осилю, как-никак бывший разведчик.

Каждый проводник имел свой маршрут и связь с определенной партизанской группой или отрядом. Кто-то с отрядом им. Пархоменко, кто-то, например, как я, с 3-м отрядом им. Суворова Чапаевской бригады и так далее.

После войны я узнал от бывших партизан, что были группы молодых ребят, связанные с подпольщиками гетто, и поскольку у руководителей подполья в гетто Гебелева, Смоляра, Лапидуса, Фельдмана были прямые контакты с партизанским руководством и с главой минских подпольщиков евреем Исаем Казинцом, то эти подготовленные группы, уходившие в лес уже с оружием, сразу направлялись в определенный отряд, заранее зная, что их там ждут.

Выводили из гетто ночью, через заранее приготовленные «лазы» в колючей проволоке.

Немцы и полицаи, охранявшие гетто, часто устраивали засады по периметру…

И многие нарывались на эти засады.

Границы партизанского края проходили в районе деревень Медвежино и Скирмантово, так называемый перевал. Дальше этой «границы» немцы осмеливались заходить только во время карательных операций.

В этих местах находились партизанские дозоры, там же распределяли бежавших евреев по отрядам соединения.

– Как складывалась судьба тех, кто бежал из гетто в одиночку или был выведен в лес проводниками, которые не имели связи с партизанами и подпольем?

– Очень везло тем беглецам из гетто, кто попадал в партизанские отряды, в которых уже было немало евреев, ранее ушедших из гетто с оружием, например в отряд им. Лазо, или в отряд им. Фрунзе, или в 1-й еврейский батальон 208-го партизанского полка.

Больше выживали те, кто вырвался из гетто в 1943 г., когда все было ясно, где немцы, где партизаны, где возьмут еврея в отряд, где нет, а где и убьют.

Но уже к осени 1942 г. почти все гетто в Белоруссии были ликвидированы немцами, а их обитатели расстреляны, задушены, сожжены живьем…

И многие проводники просто выводили людей в леса, где женщины и дети прятались и жили в землянках, погибая от холода, болезней и голода, от полицейской или немецкой, а иногда и от партизанской, пули.

У каждого выжившего из гетто была своя судьба и своя

дорога в лес.

Самое страшное ожидало тех, кто уходил из гетто в конце сорок первого и в начале сорок второго года. Из них погибло подавляющее большинство.

И не только в партизанских отрядах на поле боя или во время немецких и полицейских облав и карательных операций…

Местное население сразу выдавало их немцам, и даже не за обещанный немцами пуд муки или корову.

Даже когда из гетто выходили в леса первые большие вооруженные группы, составленные из молодых комсомольцев и бывших красноармейцев, такие как группы Хаймовича, Лосика, Лапидуса, то из этих групп выживали единицы.

У нас в отряде № 106 было несколько человек из этих групп, я помню их рассказы.

И после войны бывшие партизаны в разговорах между собой говорили правду, как все было на самом деле. То, что творилось в лесах в 1942 г., мало кто знает.

Ведь «классических советских партизан», которых нам показывали в советском кино, в лесах тогда, в первой половине 1942 г., было не так много.

А вот «зеленых» маленьких отрядов по лесам шастало – до черта.

И уголовники-мародеры, любители вольной жизни, и группы польских националистов, и отряды «окруженцев» махновского толка, и группы беглых пленных, выжидавших, что будет дальше. Если кто-то нарывался на таких «партизан», то его судьба зачастую была плачевной. Убивали на месте.

В лучшем случае могли забрать вещи и продукты, а у тех, кто шел с оружием, отобрать и винтовку, и сказать: «Вали отсюда, жиденыш!»

И такое бывало до конца 1942 г. в лесах вокруг Минска и западнее его – довольно часто, и даже в 1943-м подобное явление еще имело место.

После войны я наслушался от партизан-евреев, уходивших в леса в одиночку, об их мытарствах по дороге в отряды и что там в лесах происходило…

И если об этом рассказать правду, то ее будет очень страшно услышать… Человеческая жизнь в лесу не стоила и ломаного гроша, тем более еврейская…

И это – не голословные заявления. Могу привести много примеров с указанием фамилий, дат, названий отрядов. Только кому это сейчас надо…

Есть еще несколько аспектов. Многие евреи бежали из гетто вместе с семьями, а наличие женщин и детей в отрядах

ограничивало мобильность партизан, и такие семьи брали в отряды очень редко и с неохотой.

Далее можно было услышать такое: «Раньше ели одну бульбу, а если всех брать в отряд, то нам останется только вода от бульбы».

Многие отряды в разное время действительно голодали.

Везло только тем беглецам-одиночкам, кто попадал в настоящий «советский» партизанский отряд, но и там судьба у многих складывалась по-разному.

Без оружия во многие отряды вообще не принимали.

И как мне после войны рассказывали выжившие, не дай бог, было попасть, например, в 5-й отряд бригады «Железняк», в отряды Цыганкова или Шашкина, нарваться на польский отряд АК или угодить в определенные отряды 1-й Минской бригады даже в нашей партизанской зоне, которые славились своим негативным отношением к евреям.

Там евреи долго не выживали или воевали, выдавая себя за русских по национальности. Немецкая пропаганда сделала свое дело, и антисемитизмом были полностью заражены некоторые партизанские отряды и бригады…

Были даже отряды, на треть составленные из бывших полицаев и солдат РОА, перешедших на сторону партизан.

Что можно было ожидать от них…

Пословица «Закон – тайга, медведь – прокурор» была переделана в этих отрядах на местный лад…

Даже я, мальчишка-проводник, знал это очень хорошо.

Так что часть партизан спасала евреев, были партизаны, которые убивали евреев, но были и такие отряды, которые относились к евреям и ко всему происходящему с ними с полным равнодушием.

Было все… Очень хорошо относились к евреям партизаны-сибиряки, которых было немало среди бывших окруженцев.

– Я читал исследования Смиловецкого, Мельцера и Иванова по теме «Антисемитизм в партизанских отрядах» и конкретно об отряде № 106… И примеров разного рода там хватает. И тем не менее. Большинство партизан помогали бежавшим из гетто. Именно генерал Чернышов, «товарищ Платон», командующий партизанскими силами, принял решение и издал приказ о создании еврейского семейного отряда № 106 под командованием Семена Зорина с целью спасения еврейского гражданского населения. И многие партизанские отряды в Белоруссии, где «со скрипом», а где с радостью и охотно, но принимали евреев в свои ряды. Тот же Орловский или,

например, Линьков боролись с антисемитизмом в своих отрядах. И судя по некоторым воспоминаниям, например, евреи, командиры партизанских бригад и отрядов Птицын (Фогель), Ганзенко, Марченко, Миранович (Финкельштейн), Никитин (Штейнберг) и другие помогали бежавшим в леса соплеменникам, узникам гетто. А русский партизан Пронягин добровольно принял командование над крупным отдельным отрядом, состоявшим исключительно из евреев.

– Про перечисленных вами комбригов я много не знаю, возможно, так и было, но я лично с этими людьми не общался. Я твердо уверен в одном, что когда эти люди командовали партизанами, то они свою национальность скрывали.

Теперь конкретно по вопросу об истории создания отряда № 106.

Понимаете, в чем тут дело. Да, был приказ Чернышева о спасении в лесах еврейских женщин и детей, и согласно этому приказу, из разных отрядов были выделена для создания и охраны семейного еврейского отряда группа бойцов из 18 человек, хотя, если говорить честно, этот приказ запоздал как минимум на год.

В 1943 г. уже почти некого было спасать, подавляющее большинство евреев в Белоруссии немцы к тому времени уже поубивали…

Все правильно, доброжелательность и смелое решение Чернышева и Дубова спасли жизнь сотням евреев.

Но что предшествовало этим событиям… Я не буду себя называть адъютантом Семена Зорина, но мне пришлось долго быть его личным коноводом и связным, часто находиться рядом с ним, и многое узнать, и многое услышать.

Например, я в разговорах в партизанских землянках неоднократно слышал от старших товарищей другую трактовку истории создания отряда. А дети в моем возрасте впитывают как губка все услышанное от взрослых.

Зорин командовал взводом подрывников в отряде у Семенова.

Иногда пишут, что это был взвод конной разведки, но это были подрывники. Взвод состоял из польских евреев и нескольких молодых ребят из гетто.

Надоело Зорину слышать, как многих беглецов из гетто убивают на дороге в партизанскую зону, и видеть еврейские трупы в лесу, взял Зорин свой взвод и откололся до отряда Семенова, заявив, что он берет под охрану еврейских женщин, стариков и детей, скрывающихся в Налибокской пуще и в Старосельских лесах, а сам выходит из подчинения командования

бригады.

Семенов хотел объявить Зорина «предателем», «зеленым» и «вне закона» и даже начал охоту на зоринский взвод.

Эта история случайно докатилась до Чернышева, он стал разбираться в обстоятельствах и причинах ухода зоринского взвода из отряда, и тогда-то и было принято решение о создании семейного еврейского отряда.

А такой вариант истории о создании отряда № 106 вам не приходилось слышать?

Сейчас вообще не разберешь, что и как было на самом деле…

– Что за человек был Семен Зорин? О нем пишут немало, некоторые рассказы о Зорине похожи на легенду. Например, некоторые партизаны в своих воспоминаниях утверждают, что Семен Зорин был Героем Советского Союза и после войны его этого звания лишили за попытку перехода советско-польской границы в 1946 г. В книге Звягинцева «Трибунал для героев», досконально освещающей вопрос о «бывших» ГСС, нет достоверной информации об этом. Расскажите о Зорине.

– Семен Натанович Зорин был нашим соседом по гетто и ушел в лес в начале 1942 г. В гетто он женился на нашей соседке, которую, кажется, звали Фаней, и одно время тоже жил в домах на улице Островского.

Ему было тогда сорок лет, до войны он работал столяром.

Семен Зорин был отличный командир, и только благодаря его уму и мужеству нас не раздавили каратели.

Зорин был человеком решительным, резким и часто говорил партизанским командирам в лицо, все, что он о них думает, особенно когда наш отряд явно подставляли на гибель во время немецких карательных операций.

Большим дипломатом он не был, одним словом.

Но Зорин был вынужден часто маневрировать со своим отрядом, спасая «семейный лагерь» от немцев, полицаев, польских легионеров и, к сожалению, от отдельных «интернационалистически настроенных» партизанских отрядов, находившихся с нами по соседству. Из Старосельских лесов и из Дзержинского района мы уходили в Налибоки, потом, после очередной немецкой блокады, ушли в Клетище, в Ивенецкий партизанский край.

Зорин устроил несколько запасных лагерей для отряда.

Он сделал все, что мог, чтобы спасти евреев.

Я не слышал, чтобы Зорину присваивали звание ГСС, знаю только, что его хотели представить к этому званию за боевую деятельность в качестве подрывника, но не как командира

«Еврейского семейного отряда».

Но до представления на Звезду Героя дело не дошло, некоторые партизанские руководители не простили Зорину его независимости.

По крайней мере, я не слышал о наградном листе Зорина на звание ГСС.

И после войны власти давили Зорина, как могли, но деталей тех событий я вам рассказывать не буду. «Прессовали» Зорина так, что…

Семен Зорин имел из наград только два ордена Отечественной войны и орден Красной Звезды и партизанскую медаль.

Летом сорок четвертого Зорин потерял в бою ногу и после войны ходил на протезе. Несколько выживших «поляков»-подрывников из зоринского взвода сразу после войны уехали в Израиль и звали своего командира к себе.

В 1971 г. Зорин эмигрировал сюда и через несколько лет умер в почете.

– Какова была численность и структура отряда № 106?

– Отряд делился на боевую роту, в которой к началу 1944 г. было 140 вооруженных бойцов, на хозяйственную роту и на семейный лагерь, в котором было около 500 беженцев из гетто. Отряд полностью состоял из спасшихся минских евреев, бывших городских жителей. В отряде было 150 детей-сирот, для них организовали школу в семейном лагере. В хозяйственной роте и медицинской части отряда было много специалистов, и из многих окрестных бригад к нам обращались за помощью, просили врачей, оружейников, сапожников.

Привозили к нам оружие на ремонт.

Помню, у Зорина был красавец конь по прозвищу Васька, так за него партизаны давали два новых немецких пулемета.

Подрывную диверсионную группу в отряде разрешили организовать только в 1944 г., после долгих и повторных просьб Зорина.

Вся диверсионная деятельность на «железке» проводилась только с разрешения руководства партизанского края, поскольку снабжение минами, взрывчаткой и распределение участков для диверсий на железной дороге шло только через них.

Боевой ротой командовали Копелевич и Тамаркин, а подрывниками были Черняк, Дулец, Тейф, Хейфиц и другие.

Мне приходилось ходить на боевые операции отряда, но в основном я находился или в охранении, или в оцеплении места проведения операции. Как-то постреляли больше двадцати

полицаев, но мне их убивать не дали, сказали: «Молод еще!»

«Своих» немцев я начал убивать, уже служа в разведке.

– Когда вы сказали «подставляли наш отряд», что вы имели в виду?

– Начинается немецкая блокада, карательная операция.

Все соседние бригады, получив информацию из штаба партизанского края, тихо снимаются с мест и заблаговременно уходят из опасного района.

А отряд Зорина никто о карателях не предупреждает…

Такой случай первый раз произошел в Налибоках, в июле 1943 г.

Мы целый месяц метались в кольце блокады, бросив всех коней, коров и даже мешки с какими-то остатками продовольствия, с картошкой и сухарями. Прятались на болотах, детей несли через трясины на руках. Шли по грудь в болотной жиже.

В отдельных местах пилили лес и делали гати до островков на болотах.

Немцы шли цепями, но из-за опасности провалиться в болотную топь каратели сбивались в кучки и шли группами с проводниками-полицаями впереди.

Кому из нас повезло попасть в «зазор» между этими группами, тот и выживал…

Немецкие карательные операции у нас называли «марафоном».

И так отряд подставили еще как минимум два раза.

Последний раз это случилось в июле 1944 г., во время немецкого отступления из-под Минска.

Отряд не предупредили, что к нашей базе идет, как «девятый вал», большая группа немцев.

Хорошо, что передовой дозор заметил немецкую разведку. Боевая рота отряда вступила в схватку. И только когда после долгого и жестокого боя немцы стали отступать, соседняя бригада прислала к нам подкрепление.

– Насколько были опасны для советских партизан польские отряды Армии Крайовой?

– Это были звери. Долгое время они сохраняли определенный «нейтралитет» по отношению к «советским» партизанам, но в 1943 г. очень много партизан погибло от рук этих «аковцев», и с ними началась война.

Польские отряды АК были объявлены «вне закона».

У нас к этим полякам-легионерам, из группы поручика

Нуркевича, известного палача, как-то попали в плен двенадцать человек из отряда. Поляки долго мучили и избивали пленных партизан, а потом расстреляли в лесу. Поляки торопились. Двоих они не успели добить, и эти два человека, раненные, но выжившие при расстреле бойцы, добрались до отряда и рассказали партизанам об этой трагедии.

– Почему к еврейскому семейному отряду Бельского белорусские партизаны относились лучше, чем к отряду Зорина? Я понимаю, что вы тогда были четырнадцатилетним подростком и не могли знать всех нюансов и хитросплетений в отношениях между партизанами. Но вам довелось много общаться с бойцами из других отрядов, и я думаю, что со временем вы составили свое твердое мнение по этому вопросу.

– Я же вам сказал, что Зорин был человеком прямым, честным и резким, говорил правду в лицо, а очень многим партизанским командирам не всегда это нравилось.

А по поводу Бельского… Отряд Анатолия (Тувьи) Бельского был создан в 1942 г. четырьмя братьями Бельскими, бежавшими во время расстрела евреев в новогрудском гетто. Отряд сначала состоял из 17 человек. Отряд Бельского считался «польским», поскольку был полностью сформирован из «западников», польских евреев из Западной Белоруссии, которую присоединили к СССР только за два года до начала войны. В отряде Бельского был семейный лагерь на 800 человек, женщин и детей, и очень сильные боевые и диверсионные группы, в общей сложности примерно 500 партизан-бойцов.

Подрывники Бельского вообще считались асами диверсий и пользовались большим уважением и авторитетом в партизанской среде.

Никто из «местных партизан» не рисковал связываться с отрядом Бельского, поскольку «польский отряд» никому ничего не прощал и мог, если надо, в одно мгновение поставить под ружье полтысячи беспощадных бойцов и вступить в бой с любой «советской» партизанской бригадой при малейшем намеке на агрессивный выпад в свой адрес. Комиссары в отряде Бельского были частью «общепринятой декорации», и не более…

И хотя, как мне рассказывали бойцы из этого отряда, Анатолий Бельский умел поддерживать хорошие и ровные отношения со всеми партизанами в округе, но Бельского определенно боялись…

У отряда Бельского были «острые зубы» и отборные ребята-головорезы, польские евреи, не отличавшиеся лишней сентиментальностью.

Так что «зеленые», отряды казаков и просто «красные» партизаны были обязаны прежде подумать, а стоит ли им грабить продовольствие у отряда Бельского или убивать по-тихому его партизан или евреев из семейного лагеря Тувьи Бельского.

И примеры, как партизаны Бельского «воспитывали» своих «лесных соседей», у меня хорошо сохранились в памяти…

Или, если есть желание, я вас познакомлю с бывшим подрывником из этого отряда. Этому человеку можно верить, и если он захочет, то расскажет, как это было…

Отряд Бельского ставил перед собой две конкретные задачи – спасать еврейское гражданское население и уничтожать немцев и полицаев – и сметал на своем пути всех, кто как-то мешал ему осуществлять эти задачи.

В конце войны почти все партизаны Бельского ушли в Польшу, в СССР из состава его отряда имени Калинина мало кто остался.

Вообще, правду о партизанской войне в Западной Белоруссии до сих пор мало кто знает. И, наверное, уже не узнает никогда…

Даже я стал сейчас многое забывать из тех страшных событий…

– Как поступали в вашем зоринском отряде с пленными немцами и полицаями?

– На куски разрывали, забивали насмерть. Даже пули на них не тратили.

Но полицейского начальника, палача и изверга Мазуркевича, взятого в плен нашей разведкой, расстреливали на глазах у всего отряда, по приговору суда.

Вот вы мне сейчас рассказали, что когда в бою 6 июля 1944-го, у хутора Борки, отряд № 106 взял в плен пару десятков немцев, то их не убили, а передали в штаб партизанского соединения.

Не знаю, так ли это. Вряд ли… Надо спросить у других партизан отряда № 106.

Я не думаю, что такое могло произойти в нашем отряде, мы немцев в живых никогда не оставляли. Скорее всего, этих немцев там же растерзали после боя… Тем более в том бою отряд понес серьезные потери, а Зорин был тяжело ранен.

Сам я в этом бою не участвовал, поскольку был уже в Красной Армии.

– Как вы попали в армию?

– В 1944 г., со стороны партизанского аэродрома, к нам в отряд пришли три человека в десантных комбинезонах. Зашли в

землянку к Зорину, я как раз находился рядом с командиром. Десантники сказали, что они – разведчики Красной Армии и что они ищут одну партизанскую бригаду.

Спросили у Зорина, может ли он дать им проводника.

Я имел весьма смутное примерное представление, где сейчас находится эта бригада, но смело заявил: «Я знаю дорогу!» Зорин приказал мне заткнуться, и я выскочил из землянки. Они еще долго что-то там обсуждали, после ко мне вышел Зорин и сказал: «Отведешь их, куда скажут». И я пошел с десантниками.

Вскоре в лесу мы встретили еще пять человек из этой группы.

Они были в советской форме с погонами, с автоматами ППШ.

Я не верил такому счастью, не верил, что наши войска скоро придут в Налибоки и кончатся наши страдания.

Отвел их в нужную бригаду, там мне дали место в землянке, сказали: «Отдыхай!» Вокруг землянки крутились несколько моих сверстников из этой бригады и, смеясь, дразнили меня: «Жид!»

Утром десантники засобирались в обратную дорогу.

Я подскочил к старшему из разведчиков по имени Павел и стал его умолять: «Возьмите меня с собой! Я сирота! Я умею хорошо стрелять!»

Павел посовещался с своими разведчиками, и они согласились.

Через несколько дней мы перешли линию фронта.

В этой разведгруппе было два человека из полковой разведки 563-го стрелкового полка 153-й стрелковой дивизии. Это 50-я армия.

Я увязался за ними. Но в штабе полка не знали, что со мной делать!

Со мной долго беседовали два офицера. Я все время повторял им: «Хочу воевать, возьмите меня к себе, я сирота. Стреляю лучше любого снайпера. Вы проверьте!» И меня оставили в полку. Сначала я попал в роту автоматчиков. Дивизия стояла в ближнем тылу и принимала пополнение, а нашу роту послали в первую траншею в пехотных порядках. Перебегали с места на место и, не жалея патронов, постреливали по немцам, создавая у них впечатление, что передовые траншеи полны народа. Потом меня забрали в разведвзвод полка, оформили все документы. Подогнали форму под мой рост, нашлись и сапоги по размеру. Но в разведпоиски я ходил в ботинках, сапоги мешали ползать на передовой, слетали с моей ноги.

Я был безумно рад, что меня оставили на фронте.

Был нацелен на месть, и только на месть.

И убивая очередного врага, нажимая на курок автомата, всегда говорил шепотом: «Этого – за маму! Этого – за сестру!

Этого – за брата!»

Убивал за каждого своего родственника, загубленного фашистами.

И по этому списку погибших во время войны я прошел несколько раз.

И уложил я навеки в сырую землю несколько хороших десятков немцев, но, когда война закончилась, я еще долго переживал, что мало их убил, и хотел воевать дальше…

– За что вы получили свой первый орден Славы?

– Была дневная разведка боем, и нас, разведчиков, послали в атаку, вскрывать огневые точки противника. Так получилось, что три разведчика, включая меня, успешно проскочили первую линию немецких позиций.

Залегли в кустарнике. Два разведчика ушли вперед, сказав мне: «Ленька! Жди нас здесь!» Я долго ждал своих товарищей… Увидел в траншее немецкую землянку, там шла пьянка. Решил подорвать их гранатой и пополз к землянке. Вдруг из нее выходит здоровый высокий пьяный немецкий офицер и, напевая песню, останавливается в окопчике, в ответвлении траншеи. Решил немец пописать. Окопчик был узкий и неглубокий, немцу по грудь. Первой мыслью было застрелить офицера, но я подполз поближе и со всей силы врезал немцу прикладом автомата по голове. Он обмяк и упал на корточки. Я залез в этот окопчик, подсел под немца и с огромным трудом вытолкнул его наверх.

Никто на немецкой линии обороны не всполошился, меня не заметили…

И хоть откормили меня разведчики, но три голодных года в оккупации не дали мне достаточно вырасти, и внешне я выглядел ребенком.

А где ребенок возьмет силы, чтобы утянуть немецкую тушу весом за сто килограммов?

Снял свой ремень, зацепил его за немецкий и поволок «языка» к своим.

Тащил его по «нейтралке» метров триста, а дальше меня заметили ребята, поползли мне навстречу, и разведчики из нашего взвода помогли дотащить пленного.

Когда они увидели, что пленный «язык» – офицер, то кинулись меня обнимать, ласково приговаривая: «Вот жиденок! Вот молодец! Вот учудил!»

Но через пару дней в следующем поиске меня ранило.

Пошли в поиск семь человек. На подходе к немецким позициям нашу группу обнаружили и расстреляли из пулеметов.

Я получил пулю в живот, и когда меня вытаскивали к своим,

еще одна пуля ударила меня в спину. Орден Славы 3-й степени мне вручили уже после возвращения из госпиталя.

– В конце ноября 1944 года вас наградили вторым орденом Славы. За что вы были удостоены этой награды?

– В Польше шел штурм немецкой высоты. Наступали всем полком, вместе со знаменем. Полковую разведку тоже кинули в атаку в первой цепи. Немцы вели жуткий огонь, головы не поднять. Увидел, что убило знаменосца, и он рухнул на землю вместе со стягом. Ничего толком не осознавая и не понимая, руководствуясь каким-то инстинктивным порывом, подбежал к убитому, подхватил знамя и пошел вперед. Все кричали мне: «Леня! Ложись!»

Но я шел во весь рост. Было какое-то состояние полной отрешенности, я не думал ни о смерти, ни о чем другом.

Получил разрывную пулю в правое бедро. С поля боя меня вытащили.

Лежал в госпитале в Августове.

Белые черви выползали из-под моего гипса на ноге…

– О третьем ордене Славы не мечтали?

– Когда в госпитале лежал, мне все бойцы говорили: «Пацан, давай быстрей на фронт возвращайся! Добудешь себе в бою третью Славу!»

Но разве я тогда думал о наградах? Я в основном о еде думал, все время ходил и грыз сухари. Пить и курить я не любил, хотя в разведке этому быстро научили. Мне шоколадка или кусок сахара были важнее любого ордена.

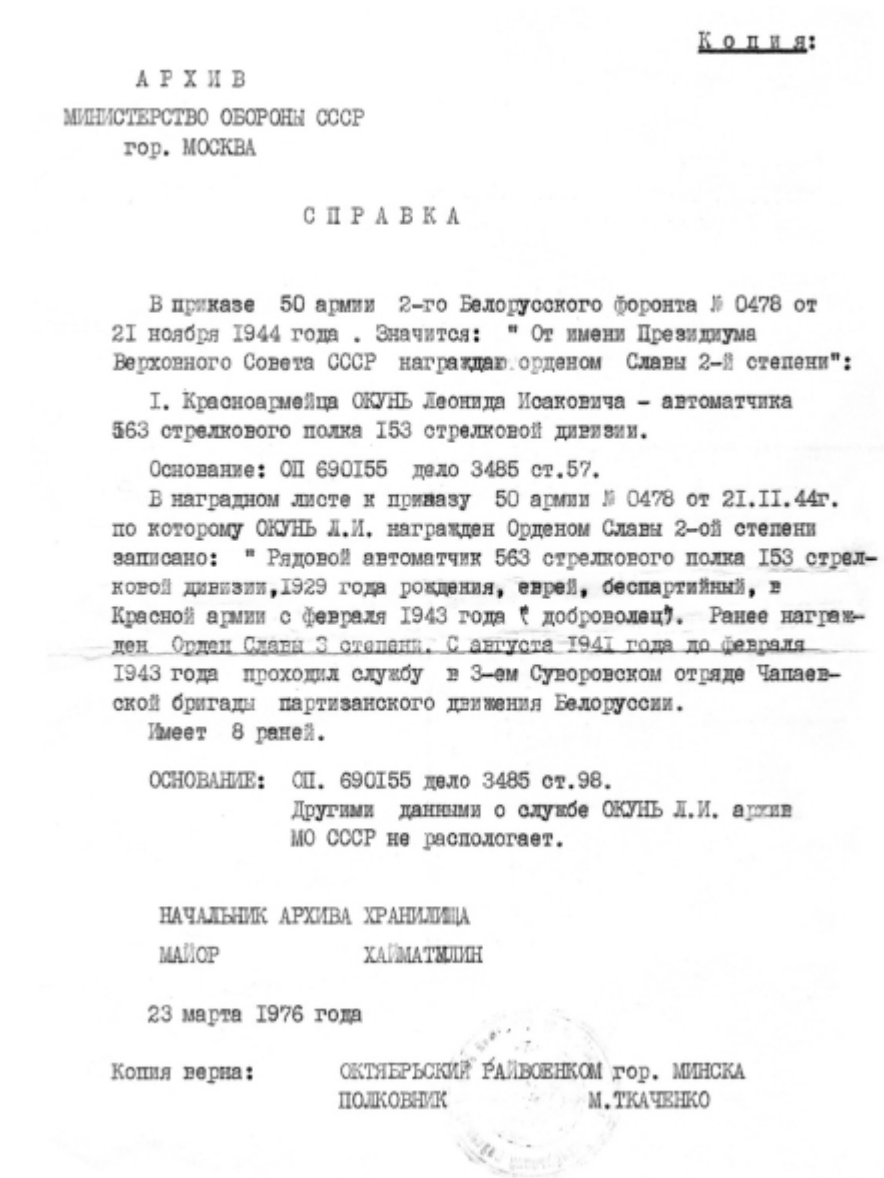
Или когда подходил ко мне командир полка и ласково гладил по голове, то для меня это было высшей наградой.

Возможно, я бы успел заслужить в разведке третий орден Славы, но в начале марта я получил в разведпоиске пулевое ранение, снова в живот, вдобавок тяжелейшую контузию и перелом основания черепа. Десять дней я лежал в госпитале без сознания и без движения, мне сделали спинномозговую пункцию, это помогло, и я ожил… Далее последовала череда госпиталей, привезли меня в Минск, и я вышел из минского госпиталя инвалидом, уже осенью 1945 г. Война закончилась…

– В знаменитой и правдивой книге Григория Смоляра «Народные мстители», изданной в Минске еще в 1947 г., сразу после войны, написано, что на фронте, в разведке, вы также были представлены к орденам Красного Знамени и Красной Звезды. Почему вы не получили эти награды?

– Понятия не имею, почему не получил.

У меня на руках были документы, справки, отпечатанные на папиросной бумаге, в которых было написано, что я представлен к этим орденам.



Копия:

АРХИВ
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ СССР
гор. МОСКВА

СПРАВКА

В приказе 50 армии 2-го Белорусского фронта № 0478 от 21 ноября 1944 года . Значится: " От имени Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Славы 2-й степени":

I. Красноармейца ОКУНЬ Леонида Исаковича - автоматчика 563 стрелкового полка 153 стрелковой дивизии.

Основание: ОП 690155 дело 3485 ст.57.

В наградном листе к приказу 50 армии № 0478 от 21.11.44г. по которому ОКУНЬ Л.И. награжден Орденом Славы 2-ой степени записано: " Рядовой автоматчик 563 стрелкового полка 153 стрелковой дивизии, 1929 года рождения, еврей, беспартийный, в Красной армии с февраля 1943 года (доброволец). Ранее награжден Орден Славы 3 степени. С августа 1941 года до февраля 1943 года проходил службу в 3-ем Суворовском отряде Чапаевской бригады партизанского движения Белоруссии.

Имеет 8 ранений.

ОСНОВАНИЕ: ОП. 690155 дело 3485 ст.98.
Другими данными о службе ОКУНЬ Л.И. архив МО СССР не располагает.

НАЧАЛЬНИК АРХИВА ХРАНИЛИЩА
МАЙОР ХАЙМАТМЛИН

23 марта 1976 года

Копия верна: ОКТЯБРЬСКИЙ РАЙВОЕНКОМ гор. МИНСКА
ПОЛКОВНИК М.ТКАЧЕНКО

Со временем текст на этих бумажках стерся, а через несколько лет и сами бумажки превратились в труху. После войны я ушел юнгой на флот и считай что забыл, что мне причитаются еще два ордена.

На флоте, например, никого чьи-то награды или прошлые фронтовые заслуги не впечатляли. Я даже не говорил никому в экипаже своего тральщика, что воевал на фронте и чем-то за это отмечен.

И после демобилизации с флота я не стал интересоваться судьбой этих наградных листов.

И правильно сделал, меньше нервы себе потрепал…

– Есть еще несколько вопросов по разведке. Какой поиск для вас самый памятный?

– Осень сорок четвертого. Поползли за «языком» вдвоем, вместе с сержантом. Тьма кромешная. Сначала было тихо. На «нейтралке» заметили в десяти метрах немца, ползущего в нашу сторону, «засекли» его, одним словом. Подразнил немца автоматной очередью в ногу и вместе с сержантом набросились на него, заломали, как березку. На мою автоматную очередь отреагировал открытием огня весь немецкий передний край. Переждали сильнейший немецкий огонь по нейтральной полосе и утащили немца к себе.

Оказался «коллега», разведчик. А такой «язык» считался почетным.

– В глубокую разведку в немецкий тыл ваш разведвзвод тоже направляли?

– Один раз нашу группу во главе со старшим лейтенантом Ивановым отправили в «глубокую разведку» в немецкий тыл, с заданием изучить дислокацию немецких полевых и тыловых частей. Нам в группу дали радиста из разведотдела армии. Вернулись назад только на пятый день. Уже на подходе к своей траншее немцы нас заметили и обстреляли из всех мыслимых видов оружия. Меня ранило осколком. Ребята положили меня на плащ-палатку и вынесли к своим. Но это ранение было легким, и вскоре я вернулся в свой взвод.

– Опыт партизанской войны как-то пригодился вам во время службы в разведке?

– Конечно. Без сомнений. Партизанский опыт мне очень пригодился. Например, я научился наблюдать и видеть то, что другие не могли заметить на переднем крае немцев. Где-то куст «растет» как-то странно, ветки раздвинуты неестественно «в сторону» и так далее. Появилось хорошее чутье разведчика.

Я почти безошибочно определял, где нас ждут в засаде немецкие пулеметчики. Хорошо ориентировался на любой местности, умел грамотно маскироваться.

И еще в партизанском отряде меня научили стрелять без промаха.

А это очень важное качество.

– Когда вы уже служили в армии, то пленных немцев вы расстреливали или доводили до штабов живыми?

– Я в армии не убивал пленных после боя. Я их на поле боя достаточно на тот свет отправил, так зачем мне было еще пленных убивать.

Жестоким зверем я так и не стал, но убивал всегда твердой рукой.

Хотя после всего перенесенного в гетто, после всех кровавых кошмаров, увиденных мною в оккупации, мое сердце должно было ожесточиться до предела.

Был только один случай в конце сорок четвертого года.

Наш разведвзвод, а это меньше двадцати человек, конвоировал в тыл большую группу немцев, примерно шестьдесят фрицев. Вдруг кругом стрельба, со всех сторон. Немцы прорвали фронт. Большая часть пленных кинулась на нас, остальные побежали врассыпную.

Пришлось нам стрелять из автоматов на поражение.

– Товарищи по взводу не «посмеивались» над вашим юным возрастом?

– Один случай вспоминаю с улыбкой.

Стояли в деревне Подгури, в Польше. В доме, напоминавшем древний замок, разместились девять бойцов нашего взвода. Они пошли отдыхать, а меня оставили охранять дом. Светило солнышко, сидя с автоматом в руках на скамейке, я разомлел и «закемарил».

На крыльцо вышли покурить несколько наших разведчиков, увидели, что я заснул, и начали надо мной смеяться, мол, доверили пацаненку-малолетке пост, а он… Я обиделся на эти «подначки», психанул, самовольно покинул расположение взвода и ушел из деревни…

По дороге навстречу мне бежала местная полячка с ближайшего хутора.

Она сказала, что в сарае на хуторе прячутся немцы-окруженцы.

Вернулся в деревню, позвал ребят с собой. Пошли на хутор втроем. Залегли на подступах и ползком двинулись к строениям. Дополз до угла дома. Заметил на крыше, покрытой соломой, какое-то секундное странное движение.

Взял пониже прицел и прострочил эту крышу длинной

очередью на полдиска. Четверых немцев сразу задел, включая офицера.

Офицеру пуля попала прямо в голову. Я радовался.

А все начиналось с того, что я «немножко заснул на посту»…

– Ваша национальность как-то влияла на отношение солдат к вам во время службы в РККА?

– В армии, на передовой, национальный вопрос не стоял так остро, как в партизанских отрядах или в тылу.

Нет, в армии в этом аспекте было сносно. Так, по мелочам, несколько раз случалось. Но в основном ко мне было отличное отношение, все видели – воюет парнишка-еврей в разведке, убивает врагов, весь изранен.

Какие тогда могли быть ко мне претензии?

Я считаю, что солдаты из Средней Азии в армии не меньше евреев страдали от насмешек и шовинистских высказываний отдельных солдат и офицеров.

– Как часто разведвзвод полка посылали на разведку боем?

– Мне довелось участвовать в разведке боем, кроме того случая с «языком» – офицером, всего два раза… Смешно сказал – «всего два раза»…

Только после войны, вспоминая эти разведки боем, я понял, что выжил чудом в этих «всего два раза».

В одну из этих разведок боем нас кинули вместе со стрелковой ротой. Человек 70 стрелков поднялись цепью в атаку и пошли в полный рост.

Разведчики двигались чуть позади пехотной цепи.

А потом…

– Какие-то приметы, суеверия были в вашем взводе разведки?

– У каждого разведчика были свои приметы, а у многих и свои личные обереги-талисманы.

У меня например был нож-«амулет». Клинок хорошей стали с деревянной ручкой. На рукояти кольцо.

Когда ползешь, втыкаешь этот нож, как штык, в землю, и «подтягиваешься» вперед на такой опоре. Ребята называли мой нож – «охотничий».

И я свято верил, что пока этот нож со мной – меня не убьют на войне.

– Вы являетесь самым молодым кавалером ордена Славы?

– Нет. Рядом со мной живет Макс Привлер, награжденный

орденом Славы 3-й степени. Привлер 1931 года рождения. Трижды его расстреливали немцы, но он выживал и выползал из расстрельных ям.

Он воевал под именем Юрко Яремчук в разведке 211-й СД, а после служил в отдельной разведгруппе в 1-й гвардейской армии, получая разведывательные задания лично от командарма Гречко.

Наверное, в России есть кавалеры ордена Славы и моложе Привлера, я точно не знаю.

– После демобилизации из армии как складывалась ваша жизнь?

– Я не мог привыкнуть и адаптироваться к мирной жизни, я хотел воевать.

Пришел в школу, надо же было как-то наверстать пропущенные из-за войны пять лет учебы. Меня посадили за парту в пятый класс, среди малых детей.

Но я забыл, я просто разучился в гетто и в отряде читать и писать.

И после контузий мне ничего не лезло в голову. Мне предложили перейти в четвертый класс, мол, может, там будет полегче учиться.

Вскоре увидел объявление о наборе в школу юнг в Лиепае (Либаве). Я понимал, что с моими ранениями, среди которых четыре тяжелых, я не смогу пройти медицинскую комиссию при отборе в эту школу. У меня был товарищ, Абельсон, из бывших партизан, на пару лет меня постарше. Мы были с ним внешне похожи.

Абельсон прошел медкомиссию вместо меня по моим документам.

Школа юнг давала подготовку на уровне ПТУ.

Я попал в группу подготовки электриков для службы в БЧ-5. Первый год мы занимались в основном в учебных классах. Второй год учебы считался практикой на кораблях, и мы все время проводили в море.

Дальше я служил два с половиной года на тральщике № 703 на Балтике.

Это были корабли, так называемые угольщики – 700 тонн.

Месяцами мы находились в море, траля старые минные поля, и только по два дня в месяц проводили на берегу. Мне нравилась моя служба, я наслаждался опасностью, постоянно сопровождавшей нашу работу.

Но от тяжелых условий службы у меня открылись фронтовые раны, и меня списали на берег. Потом, на медобследовании во флотском госпитале, обнаружили вдобавок язву желудка, и

комиссовали с флота.

Пришлось снова начинать жизнь с нуля.

Вернулся в Минск, пошел работать электриком, закончил Московский энергетический институт и свыше двадцати лет проработал главным энергетиком завода.

А потом снова сделал резкий поворот в своей жизни.

Ушел работать заведующим постановочной части в Минский театр оперы и балета, оформлял спектакли и в драматическом театре имени Янки Купалы.

В начале девяностых годов я покинул Белоруссию и переехал жить в Израиль.